132 5/44

ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ
(1842—1870 ГОДЫ).

П. Знаменскаго.

Библіотеки Казанской Духовной Академіи.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892 г.

ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 ГОДЫ).

БИБЛІОТЕКИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

П. Знаменскаго.

№ Инв. 132 5/44.
№ Хр. Кат. 4429б
Б. К. Д. А.

5

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1892 г.

Печатать дозволяется. Ректоръ Академіи протоіерей А. Владимірскій.

ИСТОРІЯ

КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 годы).

Выпускъ III.

БИБЛІОТЕКИ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ III ВЫПУСКА.

III.

Часть экономическая.

	Стран.
Общія свѣдѣнія относительно штатныхъ средствъ академіи и движенія ея экономическихъ суммъ	1— 5

I) Помѣщеніе академіи, ея обстановка и содержаніе дома.

Помѣщеніе академіи въ Спасскомъ монастырѣ. Расходы по ея первоначальному обзаведенію. Заботы о приготовленіи новаго для нея помѣщенія въ виду поступленія въ нее втораго курса. Квартира академіи въ домѣ Мельниковыхъ. Обзаведеніе новыми предметами домоваго хозяйства. Домовая академическая церковь . .	6— 27
Дѣло о пріобрѣтеніи академіею мѣста для постройки собственныхъ зданій. Закладка зданія. Строительный комитетъ и его дѣятельность по постройкѣ главнаго академическаго корпуса. Постройка наставническихъ флигелей и др. зданій. Закрытіе комитета въ 1852 г. Послѣдующія пристройки, передѣлки и ремонты въ академическихъ зданіяхъ	27—54
Обзаведеніе собственныхъ зданій академіи. Обстановка ея помѣщеній Ихъ содержаніе. Упадокъ благоустройства. Отзывъ объ этомъ ректора Никанора. Содержаніе академической церкви. .	54—71
Прислуга. Отопленіе, освѣщеніе зданій, конюшня и проч. Общій ходъ академической экономіи по содержанію дома. Возрастаніе дефицитовъ по домовой статьѣ. Критическое ея положеніе.	71—93

II) Содержаніе студентовъ.

Содержаніе студентовъ пищею. Расписаніе обѣдовъ и ужиновъ. Нормальное расписаніе, составленное проф. Гусевымъ. Содержаніе одеждою. Возрастаніе дефицитовъ по студенческой статьѣ. Критическое положеніе академической экономіи. Единовременное пособіе отъ Св. Синода. Продолженіе кризиса и полный упадокъ экономіи предъ введеніемъ новыхъ штатовъ для академій . . . *Стран.* 93—121

IV.

Жизнь студентовъ.

I) Поступленіе въ академію.

Вызовъ студентовъ въ академію. Волонтеры. Условія для пріема студентовъ въ академію. Пріемные экзамены. Ихъ результаты. Замѣчанія семинарскимъ начальствамъ за неуспѣшныхъ студентовъ. Пониженіе требованій отъ поступающихъ въ академію въ 1860-хъ годахъ 123—146

II) Жизнь студентовъ съ нравственной стороны.

Студенческое общежитіе. Землячество. Крѣпость товарищескихъ узъ. Общее направленіе студенческой жизни. Жизнь студентовъ I курса до введенія дисциплины. Лица, выдававшіяся въ кругу студентовъ. Введеніе дисциплины при р. Григоріи. Дисциплинарныя мѣры и исключенія разныхъ неудобныхъ студентовъ 146—161

Характеръ прежней дисциплины въ академіи. Старшіе и ихъ инструкція. Обыденная жизнь студента академіи съ дисциплинарной ея обстановкой, общими молитвами, общимъ столомъ, лекціями, домашними занятіями и увеселеніями въ часы отдыха. Препровожденіе времени праздниковъ и нѣкоторые особенные праздничные обычаи. Рекреаціи. Выходы изъ академіи въ городъ. Замкнутость студенческой жизни и ея слѣдствія. Вакаты 161—197

	Стран.
Постепенное ослабленіе старой дисциплины со второй половины 1850-хъ годовъ. Переходное время. Жизнь студентовъ при ректорѣ Агаѳангелѣ и инспекторахъ Серафимѣ и Ѳеодорѣ. Болѣе свободный выходъ изъ академіи. Знакомства въ обществѣ. Эстетическія развлеченія. Усиленіе послабленій въ дисциплинѣ при ректор. Іоаннѣ. Студенческія волненія. Жизнь студентовъ до 1860 г.	198—214
Упадокъ дисциплины съ 1860 г. Отзывъ о состояніи академіи слѣдователей по дѣлу о Бездиинской панихидѣ. Болѣзненныя явленія въ жизни студентовъ. Добрыя ея стороны. Корпоративныя студенческія учрежденія. Ректорство архим. Иннокентія. Бѣгство студентовъ изъ академіи. Еще большій упадокъ дисциплины. Начало обновленія въ студенческой жизни при архим. Владимірѣ и ректор. Никанорѣ	214—235

III) Учебныя занятія студентовъ.

Занятія студентовъ и характеръ ихъ образованія въ первое время академіи. Занятія послѣ полной организаціи академическихъ курсовъ. Занятія лекціями. Любимыя лекціи. Свобода лекцій. Письменныя работы. Ихъ количество, характеръ и значеніе. Проповѣди	235—262
Домашнія занятія студентовъ, чтеніе, ученые споры. Разныя направленія студенческихъ занятій. Теоретическое направленіе первыхъ курсовъ. Направленіе литературное. Изученіе языковъ. Развитіе и преобладающее значеніе историческаго направленія съ конца 1850-хъ годовъ. Богословско-философскія занятія въ 1860-хъ годахъ. Естественно-научный диллетантизмъ	262—289
Пріемы оцѣнки студенческихъ успѣховъ. Книга успѣховъ. Приватныя собранія академической корпораціи. Экзамены. Ихъ производство при разныхъ ректорахъ и преосвященныхъ. Способы облегченія экзаменовъ для студентовъ. Экзаменскія сочиненія. Публичные экзамены. Составленіе разрядныхъ списковъ. Переводъ студентовъ въ старшее отдѣленіе.	289—306

Выпускъ студентовъ изъ академіи. Курсовыя сочиненія на степени. Темы для сочиненій. Занятія ими студентовъ. Срокъ подачи сочиненій. Ихъ разсмотрѣніе и удостоеніе степеней конференціею. Перемѣны въ удостоеніи степенями при ректор. Іоаннѣ. Синодальное утвержденіе степеней. Судьба сочиненій, писанныхъ на степени . . . *Стран.* 306—336

IV) Выходъ изъ академіи и дальнѣйшая судьба студентовъ.

Студенты, не кончившіе полнаго курса. Подписки съ оканчивавшихъ курсъ о поступленіи въ духовное вѣдомство. Распредѣленіе кончившихъ курсъ на мѣста службы. Утвержденіе высшей власти. Произволъ въ назначеніяхъ на мѣста ректора Іоанна. Уклоненія студентовъ отъ назначеній. Взыски денегъ за обученіе въ академіи. Введеніе новыхъ порядковъ при поступленіи студентовъ на службу 336—352

Списки студентовъ, кончившихъ курсъ за 1846 — 1870 годы, съ обозначеніемъ ихъ судьбы и ученыхъ трудовъ 353—444

Алфавитный указатель именъ 445—466

Библіотеки Казанской Духовной Академіи.

III.

ЧАСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ.

Первоначальный штатъ академіи простирался до 21,956 руб. въ годъ. Изъ нихъ, по приведенному выше положенію, 9458 руб. назначено было на содержаніе личнаго состава съ присовокупленіемъ къ тому 460 руб. на жалованье письмоводителямъ и 450 р. на жалованье особому, только въ 1840-хъ годахъ явившемуся чину подъ именемъ смотрителя зданій; на канцелярскіе расходы назначено 200 р.; по управленію округомъ на проѣздъ ревизоровъ 715 р.; на библіотеку и кабинеты 572 р. и на выписку журналовъ 72 руб. Остальная сумма раздѣлялась на статьи по содержанію дома 3500 руб., по содержанію больницы и покупкѣ медикаментовъ 430 р. и на содержаніе студентовъ пищею и одеждою 6000 руб. (по 100 р. въ годъ на человѣка). Штатъ этотъ съ годами нѣсколько измѣнялся. Первое увеличеніе его послѣдовало въ 1856 г. вслѣдствіе открытія миссіонерскихъ отдѣленій, которыя потребовали прибавленія въ числѣ каѳедръ; по Высочайшему повелѣнію отъ 27 октября 1856 г. прежнее число каѳедръ съ 14 увеличено до 18 и, кромѣ того, для миссіонерскихъ отдѣленій дозволено опредѣлить до двухъ ординарныхъ профессоровъ и до четырехъ баккалавровъ,—сообразно съ этимъ увеличена была и сумма, расходовавшаяся на содержаніе личнаго состава академіи. Тогда же открыты при отдѣленіяхъ двѣ лекторскихъ или практикантскихъ должности, но съ вознагражденіемъ за нихъ изъ экономическихъ суммъ самой академіи. Прибавка 1864 г. къ жалованью наставниковъ увеличила штатную сумму на личный составъ еще 2549 руб. 70 ко-

пѣйками. Послѣдовавшее за тѣмъ новое увеличеніе жалованья наставниковъ сначала оплачивалось изъ аренды семинарскаго дома и только съ 1867 г. пало на счетъ духовно-учебнаго капитала. По другимъ статьямъ увеличеніе штатной суммы послѣдовало въ 1865 г. по одному содержанію дома: вмѣсто 3500 руб. положено выдавать на эту статью до 5000 руб.

Изъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ высылалась обыкновенно только половина штатнаго оклада на второе полугодіе каждаго года, а другая половина денегъ на первое полугодіе получалась изъ свѣчныхъ доходовъ Казанской и Симбирской епархій чрезъ консисторіи, съ 1865 г. еще изъ тѣхъ же доходовъ Самарской и Кавказской епархій. Въ 1865 г. на содержаніе академіи взято было 14417 р. экономическаго капитала казанской семинаріи (¹). На первое полугодіе деньги, шедшія изъ разныхъ мѣстъ, не приходили иногда такъ долго, что на январь и даже на февраль мѣсяцъ правленіе должно было дѣлать для своихъ расходовъ займы; въ этихъ случаяхъ оно прибѣгало обыкновенно къ редакціи Православнаго Собесѣдника. По полученіи денегъ оно немедленно разверстывало ихъ по статьямъ и расходовало, ведя согласно уставу особый счетъ по каждой статьѣ и на каждый случай перевода расходовъ изъ одной статьи въ другую испрашивая особое разрѣшеніе отъ высшаго начальства. Вся экономическая дѣятельность его совершалась подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ мѣстнаго преосвященнаго и подъ высшимъ контролемъ хозяйственнаго управленія при Св. Синодѣ. Ежегодно по всѣмъ операціямъ экономіи составлялся общій отчетъ и разсматривался особымъ комитетомъ изъ троихъ духовныхъ лицъ, назначавшихся преосвященнымъ, которые ревизовали и состояніе самой экономіи, ея кассу и документы. Въ разные годы описываемаго времени членами этого комитета были протоіереи В. П. Вишневскій, А. Н. Іорданскій, священники А. Г. Ласточкинъ, А. Д. Ясницкій, Н. И. Муратовскій и нѣкоторые другіе; при преосвященномъ Антоніи въ число членовъ комитета назначался одинъ изъ профессоровъ (И. Я. Порфирьевъ). Экономическій отчетъ посылался въ хозяйственное управленіе, и послѣднее нерѣдко присылало въ правленіе требованія разныхъ объясненій по поводу неясныхъ расходовъ, передержекъ и проч.

(¹) Д. внутр. правл. 1865 г. № 113.

На первыхъ порахъ существованія академіи штатъ 1842 г. былъ еще довольно достаточенъ для всего ея содержанія; она благополучно вела свои хозяйственныя дѣла не только безъ дефицитовъ, но и съ каждогодными сбереженіями. Такъ продолжалось почти до конца 1850-хъ годовъ, когда послѣ роковой для русскихъ финансовъ крымской компаніи стала съ каждымъ годомъ развиваться дороговизна на всѣ предметы. За первые годы въ академической экономіи отъ штатной суммы оставались очень значительные остатки, изъ которыхъ съ годами могъ бы образоваться у нея большой экономическій капиталъ, если бы съ развитіемъ дороговизны правленіе не вынуждалось дѣлать изъ нихъ годъ отъ года все бо́льшіе расходы. Согласно предписанію бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ отъ 18 іюля 1825 г., такія остаточныя суммы отсылались въ московскій опекунскій совѣтъ для приращенія процентами. Движеніе этихъ экономическихъ капиталовъ очень выразительно для опредѣленія хода академической экономіи, а потому мы приведемъ здѣсь по этому предмету нѣсколько цифровыхъ данныхъ изъ разныхъ годичныхъ отчетовъ. Послѣ перваго полугодія 1843 г. отъ личнаго состава, отъ жалованья по должности смотрителя зданій, оставшейся незамѣщенною, и отъ содержанія неполнаго числа студентовъ остаточной суммы оказалось 6312 р., изъ которыхъ 6000 р. и было отослано въ опекунскій совѣтъ. Отъ втораго полугодія образовался еще остатокъ въ 5528 р.,—изъ нихъ въ опекунскій совѣтъ отослано 4000 р. Получивъ деньги на новый 1844 годъ, правленіе взяло изъ опекунскаго совѣта еще билетъ въ 5000 р. Такимъ образомъ въ два года накоплено было 15,000 р. сбереженій. Но въ 1845 и 1846 гг., по распоряженію духовно-учебнаго управленія, правленіе должно было израсходовать изъ нихъ 4000 р. на квартиру академіи и 5000 р. на отправку кончившихъ въ 1846 г. курсъ студентовъ къ мѣстамъ ихъ назначеній на должности (¹). Въ 1848 г. правленіе вновь внесло въ опекунскій совѣтъ 5000 р. и у него опять образовалось 11000 р. сбереженій, но это были уже послѣднія его сбереженія, внесенныя въ опекунскій совѣтъ для приращенія процентами. Къ 1855 г. ихъ осталось въ билетахъ уже всего 8000 р., потому что въ предшествовавшіе годы изъ нихъ пришлось сдѣлать расходы на нѣкоторые крупные ремонты по зданіямъ,

(¹) Д. 1846 г. № 112.

на которые особыхъ суммъ не было тогда ассигновано. Къ 1856 г. на ремонты израсходована еще тысяча рублей, и у правленія остался въ запасѣ одинъ только билетъ въ 5000 р. Оно долго хранило этотъ билетъ неприкосновеннымъ, но для покрытія открывшихся съ 1858 г. разныхъ передержекъ по экономіи и на ремонты, произведенные въ 1860 г., должно было наконецъ поступиться и имъ и къ 1863 г. вытребовало по нему всѣ сбереженныя деньги [1]. Послѣ этого у него не осталось никакого залежнаго капитала, да и завести его не было уже никакой надежды. Остатки отъ каждаго года дѣлались все меньше и меньше и впереди все яснѣе обозначались одни дефициты. Въ 1850—1855 гг. экономическія суммы простирались до 12000—16000 р.; въ 1856 г. ихъ было 10066 р., къ 1857 г.—6205 р., къ 1858 г.—4994 р., къ 1860 г. —5860 р.; къ 1861 г. весь остатокъ отъ года простирался до 6800 р. Въ 1862 г. видимъ уже передержку до 1664 р. и перенесеніе 838 р. разныхъ платежей на слѣдующій годъ; за 1863 г. полная передержка простиралась уже до 4490 р. 92 к. и на слѣдующій 1864 г. перенесено было до 980 р. платежей; къ 1865 г. всей передержки было 4285 р. Съ этого времени академическая экономія уже не выходила изъ своего критическаго положенія до новыхъ штатовъ 1870 г.

Какихъ нибудь собственныхъ капиталовъ, какъ у другихъ академій, у казанской академіи не было, кромѣ единственнаго небольшаго капитала во 100 руб., пожертвованнаго ей по духовному завѣщанію 1855 года графомъ Протасовымъ. Правленіе внесло эти деньги въ количествѣ 99 р. (уплативъ 1 р. за пересылку) въ приказъ общественнаго призрѣнія съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала, по волѣ жертвователя, чрезъ каждые два года были выдаваемы лучшему изъ кончившихъ курсъ студентовъ [2]. Въ 1862 г. деньги эти съ накопившимися процентами были обращены въ непрерывно доходный 4% билетъ во 116 руб. [3]. Первые проценты съ этого капитала, по журналу правленія отъ 20 окт. 1865 г., были выданы (въ количествѣ 16 р. 48 к.) кончившему въ 1864 г. курсъ студенту (въ это время уже баккалавру) И. С. Бердникову. Въ 1865 г. академія едва было

(1) Д. 1862 г. № 93.
(2) Д. 1855 г. № 24.
(3) Д. 1862 г. № 90.

не лишилась и этого единственнаго своего капитала; хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ распорядилось зачесть его, въ числѣ остатковъ отъ предшествовавшаго года, въ ассигновку слѣдующаго года и, вытребовавъ билетъ себѣ, выслало взамѣнъ его деньги. Изъ академіи этой ошибки ему почему-то не объяснили; въ 1868 г. оно уже само усмотрѣло ее, узнавъ изъ послѣдующихъ отчетовъ, что отобранная сумма была жертвованная и имѣла спеціальное назначеніе. Послѣдовалъ запросъ, изъ какихъ теперь денегъ правленіе выдаетъ лучшимъ воспитанникамъ преміи; правленіе отвѣчало, что съ 1865 г. оно прекратило выдачу этихъ премій. Отъ 7 марта 1869 г. билетъ былъ возвращенъ (1).

Самые большіе остатки отъ каждаго года, къ которымъ чаще всего прибѣгало правленіе для покрытія своихъ дефицитовъ, получались 1) отъ суммъ на содержаніе личнаго состава, которыя до послѣдняго времени никогда не расходовались вполнѣ вслѣдствіе постоянно значительнаго числа вакансій ординарныхъ профессоровъ, случайнаго незамѣщенія нѣкоторыхъ каѳедръ и оставленія празднымъ мѣста положеннаго по штату смотрителя зданій; 2) отъ суммы на проѣздъ академическихъ ревизоровъ, которая въ нечетные, некурсовые годы вовсе не расходовалась, такъ какъ академія посылала ревизоровъ только въ курсовые годы, да и въ эти годы расходовалась большею частію въ незначительномъ количествѣ, рублей до 200—300. По обширности казанскаго округа 715 руб. этихъ денегъ пожалуй бы и не хватило для всѣхъ ревизій; но было принято посылать ревизоровъ только въ ближайшія къ Казани семинаріи, а отдаленныя ревизовать чрезъ мѣстныхъ преосвященныхъ; дальше Тобольска и Ставрополя на Кавказѣ академическіе ревизоры не ѣздили ни разу. Меньшіе и непостоянные остатки получались еще 3) отъ канцелярскихъ суммъ и отъ содержанія академической больницы. Всѣхъ бѣднѣе снабжены были окладами и всѣхъ болѣе страдали отъ дефицитовъ статьи по содержанію дома и по содержанію студентовъ. Такъ какъ на этихъ статьяхъ всего болѣе отражались всѣ историческія перемѣны въ ходѣ академической экономіи, то мы остановимся на нихъ съ нѣкоторою подробностью, считая относительно другихъ статей достаточнымъ того, что̀ было уже сказано выше.

(1) Д. 1868 г. № 60.

I. ПОМѢЩЕНІЕ АКАДЕМІИ, ЕЯ ОБСТАНОВКА И СОДЕРЖАНІЕ ДОМА.

Въ исторіи открытія академіи мы видѣли, сколькихъ хлопотъ стоило ея первоначальное помѣщеніе. Остановившись на мысли помѣстить ее въ Спасскомъ монастырѣ, преосвященный Владиміръ хорошо видѣлъ все неудобство и всю тѣсноту предоставлявшихся ей зданій. Владыка лично изучилъ весь монастырь до подробностей, стараясь извлечь пользу для помѣщенія академіи чуть не изъ каждаго аршина небольшихъ монастырскихъ зданій, не забывъ при этомъ даже „чердака“ надъ настоятельскими кельями, который намѣчалъ то подъ правленіе, то подъ больницу. Всѣ, кого можно было выселить изъ монастыря, были выселены. Онъ хотѣлъ было выселить даже самого ректора Іоанна, предложивъ ему небольшую квартиру у себя въ городскомъ архіерейскомъ домѣ, а его настоятельскіе покои обратить въ помѣщенія для студентовъ; но ректоръ не согласился на такую комбинацію, отозвавшись тѣмъ, что въ архіерейскомъ домѣ ему будетъ тѣсно и вредно для здоровья (¹). Заботы о расширеніи студенческихъ помѣщеній безпокоили духовное начальство долго спустя и послѣ открытія академіи. Отъ 26 ноября 1842 г. оберъ-прокурору посланъ былъ затребованный имъ планъ Спасскаго монастыря; по разсмотрѣніи его графъ Протасовъ самъ нашелъ, что студентамъ дѣйствительно будетъ тѣсно, и отъ 15 декабря предложилъ преосвященному вывести изъ монастыря половину или больше самихъ монаховъ, размѣстивъ ихъ по другимъ монастырямъ. Но такая крайняя мѣра оказалась невозможной; отъ 13 января 1843 г. преосвященный писалъ графу, что братіи въ монастырѣ и такъ уже мало для всѣхъ монастырскихъ послушаній, іеромонаховъ и іеродіаконовъ (6 человѣкъ) и безъ убавки недостаточно для служенія въ трехъ монастырскихъ церквахъ и для молебновъ при мощахъ святителя Варсонофія, да и комнаты, оставшіяся въ пользованіи монаховъ, всѣ очень мелкія, такъ что въ нихъ можно помѣстить только по одной и много-много по двѣ койки (²).

(¹) Отзывъ ректора отъ 26 окт. въ дѣлѣ объ открытіи академіи 1842 г. № 5.

(²) См. тоже дѣло.

Жилыя строенія монастыря были тѣже, что и въ настоящее время, и состояли изъ трехъ каменныхъ корпусовъ: а) настоятельскихъ келлій въ два этажа съ антресолями, вмѣщавшихъ внизу службы, въ главномъ этажѣ 5 комнатъ настоятеля, а въ антресоляхъ помѣщеніе для келейника; б) братскаго двойнаго корпуса и в) небольшаго двухъэтажнаго корпуса на западъ отъ братскаго, называвшагося пѣвческимъ, въ послѣднее время отданнаго подъ миссіонерскій пріютъ; верхній этажъ его раздѣленъ на 5 комнатъ, а низъ занятъ служебными помѣщеніями; до 1842 г. тутъ были погреба, кухня и монастырская баня. Первый корпусъ заняли ректоръ, жившій въ трехъ комнатахъ, и инспекторъ, получившій двѣ комнаты. Въ антресоляхъ, называвшихся чердакомъ, преосвященный распорядился устроить правленіе, но по неудобству помѣщенія оно тамъ не водворилось, а осталось на нѣкоторое время на прежнемъ своемъ мѣстѣ въ архіерейскомъ домѣ, гдѣ происходило его открытіе, пока 6 ноября ему не устроено было другое помѣщеніе въ самомъ монастырѣ. Помѣщеніе это состояло изъ двухъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ братскаго корпуса, въ его западномъ концѣ,—въ одной комнатѣ была устроена зала засѣданія, въ другой помѣщена канцелярія и вмѣстѣ квартира письмоводителей. Въ томъ же этажѣ, рядомъ съ правленіемъ, небольшая комната была отведена для математическаго класса. Для другаго большаго класса или аудиторіи (ихъ только двѣ и требовалось) дано помѣщеніе въ братской столовой въ нижнемъ этажѣ подъ правленіемъ и математическимъ классомъ (мѣрою въ 2 саж. и 2 арш. длины и 3 саж. $2^1/_2$ арш. ширины). До устройства этихъ аудиторій лекціи читались тоже въ архіерейскомъ домѣ. Какъ разъ противъ аудиторіи на дворѣ монастыря стояла, теперь уже не существующая, монастырская колокольня, страшно мѣшавшая чтенію лекцій своимъ звономъ. Эконому дана была небольшая братская келья въ другой части братскаго корпуса, въ нижнемъ этажѣ на-право отъ святыхъ воротъ.

Всего болѣе затрудненій встрѣтилось при размѣщеніи 33 студентовъ, поступившихъ въ составъ I курса. Шестеро изъ нихъ—письмоводители—поселены въ канцеляріи, двое — въ антресоляхъ настоятельскаго корпуса, остальные въ собственномъ смыслѣ натолканы были въ пяти комнаткахъ пѣвче-

скаго корпуса, занимавшихъ пространство въ 12 саж. длины, 2 саж. 2½ арш. ширины и до 4 арш. вышины. Почти все это пространство, за исключеніемъ неширокаго прохода по срединѣ, было сплошь заставлено койками, столами съ табуретками и шкафами для платья и книгъ. При взглядѣ на эти тѣсныя и низкія комнатки, съ какими-то дырами вмѣсто оконъ, теперь трудно и представить, какъ могли тутъ проводить свою домосѣдную и трудовую жизнь столько молодыхъ людей, при естественной въ ихъ лѣтахъ потребности въ движеніи, свѣжемъ воздухѣ и просторѣ. Въ своихъ письмахъ къ оберъ-прокурору преосвященный Владиміръ не даромъ отказывался ручаться за ихъ здоровье. Но молодость и свѣжесть здоровья выдержали всѣ неудобства двухлѣтняго заключенія и въ этихъ тѣсныхъ камерахъ.—Въ нижнемъ этажѣ корпуса, съ восточнаго конца его, въ двухъ комнатахъ устроены были студенческая кухня и столовая; и та и другая были тоже очень тѣсны; въ кухнѣ, для которой отдѣлено было всего 4½ аршина, повару и хлѣбнику негдѣ было повернуться, а въ столовой, для которой было отдѣлено 5 аршинъ, студенты должны были обѣдать въ двѣ перемѣны, потому что всѣ за разъ не помѣщались. Въ одномъ дѣлѣ правленія 1843 г. о покупкѣ новой посуды, по поводу замѣчанія владыки, что въ академіи отъ чего-то слишкомъ уже много бьется посуды, встрѣчаемъ такое объясненіе правленія: „По тѣснотѣ столовой, гдѣ, кромѣ половиннаго числа студентовъ, трудно помѣститься лишнему человѣку и даже пройти служителю, по неудобности кухни, въ которой большею частію помѣщается посуда и чрезъ которую между самымъ столомъ, гдѣ ставится посуда, и очагомъ лежитъ тѣсный проходъ въ столовую, трудно избѣжать лишней траты въ посудѣ“ (1). Противъ кухни и столовой въ томъ же этажѣ устроена была для студентовъ небольшая баня; затѣмъ остальное пространство этажа занято было погребами, о которыхъ правленіе нарочно спрашивало доктора, не будутъ ли они вредны для здоровья жившихъ надъ ними студентовъ, — докторъ Франкъ, какъ мы видѣли въ исторіи открытія академіи, далъ на этотъ вопросъ успокоительный отвѣтъ.

При размѣщеніи студентовъ на донесеніе преосвященнаго, что онъ не ручается за здоровье студентовъ, изъ Петер-

(1) Д. 1843 г. № 47.

бурга отъ 19 октября 1842 г. было отвѣчено предписаніемъ немедленно отыскать для академіи штатнаго врача. Но, начавъ устроять медицинскую часть въ академіи, правленіе затруднилось вопросомъ не о врачѣ, котораго всегда можно было отыскать въ Казани, а о помѣщеніи больницы. 6 ноября оно рѣшило отвести это помѣщеніе въ томъ же благодѣтельномъ чердакѣ надъ настоятельскими кельями, къ которому оно прибѣгло было и для своего собственнаго помѣщенія; но чердакъ этотъ оказался непригоднымъ и для больницы, такъ какъ былъ слишкомъ низокъ и притомъ непосредственно связанъ съ квартирами ректора и инспектора; поэтому 15 декабря рѣшено было студентамъ хворать въ ихъ жилыхъ помѣщеніяхъ, а серьезно больныхъ отправлять въ университетскую клинику (1). Къ счастію, студенты рѣдко заболѣвали на первомъ году курса и въ больницѣ дѣйствительно не было слишкомъ чувствительной надобности. Осенью 1843 г., уже черезъ годъ по открытіи академіи, ректору удалось выпросить у монастырскаго казначея двѣ небольшія комнатки съ передней въ братскомъ корпусѣ противъ квартиры эконома, гдѣ больница и была наконецъ открыта (2).

О помѣщеніи библіотеки долго не было рѣчи, потому что не было и книгъ, а какія были, всѣ были разобраны по рукамъ. Особый складъ для нихъ понадобился уже лѣтомъ 1843 г. Какъ разъ за пѣвческимъ корпусомъ и доселѣ возвышается башня городовой стѣны; въ ней валялся разный монастырскій ломъ и хламъ. Академическое начальство слазило въ эту башню и нашло ее пригодной для своей библіотеки. Въ засѣданіи 21 августа правленіе обсуждало уже записку библіотекаря Холмогорова объ устройствѣ въ новой библіотекѣ шкафовъ, но, вмѣсто шкафовъ, порѣшило устроить въ ней пока простыя полки по стѣнамъ, поручивъ это дѣло академическому плотнику. Осенью оказалось, что крыша на башнѣ протекала, и правленіе 11 ноября рѣшило починить ее, „дабы не сдѣлать вреда книгамъ“. Экономъ накупилъ лубьевъ и досокъ и покрылъ башню заново.

Нужно сказать, что всѣ перечисленныя помѣщенія монастыря, небольшія и неудобныя сами по себѣ, были еще крайне запущены. Все деревянное въ нихъ было гнило и ва-

(1) Д. 1843 г. № 50.

(2) Журн. 23 окт. 1843 г. ст. IX.

лилось, каменное отсырѣло и трескалось; своды грозили рушиться; печи стояли съ прогорѣлыми нутрами; окна снабжены были гнилыми рамами съ разноцвѣтными осколками вмѣсто стеколъ; вездѣ царила страшная грязь, которой часто отличаются наши мужскіе монастыри и доселѣ. Первымъ дѣломъ академическаго правленія была универсальная чистка и починка доставшихся въ его вѣдомство помѣщеній и устройство въ нихъ нѣкоторыхъ приспособленій къ ихъ новому назначенію. Съ 24 октября и весь ноябрь повсюду шли работы по пробивкѣ новыхъ дверей, перестилкѣ половъ, починкѣ печей, возобновленію штукатурки, покраскѣ стѣнъ, устройству новыхъ рамъ и вставкѣ въ нихъ новыхъ стеколъ; въ большой аудиторіи для ея осушки послѣ починки свода поставлена была желѣзная печь съ трубой, протянутой по діагонали чрезъ всю аудиторію въ стоявшую въ противоположномъ углу каменную печь;—студентовъ весьма потѣшало, какъ баккалавръ философіи Соколовъ, человѣкъ очень высокаго роста, ходя взадъ и впередъ по аудиторіи съ свойственнымъ ему важнымъ видомъ, долженъ былъ нырять подъ трубу при каждомъ своемъ маршѣ. Экономъ Аркадій ухитрился всѣ перечисленные ремонты и передѣлки (1842 года) произвести всего за 105 р. 98 к. Работы подобнаго рода производились и въ слѣдующіе два года. Содержа свои помѣщенія во всевозможной чистотѣ и исправности, академія принесла этимъ, вѣроятно, немалую пользу монастырю за свое въ немъ пребываніе; онъ едвали когда видѣлъ столько попеченій о своихъ зданіяхъ и улучшеній въ нихъ, какъ въ эти два года жительства въ немъ академіи.

Кромѣ внѣшняго устройства академическихъ помѣщеній, требовалось еще снабдить ихъ необходимыми принадлежностями для общежитія и ученья, на что, какъ извѣстно, Св. Синодомъ было ассигновано 2000 р. сверхъ штатнаго оклада еще до открытія академіи. По распоряженію оберъ-прокурора, еще въ августѣ 1842 г. семинарскому правленію поручено было изготовить для пріема 30 студентовъ академіи желѣзныя кровати, постельныя принадлежности и разныя столовыя вещи. Правленіе семинаріи успѣло многое изъ этихъ вещей уже накупить, израсходовавъ свыше 390 р., какъ случился пожаръ 24 августа, истребившій значительную часть приготовленнаго для открытія академіи, — послѣ него уцѣлѣло изъ этихъ вещей всего 5 тюфяковъ съ 2 наволоками, 40 аршинъ тику,

60 салфетокъ, 3 скатерти и 28 коекъ. Недостававшія вещи должно было потомъ заводить съ большими хлопотами и поспѣшностью уже само академическое правленіе. Въ теченіе той же осени заведено было для студентовъ и больницы 40 желѣзныхъ коекъ съ волосяными тюфяками, байковыми и тканьевыми одѣялами, 80-ю полупуховыми подушками и тремя полными перемѣнами постельнаго бѣлья. Для бо́льшей экономіи правленіе пользовалось, по указаніямъ хлопотливаго и многосвѣдущаго эконома Аркадія, разными случаями для покупки уже готовыхъ вещей. Въ октябрѣ оно воспользовалось напр. дешевой распродажей имущества закрывшагося тогда частнаго пансіона Топорнина и дѣйствительно очень дешево пріобрѣло здѣсь множество нужныхъ для академіи вещей: портретъ императора Николая I для правленской залы, часы (20 р.), разную мебель, для студентовъ самовары, тазы, мѣдную посуду (по 40 к. за фунтъ), 20 дюжинъ тарелокъ (по 28 коп. дюжина), 8 дюжинъ стакановъ (по 60 коп. дюжина) и 24 графина, 4 дюжины аргентинныхъ ложекъ (по 5 р. 71 к. дюжина),—всего на 150 р. (1). Покупка эта сразу подняла вещевой капиталъ заведенія и удовлетворила его первымъ потребностямъ. Къ концу 1842 г. изъ суммы, ассигнованной на обзаведеніе, издержано было 1723 р. 17 к., въ остаткѣ числилось 276 р. 83 к. Кромѣ разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей для стола и кухни, постельныхъ приборовъ, партъ, табуретовъ, столовъ, правленіе въ этотъ счетъ успѣло дешево пріобрѣсти нѣсколько вещей для обмеблированія квартиръ начальниковъ академіи (2). Покупки вещей продолжались въ слѣдующемъ году; заводились гардеробы для платья студентовъ и коммоды (по 7 р. 14 к.), занятные столы (по 5 р.), каѳедра въ большую аудиторію, оклеенная березой (22 р.), стѣнные часы къ ректору (51 р.), зеркало въ правленіе (45 р. 85 к.), кресла для засѣданій конференціи и т. д. Какъ и прежде, правленіе не разъ пользовалось случайными дешевыми продажами, напр. въ мартѣ, по случаю отъѣзда изъ Казани одного чиновника, купило нѣсколько мебели въ ректорскія комнаты и два экипажа (за 120 р.). Въ 1844 г. до выхода изъ Спасскаго монастыря академіи пришлось значительно увеличить свой вещевой капиталъ въ виду поступле-

(1) Д. 1842 г. № 42.

(2) Опись имущества въ дѣлѣ 1843 г. № 61.

нія въ академію новаго курса студентовъ и перехода въ болѣе обширную квартиру Мельниковыхъ. Изъ пріобрѣтеній этого года можно упомянуть о пріобрѣтеніи доселѣ существующаго портрета перваго благодѣтеля академіи преосвященнаго Владиміра; онъ былъ написанъ тоже по дешевой цѣнѣ (за 17 р. 15 к.) соборнымъ дьякономъ Ив. Дмитріевымъ, кое что мараковавшимъ по живописи самоучкой; правленіе въ свое время находило этотъ портретъ написаннымъ „сходственно" (¹).

Преосвященный Владиміръ зорко слѣдилъ за правленіемъ, чтобы оно не роскошествовало. Не смотря на то, что экономъ Аркадій и самъ заботился о томъ, чтобы все пріобрѣталось дешево, кромѣ того, при даровомъ помѣщеніи академіи и при половинномъ ея составѣ противъ штата, домовой суммы было весьма достаточно для предпринимаемыхъ правленіемъ покупокъ, владыка часто останавливалъ казавшіеся ему излишними расходы. Такъ въ 1843 г., когда начальство академіи для своего выѣзда пріобрѣтало лошадей и экипажи, онъ рѣшительно остановилъ покупку 6-й лошади, написавъ на журналѣ: „Какъ уже есть 5 лошадей, то сей 6-й лошади не покупать, а равно и сбрую, буде она не нужна для наличныхъ лошадей; здѣсь ѣзда, а паче зимою, не дальняя, — можно на трехъ лошадяхъ ѣздить и на двухъ и даже на одной; да и самое содержаніе лошади въ годъ обходится недешево" (²). Когда правленіе накупало и возобновляло посуду, онъ дѣлалъ замѣчанія, къ чему ея столько надобно и почему она скоро бьется; на приведенное выше объясненіе, что посуда не можетъ не биться въ тѣсной кухнѣ и столовой, онъ замѣтилъ: „Чтобы тѣснота столовой была причиною того, что такъ много бьютъ посуды, сему я плохо вѣрю, а наипаче, когда и виновныхъ нѣтъ въ виду". Правленіе распорядилось накупить оловянной посуды. При закупкахъ мебели преосвященный требовалъ себѣ для соображенія подробныхъ реэстровъ всей мебели, какую покупали прежде съ самаго основанія академіи (³). Желая настоять на какомъ нибудь предпринятомъ и порѣшенномъ уже расходѣ, правленіе вступало иногда даже въ споръ съ разсчетливымъ владыкою. Въ августѣ 1843 г., получивъ изъ духовно-учебнаго управленія полное Собраніе

(¹) Д. 1845 г № 79.

(²) Д. 1842 г. № 34.

(³) Д. 1843 г. № 47 и 58.

законовъ, оно заказало для храненія дорогихъ томовъ этого Собранія тройной липовый со стеклами шкафъ въ 5 арш. ширины за 25 рублей. Преосвященный воспротивился такому расходу, началъ доказывать, что довольно сдѣлать для этихъ книгъ и для тетрадей дѣлъ простыя полки по стѣнамъ канцеляріи. Но правленіе (журн. 21 авг.) настояло на своемъ опредѣленіи, указавъ на то, что на открытыхъ полкахъ книги будутъ портиться, а между тѣмъ такой шкафъ будетъ украшеніемъ канцеляріи не только теперь, но и послѣ, въ собственномъ домѣ академіи; шкафъ былъ пріобрѣтенъ и, хотя не особенно украшаетъ канцелярію, но стоитъ въ ней и доселѣ.

Благодаря хозяйственной бережливости преосвященнаго и распорядительности эконома, изыскивавшаго всякіе „случаи" для пріобрѣтенія нужныхъ вещей, академія въ два года пребыванія въ Спасскомъ монастырѣ успѣла обставить себя всѣми домовыми принадлежностями, на сколько позволяло ея тѣсное помѣщеніе, и даже запастись нѣкоторыми вещами для будущей, болѣе просторной своей квартиры, издержавъ на все это лишь до 4000 р.

Одной изъ самыхъ важныхъ ея потребностей, за все это время остававшейся безъ удовлетворенія, была потребность въ собственномъ храмѣ. Монастырь не уступилъ ей ни одной изъ своихъ трехъ церквей. Для участія въ литургіи студенты и наставники ходили большею частію въ каѳедральный соборъ, а всенощныя слушали въ ректорской залѣ, гдѣ службу отправляли академическіе и монастырскіе монахи и послушники монастыря. Въ вознагражденіе монастырской братіи за этотъ трудъ, а также за свѣчи, ладонъ, масло и хлѣбцы правленіе за всю зиму расходовало до 28 р. изъ своихъ домовыхъ суммъ (1). Надѣясь со временемъ имѣть свой собственный храмъ, академія очень рано начала подготовлять кое-какіе предметы и для своего церковнаго имущества. Самымъ раннимъ пріобрѣтеніемъ ея въ этомъ родѣ была икона Успенія Богоматери въ серебряномъ окладѣ ($10\frac{1}{2}$ вершк. длины и $7\frac{1}{2}$ ширины), которою благословилъ академію еще при ея открытіи знаменитый витія русской церкви преосвященный Иннокентій харьковскій (2). Потомъ въ память откры-

(1) Д. 1843 г. № 55.
(2) Д. 1842 г. № 48.

тія академическаго правленія 21 сентября 1842 г. начальники и наставники академіи рѣшили устроить по подпискѣ икону святаго этого достопамятнаго дня, святителя Димитрія ростовскаго. Подписка эта, въ которой приняли участіе и нѣкоторыя постороннія лица, близкія къ академіи (архимандриты Мартирій свіяжскій, Мелетій бывшій свіяжскій и Даніилъ іоанновскій), кончена была къ октябрю 1843 г. и правленіе, поручивъ ректору пріобрѣсти самую икону, постановило: „Просить у его Высокопреосвященства благословенія праздновать казанской духовной академіи ежегодно 21 день сентября въ память святителя Христова Димитрія ростовскаго, сего свѣтильника церкви и земли Россійской, въ коемъ самому Промыслу угодно было указать казанской академіи имѣть своего покровителя, положивъ въ день его памяти начало казанскому академическому правленію, съ таковымъ притомъ предположеніемъ, чтобы въ случаѣ построенія храма въ новыхъ зданіяхъ академіи посвятить сей храмъ его святому имени“. Преосвященный распорядился, чтобы объ этомъ ему доложено было снова, когда готовъ будетъ планъ на церковь и фасадъ ея иконостаса. Но предположенію этому въ свое время не суждено было исполниться. Икона святителя была представлена ректоромъ правленію 3 апрѣля 1844 г.; она пожертвована была академіи съ приложеніемъ службы святителю настоятелемъ ростовскаго Яковлевскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи святителя. Поэтому деньги, собранныя по подпискѣ въ количествѣ 127 р., были употреблены только на ея украшеніе сребропозлащеннымъ окладомъ, который устроилъ за эту цѣну казанскій купецъ Серебрениковъ (¹). Икона эта находится въ залѣ присутствія академическаго правленія. Очень рано потребовались для академическаго богослуженія нѣкоторыя различныя принадлежности. Въ мартѣ 1843 г. явилась надобность въ двухъ мантіяхъ и митрахъ для ректора и инспектора. Правленіе опредѣлило израсходовать на эти предметы 250 р. Преосвященный, какъ было уже упомянуто, остановилъ этотъ расходъ, но въ слѣдующемъ году онъ все-таки былъ произведенъ съ разрѣшенія Св. Синода, которому объ немъ было доложено по ходатайству преосвященнаго же; куплены были двѣ мантіи и одна митра,—послѣдняя по случаю у настоятеля Ивановскаго монастыря архим. Даніила за 50 р.

(¹) Д. 1843 г. № 57.

серебр.; снова она стоила, какъ значится въ дѣлѣ, 300 р. ассигнаціями ([1]). Остальной ризницей академическія духовныя лица пользовались для служенія отъ Спасскаго монастыря или собора, смотря по тому, гдѣ служили. Полный кругъ богослужебныхъ книгъ былъ высланъ, по опредѣленію Св. Синода отъ 24 мая 1843 г., изъ складовъ синодальной типографіи.

Съ началомъ втораго года своего жительства въ монастырѣ, въ виду поступленія въ 1844 г. новаго курса студентовъ, академія стала подумывать о пріисканіи себѣ новаго, болѣе обширнаго помѣщенія ([2]). Въ ноябрѣ 1843 г. правленіе остановилось было для этого на домѣ купца Крупеникова противъ гостинаго двора, но преосвященный Владиміръ нашелъ, что домъ этотъ, какъ только лишь выстроенный, еще не удобенъ по сырости, да и плата за наемъ его была высока (8000 р. ассигн.); вмѣсто него, въ резолюціи 22 ноября онъ обратилъ вниманіе правленія на сгорѣвшія зданія семинаріи: „Не удобнѣе ли будетъ, писалъ онъ, помѣстить на будущее время, пока не устроится новое академическое зданіе, всю академію въ обоихъ отдѣленіяхъ, кромѣ больницы и ректора, въ старой семинаріи здѣшней и именно въ спальномъ корпусѣ тріэтажномъ? Рекомендую правленію поскорѣе осмотрѣть сію часть оной и, буде представится годной, немедленно составить и смѣту на всѣ подѣлки, какія нужны къ тому, чтобы сей корпусъ привести въ удобное помѣщеніе академіи, съ тѣмъ, чтобы сіи передѣлки могли уже служить съ пользою и для семинаріи, когда она будетъ вся приведена въ надлежащее устройство“ ([3]). Мысль эта была очень удачная и удовлетворяла разомъ двумъ насущнымъ мѣстнымъ потребностямъ, принося въ тоже время немалую выгоду и казнѣ, что̀ призналъ и тогдашній губернскій архитекторъ Петонди, составлявшій требуемую смѣту. 2 декабря онъ писалъ въ правленіе академіи, что отдѣлка корпуса можетъ быть легко произведена въ 3 лѣтнихъ мѣсяца, какъ разъ къ пріѣзду студентовъ II курса, и послѣ этого академія до отстройки ея

([1]) Д. 1843 г. № 56.

([2]) Д. 1843 г. № 62: О заготовленіи помѣщенія для академіи на слѣдующій курсъ.

([3]) Корпусъ, о которомъ здѣсь шла рѣчь, находился на мѣстѣ той части нынѣшней семинаріи, гдѣ помѣщена семинарская церковь. Теперь тутъ два этажа, но до пожара былъ надъ ними еще третій, очень низкій, въ $3^1/_2$ аршина, въ родѣ антресолей.

собственныхъ зданій, года четыре, можетъ имѣть въ немъ удобное и сухое помѣщеніе всего за 4358 р. 35 к., которыя требовалось издержать на всю перестройку по смѣтѣ, тогда какъ при наймѣ частнаго дома ей требовалось не менѣе 1500 р. ежегодно, а сверхъ того по перемѣщеніи академіи въ собственныя зданія отстроенная часть семинарскаго зданія осталась бы удобною и для занятія самой семинаріей. Въ Спасскомъ монастырѣ предполагалось оставить только квартиру ректора, канцелярію и больницу.

Въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, не оцѣнили проекта преосв. Владиміра. Получивъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода планъ и смѣту на перестройку семинарскаго корпуса, главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій усмотрѣло въ нихъ, что верхній этажъ корпуса очень низокъ, что лѣстница по всѣмъ тремъ этажамъ проектирована деревянная, комнаты можно было бы распредѣлить лучше и что наконецъ не показано отхожихъ мѣстъ, и возвратило планъ для передѣлки. Архитекторъ Петонди справедливо замѣтилъ, что всѣ эти указанія ничего не стоятъ и ведутъ только къ пустой оттяжкѣ срочнаго дѣла, что верхній этажъ возвысить легко, приподнявъ только потолочныя балки, деревянныя лѣстницы и отхожія мѣста будутъ строиться только на время до общей перестройки семинарскихъ зданій, на которую уже есть и планъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы не измѣнять послѣдняго, притомъ же для каменныхъ лѣстницъ нужно будетъ опять извѣстное пространство отъ внутреннихъ помѣщеній, которыя найдены тѣсными самимъ же главнымъ управленіемъ въ его замѣчаніяхъ, или сдѣлать новую пристройку къ зданію, отъ чего работа никакъ не можетъ кончиться въ августѣ 1844 г., а затянется по крайней мѣрѣ до 1846 г. Между тѣмъ, пока за справками да объясненіями дѣло это безплодно таскалось по канцеляріямъ, наступила уже весна 1844 г. Время было упущено. 9 апрѣля, за невозможностью отстроить семинарскій корпусъ къ августу, правленіе рѣшило искать для академіи другую квартиру. Послѣ этого изъ Петербурга и изъ казанской строительной коммиссіи присылалось еще нѣсколько бумагъ объ отстройкѣ семинарскаго корпуса, но правленіе принимало ихъ только къ свѣдѣнію и пріобщало къ сданному уже въ архивъ дѣлу, составляющему цѣлыхъ 76 листовъ пустой канцелярской болтовни и волокиты. Упомянутая въ этомъ дѣлѣ общая перестройка семинарскихъ зданій, планъ на которую

былъ тоже составленъ архитекторомъ Леманомъ, сдѣлалась тоже предметомъ дѣятельной переписки канцелярій, вслѣдствіе чего семинарскія зданія оставались безъ возобновленія цѣлыхъ 20 лѣтъ, составляя немалое безобразіе для г. Казани на самой главной ея улицѣ (1).

Новая квартира для академіи найдена была въ каменномъ трехъ-этажномъ съ антресолями домѣ купеческой вдовы Н. Ѳ. и ея дочери М. Г. Мельниковыхъ на углу Проломной и Гостинодворской улицъ, гдѣ теперь №№ для пріѣзжающихъ (2). 21 апрѣля преосвященный послалъ уже оберъ-прокурору донесеніе съ описаніемъ этого дома и объясненіемъ условій найма. По надлежащемъ освидѣтельствованіи зданія оказалось, какъ доносилъ онъ: а) для торжественныхъ собраній академическихъ и для совершенія богослуженія въ домѣ имѣется обширная съ двумя просвѣтами, съ хорами и съ особымъ параднымъ входомъ зала; б) спальныя комнаты въ семъ домѣ, при ихъ обширности, значительной высотѣ и отдѣльности отъ другихъ помѣщеній, имѣютъ то удобство, что при нихъ же находятся помѣстительныя комнаты для гардеробныхъ и умывалень; в) комнаты для занятій весьма помѣстительны и находятся въ связи съ комнатами для начальствующихъ, что̀ удобно для надзора за занятіями студентовъ, кромѣ того соединяются теплымъ корридоромъ съ классами и столовой; г) двѣ комнаты для столовой помѣстительны, опрятны и свѣтлы, соединяются съ находящейся подъ ними кухней хорошей лѣстницей; д) комнаты для классовъ тоже обширны и свѣтлы, равно е) и библіотечная; ж) есть удобныя и помѣстительныя комнаты для правленія и канцеляріи съ архивомъ; з) больницу можно помѣстить въ одномъ изъ двухъ каменныхъ флигелей; и) отчасти въ главномъ домѣ, отчасти въ другомъ флигелѣ можно съ удобностію дать квартиры для всѣхъ начальниковъ и наставниковъ академіи, человѣкъ на 18, не менѣе какъ въ 3 комнаты, а для иныхъ, семейныхъ, и болѣе; і) службъ при домѣ довольно: 2 сухихъ подвала, 8 погребовъ, 3 кладовыхъ со сводами и желѣзными дверями, 2 конюшни на 6 лошадей, каретникъ, сарай и наконецъ даже баня. Нижній этажъ дома съ подвалами оставался по контрактамъ съ домовладѣлицами за другими по-

(1) Благовѣщенскаго: Ист. каз. семинаріи, стр. 195 и далѣе.

(2) Далѣе см. указанное дѣло 1843 г. № 62.

стояльцами. За наемъ хозяйки назначили плату въ 3857 р. сер. въ годъ; такимъ образомъ академіи каждый годъ приходилось платить чуть не столько же, за сколько въ упущенномъ изъ рукъ семинарскомъ корпусѣ она могла бы прожить 4 года. Преосвященный самъ сознавалъ, что квартира дорогà, но въ донесеніи своемъ Св. Синоду старался смягчить это обстоятельство указаніемъ на общую дороговизну и недостачу квартиръ въ городѣ, на удобства избранной квартиры и особенно на то, что при ней не придется расходовать денегъ на квартирное пособіе наставникамъ, которое при полномъ ихъ штатѣ должно простираться до 3000 р. Въ заключеніе преосвященный просилъ оберъ-прокурора не замедлить своими распоряженіями, чтобы академіи и вовсе не остаться безъ квартиры. На этотъ разъ дѣло не затянулось; отъ 31 мая пришло разрѣшеніе на наемъ съ распоряженіемъ только поторговаться еще о платѣ и измѣнить срокъ ея взносовъ впередъ съ годичнаго на полугодичный.

Въ пониженіи платы хозяйки отказали, но на полугодичные взносы ея согласились, за исключеніемъ только перваго года. Онѣ были настолько любезны, что дозволили занять нѣкоторыя помѣщенія раньше срока (1 августа) безплатно. Академія воспользовалась этимъ дозволеніемъ, занявъ залу въ домѣ для того, чтобы 28 іюня произвести въ ней свой публичный экзаменъ студентамъ. Въ первый разъ еще она получила возможность произвести это торжество на такомъ просторѣ и пригласила на него множество почетныхъ посѣтителей. Но пока составлялся проектъ контракта, случилась небольшая остановка въ ходѣ дѣла, заставившая правленіе собраться 3 іюля на особое засѣданіе. Въ нижнемъ этажѣ дома, оставшемся за другими постояльцами, вдругъ усмотрѣнъ былъ модный магазинъ, состоявшій, какъ говорилось въ журналѣ, „изъ значительнаго числа лицъ женскаго пола, якобы сомнительнаго поведенія, какъ случайно сдѣлалось извѣстнымъ правленію, чтò можетъ послужить поводомъ къ нареканію на академію“. Обсудивъ это обстоятельство, правленіе рѣшило безотлагательно требовать отъ хозяекъ, чтобы къ 1 августа магазинъ этотъ непремѣнно былъ выведенъ изъ дома, и включить въ контрактъ новое условіе —хозяйкамъ не держать въ домѣ ни женскихъ магазиновъ, ни питейныхъ и трактирныхъ заведеній, ни другихъ постояльцевъ, могущихъ причинять академіи безпокойство или навлекать на нее нареканіе. Владыка

тоже обезпокоился нечаяннымъ открытіемъ правленія и написалъ на журналѣ: „безотложно и поскорѣе исполнить“. Мельниковы согласились и на это, не смотря на то, что съ магазиномъ у нихъ заключенъ былъ четырехлѣтній контрактъ; съ магазинщицами все-таки пришлось вѣдаться до 20 іюля, когда онѣ дали наконецъ обѣщаніе къ 1 августу очистить квартиру. 25 іюля произошло окончательное заключеніе контракта на четырехлѣтній срокъ, а 27 іюля правленіе сдѣлало распоряженіе принять по описи домъ, внести за него годичную плату впередъ и объявить всѣмъ служащимъ, чтобы къ 1 августа переходили на новую квартиру.

Академія получила въ своей новой квартирѣ вполнѣ удовлетворительное для себя помѣщеніе, просторное и заново отдѣланное, со всѣми хозяйственными угодьями, и кромѣ того въ силу контракта освобождалась отъ разныхъ хозяйственныхъ хлопотъ по дому: по контракту Мельниковы взяли на себя всѣ платежи по домовымъ повинностямъ, страховкѣ, мощенію и чисткѣ улицы, чисткѣ дворовъ, трубъ и отхожихъ мѣстъ, починкѣ печей на первый годъ и даже капитальные ремонты такихъ поврежденій, которыя бы воспрепятствовали дальнѣйшему пребыванію академіи въ ихъ домѣ, если только таковыя поврежденія можно исправить удобно, а правленіе обязывалось черезъ 4 года сдать домъ по описи безъ исправленій, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда окажется, только безъ поломокъ и утраты домовыхъ вещей. По распредѣленію помѣщеній, произведенному еще въ концѣ іюля, положено было помѣстить: въ бельэтажѣ залу собраній, правленіе съ канцеляріей, квартиры ректора, секретаря и эконома, три класса, 9 комнатъ для занятій студентовъ и гардеробную, кухни студенческую, ректора, инспектора и эконома, буфетъ и швейцарскую, комнаты для служителей классныхъ, правленскихъ и др.; въ 3-мъ этажѣ — столовую, умывальню, четыре спальни, квартиры инспектора, 4 профессоровъ и 7 баккалавровъ; въ антресоляхъ — квартиру смотрителя зданій, больницу съ кухней и служительскую; во флигеляхъ, которые должны были кончиться отдѣлкой къ 1 ноября, — въ одномъ библіотеку, оставленную пока въ Спасскомъ монастырѣ, въ другомъ — двѣ большія квартиры для семейныхъ наставниковъ. Распредѣленіе это было послѣ нѣсколько измѣнено, но въ существенныхъ частяхъ оставалось одно и тоже во все время четырехлѣтняго пребыванія академіи въ Мельниковскомъ домѣ.

Занятое академіею зданіе было однимъ изъ самыхъ большихъ домовъ въ Казани. Главный фасадъ его, выходящій на Проломную и Гостинодворскую улицы, тянется на 60 саженъ; кромѣ того, зданіе въ концахъ заворачивается еще на дворъ двумя значительными глаголями болѣе 4-хъ саженъ каждый. Глубина его на одной половинѣ протяженія въ 5, на другой въ 8 саженъ. Длина одноэтажныхъ тогда флигелей, помѣщенныхъ на дворѣ, одного 15, другаго 14 саженъ, ширина $3^1/_2$ сажени. Высота комнатъ въ двухъ главныхъ этажахъ академическаго помѣщенія была совсѣмъ удовлетворительна въ гигіеническомъ отношеніи, — въ бельэтажѣ $5^1/_2$ арш., въ 3-мъ этажѣ — 4, низковаты были только антресоли, имѣвшія всего 1 сажень вышины. — Всѣ части академіи свободно размѣстились по назначеннымъ имъ мѣстамъ; оставались даже запасныя комнаты. Академіи очень мало пришлось дѣлать отъ себя даже разныхъ приспособленій къ своей жизни. Расположеніе корридоровъ и комнатъ, разсчитанное строителями для помѣщенія номеровъ для пріѣзжающихъ, какъ разъ подходило ко всѣмъ ея потребностямъ. Комнаты, хотя и небольшія, были удовлетворительны какъ для студенческихъ номеровъ и спаленъ, такъ и для помѣщенія начальствующихъ и учащихъ, при томъ же, на случай надобности, легко соединялись между собою дверями въ большія или меньшія группы, составлявшія приличныя квартиры для служащихъ. На свой счетъ академіи пришлось устроить только одну русскую печь и двѣ печки съ плитами, да переборки для квартиръ наставниковъ, потомъ въ кухняхъ, разныхъ кладовыхъ и погребахъ вытянуть по стѣнамъ нѣсколько полокъ, что стоило уже весьма недорого ([1]). Любопытно, что послѣ петербургской академіи, болѣе другихъ пользовавшейся вниманіемъ начальства, въ юной казанской академіи, не имѣвшей даже собственнаго помѣщенія, раньше всѣхъ академій явилось теперь самое свѣжее тогда Протасовское нововведеніе въ нашей школьной жизни, за которое властительный оберъ-прокуроръ стоялъ весьма энергично, это — отдѣленіе спальныхъ комнатъ воспитанниковъ отъ комнатъ занятныхъ; въ Москвѣ это нововведеніе не состоялось за тѣснотою академическихъ помѣщеній и было введено уже въ 1847 г.; въ Кіевѣ противъ него стоялъ м. Филаретъ Амфитеатровъ, не любившій никакихъ нововве-

([1]) Д. внутр. правл. 1844 г. № 85.

деній. Кіевляне даже подсмѣивались надъ молодой да ранней казанской академіей. Въ началѣ 1845 г. инспекторъ кіевской академіи архим. Іоанникій писалъ Іереміи епископу ставропольскому, бывшему ректору академіи: „Въ казанской академіи, помѣщающейся въ наемномъ домѣ и, кажется, среди рынка, это внѣшнее устройство по образцу петербургской академіи уже существуетъ. Милостивый нашъ владыка, сильный ревнитель отеческихъ уставовъ, очень негодуетъ на сіи нововведенія. Впрочемъ молитвами св. угодниковъ Господь еще доселѣ хранитъ нашу академію отъ всякихъ преобразованій" ([1]).

Надобно впрочемъ сказать, что мѣсто дома Мельниковыхъ было дѣйствительно самое шумное въ городѣ. Наискосокъ отъ него, почти напротивъ по Гостинодворской улицѣ и доселѣ располагается шумный и не совсѣмъ трезвый толкучій рынокъ, а напротивъ, по улицѣ Проломной гостинница, изъ оконъ которой студенты могли слышать распѣваемые голосистыми пѣвицами романсы, въ родѣ моднаго тогда: „Ты не повѣришь". Въ самомъ домѣ Мельниковыхъ, въ нижнемъ этажѣ, оставалось еще много кое-чего неудобнаго для академіи и послѣ вывода изъ него женскаго магазина. Напр. часть этого этажа занимаема была магазиномъ и погребкомъ разныхъ русскихъ и иностранныхъ винъ, соблазнъ которыхъ легко могъ подниматься и до верхнихъ этажей, занимаемыхъ молодежью. Въ одно лѣто наняла для себя здѣсь помѣщеніе какая-то пріѣзжая панорама съ музыкой и во все теченіе академическихъ экзаменовъ страшно надоѣдала и мѣшала какъ экзаменующимъ, такъ и экзаменующимся. Первымъ же дѣйствіемъ академическаго правленія на новомъ мѣстѣ было нанять двухъ часовыхъ или привратниковъ и швейцара, которыхъ вовсе не требовалось въ Спасскомъ монастырѣ, накупить замковъ и навѣсить на окнахъ, выходящихъ на улицы, 49 сторъ „для защиты, какъ писалъ экономъ въ запискѣ, въ ночное время отъ любопытныхъ взоровъ на всѣ дѣйствія студентовъ и начальствующихъ академіи" ([2]).

Обзаведеніе академіи въ новомъ помѣщеніи разными необходимыми вещами заняло всю вторую половину 1844 года и слѣдующій 1845 г. Съ нимъ соединилось еще заготовленіе

([1]) Чтен. въ общ. любителей дух. просвѣщенія 1887 г. февр. прилож. стр. 30.

([2]) Д. внутр. правл. 1844 г. № 85 и 67.

разныхъ принадлежностей студенческой жизни для вновь поступившаго въ академію II курса студентовъ,—коекъ, тюфяковъ, подушекъ, столоваго и спальнаго бѣлья и мебели. Длинное дѣло о приготовленіяхъ къ пріему новаго курса началось еще въ Спасскомъ монастырѣ съ 25 января 1844 г., когда экономъ внесъ въ правленіе разомъ нѣсколько записокъ, прося заблаговременно распоряженія о покупкѣ нужныхъ матеріаловъ, пріисканіи мастеровъ и заключеніи съ ними условій. Правленіе назначило для этого торги и переторжки, но ни тѣ, ни другія не состоялись, частію по неявкѣ на нихъ нужныхъ людей, частію по высокимъ цѣнамъ, на которыя правленіе не могло согласиться. Поэтому все нужное для II курса было, какъ и для I курса, устрояемо экономическимъ образомъ и еще дешевле, чѣмъ въ 1842 г. Правленіе изъ экономіи не покупало цѣликомъ даже желѣзныхъ кроватей, а накупило брусковаго желѣза и пріискало мастера сдѣлать эти кровати изъ готоваго матеріала, да и мастера дешеваго изъ пороховскихъ кустарей, который взялъ всего по 1 р. 57 к. за полную кровать и даже съ сигнатурой для написанія имени студента. Лѣтомъ для студенческаго стола, частію по случаю, частію по торгамъ, куплено 3 дюжины аргентинныхъ столовыхъ ложекъ (по 57 к. за ложку) и назначены торги на подѣлку оловянной посуды, завести которую было рѣшено еще въ октябрѣ прошлаго года, на ножи, вилки, кухонные мѣдные котлы, умывальники, лампы и мебель. Торги эти тоже не состоялись и вещи эти пріобрѣтались экономическимъ же образомъ уже въ августѣ и сентябрѣ, когда послѣ перехода въ Мельниковскій домъ потребности академіи опредѣлились точнѣе. Въ сентябрѣ сдѣланы на заказъ котлы и большая мѣдная въ $5^1/_2$ пудовъ ваза, около которой умывались всѣ курсы казанской академіи, стоившая въ то время 142 руб. 63 коп. сер. со всѣми принадлежностями (1). Въ слѣдующемъ году правленіе озаботилось пріобрѣсти даже водоочистительную машину для очищенія воды съ озера Кабана, не отличающейся доброкачественностію. Машину эту устроилъ одинъ унтеръ-офицеръ съ пороховаго завода всего за 5 руб. 72 к. (2). Часть нужной мебели правленіе разсчитывало купить по случаю у Мельниковыхъ; она состояла изъ предме-

(1) Д. 1844 г. № 104.
(2) Д. 1845 г. № 86.

товъ, которыми обыкновенно снабжаются гостинницы для прiѣзжающихъ, но запоздало своей покупкой, такъ какъ эта мебель была уже взята въ другое мѣсто. Поэтому разныя вещи для меблировки студенческихъ комнатъ и квартиръ начальствующихъ пришлось прiобрѣтать частiю покупкою, частiю по заказу. Еще въ iюлѣ устроена была для второй аудиторiи каѳедра, во всемъ похожая на имѣвшуюся прежде (за 22 р. 85$^1/_2$ к.), и къ ней пюпитръ для чтенiя съ нея стоя на случай собранiй (за 4 р. 28$^1/_2$ к.) (1). Къ сентябрю для студенческихъ комнатъ устроены по заказу 12 липовыхъ конторокъ, на два мѣста и съ двумя ящиками каждая, цѣною по 6 р., 8 липовыхъ же занятныхъ столовъ по 7 р. 14 коп., 14 липовыхъ шкафовъ со стеклами для книгъ по 11 р., до 50 табуретовъ по 60 коп., 18 новыхъ партъ со скамьями для классовъ по 7 р. 14 к., 5 столовъ со скамьями же для столовой по 6 р. Представляемъ перечень этихъ вещей нарочно для показанiя качества тогдашней обстановки академiи. Почти такого же качества обстановка прiобрѣталась для казенныхъ квартиръ начальствующихъ лицъ академiи, для библiотеки, больницы, канцелярiи и проч. За весь первый 18$^{44}/_{45}$ годъ жизни академiи въ Мельниковскомъ домѣ на прiобрѣтенiе всего ея вещеваго капитала издержано было 626 р. 50 к., уже гораздо менѣе сравнительно съ издержками на ея первоначальное обзаведенiе въ первый годъ послѣ ея открытiя. Въ слѣдующiй учебный годъ израсходовано еще менѣе, до 425 р. Въ отчетѣ за 18$^{46}/_{47}$ учебный годъ краснорѣчивый секретарь конференцiи проф. Гусевъ писалъ: „Экономiя академическая въ предыдущiе годы довольно запаслась уже всѣми предметами, которые, будучи существенно необходимы въ хозяйственномъ быту академiи, составляютъ вещевой ея капиталъ. Всѣхъ прiобрѣтенiй этого рода сдѣлано только на сумму около 115 р. Экономiя академическая вслѣдствiе этого текла уже тихо, подобно небольшой рѣкѣ, вступившей въ свои берега и имѣющей небольшое паденiе“.

Имѣя въ своемъ распоряженiи двухъярусный залъ въ Мельниковскомъ домѣ, академiя въ первый разъ получила возможность удовлетворить своей потребности въ собственной церкви. Мысль объ устройствѣ своей академической церкви явилась еще при самомъ переходѣ академiи на новую квар-

(1) Д. 1845 г. № 82

тиру. Преосвященный Владиміръ принялъ живѣйшее участіе въ ея осуществленіи и еще въ августѣ распорядился передать въ академію 25 иконъ разнаго именованія и цѣнности изъ каѳедральнаго собора Иконы эти впрочемъ пошли не на церковь, а въ студенческія и другія комнаты (¹). 30 августа ректоръ Григорій вошелъ къ преосвященному съ представленіемъ о разныхъ предметахъ церковной утвари, необходимой для служенія въ академическомъ залѣ всенощныхъ (уже начатыхъ) и литургій въ имѣющей устроиться здѣсь церкви, и просилъ указанія, пріобрѣтать ли эти предметы на академическую сумму или ждать, не благоволено ли будетъ преосвященному снабдить оными академію изъ какихъ либо закрытыхъ или изобилующихъ оными церквей. По распоряженію преосвященнаго, составленъ былъ реэстръ потребныхъ вещей и переданъ каѳедральному протоіерею, чтобы „поискалъ и, гдѣ что найдетъ, представилъ о томъ преосвященному".—Между тѣмъ ректоръ Григорій отыскалъ въ Ивановскомъ монастырѣ старый, но годный для подвижной церкви трехъярусный иконостасъ, лежавшій въ монастырѣ безъ употребленія, и 28 октября правленіе представило преосвященному уже формальную просьбу объ устройствѣ подвижной церкви въ академіи и о выдачѣ для нея на время намѣченнаго иконостаса, объясняя при этомъ, что церковь имѣетъ быть устроена во имя архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ въ память дня открытія академіи 8 ноября, что удобнѣйшимъ мѣстомъ для помѣщенія церкви можетъ служить академическій залъ собраній, который обыкновенно ничѣмъ не занимается цѣлый годъ, кромѣ одного дня публичнаго собранія въ іюнѣ, что на время такого собранія иконостасъ легко можетъ быть снимаемъ или занавѣшиваемъ. По полученіи разрѣшенія, когда для открытія церкви все было готово, правленіе вновь обратилось къ владыкѣ съ просьбою о выдачѣ для новаго храма священнаго антиминса и о благословеніи положить оный по чиноположенію на престолѣ 8 ноября. Все исполнилось, какъ было предположено, и торжество академическаго праздника 8 ноября въ 1844 г. было усугублено радостнымъ для всей ея корпораціи торжествомъ освященія ея домоваго храма, которое совершалъ ректоръ Григорій съ соборомъ академическаго духовенства и нѣкоторыхъ

(¹) Д. 1844 г. № 87.

близкихъ къ академіи духовныхъ лицъ. — Замѣчательно, что, благодаря распорядительности ректора и эконома Аркадія и ихъ заботливости въ пріисканіи нужныхъ для богослуженія предметовъ, устройство и открытіе церкви не стоило академіи никакихъ издержекъ. Кромѣ иконостаса и необходимыхъ для богослуженія сосудовъ и другой священной утвари, для храма съ самаго же начала понадобилась еще ризница. Дѣятельный ректоръ съ экономомъ нашли средство безденежно удовлетворить на первыхъ порахъ и этой потребности. Въ пожаръ 1842 г. сгорѣла городская Николо-Вешняковская церковь; ризница ея, сколько ея было спасено отъ огня, лежала теперь безъ употребленія на сохраненіи въ Петропавловскомъ соборѣ. Изъ нея ректоръ и испросилъ дозволеніе взять нужнѣйшую часть въ академическую церковь для временнаго пользованія. По описи, составленной экономомъ Аркадіемъ и священникомъ Никольской церкви А. Г. Ласточкинымъ, заимствованными значатся: 5 предметовъ церковной утвари, 11 разной матеріи и цвѣта ризъ, до 6 эпитрахилей, набедренниковъ и другихъ принадлежностей священническаго облаченія, 3 стихаря, 5 орарей и 4 воздуха. Икона академическаго праздника на кипарисной дскѣ (въ 10 и 8 вершк.) пріобрѣтена на заказъ за 14 р. 28½ к. у мастера Гагаева ([1]).

Новая церковь была весьма неудобна по своему устройству. Академическій залъ, выходившій пятью окнами съ балкономъ на Проломную улицу, имѣлъ пространства по улицѣ 5 саженъ, а вглубь корпуса 4 съ полуаршиномъ. Изъ этого пространства для алтаря отдѣлено было двѣ сажени съ двумя окнами. Пространство это было бы вполнѣ достаточно для алтаря, но боковая стѣна, по которой долженъ былъ послѣдній простираться, прорѣзана была на разстояніи всего 3½ аршинъ отъ наружной стѣны дверью сосѣдняго помѣщенія въ богословскую аудиторію, куда только и можно было проходить этой дверью, такъ что алтарь можно было вытянуть поперекъ зала отъ оконъ только до этой двери. Такъ и поставленъ былъ иконостасъ, занимая небольшой уголъ залы на югозападъ. Въ обыкновенное время и особенно на время собраній этотъ иконостасъ закрывался коленкоровою занавѣсью. Церковь получилась не совсѣмъ складнаго вида и кромѣ того проходная. Но торжественность богослуженія, совершавшагося большею

([1]) Тоже дѣло № 87.

частію однимъ изъ академическихъ архимандритовъ соборне, и прекрасное осмысленное пѣніе академическаго хора, который образовался еще въ Спасскомъ монастырѣ, съ самаго начала стали привлекать въ убогую академическую церковь много усердныхъ богомольцевъ. Въ апрѣлѣ 1845 г. у нея открылись уже небольшія собственныя средства изъ кошельковаго и свѣчнаго сбора, на которыя она въ 20-хъ числахъ этого мѣсяца сдѣлала первыя покупки для своего обзаведенія: благословенное блюдо аплике, два подсвѣчника аплике подъ серебро къ мѣстнымъ иконамъ и два такихъ же малыхъ выносныхъ и копіе. Нашлись и доброхотные жертвователи въ академическую церковь; для поминовенія ихъ именъ за богослуженіемъ заведенъ былъ особый синодикъ. Первою жертвовательницею явилась благочестивая домовладѣлица купчиха Н. Мельникова, пожертвовавшая въ 1845 г. икону господскихъ, богородичныхъ и нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ праздниковъ на кипарисной дскѣ въ позолоченномъ рѣзномъ кіотѣ и съ серебряными ризами (до 183½ золотн. серебра), одѣянія на престолъ и жертвенникъ изъ бѣлаго глазета, завѣсу къ царскимъ вратамъ, 3 воздуха, 2 ризы, 2 эпитрахили, 2 поручей, 2 пояса, набедренникъ, палицу и стихарь съ ораремъ изъ парчи. Другою благотворительницей г-жей Е. П. Геркенъ пожертвованы облаченія на престолъ и жертвенникъ изъ полотняной клеенки съ живописными изображеніями изъ жизни Спасителя. Казанскимъ портнымъ Виссаріономъ Вышеславцевымъ сдѣланы серебряныя ризы на икону безплотныхъ силъ вѣсомъ во 183 зол. и на икону Спасителя въ 2 ф. 20 золотниковъ. Неизвѣстныя лица пожертвовали, одна дама — 2 палицы и 3 воздуха, другой жертвователь въ 1846 г.— сребропозлащенную дарохранительницу съ 4 финифтяными образками въ 207 зол. вѣсомъ, третій 11 арш. черной шелковой матеріи, четвертый обложилъ серебромъ (134½ зол.) церковное Евангеліе; мѣщанинъ Н. Тупицынъ пожертвовалъ до 20 арш. шелковой матеріи на подризники и т. д. Кромѣ болѣе или менѣе крупныхъ пожертвованій, отъ разныхъ доброхотныхъ дателей и дательницъ получались мелкія пожертвованія, въ родѣ ковриковъ, платковъ для завертыванія антиминса и утиранія устъ послѣ причастія, полотенца и проч. Кончившій курсъ студентъ Е. Ляпустинъ въ іюлѣ пожертвовалъ 12 книгъ рукописныхъ нотъ для клироса (1).— Денеж-

(1) Д. 1845 г. № 89. Опись церк. имущества 1846 г. при дѣлѣ № 91.

наго дохода въ приходорасходной книгѣ по церкви за 1844 и 1845 гг. числилось 141 р. 70 к., за расходами осталось къ 1846 г. 30 р. 9 к. Въ 1847 г. за цѣлый годъ приходъ числился въ 188 р. 32 к. (съ остаткомъ отъ прошлаго года въ 16 р. 69 к.), расходъ 129 р. 19 к. Расходъ этотъ состоялъ исключительно изъ покупки вина, просфоръ, масла и свѣчъ. Изъ академическихъ суммъ на богослуженіе церковь не заимствовала ничего, обходясь одними собственными средствами.

Къ концу 1847 г. академія начала готовиться къ переходу въ новое собственное помѣщеніе, которое оканчивалось постройкой на настоящемъ мѣстѣ на Арскомъ полѣ.

Дѣло о постройкѣ ея зданій началось почти одновременно съ дѣломъ объ ея открытіи. Когда въ іюлѣ 1842 г. состоялась Высочайшая воля объ открытіи академіи, преосвященному Владиміру поручено было, вмѣстѣ съ отысканіемъ дома для временнаго помѣщенія академіи, войти въ соображеніе о выборѣ мѣста подъ постройку для нея собственныхъ зданій. По этому порученію преосвященный, при содѣйствіи казанскаго военнаго губернатора Шипова, избралъ для академіи прекрасное мѣсто на площади Арскаго поля противъ Родіоновскаго института, гдѣ теперь водопроводныя постройки, и въ началѣ іюля, вмѣстѣ съ планомъ нанимаемаго тогда для академіи дома Теренина, послалъ синодальному оберъ-прокурору и планъ этого новаго мѣста. Когда домъ Теренина сгорѣлъ и преосвященный просилъ оттянуть открытіе академіи до постройки для нея собственныхъ зданій и когда въ отвѣтъ на эту просьбу послѣдовало рѣшительное отношеніе оберъ-прокурора отъ 19 октября о немедленномъ открытіи академіи, во что бы то ни стало, графъ Протасовъ въ томъ же отношеніи извѣщалъ преосвященнаго, что Св. Синодъ отъ 12 окт. поручилъ своему архитектору сочинить уже и самый проектъ академическихъ зданій, и опредѣлилъ его преосвященству во всемъ, что̀ будетъ нужно раньше начала самой постройки, обращаться за содѣйствіемъ къ казанскому губернатору, подъ предсѣдательствомъ котораго учреждена была тогда цѣлая коммиссія для обстройки Казани послѣ пожара съ усиленнымъ личнымъ составомъ архитекторовъ. Въ началѣ 1843 г. Св. Синодъ приказалъ организовать при академіи особый строительный комитетъ изъ ректора и другихъ благонадежныхъ лицъ съ участіемъ въ немъ одного чиновника отъ

главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій и другого отъ мѣстнаго гражданскаго вѣдомства. Членами этого комитета, по распоряженію преосвященнаго отъ 7 апрѣля того же 1843 г., были назначены — съ духовной стороны: ректоръ Іоаннъ, котораго, послѣ увольненія его отъ ректуры, съ мая 1844 г. замѣнилъ преемникъ его ректоръ Григорій, экономъ академіи іеромонахъ Аркадій, которому поручена была и должность казначея комитета, священникъ каѳедральнаго собора, служившій при куртинской церкви, Николай Поликарповъ, на котораго, по близости его жительства къ мѣсту постройки, возложена была обязанность смотрѣть за матеріалами и за производствомъ работъ, и Духосошественской церкви священникъ Стефанъ Вишневскій; съ 1847 г. Поликарповъ просилъ объ увольненіи за старостію, но не былъ уволенъ до отдѣлки главнаго корпуса, только получилъ себѣ помощника — дьякона Сильвестра Пучковскаго, котораго рекомендовалъ ректоръ Григорій; коммиссарами опредѣлены Варваринской церкви дьяконъ Стратонъ Студенцовъ и соборный дьяконъ Василій Ядринъ, въ 1844 г. (по выходѣ въ село во священники) замѣненный другимъ, георгіевскимъ дьякономъ Василіемъ Бѣдняковымъ, который состоялъ при комитетѣ до 1848 г., затѣмъ тоже вышелъ, уступивъ свое мѣсто дьякону С. Пучковскому; секретаремъ комитета положено быть секретарю академическаго правленія Гусеву, но онъ скоро (11 ноября) отказался отъ этой должности за множествомъ другихъ дѣлъ по академіи и на мѣсто его 16 ноября назначенъ баккалавръ Н. П. Соколовъ, который и исполнялъ эту должность до конца всей постройки. Со стороны главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, отъ главноуправляющаго этимъ вѣдомствомъ графа Клейнмихеля назначенъ маіоръ корпуса инженеровъ Черниковъ, состоявшій при производствѣ академическихъ построекъ до начала 1844 г., потомъ замѣненный архитекторомъ академикомъ А. И. Песке. Изъ гражданскихъ чиновниковъ, по назначенію военнаго губернатора, при комитетѣ преемственно перебывало нѣсколько человѣкъ. Осенью, когда комитетъ вступилъ въ полное дѣйствіе, 13 октября отъ правленія академіи къ нему было прикомандировано два письмоводителя изъ студентовъ съ жалованьемъ по 100 руб. [1].

[1] Д. внутр. правл. 1843 г. № 63 и д. строительнаго комит. № 4.

Мѣсто для построекъ, облюбованное преосвященнымъ Владиміромъ въ 1842 г., было скоро потеряно для академіи. Губернское начальство послѣ казанскаго пожара 1842 г. составило для возобновленія города общій планъ Казани, на которомъ отмѣтило и это мѣсто, и послало его въ Петербургъ на Высочайшее утвержденіе. Когда послѣ утвержденія, состоявшагося 5 ноября, планъ воротился въ казанскую строительную коммиссію, въ немъ оказались измѣненія, сдѣланныя по желанію самого Государя Императора; мѣсто, намѣченное тогда для академіи, было теперь предназначено для постройки предположеннаго къ открытію въ Казани кадетскаго корпуса, а для академическихъ построекъ указана земля за военнымъ госпиталемъ на мѣстѣ кварталовъ нынѣшней Академической слободки за академіей. Но по осмотрѣ этого мѣста въ натурѣ оказалось, что академіи и тутъ строиться нельзя, потому что все поле за госпиталемъ и по второй горѣ было занято уже, по прежнимъ условіямъ съ городомъ, кирпичными сараями, которые были завалены теперь заказами кирпича для возобновленія послѣ пожара казенныхъ, общественныхъ и частныхъ зданій и никакъ не могли быть потревожены. 12 января 1843 г. военный губернаторъ Шиповъ, извѣщая объ этомъ преосвященнаго, высказалъ свое мнѣніе, что для академіи нужно опять пріискивать другое мѣсто. Въ резолюціи 13 янв. по этому извѣщенію преосвященный высказалъ твердое желаніе, чтобы и это другое мѣсто было отведено тоже на Арскомъ полѣ, и распорядился немедленно изготовить о томъ извѣстительное отношеніе губернатору съ тѣмъ, чтобы благоволено было приказать, кому слѣдуетъ, избрать оное мѣсто и снять его на планъ. Съ своей стороны онъ указалъ, что желалъ бы получить для академіи мѣсто, означенное на Высочайше утвержденномъ планѣ для новыхъ кварталовъ за военнымъ госпиталемъ по Сибирскому тракту, т. е. то самое, гдѣ академія помѣщается въ настоящее время. По ходатайству губернскаго начальства и съ доклада управляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, мѣсто это 27 февраля было Высочайше утверждено за академіей, о чемъ губернаторъ Шиповъ и извѣстилъ преосвященнаго 5 апрѣля ([1]). Но и этимъ затрудненія еще не кончились.

([1]) Д. строит. комит. № 3: объ отводѣ мѣста. Въ этомъ же дѣлѣ есть извѣщеніе вице-губернатора преосвященному отъ имени надв. сов. Депрейса.

Строительная коммиссія, не смотря на неоднократныя отношенія къ ней правленія академіи, цѣлое лѣто не могла сдѣлать подробнаго межеванія и отвода даннаго мѣста. Въ распоряженіи академическаго правленія пока только и было одно примѣрное указаніе отводимаго мѣста по Высочайше утвержденному генеральному плану Казани. По этому примѣрному указанію составленъ былъ въ Св. Синодѣ и самый планъ зданій академіи для соображеній по предмету заготовки строительныхъ матеріаловъ. Высочайшее утвержденіе его состоялось 28 октября; въ Казани онъ былъ полученъ 18 ноября ([1]). Когда коммиссія наконецъ собралась отмежевывать академическую землю, опять вышло недоразумѣніе. Въ данной на эту землю, высланной отъ 13 октября, количество всей земли для академической усадьбы и построекъ высчитано было въ 34,500 кв. саж., но когда 30 октября было приступлено къ межеванію ея, на дѣлѣ ея было отведено меньше. Экономъ Аркадій, бывшій депутатомъ при отводѣ, 11 ноября донесъ правленію, что межевщиками было отведено земли по Сибирскому тракту, отступя 40 саженъ отъ госпиталя и 30 отъ дороги, 100 саженъ вдоль дороги, 140 по боковой правой стороны, 110 по лѣвой и 90 сзади, всего 11,250 саженъ, т. е. 4 десятины и 1650 саженъ, тогда какъ по данной слѣдовало отвести спереди 200, сзади 140, а по бокамъ 240 и 220 саженъ, т. е. 34,500 кв. саженъ. Правленіе рѣшило: доложить о томъ преосвященному для сообщенія г. военному губернатору, дабы благоволено было выслать другую данную въ правленіе, по причинѣ несообразности отведеннаго количества земли съ данною. Такое неожиданное уменьшеніе академической дачи болѣе, чѣмъ втрое, произошло отъ того, что послѣ Высочайшаго утвержденія плана Казани и отмѣченнаго академическаго мѣста отъ 27 февраля, составленъ былъ уже новый измѣненный планъ Казани, Высочайшее утвержденіе котораго послѣдовало 14 октября, послѣ полученной академіей данной отъ строительной коммиссіи. Правленіе, подъ первымъ

отъ 27 іюля 1844 г., что г. Депрейсъ соглашается уступить свою дачу при Швейцаріи вмѣстѣ съ находящимся на ней кирпичнымъ заводомъ академіи за 25,000 р. асс. Преосвящ. Владиміръ, значитъ, имѣлъ на нее виды, но извѣщеніе это запоздало; за академіей въ это время было укрѣплено уже даромъ ея настоящее мѣсто.

([1]) Д. внутр. правл. 1843 г. № 63.

впечатлѣніемъ отъ такой невыгодной перемѣны, сначала хотѣло было обратиться къ губернатору за разъясненіями и писать о томъ же въ Св. Синодъ оберъ-прокурору, вѣроятно въ надеждѣ, не дойдетъ ли это дѣло до Высочайшаго свѣдѣнія и не будетъ ли возстановлена сила прежней данной на мѣсто, приготовило уже и самыя бумаги; но тогдашнія начальства не любили поправлять своихъ ошибокъ и допускать подобныхъ разъясненій. Преосвященный Владиміръ, человѣкъ очень осторожный, прежде чѣмъ пустить въ ходъ заготовленныя бумаги правленія, сначала словесно переговорилъ съ губернаторомъ Шиповымъ. О чемъ они говорили, не знаемъ, но только послѣ этихъ переговоровъ владыка запретилъ посылать бумаги, которыя такъ и остались въ архивѣ правленія, и распорядился попросить только о выдачѣ другой данной.

Весной, когда 29 мая 1844 г. произведена была повѣрка межеванія, земли для академіи противъ ноябрьскаго межеванія немного прирѣзали, положивъ по лицевой и задней сторонамъ поровну по 98 саженъ, а по боковымъ по 136, такъ что во всей площади между этими линіями вышло 13328 кв. саженъ ([1]). Послѣ выдачи данной на это мѣсто 19 іюля уѣздный землемѣръ и архитекторъ Песке приступили къ разбивкѣ мѣстности и къ назначенію площадей для зданій. Тутъ явилось новое затрудненіе. 22 числа Песке донесъ строительному комитету, что восточный уголъ академическаго мѣста, гдѣ долженъ по плану быть поставленъ восточный флигель академіи, вмѣсто того, чтобы отстоять отъ Сибирскаго тракта на 18 саженъ, врѣзался при разбивкѣ въ самую дорогу, слѣдовательно планъ составленъ не согласно съ натурою, кромѣ того вся мѣстность академической дачи оказалась изрѣзанною болѣе или менѣе глубокими ямами отъ производившихся прежде на ней работъ кирпичныхъ сараевъ и требуетъ уравненія чрезъ привозку значительнаго количества земли со стороны, что̀ не можетъ не отозваться на увеличеніи расходовъ по составленной имъ смѣтѣ на постройки. Комитетъ встревожился; начались съ его стороны экстренныя собранія и переписка съ преосвященнымъ, губернаторомъ, строительной коммиссіей и оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Губернаторъ распорядился составить новый точный

([1]) Тамъ же. Данная на землю выдана 13 іюля 1844 г., а 24 окт. совершенъ вводъ во владѣніе и выданъ вводный листъ.

планъ всей части Арскаго поля отъ Варваринской церкви до Сибирской заставы съ обозначеніемъ всего ея рельефа и съ нанесеніемъ дорожныхъ линій. По нему оказалось, что неправильность заключалась не въ планѣ академической дачи, а въ направленіи самой Сибирской дороги, которую проѣзжающіе пробили „своевольно“ не по надлежащей линіи. Послѣ этого, уже въ началѣ сентября, снова было приступлено къ разбивкѣ академическаго мѣста и къ землянымъ работамъ по углубленію нижняго этажа главнаго корпуса и уравненію всего мѣста. Все лѣто такимъ образомъ было потеряно и закладка самаго зданія отложена была до весны будущаго 1845 г. Уравненіе мѣста производилось почти до конца всей стройки главнаго корпуса, такъ какъ, во избѣжаніе лишнихъ расходовъ, производилось исподоволь, безъ употребленія посторонней земли, чрезъ срытіе бугровъ и чрезъ засыпку ими ямъ, а также свалкой въ ямы выемной земли изъ-подъ фундаментовъ зданій. Все-таки на одно это было издержано 2481 р. 60 к., безъ прибавки впрочемъ къ смѣтной строительной суммѣ, а изъ однихъ ея остатковъ ([1]).

8 мая 1845 г. въ день св. евангелиста Іоанна Богослова, послѣ литургіи въ ближайшей къ академіи Варваринской церкви, совершена была преосвященнымъ Владиміромъ закладка главнаго корпуса академіи. Въ основаніе зданія собственными его руками положена была чугунная плита съ отлитою на ней надписью: „Во имя тріипостаснаго Бога Отца и Сына и Св. Духа, во дни благополучнаго царствованія и по повѣленію Государя Императора Николая I Павловича Самодержца всероссійскаго, по благословенію Святѣйшаго Правительствующаго всероссійскаго Синода, при казанскомъ архіепископѣ Владимірѣ, заложенъ сей главный корпусъ для новоучрежденной Казанской Духовной Академіи, лѣта отъ Рождества Христова 1845 въ мѣсяцѣ маіѣ“. Въ торжествѣ закладки принимали участіе весь генералитетъ, члены университета, академическая и семинарская корпораціи и воспитанники академіи, при огромномъ стеченіи публики. Инспекторъ Серафимъ Аретинскій произнесъ по этому случаю краснорѣчивую рѣчь, въ которой провелъ мысль, что „аще не Господь созиждетъ домъ, всуе будутъ трудиться зиждущіи“.

([1]) Д. строит. комит. 1843 г.: объ отводѣ земли № 3 и № 57.

Господь благословилъ домъ. Послѣ преодолѣнія предварительныхъ препятствій самая стройка пошла весьма успѣшно. Строительный комитетъ проявилъ рѣдкую по своей распорядительности дѣятельность. Не довольствуясь одной распорядительной частью, предсѣдатель комитета ректоръ Григорій лично вступался во всѣ мелочи заготовленія матеріаловъ и самаго производства построекъ, проводя каждый день по нѣскольку часовъ на мѣстѣ работъ, куда, по дальности разстоянія отъ квартиры академіи въ домѣ Мельниковыхъ, было не легко ѣздить такъ часто. Правою рукою его и главнымъ смотрителемъ за работами былъ священникъ Николай Петровичъ Поликарповъ, человѣкъ весьма опытный въ строительномъ дѣлѣ, разсчетливый и, не смотря на свои немолодые годы, необыкновенно дѣятельный; онъ почти постоянно находился на стройкѣ, все видѣлъ и все зналъ, что тамъ дѣлалось, самымъ строгимъ образомъ принималъ всѣ матеріалы и наблюдалъ за каждымъ вершкомъ работы, кромѣ того, былъ постоянно полезенъ комитету разными практическими указаніями по части лучшихъ способовъ устроенія того или другаго предмета, выгоднѣйшей покупки матеріаловъ и изысканія средствъ къ сбереженію казны. Не отставая отъ него въ усердіи къ дѣлу, дѣйствовалъ одинъ изъ коммиссаровъ комитета дьяконъ Стратонъ Студенцовъ. Подрядчики, имѣвшіе въ годы стройки какія нибудь дѣла съ академіей, въ голосъ говорили, что имъ еще никогда не приводилось участвовать въ такой тяжелой для нихъ и взыскательной стройкѣ. Самъ преосвященный Владиміръ съ видимой любовью занимался дѣломъ академическихъ построекъ; бумаги комитета всѣ испещрены его большею частію длинными резолюціями, въ которыхъ онъ давалъ разныя замѣчанія, указанія, совѣты, извѣщенія о мѣрахъ, самимъ имъ предпринятыхъ въ разныхъ случаяхъ, вообще руководилъ дѣятельностію комитета; нѣкоторые черновые отпуски бумагъ, посылавшіеся высшему начальству, написаны имъ собственноручно даже цѣликомъ. Чистота, аккуратность, прочность всѣхъ произведенныхъ тогда построекъ, и вмѣстѣ громадныя сбереженія отъ смѣтной строительной суммы всего краснорѣчивѣе говорятъ о хозяйственныхъ заботахъ и энергичной дѣятельности всѣхъ первыхъ строителей академіи.

Не нужно забывать, что время для начатія построекъ было тогда самое неблагопріятное. Послѣ опустошительнаго

пожара 1842 г. вся Казань перестраивалась заново; для удовлетворенія потребностей этой всеобщей перестройки города не хватало ни матеріаловъ, ни рабочихъ рукъ; цѣны на все поднялись до небывалыхъ прежде размѣровъ. Академія съ 1843 г. нѣсколько разъ назначала торги на свою постройку, но на всѣхъ торгахъ предлагались ей такія цифры расходовъ, которыхъ никакъ нельзя было принять, не смотря на то, что комитетъ старался выискивать для этихъ торговъ, по возможности, болѣе удобное и дешевое время.—На большинство торговъ даже никто изъ подрядчиковъ и не являлся. Вслѣдствіе этого всю постройку пришлось вести самымъ хлопотнымъ, хозяйственнымъ способомъ, съ самой мелочной разсчетливостью, съ утомительнымъ наблюденіемъ за всякою подробностью, а главное при крайне усложненномъ бумажномъ дѣлопроизводствѣ, которое при подрядной постройкѣ было почти не нужно. Дѣлопроизводство это въ академическомъ архивѣ представляетъ собою ужасающую массу писаной бумаги въ шести огромныхъ фоліантахъ, вершковъ по 6—7 толщиной каждый. Вотъ для любопытства число однихъ входящихъ и исходящихъ бумагъ за строительные годы: въ 1845 г. входящихъ 498 №№, исходящихъ 667, въ 1846 г. первыхъ 323, вторыхъ 446, въ 1847 — 360 и 570, въ 1848 — 666 и 655, въ 1849 — 223 и 267, наконецъ въ 1850 только 72 и 94. Не можемъ удержаться, чтобы не привести здѣсь описанія хоть нѣсколькихъ эпизодовъ этой образцовой и поучительной казенной стройки.

Первымъ дѣломъ строительнаго комитета была заготовка матеріаловъ для постройки. Первоначальныя, законныя условія для поставки кирпича казались такъ тяжелы поставщикамъ, что никто не хотѣлъ на нихъ соглашаться, и комитетъ два раза долженъ былъ понижать свои требованія, наконецъ, не добившись ничего на двукратныхъ уже торгахъ, пришелъ къ мысли устроить свои собственные кирпичные заводы. Мысль эта была одобрена и преосвященнымъ Владиміромъ, и Св. Синодомъ. Это было въ августѣ 1843 г. еще до ректора Григорія. Но болѣе опытные члены комитета, о. Аркадій и священникъ Поликарповъ, подали мнѣнія противъ такого предпріятія, указывая 1) на дальность мѣстъ, гдѣ нужно было строить такіе заводы, такъ какъ ближнія мѣста до 5 верстъ отъ мѣста стройки были уже заняты, 2) на дороговизну ихъ устройства и самаго производства кирпича вслѣдствіе вздорожанія топлива и рабочихъ рукъ,

3) на затруднительность для академіи сбыта кирпича, негоднаго для стройки, сѣраго и алаго, котораго изъ каждаго горна выходитъ болѣе, чѣмъ годнаго—желѣзняка и краснаго, и который можетъ остаться на шеѣ у академіи. Комитетъ оставилъ свою мысль и опять началъ сзывать торги. До марта 1844 г. опять были два раза торги и опять не утверждены. Наконецъ уже въ половинѣ марта одинъ заводчикъ Лелякинъ, заводы котораго частію выходили на самое мѣсто стройки академіи и подлежали сносу, согласился доставить 500,000 кирпичей (въ числѣ ихъ 75,000 желѣзняка) за подходящую цѣну, вмѣсто 9 р. справочной цѣны безъ доставки, за 7 р. 65 к. съ доставкой, только съ тѣмъ, чтобы ему дозволено было продолжать на лѣто работы по своему заводу на академическомъ мѣстѣ. Къ удивленію, вдругъ съ этою цѣною не согласился Св. Синодъ и сталъ настаивать на выполненіи прежней мысли комитета объ устройствѣ собственныхъ заводовъ, да и бумагу объ этомъ прислалъ уже къ осени, когда все дѣло было сдѣлано и кирпичъ поставленъ. Пришлось отписываться. Ректоръ Григорій, вошедшій тогда уже во всѣ подробности строительнаго дѣла, самъ приготовилъ объясненіе, въ которомъ очень сильно доказалъ, что отъ собственныхъ заводовъ комитетъ никогда бы не получилъ такой выгоды, какъ отъ поставки Лелякина, что цѣна его кирпича самая низкая, какой въ городѣ и найти нельзя, что комитету только потому и удалось доторговаться до такой цѣны, что онъ немного прижалъ Лелякина, заставляя его въ самое дорогое для производства кирпича время безотлагательно снести его заводъ съ академическаго мѣста. Св. Синодъ отъ 31 декабря разрѣшилъ заключить съ Лелякинымъ условіе уже послѣ того, какъ оно было давно выполнено. Послѣ такой удачной покупки кирпича у Лелякина стали являться зимой (1844 г) и другіе поставщики, потому что поставка была крупная, до 3,000,000 кирпича. Маіоръ корпуса инженеровъ Мейеръ, у котораго въ управленіи были большіе склады компанейскаго кирпича на Арскомъ полѣ, въ зиму и лѣтомъ 1845 г. обязался доставить 1,500,000 кирпича по 7 р. 55. к. за тысячу. Другой поставщикъ, заводчикъ Преображенскій, остальное количество продалъ еще дешевле—за 7 р. 50 к. Послѣ этого по части заготовки кирпичнаго матеріала комитетъ нашелъ себя обезпеченнымъ (1).

(1) Д. строит. комит. о поставкѣ кирпича № 9.

Съ такою же разсчетливостью заключались условія по поставкѣ и другихъ матеріаловъ. Комитетъ торговался изъ-за каждой мелочи, назначая по нѣскольку торговъ на каждый родъ матеріаловъ и соглашаясь на заключеніе условій съ поставщиками только тогда, когда цѣна поставки спускалась до минимума; но и послѣ этого на журналѣ объ утвержденіи торга непремѣнно являлась резолюція преосвященнаго Владиміра: „поторговаться еще, ибо цѣна сія все еще высока". Поставки всѣ были разбиты по рукамъ разныхъ вольныхъ поставщиковъ и по цѣнамъ дѣйствительно до нельзя минимальнымъ ([1]). Множество предметовъ и работъ было передано даже разнымъ деревенскимъ поставщикамъ и артелямъ, что называется, въ первыя руки, помимо болѣе дорогихъ городскихъ поставщиковъ и рабочихъ подрядчиковъ.

Земляныя работы напр., за которыя меньше 1 р. 12 к. съ куба земли (справ. цѣна 1 р. 40 к.) въ городѣ никто не бралъ, были отданы вольнымъ рабочимъ за 86 к. съ куба ([2]). Торги на кирпичную кладку начались съ весны 1844 г. и производились до января 1845 г. восемь разъ; комитетъ находилъ цѣны все слишкомъ высокими и въ концѣ концовъ добился таки желательной уступки ([3]). Въ январѣ 1845 г. явился подрядчикъ, взявшійся произвести эту работу по 2 р. 20 к. съ сажени бута, по 1 р. 78 к. съ тысячи кирпичей за кладку стѣнъ и прочаго и по 13 к. съ погонной сажени за тасканіе кирпичей, что въ общей сложности за всю кирпичную работу по главному академическому корпусу составляло всего 5,373 р. 10 к., тогда какъ, по смѣтѣ архитектора Песке, эта работа была исчислена въ 10,925 руб., а по справочнымъ цѣнамъ стоила 12,026 руб. При заключеніи окончательнаго условія, ректоръ и изъ этой цѣны успѣлъ уторговать

([1]) Поставку бутоваго камня взяли на себя акинскіе и царицынскіе крестьяне по 6 р. 70 к. за куб. сажень, поставку извести-печищенскіе крестья-(не по 25 р. 20 к. сажень; песокъ-одинъ татаринъ по 1 р. 33 к. сажень (справ. цѣна 3 р.). Лѣсъ покупался тоже у разныхъ крестьянъ и у плотовщиковъ на Волгѣ по веснѣ; вотъ главныя его цѣны: сосновое бревно 4 саж. длины, 5 верш. въ отрѣзѣ 64 к., такое же 6 верш. въ отрѣзѣ до 1 руб. справ. 1 р. 40 к.),—8 верш. 1 р. 87 к. (справ. 2 р.), половая доска въ 3 саж. 30 к. и т. д. Д. стр. ком. №№ 14, 15, 28 и др.

([2]) Д. строит. ком. № 25.

([3]) Д. стр. ком. о кирпичн. работахъ № 26.

еще по 3 к. съ тысячи, т. е. отдать подрядъ по 1 р. 75 к. съ тысячи. Съ такой же экономіей дѣлались условія съ разными лицами на работы плотничныя, столярныя, кровельныя, кузнечныя, малярныя и т. д. (¹). Надобно замѣтить при этомъ, что, вслѣдствіе огромнаго спроса на рабочія руки, цѣны на рабочихъ стояли тогда очень высокія, не совсѣмъ низкія даже для нашего времени; по смѣтѣ архитектора, согласной съ справочными цѣнами, плотникъ стоилъ въ день 70 к., столяръ и кузнецъ по 1 р., каменьщикъ, штукатуръ, маляръ, кровельщикъ, печникъ по 90 к., чернорабочій поденьщикъ по 40 к. Для наблюденія надъ работами комитетъ нанялъ даже особаго десятника за 120 руб. въ годъ, а для рисованія плановъ, фасадовъ и разныхъ деталей стройки—чертежника за 100 р. (²).

Самая смѣта на постройки составлена была очень экономно,—на весь главный корпусъ въ 3 этажа, кромѣ подвальнаго жилаго же, длиной въ 31 саж. 2 арш., глубиной въ 10 саж. 1 арш., высотой въ 8 саж., было назначено 82,721 р. 68½ коп.; но въ Св. Синодѣ эту смѣту значительно еще сократили, назначивъ къ отпуску въ разное время, съ разными прибавками, которыя потребовались при самой стройкѣ по дополнительнымъ смѣтамъ (напр. 10,000 р. на устройство, вмѣсто голландскихъ, духовыхъ аммосовскихъ печей) и по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, всего 78,622 р. 15 коп. Многія сокращенія смѣты составлены были въ Петербургѣ неосновательно, безъ знанія мѣстныхъ условій и были только лишней помѣхой для разсчетовъ и дѣйствій комитета, который не могъ ихъ исполнить и не исполнялъ, а отъ нѣкоторыхъ пришлось даже отписываться. Напр. рекомендовано было для сокращенія расхода весь подвальный этажъ устроить, вмѣсто кирпича, изъ дикаго плитовника, карнизы, вмѣсто кирпича на желѣзѣ, вытянуть изъ вятской плиты, изъ нея же подѣлать лѣстницы, вмѣсто чугунныхъ плитъ. Комитетъ сдѣлалъ все по-своему на собственные экономическіе остатки, ссылаясь на то, что казанскій плитовникъ, по своей неровности, въ стѣны не годится, постройка изъ него потребуетъ множества извести и обойдется гораздо дороже кирпичной, а стѣны все-таки будутъ сыры, холодны и непрочны и изъ-за одного

(¹) Д. стр. комит. №№ 26, 32, 35, 37 и др.

(²) Тамъ же №№ 27 и 42.

этажа испортится все зданіе, что вятская плита по рыхлости въ карнизы тоже нейдетъ, а на лѣстницахъ будетъ крошиться и стираться и потребуетъ частыхъ ремонтовъ (1). Петербургскія канцеляріи, особенно самая важная и лѣнивая изъ нихъ— по управленію путей сообщенія и публичныхъ зданій графа Клейнмихеля, немало мѣшали правильному ходу постройки, опаздывая разсмотрѣніемъ смѣтъ и разныхъ прибавочныхъ подробностей къ нимъ. Напр. по предмету устройства въ академіи аммосовскаго отопленія утвержденіе смѣты, составленной еще въ ноябрѣ 1844 года, пришло уже отъ 30 января 1846 г., когда аммосовскія печи были уже готовы; все это время комитетъ, совершая ихъ постройку на свой страхъ, конечно долженъ былъ сильно безпокоиться, а между тѣмъ времени терять было нельзя, чтобы не лишиться выгодныхъ условій подряда. (2) Подобныя замедленія канцелярій, не поспѣвавшихъ за практическою энергіей комитета, случались не разъ въ продолженіе академической постройки.

Послѣ окончательнаго возведенія зданія въ 1848 г., согласно опредѣленію Св. Синода отъ 23 апрѣля 1847 года, устроена внутри его домовая церковь во имя архистратига Михаила. Мы знаемъ, что при открытіи академіи предполагалось въ ея домовой церкви устроить еще придѣлъ во имя Св. Димитрія ростовскаго, но по небольшимъ размѣрамъ церкви этого предположенія не пришлось осуществить. Церковь вышла впрочемъ весьма приличная и изящная въ два свѣта съ алтаремъ въ одинъ свѣтъ; иконостасъ ея съ простою рѣзьбою въ видѣ полукруга, завершающійся сверху полусферою, представлялъ собою нѣчто въ родѣ внутренности круглаго павильона съ рѣшетчатымъ сводомъ, сквозь клѣтки котораго въ полусферѣ виднѣлось лазурное небо съ летающими въ облакахъ ангелами (3). Устройство его взялъ на себя мастеръ Соболевъ за 314 р. 27 к.; живопись на куполѣ, а также иконостасныхъ и алтарныхъ иконъ исполнилъ мастеръ Гагаевъ за 311 р. 44 к., такъ что все стоило 625 р. 71 к. (4). Прежній иконостасъ Мельниковскаго дома былъ сданъ Ива-

(1) Тамъ же № 23.

(2) Д. внутр. правл. 1846, № 111 и Д. строит. комит. № 31.

(3) Изображенія эти были уничтожены при ректорѣ Іоаннѣ и замѣнены некрасивымъ крашенинннымъ небомъ съ звѣздами.

(4) Д. строит. комит. № 59.

новскому монастырю, откуда онъ былъ заимствованъ; разная церковная утварь также возвращена Николо-Вешняковской церкви по принадлежности. Въ новую церковь перенесенъ былъ только св. престолъ и предметы, пріобрѣтенные для церкви самой академіей. Затѣмъ въ ноябрѣ ректоръ Григорій получилъ отъ преосвященнаго новый антиминсъ, и 8 ноября 1848 г. самъ преосвященный освятилъ академическую церковь съ большимъ торжествомъ, для котораго былъ устроенъ крестный ходъ изъ собора съ чудотворной иконою Казанской Божіей Матери.

Лѣтомъ 1848 г., во время ваката, академическое правленіе приняло отъ комитета готовый къ переходу академіи корпусъ въ свое вдадѣніе по надлежащей описи, утвержденной окончательно уже въ январѣ 1850 г. (¹). Окончательные результаты всей операціи по постройкѣ главнаго корпуса узнаемъ изъ отчета строительнаго комитета, законченнаго для отсылки въ Петербургъ 28 марта 1851 г. (²). Представимъ изъ него по крайней мѣрѣ главныя цифры, которыя и безъ дальнѣйшихъ подробностей выразительно могутъ свидѣтельствовать о необыкновенной внимательности и распорядительности главныхъ дѣятелей описанной нами строительной операціи. Вмѣсто 82.721 р. $68\frac{1}{2}$ к. по первоначальному смѣтному исчисленію стоимости всей постройки, или 78,622 р. 15 к. дѣйствительнаго отпуска денегъ по сокращеніи этой смѣты въ Синодѣ, комитетъ употребилъ въ расходъ только 65,923 р. $67\frac{1}{4}$ к., т. е. сберегъ противъ смѣты 16,798 р. $1\frac{1}{4}$ к., а противъ дѣйствительнаго отпуска денегъ 12,698 р. $47\frac{3}{4}$ к. Притомъ же въ число указаннаго расхода вошли жалованье архитектору 1662 р. 50 к., разъѣздныя 211 р. 80 к. и награды главному смотрителю работъ о. Поликарпову и двоимъ дьяконамъ до 300 р. Сбереженіе состояло частію въ матеріалахъ, употребленныхъ потомъ на послѣдующія постройки, частію въ деньгахъ (до 7,760 р.). Съ разрѣшенія Св. Синода, изъ остатковъ покрыты еще нѣкоторые сверхсмѣтные расходы, напр. очень крупный расходъ по уравненію академическаго мѣста, которое все было изрыто ямами отъ бывшихъ на немъ кирпичныхъ заводовъ, простиравшійся до 2,481 р. 60 к. Дѣйствительный остатокъ, за

(¹) Д. внут. правл. 1848 г. № 30.

(²) Д. строит. комит. № 119.

покрытіемъ всѣхъ этихъ расходовъ, состоялъ изъ 10,216 р. 87¾ к. Получивъ такіе результаты, комитетъ рѣшился еще ходатайствовать о наградахъ архитектору въ размѣрѣ его годоваго жалованья (475 р.) и 450 р. свящ. Поликарпову. Награды эти были разрѣшены, но о. Поликарповъ не дождался полученія денегъ. Еще въ 1847 г. почтенный старецъ просилъ освободить его отъ непосильныхъ уже для него занятій и комитетъ опредѣлилъ на его мѣсто дьякона С. Пучковскаго. Въ аттестатѣ, данномъ ему при отставкѣ, комитетъ свидѣтельствовалъ, что онъ, Поликарповъ, проходилъ свою должность „съ превосходнымъ знаніемъ дѣла, съ отличнымъ рвеніемъ и съ самою тщательною заботливостью о соблюденіи казеннаго интереса въ употребленіи матеріаловъ и чрезъ то весьма много способствовалъ къ сокращенію расходовъ". Въ іюлѣ 1851 года онъ скончался, и его наградныя деньги были выданы уже его наслѣдникамъ ([1]).

Принятый правленіемъ академіи главный корпусъ заключалъ въ себѣ такія помѣщенія. Подвальный этажъ заключалъ въ себѣ преимущественно хозяйственныя помѣщенія,—кухни ректора, инспектора, больничную и студенческую, помѣщеніе для нагрѣванія воды, хлѣбную, комнаты для служителей, двѣ кладовыхъ и (при восточномъ сходѣ въ этотъ этажъ) большую комнату для кончившихъ курсъ студентовъ, въ которой потомъ былъ помѣщенъ ламповщикъ, брадобрѣй и др. служители. Кромѣ того, еще ниже этого этажа устроены были особые подвалы въ землѣ для 4-хъ пневматическихъ печей. Въ первомъ, нижнемъ этажѣ въ самой срединѣ помѣщалась входная парадная площадка и лѣстница, ведущая въ слѣдующій этажъ. На-право и на-лѣво отъ входа устроены были двѣ комнаты, спускающіяся въ подвальный этажъ,—одна налѣво для швейцара, другая на-право—кладовая съ особой сводчатой камерой, отдѣленной отъ кладовой желѣзною дверью, для храненія академической кассы. Вдоль всего корпуса, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ этажахъ, тянулись длинные корридоры, по обѣ стороны которыхъ и были расположены всѣ жилыя и другія комнаты. Въ нижнемъ этажѣ, съ площадки на-лѣво помѣщалась квартира ректора, занимавшая всю четверть этого этажа до восточнаго его конца; направо — небольшая пріемная, за ней съ однимъ входомъ

([1]) Д. строит. комит. № 4 и 119.

изъ корридора двѣ комнаты для канцеляріи и правленія, а еще далѣе къ западу двѣ съ разными входами комнаты, раздѣленныя каждая на три части досчатыми переборками, для квартиръ монашествующихъ профессоровъ. По другую сторону корридора на западномъ концѣ квартира эконома съ однимъ окномъ на дворъ; въ ней впрочемъ жили обыкновенно коммиссары, а эконому отводилась одна изъ указанныхъ сейчасъ болѣе просторныхъ профессорскихъ квартиръ. Къ этой небольшой экономской или коммиссарской квартирѣ прилегалѣ буфетъ въ два окна съ подъемной машиной изъ кухни и кубами съ водой для чая студентовъ; изъ нея вела вверхъ узкая лѣстница, доведенная только до 2-го этажа, и лѣстница внизъ въ кухню. Рядомъ съ буфетомъ устроена была студенческая столовая въ 4 окна съ расположенными поперекъ нея четырьмя столами и скамьями. Около самой парадной лѣстницы помѣщался правленскій архивъ въ небольшой комнатѣ въ одно окно. Такая же комната въ одно окно по другую сторону лѣстницы занимаема была иногда монашествующими студентами, а иногда письмоводителями. Отъ нея затѣмъ шла вдоль всего корридора больница въ 5 оконъ съ двумя выходами въ корридоръ и однимъ съ боку, гдѣ шла боковая лѣстница вверхъ во всѣ верхніе этажи. Во второмъ этажѣ (бельэтажѣ) среднюю часть впереди занимала церковь, вторымъ своимъ свѣтомъ проходившая и въ верхній этажъ; рядомъ съ нею въ западной части до конца корпуса было отведено помѣщеніе для библіотеки, состоявшее изъ двухъ залъ, раздѣленныхъ аркой, по $5^1/_2$ саж. длины и $3^1/_2$ ширины; по другую сторону церкви за алтаремъ расположны были кабинеты для храненія физическихъ инструментовъ и предметовъ естественной исторіи; въ одномъ изъ нихъ, рядомъ съ алтаремъ, помѣщена была впослѣдствіи Соловецкая библіотека. По другую сторону корридора, начиная съ западнаго конца корпуса, шли квартира инспектора, аудиторія младшаго курса, маленькая въ одно окно аудиторія монгольскаго отдѣленія, другая такая же маленькая комната, по другую сторону парадной лѣстницы, послѣ обращенная въ ризницу, затѣмъ большая аудиторія и комната въ одно окно, занимаемая сначала коммиссаромъ, потомъ студентами монахами и священниками. Въ верхнемъ этажѣ спереди расположены были шесть занятныхъ комнатъ студентовъ и кладовая для

студентовъ, а по другой сторонѣ корридора два обширныхъ дортуара, гардеробная и умывальная комнаты.

Весь корпусъ былъ устроенъ чрезвычайно прочно, разсчетливо и предусмотрительно. Поперечными капитальными стѣнами, сводами корридоровъ и брандмауерами на чердакѣ онъ былъ раздѣленъ на нѣсколько изолированныхъ отдѣленій на случай пожара. Общій пожаръ зданія былъ даже, можно сказать, невозможенъ, потому что огонь легко было локализировать только въ томъ отдѣленіи, гдѣ онъ начался; каждое отдѣленіе, въ случаѣ несчастія, могло выгорѣть, хоть-бы даже сквозь всѣ три этажа, безъ вреда для остальныхъ. При послѣдующихъ въ разное время передѣлкахъ стѣнъ и дымовыхъ трубъ и вентиляціонныхъ ходовъ, это первоначальное устройство зданія было значительно измѣнено но все еще можетъ и теперь поучительно занять знатока строительнаго дѣла. Былъ одинъ только ощутительный въ немъ недостатокъ: — строители слишкомъ поэкономили на счетъ его размѣровъ; студенческія помѣщенія были разсчитаны лишь на штатное тогда число студентовъ,—60 человѣкъ, и притомъ совсѣмъ въ обрѣзъ, такъ что академія стѣснялась принимать свыше этого числа даже самое ограниченное число студентовъ—волонтеровъ; помѣщенія для начальниковъ и наставниковъ устроены были очень скромныя, вовсе не было устроено актоваго зала, такъ что академія должна была справлять свои торжества или въ старшей, очень непространной для публики аудиторіи (всего въ 4 окна), или въ академической церкви, которая на такіе случаи обращалась въ залъ чрезъ занавѣшиваніе ея иконостаса полотномъ.

28 іюля 1848 г. совершился переходъ академіи изъ дома Мельниковыхъ, гдѣ она прожила 4 года, въ собственное помѣщеніе. Но въ этомъ помѣщеніи нашли себѣ пріютъ только студенты, начальствующіе и профессоры-монахи. Остальные преподаватели должны были перейти изъ дома Мельниковыхъ на вольныя квартиры, такъ какъ казенныя помѣщенія для нихъ еще не были готовы.

Для квартиръ наставниковъ положено было, кромѣ главнаго корпуса академіи, выстроить два флигеля ([1]). Любопытна

([1]) Послѣдующія свѣдѣнія заимствованы изъ дѣлъ строит. комитета № 30: о постройкѣ академич. флигелей, и № 61: объ ассигнованіи на нихъ суммъ.

одна бумага оберъ-прокурора отъ 19 ноября 1845 г., касавшаяся размѣровъ этой постройки. Архитекторъ Песке предполагалъ устроить во флигеляхъ 14 квартиръ для наставниковъ, въ томъ числѣ 6 для женатыхъ, побольше размѣромъ; оберъ-прокуроръ писалъ на это, что „духовно-учебнымъ управленіемъ признано необходимымъ сократить число квартиръ, безъ назначенія вовсе помѣщеній семейнымъ наставникамъ, каковыхъ вообще при духовно-учебныхъ заведеніяхъ стараются избѣгать". Смѣта передѣлана на 14, но холостыхъ квартиръ. На оба флигеля, на устройство конюшенъ, сараевъ, кладовыхъ, ледниковъ, бани, колодца, каменной ограды около всего мѣста и поперечной стѣны между переднимъ и заднимъ дворомъ съ садомъ, двухъ деревянныхъ заборовъ отъ главнаго корпуса до флигелей и мостовой на дворѣ и по улицѣ было исчислено по смѣтѣ 77,232 руб. 31¼ коп. Послѣ длинной переписки съ Петербургомъ къ 1847 г., когда комитетъ приступилъ къ работамъ, смѣта эта была сокращена до 56,729 руб. Урѣзки ея большею частію такъ же были непрактичны и основывались на такихъ же заглазныхъ и чисто канцелярскихъ соображеніяхъ, какъ при сокращеніи смѣты на главный корпусъ. Къ удивленію, тутъ находимъ повтореніе даже опровергнутаго уже распоряженія устроить нижніе этажи изъ плитовника; синодальный архитекторъ почему-то особенно напалъ еще на каменныя ограды, рекомендовалъ пустить ихъ тоньше, фундаментъ углубить только на полъ-аршина, желѣзомъ не крыть, поперечную стѣну на дворѣ замѣнить деревяннымъ заборомъ (что было противно даже Высочайше утвержденному плану), рѣшетку у сада передъ корпусомъ оставить только съ уличной стороны, а съ другихъ сторонъ замѣнить деревянными надолбами съ однимъ поперечнымъ брускомъ, наконецъ, на дворѣ, вмѣсто мостовой, положить только деревянные мостки для переходовъ;—въ Петербургѣ конечно не знали, что въ вязкой глинѣ этого двора могли утонуть не только пѣшеходы, но и кареты ректора и архіерея. Архитекторъ Песке настоялъ на своемъ, но для этого все-таки долженъ былъ сократить свою смѣту еще на сумму до 5,189 р. и пообѣщать, что разныя оспариваемыя предположенія свои комитетъ выполнитъ на счетъ своихъ собственныхъ остатковъ, не требуя ничего отъ казны. Въ этой перепискѣ прошло много времени. Утвержденіе смѣты произошло уже въ январѣ 1850 г., спустя лѣто, даже два лѣта, необходимыхъ для работъ. Къ сча-

стію для академіи, комитетъ не сталъ дожидаться петербургскихъ канцелярій и началъ дѣло раньше, на свой собственный страхъ; деньги для начала у него были отъ первой стройки и онъ надѣялся, что ихъ какъ нибудь хватитъ до новой ассигновки.

Работы начались съ весны 1847 г. и пошли непрерывнымъ и энергичнымъ ходомъ. Заготовленіе новыхъ матеріаловъ для стройки было произведено еще экономнѣе, потому что самое горячее время городскихъ построекъ послѣ пожара 1842 г. стало уже проходить. Контракты на работы заключались по самымъ дешевымъ цѣнамъ, напр. земляная выемка по 90 к. за кубъ земли, бутованіе за 2 р. 79 к. квадр. сажень, кирпичная кладка по 1 р. 38 к. съ тысячи и т. д. Самый кирпичъ купленъ за тысячу по 5 р. 63 к. Къ зимѣ 1847 г. флигеля были выведены уже до половины; на всѣ поставки и дальнѣйшія работы были заключены условія, а утвержденія смѣты все не было. Вдругъ отъ 16 декабря 1847 г. на имя преосвященнаго Владиміра изъ Петербурга пришла бумага, въ которой между прочимъ говорилось, что недостатокъ средствъ по духовно-учебному вѣдомству едва-ли дозволитъ приступить въ 1848 г. къ постройкѣ ограды академіи даже при значительномъ сокращеніи смѣты и что объ этомъ предметѣ слѣдуетъ имѣть особое сужденіе. Это было сильнымъ ударомъ для комитета, который хорошо зналъ, какими оттяжками грозитъ это особое сужденіе для продолженія начатыхъ уже строекъ. Отъ 14 января 1848 г. онъ послалъ въ духовно-учебное управленіе длинное объясненіе о необходимости продолжать постройку флигелей до конца, чтобы по крайней мѣрѣ покрыть ихъ въ этотъ же годъ; объ оградѣ онъ писалъ, что она тоже необходима, такъ какъ академическое мѣсто находится на большой Сибирской дорогѣ и теперь вовсе ничѣмъ не огорожено, строить около него временный деревянный заборъ будетъ только лишнимъ расходомъ и притомъ недешевымъ, а между тѣмъ на постройку ограды заключены уже всѣ условія, при томъ съ обозначеніемъ сроковъ.

Наступилъ строительный сезонъ, а отвѣта изъ Петербурга все не было. Отложивъ пока стройку ограды, которая почему-то особенно не нравилась духовно-учебному управленію, до полученія окончательныхъ извѣстій о судьбѣ смѣты и новой ассигновки денегъ, комитетъ сосредоточилъ работы на одних

флигеляхъ и строился до истощенія наличныхъ средствъ. Но вотъ понемногу истощились и эти средства, а изъ Петербурга не слали ни смѣты, ни денегъ. Насталъ августъ мѣсяцъ, нельзя стало оттягивать и постройки ограды. А между тѣмъ съ теченіемъ работъ текли и необходимые платежи. Остановить всѣ работы до будущаго года было уже невозможно, не вводя въ тяжелые убытки всѣхъ, съ кѣмъ комитетъ заключилъ свои условія и контракты. Когда дѣло дошло до такого положенія, ректоръ Григорій рѣшился на крайнюю и рискованную мѣру; онъ и прежде нѣсколько разъ уже дѣлалъ чрезъ о. Аркадія безгласные, частные займы у разныхъ лицъ въ городѣ, уплачивая къ срокамъ одинъ заемъ другимъ, въ надеждѣ покрыть ихъ всѣ вразъ ожидаемой ассигновкой; наконецъ рѣшился взять нѣкоторое необходимо нужное комитету количество денегъ заимообразно даже изъ академической кассы. Благодаря этимъ мѣрамъ, осенью того же 1848 г. постройка ограды и всѣхъ начатыхъ доселѣ зданій вчернѣ была уже закончена.

Рискъ архим. Григорія однако не обошелся ему даромъ. Преосвященнаго Владиміра, который все дѣло академической стройки живо принималъ къ сердцу и который вѣроятно самъ же и разрѣшилъ бы эту операцію съ займомъ денегъ, по крайней мѣрѣ согласился бы на нее изъ-подъ руки, съ весны 1848 г. уже не было на казанской каѳедрѣ; новый же владыка Григорій отнесся къ этому дѣлу формально и замѣтивъ въ академической кассѣ, при ревизіи академіи, недостачу 2,660 р. 57 к., донесъ объ этомъ Св. Синоду, не смотря на всѣ просьбы и объясненія ректора. Послѣдній поспѣшилъ составить и послать въ Св. Синодъ новое объясненіе нуждъ строительнаго комитета, въ которомъ настоятельно просилъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи смѣты и присылкѣ денегъ. Замѣчательно, что отпускъ требуемыхъ денегъ разрѣшенъ былъ даже и не въ этомъ, а уже въ слѣдующемъ 1849 г. 22 марта, за два года разомъ, въ количествѣ 23,607 р., а окончательное утвержденіе смѣты по постройкѣ ограды и по мощенію двора, какъ мы говорили, и теперь еще не было готово. Вмѣстѣ съ ассигновкой денегъ отъ оберъ-прокурора Св. Синода пришла бумага, заключавшая въ себѣ выговоръ ректору; Св. Синодъ нашелъ, что, „не получивъ разрѣшенія на представленіе объ ассигнованіи денегъ на работы въ обширнѣйшемъ видѣ противъ дозволеннаго начатія оныхъ по

постройкѣ однихъ флигелей“, комитетъ не долженъ былъ дѣйствовать безъ разрѣшенія „въ размѣрахъ, превышавшихъ его средства“, и опредѣленіемъ 17 февраля рѣшилъ: „неправильность таковыхъ распоряженій поставить на видъ ректору академіи архим. Григорію, какъ старшему члену строительнаго комитета, съ тѣмъ, дабы онъ на будущее время въ дѣйствіяхъ своихъ былъ осторожнѣе и основывалъ бы оныя не на предположеніяхъ токмо (т. е. что деньги должны быть скоро высланы), но на законномъ порядкѣ и начальственныхъ разрѣшеніяхъ“. Произведенное изъ академической кассы заимствованіе все-таки было признано и деньги велѣно возвратить изъ вновь ассигнованной строительной суммы (1).

Въ теченіе 1849 г. всѣ работы по устройству наставническихъ флигелей были закончены, при чемъ съ разрѣшенія Синода (отъ 25 іюля), вмѣсто 36 голландскихъ печей, и здѣсь были устроены четыре аммосовскихъ полупечи, по двѣ на каждый флигель, всего за 1100 р. сер. Въ декабрѣ всѣ помѣщенія для наставниковъ были совсѣмъ уже готовы и съ 1 янв. 1850 года предоставлены своимъ жильцамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ прекращено было наставникамъ получавшееся ими доселѣ квартирное пособіе, за исключеніемъ женатыхъ, которые, согласно приведенному выше указу, были дѣйствительно избѣгнуты въ казенныхъ помѣщеніяхъ (2). Въ томъ же году устроенъ былъ на академическомъ дворѣ прекрасный колодезь, который до позднѣйшаго времени, когда явился водопроводъ, славился своею чистою и пріятною водою на всю Казань и снабжалъ ею не однихъ только обитателей академіи. На устройство его, не смотря на значительную глубину, потребовавшую 25 саженъ каната, израсходовано было 871 р. 41 к. Наконецъ въ томъ же году началось приготовленіе мѣста въ 7600 к. с. сзади главнаго корпуса, которое назначалось для разведенія академическаго сада, и площади въ 1000 к. с., назначенной для такъ называемаго сквера съ передней стороны академіи. Хлопотъ за этими садами было множество. Мѣсто было неровное и вязко-глинистое; его нужно было сначала нивелли-

(1) Кромѣ дѣла строит. комит. № 30, см. дѣло внутр. правл. 1849 г. № 22: о послѣдствіяхъ ревизіи преосв. Григорія.

(2) Д. внутр. правл. 1849 г. № 41.

ровать и сильно унавозить. Первые посадки числомъ болѣе 5000 деревъ и кустовъ, посаженные весной 1850 г., въ значительной части погибли. Въ слѣдующемъ году насажено еще до 1000 разныхъ садовыхъ и лѣсныхъ растеній и дѣло пошло на ладъ. Въ 1854 г. въ саду снова навозили и пахали землю и посадили до 4000 деревьевъ весной, да свыше 2770 осенью; кромѣ того, нанятъ былъ садовникъ за 15 руб. въ мѣсяцъ по контракту на 3 года; въ эти 3 года было посажено еще немало деревьевъ и вновь, и взамѣнъ погибавшихъ. Для поливки растеній устроены были баки и водопроводъ изъ колодца. Академическій садъ имѣлъ громадное значеніе въ прежней, совершенно почти безвыходной жизни студентовъ. По выходѣ изъ академіи нѣкоторые изъ нихъ брали изъ него на память прутья для тростей, которые и берегли, какъ дорогое воспоминаніе о незабвенномъ садѣ, многіе годы. Устройствомъ этого сада академія почти всецѣло обязана была энергіи и трудамъ баккалавра естественныхъ наукъ С. И. Гремяченскаго, который неутомимо и съ любовію занимался разведеніемъ всѣхъ его растеній и самой планировкой мѣстности.

Уже послѣ того, какъ всѣ постройки были закончены, отъ 31 января 1850 г. пришло наконецъ и утвержденіе смѣты на нихъ; при этомъ ректору снова повторенъ для чего-то прежній выговоръ за превышеніе полномочій комитета съ присовокупленіемъ строжайшаго внушенія и самому комитету, чтобы онъ не выходилъ впредь за предѣлы законности. Комитетъ, который могъ бы ожидать за свою энергичную и безкорыстную дѣятельность лучшаго отзыва отъ начальства, притомъ же и дѣятельность свою уже закончилъ, все-таки принялъ это запоздалое внушеніе къ свѣдѣнію и надлежащему руководству.

По счетамъ, сведеннымъ къ 1 ноября 1851 г., оказалось, что на постройку флигелей и прочаго, что̀ строилось послѣ главнаго корпуса, вмѣсто 77,232 р. 31¼ к. первоначальной смѣты, Св. Синодомъ въ разное время было отпущено 44,607 р. деньгами, да еще велѣно употребить оставшіеся отъ постройки главнаго корпуса матеріалы на 4938 руб. 44 коп., всего же 49,545 р. 44¼ к., въ дѣйствительный же расходъ употреблено на 4880 р. 14¼ к. остаточныхъ матеріаловъ и 42,089 р. 13¾ к. денегъ; такимъ образомъ противъ смѣты было сбережено 30,263 р. 3¼ к., а противъ отпуска суммъ 2517 р.

86$^{3}/_{4}$ к., кромѣ того на 50 р. 30 коп. матеріаловъ. Получивъ такіе блестящіе результаты, комитетъ опредѣлилъ представить свой отчетъ въ Св. Синодъ и ходатайствовать о новыхъ наградахъ членамъ комитета ([1]). Отвѣтъ на это ходатайство, послѣ повторительнаго представленія, послѣдовалъ уже въ 1857 г.; денежную награду въ 400 р. получилъ одинъ секретарь комитета профессоръ Н. П. Соколовъ; Сильвестръ Пучковскій, теперь уже о. Савватій, получилъ благословеніе Св. Синода ([2]). До 1851 г., когда строительный комитетъ былъ закрытъ, вся постройка академическаго корпуса съ флигелями, службами и съ полнымъ ихъ внутреннимъ устройствомъ стоила духовно-учебной казнѣ 115,890 р. 68$^{1}/_{2}$ к. за все, въ томъ числѣ и на плату архитектору, и на награды. Принявъ во вниманіе обширность всѣхъ возведенныхъ на эту сумму построекъ и высокія качества ихъ по матеріаламъ и работѣ, мы безъ преувеличенія можемъ назвать дѣятельность академическаго строительнаго комитета безпримѣрной по внимательности, добросовѣстности и благоразумной бережливости въ исторіи всѣхъ казенныхъ построекъ того времени.

Отъ 11 декабря 1851 г. Св. Синодъ разрѣшилъ закрыть комитетъ, какъ закончившій свое дѣло, что̀ и было исполнено послѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія, принесеннаго всѣми членами академической корпораціи, 1 марта 1851 года. Всѣ зданія были сданы академическому правленію вмѣстѣ съ остатками матеріаловъ и строительной суммы въ количествѣ 6852 р. 46 к. (изъ которыхъ 6051 р. 91 к. состояли въ билетахъ) ([3]). На эти остатки послѣ производились нѣкоторыя дополнительныя пристройки и необходимые ремонты.

При сокращеніи расходовъ по смѣтамъ, которое производилось при постройкѣ наставническихъ флигелей, кромѣ уменьшенія размѣра наставническихъ квартиръ, опущены были еще расходы на разныя хозяйственныя при нихъ помѣщенія. Проживъ слишкомъ годъ, преподаватели академіи, не смотря на свое холостое житье, почувствовали большой недостатокъ въ службахъ; у нихъ не было ни кладовыхъ, ни погребовъ, гдѣ бы можно было хранить провизію и которые оказывались для нихъ тѣмъ нужнѣе, что академія была устроена за горо-

(1) Д. строит. комит. № 120.
(2) Д. внутр. правл. 1857 г. № 52.
(3) Д. внутр. правл. 1852 г. № 14.

домъ, въ значительномъ растояніи отъ рынковъ, на которыхъ можно было бы покупать все нужное по мелочамъ, безъ запасовъ. Въ 1850 г. они вошли въ правленіе академіи общимъ прошеніемъ объ устройствѣ для нихъ необходимыхъ службъ, но преосвященный Григорій отнесся къ этому прошенію неблагосклонно, какъ къ какой-то прихоти, безъ которой можно обойтись, и пустилъ его въ ходъ уже черезъ годъ послѣ новыхъ просьбъ и настояній со стороны наставниковъ и правленія. Службы эти проектировано выстроить въ видѣ двухъ каменныхъ корпусовъ, заключавшихъ въ себѣ по одной конюшнѣ, каретнику и погребу съ кладовыми, по обѣ стороны у каменной ограды за самыми флигелями наставниковъ. Послѣ нѣкоторыхъ мытарствъ при разсмотрѣніи смѣты по этимъ постройкамъ въ Св. Синодѣ и главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, Св. Синодъ отъ 28 іюля 1852 г. разрѣшилъ строиться, дозволивъ употребить на этотъ предметъ исчисленную по исправленной смѣтѣ сумму 5081 р. изъ остатковъ прежнихъ строительныхъ суммъ. Лѣтомъ 1853 г. постройки эти были сдѣланы по подряду за 3395 р., слѣдовательно ниже смѣтнаго назначенія на 1736 р. (1).

Это было уже при ректорѣ Парѳеніи. Въ 1852 г. онъ предпринималъ еще нѣкоторыя постройки и улучшенія въ академическихъ зданіяхъ и въ церкви; въ церкви онъ думалъ устроить стѣны подъ мраморъ и настлать паркетный полъ, полы въ корридорахъ выстлать зачѣмъ-то чугунными плитами, по всѣмъ зданіямъ произвести радикальный ремонтъ, а на дворѣ выстроить два навѣса на каменныхъ столбахъ для помѣщенія дровъ; для всѣхъ этихъ подѣлокъ было составлено семь смѣтъ на сумму въ 19,270 р. 32 к. Смѣты эти въ 1853 г. были посланы въ Св. Синодъ. Въ Петербургѣ прежде всего принялись разными способами сокращать ихъ; напр. вмѣсто чугунныхъ плитъ, которыми предполагалось замѣнить прекрасные деревянные полы въ корридорахъ всѣхъ трёхъ этажей академіи, рѣшили было вымостить эти полы кирпичемъ въ ёлку, какъ въ подвальномъ рабочемъ этажѣ. Дѣло это тянулось долго, до конца 1854 г., и при ректорствѣ Агаѳангела свелось наконецъ на обыкновенный ремонтъ зданій на экономическій счетъ, съ смѣтой всего на 4390 р. 63½ к., изъ которыхъ правленіе академіи еще съэкономило 180 р. Вновь

(1) Д. внутр. правленія 1850 г. № 42.

выстроены были одни только дровяные сараи ([1]). Весь этотъ ремонтъ кончился въ 1855 г. По случаю этого ремонта ректоръ Агаѳангелъ не упустилъ случая заявить о своихъ миссіонерскихъ симпатіяхъ; вѣроятно, для привлеченія къ академіи любви раскольниковъ надъ вывѣской академіи былъ поставленъ огромный осьмиконечный крестъ, а подъ нимъ устроенъ изъ раскрашеннаго и раззолоченнаго листоваго желѣза еще огромный рѣзной двуглавый орелъ. Этотъ орелъ съ крестомъ красовался надъ академіей съ сентября всю зиму и часть лѣта 1856 г. и слетѣлъ уже во время передвакатныхъ экзаменовъ, вѣроятно испугавшись случившагося тогда пріѣзда въ Казань министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1855 же году, по случаю увеличенія академической библіотеки пріобрѣтеніемъ новыхъ книгъ, пожертвованіями и особенно присоединеніемъ къ ней обширной Соловецкой библіотеки, возникъ проектъ объ устройствѣ особаго помѣщенія для библіотеки. 16 іюня 1855 г. ректоръ Агаѳангелъ вошелъ въ правленіе запиской, въ которой, указавъ неудобства имѣющагося въ академіи помѣщенія библіотеки, его тѣсноту и небезопасность отъ пожара вслѣдствіе связи его съ жилыми помѣщеніями, предлагалъ войти въ распоряженіе объ устройствѣ для библіотеки новаго зданія, болѣе обширнаго для сего назначенія и отдѣльнаго отъ прочихъ зданій академіи, со сводами, желѣзными рѣшетками и закроями въ окнахъ. Правленіе согласилось и, съ разрѣшенія преосвященнаго, поручило архитектору Безсонову составить смѣту для новаго зданія. Смѣта эта простиралась до 15,039 р. 37 к. Новое зданіе предполагалось устроить въ три этажа по правую сторону главнаго корпуса, отступя отъ него на 5 саженъ и соединивъ его съ этимъ корпусомъ каменной крытой галлереей. Въ іюлѣ 1856 г. духовно-учебное управленіе нарочно присылало въ Казань своего архитектора. Но дѣло это завалилось въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій на цѣлыхъ два года. Уже при ректорѣ Іоаннѣ въ іюнѣ 1858 г. отъ оберъ-прокурора пришла бумага, въ которой говорилось, что проектъ библіотеки, посланный въ главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій, признанъ отъ послѣдняго не вполнѣ удовлетворительнымъ и взамѣнъ его предложенъ новый проектъ, по которому помѣщеніе для

([1]) Д. внутр. правл. 1852 г. № 108.

библіотеки, при меньшей стоимости, получаетъ болѣе вмѣстительности (вмѣсто 88 погонныхъ саженъ библіотечныхъ шкафовъ, даетъ мѣста до 110 погонныхъ саженъ); для этого въ немъ предположено пристроить библіотеку къ самому зданію главнаго корпуса. Оберъ-прокуроръ требовалъ по этому случаю передѣлки прежней смѣты на новый ладъ. 28 октября 1858 г. правленіе рѣшило имѣть объ этомъ дѣлѣ особое сужденіе по уясненіи необходимыхъ предварительныхъ соображеній. Соображенія эти состоялись уже въ 1865 г. при ректорѣ Иннокентіи;—правленіе академіи отвергло и прежній свой проектъ, и проектъ, предложенный главнымъ управленіемъ публичныхъ зданій,—послѣдній на томъ основаніи, что пристройка библіотеки къ корпусу затемнила бы корридоры академіи, испортила фасадъ главнаго корпуса, а между тѣмъ не устранила бы для библіотеки опасности отъ пожара, по связи ея съ жилыми помѣщеніями, кромѣ того, стѣснила бы дворъ, гдѣ находится академическій колодезь. Новое мѣсто для библіотечнаго зданія указывалось теперь позади главнаго корпуса въ академическомъ саду; размѣры постройки предполагалось противъ прежняго увеличить, поэтому и цѣнность новаго зданія, по смѣтѣ архитектора Бечко-Друзина, предполагалась значительно больше прежней, въ 22,664 р. 65 к. Но дѣло это опять затянулось и постройка такъ и не состоялась ([1]).

Въ общихъ чертахъ академическія зданія оставались въ томъ же видѣ, какъ они были выстроены, до введенія новаго устава, который съ увеличеніемъ штата студентовъ и усложненіемъ учебной жизни потребовалъ значительной передѣлки и расширенія прежнихъ помѣщеній. Текущіе ремонты, производившіеся почти каждый годъ, состояли главнымъ образомъ въ покраскѣ внутреннихъ стѣнъ, половъ, потолковъ и наружныхъ частей зданій и особенно въ исправленіи аммосовскихъ печей, устроенныхъ съ самаго начала не совсѣмъ удовлетворительно, за недостаткомъ опытныхъ строителей и сноснаго матеріала (огнеупорнаго кирпича и глины) въ Казани, потомъ попавшихъ тоже въ неискусныя руки доморощенныхъ истопниковъ и выдерживавшихъ топку только самое непродолжительное время. Болѣе крупные ремонты совпадали обыкновенно съ поступленіемъ въ академію новыхъ ректоровъ, которые на первыхъ порахъ на разные лады высказывали свое неудоволь-

([1]) Д. внутр. правл. 1855 г. № 101: о постройкѣ зданія для библіотеки.

ствіе на то, какъ держали зданія до ихъ ректорства прежніе хозяева академіи. Въ проектахъ этихъ ремонтовъ высказывались иногда и такія затѣи, которыя клонились къ значительнымъ перемѣнамъ въ самыхъ зданіяхъ и къ пристройкамъ новыхъ помѣщеній; но ассигновки на нихъ изъ духовно-хозяйственнаго управленія были весьма небольшія, а своихъ денегъ у академіи было еще менѣе, такъ что дѣла такого рода каждый разъ сводились на обычныя покраски, починки и т. п., и то больше изъ экономическихъ суммъ самой академіи.

Послѣ ректоровъ Парѳенія и Агаѳангела усиленный ремонтъ и стройку предпринималъ ректоръ Іоаннъ, который по пріѣздѣ своемъ въ академію нашелъ въ ней все никуда негоднымъ. Въ первый годъ ректорства онъ ограничился пока одной покраской всей внутренности главнаго корпуса и постройкой въ своей собственной квартирѣ двухъ голландскихъ печей ([1]). На 1858 г. у него составился болѣе обширный проектъ ремонтовъ и передѣлокъ въ главномъ корпусѣ; предполагалось между прочимъ: передѣлать пристройку для отхожихъ мѣстъ и измѣнить ходъ въ нихъ въ верхнемъ этажѣ (не черезъ корридоръ, въ которомъ и дверь въ отхожія мѣста заложить вовсе, а изъ умывальной комнаты); боковую лѣстницу въ западной части корпуса, доведенную только до бель-этажа, довести до верхняго этажа; столовую въ нижнемъ этажѣ расширить, пробивъ арку въ смежную комнату, и устроить новую подъемную машину; въ студенческихъ дортуарахъ для очищенія воздуха сдѣлать въ потолкѣ вентиляціонныя трубы до верху крыши; на парадномъ крыльцѣ снаружи зданія сдѣлать зонтъ и тамбуръ; перестроить баню; устроить кругомъ академіи тротуары; изъ остатковъ лѣса отъ прежнихъ построекъ выстроить въ саду бесѣдку на трехъ саженяхъ въ квадратѣ и въ три этажа къ верху и проч. Но такъ какъ весь этотъ проектъ пришлось исполнять на экономическую сумму, то онъ и не былъ выполненъ. Плодомъ всѣхъ работъ по нему было только украшеніе церкви, квартиръ ректора и инспектора и еще больницы обоями вмѣсто краски, общая покраска академическихъ стѣнъ снаружи и внутри и половъ, устройство параднаго крыльца, починка въ отхожихъ мѣстахъ, колодцѣ и банѣ, да новая бесѣдка въ видѣ какого-то калмыцкаго хурула, въ которой студенты любили послѣ поздравлять

([1]) Д. внутр. правл. 1857 г. №№ 121 и 123.

другъ друга съ поступленіемъ въ академію, съ окончаніемъ экзаменовъ и съ окончаніемъ курса. Поставлена была впрочемъ и новая подъемная машина въ столовой, изобрѣтенная о. Савватіемъ и стоившая болѣе 80 р.; дѣйствіе ея основывалось на безконечномъ винтѣ и очень почему-то мелкомъ, такъ что, когда она приносила въ столовую кушанья изъ нижняго этажа, гдѣ была кухня, то на ней все успѣвало простыть; года черезъ 2 или 3 она стала ломаться, а потомъ совсѣмъ перестала дѣйствовать. Въ первый 1858 г. издержано экономической суммы до 1400 р., въ слѣдующій до 600 р. ([1]). При этомъ ректорѣ, любившемъ во всемъ щеголеватый видъ, издержки на ремонты вообще были часты и стоили академіи большихъ денегъ, такъ что экономическія суммы и сбереженія прежнихъ лѣтъ, помѣщенныя въ приказѣ общественнаго призрѣнія, таяли съ каждымъ годомъ и наконецъ совсѣмъ растаяли къ концу его ректорства. Менѣе всего правленіе заботилось о ремонтѣ наставническихъ флигелей; послѣ общаго ремонта академіи въ 1855 г. ихъ не трогали до 1862 г., когда на ремонтъ ихъ составлена была смѣта въ 560 р. Хозяйственное управленіе отказало въ деньгахъ и для произведенія этого ремонта пришлось въ первый разъ почать нѣсколько лѣтъ хранившійся у правленія билетъ опекунскаго совѣта въ 5000 р. ([2]).

Съ 1860 г. ректоръ Іоаннъ впрочемъ замѣтно охладѣлъ къ постройкамъ, да и вообще ко всѣмъ дѣламъ; ремонты послѣднихъ годовъ его ректорства были вызываемы уже одной крайней необходимостью. Со вступленіемъ въ ректорство архим. Иннокентія снова начинается время усиленныхъ ремонтовъ. Началась опять повсюду краска, штукатурка, обивка академическихъ помѣщеній обоями, передѣлка печей и т. д. Въ 1864 г. израсходовано было 1767 р. съ копѣйками, отпущенныхъ хозяйственнымъ управленіемъ, и 450 р. экономическихъ. Въ 1865 г. работы продолжались и стоили еще 2100 р. ([3]). Въ это же время, въ видахъ, какъ писалъ ректоръ въ своей запискѣ правленію лѣтомъ 1864 г., „поставленія студентовъ академіи въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ пред-

([1]) Д. 1858 г. № 111; 1859 г. № 98; журналъ правл. 12 мая 1862 г.; отчеты 1858 и 1859 гг.

([2]) Д. 1862 г. № 93 и 1866 г. № 3.

([3]) См. экономическіе отчеты этихъ лѣтъ.

метамъ“, вмѣсто существовавшихъ до того деревянныхъ воротъ въ оградѣ академическаго двора, были устроены желѣзныя, а около нихъ поставлена каменная сторожка для привратниковъ, которые должны были наблюдать, кто входитъ и выходитъ въ ворота. Это было послѣднее новое зданіе въ старой академіи, которымъ завершилось все ея устройство. Потомъ до конца 1860-хъ годовъ академія ограничивалась только обычными годичными ремонтами на текущія свои средства. Болѣе крупный изъ нихъ былъ въ 1870 г. при ректорѣ Никанорѣ по случаю ожидавшагося тогда пріѣзда въ Казань Государя Александра II. Въ маѣ хозяйственное управленіе дозволило произвести наружныя исправленія зданій на сумму 850 р. изъ экономическихъ суммъ академіи. Но одинъ ремонтъ повлекъ за собой другой; пришлось чинить желѣзные сандрики, трубы и др. части зданій, на что потребовалось еще 202 р., кромѣ того внутренняя покраска корпуса и исправленіе обоевъ потребовали 400 р. Такимъ образомъ небольшой экстренный ремонтъ оказался довольно крупнымъ, почти въ $1^1/_2$ тысячи. При ректорѣ же Никанорѣ началась радикальная перестройка и увеличеніе зданій академіи приспособительно къ требованіямъ новаго штата и устава академіи; но эта перестройка относится уже къ исторіи преобразованной академіи.

Постройка собственныхъ зданій академіи потребовала большихъ затратъ на ихъ меблировку и другіе предметы хозяйственнаго обзаведенія. Главные необходимые предметы были пріобрѣтены, какъ мы видѣли, еще раньше въ Мельниковскомъ домѣ; но ея собственныя зданія потребовали къ своей обстановкѣ многихъ прибавокъ. На всѣ предметы, служащіе къ удобствамъ жизни и составляющіе вещевой экономическій капиталъ академіи, по актовымъ и экономическимъ отчетамъ израсходовано было: въ 1848 г. 528 р., въ $18^{48}/_{49}$ учебномъ году 620 р., въ $18^{49}/_{50}$—свыше 700 руб., въ $18^{50}/_{51}$—697 р., въ $18^{51}/_{52}$—822 р. 52 к., въ $18^{52}/_{53}$—всего 305 р. 70 к.;—обзаведеніе академіи вещевымъ капиталомъ очевидно пришло къ концу. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ ректоръ Агаѳангелъ, любившій около себя болѣе или менѣе пышную обстановку, и съ самаго же начала отнесся къ академическому быту очень неодобрительно. Черезъ недѣлю по своемъ пріѣздѣ онъ завелъ было дорогое дѣло объ устройствѣ новой мебели почти для всѣхъ академическихъ помѣщеній, но, по недостатку денегъ, все это предпріятіе ограничилось только починкой старой испор-

ченной мебели да украшеніемъ новой мебелью квартиры самого ректора, дѣлавшаго у себя частые пріемы своихъ многочисленныхъ знакомыхъ изъ казанскихъ дворянъ ([1]). Въ 1854 г., по случаю смерти эконома Аркадія, правленіе 17 февраля свидѣтельствовало все академическое имущество и нашло опись его довольно запущенной за послѣднее время; по этому случаю эконому Зефирову и канцеляріи поручено было составить новую опись по документамъ. Она составлена лѣтомъ того же года и представляетъ собою полное изображеніе всей академической обстановки въ этомъ году, когда обзаведеніе академіи было уже совсѣмъ закончено ([2]). Мы представимъ извлеченіе изъ нея, относящееся къ внѣшнему виду тогдашнихъ академическихъ помѣщеній, когда люди жили еще по-просту, безъ особыхъ затѣй. Видъ этотъ не поражалъ роскошью, но по тому времени казался очень приличнымъ.

Самое роскошное казенное убранство было въ квартирѣ ректора. При входѣ въ нее въ темной передней стояли простой опойковый диванъ со столикомъ, надъ которымъ на стѣнѣ висѣло небольшое зеркало, чтобы посѣтитель могъ передъ нимъ оправиться. Изъ передней посѣтитель входилъ въ большую залу, далѣе которой студенты не допускались, кромѣ развѣ какихъ нибудь особыхъ случаевъ и особаго благоволенія. Эта страшная зала, въ которой трепетало предъ ректорами нѣсколько поколѣній молодыхъ людей, была добродушно убрана дюжиной разнаго фасона стульевъ изъ корельской березы съ сѣтками, четырьмя тоже разнаго фасона липовыми столами, двумя липовыми диванами, обитыми одинъ—зеленымъ сукномъ, другой—какой-то цвѣтной матеріей, 12-ю липовыми креслами съ обивкой изъ темнозеленаго драдедама; на стѣнѣ противъ входа, кромѣ иконы, висѣла масляная картина: Жертвоприношеніе Исаака, весьма нехудожественнаго малеванья ([3]). Гостинная была убрана по-роскошнѣе; въ ней стояли орѣховый диванъ съ обивкой на пружинахъ изъ красной гарусной матеріи и дюжина такихъ же креселъ подъ чехлами около орѣховаго стола, а за креслами по стѣнамъ вытянуты были 12

([1]) Д. 1854 г. № 84.

([2]) Д. 1854 г. № 110.

([3]) Пожертвована въ церковь архитекторомъ Безсоновымъ въ 1854 г.

березовыхъ стульевъ съ сѣтками; на стѣнахъ висѣли портреты императора Николая I и казанскихъ архіереевъ Владиміра и Григорія ([1]); полъ устилался ковромъ. Кабинетъ раздѣлялся на двѣ части ширмами и книжными стеклянными шкафами,—въ передней части стояли большой столъ, оклеенный сукномъ, для занятій ректора, липовая конторка, какъ у студентовъ, диванъ, гардеробъ и нѣсколько простыхъ стульевъ, въ задней части — кровать изъ корельской березы, стулья и коммодъ, оклеенный корельской березой, служившій домашнимъ буфетомъ для ректора. У инспектора въ его небольшой залѣ вся меблировка состояла изъ дивана и шести креселъ безъ пружинъ, обитыхъ синей бумажной матеріей, 12 обитыхъ той же матеріей стульевъ, ломбернаго стола у дивана, двухъ стеклянныхъ шкафовъ, двухъ какихъ-то тумбъ въ видѣ шкафиковъ, портрета императора Николая на стѣнѣ и иконы Воскресенія изъ уральскихъ камней; въ кабинетѣ, раздѣленномъ ширмами, стоялъ студенческій письменный столъ съ нѣсколькими простыми стульями и желѣзная студенческая кровать. Въ передней висѣли старинные часы безъ футляра У помощника инспектора былъ диванъ и два кресла безъ пружинъ, обитыя синей бумажной матеріей, 8 такихъ же стульевъ, 5 стульевъ кожаныхъ, два стола, изъ которыхъ одинъ былъ письменный студенческій, другой круглый, желѣзная койка, мѣдный рукомойникъ — и только. Экономъ Аркадій помѣщался въ маленькой комнатѣ за буфетомъ, въ которой вся мебель состояла изъ дивана, двухъ стульевъ, стола, конторки и желѣзной койки.— Правленіе было украшено большимъ столомъ, накрытымъ зеленымъ сукномъ, шестью креслами, обитыми красной бомбой, и портретами ректоровъ Іоанна и Григорія; канцелярія была занята двумя столами съ табуретами и стеклянными шкафами по стѣнамъ. — Студенческая столовая меблирована была четырьмя длинными столами, каждый на 16 персонъ, скамьями около нихъ, аналоемъ для чтенія житій святыхъ во время трапезы и столикомъ съ табуреткой для пробнаго кушанья; на стѣнѣ всегда висѣло расписаніе кушанья на текущую недѣлю. Посуда употреблялась разная,—миски были оловянныя, тарелки каменныя, ложки изъ посеребреной мѣди, пока въ 1855 г. ректоръ Агаѳангелъ не завелъ мельхіоровыхъ.— Аудиторіи (двѣ) имѣли по каѳедрѣ, оклеенныхъ корельской

([1]) Послѣдній купленъ въ 1850 г. за 17 р. и съ рамой. Д. 1850 г. № 91.

березой, по нѣскольку липовыхъ партъ, выкрашенныхъ подъ орѣхъ, и по черной доскѣ.—Въ библіотекѣ въ 1854 г. было 27 трехъярусныхъ шкафовъ, большой столъ, табуретъ и двѣ подвижныя лѣстницы, по одной на каждое библіотечное отдѣленіе; такіе же шкафы были въ физическомъ кабинетѣ, — кромѣ того, здѣсь стояли по серединѣ столики съ витринами и физическими инструментами. Студенческія комнаты были всѣ убраны одинаково: въ серединѣ стояли два стола съ табуретами, по одной стѣнѣ кожаный диванъ, по другой стеклянный шкафъ для книгъ, у оконъ по обѣимъ сторонамъ комнаты двѣ липовыя конторки; — все это было выкрашено подъ орѣхъ; на стѣнѣ противъ входа икона, на задней у двери списокъ живущихъ въ комнатѣ. Гардеробная уставлена была по стѣнамъ липовыми гардеробами для платья, а по серединѣ коммодами для бѣлья и другихъ вещей. Кромѣ того, нѣсколько коммодовъ помѣщалось въ небольшой комнатѣ надъ алтаремъ. Наконецъ два дортуара уставлены были въ два ряда желѣзными койками съ табуретами между ними для платья. Всего хуже обзаведена была, кажется, академическая больница. Она помѣщалась сначала въ главномъ корпусѣ, но въ 1855 г. была выведена, отъ сосѣдства съ ректорской квартирой, въ западный флигель и занимала здѣсь въ верхнемъ этажѣ двѣ наставническихъ квартиры. Помѣщеніе ея было довольно просторное, но удобствъ въ ней не было никакихъ. Вся ея утварь состояла только въ койкахъ да табуреткахъ. Кое-какія первоначальныя удобства въ ней стали заводиться при ректорѣ Агаѳангелѣ (¹).

При всей незатѣйливости этой обстановки, академія производила пріятное и даже, пожалуй, величественное впечатлѣніе. До конца 1850-хъ годовъ она содержалась съ необыкновенной чистотой, какую трудно было встрѣтить въ самой благоустроенной семинаріи. При частыхъ малярныхъ ремонтахъ все въ ней сіяло свѣжестью и новизной; стѣны красились въ свѣтлые колера — бѣлый, желтый и свѣтло-зеленый; полы вытирались до лоска; чугунныя плиты на лѣстницахъ натирались графитомъ, отъ чего главная лѣстница, хорошо притомъ освѣщенная окнами, поражала входящихъ особой парадностью; только плохо устроенныя аммосовскія печи портили впечатлѣніе, распространяя свою копоть по

(¹) Д. 1855 г. № 95 и экономич. отчетъ за 1856 г.

окнамъ, стѣнамъ и потолкамъ и портя ихъ въ самое короткое время, черезъ одинъ какой нибудь годъ послѣ ремонта. Въ студенческихъ помѣщеніяхъ не позволялось держать ничего съѣстнаго, тѣмъ болѣе курить табакъ,— отъ этого сами собой поддерживались и чистота помѣщенія, и свѣжесть воздуха. По выходѣ студентовъ изъ дортуаровъ или изъ занятныхъ комнатъ въ аудиторіи и въ церковь, помѣщенія ихъ сейчасъ же обязательно вентилировались или служителями, или старшими изъ самихъ студентовъ. Инспекція, посѣщавшая всѣ комнаты почти ежедневно, строго наблюдала за тѣмъ, чтобы всѣ студенческія вещи были въ порядкѣ, воздухъ былъ чистъ и ни на полу, ни на мебели не было сору и пыли. Вновь пріѣхавшаго въ академію студента прежде всего поражала эта чистота академическихъ помѣщеній и ясные признаки какой-то общей порядочности, которая показывала ему, что это уже не семинарія, что здѣсь предстоитъ ему новая, болѣе благородная жизнь. Въ письмахъ новопоступившихъ студентовъ къ роднымъ и знакомымъ, при описаніи первыхъ впечатлѣній отъ академіи, прежде всего указывается именно эта черта ея обстановки. Такое же впечатлѣніе производила она и на постороннихъ посѣтителей, и даже не на однихъ казанскихъ гостей. Въ 1857 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Толстой, посѣтивъ академію, высказалъ даже, что студенты обставлены уже слишкомъ роскошно. Въ Казани едва ли какое нибудь учебное заведеніе содержалось тогда лучше академіи, не исключая даже сосѣдняго съ нею института благородныхъ дѣвицъ, который въ тогдашнее время крѣпостнаго права, силы и роскоши дворянства былъ заведеніемъ самымъ роскошнымъ и бонтоннымъ въ городѣ. Университетъ всегда выглядѣлъ мрачно и содержался грязно.

Первые начатки разочарованія академической обстановкой явились въ академіи съ ректоромъ Іоанномъ. Первое время, странствуя по ея аппартаментамъ, онъ только и дѣлалъ, что все бранилъ и приказывалъ одно убрать, другое передѣлать, третье выкрасить. Выйдетъ напр. изъ своей квартиры, пройдетъ въ своей обычной прогулкѣ раза два по нижнему корридору и остановится на парадной площадкѣ. „Позвать эконома“. — Является экономъ Филаретъ. — „Это что такое?“ тычетъ ректоръ впередъ себя палкой.— Доска, Ваше Высокопреподобіе, съ надписью о постройкѣ корпуса.— „Чтобы немедленно была выкрашена, и буквы позолотить“. Въ студен-

ческихъ комнатахъ, гардеробныхъ и классахъ онъ остался недоволенъ всей мебелью: „Давно ли заведена?“ — Еще изъ старой академіи, кое-что только чинили недавно. — „Перемѣнить нынѣшній же годъ на новую дубовую“.— Суммы, Ваше Высокопреподобіе....— „Непремѣнно перемѣнить“ и т. п. Въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда онъ пріѣхалъ, дѣйствительно началось дѣло объ устройствѣ новой дубовой мебели для всѣхъ студенческихъ помѣщеній, и правленіе ходатайствовало предъ Св. Синодомъ объ отпускѣ нужной для того суммы. Отвѣта на это ходатайство, конечно, не воспослѣдовало; правленіе все-таки въ іюнѣ заказало устроить для студенческихъ комнатъ 12 большихъ столовъ (по 10 р.), столько же двойныхъ конторокъ (по 9 р.) изъ дубоваго дерева и 3 дюжины стульевъ изъ ильмы (по 18 руб. дюжина), въ спальни 6 дюжинъ табуретовъ, въ больницу 6 табуретовъ и 6 стульевъ изъ березы, въ столовую новыя скамьи, въ гардеробную 2 ильмовыхъ большихъ гардероба (по 35 руб.), третій былъ купленъ за 40 руб. еще раньше готовый, — всего на сумму 487 р. (¹). Денегъ на этотъ расходъ такъ и не было прислано и правленіе раздѣлалось со столяромъ изъ своихъ экономическихъ суммъ. Всѣ столы въ занятныхъ комнатахъ и столовой ректоръ распорядился покрыть приличной клеенкой, а корридоры устлать половиками (до 314 арш.), что̀ стоило еще до 143 р. тоже изъ экономическихъ суммъ. Кромѣ того, при внутренней покраскѣ академіи лѣтомъ того же 1857 г., была выкрашена масляной краской вся остальная мебель, — парты въ аудиторіяхъ, шкафы, старые диваны въ студенческихъ номерахъ, скамьи въ столовой и проч.; вмѣсто прежней раздѣлки подъ орѣхъ, ректоръ велѣлъ все выкрасить подъ дубъ; всѣ эти покраски вытянули изъ экономической суммы еще 627 р.(²). По пріѣздѣ съ ваката студенты нашли у себя все отдѣланнымъ заново и въ болѣе веселые колера. Этими подѣлками обновленіе академіи не ограничилось; въ столовой было заведено новое столовое бѣлье (на 123 р.) и болѣе нарядная фаянсовая посуда (на 134 р. 85 к.); оловянная посуда перелита (³); всѣ служители, бывшіе на виду, швейцаръ, больничные, корридорные и комнатные, по образцу, снятому съ петер-

(¹) Д. 1857 г. № 115.

(²) Д. 1857 г. №№ 106 и 123.

(³) Д. 1857 г. № 124.

бургской академіи, были облачены въ казенную форменную одежду, состоявшую изъ чернаго сюртука съ свѣтлыми оловянными пуговицами, а для работъ—изъ такой же матеріи куртки; кучера наряжены въ новые синіе кафтаны. Для своего собственнаго выѣзда ректоръ приказалъ купить въ 600 р. карету, какой не имѣлъ до него ни одинъ ректоръ (1). Для своей домашней обстановки онъ впрочемъ мало требовалъ; покупки для этого были пустыя, напр. въ 1858 г. простѣночное зеркало въ 16½ р., конторка въ 10 р. и столъ въ 5 р.

Но, при всѣхъ ремонтахъ и усиленномъ пріобрѣтеніи вещей для удобства своей внѣшней жизни, академія при томъ же ректорѣ Іоаннѣ стала терять прежнюю чистоту и порядливость. Къ концу 1860 г. безпорядки дошли до того, что студенты подняли ропотъ, обратившій на себя вниманіе ректора при всей его замкнутости. 10 декабря онъ вошелъ въ правленіе запиской: „Принимая во вниманіе, что студенты академіи въ послѣднее время стали особенно жаловаться на общее разстройство ихъ здоровья, происходящее, по ихъ отзывамъ, отъ дурнаго воздуха въ комнатахъ жилыхъ и спальныхъ, отъ свойства пищи, кухонной посуды и пр., я поручилъ академическому врачу внимательно и во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣть комнаты, кухню, столовую, пищу и проч., чтобы повѣрить ихъ отзывы и о послѣдующемъ донести. Получивъ обстоятельное донесеніе врача, предлагаю оное для свѣдѣнія и надлежащихъ распоряженій правленія.“ Донесеніе это, написанное тогдашнимъ врачемъ И. С. Дмитревскимъ, очень длинное, какъ слѣдуетъ — осторожное въ предметахъ порицанія, видимо обходящее вины самого академическаго начальства и, къ слову сказать, весьма забавное по своей наивности, малограмотности и частому употребленію завѣреній „по чести, по совѣсти, положа руку на сердце“, и совсѣмъ ненужныхъ латинскихъ терминовъ, все-таки довольно выразительно опредѣляетъ тогдашнее состояніе прежде такой чистенькой и во всѣхъ отношеніяхъ порядочной академіи. Мы представимъ его въ извлеченіи, удерживая только болѣе выразительныя указанія. 19—21 ноября, писалъ врачъ, я въ присутствіи г.г. студентовъ произвелъ осмотръ всего нужнаго и нашелъ: а) столовая, ея посуда и бѣлье содержатся въ опрятности; б) столовыя ложки мельхіороваго серебра без-

(1) Д. 1857 г. №№ 122 и 128.

вредны даже и при небрежномъ съ ними обращеніи; на нѣкоторыхъ найдены темноватыя пятна, подавшія студентамъ поводъ предполагать, что эти ложки изъ накладнаго серебра (особенно вреднаго), а пятна на нихъ ярь-мѣдянка (aerugo), но эти пятна, какъ я думаю, произошли отъ невполнѣ опрятнаго ихъ содержанія и не вредны для здоровья; в) кухонная посуда вылужена и чиста, кушанья, разсмотрѣнныя за 3 недѣли, хороши и изъ здоровыхъ матеріаловъ, но кухня содержится неопрятно; г) въ двухъ спальняхъ (20 и 40 кроватей), не смотря на то, что въ нихъ спало 60 человѣкъ, равно какъ и въ шести занятныхъ комнатахъ, воздухъ чистъ, но весьма сухъ, что̀ вполнѣ зависитъ отъ аммосовскихъ печей, вредоносное вліяніе коихъ для грудныхъ органовъ едва ли можно предотвратить при самой добросовѣстной ихъ топкѣ. Болѣе года служа въ академіи, я большею частію имѣлъ дѣло съ больными, жалующимися на сердцебіеніе, одышку, тяжесть въ головѣ (въ скобкахъ всѣ эти болѣзни объяснены по-латини), каковыя болѣзни зависятъ именно отъ воздуха аммосовскихъ печей, вредное вліяніе коего еще болѣе усиливается трудолюбивою сидячею жизнію, можетъ быть, болѣе, чѣмъ прилежно учащихся воспитанниковъ академіи; д) отхожее мѣсто (cloaca), куда студенты должны ночью ходить, можетъ быть, въ испаринѣ, изъ сухой и теплой спальни, такъ какъ сосудовъ для extretio lottii et alii depositio у нихъ въ спальняхъ не имѣется, нашелъ я чрезвычайно холодными, съ поломъ и стульчаками, покрытыми ледяной корой, въ такой мерзости, какой, положа руку на сердце, скажу, не встрѣчается въ бѣднѣйшихъ постоялыхъ дворахъ, что̀ можетъ оказать болѣе, чѣмъ вредное вліяніе на состояніе здоровья студентовъ; е) въ больницѣ нужно обратить вниманіе на бѣлье, находящееся въ укоризненномъ состояніи, дозволить пріобрѣсти необходимыя медицинскія пособія и быть врачу главнымъ распорядителемъ діэтетическаго содержанія болящихъ (намекъ на назначеніе въ посты скоромной пищи, чему всегда препятствовала инспекція, а отчасти и экономъ).—Года два тому назадъ, такая записка вызвала бы со стороны ректора какой нибудь радикальный ремонтъ зданій и имущества академіи, но теперь онъ уже уходился и ограничился рѣшеніемъ правленія (29 декабря) вмѣнить эконому въ обязанность, чтобы онъ наблюдалъ за чистотой бѣлья, посуды и проч., для облегченія сухости воздуха ставить около печныхъ душниковъ и

особенно въ резервуарахъ надъ аммосовскими очагами воду, въ отхожихъ мѣстахъ два раза въ день чистить полы и стульчаки и ежедневно поддерживать топку въ устроенныхъ тамъ для очищенія воздуха каминахъ, представить соображенія объ улучшеніи больничнаго бѣлья и о нужныхъ для больницы медицинскихъ пособіяхъ, а доктору предоставить главныя распоряженія по діэтетическому содержанію больницы ([1]). Такимъ образомъ дѣло свелось на внушенія, чтобы всѣ, кто обязанъ, смотрѣли за своей частью лучше, что̀ и безъ того они обязаны были дѣлать, т. е. ровно на нѣтъ.

Поэтому запущенность въ содержаніи академическихъ зданій и въ ихъ обстановкѣ продолжала развиваться и съ каждымъ годомъ все болѣе. Преемникъ ректора Іоанна былъ человѣкъ безъ особенно эстетическихъ наклонностей, самъ жилъ въ довольно грязной обстановкѣ и не обращалъ вниманія на внѣшность академіи, будучи поглощенъ другими дѣлами. Люди, знавшіе академію въ прежнее время, даже во время ректорства Іоанна, нерѣдко просто поражались, увидавъ, какою она стала теперь. Въ студенческихъ помѣщеніяхъ часто было накурено табакомъ; книги и вещи валялись въ безпорядкѣ и часто пропадали; въ комнаты студенты приносили не только свою одежду изъ гардеробной, но даже тарелки, графины, чайные приборы, хлѣбъ и разные объѣдки изъ буфета и столовой; въ спальныхъ комнатахъ, гдѣ прежде царила строгая униформа въ постельныхъ приборахъ и замѣчательная чистота, на койкахъ лежали разноцвѣтныя и разнофасонныя одѣяла и подушки, и казенныя, и собственныя, и во всякое время валялись съ книгами сами студенты; распредѣленіе времени занятій не наблюдалось; встрѣчая себѣ помѣху отъ безпорядковъ и шума въ занятной комнатѣ, желавшій что нибудь подѣлать студентъ уходилъ или въ спальную комнату, или вечеромъ въ аудиторію, гдѣ и сидѣлъ съ особой свѣчей иногда далеко за полночь, а утромъ профессоръ брезгливо садился и раскладывалъ свои книги и тетради на каѳедрѣ, облитой саломъ и чернилами. Перестали заботиться о чистотѣ и служители; помаравъ въ разныхъ мѣстахъ полъ мокрой и грязной шваброй, каждый изъ нихъ считалъ свою обязанность вполнѣ и добросовѣстно исполненной.

([1]) Д. 1860 г. № 51.

Въ такомъ положеніи въ 1868 г. засталъ академію поступившій въ нее послѣ Иннокентія ректоръ Никаноръ. Запущенность академическихъ помѣщеній, какъ видно, сильно его поразила. Въ 1869 г., когда возникъ вопросъ о приспособленіи академическихъ зданій къ требованіямъ новаго устава, 24 августа онъ вошелъ по этому случаю въ правленіе съ обширной запиской, въ которой высказывалъ, что̀, по его мнѣнію, слѣдовало передѣлать и расширить въ академическихъ помѣщеніяхъ, и между прочимъ изложилъ свое мнѣніе объ ихъ неустройствѣ и неудобствахъ; рѣзко и видимо взволнованно онъ нарисовалъ самую мрачную картину, которая очень любопытна для насъ, какъ потому, что живо изображаетъ тогдашнее состояніе академическихъ зданій, такъ и потому, что можетъ служить выразительнымъ указаніемъ на то, какъ въ теченіе какихъ нибудь 27 лѣтъ успѣли измѣниться взгляды духовнаго начальства на матеріальныя потребности духовно-учебныхъ заведеній (¹). Записка касается не только разныхъ сторонъ запущенности въ содержаніи зданій, но критикуетъ въ разныхъ частяхъ самый планъ первыхъ строителей академіи, которымъ въ свое время представлялось конечно очень хорошимъ и вполнѣ удобнымъ все, что̀ они строили. Такъ, онъ обратилъ вниманіе на то, что академическая столовая, за неимѣніемъ особаго выхода съ кухонной лѣстницы въ корридоръ нижняго этажа, была проходною комнатою, вслѣдствіе чего имѣла всегда затоптанный видъ и была небезопасна для цѣлости хранившихся въ ея буфетѣ съѣстнаго, посуды, ложекъ и проч. вещей, кромѣ того была бѣдна и тѣсна для академіи: „Ни въ одномъ изъ духовно-учебныхъ заведеній, не говоря о свѣтскихъ, которыя Богъ судилъ мнѣ видѣть, я не видалъ столовой учебнаго заведенія бѣднѣе по размѣрамъ и очертаніямъ столовой казанской духовной академіи. Входъ косой, выходъ по косой діагонали; столы, какъ стоятъ теперь, мѣшаютъ входу и выходу и проходу, стоятъ безъ всякой пропорціи въ отношеніи къ окнамъ, простѣнкамъ и дверямъ. Боковая дверь, всегда по необходимости открытая, ведетъ прямо въ буфетъ со всѣми его буфетными принадлежностями, отправленіями и устройствомъ: люкомъ и машиною (полуразрушенною и недѣйствующею); буфетъ сообщается съ кухнею, изъ которой проходятъ въ сто-

(¹) Д. 1869 г. № 62 и Журн. правл. 27 августа.

ловую чадъ и копоть; сырость посуды и кухонныхъ остатковъ пропитали его и столовую особаго рода гнилымъ запахомъ; чистка посуды въ буфетѣ сопровождается зрѣлищемъ грязи, помоевъ, тряпокъ, кирпича, угля, а все въ совокупности завершается цѣлымъ неистребимымъ заводомъ тараканов, расползающихся отсюда во всѣ этажи и во всѣ помѣщенія академіи даже до правленія, ректорскаго кабинета и церкви. Кромѣ того, изъ боковой двери буфета, всегда во время стола открытой на ведущую внизъ лѣстницу, несетъ смертельнымъ сквознякомъ, которому, безъ неизбѣжной необходимости, ни одинъ порядочный человѣкъ не захотѣлъ бы подвергнуться ни на 5 минутъ. А студенты въ такой столовой кушаютъ". Далѣе слѣдуетъ описаніе больницы, недавно только, при ректорѣ Иннокентіи, переведенной изъ довольно порядочнаго помѣщенія въ западномъ флигелѣ опять въ большой корпусъ, гдѣ она помѣщалась по первоначальному плану академіи; она представляла, по словамъ записки, „не менѣе неудобства и всяческаго неблагообразія, чѣмъ столовая. Входъ главный изъ вонючаго (отъ сосѣдства отхожихъ мѣстъ самаго прадѣдовскаго устройства) и почти темнаго боковаго корридора; почти темная прихожая, здѣсь первыя впечатлѣнія: слѣва вѣшалка со студенческими брюками и прочимъ платейнымъ хламомъ, вправо сундукъ или ящикъ, на которомъ служитель спитъ, моетъ больничную посудину; тутъ его имущество, постель, тряпки, кирпичи, бумага, заткнутые за сундукъ вакса, угли, огарки и т. д.; тутъ же на виду нужный ящикъ скареднаго вида, и другаго учрежденія по этой части нѣтъ: отсюда вонь и міазмы по всей больницѣ. Далѣе за прихожею темная длинная каморка, отрѣзанная отъ свѣта перегородкой, и здѣсь живетъ всегда безъ свѣта подлекарь; здѣсь же шкафъ для лекарствъ и больничныхъ инструментовъ, складъ чернаго и чистаго бѣлья, ненужныхъ тюфяковъ и проч. больничныхъ приборовъ, туфлей, носковъ, сапоговъ, халатовъ и проч. тряпья, посуды, самоваровъ и проч., резервуаръ вони, нечистоты всякаго рода и неизводимыхъ таракановъ. А за перегородкой больные, дышащіе этимъ омерзительнымъ міазматическимъ воздухомъ. Справа отъ вонючей прихожей комната для больныхъ, за нею смежная съ подлекарскою каморкою другая,—и все тутъ". Ни ватеръ-клозета, ни ванной, ни даже особой комнаты для заразныхъ болѣзней—ничего не было. — Не преминула коснуться записка

ректора и другаго больнаго мѣста академіи,—отхожихъ мѣстъ, ужасныхъ, по выраженію ректора, которыми архитекторъ навсегда испортилъ академическое зданіе; при этомъ ректоръ съ особенною омерзительностью изобразилъ постоянную мокроту, грязь, ледяные наросты на полахъ, стѣнахъ, стольчакахъ во всѣхъ четырехъ этажахъ академіи, начиная съ подвальнаго, чрезъ который былъ единственный выходъ въ садъ на прогулку; вездѣ открыты люки, распространяющіе зловоніе по всему корпусу, изъ которыхъ устроенные для очищенія воздуха камины только болѣе вытягиваютъ этой вони, осенью и зимой „ужасный сѣверякъ, какъ будто нарочно для того здѣсь проведенный, чтобы поражать студентовъ въ бокахъ, бедрахъ, желудкѣ и груди ревматизмами и гастрикою“, наконецъ, „эту полуоткрытую яму въ видѣ цѣлой вонючей бездны съ нѣсколькими десятками кубическихъ саженъ, заражающую своими испареніями и корпусъ, и весь академическій садъ и отнимающую у академіи всякую возможность подышать гдѣ-бы то ни было свѣжимъ воздухомъ“. „Такъ жили наши отцы! замѣчаетъ записка. Но академіи въ настоящее время пора подумать о томъ, чтобы быть зданіемъ европейскимъ, чтобы не казать себя разсадникомъ холеры и всякихъ болѣзнетворныхъ вліяній, чтобы не краснѣть при посѣщеніи людей, которыхъ нервы не привыкли къ общественному зловонію,—пора и позволительно подумать о сравненіи своемъ въ этомъ отношеніи съ духовными академіею и семинаріею петербургскими, которыя...“ и проч. Сказано нѣсколько прочувствованныхъ словъ и о третьемъ больномъ мѣстѣ академіи,—аммосовскомъ отопленіи зданій, со временемъ все болѣе и болѣе портившемся отъ недостатка радикальнаго ремонта, требовавшемъ дорогой прислуги, печника-механика и ставившемъ академію въ нѣкоторую зависимость отъ этихъ людей за крайнимъ недостаткомъ подобнаго рода спеціалистовъ въ Казани, и между тѣмъ неудовлетворительномъ во многихъ отношеніяхъ; печи эти не способны были очищать въ густо населенныхъ комнатахъ воздухъ тягою, какая бываетъ у печей голландскихъ и каминовъ, напротивъ страшно портили воздухъ сажею, копотью, чрезмѣрною сухостью, отъ которой нѣтъ спасенія нигдѣ; безъ печной вентиляціи, особенно въ спальняхъ, студенты для очищенія воздуха даже зимой отворяли иногда на цѣлую ночь оконныя фортки и спали при нихъ; безъ этого отъ недостатка свѣжаго кислорода и влаги

въ воздухѣ во время сна они подвергались нарочито частымъ кошмарамъ, кричали, вскакивали въ испугѣ, а по утру просыпались всѣ съ засухою и горечью въ горлѣ и первымъ дѣломъ должны были пить для промоченія горла; далѣе аммосовскія печи, отъ дурнаго ли устройства, или отъ позднѣйшихъ повреждeній, неравномѣрно распространяли самое тепло, такъ что нѣкоторыя помѣщенія приходилось на зиму совсѣмъ закрывать, наконецъ имѣли, по словамъ записки, и другія неудобства по своему устройству,—своими трубами, изрѣзывающими всѣ стѣны, дѣлали зданіе особенно акустическимъ, такъ что шумъ въ одномъ мѣстѣ распространялся по трубамъ по всему зданію и его этажамъ, а по вентиляціоннымъ отдушникамъ внизу „ползали кошки, которыя вдругъ неожиданно появлялись напр. въ ректорской квартирѣ“, сверху же попадали въ трубы вонючія дохлыя птицы и проч.

Коснувшись затѣмъ тѣсноты библіотеки, квартиръ для служащихъ, разсчитанныхъ для жительства только одинокихъ монаховъ и невозможныхъ для обитанія людьми семейными, ректоръ Никаноръ, какъ великій любитель церковнаго благолѣпія, обращается наконецъ къ нуждамъ академической церкви. Ему не нравились въ ней и входныя двери, грубо выкрашенныя масляной краской подъ дубъ, и ея просто выбѣленныя стѣны, и истоптанные простые полы, плохо раздѣланные подъ паркетъ, и убогіе малые клиросы, не помѣщавшіе пѣвчихъ и для простора сдвинутые съ мѣстъ, и хоругви при нихъ необычайнаго вида, изветшалыя и плохо написанныя, и грязныя стекла въ окнахъ, и иконостасъ съ облѣзлымъ по мѣстамъ золотомъ и попортившейся рѣзьбой. „Иконы, особенно почти единственная въ алтарѣ запрестольная, удовлетворительная для деревенской церкви и простыхъ, непросвѣщенныхъ глазъ, сколько нибудь образованному человѣку непріятно кидаются въ глаза своимъ убожествомъ, уже крайнею невзыскательностію, просто сказать — несоотвѣтственностію иконописанія съ священными сюжетами и своимъ назначеніемъ назидать высокообразованный и образовательный кругъ посѣтителей академической церкви... Академическая церковь строена первоначально такъ экономно, что не имѣется въ ней никакого уголка для пономарской, которая необходима“. Церковная утварь и ризница найдены имъ тоже почти въ нищенскомъ видѣ.

Въ резолюціи своей отъ 2 сентября на докладѣ правленія съ этой запиской ректора преосвященный Антоній замѣтилъ: „Недостатки академическихъ зданій сами по себѣ явны и не требуютъ слишкомъ живописнаго и не безъ преувеличеній сдѣланнаго въ докладѣ описанія“, но согласился со всѣмъ, что̀ проектировалось по этому случаю и ректоромъ, и правленіемъ, выразивъ только желаніе, чтобы библіотека по новому распорядку академическихъ помѣщеній была отдѣлена отъ жилыхъ помѣщеній, особенно съ кухнями и другими принадлежностями. Правленіе рѣшило поручить обстоятельное разсмотрѣніе всѣхъ нужныхъ передѣлокъ и приспособленія зданій къ новому уставу академіи коммиссіи изъ трехъ профессоровъ (Гвоздева, Порфирьева и Ивановскаго). Дальнѣйшій ходъ этого дѣла относится уже къ исторіи новой академіи.

Доселѣ мы ничего не говорили объ обзаведеніи академической церкви, потому что все вообще содержаніе ея, на которое не было ассигновано ни копѣйки, составляло особую статью, выступавшую изъ обыкновенныхъ предѣловъ академической экономіи, и зависѣло отъ доброхотныхъ пожертвованій и даяній. Пожертвованія эти и всѣ вообще церковные доходы были очень скудны, что̀ зависѣло отъ самой мѣстности академіи въ отношеніи къ городу. Будучи вдали отъ послѣдняго, отдѣленная отъ ближайшихъ городскихъ жилищъ обширнымъ пустыремъ Арскаго поля, по которому, особенно въ весеннее и осеннее время, не было ни пролаза, ни проѣзда, кромѣ того имѣя вблизи нѣсколько другихъ церквей, академическая церковь мало посѣщалась посторонними богомольцами, не смотря на свое постоянно чинное и торжественное архимандричье служеніе и на благоустроенный хоръ пѣвчихъ. Постоянными ея посѣтителями были бѣдные обыватели Академической слободки; изъ людей богатыхъ, отъ которыхъ можно было ожидать болѣе пожертвованій, являлись въ нее исключительно разные знакомые и почитатели академическихъ ректоровъ. Число ихъ всегда поэтому зависѣло отъ степени обширности знакомства этихъ монашествующихъ лицъ. За 1848 г. всей церковной суммы въ приходѣ числилось 201 р. 69 к.;—въ расходъ, состоявшій въ покупкѣ свѣчъ, ладана, вина и просфоръ, употреблено было 79 р. 90 к. ([1]). Приблизительно къ этой цифрѣ держался приходъ и расходъ и за послѣдующіе годы при ректорахъ Парѳеніи и Агаѳангелѣ.

([1]) Д. внутр. правл. 1849 г. № 68.

Поэтому каждый годъ оставался даже небольшой остатокъ церковной суммы. Остатки эти начальство обыкновенно прикапливало на болѣе крупные расходы по покупкѣ и ремонту различныхъ вещей по церковной утвари и ризницѣ, но расходовало ихъ очень осторожно, стараясь оборачиваться въ своихъ нуждахъ больше съ помощью разныхъ пожертвованій; до ректорства архимандрита Іоанна мы знаемъ только два крупныхъ расхода церковныхъ суммъ: въ мартѣ 1857 г. купленъ былъ для академической колокольни большой колоколъ въ 5 пудовъ 16 ф.—за 71 р., да еще нѣсколько раньше было израсходовано 207 р. церковныхъ денегъ на украшеніе пожертвованнаго въ академическую церковь напрестольнаго Евангелія (1). Пожертвованія были тоже не велики, но, какъ ни на есть, все-таки удовлетворяли скуднымъ церковнымъ потребностямъ и понемногу увеличивали церковное имущество. Самыми замѣчательными изъ нихъ были: въ первый годъ на устройство ризницы 105 р., сребропозлащенные сосуды со всѣми принадлежностями въ 2 ф. 23 зол., такой же крестъ въ 21 золотникъ, ковшъ для теплоты въ 30 зол. и др. предметы; въ 1851 г. плащаница изъ голубаго атласа, ковчегъ для нея изъ липоваго дерева и 537 р. деньгами, на которыя устроена приличная ризница на весь соборъ академическихъ священнослужителей (5 священническихъ и 2 дьяконскихъ облаченія); въ 1852 г. отъ бывшаго ректора преосвященнаго калужскаго Григорія 2 митры—одна шитая золотомъ по малиновому, другая по темнозеленому бархату, темнозеленаго же бархата на фелонь и голубаго на епитрахиль; въ 1854 г. темносиняго бархата для ризъ на 136 р. и другаго темнозеленаго на 165 р. (2); въ 1855 г. отъ инспектора Серафима писанная на полотнѣ икона—копія съ Бруни—моленіе Спасителя о чашѣ; въ 1856 г. большое напрестольное Евангеліе, отдѣланное потомъ на церковную сумму (3). Другія пожертвованія состояли изъ разныхъ предметовъ церковной утвари и ризницы, иконъ, лампадъ, пеленъ и т. п.

Благодаря такимъ пожертвованіямъ и бережливости, къ пріѣзду ректора Іоанна церковной суммы, съ остаткомъ послѣ затраты въ 207 р. на украшеніе Евангелія, числилось 115 р.

(1) Д. 1857 г. № 20.

(2) См. отчеты актовые за означенные годы.

(3) Д. 1856 г. № 38 и 1857 г. № 20.

Архим. Іоаннъ остался очень недоволенъ бѣдностію церковной обстановки и, по обычаю своему, очень рѣзко высказывался о разныхъ предметахъ, которые попадались ему на глаза.— „Это что развѣшано?“ спросилъ онъ, указывая на хоругви у клиросовъ, устроенныя дѣйствительно необычайно, съ двумя спущенными внизъ синими лопастями. О ризницѣ отозвался: „Рвань какая!“ Эконому немедленно было дано распоряженіе перестроить хоругви и клиросы, на что (въ августѣ 1857 г.) израсходовано было изъ церковныхъ денегъ—за первыя 35 р., за вторые 40 р. На стѣнахъ, по его распоряженію, прибиты были купленные на церковныя же деньги 4 стѣнника (1). Къ празднику 8 ноября заведены были новыя облаченія на престолъ и жертвенникъ, стоившія церкви до 131 р., потомъ обновлены многія ризничныя принадлежности на неизвѣстную сумму, потому что это дѣлалось властными распоряженіями эконому безъ письменнаго дѣлопроизводства и даже неизвѣстно изъ какихъ суммъ. Ректоръ израсходовалъ на этотъ предметъ до 100 р. даже собственныхъ денегъ (2). Вѣроятно, немало досталось по этому случаю и карману эконома Филарета, который долженъ былъ исполнять приказанія ректора, на какія угодно средства, наверстывая потомъ всѣ расходы безгласно изъ разныхъ частей академической экономіи. При общихъ ремонтахъ академіи облагоображивалась и внѣшность церкви, но это дѣлалось уже на общія ремонтныя деньги. Теперь, конечно, не могло быть уже и рѣчи о какихъ нибудь остаткахъ и сбереженіяхъ церковныхъ доходовъ, а между тѣмъ доходы эти при ректорѣ Іоаннѣ сильно упали. Непривѣтливое обращеніе его съ публикой и рѣдкое личное участіе въ богослуженіи лишило академическую церковь почти всѣхъ посѣтителей. Въ первый годъ его ректорства посѣщенія ихъ еще продолжались, но потомъ церковь совсѣмъ опустѣла; въ 1859 г. множество публики снова было привлечено проповѣдями Іоанна, особенно въ великомъ постѣ; но этотъ наплывъ ея былъ случайный и живо прекратился, какъ только ораторъ пересталъ выходить на каѳедру; въ послѣдніе годы ректорства онъ и служилъ только въ самые большіе праздники. Въ 1858 г. дохода было отъ 10 до 20 р. въ мѣсяцъ; въ 1859 г. въ первое полугодіе 7, 8 и 10 р., во второе полугодіе 3, 4, а въ

(1) Д. 1857 г. № 56.

(2) Д. 1858 г. № 6.

нѣкоторые мѣсяцы ни копѣйки, въ 1860 г.—2, 3 р. и даже 1 р. ([1]). Въ началѣ 1859 г. для увеличенія церковнаго дохода нашли особаго ктитора церковнаго, книгопродавца И. В. Дубровина, но изъ этого ничего не вышло, да Дубровинъ былъ вовсе и не церковный человѣкъ; послуживъ года два (съ 21 янв. 1859 г. по 14 дек. 1862 г.), онъ самъ увидалъ, что не годится на ктиторство, и отказался отъ него ([2]). Въ 1862 г. всего дохода было за первое полугодіе 14 р. 11 к., за второе 18 р. 77 к. Такой же доходъ былъ и въ 1863 г. Въ сентябрѣ этого года, когда разбился пятипудовой церковный колоколъ, за недостаткомъ суммы для его починки, порѣшено было перемѣнить его на новый съ уменьшеніемъ вѣса,—новый вылитъ въ 3 п. 11 ф. ([3]). Текущихъ доходовъ не доставало на самые необходимые расходы по богослуженію, какъ они ни были незначительны (рублей 8—9 на масло въ лампады, рублей до 30—40 на вино, рубля 4 на ладанъ, до 20—40 на просфоры и до 60—70 на свѣчи); чего не доставало, приходилось платить уже изъ денегъ по содержанію дома. Какая нибудь лишняя панихида или похороны перепутывали всѣ разсчеты по свѣчному расходу. Въ такомъ же положеніи оставалась церковная экономія и при ректорѣ Иннокентіи, не пользовавшемся уваженіемъ въ обществѣ и кромѣ того часто отвлекавшемся отъ служенія въ академической церкви на архіерейское служеніе. Любившій благолѣпіе при своемъ служеніи преосвященный Антоній постоянно приглашалъ къ нему ректоровъ академіи и семинаріи. Въ 1865 г. консисторія требовала отъ академическаго правленія свѣдѣній о количествѣ свѣчныхъ и кружечныхъ доходовъ по церкви,—требованіе это повторялось и въ послѣдующіе годы; правленіе отвѣчало, что свѣчныхъ доходовъ въ академической церкви нѣтъ вовсе, а кружечныхъ за 1864 г. было 41 р. 39 к., въ 1865 г.—39 р. 99 к., въ 1866—26 р. 21 к., въ 1867—51 р. 35 к., въ 1868—35 р., въ 1869—тоже количество ([4]). Большой выгодой для академическаго храма было то, что у него были по крайней мѣрѣ даровые священнослужители изъ на-

([1]) Д. 1858 г. № 6; 1859 г. № 14; 1860 г. № 4.

([2]) Д. 1859 г. № 3.

([3]) Д. 1862 г. № 83 и 1863 г. № 78.

([4]) Д. 1866 г. № 89 и 1868 г. № 75.

чальствующихъ, учащихъ и учащихся въ академіи; даже дьяконъ былъ почти всегда даровой, потому что для содержанія его обыкновенно назначали въ какую нибудь академическую должность, отъ которой онъ и получалъ извѣстный окладъ. Такъ служили іеродіаконъ Савватій, діаконъ Стефанъ Виноградовъ и Стефанъ Померанцевъ. Только при ректорѣ Іоаннѣ Савватій получалъ изъ церковной кружки еще по 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ въ прибавокъ къ жалованью по должностямъ ([1]).

Ректоръ Никаноръ предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ къ облагоображенію академической церкви и къ возвышенію благолѣпія при ея богослуженіи. Прежде всего онъ озаботился пріобрѣсти полный кругъ церковнаго пѣнія; потомъ въ октябрѣ 1868 г. порѣшилъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ объ ассигнованіи до 200 р. въ годъ на содержаніе церкви и столько же на содержаніе при ней особаго штатнаго дьякона. Ходатайство это посылалось два раза, но Св. Синодъ въ оба раза въ немъ отказалъ, приславъ только 100 р. на содержаніе церкви на первое полугодіе 1870 г. ([2]). Ректоръ все-таки успѣлъ многое сдѣлать для церкви и безъ назначенія на нее особаго оклада. Въ 1868 г. попечитель купецъ Чарушинъ пожертвовалъ ризничныхъ вещей на сумму до 450 р. ([3]). Потомъ въ 1869 г. ризница была значительно обновлена на счетъ домовой суммы академіи; на одно пошитіе новыхъ ризъ вышло до 78 р. Рублей на 120 заведено было разныхъ алтарныхъ вещей для храненія ризницы, книгъ и проч. Изъ 100 р., присланныхъ на церковь въ 1870 г., заплачены ея долги за свѣчи и пріобрѣтено еще нѣсколько необходимыхъ вещей съ приплатой изъ домовой же суммы. При готовившейся тогда общей перестройкѣ академическихъ зданій ректоръ предпринималъ большія улучшенія и въ церкви. По смѣтѣ на эту перестройку, считая украшеніе и ремонтъ церкви, исчислено до 3000 рублей ([4]).

Послѣ обозрѣнія необходимыхъ строительныхъ и ремонтныхъ расходовъ по дому и хозяйственному обзаведенію ака-

([1]) См. напр. д. 1858 г. № 6.

([2]) Д. 1868 г. № 22.

([3]) Д. 1868 г. № 64.

([4]) Д. 1869 г. № 52.

деміи постояннымъ вещевымъ капиталомъ, обратимся къ обозрѣнію текущихъ расходовъ по ежегодному содержанію дома. Самыми крупными статьями расходовъ по этой части считались обыкновенно содержаніе прислуги, отопленіе и освѣщеніе зданій.

Когда академія еще въ своемъ неполномъ составѣ жила въ Спасскомъ монастырѣ, ей достаточно было всего 12—15 человѣкъ служителей вмѣстѣ съ коммиссаромъ и притомъ съ очень небольшимъ жалованьемъ. Самое большое тогда жалованье брадобрѣя простиралось до 6 р.; коммиссарское не превышало 4 р. 45 к. въ мѣсяцъ; затѣмъ слѣдовали оклады въ $3^1/_2$ р., 2 р. 85 к., 2 р. 60 к., 2 р. 20 к. и т. д. до 1 р 20 к. За первый годъ существованія академіи самый большой мѣсячный расходъ на служительское жалованье (въ декабрѣ) доходилъ всего до 37 р. $94^1/_4$ к. (1). Въ слѣдующемъ 1843 году въ іюлѣ экономъ подалъ правленію расписаніе жалованья служителямъ въ первый разъ съ поименованіемъ ихъ должностей. По этому случаю обнаружилось, что служители ректора и инспектора и общій ихъ поваръ получали до сихъ поръ казенное жалованье и притомъ въ возвышенномъ противъ другихъ количествѣ, и поднялось уже упомянутое нами прежде дѣло о служителяхъ. По требованію преосвященнаго, навели справки въ уставѣ и нашли, что ни о какихъ служителяхъ начальникамъ академіи въ немъ не упоминается; правленіе 17 іюля постановило выдачу упомянутымъ служителямъ жалованья остановить, а эконома обязать, чтобы въ запискахъ своихъ о жалованьѣ служителямъ обозначалъ непремѣнно ихъ должности. Въ засѣданіи 5 августа правленіе, по запискѣ эконома и согласно съ требованіями устава академіи, опредѣлило полный штатъ прислуги съ обозначеніемъ наемной платы; штатъ этотъ былъ такой: 2 исполнителя при экономѣ—коммиссаръ съ платой въ 5 руб. и старшій надъ служителями въ 3 руб., буфетчикъ за 2—$2^1/_2$ руб., двое поваровъ—одинъ за 4 р., другой за $2^1/_2$—3 р., хлѣбникъ—2 р. 85 к., трое служителей при студентахъ по 2 р. 85 к., одинъ при больницѣ за 3—4 р., правленскій разсыльный—отъ 2 р. 85 к. до 4 р., кучеръ за 4 р., водовозъ за 2 р. 50 к. и служитель при классныхъ залахъ,—всего 14 человѣкъ; для услуги при столѣ, для чистки двора, топленія бани положено употреблять

(1) Д. 1842 г. № 35.

людей изъ поименованныхъ же служителей, для стрижки и бритья студентовъ и для починки платья отыскать особыхъ людей или поручить эти обязанности кому-либо изъ наличныхъ, но съ особой приплатой къ жалованью; содержаніе привратниковъ предоставить Спасскому монастырю. Въ вакаціонное время число служителей сокращалось. Содержаніе ихъ пищей, на сколько возможно отдѣлить его отъ содержанія студентовъ, правленіе постановленіемъ отъ 11 января 1843 г. отнесло къ статьѣ по содержанію дома.

Въ 1844 г., когда академія была уже въ полномъ составѣ и заняла болѣе обширное помѣщеніе въ домѣ Мельниковыхъ, прежнихъ 14 или 15 человѣкъ прислуги оказалось мало, и съ 31 августа возникло дѣло объ увеличеніи ихъ штата, доходившее до Св. Синода ([1]). По соображеніямъ, всѣхъ служителей теперь требовалось до 27, тогда какъ по уставу полагалось ихъ всего 20. Правленіе нашло эту прибавку ихъ противъ устава необходимой и по мѣстному положенію академіи, и по числу въ ней комнатъ и корридоровъ, и по разнымъ нуждамъ, напр. по дальности воды и т. п. Отъ 27 ноября ходатайство объ этомъ предметѣ было утверждено Св. Синодомъ, въ видѣ временной мѣры, на счетъ остаточныхъ суммъ по содержанію дома. При этомъ же случаѣ въ отрицательномъ смыслѣ рѣшено было Св. Синодомъ и дѣло о лишнихъ служителяхъ ректора и инспектора,—имъ велѣно довольствоваться наемной прислугой. Число служителей на дѣлѣ впрочемъ никогда не доходило до 27; большею частію ихъ было 20—25. Плата имъ съ прежнихъ 41—42 р. въ мѣсяцъ возвысилась до 70—75 р., хотя правленіе всячески старалось соблюдать въ вознагражденіи ихъ всевозможную экономію; на случай напр. надобности вознаградить извѣстнаго служителя свыше другихъ, принято было за правило удовлетворять его не возвышеніемъ постоянной платы за его услуги, а единовременною наградою.

Въ 1848 г., когда академія перешла въ собственный домъ, правленіе ходатайствовало предъ высшимъ начальствомъ о новомъ увеличеніи числа служителей до 28 человѣкъ. Почти такое же число служителей (27) разрѣшено было держать и прежде въ 1844 г., но правленіе надѣялось, возобновляя это ходатайство, на то, не увеличена ли будетъ самая сумма на

([1]) Д. 1844 г. № 67.

ихъ содержаніе. Въ январѣ 1849 г. высшее начальство уважило эту просьбу, но плату увеличенному числу прислуги велѣно было производить по-прежнему изъ тѣхъ же экономическихъ суммъ (1). Между тѣмъ у академіи явился еще одинъ цѣнный служитель; въ сентябрѣ 1848 г. въ больницу нанятъ былъ постоянный фельдшеръ,—нѣкто Августовъ, за 5 р. въ мѣсяцъ, съ обязательствомъ завести при больницѣ небольшую аптечку и самому составлять лекарства (2). Расходъ на него впрочемъ съ избыткомъ потомъ окупался по статьѣ о содержаніи больницы. Съ самаго начала 1849 г. онъ дѣйствительно завелъ при больницѣ аптеку изъ болѣе необходимыхъ вещей и лекарствъ по реэстру, составленному докторомъ Скандовскимъ. Экономъ Аркадій оцѣнилъ его заслуги и въ теченіе года два раза ходатайствовалъ предъ правленіемъ о прибавкѣ ему жалованья (вмѣсто 5—8 руб.), выставляя на видъ то, что онъ очень заботливо ухаживаетъ за больными, самъ даже даетъ медицинскіе совѣты и составляетъ въ своей аптекѣ лекарства и тѣмъ приноситъ значительную выгоду больничной экономіи; но правленіе не согласилось измѣнить принятому правилу замѣнять прибавки жалованья единовременными наградами и, принимая во вниманіе заслуги Августова, выдавало ему во все время его службы (съ 1849—1854 г.) только единовременныя награды, обыкновенно подъ конецъ каждаго года. Сумма этихъ наградъ равнялась почти той самой прибавкѣ къ жалованью, какую просилъ для него экономъ (до 30 р.) (3). Такія же награды получали и преемники его по должности. Изъ другихъ служителей каждый годъ получалъ награды (обыкновенно въ 10 р.) служитель правленія, который несъ сверхдолжную обязанность по доставкѣ изъ академіи на почту и съ почты въ академію студенческой корреспонденціи (4).

Число служителей въ первые годы по переходѣ академіи въ свой домъ оставалось почти прежнее, 19—21; правленіе, вынужденное платить имъ жалованье изъ своихъ экономическихъ денегъ, сколько возможно, удерживалось отъ увеличенія на нихъ расходовъ, но съ 1859 г. все-таки должно было по-

(1) Д. 1848 г. № 68.
(2) Д. 1848 г. № 85.
(3) Д. 1849 г. № 67.
(4) Д. 1844 г. № 24.

кориться требованiямъ новой обстановки и увеличило ихъ число до 21—23. Служители эти были: коммиссаръ, фельдшеръ, поваръ съ помощникомъ, хлѣбникъ также съ помощникомъ, 2 буфетчика, гардеробщикъ, брадобрѣй,—онъ же ламповщикъ, 2 корридорныхъ служителя, 2 служителя при занятныхъ и спальныхъ комнатахъ, служитель при среднемъ корридорѣ, церкви и библiотекѣ, правленскiй разсыльный, больничный служитель, кучеръ съ помощникомъ, привратникъ, дворникъ, служитель при экономѣ и столяръ. При новомъ увеличенiи числа служителей при ректорѣ Iоаннѣ стали держать еще двоихъ привратниковъ, одного служителя при колодцѣ, одного лишняго корридорнаго и особаго служителя при редакцiи Православнаго Собесѣдника. Кромѣ этихъ служителей, получавшихъ отъ академiи жалованье и столъ, съ 1848 г. она имѣла у себя еще нѣсколько истопниковъ для топки аммосовскихъ печей, лѣтомъ до 3, зимой до 5, получавшихъ жалованье отъ подрядчика, завѣдывавшаго ремонтомъ и топкой печей, а отъ академiи довольствовавшихся одною квартирою и столомъ. Въ 1859 г. число служителей достигло до 25 [1]. Общiй расходъ на ихъ жалованье послѣ перехода академiи въ свой домъ увеличился сразу до 80—85 р. въ мѣсяцъ, потомъ непрерывно все возрасталъ, какъ вслѣдствiе увеличенiя ихъ числа, такъ и вслѣдствiе возрастанiя цѣнъ на рабочiя руки; въ началѣ 50-хъ годовъ было еще довольно служителей, которые получали 2 р. 85 к. въ мѣсяцъ, потомъ съ 1855—1856 г. не видимъ уже ни одного служительскаго жалованья ниже 3 руб. Мѣсячный расходъ на нихъ возросъ до 90 р.; въ 1857—1859 г. онъ простирался до 100—104, въ 1860—до 107, въ 1868—до 111, а въ послѣднiй годъ старой академiи (1870 г.) возросъ до 114—115 р. при томъ же числѣ прислуги (до 24 человѣкъ).

Нѣкоторые изъ этой низшей академической братiи могутъ быть нарочито упомянуты въ исторiи академiи; вѣроятно, ихъ хорошо помнятъ и современные имъ питомцы академiи. Аристократомъ между ними всегда былъ коммиссаръ, довѣренное лицо эконома. Всѣхъ дольше подъ разными наименованiями служилъ въ этой должности извѣстный уже намъ дьяконъ Сильвестръ Ивановичъ Пучковскiй, поступившiй въ ком-

[1] Д. 1861 г. № 91: по запросу изъ Св. Синода объ истопникахъ.

миссары въ 1844 г. и съ самаго же начала съ высокимъ окладомъ въ 8 р. 33 к. въ мѣсяцъ, за который онъ, кромѣ прохожденія коммиссарской службы, долженъ былъ еще неопустительно участвовать въ богослуженіи академической церкви. Съ 1847 г. онъ служилъ смотрителемъ работъ при постройкѣ академическихъ зданій. Въ послѣдніе годы экономства Аркадія и въ первое время послѣ смерти его вся экономія академіи лежала исключительно на одномъ о. Сильвестрѣ. Онъ надѣялся сдѣлаться даже преемникомъ о. Аркадія и едва ли не для упроченія своей кандидатуры на его мѣсто изъявилъ желаніе постричься въ монашество. Постриженіе его произошло въ сентябрѣ 1854 г. (1). Но разсчеты его не оправдались. Еще въ февралѣ 1854 г. правленіе опредѣлило въ экономы болѣе компетентнаго человѣка, баккалавра М. М. Зефирова. Новый ректоръ академіи Агаѳангелъ неблаговолительно отнесся къ о. Сильвестру изъ-за замѣчанія Св. Синода правленію за одинъ прочетъ о. Сильвестра въ экономическомъ отчетѣ за 1853 г., когда о. Сильвестръ исправлялъ должность эконома (2). Послѣ этого ему не помогло уже и монашество. Воспользовавшись просрочкой отпуска, взятаго имъ для устройства семейныхъ дѣлъ передъ постриженіемъ, ректоръ лишилъ его и коммиссарской должности и оставилъ только въ должности дьякона (3). Послѣ постриженія о. Савватій (такъ онъ былъ названъ въ монашествѣ) впрочемъ какъ-то умилостивилъ ректора и успѣлъ получить новую должность. Въ это время, вмѣсто постояннаго фельдшера, въ больницѣ служилъ одинъ приходящій фельдшеръ изъ госпиталя, и ректору пришла въ голову оригинальная мысль—сдѣлать о. Савватія, какъ великаго химика, подлекаремъ больницы. Спросили доктора Скандовскаго; этотъ подалъ мнѣніе, что до весны пусть послужитъ старый фельдшеръ, а о. Савватій пока пусть изъ-подъ его рукъ присматривается къ дѣлу. Такъ и сдѣлали. Въ іюнѣ ректоръ опять спросилъ доктора Скандовскаго, не присмотрѣлся-ли уже о. Савватій. Докторъ отвѣчалъ, что онъ уже немного попривыкъ, но еще не можетъ вполнѣ замѣнить имѣющагося при больницѣ фельдшера. Тогда правленіе опредѣлило: „Вмѣнить о. Савватію въ обязанность, чтобы онъ не-

(1) Д. 1853 г. № 29.
(2) Д. 1854 г. № 108.
(3) Д. 1853 г. № 37.

премѣнно озаботился пріобрѣтеніемъ свѣдѣній, нужныхъ для фельдшера“, срокомъ въ два мѣсяца, послѣ котораго докторъ опять долженъ сообщить правленію объ его успѣхахъ. Дѣлать было нечего, — начальству очевидно хотѣлось сдѣлать его фельдшеромъ, и 5 октября Скандовскій сообщилъ, что о. Савватій пріобрѣлъ нужныя познанія; послѣ этого правленіе опредѣлило его фельдшеромъ за 5 р. жалованья, а госпитальнаго фельдшера уволило ([1]). Онъ оказался дѣйствительно очень заботливымъ помощникомъ доктора, такъ что правленіе въ концѣ 1856 г. дало ему даже награду въ 10 р. ([2]). Онъ постоянно возился съ лекарствами и дѣлалъ ихъ не хуже ученаго фельдшера, изрѣдка только увлекаясь своей изобрѣтательностью немного далѣе тѣхъ предѣловъ, до которыхъ достигала современная ему фармакологія. Въ ректорство Іоанна фонды его поднялись. Во время своей болѣзни по пріѣздѣ въ Казань, когда о. Савватій за нимъ ухаживалъ, ректоръ близко узналъ его и, хотя постоянно потомъ надъ нимъ подсмѣивался, но всегда считалъ его способнымъ и надежнымъ человѣкомъ. Подъ конецъ года ему назначена была даже чрезвычайная награда, какой никто еще не удостоивался изъ служившихъ на низшихъ должностяхъ, въ 25 р. ([3]). Съ 1 іюня 1858 г. о. Савватій сдѣланъ былъ помощникомъ эконома съ жалованьемъ въ 125 р. въ годъ ([4]). Вскорѣ послѣ этого началось дѣло объ увольненіи эконома Филарета, и между обоими этими монахами возникло сильное неудовольствіе. Филаретъ открыто обвинялъ о. Савватія въ томъ, что онъ подкапывается подъ него—эконома, желая стать на его мѣсто. Савватій, принимая отъ него экономію, какъ исправляющій должность эконома, сильно прижалъ его своими учетами. Пользуясь довѣріемъ ректора, онъ сдѣлался въ это время замѣтной силой въ академіи. Служба о. Савватія въ должности помощника эконома продолжалась и при экономѣ Фальковѣ и при Рудольфовѣ до самаго конца ректорства Іоанна; все это время онъ не ослабѣвалъ въ своей энергіи и силахъ, не переставалъ даже выдумывать разныя эксцентричности. Въ концѣ 1850-хъ годовъ онъ живмя жилъ въ академическомъ

([1]) Д. 1854 г. № 49.

([2]) Д. 1856 г. № 91.

([3]) Д. 1857 г. № 103.

([4]) Д. 1858 г. № 22.

саду въ палаткѣ, за что студенты прозвали его кущникомъ, и хлопоталъ около разведеннаго имъ тутъ небольшаго пчельника. Ему было уже за 50 лѣтъ, а онъ былъ все такой же свѣжій и крѣпкій человѣкъ, какъ въ молодые годы. Въ 1862 или въ 1863 г. лѣтомъ на Арскомъ полѣ явился какой-то скороходъ, устроилъ большой кругъ, обгороженный разными рогожками, и объявилъ, что пробѣжитъ по этому кругу столько-то верстъ во столько-то минутъ; это заинтересовало о. Савватія;—ни слова никому не говоря, онъ всталъ пораньше утромъ, пошелъ въ загородку и съ часами въ рукахъ пустился самъ производить экспериментъ бѣга, а послѣ съ критической улыбкой надъ самохвальствомъ разныхъ шарлатановъ разсказывалъ профессорамъ академіи, что пробѣжалъ назначенную дистанцію на сколько-то минутъ даже скорѣе.—При ректорѣ Иннокентіи съ мая 1864 г. онъ долженъ былъ оставить академическую службу, будучи вызванъ іеродіаконствовать въ Спасскій монастырь, къ которому былъ причисленъ еще при постриженіи и въ которомъ тогда оказался недостатокъ въ іеродіаконахъ ([1]). Послѣ въ 1870-хъ годахъ онъ былъ переведенъ въ свіяжскій Богородицкій монастырь, гдѣ въ началѣ 1880-хъ годовъ и скончался.

На его мѣсто ректоръ Иннокентій предложилъ поступить служившему при кладбищенской церкви бывшему протодіакону Стефану Евѳиміевичу Виноградову съ тѣмъ же жалованьемъ во 125 р., какое получалъ и о. Савватій. О. Виноградовъ былъ изъ кончившихъ курсъ казанской семинаріи (въ 3 разрядѣ), былъ сначала пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ, потомъ дьякономъ въ г. Арскѣ, съ 1855 г. дьякономъ въ казанскомъ каѳедральномъ соборѣ, съ 1857 г. протодіакономъ, наконецъ въ 1862 г. попалъ за что-то на дьяческую вакансію къ кладбищенской церкви, приписанной къ собору. На предложеніе ректора онъ согласился съ тѣмъ, чтобы числиться въ кладбищенскомъ причтѣ и получать по-прежнему часть изъ соборнаго дохода ([2]). Онъ былъ человѣкъ еще молодой, 37 лѣтъ, высокій, видный собой, съ громаднымъ басомъ, при которомъ обладалъ еще прекрасной и выразительной манерой церковнаго речитатива. Для академическаго богослуженія онъ былъ великимъ украшеніемъ, но экономическими дѣлами занимался

([1]) Д. 1864 г. № 17.
([2]) Д. 1864 г. № 17.

не особенно энергично. Въ сентябрѣ 1867 г., когда соборяне отказали ему въ доходѣ и оставили за нимъ всего 85 р. въ годъ иподіаконскаго оклада, онъ успѣлъ выхлопотать себѣ у правленія прибавку къ жалованью—150 р. Послѣ смерти Иннокентія въ іюнѣ 1868 г. онъ пріискалъ себѣ мѣсто при приходской Вознесенской церкви, гдѣ и служилъ до смерти ([1]). На мѣсто его въ дьяконы поступилъ причетникъ Вознесенской церкви Степанъ Ивановичъ Померанцевъ, назначенный въ тоже время для жалованья письмоводителемъ правленія съ окладомъ въ 20 р. въ мѣсяцъ изъ канцелярскихъ суммъ ([2]).

Изъ простыхъ, нечиновныхъ служителей академіи заслуженнѣйшимъ былъ правленскій служитель Осипъ Петровичъ Самохваловъ. По службѣ въ академіи онъ былъ почти ровесникъ самой академіи, приставъ къ ней еще въ 1844 г. при переходѣ ея въ Мельниковскій домъ ([3]). Онъ былъ финляндскій уроженецъ, отставной унтеръ-офицеръ, раньше академіи прослужившій уже 25 лѣтъ Государю и отечеству. Бездомный и безсемейный бобыль крѣпко привязался къ академіи, какъ къ родной семьѣ, вошелъ во всѣ ея интересы, особенно правленскіе, слѣдилъ за разными отношеніями людей, соприкосновенныхъ съ академической администраціей, кто съ кѣмъ и кто кого, за правленскими дѣлами, въ которыхъ замѣчалъ какъ разные промахи начальствъ, такъ и особенно ловкіе канцелярскіе фокусы, но въ тоже время считалъ своей священнѣйшей обязанностью хранить канцелярскую тайну. Онъ даже самую личность свою сливалъ съ правленіемъ,—все тутъ дѣлали „мы съ ректоромъ или съ секретаремъ“, напр. „на дняхъ мы натянули носъ“ (по внѣшнему правленію) такому-то ректору семинаріи или даже епархіальному архіерею и т. п. Въ особенности въ большой дружбѣ состоялъ онъ со студентами-письмоводителями, съ которыми почти вмѣстѣ и жилъ и съ которыми дѣлился и горестями, и радостями, а подъ часъ и подкрѣпительными матеріалами для перенесенія тягостей канцелярской жизни. Въ обыкновенномъ состояніи онъ былъ всегда солиденъ, молчаливъ и непроницаемъ, но, у кого нибудь слегка угостившись, начиналъ самымъ злодѣйскимъ образомъ хихикать, дѣлая на-

(1) Д. 1867 г. № 92 и 1868 г. № 28.

(2) Д. 1868 г. № 40.

(3) Д. 1844 г. № 67.

меки, что много знаетъ кое-чего такого, о чемъ другіе и не подозрѣваютъ. Исполнитель онъ былъ аккуратнѣйшій; на него можно было всякому положиться больше, чѣмъ на себя самого. Въ теченіе всей своей службы онъ несъ на себѣ разнообразнѣйшія порученія по части простой и денежной корреспонденціи служащихъ при академіи лицъ и студентовъ, и ни разу у него ничего не пропадало; отъ того и пользовался отъ всѣхъ, начиная съ ректоровъ, безграничнымъ довѣріемъ. Когда его одолѣвала несчастная хмѣльная слабость, онъ прямо заявлялъ секретарю, а то даже, явясь въ присутствіе, самому правленію,—„я де вамъ теперь не слуга, какъ знаете", махалъ рукой и уходилъ въ свою каморку. Всѣ относились къ этой, не частой впрочемъ, слабости снисходительно, съ улыбкой, цѣня его старыя заслуги. Отъ ректоровъ, которые при немъ были, онъ имѣлъ у себя похвальные листы, которые любилъ показывать, какъ заслуженные дипломы. Въ маѣ 1861 г. письмоводители-студенты устроили для него большую радость, отыскали 1002 ст. (Св. Законовъ, III т.) устава о службѣ, въ которой оказалось, что онъ, какъ заслуженный военный, имѣетъ право на двойное жалованье, написали отъ его имени прошеніе о томъ въ правленіе, заставили его подписаться и пустили бумагу въ ходъ. Правленіе уважило эту просьбу и опредѣлило выдавать ему, вмѣсто получавшихся имъ прежде 5 рублей,—10 (¹). Его радовало тутъ не столько увеличеніе денежнаго оклада, сколько честь, то, что признали его заслуги. Чувство чести было въ немъ сильно развито. Онъ и держался всегда солидно, не заискивая ни въ комъ, не угодничая даже предъ ректорами, которыхъ уже довольно видалъ на своемъ вѣку. Еще большая и неожиданная радость досталась ему на долю въ 1869 г., когда онъ дожилъ до 25-лѣтняго юбилея своей академической службы; наставники академіи, сговорившись между собою, подарили ему серебряный кубокъ. Это его особенно тронуло, такъ какъ въ послѣднее время, въ виду новаго устава и предстоявшаго усложненія правленской службы, онъ видимо сталъ падать духомъ и все чаще предаваться своей слабости, да кромѣ того послѣ 50 лѣтъ всей своей службы не могъ не чувствовать и ослабленія своихъ крѣпкихъ прежде силъ. Цѣлый годъ онъ еще прослужилъ правленію, потомъ слегъ и уже не всталъ. 12 сентября

(¹) Д. 1861 г. № 74.

1870 г., въ то самое время, когда въ академіи только лишь начало дѣйствовать новое правленіе, Осипъ Петровичъ скончался. Его хоронила въ академической церкви вся академическая семья преподавателей и студентовъ съ ректоромъ Никаноромъ во главѣ. Витія-ректоръ почтилъ кончину его задушевною и назидательною рѣчью, въ которой симпатично и вѣрно выставилъ служеніе и заслуги этого благаго и вѣрнаго раба; академія и мѣсто для его могилы отвела около своихъ семейныхъ студенческихъ могилъ [1].

Осипъ Петровичъ, какъ служитель правленія, принадлежалъ къ высшей административной сферѣ академической жизни и только по части корреспонденціи входилъ въ связи съ студенчествомъ. Ближе него къ студентамъ стояли рядовые служители студенческихъ комнатъ, буфета и др. учрежденій; въ числѣ ихъ питомцы академіи вспоминаютъ вѣроятно много личностей, которыя играли не маловажную роль въ ихъ школьномъ общежитіи. Жизнь старой академіи носила болѣе сплоченный и даже семейный характеръ, чѣмъ жизнь академіи новой. Какъ въ нѣкоторыхъ старинныхъ частныхъ домахъ, въ ней чаще, чѣмъ въ позднѣйшее время, попадались тогда типы слугъ радѣльщиковъ, почти семейныхъ людей; такіе радѣльщики были за одно со студентами во всѣхъ ихъ проказахъ и въ извѣстнаго рода оппозиціи противъ монаховъ-начальниковъ, по ихъ мнѣнію, напрасно притѣснявшихъ молодыхъ людей. Они по-своему жалѣли этихъ молодыхъ людей, покрывали ихъ грѣхи и дѣлали имъ сотни разныхъ мелкихъ и крупныхъ апокрифическихъ услугъ. Вѣроятно, каждый курсъ академіи можетъ вспомнить по нѣскольку такихъ радѣльщиковъ, сплетшихъ свою жизнь съ жизнью студенчества. Другой, тоже довольно господствовавшій типъ служителей составляли служители-старожилы, которые почти безкорыстно сживались съ жизнью заведенія, не могли себя и представить внѣ стѣнъ академіи, за какіе нибудь 2 р. 80 к. служили на своихъ низменныхъ постахъ до послѣдняго истощенія своихъ силъ.

Первые восемь курсовъ академіи хорошо помнятъ служившаго съ самаго начала академіи косаго Киріакыча, Ѳедора Гуляева, изъ мѣщанъ, перебывавшаго, кажется, на всѣхъ должностяхъ,—комнатнаго служителя, буфетчика, швейцара

[1] См. Изв. Казанск. епарх. 1870 г., стр. 697—701, гдѣ и рѣчь архим. Никанора.

и др., нѣсколько разъ пробовавшаго перейти на частную службу къ наставникамъ академіи, но всякій разъ снова возвращавшагося на службу при академическомъ общежитіи. Въ послѣдніе курсы онъ любилъ играть роль какого-то дядьки у студентовъ, хотя и терпѣлъ отъ нихъ за это немало непріятностей. Достигнувъ солиднаго возраста, онъ не прочь былъ потщеславиться, представить себя нѣсколькими рангами выше своей мѣры. Особенно любилъ онъ поражать своей солидностью студентовъ-новичковъ, когда они, пріѣхавъ въ академію, робко осматривались кругомъ и готовы были кланяться всякому встрѣчному. Профессоръ Аристовъ, разсказывая о своемъ прибытіи въ академію, обрисовываетъ обычный маневръ Киріакыча, какъ онъ встрѣчалъ нѣсколько курсовъ новопоступавшихъ студентовъ, каждый разъ продѣлывая одно и тоже: „У параднаго крыльца сидѣлъ на стулѣ тщедушный старичекъ и читалъ газеты; это былъ служитель Киріаковичъ, который во время пріѣзда новичковъ изъ семинарій нарочно одѣвался въ черный сюртукъ и чистую рубашку, а воротнички выпускалъ до ушей; принимая его за профессора, нѣкоторые неопытные юноши отвѣшивали ему низкіе поклоны. Такая честь льстила самолюбію старика“ (¹)... Онъ очень покровительственно принималъ новичковъ, указывалъ, куда имъ идти, къ кому обратитьтя за услугой и проч. Въ 1857 г. онъ пристроилъ къ академіи же гардеробщикомъ сына своего, порядочнаго портнаго, но молодое поколѣніе служителей оказалось уже непригоднымъ къ этой службѣ; за нечестность молодой Гуляевъ былъ прогнанъ со службы; за нимъ въ слѣдующемъ 1858 г. вышелъ за старостью и его отецъ Киріаковичъ, служившій въ послѣднее время при спальняхъ студентовъ.

Другимъ старожиломъ въ академіи былъ ламповщикъ и брадобрѣй студентовъ Егоръ Власовъ Ронжевскій (изъ крѣпостныхъ г. Бекетова), поступившій на службу въ концѣ 1847 г. и съ тѣхъ поръ брившій всѣхъ студентовъ старой академіи, обязательно хватая при этомъ каждаго изъ нихъ за носъ. Помѣщеніе его въ подвальномъ этажѣ, не смотря на обиліе по всему его полу сурѣпнаго масла, было всегда наполнено студентами, часто устраивавшими тутъ и свои увеселительныя сборища, которымъ академическій Фигаро великодушно покровительствовалъ. Онъ хорошо зналъ личности и

(¹) Аристовъ: А. П. Щаповъ, стр. 13.

судьбу всѣхъ студентовъ, прошедшихъ подъ его бритвой и масляными пальцами, судьбой нѣкоторыхъ великихъ потомъ людей даже искренно гордился. Онъ заимствовалъ у студентовъ любовь къ чтенію ученыхъ книгъ, но читалъ ихъ безъ особенно систематическаго выбора, услаждаясь очевидно только процессомъ чтенія; студенты VII—VIII курсовъ долго потѣшались надъ тѣмъ, какъ Власовъ однажды добросовѣстно читалъ въ русскомъ старинномъ переводѣ Критику чистаго разума Канта. Въ послѣднее время, когда въ академіи явился бо́льшій запросъ на чистоплотность, онъ долженъ былъ покинуть свою службу и перешелъ на низшій окладъ въ рядовые служители. Въ новой академіи ему не нашлось уже мѣста; немного послуживъ въ ней по-старому ламповщикомъ и не дождавшись конца своего 25-лѣтія, онъ какъ-то незамѣтно стушевался вмѣстѣ съ переходомъ отъ сурѣпнаго освѣщенія къ керосинному и сгибъ несчастною смертью гдѣ-то въ Академической слободкѣ.

Третьимъ старожиломъ между служилой братіей былъ преемникъ о. Савватія по подлекарской должности изъ военныхъ фельдшеровъ Захаръ Ивановъ, поступившій въ августѣ 1858 г. на окладъ въ 5 р. Онъ кое-чему учился; могъ самъ подавать первую помощь больнымъ и имѣлъ даже практику между бѣдняками Академической слободки. Съ студентами былъ внимателенъ, любилъ поговорить по-ученому, уснащивая свою рѣчь множествомъ иностранныхъ словъ съ преобладаніемъ слова: „натурально“, не прочь былъ даже повольнодумничать, становясь на матеріалистическую точку зрѣнія, какъ истый медикъ. При очень неразвитомъ краснорѣчіи и наклонности къ заиканью, вслѣдствіе котораго онъ долго не подбиралъ нужнаго слова и только разводилъ забавно руками, говоря свое: „натурально“, эти экскурсіи его въ область науки служили немалымъ развлеченіемъ для больныхъ академической больницы. Больница эта наполнялась впрочемъ тогда больше здоровыми больными. Врачемъ былъ добродушнѣйшій старикъ И. С. Димитревскій, никогда не ѣздившій въ академію безъ зову, котораго Захаръ Ивановичъ, въ случаѣ надобности, могъ даже и не пустить въ больницу, сказавши, что больныхъ нѣтъ, или что больные не желаютъ его въ настоящее время видѣть; отъ этого вѣдомство Захара Ивановича было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ помѣщеніе Егора Власова и другія укромныя мѣста въ

академіи. Такое пріятное для студентовъ служеніе этого подлекаря кончилось въ 1864 г., когда въ академію опредѣлился новый докторъ, А. А. Кремлевъ, живо удалившій изъ больницы всѣхъ здоровыхъ больныхъ, забравшій въ руки и самого Захара Ивановича. Плохо теперь пришлось послѣднему съ его старческой неповоротливостью и прежнею избалованностью, когда новый врачъ потребовалъ отъ него строгой и быстрой исполнительности, какой онъ никогда не вѣдалъ при докторѣ Димитревскомъ. Въ мартѣ 1868 г. докторъ вошелъ въ правленіе запиской о непригодности Захара Ивановича къ службѣ по старости и объ опредѣленіи на его мѣсто другаго, крестьянина Ѳоима Тарасова[1]. Уволить было легко, но труднѣе было отдѣлаться отъ старика, который сжился съ академіей да не имѣлъ, кромѣ нея, гдѣ и голову приклонить. Онъ просто не пошелъ изъ больницы и только, какъ его ни уговаривали. Начальство наконецъ сжалилось надъ нимъ и не только дозволило ему жить и кормиться при академіи, но въ 1870 г. назначило ему въ видѣ пенсіи даже его прежній подлекарскій окладъ. Академія была преобразована, устроилась новая больница на другомъ уже мѣстѣ, а Захаръ Ивановичъ, какъ старая кошка, все продолжалъ льнуть къ западному флигелю академіи, гдѣ началась его подлекарская служба и гдѣ теперь уже помѣстилась академическая библіотека. Чтобы занять его чѣмъ нибудь, его сдѣлали швейцаромъ—хранителемъ платья при библіотекѣ, но и на это онъ оказался не пригоденъ. Выжившій изъ ума старикъ померъ въ 1874 г. въ городской больницѣ; онъ едва согласился отправиться туда изъ академіи для леченія, даже не разъ уходилъ оттуда въ свою каморку подъ библіотечной лѣстницей.

Было много памятныхъ людей изъ числа низшей академической братіи, и менѣе служившихъ въ академіи, чѣмъ эти старожилы. У старыхъ студентовъ не разъ навѣрное, по разнымъ случаямъ, воскресали въ воображеніи оригинальные типы служителей, съ которыми они были въ разнообразныхъ отношеніяхъ,—и серьезный Иванъ Глотовъ, служившій съ 1855 г. хлѣбникомъ и вмѣстѣ баньщикомъ, поддававшій пару всѣмъ студентамъ послѣдующихъ курсовъ, имѣвшій въ послѣднее время право прислуживать въ академической банѣ даже во время пребыванія тамъ женщинъ изъ прислуги профессоровъ;

[1] Д. 1868 г. № 55.

и кривоногій матросъ, всегда полупьяный Ѳома водокачъ, (съ 1858 г.) съ утра до вечера ходившій въ колесѣ на колодцѣ и помогавшій студентамъ упражняться въ Присницкомъ гигіеническомъ баловствѣ холодной водою; и разные буфетчики, оставлявшіе запоздавшимъ къ столу студентамъ порціи кушанья, доставлявшіе имъ молоко и сливки къ чаю, хранившіе у себя ихъ скудные собственные припасы въ подспорье къ казеннымъ и ихъ собственную чайную посуду; и маленькій плюгавый солдатикъ съ совершенно голой головой—Матвѣичъ, съ 1862 г. служившій при спальняхъ, бѣгавшій безпрекословно по всѣмъ секретнымъ порученіямъ студентовъ и считавшій долгомъ въ свои именины являться съ калачемъ или арбузомъ ко всѣмъ преподавателямъ академіи, чтобы поздравить ихъ съ своимъ ангеломъ, и tutti quanti. Не можемъ не привести здѣсь выразительнаго случая трогательной привязанности одного стараго служителя къ академіи. Весной 1856 г. ректоръ Агаѳангелъ получилъ изъ Кронштадта письмо съ адресомъ: во икадемію монаху лехтеру, и со вложеніемъ 10 руб. Изъ содержанія его оказалось, что это—предсмертное завѣщаніе академіи бывшаго ея служителя, нѣкоего матроса Михаила Макарова, поступившаго на службу въ студенческія спальни весной 1852 г., потомъ по случаю войны вызваннаго въ 1855 г. снова въ свою прежнюю морскую службу въ Кронштадтъ и скончавшагося тамъ отъ болѣзни. У бѣднаго бобыля нашлась на свѣтѣ одна только семья—академія, которой онъ и оставилъ свой скудный капиталъ. Вспомнили по этому случаю въ академіи его скромную личность, его рѣдкое благочестіе, вспомнили, какъ бывало по ночамъ видали его долго и усердно молившимся на колѣнахъ. Ректоръ отслужилъ по немъ панихиду въ присутствіи всѣхъ студентовъ и распорядился передать его деньги въ академическую церковь на поминъ его души.

Послѣ содержанія прислуги другою дорогою статьею содержанія дома было отопленіе академическихъ помѣщеній. Когда академія жила въ немногихъ и небольшихъ помѣщеніяхъ Спасскаго монастыря, эта статья стоила ей очень дешево, особенно при тогдашней дешевизнѣ дровъ, до 1 р. 42 к. за сажень сосновыхъ и 1 р. 92 к. березовыхъ. Расходовалось же всего 225 саженъ въ годъ. Въ Мельниковскомъ домѣ, гдѣ отапливалось 58 голландскихъ печей и 9 очаговъ, стало выходить больше, отъ 600 до 650 саженъ; но цѣны очень долго стояли такія же, какъ прежде. Такъ въ 1845 г. осиновыя

дрова покупались по 1 р. 31½ к., березовыя по 1 р. 85½ к., въ 1846—березовыя и ольховыя по 1 р. 71 к., разнородныя по 1 р. 26 к. Въ первое время жизни академіи въ собственныхъ зданіяхъ цѣнность дровъ была почти прежняя и поднималась лишь на самую незначительную сумму, а въ нѣкоторые года была даже ниже прежняго. Такъ въ 1849 г. за дубовыя и березовыя дрова платили всего 1 р. 60 к., а за сосновыя и осиновыя 1 р. 18 к.; въ 1850 г. средняя цѣна при покупкѣ дровъ была 1 р. 43 к., въ 1852 г.—осиновыя и сосновыя 1 р. 30 к., въ 1854 г.—средняя цѣна 1 р. 50 к. Количество расходуемыхъ дровъ, при аммосовскомъ отопленіи новыхъ зданій академіи на 4 полныхъ и 4 половинныхъ пневматическихъ печи и сверхъ того на 1 банную, на 7 русскихъ и 2 голландскихъ печи, на 2 камина и 8 очаговъ тоже не увеличилось, въ нѣкоторые годы было даже меньше, такъ что средній расходъ можно считать въ 600 саженъ въ годъ. Увеличился только расходъ на печной ремонтъ и на самую топку печей. Для этого понадобился особый мастеръ-спеціалистъ, знающій устройство духовыхъ печей, который могъ бы руководить ихъ топкой, чисткой трубъ и производствомъ мелкихъ печныхъ ремонтовъ. Въ Мельниковскомъ домѣ годовой печникъ за чистку трубъ и мелкіе ремонты получалъ всего 10 р. въ годъ. Новаго мастера-спеціалиста едва нашли лишь за 150 р. въ годъ съ обязательствомъ держать отъ себя, но на академическомъ содержаніи 5 истопниковъ (¹). Потомъ эта цѣна съ 1851 г. спустилась до 100 р. и держалась до 1857 г. Нашелся болѣе дешевый и порядочный мастеръ Иванъ Ксенофонтовъ, который и завѣдывалъ отопленіемъ академическихъ зданій цѣлыхъ 16 лѣтъ (²); но за рѣдкостью такихъ людей въ Казани правленіе должно было не разъ по неволѣ подчиняться ему, когда онъ возвышалъ цѣну при заключеніи годовыхъ контрактовъ (³), и терпѣть разныя его неисправности. Въ 1858 г. въ августѣ, вмѣсто него, наняли было другаго печника за 123 р. въ годъ; но онъ оказался еще неисправнѣе и, кромѣ того, менѣе знающимъ, и съ января 1859 г. правленіе принуждено было снова пригласить того же Ксенофонтова за 125 р. (⁴). Въ послѣднее время подрядъ на топку печей заключался за

(¹) Д. 1849 г. № 88.

(²) Умеръ въ 1866 г. Д. 1865 г. № 99.

(³) Въ 1857 г. онъ получалъ уже 125 р., въ 1864 г — 135, потомъ опять спустилъ цѣну до 100 р.

(⁴) Д. 1859 г. № 100.

120 р. въ годъ. Съ 1856—1857 гг. цѣна на дрова стала годъ отъ году подниматься, какъ и на всѣ вообще предметы. Съ 1858 г. въ экономическихъ отчетахъ за каждый годъ встрѣчаемъ нарочитыя объясненія передержекъ по статьѣ содержанія дома, основанныя на цифрахъ стоимости разныхъ предметовъ, нужныхъ для домоваго хозяйства, и прежде всего стоимости матеріаловъ для отопленія зданій. Вотъ послѣдовательный рядъ цифръ, указанныхъ здѣсь и въ дѣлахъ о покупкѣ дровъ: въ 1856 г. дрова (сосновыя) куплены были за 1 р. 18 к. сажень,—очень дешево, въ 1857—за 1 р. 70 к., въ 1858—за 2 р. 18 к. сосновыя и 2 р. 93 к. березовыя, въ 1859 г. за 2 р. 22 к. —сосновыя и 2 р. 95 к. березовыя, въ 1860 г.—первыя 2 р. 25 и 2 р. 95 к. вторыя, въ 1861 г. дешевле—первыя 2 р. 3 ½ к., вторыя 2 р. 74 ¼ к., въ 1862 г. еще дешевле—1 р. 98 к. и 2 р. 61 к.; но въ 1863 г. цѣна вдругъ поднялась до 3 р. 80 к. за сосновыя и осиновыя дрова; въ слѣдующемъ году она спустилась до 2 р. 57 к.,—цифры все-таки высшей прежнихъ; въ 1867 г. платили 2 р. 94 к., а за березовыя 4 р. 50 к., въ 1868—1869 гг. —3 р., березовыя 4 р. 30 к. Всѣ цѣны указываются здѣсь по самой покупкѣ и по торгамъ; справочныя и дѣйствительныя рыночныя цѣны для мелочной продажи были всегда несравненно выше. Вслѣдствіе пристройки новыхъ голландскихъ печей и другихъ причинъ самый расходъ на дрова съ теченіемъ времени увеличивался; по дѣлу о расходѣ дровъ эконома Рудольфова было высчитано, что въ 1855—1859 гг. среднимъ числомъ выходило на отопленіе зданій 584 сажени въ годъ, въ 1860—1864 гг.—602, въ 1865—1869 гг. —693 сажени (¹).

Освѣщеніе зданій было болѣе дешевой статьей, но и въ ней возрастаніе расходовъ къ концу описываемаго времени тоже немало стѣсняло академическую экономію. Въ Спасскомъ монастырѣ освѣщалось очень немного помѣщеній: 2 комнаты для правленія и канцеляріи, 9 жилыхъ комнатъ, 1 столовая, 1 больница, 1 служительская и 1 корридоръ; въ домѣ Мельниковыхъ освѣщалось: 3 комнаты для правленія и канцеляріи, 10 занятныхъ и 5 спаленъ, 1 зала, 1 столовая, больница, служительская, гордеробная, умывальная, 7 корридоровъ, 5 лѣстницъ и 2 кухни; наконецъ въ собственномъ домѣ академіи: 1 комната въ правленіи, 6 занятныхъ и 2 спаль-

(¹) Д. 1865 г. № 107.

ныхъ комнаты, гардеробная, умывальная, 2 монашескихъ, 1 письмоводительская, 1 швейцарская, 3 больничныхъ, 2 кухни, 1 столовая, 1 буфетъ, 2 служительскихъ, 1 столярная, 1 комиссарская, 1 кучерская, 4 корридора, 9 лѣстницъ, 4 сортира, 4 камеры при пневматическихъ печахъ. Освѣтительными матеріалами для всѣхъ этихъ помѣщеній до 70-хъ гг. служили сальныя свѣчи и сурѣпное масло. Для занятій студентамъ выдавалось обыкновенно 4 свѣчи на каждую занятную комнату. Стоимость этихъ матеріаловъ возрастала съ годами тоже довольно значительно: въ 1840-хъ годахъ масло покупалось по цѣнѣ отъ 2 р. 30—25 коп. до 2 р. 85 к.; съ 1857 г. отъ 3 р. 30 к. и выше, въ 1860-хъ гг. отъ 4 р. съ копѣйками до 5 р.; годовой расходъ его съ 1848 г. опредѣлялся въ 40—50 пудовъ. Сальныя свѣчи въ 1840-хъ гг. покупались за 3 р. 30—60 к. пудъ; въ 1850-хъ гг. за 3 р. 70 к.—4 р. 50 и 65 к.; въ 1860-хъ —отъ 5 р. до 6 р 85 к. Годовой расходъ съ 1848 г. простирался до 50—60 пудовъ.

Затѣмъ слѣдовала крупная статья по домовой экономіи,—содержаніе конюшни. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ жительства академіи она постоянно содержала до 5 лошадей съ надлежащимъ при томъ количествомъ экипажей [1], какъ для хозяйственныхъ надобностей въ родѣ закупки на рынкѣ припасовъ, или возки воды, такъ особенно для выѣздовъ начальствующихъ и вообще монашествующихъ лицъ, которымъ не принято было ходить пѣшкомъ или ѣздить на извощикахъ. Пара лошадей была назначена для ректора, 1 лошадь для инспектора, 1 для эконома и 1 рабочая. Это количество лошадей содержалось при академіи до послѣдняго времени. Болѣе всего издержекъ по конюшенной части падаетъ на время ректорства Іоанна, заведшаго карету въ 600 р. и болѣе дорогихъ лошадей. Одно время въ 1861 г. при немъ было до 8 лошадей, впрочемъ вслѣдствіе замедленія въ продажѣ старыхъ при покупкѣ новыхъ. Издержки по конюшнѣ съ 1859 г. обратили на себя даже вниманіе Св. Синода, и правленіе должно было отписываться на послѣдовавшіе по этому случаю запросы [2]. Предметы расхода по этой статьѣ оставались приблизительно одни и тѣже, но самый расходъ тѣмъ не менѣе увеличивался годъ отъ году, какъ и по другимъ статьямъ, отъ возвышенія цѣнъ; напр. сѣно, покупавшееся въ 1840-хъ гг. по 5—6 к.

(1) Д. 1842 г. № 34.
(2) Д. 1861 г. № 91.

пудъ, послѣ 1856 г. стало 7—12 к., а въ 1868 г. — уже 19 к.; овесъ, продававшійся въ 40-хъ гг. 1 р. 20 к. и 1 р. 50 к. четверть, послѣ 1856 г. стоилъ 2 р. 5 к. — 2 р. 80 к. за четверть, въ 1868—1869 годахъ 40—45 к. пудъ. Не говоримъ о возвышеніи цѣнъ на конюшенную прислугу, ремонты экипажей и т. д.

Не вдаваясь въ утомительное перечисленіе другихъ расходовъ по статьѣ содержанія дома, приведемъ здѣсь только нѣсколько цифирныхъ показаній относительно общаго хода академической экономіи по этой статьѣ. Изъ показаній этого рода видимъ, что до конца крымской войны домовой суммы, отпускавшейся по штату, было вполнѣ достаточно на всѣ расходы по дому. Когда академія жила въ наемномъ домѣ, домовая сумма давала даже остатки; такъ въ 1845 г. изъ 3500 руб. этой суммы израсходовано 3192 руб., въ 1847 году — 3084 руб. 20½ коп. Послѣ перехода въ собственный домъ въ 1848 г., по случаю обзаведенія зданій разными предметами, допущена передержка въ 830 руб., легко впрочемъ покрывавшаяся излишками по другимъ статьямъ; въ слѣдующемъ 1849 г. опять издержано всего только 2723 р. 79 к.; въ 1850 г. передержка изъ-за ремонтовъ и покупокъ разныхъ вещей доходила до 460 руб. 54 коп., въ 1852 г.—до 235 р. 59 к., въ 1854 г. уже менѣе,—всего до 24 р. 43 к.;— постройки и обзаведеніе кончились, а въ 1855 г. былъ уже остатокъ, такъ какъ издержано было всего 3251 р. 22 к.; въ 1856 г. остатокъ былъ меньше, всего на 79 р. 34 к., а съ 1857 г. начинается уже возрастаніе постояннаго хроническаго дефицита. Въ этомъ году передержка простиралась до 505 р. 79 к., а въ 1858 г. до 558 р. 61 к. и правленіе въ своемъ экономическомъ отчетѣ сочло нужнымъ объяснить ея происхожденіе, приложивъ таблицу постепеннаго возрастанія за послѣдніе три года цѣнъ на всѣ главные предметы содержанія дома, — дрова, сурѣпное масло, свѣчи, сѣно и овесъ; въ итогѣ этой таблицы выведено, что за одни дрова въ отчетномъ году противъ прежняго пришлось приплатить 228 р., за масло 48 р. да за свѣчи до 30 р., не говоря о цѣнѣ другихъ предметовъ домовой экономіи и рабочихъ силъ. Только по тремъ главнымъ статьямъ — отопленію, освѣщенію и прислугѣ расходъ доходилъ до 2721 р. 3 к. Объясненія такого рода помѣщались въ отчетахъ и за слѣдующіе годы, при чемъ цѣны сравнивались за нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ 1859 г.

допущена была особенно большая передержка по содержанію дома, такъ что высшее начальство обратило на нее вниманіе. Отъ 23 ноября 1861 г. отъ синодальнаго оберъ-прокурора пришла бумага, въ которой было высчитано по отчетамъ 1859 г., что на содержаніе и ремонтъ зданій академіи по домовой статьѣ было передержано 1258 р. 59 к., да кромѣ того израсходовано на разныя работы по корпусу и въ академическомъ саду — 599 р. 93 к., на покупку саней и лошадей 362 р., исправленіе колодца, бани, печей 253 р. 15 к., всего 1215 р. 8 к., такъ что вся передержка дошла до 2473 р. 68 к., — требовалось объяснить это обстоятельство (1). Мы приведемъ объясненія правленія въ подробномъ извлеченіи, такъ какъ въ нихъ выяснены и количества расходовъ по разнымъ статьямъ домоваго хозяйства, и вмѣстѣ положеніе этого хозяйства въ данное время при возвышеніи цѣнъ. По справкамъ правленія оказалось, что на содержаніе дома по штату отпущено было, какъ всегда, 3500 р.; расходы же были слѣдующіе: 1) на отопленіе зданій требовалось до 700 саженъ дровъ, куплено 665 саж. сосновыхъ по 2 р. 22 к. на 1476 р. 30 к., и березовыхъ для русскихъ печей 35 саженъ по 2 р. 95 к. на 103 р. 25 к., за отопленіе и чистку трубъ переплачено по контракту 115 р. 10 к., всего 1694 р. 65 к.; на освѣщеніе нужно было до 50 пудовъ сальныхъ свѣчъ и 50 пудовъ сурѣпнаго масла, куплено къ 22 пп. остатка отъ 1858 г. 35 п. свѣчъ по 4 р. 98 к. на 174 р. 30 к., и 50 п. масла по 4 р. 50 к. на 225 р., — всего на освѣщеніе 399 р. 30 к.; 2) на содержаніе служителей 24—25 человѣкъ и коммиссара вышло всего 1246 р. съ копѣйками. Такимъ образомъ на отопленіе, освѣщеніе и прислугу вышло 3339 р. 95 к., т. е. почти вся сумма, ассигнованная на содержаніе дома. Сюда не вошли еще годовыя платы по дому: малярная стоимостью до 50 р., слесарная до 30 р., бондарная до 38 р., чистка отхожихъ мѣстъ 40 р., часовщику 30 р., за полуду мѣдной посуды и самоваровъ 34 р. 90 к., за исправленіе конюшенныхъ вещей до 63 р., за ковку лошадей 35 р. 80 к., леченіе ихъ 38 р. 5 к., прокормъ ихъ овсомъ на 277 р. 12 к., сѣномъ на 108 р. 17 к., за стекло 43 р. 75 к., за подѣлку резервуаровъ для сурѣпнаго масла 55 р., покупка посуды на 26 р. 30 к., скатертнаго полотна на 25 р. 53 к., полотна

(1) Д. 1861 г. № 31. Журн. правл. 1862 г. 12 мая.

для буфетныхъ полотенцевъ и фартуковъ для кухни, хлѣбопекарни и проч. на 46 р. 78 к., лѣсу для разныхъ подѣлокъ по дому на 65 р. 40 к., льду для погребовъ на 14 р. 80 к., вѣниковъ для бани 13 р. 12 к., — всего по всѣмъ статьямъ на 1017 р. съ копѣйками. Остальныя деньги до 1258 р. 59 к. израсходованы на пріобрѣтеніе тоже необходимыхъ мелкихъ вещей, показанныхъ въ отчетахъ. Покупка лошадей и саней на 362 р. была необходима и сдѣлана съ согласія преосвященнаго. Также настоятельно необходимы были расходы по передѣлкѣ печей, ремонту бани и колодца, отхожихъ мѣстъ въ корпусѣ, уже развалившихся отъ ветхости; садъ безъ ухода успѣлъ зарости и на очистку его употреблено всего 33 руб. На всѣ эти ремонты употреблено 599 р. 93 к.

Между тѣмъ передержки все продолжались и послѣ 1859 г., и въ отчетахъ постоянно продолжали обозначаться въ особыхъ табеляхъ цифры возвышенія цѣнъ по главнымъ статьямъ, чтобы оправдать эти передержки недостаточностію домовой суммы. Въ 1860 г. по указаннымъ первымъ тремъ статьямъ расходъ доходилъ до 3403 р. 60 к., на все прочее оставалось только 96 р. 40 к.; въ 1861 г. до 3497 р. 29 к., на остальное оставалось всего 2 р. 71 к.; въ 1862 г. — 3418 р. 96 к.; въ 1863 г. — 4572 р. 86 к., т. е. и на три указанныя статьи главнаго расхода уже не достало 1072 р. 86 к. и т. д. Что касается до всей передержки по всѣмъ статьямъ домоваго хозяйства вообще, то въ 1860 г. она простиралась до 1080 р. 88 к., въ 1861 г. до 1153 р. 43 к., въ 1862 г. — 705 р. 34 к., въ 1863 г. — 2315 р. 63 к., въ 1864 г. — 2260 р. 63½ к., въ 1865 г. — уже 4459 р. 7¼ к. по случаю необходимыхъ ремонтовъ, на которые хозяйственное управленіе не соблаговолило выслать особой суммы. Въ 1865 г. Св. Синодъ рѣшилъ наконецъ увеличить домовую сумму для казанской академіи, доведя ее съ 3500 до 5000 р. въ годъ. Экономія академическая немного поправилась, но этой прибавочной суммы все-таки было мало, какъ это легко видѣть изъ сравненія ея съ количествомъ постоянныхъ дефицитовъ. Въ 1865 г. этого было еще не видно за чрезвычайными расходами этого года, но въ слѣдующемъ 1866 г. мы опять наталкиваемся на дефицитъ, правда уже небольшой, но простиравшійся все-таки до 150 р. 66 к.; въ 1867 г. — онъ уже дошелъ до 697 р. 47½ к., а въ 1868 г. до 868 р. 11 к.— Всѣ эти передержки до 1868 г. покрывались изъ разныхъ

экономическихъ суммъ. Сначала, какъ сказано, у академіи былъ даже небольшой капиталъ въ билетахъ, который служилъ чувствительнымъ подспорьемъ въ разныхъ хозяйственныхъ недохваткахъ, но къ 1863 г. отъ этого капитала растаяли послѣдніе 5000 р., которые правленіе долго крѣпилось расходовать. Самыми богатыми статьями академическаго бюджета, изъ которыхъ получались болѣе или менѣе крупные остатки и изъ которыхъ правленіе заимствовало суммы для покрытія дефицитовъ по дому, были: а) статья по содержанію личнаго состава начальствующихъ и учащихъ, который никогда не былъ полонъ, б) деньги на проѣздъ ревизоровъ, такъ какъ ревизоры посылались по округу обыкновенно черезъ годъ, да когда и посылались, то расходовали несравненно менѣе ассигнованныхъ на то 715 р. въ годъ, и в) суммы экономическія и экстраординарныя. Нерѣдко впрочемъ случалось, что не хватало и этихъ суммъ; въ такихъ случаяхъ непокрытая часть передержки одного года покрывалась изъ суммъ слѣдующаго года; такъ въ 1861 г. уплачено за 1860 г. 133 р. 46 к., въ 1862 г. — 63 р. 45 к. отъ 1861 г., въ 1863 г. было уплачено 205 р. 23 к., оставшихся неуплаченными отъ 1862 г., въ 1864 г. — 96 р. отъ 1863 г., въ 1865 г. — 94 р. 20 к. отъ 1864 г., въ 1868 г. — 146 р. 75 к. отъ 1867 г. (1). Такіе неизбѣжные переносы долговъ съ одного года на другой конечно еще болѣе содѣйствовали хроническому развитію дефицита въ содержаніи дома. Въ 1867 и 1868 гг. при общемъ возвышеніи цѣнъ и, кромѣ того, вслѣдствіе увеличенія тогда числа студентовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходовъ на прислугу, отопленіе, освѣщеніе, ремонты вещей и на другія статьи домоваго хозяйства, экономія академіи дошла наконецъ до самаго критическаго положенія, изъ котораго она уже никакъ не могла выбиться съ помощью однихъ только своихъ экономическихъ остатковъ. Между тѣмъ надъ нею разразился новый и на этотъ разъ рѣшительный ударъ. Для усиленія содержанія служащихъ при академіи лицъ, какъ извѣстно, была назначена сумма, получавшаяся за аренду семинарскаго дома. Въ 1868 г. часть этого дома была занята семинаріей

(1) Д. 1868 г. № 82: о передержкахъ по экономіи, и журн. 5 марта 1870 г. Въ представленномъ перечнѣ передержекъ такіе переносы платежей вычислялись не въ томъ году, когда они оплачены, а въ томъ, въ которомъ произведены самые расходы.

и такъ какъ годовая арендная плата должна была вслѣдствіе этого пропорціонально уменьшиться, то Св. Синодъ взялъ недостающее количество для добавочнаго жалованья личному составу академіи на счетъ духовно-учебнаго капитала, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіемъ отъ $\frac{27 \text{ мая}}{18 \text{ іюня}}$ 1868 г. распорядился, чтобы всѣ годовые остатки отъ штатнаго жалованья личнаго состава академіи зачисляемы были въ смѣты на будущій годъ и поступали на пополненіе добавочнаго жалованья. Такъ уничтожился для академической экономіи единственный возможный для нея источникъ средствъ къ покрытію ея дефицитовъ, потому что остатокъ (около 700 р.) въ 1868 г. только и предвидѣлся отъ жалованья личнаго состава. Чтобы выйти изъ такого состоянія полнаго банкротства, ей уже ничего больше не оставалось, какъ только обратиться къ высшему начальству съ просьбой, чтобы оно само ее выручило, если не прибавкой годоваго оклада на содержаніе дома, то по крайней мѣрѣ единовременнымъ пособіемъ, что̀ она въ концѣ 1868 г. и сдѣлала. Этотъ заключительный актъ академической экономіи предъ самымъ преобразованіемъ академіи касался, кромѣ домоваго хозяйства, еще такой же несчастной экономической статьи по содержанію студентовъ; поэтому прежде описанія его и дальнѣйшей судьбы академической экономіи до преобразованія, намъ слѣдуетъ обозрѣть важнѣйшіе факты и по этой важной отрасли хозяйственной жизни академіи.

II. СОДЕРЖАНІЕ СТУДЕНТОВЪ.

Исторія этой отрасли академической экономіи совершенно такая же, какъ содержаніе дома, — съ начала густо, къ концу 1860-хъ гг. совсѣмъ пусто, потому что разъ назначенная по штату сумма въ 6000 р. на 60 студентовъ не измѣнялась до самаго новаго устава и съ каждымъ годомъ становилась конечно все менѣе достаточною. Въ расписаніи академическихъ суммъ по разнымъ статьямъ студенческая сумма раздѣлялась обыкновенно пополамъ, — одна половина назначалась на содержаніе студентовъ пищею, т. е. по 50 р. на каждаго студента, другая, тоже по 50 р. въ годъ, на содержаніе ихъ одеждою; такъ она числилась въ расходѣ и по годовымъ отчетамъ; но остатки и дефициты по ней большею

частію показывались одною общею цифрою безъ раздѣленія. Мы уже упоминали, что въ первые годы по открытіи академіи начальство академическое содержало студентовъ не по штату роскошно, даже баловало ихъ. Столъ приготовляли сытный и богатый. По праздникамъ являлись къ нему иногда сюрпризы въ видѣ апельсиновъ и другихъ плодовъ. Кромѣ того, по примѣру петербургской академіи, утромъ и вечеромъ для студентовъ заведенъ былъ чай. Академическое начальство удовлетворяло иногда даже прихотямъ студентовъ и затрудняло этимъ эконома. Одинъ изъ богатенькихъ тамбовскихъ студентовъ Флоринъ, потому ли, что дѣйствительно пользовался въ семинаріи лучшимъ столомъ на свой счетъ, или просто изъ молодаго бахвальства, постоянно высказывавшій недовольство академической пищей, успѣлъ подбить товарищей требовать у начальства, чтобы столъ былъ приготовляемъ по новому расписанію, которое самъ и составилъ изъ разныхъ изысканныхъ блюдъ, въ числѣ ихъ и такихъ, о какихъ многіе, а можетъ быть, и онъ самъ, даже не слыхивали. Ректоръ съ инспекторомъ распорядились ввести это расписаніе въ практику и только экономъ Аркадій остановилъ ихъ, заявивъ, что послѣ этого ему остается только подать въ отставку.

Пока студентовъ было немного, одинъ курсъ, а сумма на ихъ содержаніе была отпущена на полный штатъ, роскошествовать такъ еще было можно, хотя и незаконно; но постоянно такъ продолжаться не могло. За приведеніе экономіи въ уставныя границы взялся самъ преосвященный Владиміръ. Въ самомъ концѣ 1842 г. на журналѣ 30 декабря о покупкѣ чайной посуды и объ уплатѣ за сбитень и чай съ сахаромъ онъ написалъ: „Что-то плохо понимаю сію статью: если позволено производить сбитень, то на что же чай, а если чай, то на что сбитень?“ Правленіе объяснило, что, по его распоряженію, сбитень выдавался въ постъ, а чай закупленъ для святокъ и скоромныхъ дней. Съ 25 декабря студенты пили чай два раза въ день, кромѣ того по утру имъ выдавались булки. Въ концѣ января 1843 г. экономъ нашелъ это невозможнымъ, и правленіе, не отмѣняя чаю, распорядилось не выдавать утромъ булокъ (1). Для разнообразія чай замѣнялся по временамъ сбитнемъ. Чтобъ поддержать это продовольствіе студентовъ казеннымъ чаемъ, правленіе еще раньше, по до-

(1) Журн. 23 января.

кладу эконома, распорядилось отнести продовольствіе служителей, содержавшихся до сихъ поръ на общій счетъ съ студентами, на счетъ содержанія дома, отъ котораго тогда были большіе остатки ([1]). Преосвященный Владиміръ все молчалъ и приглядывался къ академической экономіи до самаго конца учебнаго года; наконецъ въ іюлѣ 1843 г. потребовалъ выписки „тѣхъ правилъ или постановленій, какія у насъ существуютъ касательно производства студентамъ платья и пищи и питья, дабы мнѣ можно было видѣть, какими именно предметами или вещами должно ограничиваться ихъ содержаніе вообще“. Съ этого началось длинное дѣло объ устройствѣ содержанія студентовъ, изъ котораго мы сдѣлаемъ извлеченія, могущія всего лучше показать существующую тогда практику этого содержанія въ первое время академіи, ограничиваясь пока извѣстіями о содержаніи студентовъ однимъ столомъ, безъ одежды, о которой рѣчь впереди ([2]).

По положенію, составленному въ 1837 г. бывшей коммиссіей духовныхъ училищъ для петербургской академіи и поставленному въ руководство и прочимъ академіямъ, содержаніе студентовъ академіи столомъ должно было заключать: обѣдъ въ 12 часовъ дня изъ 2 блюдъ, а въ праздники изъ 3-хъ, питье изъ кваса и воды, ужинъ въ 8 часовъ вечера тоже изъ двухъ блюдъ, при чемъ блюда какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ должны были разнообразиться, чтобы не надоѣдали студентамъ. 30 сентября преосвященный написалъ на представленной ему выпискѣ длинную резолюцію, въ которой, сдѣлавъ нѣкоторыя замѣтки о мебели и посудѣ, что въ журналахъ о покупкѣ этихъ предметовъ не обозначено ни времени покупки, ни справочныхъ цѣнъ и что посуды требуется слишкомъ много, указывалъ далѣе особенно подробно на расходы по содержанію студентовъ столомъ: а) „въ числѣ покупаемой рыбы большею частію покупается рыба только свѣжая и даже стерляди, кои всегда несравненно дороже другой рыбы, б) множество покупается для студентовъ фамильнаго чаю и сахару, кромѣ меду и чайныхъ чашекъ, а на какомъ основаніи такіе расходы дозволяются, я изъ представленныхъ сихъ бумагъ сего не вижу. Посему и не менѣе и для того, чтобы намъ впослѣдствіи не подпасть непріятной отвѣтственности,

([1]) Журн. 1843 г. 11 января.

([2]) Д. 1843 г. № 47.

я рекомендую внутреннему академическому правленію: 1) войти въ ближайшее разсмотрѣніе всѣхъ экономическихъ частей по содержанію академіи и, сколько возможно, примѣняясь къ уставу, составить расписаніе для трапезы студентамъ, что̀ именно имъ въ пищу готовить, въ какіе дни какъ постные, такъ и скоромные, въ руководство эконому; 2) разсудить, слѣдуетъ ли для стола всегда покупать въ посты рыбу только свѣжую и даже стерляди, а равно давать и чай, сахаръ, медъ; 3) какія мѣры предпринять къ сохраненію цѣлости посуды, чтобы не покупать ее столь часто; 4) что̀ нужно положить для повѣрки эконома, въ томъ ли онъ количествѣ и качествѣ покупаетъ пищу для стола, какъ положено правленіемъ; 5) не нужно ли въ справкахъ подъ статьями выставлять справочныя цѣны и проч.“. Вскорѣ послѣ этого преосвященный замѣтилъ еще нѣкоторыя неудовлетворительности въ распоряженіяхъ правленія и 5 октября далъ еще нѣсколько хозяйственныхъ резолюцій на журналахъ по счетамъ на разные припасы и по больницѣ. На одномъ онъ написалъ: „Мнѣ кажется, что правленію необходимо имѣть въ виду примѣрное расписаніе: сколько какой провизіи должно выходить въ мѣсяцъ на извѣстное число воспитанниковъ, дабы можно было дѣлать провѣрку эконому“, на другомъ: „Не видно, за какое время были сіи издержки,... посему и повѣрки сдѣлать нельзя, справедливъ ли расходъ“; на третьемъ замѣтилъ высоту цѣнъ на капусту. Въ засѣданіи 19 октября правленіе приняло эти замѣчанія къ свѣдѣнію и руководству, по первой же резолюціи распространилось въ длинныхъ разсужденіяхъ, стараясь отстоять заведенный порядокъ содержанія студентовъ столомъ. Справки показали, что по недѣльнымъ расписаніямъ кушаньевъ въ пищу студентамъ готовится къ обѣду по два (очень рѣдко, только въ сочельники да въ нѣкоторые дни великаго поста), но большею частію по три, а иногда и по 4 кушанья, а къ ужину по 2 кушанья; кромѣ того, по распоряженію правленія, съ 10 декабря 1842 г. производился сбитень, а съ наступленіемъ святокъ чай; съ 23 января положено журналомъ, утвержденнымъ преосвященнымъ, давать сбитень или чай попеременно; изъ записей эконома видно, что, кромѣ свѣжей рыбы и стерлядей, въ посты онъ покупалъ иногда и маленькую севрюгу, а также картофель, низовое и срацинское пшено, полбяную крупу, горохъ, капусту, свеклу и огурцы; по тѣмъ же расписаніямъ видно, что въ

посты съ кушаньями изъ рыбы готовились студентамъ въ пищу иногда картофельныя похлебки, иногда щи изъ бѣлой капусты, иногда жаркое изъ картофеля, а иногда гречневая и др. каша, и что послѣднія изъ этихъ кушаньевъ не рѣдко готовились и въ скоромные дни; на содержаніе студентовъ за первое полугодіе изъ 1500 р. къ 1 іюля еще осталось 851 р. 23 к.; покупка припасовъ производилась экономическимъ образомъ, потому что на торгахъ 12 и 15 января цѣны были объявлены слишкомъ высокія, на которыя правленіе не согласилось, кромѣ цѣны на говядину и телятину по 1 р. 32 к. за пудъ, назначенной купцомъ Дворниковымъ. При покупкѣ правленіе всегда сообразовалось съ справочными текущими цѣнами; по истеченіи каждаго мѣсяца экономомъ представлялись вѣдомости о приходѣ, расходѣ и остаткѣ съѣстныхъ припасовъ и при сличеніи этихъ вѣдомостей съ журналами правленія оказывались вѣрными во всемъ; при семъ экономъ представлялъ правленію ежедневныя записи расхода припасовъ, которыя представлялись имъ на ревизію ректора по окончаніи каждой недѣли. На основаніи всѣхъ этихъ справокъ правленіе постановило: по 1 пункту резолюціи преосвященнаго эконому заблаговременно заготовить подробнѣйшее расписаніе всѣхъ расходовъ на будущій годъ, согласно 230 § проекта устава, въ настоящій же годъ оставаться при принятыхъ доселѣ правилахъ, такъ какъ правленіе, руководствуясь ими, не только не предвидитъ передержки противъ штатной суммы, но надѣется имѣть даже остатки, поставивъ эконому въ обязанность при покупкахъ обозначать, когда и для какого времени что покупается; по 2 п., согласно принятому правилу, покупать въ посты рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, даже стерляди, когда продажа оныхъ бываетъ выгоднѣе, а равно по временамъ производить имъ чай, въ надеждѣ, что всѣ эти издержки не будутъ превышать штатнаго оклада, и имѣя побужденіемъ къ сему и то, чтобы чрезъ сіе и подобныя улучшенія въ столѣ, хоть сколько нибудь, смягчить тяжкое положеніе студентовъ, въ которомъ они находятся по причинѣ тѣснаго и нездороваго помѣщенія; по 3 п. a) подтвердить эконому, чтобы онъ принялъ всевозможныя мѣры къ сбереженію посуды, хотя впрочемъ и самому правленію извѣстно, что, по неимѣнію буфета для посуды, по тѣснотѣ столовой, трудно избѣжать лишней траты въ посудѣ; b) поручить эконому пріискать мастеровыхъ для сдѣланія посуды оловянной,

какъ болѣе прочной; по 4 п. считать достаточными пока ежедневныя записи эконома, но свидѣтельствовать и закупки, и расходованіе, гдѣ будетъ возможно; по 5 п. всегда выставлять справочныя цѣны. Преосвященный сдалъ на это такую резолюцію: а) „Я думаю, что достаточество положенной на содержаніе студентовъ пищею суммы не даетъ намъ права умножать и улучшать пищу вдвое или и болѣе противъ того, какъ назначено уставомъ; б) знаю, что стерляди продаются или не очень мелкія, или мелкія; первыя дороги всегда, а послѣднія такъ безвкусны и безполезны, что хуже мелкихъ окуней, и гораздо лучше ихъ не покупать и денегъ не тратить; в) если нездоровое помѣщеніе студентовъ требуетъ значительнаго измѣненія и умноженія или улучшенія пищи, то нужно на сіе свидѣтельство г. лекаря, и когда оное представитъ, то надобно будетъ это обстоятельство на разрѣшеніе представить начальству съ своимъ мнѣніемъ“. Резолюція эта была непріятна правленію и долго оставалась безъ доклада. Начальство академическое видимо стѣснялось ограничить содержаніе студентовъ, къ которому они уже привыкли, требуемой нормой. Докладъ послѣдовалъ уже 31 дек. Правленіе постановило: „Доложить преосвященному, что при производствѣ студентамъ чая и улучшеніи стола правленіе, кромѣ изложенныхъ въ опредѣленіи его причинъ, руководствовалось примѣромъ петербургской академіи, съ которой казанскому академическому начальству поставлено въ обязанность сообразжаться какъ въ содержаніи студентовъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, и въ которой студентамъ, какъ извѣстно лично ректору и инспектору академіи, производится чай или вмѣсто его сбитень, и столъ содержится не только не скуднѣе, но и гораздо лучше здѣшняго“. Владыка отвѣчалъ на это: „Не видя свидѣтельства лекарскаго и не зная, какой столъ и прочее производится въ другихъ академіяхъ, я на сіе ничего теперь не могу сказать, кромѣ того, что̀ уже было мною по сей статьѣ сказано“ (¹).

Правленіе крѣпко стояло на своемъ до конца учебнаго года. Не смотря на то, что 1842, 1843 да и 1844 гг. были для Казани годы тяжелые (послѣ пожара) въ экономическомъ отношеніи, цѣны на жизненные припасы стояли все-таки сносныя. Академія, какъ мы видѣли, за несостоявшимися торгами, покупала эти припасы по разнообразнымъ цѣнамъ

(¹) Д. 1843 г. № 42.

экономическимъ образомъ, даже безъ поставщиковъ, что было тогда очень возможно по неполному числу студентовъ; подъ конецъ 1843 г. изъ разныхъ цѣнъ въ разные мѣсяцы выведены были среднія годовыя цѣны за всѣ припасы, и оказалось, что напр. ржаная мука покупалась по 32 к. пудъ, пшеничная 1 сорта 1 р. 5 к., 2 сорта—83 к., пшено низовое—60 к. пудъ,—сорочинское—1 р. 78 к., крупа гречневая—41 к., полбенная—43 1/2 к., картофель—14 к. мѣра, масло коровье—4 р. 50 к. пудъ, конопляное—2 р. 85 к., говядина—1 р. 32 к.; за рыбу платили—за стерлядь за 1 ф. 5 к., за лещей 4 к., щуку и язя 3 к., малосольную севрюгу 9 к. и т. д. Это были цѣны самаго голоднаго и дорогаго года; въ слѣдующемъ же 1844 г. на многіе предметы онѣ уже значительно упали, а въ 1845 г. стали еще ниже: ржаная мука дошла въ покупкѣ до 18 1/4 к. за пудъ, пшеничная 1 сорта до 95 к.—1 р., 2-го сорта до 62 1/2 к., пшено низовое до 50 к., гречневая и полбенная крупа до 28 1/4 к., манная до 1 р. 5 к., масло коровье до 4 р., конопляное 2 р. 20 к., говядина 1 р. 28 к. Свѣжая рыба, на дороговизну которой указывалъ преосвященный, была дѣйствительно цѣннѣе другой провизіи; въ 1844 г.—стерляди покупались по 8—11 к. фунтъ, окуни ф. 4—6 к., караси 4—5 к., судакъ 6 к., щука 4 к., малосольная осетрина 10 к. ф. и т. д. Остатки отъ содержанія студентовъ были большіе даже помимо того, что, за неимѣніемъ втораго курса студентовъ, непочатою оставалась цѣлая половина студенческаго оклада 3000 р. Но такой порядокъ конечно долженъ былъ измѣниться съ увеличеніемъ числа студентовъ до полнаго штата, съ поступленіемъ въ 1844 г. втораго курса. Къ тому же времени за экономію академіи энергично взялся новый ректоръ Григорій и она вошла въ свою постоянную колею.

Выдача казеннаго чая и сахара была уничтожена для всѣхъ студентовъ, кромѣ больныхъ, содержавшихся въ больницѣ, и не возобновлялась до самаго преобразованія академіи. Для больницы эти продукты покупались изъ больничныхъ денегъ, независимо отъ студенческой суммы и въ очень ограниченномъ количествѣ,—до 3 1/2 ф. чаю въ годъ. Кто изъ студентовъ желалъ пить чай, тотъ долженъ былъ покупать на свой счетъ не только чай и сахаръ, но и чайную посуду; академическая экономія предоставляла для чаепитія только помѣщеніе въ своей столовой и свои казенные самовары съ углями, водой и прислугой. Уничтожена была и выдача сбитня.

На завтракъ студентамъ полагалось выдавать только бѣлый хлѣбъ изъ муки 2-го сорта (около $^1/_2$ ф.) и, кому угодно, квасъ, всегда въ избыткѣ находившійся при буфетѣ, въ умывальной, гардеробной и на ночь въ спальныхъ помѣщеніяхъ. Чай не полагался и въ праздники, не исключая и Пасхи, когда студенты въ теченіе трехъ первыхъ дней получали всегда богатый завтракъ (по парѣ яицъ, по порціи сыра изъ творогу, по куску кулича съ ветчиной и сливочнымъ масломъ). Кромѣ Пасхи, особенные завтраки были еще въ послѣдніе три дня масляницы (кромѣ прощальнаго воскресенья), состоявшіе изъ гречневыхъ блиновъ, за которыми студентамъ дозволялось даже самимъ спускаться на кухню, чтобы получать ихъ прямо со сковороды.—Обѣдъ состоялъ въ обыкновенные дни изъ трехъ блюдъ, а въ праздники изъ четырехъ. Въ скоромные дни изъ этихъ трехъ блюдъ два блюда всегда были мясныя, въ постные же, когда полагалась по церковному уставу рыба, изъ рыбы. Ужины состояли изъ двухъ блюдъ,—изъ нихъ мясное или рыбное было одно.

Меню обѣдовъ и ужиновъ, довольно разнообразное, составлялось на каждую недѣлю экономомъ съ вѣдома инспекціи, утверждалось правленіемъ и вывѣшивалось на стѣнѣ въ столовой комнатѣ для общаго свѣдѣнія. Одно блюдо на обѣдѣ было горячее, состоявшее изъ щей, суповъ разнаго рода изъ зелени, изъ крупъ или картофеля, борща, солянки, лапши и т. д. съ говядиной или рыбой (свѣжей или соленой), а въ большіе посты съ бѣлыми грибами. Другое блюдо было или холодное предъ супомъ, или жаркое послѣ супа. Холодное въ скоромные дни состояло большею частію изъ студеней; постное было разнообразнѣе, хотя рѣдко бывало рыбное; оно состояло изъ ботвинья съ рыбой, изъ винегрета, свекольника, вилковой капусты, картофеля и т. п. продуктовъ. Жаркія состояли изъ говядины, телятины, баранины, приготовлявшихся въ видѣ котлетъ или просто зажаренныхъ, съ разными приправами и чаще подъ какимъ нибудь соусомъ; любимыми блюдами были буженина и духовая говядина. Постныя состояли изъ рыбы разнаго рода и разнаго приготовленія, часто подъ соусами, картофеля, грибовъ, крупъ и т. д. Третье блюдо—пирожное или каши разнаго рода; въ этомъ блюдѣ было большое разнообразіе и оно постоянно мѣнялось по годовымъ сезонамъ: пирожки дѣлались съ изюмомъ и другими ягодами, съ яблоками, вареньями и т. д.; кромѣ нихъ, подавались левашники,

пшенники, блины, нѣженки, пышки, вафли, аладьи съ сахаромъ, съ медомъ или сладкимъ соусомъ, компоты, въ праздники пуддинги. Ужины состояли изъ двухъ такихъ же блюдъ: горячаго и пирожнаго, или жаркого и пирожнаго. Въ праздники обѣды приготовлялись особенно богато; главными праздниками были Пасха, Рождество и 8-е ноября, отчасти дни причащенія студентовъ послѣ говѣнія въ великомъ постѣ. Блюда оставались въ основѣ такія же, но ихъ было больше числомъ;—прибавлялись пироги (во всѣ воскресные дни); жареное и соусы раздѣлялись на двѣ перемѣны; припасы поставлялись дороже; говядину и телятину замѣняли куры, гуси, поросята, индѣйки, готовились затѣйливые пуддинги и т. п. Случалось, что студентамъ подавали, вмѣсто кваса, даже пиво.

Эту часть экономіи академическое начальство вообще старалось держать въ положеніи наиболѣе пріятномъ для студентовъ и не особенно на нее скупилось. Вновь пріѣзжавшіе студенты на первыхъ порахъ даже поражались тѣми Лукулловскими пиршествами, какія ихъ встрѣчали здѣсь послѣ скудныхъ семинарскихъ, да и собственныхъ домашнихъ хлѣбовъ, и въ письмахъ на родину почти единогласно хвалили свою съѣстную обстановку, пока къ ней не привыкали. Послѣ конечно начинали находить въ ней и неудовлетворительныя стороны. Въ сентябрѣ 1856 г., когда столъ академическій уже сталъ ухудшаться, оберъ-прокуроръ А. П. Толстой, посѣтивъ столовую студентовъ, остался даже недоволенъ тѣмъ, что ихъ такъ роскошно кормятъ, и замѣтилъ, что послѣ въ жизни имъ самимъ же придется плохо послѣ такой роскоши. Самые припасы, покупаемые для стола, были большею частію удовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ; но много значило ихъ приготовленіе;—мудрено было ждать чего нибудь особенно хорошаго отъ повара, получавшаго 5—6 руб. въ мѣсяцъ, а лучше такого правленіе не въ состояніи было держать; много зависѣло тутъ и отъ надзора за приготовленіемъ, который лежалъ на экономѣ, а больше на коммиссарѣ. Ректоръ Григорій былъ очень внимателенъ къ веденію экономическихъ дѣлъ, но и при немъ бывали крупныя неудовольствія студентовъ на столъ, особенно подъ конецъ его ректорства, когда экономъ Аркадій становился все болѣе и болѣе слабъ и неисправенъ. Едва-ли не самой лучшей порой академическаго стола было время ректора Агаѳангела и инспектора Серафима Протопопова, который очень заботливо относился къ этой статьѣ и сильно

донималъ своими требованіями эконома Филарета, любимца ректора. Ректоръ Іоаннъ, пріѣхавъ въ академію, на первыхъ же порахъ рѣзко высказалъ свое неудовольствіе на счетъ академическаго стола: пироги де на подошву похожи, мука черная, въ расписаніи горохъ да каша,—въ Петербургѣ все вдвое дороже, а лучше кормятъ, и распорядился, чтобы столъ былъ лучше. Всѣ ждали, что такъ оно и будетъ. Но вышло не такъ. Самъ ректоръ не спускался до такихъ низменностей, какъ ѣда; инспекторъ Ѳеодоръ былъ занятъ тоже совсѣмъ другимъ, и содержаніе студентовъ становилось все хуже и хуже. Притомъ же въ это время академическая экономія стала запутываться по всѣмъ статьямъ, отчасти вслѣдствіе возвышавшейся все болѣе и болѣе дороговизны, отчасти отъ небрежности эконома Филарета. Заявленій о какихъ бы то ни было недостаткахъ стола со стороны студентовъ ректоръ не допускалъ. Сумма накоплявшихся у нихъ неудовольствій все росла и разразилась наконецъ сильной манифестаціей въ самый праздникъ 8 ноября, въ который студенты привыкли видѣть лучшія кушанья въ своей столовой, а между тѣмъ должны были отвѣдать протухлаго масла. Ректоръ страшно разсердился, едва не исключилъ двоихъ изъ лучшихъ старшихъ студентовъ почти предъ самымъ окончаніемъ курса; но все-таки обратилъ наконецъ вниманіе на общее недовольство и поручилъ проф. Гусеву, какъ наиболѣе популярному и опытному человѣку, произвести подробный осмотръ и учетъ хозяйства и составить подробное нормальное расписаніе студенческаго стола (1).

Почтенный ветеранъ правленія принялся за это дѣло съ полнымъ усердіемъ и, съ помощію дежурныхъ на кухнѣ студентовъ, раскрылъ множество мелкихъ, а подъ часъ и крупныхъ опущеній, промаховъ, растратъ и злоупотребленій въ веденіи экономіи, оставшихся впрочемъ и послѣ этого оффиціально не извѣстными. Онъ возился съ этимъ дѣломъ нѣсколько мѣсяцевъ, каждый день проводя на кухнѣ по нѣскольку часовъ и слѣдя за всѣми мелочами приготовленія кушаній, за выдачей провизіи поварамъ, количествомъ ея для разныхъ блюдъ, количествомъ разныхъ припековъ, уварокъ, усышекъ и проч. и высчитывая все это математически и въ цѣлыхъ числахъ, и въ десятичныхъ дробяхъ. Весной 1858 г. эта огромная и хлопотливая работа была закончена и 5 іюня

(1) См. дѣло 1858 г. № 114, гдѣ изложены послѣдующіе факты.

ректоръ, пересмотрѣвши, сдалъ ее отъ себя правленію подъ названіемъ нормальнаго расписанія студенческаго стола. Здѣсь были перечислены: 1) кушанья, которыя должны быть употребляемы студентами въ скоромные дни и постные; 2) припасы, требующіеся для приготовленія ихъ; 3) количество ежедневнаго расхода этихъ припасовъ на опредѣленное число студентовъ на 20 и на 60; 4) цѣнность ихъ на каждый день и 5) наконецъ особое расписаніе и учетъ блюдъ для больничнаго стола. Мы представимъ нѣкоторые образчики его вычисленій. Пшеничной муки 2 сорта для завтраковъ студентовъ положено по $\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, 30 ф. на 60, ржаной муки на человѣка въ день $1\frac{1}{8}$ ф., на 60 человѣкъ 1 п. $27\frac{1}{2}$ ф., квасу ежедневно 6 ведеръ, соли до 7 фунтовъ, перцу 15 золотниковъ. Кушанья раздѣлены на скоромныя и постныя, затѣмъ тѣ и другія—на холодныя, горячія, соусы, жаркія и пирожныя, и подробно опредѣлено количество матеріаловъ на каждое. Напр. холодное изъ говядины: говядины солонины на 20 человѣкъ 7 ф., на 60—21 ф., хрѣну на 20 чел. $1\frac{1}{2}$ пучка,—на 60—$4\frac{1}{2}$, уксусу на 20 чел. $\frac{1}{2}$ штофа,—на 60—$1\frac{1}{2}$ штофа, или же горчицы на 60 чел. $\frac{3}{8}$ ф., сахару $\frac{1}{8}$ ф.; холодная окрошка: говядины на 60 чел. 12 ф., сметаны 3 ф., яицъ 30, огурцовъ 60, луку 6 пучковъ или 15 луковицъ, зелени 6 пучковъ, квасу 3 ведра и т. д. Горячія кушанья: щи—говядины 24 ф., капусты $1\frac{1}{4}$ ведра или 6 вилковъ, моркови 12 штукъ, рѣпы около того же, луку 30 штукъ, муки 3 ф и т. д.,—цѣлая поваренная книга для студенческаго стола. Къ этому нормальному расписанію приложены были еще табели недѣльныхъ расписаній обѣдовъ и ужиновъ на цѣлый годъ по отдѣламъ: столъ мясной для обыкновенныхъ дней; для дней воскресныхъ и праздничныхъ; столъ для рождественскаго поста и для постныхъ воскресныхъ и праздничныхъ дней; столъ для масляницы; столъ для великаго поста, особо для первой недѣли и для страстной; въ успенскомъ постѣ столъ положенъ, какъ въ великомъ, въ петровскомъ,—какъ въ рождественскомъ; столъ для сочельниковъ, для праздниковъ Рождества Христова, Благовѣщенія, Преображенія и св. Пасхи ([1]).

([1]) Представляемъ образчики такихъ табелей. 1) Столъ для обыкновенныхъ мясоѣдныхъ дней:

	Обѣды:	Ужины:
Понед.	Щи съ говядиной, говядина подъ бѣлымъ соусомъ, пшенная (иногда молочная) каша.	Лапша съ говядиной, соусъ изъ почекъ.

Вездѣ положено въ скоромные дни изъ трехъ блюдъ два блюда мясныхъ за обѣдомъ и одно изъ двухъ блюдъ за ужиномъ, въ воскресенья и въ праздники съ прибавленіемъ на обѣдѣ пироговъ; въ постные дни, когда разрѣшалось на рыбу, такое же количество рыбныхъ блюдъ,—въ праздники тоже съ прибавленіемъ пироговъ; въ великій и успенскій посты рыбы вовсе не полагалось; въ страстную и первую недѣли поста всѣ кушанья положено готовить даже безъ масла; въ сочельники подавалось одно блюдо—капуста съ огурцами, лукомъ, хрѣномъ или горчицей, безъ масла; тоже въ среду и пятокъ страстной недѣли.

Во время составленія расписанія, въ великомъ постѣ ректоръ Іоаннъ вздумалъ самъ, такъ сказать, на практикѣ повѣрить его пригодность,—для этого зашелъ во время обѣда въ столовую и сталъ добиваться у студентовъ одобренія кушаній, назначенныхъ уже по новому расписанію въ видѣ пробы; отвѣдалъ капустной солянки и обратился къ одному

	Обѣды:	Ужины:
Вторн.	Студень, супъ съ говяд., пирожки съ морковью.	Щи съ говядиной, аладьи.
Четв.	Солянка, соусъ картофельный, нѣженки.	Щи съ говядиной, пшенникъ.
Суббота	Борщъ, буженина, манныя котлеты подъ молочнымъ соусомъ.	Супъ съ говяд., соусъ изъ почекъ.

Для постныхъ дней недѣли, а также для постовъ рождественскаго и петровскаго:

Среда.	Холодное рыбное, щи рыбныя, аладьи.	Супъ рыбный, картофельныя котлеты.
Пятн.	Щи и жаркое изъ рыбы, разная каша съ масломъ.	Супъ рыбный, гренки съ клюквеннымъ соусомъ.

Въ праздничные дни за обѣдомъ прибавлялись пироги; жаркое, вмѣсто говядины, дѣлалось изъ телятины, баранины, въ великіе праздники изъ птицъ или поросятины. Въ Пасху въ первые 3 дня на завтракъ выдавалось по 2 яйца, куличъ, творожный, сыръ чухонское масло (3 ф. на 60 человѣкъ) и ветчина (15 ф. на 60).

На первой и страстной недѣлѣ великаго поста и за обѣдами, какъ за ужинами, полагалось только два кушанья: въ понедѣльникъ—винегретъ безъ масла и пироги съ горохомъ безъ масла, во вторникъ—холодная капуста и супъ картофельный безъ масла, въ среду—винегретъ и супъ гороховый безъ масла и т. д. Ужины были въ родѣ этого же. Предъ днями причащенія, какъ и въ сочельники, ужиновъ не полагалось вовсе, давали только бѣлый хлѣбъ къ вечернему чаю.

студенту: „Ну, можно ѣсть?“—Можно.—„Хорошо?“—Послѣ нѣкотораго молчанія: хорошо. — „Недурно?“ —Недурно. — „Ну, и прекрасно“.—Другаго спросилъ также о борщѣ, третьяго о кашѣ, которая по расписанію числилась съ маковымъ масломъ, на самомъ же дѣлѣ было непонятно, съ какимъ была масломъ. Все оказалось недурно и слѣдовательно прекрасно. Высказавъ нѣсколько словъ надежды на благородство студентовъ, ректоръ этимъ и закончилъ испытаніе. 11 іюня 1858 г. правленіе утвердило нормальное расписаніе и положило ввести его въ употребленіе подъ надзоромъ инспектора и эконома и съ распоряженіемъ ни подъ какимъ видомъ не выдавать припасовъ больше положеннаго въ немъ количества. Оно дѣйствительно со всею точностію выдерживалось до конца ректорства Іоанна, осталось образцомъ и для послѣдующаго времени. Особенно полезной оказалась для послѣдующаго времени та часть его, гдѣ высчитано было количество матеріаловъ для каждаго блюда; эта часть легла въ основу всѣхъ послѣдующихъ смѣтъ и разсчетовъ правленія. Тетради Гусева когда-то и куда-то были затеряны изъ архива, вѣроятно кѣмъ нибудь изъ экономовъ, дѣлавшихъ по нимъ постоянныя справки, но общія правила, выработанныя въ нихъ, въ правленіи академіи и доселѣ еще лежатъ въ основѣ разныхъ разсчетовъ относительно матеріаловъ для студенческаго стола. При ректорѣ Иннокентіи нормальное расписаніе соблюдалось особенно строго, потому что этому ректору всегда и во всемъ нужно было на что нибудь ссылаться и откуда нибудь приводить пункты и параграфы; въ дѣлѣ прокормленія студентовъ нормальное расписаніе для него было съ этой стороны незамѣнимой находкой и получило значеніе настоящаго законодательнаго акта. Для всякаго отступленія отъ него, по требованію обстоятельствъ, требовалось нарочитое разрѣшеніе правленія. Такъ въ великомъ постѣ 1865 г. экономъ докладывалъ разъ, нельзя-ли въ нѣкоторые дни, когда, вмѣсто пирожнаго, назначены пирожки съ черникой или малиной, изготовлять таковые пирожки съ рисомъ, потому что ягоды на рынкѣ плохи и дороги, а также не дозволено-ли будетъ замѣнять иногда гречневой кашей клюквенный кисель, который студенты находятъ для себя мало питательнымъ. Правленіе, по надлежащемъ разсужденіи, журналомъ 13 февраля разрѣшило ему это отступленіе отъ нормы (¹).

(¹) Д. 1865 г. № 101.

Въ 1867 г. преосвященный Антоній въ одно изъ своихъ посѣщеній академіи нашелъ, что студентамъ по дѣйствовавшему расписанію блюдъ очень голодно приходилось питаться въ нѣкоторые посты, когда имъ не отпускалось на столъ рыбы, а также въ первую и послѣднюю недѣлю великаго поста и въ сочельники, когда къ столу не отпускалось даже и масла; снисходя къ естественной потребности молодыхъ тружениковъ науки въ болѣе сытномъ питаніи, благодушный и любящій молодежь владыка распорядился, чтобы имъ сдѣлано было въ этомъ отношеніи нѣкоторое послабленіе. Съ тѣхъ поръ рыба для студенческаго стола стала выдаваться даже и въ великомъ постѣ, за исключеніемъ только недѣль студенческаго говѣнья и всѣхъ средъ и пятницъ, когда имъ разрѣшено было только на масло. Это было очень важное облегченіе прежней суровости постнаго стола. Правленіе академіи составило новое расписаніе кушаній съ измѣненіями противъ прежняго въ указанномъ смыслѣ, которое и было формально утверждено 30 декабря этого 1867 года.

Содержаніе студентовъ одеждою не измѣнялось по качеству почти во все время старой академіи, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ теченіемъ времени даже улучшалось. Первоначальное положеніе объ одеждѣ студентовъ, составленное въ 1837 г. бывшей коммиссіей духовныхъ училищъ, находимъ въ той же справкѣ правленія, какую оно представило на запросъ преосвященнаго Владиміра въ іюлѣ 1843 г. (¹). По этому положенію студентамъ должны были выдаваться: сюртукъ и шаравары изъ нанки и жилетъ изъ пике или другой матеріи на одинъ годъ, на годъ же—черный шелковый платокъ на два галстука, 3 пары полусапоговъ, по 3 пары шерстяныхъ и бѣлевыхъ носковъ, по 3 же пары бѣлья, 2 утиральника и 3 платка, на два года шелковая шляпа и ватная фуражка и сюртучная суконная пара съ жилетомъ (изъ сукна не ниже 10 р. ассигнаціями за аршинъ); для домашняго употребленія сюртучная пара изъ темносѣраго сукна (не ниже 7 р. ассигнаціями) и изъ такого же сукна шинель на 4 года, подтяжки тоже на 4 года; впрочемъ на первые 2 года такая же пара должна была выдаваться студентамъ еще при отправкѣ ихъ изъ семинарій; постель,—тюфякъ, набитый конскимъ волосомъ, 2 полупуховыхъ подушки, 4 простыни, 6 на-

(¹) Д. 1843 г. № 47.

волочекъ, одѣяла бумазейное и байковое, 2 тиковыхъ чехла на кровать,—все на 4 года; при окончаніи курса форменный фракъ, панталоны и жилетъ изъ темнозеленаго сукна. Положеніе это выдерживалось на практикѣ съ нѣкоторыми измѣненіями и нѣсколько къ лучшему.

Съ экипировкой студентовъ, отправляемыхъ въ академію, въ семинаріяхъ сначала встрѣтились затрудненія: каждый изъ нихъ долженъ былъ снабжаться сюртучной парой изъ темно-сѣраго сукна на годъ и такой же шинелью на 2 года, подтяжками на два же года, шелковой косынкой и выростковыми сапогами. Когда студенты I курса пріѣхали въ академію, они оказались одѣтыми не одноформенно; тамбовское правленіе прислало даже особое объясненіе, что требуемаго сукна въ г. Тамбовѣ не оказалось. О такомъ же затрудненіи въ саратовской семинаріи узналъ самъ Св. Синодъ и опредѣленіемъ отъ $^{8}/_{27}$ января 1843 г. постановилъ на будущее время выдавать отправляемымъ въ академію студентамъ только по 3 пары бѣлья, по косынкѣ, по парѣ сапоговъ и подтяжекъ, а постройку для нихъ сюртучныхъ паръ и шинелей предоставить правленію самой академіи и высылать ему на этотъ предметъ деньгами 34 р. 28 к., потому что цѣна эта какъ разъ равнялась цѣнности означенныхъ вещей; относительно одежды, въ какой должны ѣхать студенты въ академію, постановлено: какъ казеннокоштнымъ, такъ и своекоштнымъ отправляться въ той самой, въ какой они ходили въ семинаріи, по сшитіи же имъ новой академической одежды отбирать у нихъ казенную семинарскую для раздачи ученикамъ училищъ (¹). Опредѣленіе это соблюдалось потомъ во все описываемое время, за исключеніемъ послѣдняго пункта; въ училища семинарской одежды не отбирали, она шла обыкновенно въ подарокъ отъ студентовъ разнымъ служителямъ академіи.

По принятіи въ академію новые студенты прежде всего получали домашніе сюртуки, потомъ черныя суконныя пары; вмѣсто нанковыхъ домашнихъ сюртуковъ, въ первомъ курсѣ сшиты были сарлетиновые съ ластиковыми брюками; въ слѣдующемъ году правленіе распорядилось шить казинетовые, при чемъ объяснило, что въ такихъ сюртукахъ, для сбере-

(¹) Д. 1842 г. № 12.

женія суконныхъ, студенты могутъ ходить и въ классы [1]. Съ этихъ поръ нанка совсѣмъ вывелась изъ употребленія и студенты стали носить дома постоянно казинетовыя пары. Въ нѣкоторые годы, вмѣсто казинета, употребляли и другіе матеріалы,—сѣрое бумажное трико, твинъ (въ началѣ 50-хъ гг.) и сатинъ сѣраго или голубоватаго цвѣта (при р. Іоаннѣ). Изъ сѣраго сукна, кромѣ вещей, строившихся на семинарскія деньги, шились только шинели, по положенію двѣ на 4 года, изъ коихъ одна на семинарскія деньги, другая на академическія въ началѣ 3-го года каждаго курса. Суконные черные сюртуки выдавались 2 раза въ курсъ, — въ началѣ перваго и въ началѣ четвертаго курсоваго года. Кромѣ того, при окончаніи курса для выпускныхъ студентовъ шились еще форменные костюмы, фракъ или послѣ въ 60-хъ гг. сюртукъ съ форменными пуговицами и бархатнымъ воротникомъ, жилетъ и брюки. Вся эта одежда выдавалась студентамъ въ полную собственность, такъ что болѣе бережливые люди долго носили ее и по окончаніи курса, на должностяхъ въ семинаріяхъ или училищахъ. Сукно употреблялось небогатое, но приличнаго достоинства, такъ что въ сюртукахъ изъ него студентамъ можно было свободно являться въ люди, у кого было какое нибудь знакомство въ городѣ. Покрой сюртуковъ съ теченіемъ времени измѣнялся. До 1850-хъ гг. они шились очень длинные, 6—7 вершковъ отъ земли, потомъ стали дѣлаться понемногу короче; ректоръ Агаѳангелъ распорядился придать имъ обыкновенный, всѣми принятый тогда покрой и длину, и съ тѣхъ поръ студенты перестали стѣсняться своихъ длинныхъ сюртуковъ, а экономія въ тоже время выиграла въ количествѣ расходуемаго на нихъ матеріала и получила возможность закупать этотъ матеріалъ лучшаго достоинства. Сѣрыя студенческія шинели оставались одинаковыми до конца 60-хъ гг. Студенты носили ихъ безсмѣнно и лѣто, и зиму и чувствовали отъ нихъ и лѣтомъ, и зимой одинаковыя неудобства;—матеріалъ ихъ для лѣта былъ слишкомъ тяжелъ, а для зимы уже слишкомъ легокъ; подъ сукно шинели подкладывалась только зеленая жидкая фланель, и то лишь до пояса, все остальное было безъ подкладки, да согрѣвалъ еще нѣсколько капюшонъ, употреблявшійся впрочемъ главнымъ образомъ для защиты шеи и головы, для чего его заворачи-

[1] Журн. правл. 1843 г. 9 ноября.

вали на голову, разумѣется, когда этого не видала публика, напр. когда студентъ энергично шагалъ по пустому Арскому полю въ городъ или обратно. Уже въ 1868 г. при ректорѣ Никанорѣ шинели были замѣнены зимними драповыми пальто на ватѣ, и пригрѣтое студенчество благословило попечительное объ немъ начальство ([1]). Студентамъ монахамъ и священникамъ, вмѣсто сюртуковъ и шинелей, шились рясы и подрясники изъ соотвѣтствующаго по цѣнѣ матеріала,—сатина, гаруса, ластика, камлота, бомбарета, твина, казинета и др. Для покрытія головы до 1850 г. студентамъ выдавались шелковыя шляпы и ватныя фуражки, потомъ стали выдавать однѣ фуражки ([2]). Для обуви на каждый годъ выдавали по двѣ пары сапоговъ, пару головокъ и галоши; нѣкоторые студенты, по желанію, получали взамѣнъ какой нибудь изъ этихъ трехъ паръ глубокіе галоши, въ которыхъ очень нуждались для перехода лѣтомъ грязнаго, а зимой сугробнаго Арскаго поля.

Бѣлье шилось исключительно изъ холста,—для сорочекъ (покроя ночныхъ сорочекъ) потоньше, а для нижняго бѣлья изъ холста порядочно грубаго. Почти такого же качества употреблялся холстъ и на бѣлье постельное. Манишки (а въ послѣднее время и дневныя сорочки) шились студентами на свой счетъ и мылись казенною прачкой съ извѣстной приплатой со стороны владѣльцевъ. Деньги на пошитіе лучшаго бѣлья и на другія свои нужды бѣдные студенты обыкновенно получали отъ эконома за „мелочи“,—такъ назывались остальные предметы, назначавшіеся къ выдачѣ студентамъ, галстуки или шелковые платки, полотенца (изъ скатертнаго полотна), двѣ пары перчатокъ—фильдекосовыя и шерстяныя, носки лѣтніе и зимніе, карманные бумажные платки, подтяжки и фуражки; натурой эти вещи брали изъ казны только немногіе студенты, большая же часть получали за нихъ деньгами въ количествѣ за все до 6 и болѣе рублей. Многіе, пользуясь собственнымъ бѣльемъ, брали деньгами и за казенное бѣлье.

Предметы спальные выдавались по приведенному положенію. Снаружи студенческія постели, по своей униформѣ и опрятности, были красивы, но спать на нихъ было не мягко. Подушки дѣлались изъ полупуха, т. е. изъ настоящаго пера

([1]) Д. 1868 г. № 63.

([2]) Д. 1850 г. № 87.

съ прибавленіемъ иногда папортковъ отъ крыльевъ и даже цѣлыхъ кусковъ сухаго мяса, съ которымъ этотъ полупухъ выдирался продавцами;—нѣкоторыми перьями этого полупуха можно было въ случаѣ нужды даже писать какое нибудь семестровое или курсовое сочиненіе. Не избалованная молодежь впрочемъ вполнѣ удовлетворялась и такими возглавіями и догадывалась объ ихъ неудобности большею частію уже послѣ на должности, потому что по окончаніи курса студенты получали свои постели въ полную свою собственность, какъ и одежду, и увозили ихъ изъ академіи съ собой на должности, такъ сказать въ приданое. Тюфяки сначала заводились по положенію изъ конскаго волоса и были, можно сказать, роскошны; но въ 1844 г. правленіе нашло, что они стоютъ очень дорого, и распорядилось набивать ихъ рубленымъ мочаломъ. Уже въ 1854 г., при ректорѣ Агаѳангелѣ, правленіе снова возвратилось къ старому положенію и для VII курса студентовъ построило тюфяки опять изъ волоса (на что пошло 28 пудовъ волоса по 4 р. 50 к. пудъ) (¹). Такъ продолжалось до ректорства Иннокентія; при поступленіи въ академію XII курса студентовъ, въ 1864 г. осенью, по докладу эконома Григорія, жаловавшагося на дороговизну конскаго волоса (пудъ его въ 1860-хъ гг. доходилъ до 7 и болѣе рублей), правленіе снова порѣшило возвратиться къ тюфякамъ мочальнымъ (мочало стоило 40 к. пудъ) (²). Мочальные тюфяки перешли потомъ и въ новую, послѣреформенную академію.

Содержаніе студентовъ одеждою обходилось дороже, чѣмъ содержаніе пищею. Передержки по нему не однажды встрѣчаемъ и въ первые годы академіи, до 1856 г., во время сравнительно низкихъ цѣнъ на всѣ предметы, когда по содержанію пищей всегда оставались остатки. Напр. въ 1844 г. на пищу вышло 1843 р. 21¹/₄ к., на одежду 3481 р. 99¹/₄ к.; въ 1845 г. на пищу 2122 р. 76 к., на одежду 3782 р. 47¹/₄ к.; въ 1846 г. на пищу 2945 р., одежду — 5191 р. 94 к., въ 1850 г.—на пищу 2744 р. 45 к., на одежду 3719 р. 14 к.; въ 1851 г. — 2583 р. 76 к., а на одежду 3210 р. 76 к.; въ 1852 г.—2672 р. 58 к. и 3832 р. 56 к.; въ 1853 г.—2634 р. 23 к. и 2573 р. 12 к.; въ 1854 г.—2454 р. 23 к и 4193 р. 7 к. и т. д. Въ четные годы по

(¹) Д. 1854 г. № 105.

(²) Д. 1864 г. № 91.

всей статьѣ содержанія студентовъ расходъ превышаетъ штатный окладъ особенно много, потому что въ эти годы поступали новые студенты, для которыхъ нужно было заводить новые постельные приборы, стоившіе значительныхъ издержекъ, которыхъ въ нечетные годы не было. Издержки эти покрывались частію тѣми суммами, какія присылались изъ семинарскихъ правленій на экипировку новыхъ студентовъ, частію на счетъ оклада по содержанію студентовъ пищей, частію наконецъ изъ остатковъ по другимъ статьямъ.

Изъ сравненія отчасти уже приведенныхъ, а особенно послѣдующихъ цифръ общаго расхода на студентовъ по обѣимъ статьямъ нельзя не вывести еще одного важнаго наблюденія, что расходъ по второй статьѣ былъ постояннѣе и менѣе возрасталъ съ годами, чѣмъ по первой;—это зависѣло съ одной стороны отъ того, что возрастаніе цѣнъ касалось болѣе предметовъ студенческаго стола, чѣмъ одежды, а съ другой и отъ того, что правленію въ своихъ расходахъ легче было дѣлать урѣзки въ одеждѣ, чѣмъ на счетъ желудковъ студентовъ. Напр. черное сукно на пошитіе суконныхъ сюртуковъ, начиная съ 40-хъ гг. и оканчивая послѣдними годами старой академіи, постоянно покупалось почти по одной цѣнѣ— 2 р. 48 к., 2 р. 50 к. и даже ниже, въ 1868 г. — по 2 р. 15 к. и 2 р. 85 к.; сукно черное же на форменные сюртуки и фраки покупалось высшаго достоинства—въ 1840-хъ гг. по 4 р. съ копѣйками, а въ 50-хъ гг. даже дешевле,—отъ 3 р. 85 к. до 2 р. 50 к. (въ 1858 г.), въ 1860-хъ — постоянно свыше 3, но ниже 4 р. за аршинъ; сѣрое сукно на шинели— постоянно отъ 1 р. 85 к. до 2 р. 25 к.; съ 1868 г. драпъ на пальто, вмѣсто шинелей, покупался по 2 р. и нѣсколькими копѣйками дороже. Лѣтнія пары шились изъ разнаго матеріала цѣной отъ 20 (даже 16 въ 1850 г.) до 60 коп. И нельзя сказать, чтобы одежда 40-хъ годовъ была лучше одежды 60-хъ гг.; выходное суконное платье съ годами дѣлалось даже все приличнѣе и наряднѣе. Разница между ранними и поздними годами въ стоимости одежды зависѣла преимущественно отъ цѣнъ за ея пошитіе; въ 1844 г. шитье суконной пары стоило 2 р. 48 к., лѣтней 1 р. 42 к., шинели 1 р. 80 к.; въ 1858 г., когда правленіе стало особенно жаловаться на дороговизну, за шитье суконной пары оно платило 3 р. 95 к., лѣтней 2 р., форменной суконной даже 4 р. 30 к.; въ 1868 г. за суконную пару брали съ торговъ 4 р. 40 к.,

а за лѣтнюю 4 р. 38 к., за пальто 3 р. 50 к. Вслѣдствіе той же главнымъ образомъ причины дорожала и обувь: въ 1843 г. за 2 пары сапоговъ и головки брали по контракту 7 р., въ 1858—10 р. 27 к., въ 1868 г.—11 р. 50 к. Одна только стоимость бѣлья измѣнялась по цѣнности одинаково какъ матеріала, такъ и работы, да и самое достоинство матеріала должно было возвышаться съ годами по возрастающимъ требованіямъ времени. Студентамъ I курса на рубашки покупали холстъ по 8 к. арш., а на нижнее бѣлье даже по 6½ к.; въ концѣ 1850-хъ годовъ вошло въ употребленіе полотно уже въ 25—30 к. аршинъ, самый холстъ на нижнее бѣлье и на другія надобности, напр. спальныя принадлежности, покупался не ниже 10 к. Такъ называемыя, мелочи экипировки—галстуки, платки, носки, полотенца и т. д., по своей общей стоимости тоже почти не измѣнялись, главнымъ образомъ, можетъ быть, потому, что выдавались не натурой, а деньгами.

Въ общемъ итогѣ всѣхъ расходовъ по экипировочной статьѣ правленію такимъ образомъ до послѣдняго времени удавалось держаться почти тѣхъ самыхъ цифръ, какими оно задалось съ первыхъ лѣтъ существованія академіи, такъ что особенно рѣзкаго увеличенія этихъ цифръ мы не видимъ; правленіе и само не жаловалось никогда на то, что по этой статьѣ ему приходится выступать изъ принятыхъ предѣловъ уже укрѣпившагося съ годами постояннаго расхода, а жаловалось только на возрастаніе цѣнъ по содержанію студентовъ пищею. Съ 1858 г., когда по содержанію студентовъ впервые стали обнаруживаться годъ отъ году возраставшія передержки, въ объясненіе этихъ передержекъ годичные отчеты постоянно стали указывать на возрастаніе цѣнъ именно лишь на пищевые матеріалы студенческаго стола, хотя на первыхъ порахъ общая цифра годоваго содержанія студентовъ пищею на дѣлѣ и не превышала штатной суммы (въ 1857 г. — 3000 р., въ 1858 г.—2959 р. 37 к.), а вся передержка падала только на содержаніе ихъ одеждою. И оно не допускало въ этомъ случаѣ какого нибудь противорѣчія своимъ собственнымъ цифровымъ показаніямъ, потому что увеличеніе расхода происходило дѣйствительно по первой статьѣ, которая прежде давала остатки, покрывавшіе дефициты по второй статьѣ, а потомъ стала все болѣе и болѣе возрастать по расходу и скоро не только перестала давать остатки, но и сама начала обнару-

живать дефициты, тогда какъ вторая довольно неизмѣнно продолжала держаться почти на прежнихъ цифрахъ. Правленіе въ этихъ объясненіяхъ какъ-бы забывало только то, что и первоначальныя цифры годовыхъ расходовъ на экипировку, которыми оно задалось еще съ начала академіи, были подняты выше штатной нормы, и смотрѣло на нихъ уже, какъ на цифры принятыя, узаконенныя временемъ и практикой, о которыхъ нечего и толковать. Точно такъ же, принимая разныя мѣры съ цѣлію поддержанія своего бюджета, правленіе старалось прежде всего уменьшить свои расходы именно по студенческому столу. Съ этою цѣлью предпринятъ былъ наприм. въ 1858 г. указанный выше учетъ экономіи и выработано нормальное расписаніе студенческаго стола. Съ тою же цѣлью въ іюлѣ того-же года было обращено вниманіе на расходы изъ студенческой столовой суммы на содержаніе академическихъ служителей. Экономъ вошелъ тогда въ правленіе запиской, въ которой изъяснилъ, что служителя постоянно пользуются студенческимъ столомъ и что, такъ какъ это не выгодно ни для студентовъ, у которыхъ чрезъ то столъ ухудшается, ни для служителей, которымъ, по роду ихъ занятій, студенческій столъ слишкомъ голоденъ, то слѣдуетъ назначить для нихъ особый столъ погрубѣе, — щи, кашу съ масломъ, огурцы, картофель и проч. (хлѣба выдавать по 2 ф. на день, говядины $^1/_4$ ф., масла скоромнаго 1 ф. на 15 человѣкъ, постнаго $^1/_2$ ф. на 12 человѣкъ и т. д.), такъ чтобы прокормленіе каждаго служителя обходилось въ годъ рублей до 20, студенческія же порціи отпускать только комиссару, фельдшеру, служителямъ редакціи и правленія и наемному письмоводителю. Правленіе согласилось на это предложеніе впредь до усмотрѣнія ([1]). Въ 1861 г. для пущей экономіи правленіе распорядилось отнести на счетъ редакціи Собесѣдника содержаніе редакціонныхъ служителя и письмоводителя, взимая съ нея за это 100 р. въ годъ.

Приведемъ для образчика нѣсколько цифръ постепеннаго возрастанія стоимости главныхъ предметовъ студенческаго продовольствія изъ оправдательныхъ объясненій экономическихъ отчетовъ. Въ первый разъ такія объясненія встрѣчаемъ въ отчетѣ за 1859 г., когда оказалась первая, сравнительно еще небольшая передержка по студенческому столу, всего во

([1]) Журн. 1858 г. 28 августа.

120 р. Правленіе представило въ этомъ отчетѣ таблицу цѣнъ на главные предметы расхода по столу съ 1856 г. Пудъ муки ржаной въ 1856 г. стоилъ 24 к., въ 1857 г.—33 к., въ 1858—36½ к., въ 1859 — 40 к.; пшеничной — 1 сорта въ 1856 г.—1 р. 10 к., въ 1857 г.—1 р. 48 к.. въ 1858 г.— 1 р. 59 к., въ 1859 г.—1 р. 60 к., 2 сорта въ 1856 г.— 74 к., въ 1857 г.—94 к., въ 1858 и въ 1859 гг. 1 р. 9 к; крупы гречневой—въ 1856 и 1857 г.г. 64½ к., въ 1858 г.—59 к. и 1859 г.—70 к.; манной послѣдовательно за тѣже годы— 1 р. 19 к., 1 р. 48 к., 1 р. 49 к., 1 р. 80 к.; полбенной— 65 к., 57, 57, 68; пшена низоваго—71½ к., 78 к., 1 р. 14 к., 1 р. 20 к.; масла коровьяго--4 р. 30—79 к., 4 р. 90 к., 4 р. 79 к., 6 р. 20 к.; конoплянаго—2 р. 71 к., 3 р. 19 к., 3 р. 50 к., 3 р. 85 к.; говядины въ 1856 и 1857 гг.—1 р. 38 к., въ 1858 г.—1 р. 50 к., 1859 г.—2 р. Въ отчетѣ за 1863 г. выведена такая постепенность возрастанія цѣнъ: мука ржаная въ 1860 г. стоила до 54 к. пудъ, въ 1861 г.— 45 к., въ 1862 г.—62 к., въ 1863—50 к.; пшеничная 1 сорта послѣдовательно съ 1860 года 1 р. 70—90 к., 1 р. 83 к., 1 р. 35 к., 1 р. 77 к., она-же 2 сорта—1 р. 10—30 к., 1 р. 40 к., 70 к., 1 р. 29 к.; гречневая крупа—90 к., 1 р. 10 к., 70 к., 75 к.; манная—2 р., 2 р. 5½ к., 1 р. 95 к., 1 р. 80 к.; полбенная—83—95 к., 1 р. 1 к., 70 к., 73 к.; пшено низовое—1 р. 10—25 к., 1 р. 42 к., 1 р. 15 к., 97 к.; масло коровье—7 р. 20 к., 7 р. 70 к., 7 р. 60 к., 7 р. 99 к.; конопляное—3 р. 80—85 к., 5 р. 40 к., 4 р. 50 к, 4 р. 89 к., говядина пудъ—2 р., 2 р. 20 к., 2 р. 22 к., 2 р. 40 к. Въ 1864 г. возрастаніе цѣнъ перестало уже показываться и правленіе ссылалось на него только огульно.

Передержки на столъ все возрастали, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и общая передержка по статьѣ содержанія студентовъ. Въ 1859 г. за столовые припасы передержано было 120 р., въ 1860—675 р., въ 1861—926 р. 31 к., въ 1862— 1071 р. 35 к., въ 1863—1148 р. 28 к., въ 1864—1010 р. и т. д. Въ 1860 г. св. Синодъ для уменьшенія расходовъ на казенныхъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній предложилъ такую мѣру: усмотрѣвъ изъ разныхъ экономическихъ отчетовъ, что во многихъ изъ находящихся въ одномъ городѣ заведеній съѣстные припасы пріобрѣтаются не по одинаковымъ цѣнамъ, въ однихъ дороже, въ другихъ дешевле, и приписывая это неодинаковому количеству потребленія

этихъ припасовъ въ томъ или другомъ заведеніи и неодновременности закупокъ, опредѣленіемъ отъ 14 декабря 1860 г. онъ положилъ, чтобы на поставку припасовъ для духовно-учебныхъ заведеній, находящихся въ одномъ городѣ, назначаемы были общіе торги и въ такое время, когда припасы дешевле ([1]). По полученіи этого указа въ Казани, академія, семинарія и духовныя училища снеслись между собою и въ 1861 г. дѣйствительно назначили общіе торги на 1862 г. Такіе же торги назначались потомъ и на 1863 г. 1864, 1865, 1866 гг., въ общемъ присутствіи начальниковъ этихъ заведеній ([2]). Но на практикѣ эта мѣра ни къ чему не повела, потому что цѣны на этихъ общихъ торгахъ, какъ и на другихъ частныхъ, назначались высокія, какихъ вовсе нельзя было принять, и каждое заведеніе должно было послѣ нихъ попрежнему самостоятельно отыскивать для себя болѣе дешевыхъ поставщиковъ; при томъ же ни академія не могла примкнуть къ семинарской поставкѣ, потому что требовала лишнихъ и особенныхъ припасовъ—высшаго достоинства, чѣмъ семинарія, ни послѣдняя—къ академіи, потому что для нея это товарищество было слишкомъ дорого; вслѣдствіе этого общіе торги послѣ 1866 г. прекратились сами собою.

Кромѣ этой мѣры, св. Синодъ еще раньше, въ 1859 г. 15 мая, сдѣлалъ попытку помочь бѣдности духовно-учебныхъ заведеній чрезъ назначеніе къ нимъ, такъ называемыхъ, почетныхъ попечителей по хозяйственной части ([3]). Но, по крайней мѣрѣ для казанской академіи, и эта мѣра принесла плоды весьма мало замѣтные. Первый попечитель академіи, купецъ К. Крупениковъ, поступившій въ это званіе въ концѣ 1859 г., съ начала 1860 г. сталъ жертвовать на содержаніе студентовъ по 1 р. въ день, 30 р. въ мѣсяцъ, но это продолжалось недолго, потому что въ маѣ того же года онъ сложилъ съ себя званіе попечителя для поѣздки по болѣзни за границу ([4]). Преемника ему не находилось до лѣта 1867 г., когда званіе попечителя согласился принять на себя купецъ Н. Н. Чарушинъ. Этотъ попечитель служилъ почти два года,

([1]) Д. 1862 г. № 61.

([2]) Д. 1863 г. № 90; 1864 г. № 110; 1865 г. № 76; 1866 г. № 98.

([3]) Д. 1859 г. № 41.

([4]) Д. 1860 г. № 80; 1861 г. № 25.

но въ маѣ 1869 г. тоже отказался отъ попечительства по требованію своихъ коммерческихъ дѣлъ (1). По содержанію студентовъ пожертвованія его ограничились тѣмъ, что въ 1868 г. онъ принялъ участіе въ закупкѣ для студентовъ сукна и драпа и приплатилъ при этомъ къ казеннымъ деньгамъ до 100 р. своихъ (2). Главная сумма пожертвованій какъ этого, такъ и предшествовавшаго попечителя относилась, какъ и слѣдовало ожидать, къ академической церкви.—Увеличенія штатной суммы по содержанію студентовъ, какое было произведено въ 1865 г. по содержанію дома, не было до новаго академическаго устава.

Всѣ передержки по этой статьѣ правленіе должно было поэтому покрывать изъ однихъ собственныхъ суммъ, а между тѣмъ передержки эти быстро возрастали съ каждымъ годомъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ весь ходъ этой хозяйственной операціи по отчетамъ, начиная съ 1858 г. до 1868 г., за исключеніемъ экстренныхъ приходовъ, напр. на экипировку вновь поступающихъ студентовъ на деньги, высылавшіяся изъ семинарій, денегъ отъ почетныхъ блюстителей и денегъ получавшихся отъ студентовъ, отказывавшихся отъ обязательной духовно-училищной службы, за воспитаніе въ академіи. Въ 1858 г. вся передержка по содержанію студентовъ столомъ и одеждою простиралась до 449 р. 12½ к.; въ 1859—передержано до 191 р. 8 к.; въ 1860—1029 р. 85½ к.; за 1861 г.—1369 р.; за 1862—947 р. 9½ к.; за 1863—1990 р. 74¼ к.;... за 1866—381 р.; за 1867—1174 р. 58 к. Передержки эти покрывались, какъ и передержки по домовому расходу, остатками отъ содержанія личнаго состава академіи, отъ суммъ больничныхъ, ревизорскихъ, канцелярскихъ и экономическихъ, и переносами долговъ съ одного года на другой. Переносы эти, за положительнымъ недостаткомъ суммъ на покрытіе разныхъ расходовъ, начались съ 1859 г.; за этотъ годъ въ 1860 г. было уплачено изъ суммъ по содержанію же студентовъ 191 р. 8 к.; въ 1861 г. изъ тѣхъ же суммъ за расходы 1860 г. 460 р. 33 ¼ к.; въ 1862 г. за 1861 г. 722 р. 57 ¾ к.; въ 1863 за предыдущій—633 р. 45 ¼ к.; въ 1864 г. за 1863 г.—884 р. 43¼ к.; въ 1865

(1) Д. 1867 г. № 9; 1869 г. № 60.

(2) Д. 1868 г. № 63 и 64.

за 1864—276 р. $30\frac{1}{4}$ к.; въ 1867 за 1866—381 р. $1\frac{3}{4}$ к.; въ 1868 за 1867 г.—893 р. 65 $\frac{1}{2}$ к.

Въ 1868 г. академическая экономія дошла наконецъ до невозможнаго положенія. Дефицитъ къ концу года предвидѣлся огромный, а средствъ покрыть его, за упомянутымъ выше отчисленіемъ всякаго рода остатковъ за годъ къ статьѣ содержанія личнаго состава преподавателей, не было никакихъ. Въ половинѣ ноября этого года ректоръ Никаноръ предложилъ правленію изчислить ожидаемый и уже выяснившійся дефицитъ какъ по содержанію студентовъ, такъ и по содержанію дома, для представленія о затруднительномъ положеніи академической экономіи высшему начальству и просить о воспособленіи изъ суммъ духовно-учебнаго капитала. Къ концу ноября секретарь Миротворцевъ изготовилъ по этому поводу обширный докладъ, содержаніе котораго выразительно опредѣляетъ, въ какомъ положеніи очутилась наконецъ академическая экономія. По разсчисленію наличныхъ суммъ въ распоряженіи правленія и предстоящихъ платежей по обѣимъ статьямъ, къ декабрю не доставало по содержанію студентовъ 1883 р. 10 к., по содержанію дома 771 р. 32 к., всего 2654 р. 42 к. Въ частности:—по содержанію дома правленіе изъ 5000 р. оклада должно было уплатить только по главнымъ расходамъ: 2134 р. 50 к. за дрова, 1386 р. на жалованье служителямъ и печнику, 477 р. на освѣщеніе, 585 р. на сѣно и овесъ, такъ что на все остальное,—на годовыя подѣлки слесарю, мѣднику, бондарю, коновалу, кузнецу, часовщику, на содержаніе погребовъ, бани, каретника, на чистку ретирадныхъ мѣстъ и проч. оставалось всего 417 р.—количество совсѣмъ недостаточное. Докладъ вошелъ въ обстоятельное разсмотрѣніе, какъ недостатокъ штатной суммы отзывался дефицитами и прежде, начиная съ 1858 г., вслѣдствіе чего правленіе должно было для покрытія ихъ прибѣгать къ переносамъ денегъ изъ другихъ статей экономіи и къ перенесенію нѣкоторыхъ неоплаченныхъ долговъ отъ одного года къ оплатѣ ихъ на слѣдующій годъ. Особенно большая величина передержки за 1867 и 1868 г. объяснена: а) увеличеніемъ противъ прежнихъ годовъ числа студентовъ (болѣе 60 человѣкъ, тогда какъ въ 1863—64 г. ихъ было 54 и 53, въ 1865—40, въ 1866—46), а вслѣдствіе этого увеличеніемъ расходовъ, кромѣ ихъ собственнаго содержанія, еще на прислугу, освѣщеніе, ремонтъ вещей и проч.; б) возвышеніемъ

цѣнъ: за дрова въ 1867 г. платилось—за сосновыя 2 р. 60 к., березовыя 3 р. 50 к., въ 1868 г. за первыя 2 р. 94 к., за вторыя 4 р. 50 к.; за муку въ 1867 г.—38 к., въ 1868 г.—70 к.; за овесъ въ 1867—34 к., въ 1868—40 к. и проч. По разсмотрѣніи этого доклада правленіе, не имѣя у себя въ 1868 г. болѣе никакихъ средствъ восполнить недостающую по штату сумму денегъ, рѣшило просить у Св. Синода добавочной ассигновки въ количествѣ нужномъ для покрытія образовавшагося дефицята. Хозяйственное управленіе при Св. Синодѣ, принявъ во вниманіе все выше изложенное, положило: „для приведенія хозяйства академіи въ нормальное состояніе“, чего нельзя было достигнуть безъ значительнаго сверхсмѣтнаго пособія, отпустить изъ духовно-учебнаго капитала единовременно 2700 р. изъ кредита по духовно-учебной части на 1869 г., а такъ какъ этой суммы все-таки было недостаточно, потому что вся передержка по указаннымъ статьямъ на дѣлѣ по окончаніи 1868 г. обозначилась въ 2864 р. 34 к., то на покрытіе остальныхъ 164 р. 34 к. правленію разрѣшить употребленіе такой суммы изъ своихъ остатковъ, но при этомъ напомнить ему, чтобъ оно соблюдало болѣе экономіи при расходованіи своихъ суммъ и чтобы, въ случаѣ новой передержки, не разсчитывало на вторичное пособіе отъ высшаго начальства. Св. Синодъ утвердилъ это распоряженіе опредѣленіемъ отъ 24 марта / 18 іюня 1869 года (1).

Такъ наконецъ разрѣшилось безвыходное экономическое затрудненіе академіи, но разрѣшилось, конечно, только на время. Нужно было не временное только пособіе какими нибудь 2 — 3 тысячами рублей, а постоянная прибавка къ академическому штатному окладу; временнымъ пособіемъ да одними внушеніями на счетъ бережливости поправить дѣла очевидно было нельзя. Въ 1870 г. для опредѣленія количества желательной постоянной прибавки правленіе вздумало заняться изчисленіемъ всѣхъ дѣйствительныхъ передержекъ по содержанію дома и по содержанію студентовъ, т. е. такихъ, которыя покрывались не переносомъ изъ года въ годъ, а изъ другихъ источниковъ,—суммами, или имѣвшими другое назначеніе, каковы были остатки отъ другихъ статей, или прямо ассигнованными изъ духовно—учеб-

(1) Д. 1868 г. о передержкахъ № 82.

наго капитала (на покрытіе передержки въ 1868 г.), и нашло, что сумма всѣхъ этихъ дѣйствительныхъ передержекъ за 11 лѣтъ (1858—1868) доходила до 20,132 р. 51½ к., изъ которыхъ 17,268 р. 17½ к. покрыты остатками главнымъ образомъ по статьямъ содержанія лицъ управленія и учащихъ, ревизорской и больничной, а 2864 р. 34 к. суммами, разрѣшенными хозяйственнымъ управленіемъ къ расходованію по послѣднему ходатайству для приведенія экономіи въ нормальное состояніе. Вотъ значитъ сколько не доставало по штату на указанныя двѣ статьи за послѣднія 11 лѣтъ, а такъ какъ теперь никакихъ остаточныхъ суммъ въ распоряженіи правленія болѣе уже не было, то ясно, что для приведенія экономіи въ нормальное состояніе на будущее время слѣдовало увеличить ежегодную ассигновку суммы на эти статьи въ количествѣ по крайней мѣрѣ равномъ средней цифрѣ изчисленнаго 11-лѣтняго дефицита за одинъ годъ, если даже не брать въ разсчетъ возрастанія цѣнъ и увеличенія числа студентовъ.

Передержка 1868 г. была вся покрыта отпущенною суммою, а въ слѣдующемъ 1869 г. явилась уже новая передержка, цифра которой служитъ нагляднымъ доказательствомъ вѣрности сейчасъ высказаннаго исчисленія: по содержанію студентовъ передержано было 1386 р. 5 к., по содержанію дома 519 р. 82 к., всего 1905 р. 87 к. (немного даже болѣе упомянутой средней цифры). Въ объясненіе этой передержки правленіе въ 1870 г. опять указывало на возрастаніе цѣнъ на важнѣйшіе припасы и на число студентовъ. Изъ припасовъ дешевле противъ 1868 г. была только ржаная мука (въ 1868 г. — 70 к., въ 1870 — 63 к.), но пшеничная 1 сорта дошла до 2 р. 13 к., 2 сорта до 1 р. 55 к. (стоила въ 1868 г. 1 р. 85 и 1 р. 42 к.), крупа гречневая съ 67 к. поднялась до 78½, манная съ 2 р. до 2 р. 14 к., масло коровье съ 7 р. 30 к. до 9 р. 30 к., конопляное съ 3 р. 80 к. до 6 р. 44 к., подсолнечное съ 4 р. 40 к. до 11 р. 60 к., овесъ съ 40 к. до 52½ к., свѣчи съ 5 р. до 6 р. 5 к., говядина съ 2 р. 40 к. до 2 р. 98 к., телятина съ 2 р. 77 к. до 3 р. 40 к., масло сурѣпное съ 4 р. 20 до 5 р., дрова съ 2 р. 94 к. до 3 р. 50 к., такъ что по сложеніи этихъ цѣнъ въ общія суммы по годамъ сравнительная цѣнность каждаго года выражалась въ такомъ отношеніи за 1868—39 р. 85 к., за 1869—42 р. 45 к., за 1870—56 р. 3 к.

Число студентовъ было въ 1868 г. 60, въ 1869—65, въ первой половинѣ 1870 — 66. На содержаніе каждаго изъ нихъ столомъ по разсчету штатной суммы, за исключеніемъ расходовъ на одежду, приходилось въ 1868 г. въ годъ 44 р. $88^1/_2$ к., въ мѣсяцъ 3 р. 74 к. или $12^7/_{15}$ к. въ сутки; въ 1869 г. 48 р. 51 к., въ мѣсяцъ 4 р. $4^1/_4$ к., въ день $13^7/_{15}$ к. Въ 1870 г., по разсчету правленія, приходилось еще меньше; предположивъ по примѣру прежнихъ лѣтъ, что на одежду, бѣлье, мелочи и проч., а такъ-же постельные приборы потребуется до 4400 р., оно вычислило, что на прокормленіе каждаго изъ нихъ придется всего 24 р. $13^3/_4$ к. въ годъ, въ мѣсяцъ 2 р., а въ день до $6^7/_{10}$ к. всего навсего, а между тѣмъ на счетъ того же студенческаго стола должны были пропитываться еще 25—30 человѣкъ прислуги. Академическая экономія такимъ образомъ всего черезъ годъ послѣ приведенія ея, при помощи единовременнаго пособія, въ нормальное состояніе снова должна была впасть въ состояніе почти невозможное. А между тѣмъ и по домовой статьѣ, за недостаткомъ денегъ, надъ академіей тяготѣла неотложная нужда въ поддержкѣ зданій, быстро портившихся за недостаткомъ ремонтовъ.

Всѣ эти разсчеты были составлены правленіемъ къ марту 1870 г. по поводу возбужденнаго тогда вопроса о продовольствіи студентовъ казеннымъ чаемъ. Вопросъ этотъ первоначально поднятъ былъ, какъ мы уже упоминали, преосвященнымъ Антоніемъ въ 1868 г. послѣ произведенной имъ ревизіи казанской академіи. Въ своемъ указѣ отъ 31 октября 1869 г. ([1]) по разнымъ замѣчаніямъ преосвященнаго ревизора, данномъ на его имя, св. Синодъ между прочимъ предписывалъ „войти въ соображеніе, не признано-ли будетъ возможнымъ давать студентамъ казанской академіи къ завтраку, кромѣ бѣлаго хлѣба, чай". Вслѣдствіе этого предписанія синодальному оберъ-прокурору отъ 10 декабря 1869 г. донесено было, что „правленіе академіи по сему предмету войдетъ въ соображеніе по окончаніи текущаго года, когда точно обозначатся суммы издержекъ за годъ, и по заключеніи контрактовъ на поставки матеріаловъ содержанія въ будущемъ году, когда съ приблизительною точностію можно будетъ опредѣлить итогъ издержекъ въ 1870 году". Итогъ

[1]) Д. 1869 г. № 62

этотъ теперь обозначился, и по журналу 5 марта 1870 г., обсудивъ означенныя соображенія и вычисленія, правленіе опредѣлило: 1) донести оберъ-прокурору, что во исполненіе указа св. Синода отъ 31 октября 1869 г. правленіе не предвидитъ денежныхъ средствъ для введенія въ студенческій завтракъ чая и что вопросъ этотъ долженъ быть снова обсужденъ въ началѣ будущаго 1871 г., 2) въ покрытіе оказавшейся, по примѣру прежнихъ лѣтъ, неизбѣжною и въ истекшемъ 1869 г. передержки въ 1905 р. 87¼ к., просить его сіятельство или ассигновать особую сумму изъ духовно—учебнаго капитала, или разрѣшить правленію перенести эту издержку на суммы, ассигнованныя на содержаніе казанской академіи въ текущемъ 1870 году.

Но въ августѣ 1870 г. введенъ былъ уже новый уставъ и новые штаты академіи, и экономія академическая была спасена....

IV.

ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВЪ.

I. ПОСТУПЛЕНІЕ ВЪ АКАДЕМІЮ.

Въ студенты академіи поступали только перворазрядные воспитанники семинарій. Одни изъ нихъ вызывались въ академію по распоряженію начальства на казенный счетъ; другіе пріѣзжали сами на свой счетъ волонтерами. Вызовъ производился изъ академическаго правленія съ утвержденія высшаго начальства. Предъ окончаніемъ каждаго академическаго курса, въ апрѣлѣ или въ маѣ, академическое правленіе составляло для этого предварительное расписаніе, сколько воспитанниковъ и изъ какихъ семинарій можно вызвать въ составъ новаго академическаго курса, соображаясь при этомъ съ числомъ вакансій, имѣющихся для этого курса въ академіи, съ числомъ воспитанниковъ, оканчивающихъ въ данномъ году курсъ въ самихъ семинаріяхъ, и съ достоинствомъ этихъ семинарій. Небольшое число студенческихъ вакансій оставлялось при расписаніи для волонтеровъ.

Число вызываемыхъ воспитанниковъ было не одинаково. Хотя въ каждомъ курсѣ академіи по штату полагалось одинаково по 30 студентовъ, но на дѣлѣ ихъ могло быть и больше, и меньше. Такъ, въ I курсъ принято было 34 студента; къ пріему слѣдующаго II курса въ 1844 г. ихъ осталось 33; слѣдовательно, для II курса оставалось только 27 вакансій. Къ 1846 г., послѣ выхода I курса, во II курсѣ считалось всего 23 человѣка; слѣдовательно, для III курса было готово 37 вакансій. Ко времени пріема IV курса наличныхъ студентовъ было 34 человѣка, слѣдовательно вакансій было 26; для V курса

считалось 39 вакансій и т. д. Вызовъ ограничивался большею частію семинаріями только казанскаго округа. Изъ казанской семинаріи, какъ ближайшей, вызывалось болѣе воспитанниковъ, чѣмъ изъ другихъ, по 3 и по 4 человѣка, хотя она имѣла очень небольшіе курсы (до 65 человѣкъ), да и репутація ея была невысокая. По стольку же вызывалось еще только изъ самыхъ многолюдныхъ семинарій,—нижегородской, тамбовской, вятской, пермской и саратовской, изъ которыхъ три первыя считались притомъ же самыми благоустроенными по учебной части. Изъ другихъ семинарій вызывалось по 2 воспитанника, а изъ малолюдной астраханской и отдаленныхъ кавказской и сибирскихъ семинарій нерѣдко даже по одному. Вызовы воспитанниковъ изъ семинарій другихъ округовъ допускались рѣдко и по случайнымъ побужденіямъ. Такъ, при ректорѣ Агаѳангелѣ и инспекторѣ Ѳеодорѣ въ 1856 г. было вызвано по одному воспитаннику изъ ихъ родныхъ и знакомыхъ по прежней службѣ семинарій владимірской, костромской и тверской; при ректор. Иннокентіи въ 1866 г.—по одному же воспитаннику изъ семинарій воронежской, орловской, владимірской, ярославской и тульской. Съ 1868 г. академическіе округи стали перепутываться между собой и вызовы въ академію стали мало съ ними сообразоваться.

Опредѣленіе правленія о вызовѣ студентовъ посылалось на утвержденіе духовно-учебнаго управленія и по полученіи утвержденія разсылалось чрезъ внѣшнее академическое правленіе по семинаріямъ. Утверждалось оно большею частію безъ всякаго измѣненія. Въ 1852 г. отъ 29 декабря, уже послѣ пріема новыхъ студентовъ, послѣдовало распоряженіе оберъ-прокурора о точнѣйшемъ наблюденіи при вызовѣ студентовъ ихъ штатнаго числа, мотивированное любопытнымъ резономъ: „Имѣя въ виду, писалъ оберъ-прокуроръ, что многіе изъ воспитанниковъ духовныхъ академій по окончаніи курса наукъ остаются безъ назначенія единственно по недостатку мѣстъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего, съ разрѣшенія св. Синода, и приняты уже мѣры къ ограниченію числа вновь принимаемыхъ въ академіи с.-петербургскую, московскую и кіевскую семинарскихъ воспитанниковъ, нахожу нужнымъ поставить академическому правленію въ обязанность, чтобы впредь ни подъ какимъ видомъ не былъ допускаемъ въ академію пріемъ сверхштатныхъ воспитанниковъ, хотя бы они

и изъявляли желаніе обучаться на собственномъ иждивеніи" ([1]). Распоряженіе это при вызовахъ новыхъ студентовъ постоянно выводилось послѣ на справку и принималось въ соображеніе. Только въ 1864 г. правленіе рѣшилось ходатайствовать о дозволеніи принимать новыхъ студентовъ свыше штатнаго числа. Поводомъ къ нему послужилъ обнаружившійся тогда у академіи недостатокъ кандидатовъ для замѣщенія многочисленныхъ наставническихъ вакансій по казанскому учебному округу. Въ числѣ обстоятельствъ, служившихъ къ подкрѣпленію этого ходатайства, правленіе указывало на то, что отмѣна прежняго дозволенія принимать въ академію студентовъ свыше штатнаго числа послѣдовала въ 1852 г. по причинѣ только временнаго избытка кандидатовъ на духовно - училищную службу, котораго въ настоящее время нѣтъ, что другимъ академіямъ такое дозволеніе уже дано вновь, что наконецъ недавнимъ предложеніемъ оберъ-прокурора отъ 28 февр. 1863 г. академіямъ для возбужденія въ студентахъ прилежанія къ наукамъ предоставлено лишать незаслуживающихъ казеннаго содержанія или и вовсе исключать, — по мнѣнію правленія, ихъ вакансіи и можно было бы замѣщать достойными своекоштными студентами, принятыми сверхъ штата на ихъ собственномъ содержаніи. Ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ начальствомъ взялась академическая конференція. Но отвѣта на ходатайство не было получено ([2]). Въ 1868 г. подобное же ходатайство предпринялъ преосвящ. Антоній, которому бросилось въ глаза особенно большое неравенство между двумя тогдашними академическими курсами; въ XIII курсѣ, который долженъ былъ перейти въ этомъ году въ старшее отдѣленіе, было 43 человѣка, стало быть въ составъ XIV курса можно было вызвать всего только 17 человѣкъ; а правленіе вызывало даже 16. На журналѣ 23 марта о вызовѣ студентовъ преосвященный написалъ: „Въ представленіи (оберъ-прокурору) присовокупить, что я съ своей стороны, согласно съ сдѣланнымъ мною уже прежде заявленіемъ г. оберъ-прокурору, признаю столь ограниченное число студентовъ для составленія новаго курса академіи крайне недостаточнымъ и считаю необходимымъ прибавить къ сему числу еще 20 (10 казенныхъ и 10 волонтеровъ)". Утвержденіе пришло о вызовѣ только 16 студентовъ,

([1]) Д. внутр. правл. 1852 г. № 56.

([2]) Д. конфер. 1864 г. № 16.

а о прибавкѣ къ штату еще 20 сказано было, что объ этомъ желаніи преосвященнаго оберъ-прокуроръ будетъ докладывать св. Синоду особо. Увеличеніе штата студентовъ послѣдовало уже въ 1870 г. съ введеніемъ въ академію новаго устава.

Волонтеровъ для поступленія въ академію являлось немного, но они все-таки постоянно были въ академіи, начиная съ I курса, хотя въ составъ его вызвано было полное число казенныхъ воспитанниковъ (30) и волонтеры должны были поступать уже сверхъ штата. Одинъ (И. Покровскій-Каменскій) явился изъ нижегородской семинаріи, другой (Д. Аретинскій, братъ инспектора Серафима) — изъ Кіева, третій (И. Грековъ) пріѣхалъ съ ректоромъ изъ Харькова; въ 1843 г. просился въ студенты тоже пріѣхавшій съ ректоромъ племянникъ его, воспитанникъ орловской семинаріи, вышедшій уже въ свѣтское званіе, С. Солнышкинъ, но принятъ былъ только приватнымъ слушателемъ, а въ студенты зачисленъ уже въ 1844 г. въ II курсъ ([1]). Въ составъ II к., кромѣ Солнышкина, прибыло еще 5 волонтеровъ, — 3 изъ казанской семинаріи (В. Ласточкинъ, П. Аретинскій,—другой братъ инспектора Серафима, и А. Воздвиженскій) и по одному изъ семинарій вятской (И. Подаринъ) и астраханской (Н. Соколовъ). Въ тотъ же курсъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ просился было одинъ воспитанникъ тифлисской гимназіи Н. Евреиновъ, но правленіе академіи ему отказало, ссылаясь на сословно-духовное значеніе академіи, и увѣдомило его, что „а) на казенный счетъ въ академію принимаются воспитанники только духовнаго званія или же желающіе поступить въ оное, б) дозволеніе обучаться въ ней лицамъ не духовнаго званія зависитъ отъ оберъ-прокурора св. Синода, къ которому и должны обращаться съ просьбами всѣ ищущіе того“ ([2]). Въ III к. явилось тоже 5 волонтеровъ,—3 изъ казанской семинаріи (Гур. Ласточкинъ, И. Пылаевъ и И. Альпійскій, свѣтскій, сынъ чиновника при казанской полиціи) и по одному изъ семинарій тверской (Ѳ. Пылаевъ, какъ и И. Пылаевъ, братъ іером. Паисія Пылаева, исключившійся послѣ года ученія изъ кіевской академіи, чтобы быть при братѣ) и оренбургской (вдовый священникъ Іоаннъ Ин-

(1) Д. внутр. правл. 1843 г. № 25.

(2) Д. внутр. правл. 1844 г. № 55. Далѣе мы перечисляемъ волонтеровъ, только выдержавшихъ экзамены и принятыхъ въ академію.

фантьевъ, кончившій семинарскій курсъ еще въ 1840 г. и бывшій учителемъ челябинскаго духовнаго училища, первый студентъ - священникъ въ казанской академіи). Вмѣстѣ съ ними, по назначенію св. Синода, въ число казеннокоштныхъ студентовъ включенъ одинъ грузинъ изъ тифлисской семинаріи, іеродіаконъ Александръ Окропиридзе, для поступленія послѣ на службу въ одно изъ закавказскихъ духовно-учебныхъ заведеній ([1]). Въ IV к. въ 1848 г. поступили 2 волонтера—изъ Тобольска (Н. Знаменскій) и Саратова (Промптовъ). Кромѣ того, уже въ началѣ 1849 г., по желанію преосв. Григорія, въ число воспитанниковъ академіи принятъ былъ уже упоминавшійся выше воспитанникъ казанской семинаріи изъ крещеныхъ евреевъ кантонистовъ Н. Кузнецкій, предназначавшійся къ миссіонерскому служенію среди евреевъ; его дозволено было для облегченія освободить отъ изученія физики, математики, естественныхъ наукъ и нѣкоторыхъ языковъ; на содержаніе его высылалась особая сумма изъ духовно-учебныхъ капиталовъ ([2]). Въ V курсъ въ 1850 г. поступили 3 волонтера изъ семинарій казанской (Г. Воскресенскій), вятской (Г. Спасскій) и пензенской (А. Моревъ); кромѣ того, по распоряженію высшаго начальства, включены въ число студентовъ одинъ тифлисскій воспитанникъ изъ тушменцевъ, Савва Цискаровъ, „во вниманіе къ особенной цѣли, для которой онъ стремится получить высшее духовное образованіе, именно, чтобы содѣйствовать впослѣдствіи просвѣщенію горскаго племени тушменцевъ" ([3]). Въ VI курсъ (1852 г.) съ миссіонерскими же цѣлями поступилъ волонтеромъ грузинъ Мих. Зуріевъ изъ астраханской семинаріи; въ тотъ же курсъ, кромѣ него, явилось еще 7 волонтеровъ, 2 изъ Вятки (В. Курбановскій и П. Мышкинъ), 3 изъ Перми (А. Поповъ, С. Шиловскій и М. Черемухинъ), по одному изъ семинарій казанской (Н. Софотеровъ) и саратовской (В. Эдемовъ). Въ VII к. было три волонтера,— пермскій (М. Сильвановъ), казанскій (П. Турминскій) и нижегородскій (П. Веселовскій) ([4]), въ VIII к. — двое, – самарскій

([1]) Д 1846 г. № 53.

([2]) Д. 1848 г. № 45.

([3]) Д. внутр. правл. 1850 г. № 53.

([4]) П. В. Веселовскій былъ уже, что называется, bemoostes Haupt, кончилъ семинарскій курсъ въ 1848 г., за пьянство во 2 разрядѣ, не смотря

(Ѳ. Ливановъ учитель самарскаго дух. училища) и симбирскій (Вл. Вишневскій); въ IX к.—6,—пермскій (А. Лавровъ), 2 вятскихъ (Михаилъ Якимовъ, рясофорный дьяконъ, и С. Чесноковъ), симбирскій (Н. Благодаровъ), нижегородскій (С. Полетаевъ) и тульскій (Н. Троицкій); въ X к. 4,—вятскій (Е. Кочкинъ), 2 саратовскихъ (П. Князевскій и И. Тиховъ) и уфимскій (М. Агишевъ); въ XI к. 6, — изъ Вятки (А. Голгоѳскій), Саратова (Е. Сокольскій, И. Соколовъ и М. Соколовъ), Перми (В. Миртовъ) и Уфы (Крон. Малышевъ); въ XII к. 4—изъ Казани (В. Павловскій), Пензы (Н. Студенскій) и Вятки (И. Князевъ и М. Поповъ). Въ послѣдующіе курсы число волонтеровъ быстро увеличилось: въ XIII к. ихъ явилось 14, въ томъ числѣ два вдовыхъ священника (Г. Воронцовъ изъ Астрахани и Вл. Кургановъ изъ Пензы); въ XIV—10, въ томъ числѣ одинъ іеромонахъ изъ Казани (Германъ Целерицкій) и одинъ священникъ (Іоаннъ Люцерновъ); въ XV курсъ—14 волонтеровъ при 15 казенныхъ воспитанникахъ.

Нѣкоторые изъ волонтеровъ заранѣе подавали въ академическое правленіе и оберъ-прокурору Св. Синода просьбы о зачисленіи ихъ въ число студентовъ, посылаемыхъ изъ семинарій на казенный счетъ, но такія просьбы удовлетворялись рѣдко, развѣ только по какимъ нибудь особеннымъ рекомендаціямъ отъ епархіальныхъ или семинарскихъ начальствъ, въ особыхъ видахъ, напр. въ миссіонерскихъ, какъ просьбы упомянутыхъ кавказскихъ студентовъ. Большею же частію имъ разрѣшалось только пріѣхать въ академію, но на собственный счетъ, и содержаться въ ней тоже съ платой по 100 руб. въ годъ въ качествѣ своекоштныхъ студентовъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не откроются для нихъ казеннокоштныя вакансіи. Отъ того многіе волонтеры, заявивъ свое желаніе поступить въ академію, потомъ отказывались отъ его исполненія, ссылаясь на свою бѣдность [1]. Нѣкоторые изъ нихъ увольнялись изъ академіи даже по пріемѣ въ нее, если

на замѣчательную талантливость, съ годъ учился приватно въ кіевской академіи, но за свою слабость удаленъ оттуда; потомъ жилъ въ Оранскомъ монастырѣ и въ Лысковѣ чтецомъ у графини А. Толстой; въ казанскую академію принятъ тоже приватно, по милости ректора Агаѳангела, у котораго и жилъ подъ его личнымъ надзоромъ. Въ 1856 г. за пьянство былъ исключенъ и куда-то пропалъ безъ вѣсти.

[1] См. напр. дѣла 1844 г. № 46; 1846 № 53; 1848 № 55 и др. о составѣ курсовъ.

не попадали на казенное содержаніе, и уѣзжали домой.—Случалось, что не являлись на вызовъ въ академію и казеннокоштные воспитанники, а то и сами семинарскія правленія высылали ихъ меньшее число противъ вызова, какъ это допускали особенно часто семинаріи малолюдныя и отдаленныя,—кавказская, тобольская и иркутская; академическое правленіе посылало имъ за это выговоры и замѣчанія.

Было нѣсколько случаевъ поступленія въ казанскую академію студентовъ изъ другихъ академій. Такъ, въ составъ I курса въ 1844 г. поступилъ прямо на старшее отдѣленіе студентъ московской академіи Ив. Дьячковъ, чтобы быть ближе къ родинѣ (онъ былъ изъ Вятской губерніи) ([1]). Въ томъ же курсѣ съ годъ приватно слушалъ лекціи еще одинъ студентъ петербургской академіи, вышедшій изъ нея по болѣзни въ 1840 г., Мих. Чернышовъ, но вскорѣ въ 1844 г. вышелъ на гражданскую службу ([2]). Въ 1848 г., съ разрѣшенія высшаго начальства, въ составъ III курса прямо въ старшее отдѣленіе поступилъ студентъ московской академіи, проучившійся въ ней два года, Ив. Акимовъ кавказецъ, пожелавшій изучать въ Казани монгольскій и калмыцкій языки ([3]). Въ VI курсъ въ декабрѣ 1852 г. въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ, по Высочайшему повелѣнію, но по необъясненной причинѣ, переведенъ студентъ московской академіи родомъ изъ западнаго края Адріанъ Абрамовичъ ([4]). Въ VII курсъ въ августѣ 1855 г. былъ принятъ студентъ московской академіи рязанецъ Н. Глѣбовъ, пожелавшій заняться въ Казани миссіонерскими предметами ([5]).

Всѣ вновь прибывшіе студенты, какъ казенные, такъ и волонтеры, прежде допущенія ихъ къ экзаменамъ должны были представить академическому правленію свои документы (отпускной билетъ отъ начальства, метрическое свидѣтельство, аттестатъ, свидѣтельство врачебной управы о состояніи здоровья, свидѣтельство о привитіи оспы и извѣщеніе отъ семинарскаго правленія о посвященіи въ стихарь) и такъ называемыя экипи-

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 43.

(2) Д. внутр. правл. 1843 г. № 27.

(3) Д. 1848 г. № 51.

(4) Д. о составѣ VI курса 1852 г. № 56.

(5) Д. о составѣ VII к. 1854 г. № 64.

ровочныя деньги по 34 р. 28 к., высылавшіяся впрочемъ всегда самими семинарскими правленіями; деньги эти брались и съ волонтеровъ, такъ какъ они такъ же, какъ и казенные, должны были жить въ академіи и подчиняться обычной академической униформѣ въ одеждѣ. Съ 1864 г. при ректорѣ Иннокентіи, когда изъ академіи стало очень много уходить студентовъ, эти экипировочныя деньги вздумали сдѣлать однимъ изъ средствъ къ удержанію молодыхъ людей въ академіи и въ духовномъ званіи; ихъ положено было взыскивать съ уходившихъ въ свѣтское званіе студентовъ вмѣстѣ съ казенными деньгами, употребленными на ихъ академическое образованіе, хотя экипировочныя деньги выдавались не изъ академіи, а изъ семинарій. Св. Синодъ сначала было не соглашался на такой взыскъ, но потомъ согласился и отъ 17 августа 1865 г. отъ оберъ-прокурора св. Синода вышло распоряженіе, чтобы семинарскія правленія, при ходатайствѣ своемъ за волонтеровъ, брали и съ нихъ, какъ съ казенныхъ воспитанниковъ, подписки касательно обязательной четырехлѣтней службы по окончаніи академическаго курса и обязательство о взносѣ денегъ за экипировку, а академическія правленія безъ этихъ обязательствъ не допускали ихъ и къ пріемному экзамену (1).

Относительно умственныхъ и нравственныхъ качествъ поступающихъ въ академію лицъ общее правило гласило, чтобы они были изъ лучшихъ и кончившихъ полный курсъ воспитанниковъ семинарій. Встрѣчаемъ одинъ только примѣръ, что въ академію поступилъ ученикъ изъ средняго отдѣленія семинаріи, за два года до полнаго окончанія семинарскаго курса. Это былъ ученикъ М. Кустодіевъ, присланный въ 1862 г. изъ астраханской семинаріи даже на казенный счетъ. Семинарское правленіе мотивировало такое отступленіе отъ заведеннаго порядка тѣмъ, что въ числѣ оканчивавшихъ курсъ у него не нашлось тогда ниодного студента достойнаго быть посланнымъ въ академію, ученикъ же Кустодіевъ, хотя и средняго отдѣленія, но съ выдающимися способностями и вполнѣ подготовленъ къ академическому образованію. Дѣло это было устроено съ особаго разрѣшенія оберъ-прокурора св Синода (2). Начиная съ III курса, когда въ академію введено

(1) Д. 1864 г. №№ 24, 75 и 76

(2) Д. внутр. правл. 1862 г. № 21.

было изученіе инородческихъ языковъ и яснѣе опредѣлилось ея миссіонерское значеніе, въ вызовахъ изъ семинарій студентовъ стало высказываться постоянное требованіе, чтобы семинарскія начальства старались назначать въ академію преимущественно такихъ воспитанниковъ, которые уже нѣсколько подготовлены къ изученію означенныхъ языковъ ([1]). Правленія семинарій нарочито списывались по этому дѣлу съ академическимъ правленіемъ еще съ весны пріемнаго въ академію года, заранѣе намѣчая имена такихъ учениковъ, имѣющихъ быть посланными въ академію; въ перепискѣ этой принималъ иногда участіе и оберъ-прокуроръ св. Синода, извѣщая о поданныхъ ему прошеніяхъ отъ такихъ учениковъ-волонтеровъ и дѣлая свои распоряженія о зачисленіи ихъ въ составъ новыхъ курсовъ. Требованіе, чтобы въ академію посылались только лучшіе студенты семинарій, повторялось академическимъ правленіемъ нѣсколько разъ; за неисполненіе его семинаріямъ неоднократно дѣлались выговоры. Особенно строгое внушеніе, даже отъ имени высшаго начальства, было разослано по семинаріямъ въ 1848 г. послѣ пріема IV курса академіи, оказавшагося слабѣе другихъ. Распоряженіемъ оберъ-прокурора отъ 26 октября академическимъ правленіямъ при пріемѣ новыхъ воспитанниковъ велѣно было каждый разъ представлять начальству именные списки всѣхъ прибывшихъ студентовъ съ обозначеніемъ, въ какихъ предметахъ они оказались слабыми на экзаменахъ, изъ какихъ семинарій прибыли, кто ихъ родители и какія мѣста занимаютъ по епархіальной службѣ ([2]). Въ 1852 г. отъ 29 декабря отъ оберъ-прокурора св. Синода послѣдовало новое распоряженіе, чтобы семинарскія правленія дѣлали болѣе строгій выборъ между воспитанниками для посылки ихъ въ академіи ([3]).

Въ 1858 г. ректоръ Іоаннъ, въ числѣ разныхъ своихъ преобразовательныхъ распоряженій этого года, провелъ чрезъ академическое правленіе новыя распоряженія и касательно выбора студентовъ для академіи. 16 мая правленіе опредѣлило предписать всѣмъ семинарскимъ правленіямъ, чтобы они при назначеніи въ академію своихъ воспитанниковъ 1) „обращали

([1]) Д. 1846 г. № 53; 1848 г. № 45; 1850 г № 53 и др. Внѣшн. правл. 1845 г. № 70.

([2]) Д. 1848 г. № 45.

([3]) Д. 1852 г. № 56.

особенное вниманіе на способности ихъ, избирая воспитанниковъ, отличающихся понятливостію, быстротою сообраҗенія, здравостію разсужденія, и не предпочитали таковымъ тѣхъ, которые, при небогатыхъ способностяхъ, имѣютъ только прилежаніе и отличаются только механическою исправностію въ ученическихъ занятіяхъ... 2) на поведеніе учениковъ, ни какъ не рѣшаясь отправлять въ академію имѣющихъ дурныя наклонности, особенно же къ нетрезвости, грубости и непокорности начальству; 3) предназначаемымъ въ академію дѣлали особыя испытанія по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса, а не ограничивались общимъ со всѣми прочими учениками экзаменомъ". На случай присылки впредь учениковъ, не соотвѣтствующихъ этимъ правиламъ, объявлена угроза отсылать такихъ учениковъ обратно въ семинаріи на счетъ самихъ семинарскихъ правленій, а если вскорѣ по поступленіи въ академію новые студенты обнаружатъ дурныя наклонности, то увольнять ихъ изъ академіи съ донесеніемъ высшему начальству о невнимательности семинарскихъ начальствъ къ своему дѣлу. Наконецъ подтверждено было всегдашнее требованіе, чтобы въ академію не присылались воспитанники, не способные къ академическимъ занятіямъ по состоянію своего здоровья [1]. Правила эти разсылались по семинаріямъ и при послѣдующихъ вызовахъ студентовъ. Въ 1861 г. на выполненіе послѣдняго требованія относительно посылаемыхъ въ академію воспитанниковъ обратило особенное вниманіе и высшее начальство; отъ 31 марта, по распоряженію оберъ-прокурора св. Синода, семинарскія правленія обязывались непремѣнно принимать во вниманіе состояніе здоровья такихъ воспитанниковъ и, кромѣ того, ихъ семейныя обстоятельства, такъ какъ многіе изъ нихъ вскорѣ по поступленіи въ академію утруждали высшее начальство просьбами объ увольненіи, ссылаясь именно на свою болѣзненность и семейныя обстоятельства. Въ слѣдующемъ же впрочемъ году, при пріемѣ въ академію XI курса, по случаю жалобы оберъ-прокурору одного не принятаго въ академію больнаго студента, встрѣчаемъ другое, совсѣмъ противное этому распоряженіе высшаго начальства, которое гласило, что слабость здоровья не слѣдуетъ безъ особо уважительныхъ причинъ ставить препятствіемъ къ пріему студента въ академію, потому что молодой человѣкъ со временемъ мо-

(1) Д. 1858 г. № 67.

жетъ еще окрѣпнуть и проч. Изъ академіи на это отвѣтили, что особо уважительная причина при указанномъ случаѣ имѣлась, такъ какъ этотъ молодой человѣкъ былъ почти слѣпой отъ болѣзни глазъ (¹). Въ 1866 г. ректоръ Иннокентій, любившій обстоятельныя бумаги, вздумалъ было, для еще большей опредѣленности пункта правилъ о здоровьѣ назначаемыхъ въ академію воспитанниковъ, внести въ него прибавку, чтобы семинарскія правленія посылали въ академію именно такихъ воспитанниковъ, которые бы могли выносить имѣющееся въ ней амосовское отопленіе,—на это отопленіе чаще всего ссылались тѣ, которымъ было особенно нужно представляться больными,—но оберъ-прокуроръ запретилъ это писать въ вызовахъ, а распорядился, чтобы академическое правленіе позаботилось лучше о средствахъ къ предотвращенію вредныхъ дѣйствій амосовскаго отопленія въ самой академіи (²).

Всѣ вновь пріѣхавшіе студенты являлись къ ректору и инспектору и размѣщались послѣднимъ въ зданіяхъ самой академіи. Въ старыхъ семинаріяхъ академія пользовалась огромнымъ авторитетомъ и каждый назначенный въ нее воспитанникъ со страхомъ ѣхалъ въ академическій городъ, тревожно размышляя о томъ, какъ онъ будетъ отдавать отчетъ въ своихъ знаніяхъ предъ собраніемъ учителей самихъ его бывшихъ учителей и какое достоинство будутъ имѣть его знанія и способности, дававшія ему въ своей семинаріи первенство, на новомъ поприщѣ науки, въ средѣ новыхъ товарищей, составляющихъ цвѣтъ духовнаго юношества уже не одной, а многихъ семинарій. Попавши въ самыя стѣны академіи, онъ чувствовалъ себя сначала крайне дико и переживалъ весьма тяжелые дни тревогъ и сомнѣній до самаго пріема своего въ число студентовъ. Воротиться изъ академіи вспять непринятымъ было страшнымъ позоромъ для всего семинарскаго курса, къ которому онъ принадлежалъ, для всей даже его семинаріи; а ему самому лично совѣстно было бы показать глаза на своей родинѣ и передъ товарищами, и предъ родными, и предъ своимъ семинарскимъ, да и епархіальнымъ начальствомъ. Гнѣвъ послѣдняго за посрамленіе семинаріи могъ дурно отозваться даже на епархіальной карьерѣ неудачливаго молодаго человѣка. Приготовленіе къ пріемному экза-

(¹) Д. 1861 г. № 3 и 1862 г. № 21.

(²) Д. 1866 г. № 63.

мену въ академіи считалось въ семинаріяхъ дѣломъ очень серьезнымъ и продолжалось долго; въ большей части семинарій начальства заранѣе, иногда за цѣлый годъ предупреждали своихъ кандидатовъ на академію и для того, чтобы дать имъ болѣе времени на приготовленіе къ ней, освобождали ихъ даже отъ нѣкоторыхъ рядовыхъ классныхъ занятій. Все время до отъѣзда они протверживали всевозможные семинарскіе учебники, читали по разнымъ наукамъ и другія, бобѣе обширныя руководства, особенно по исторіи и математикѣ, которыя сильно хромали тогда по семинаріямъ, и подготовлялись по новымъ языкамъ. Нѣкоторые ретивые и трусливые юноши занимались за это время такъ рьяно, что разстраивали свое здоровье и, выдержавъ въ академіи пріемный экзаменъ, прямо отъ экзаменаціоннаго стола отправлялись въ академическую больницу. Почти всѣ эти новобранцы пріѣзжали въ академію робкими, застѣнчивыми юношами, боявшимися каждаго своего шага, чтобы не проступиться въ чемъ нибудь, готовы были кланяться даже швейцару Киріакычу и недовѣрчиво присматривались къ каждому встрѣчавшемуся имъ лицу. Единственнымъ ободреніемъ для нихъ въ этомъ новомъ и чуждомъ для нихъ мірѣ служило всегдашнее и какое-то даже родственное вниманіе и руководительство, съ какимъ встрѣчали ихъ въ академіи земляки старшіе студенты, старавшіеся поскорѣе устроить ихъ на новомъ мѣстѣ и посвятить во всѣ таинства внутренней академической жизни. Они знакомили новичковъ съ характерами начальниковъ и наставниковъ, предупреждали, какъ имъ держаться съ ректоромъ и инспекторомъ, чѣмъ эти ихъ встрѣтятъ, что нужно имъ отвѣчать на тѣ или другіе вопросы, кто изъ наставниковъ объ чемъ больше любитъ спрашивать на экзаменѣ, въ какомъ духѣ должны быть отвѣты и т. д.

Такой страхъ предъ академіей сталъ ослабѣвать уже въ 1860-хъ годахъ отчасти отъ ослабленія испытательныхъ требованій отъ поступающихъ въ академію и сокращенія числа предметовъ для пріемныхъ экзаменовъ, отчасти же подъ вліяніемъ тогдашнихъ либеральныхъ вѣяній, проникавшихъ и въ семинаріи, и отъ облегченія для семинаристовъ доступа въ высшія свѣтскія заведенія, привлекавшія къ себѣ многихъ даровитыхъ духовныхъ юношей и своимъ моднымъ направленіемъ образованія, и выгодами карьеры, во всякомъ случаѣ лучшей, чѣмъ полунищенская и тяжелая карьера воспитан-

никовъ академій. Прежнее благоговѣніе къ высотѣ академическаго образованія въ семинаріяхъ быстро стало слабѣть. Встрѣчаемъ примѣры, что, проѣхавшись на казенный счетъ до Казани наприм. изъ Сибири, семинаристъ почти только затѣмъ и заявлялся въ академію, чтобы доложить, что не желаетъ въ ней учиться, а желаетъ поступить въ университетъ, въ которомъ и пріемъ студентовъ гораздо легче, да и учиться выгоднѣе.

Пріемные экзамены въ академію были дѣйствительно очень взыскательны и не легки. Они обнимали всѣ предметы семинарскаго курса, не исключая и такихъ, какъ медицина и сельское хозяйство, и производились внимательно, медленно и при довольно запугивающей и озадачивающей обстановкѣ. За исключеніемъ пріемныхъ экзаменовъ I курса, растянувшихся по извѣстнымъ уже намъ причинамъ непомѣрно долго, отъ начала сентября до конца октября, всѣ послѣдующіе пріемные экзамены постоянно производились съ 17 августа по 2—5 сентября, въ теченіе 12 — 14 экзаменаціонныхъ дней. Особенно продолжительно велись они при ректорахъ Григоріи и Парѳеніи, начинаясь съ 8 и 9 часовъ утра и продолжаясь до 2 и 3 часовъ по полудни, а въ нѣкоторые дни, кромѣ утра, производились еще и послѣ обѣда вечеромъ. Эти ректоры постоянно лично присутствовали на нихъ, пропуская только немногіе, напр. по языкамъ. Ректоръ Парѳеній казался въ свое время особенно опаснымъ экзаменаторомъ, потому что извѣстенъ былъ по своей многосторонней учености, зналъ хорошо даже математику, которую когда-то самъ преподавалъ (1). Самая процедура экзамена отдавалась обыкновенно въ руки того изъ академическихъ наставниковъ, по предмету котораго экзаменъ производился По медицинѣ и сельскому хозяйству, не имѣвшимъ въ академіи преподавателей, экзаменовалъ наставникъ физики или естественныхъ наукъ, когда эти послѣднія еще преподавались въ академіи. При экзаменаторахъ были всегда депутаты. Отмѣтки ставилъ предсѣдатель экзамена,—ректоръ или инспекторъ. Такъ какъ дневной экзаменъ рѣдко назначался по одному предмету, то изъ этихъ лицъ,—предсѣдателя, экзаменаторовъ разныхъ предметовъ и ихъ депутатовъ, составлялось не малочисленное собраніе, которое,

(1) О пріемныхъ экзаменахъ при Парѳеніи см. въ Воспоминаніяхъ А. А. Виноградова. Иркут. епарх. Вѣд. 1890 г. № 3.

разсѣвшись около экзаменаціоннаго стола и нерѣдко подсмѣиваясь надъ наивною семинарскою ученостью, сильно смущало юныхъ и робкихъ студентовъ. Первые дни экзаменовъ проходили для послѣднихъ особенно тревожно, потому что имъ неизвѣстны еще были ни экзаменаторы, ни новые товарищи. Потомъ шансы каждаго студента начинали обозначаться все яснѣе и яснѣе; болѣе успѣшные и талантливые постепенно выдѣлялись изъ среды конкуррентовъ и понемногу начинали успокоиваться. Не мало смущали экзаменующихся и тѣ не высокія отмѣтки, какія принято было ставить на этихъ экзаменахъ. Рѣдкій студентъ получалъ за свой отвѣтъ полный баллъ 5; большинство, говоря фигурально, въѣзжали въ академію на тройкахъ, а по нѣкоторымъ предметамъ, въ родѣ математики и новыхъ языковъ, въ табеляхъ экзаменовъ видимъ цѣлыя ряды единицъ и даже нолей. На экзаменѣ по математикѣ III курса изъ 39 студентовъ 29 человѣкамъ проф. Гусевъ поставилъ ноли... Но такъ это водилось, пока отмѣтки эти были, такъ сказать, домашнимъ дѣломъ самой академіи. Послѣ извѣстнаго распоряженія оберъ-прокурора отъ 26 окт. 1848 г. о представленіи списковъ и экзаменаціонныхъ отмѣтокъ высшему начальству, ниже пріемнаго балла 3 отмѣтки стали ставиться рѣдко, только тѣмъ студентамъ, которые должны были возвратиться въ свои епархіи.

Есть основанія думать, что такія отмѣтки въ спискахъ для отсылки въ Петербургъ даже переправлялись на высшія. Такъ, при ректорѣ Іоаннѣ, любившемъ попугать студентовъ своею строгостью, студенты своими глазами видѣли, какъ онъ чуть не сплошь ставилъ имъ единицы, но въ спискахъ при дѣлахъ правленія у всѣхъ встрѣчаемъ, вмѣсто того, довольно сносные баллы.

Одной изъ симпатичныхъ особенностей старыхъ пріемныхъ, да и другихъ экзаменовъ было то, что при общей оцѣнкѣ студентовъ принимались во вниманіе не столько ихъ устные отвѣты, достоинство которыхъ могло зависѣть отъ разныхъ случайностей и особенно отъ личныхъ характеровъ и состояній духа экзаменующихся, сколько отвѣты письменные, могущіе служить для такой оцѣнки сравнительно болѣе надежнымъ основаніемъ. На такіе письменные отвѣты изъ экзаменаціоннаго времени отдѣлялись особые дни. Первый курсъ, отъ нечего дѣлать до запоздавшаго тогда начала ученья, написалъ до десятка экзаменскихъ сочиненій на русскомъ и латинскомъ

языкахъ. Съ III до VII курса студенты писали по 3 сочиненія,—одно по богословію, другое по философіи, третье по словесности; одно изъ нихъ было на латинскомъ языкѣ. Писались эти сочиненія каждое въ теченіе одного утра въ одной изъ аудиторій и подъ надзоромъ кого нибудь изъ наставниковъ. Темы давались не обширныя, но непремѣнно какія нибудь замысловатыя, въ родѣ, такъ называемыхъ, возраженій стараго времени, чтобы студенты могли показать на нихъ и силу своего ума, и вмѣстѣ догадливость, находчивость.

Со времени архим. Агаѳангела, щадившаго здоровье молодыхъ людей, пріемные экзамены сдѣлались несравненно легче. Они продолжались всего часа два въ день, хотя и тоже число дней; послѣобѣденныхъ экзаменовъ при немъ вовсе не было. Отвѣты студентовъ тоже сократились до минимума,—кто что скажетъ, на томъ и спасибо. Отмѣтки ставились высокія. Едва ли не главной заботой студентовъ на этихъ экзаменахъ было понравиться ректору умѣньемъ порядочно держаться, не стоять букой, говорить ясно и весело, о чемъ старшіе студенты обязательно предупреждали новичковъ. Студенты, мало отесанные и даже просто плохо одѣтые, много проигрывали и получали низшія мѣста, имѣя даже блистательныя отмѣтки, какъ это случилось при пріемѣ VIII курса съ студентами довольно отсталой и грязной тогда нижегородской семинаріи, рѣзко отличавшимися отъ другихъ студентовъ и неумѣньемъ держаться, и своимъ грубымъ произношеніемъ на *о*, и старинными бурсацкими сюртуками до пятъ. По составленіи ректоромъ списковъ секретарь Гвоздевъ почелъ нужнымъ нарочно доложить ему, что баллы этихъ студентовъ несравненно выше данныхъ имъ въ спискѣ мѣстъ, и вызвалъ у него согласіе на нѣкоторое, хотя все-таки не полное, повышеніе бѣдныхъ бурсаковъ. Сочиненій въ его время студенты писали только два,—по богословію и философіи, одно русское, другое латинское.

При ректорѣ Іоаннѣ были такіе же короткіе экзамены. Самъ онъ являлся только на богословскіе и философскіе экзамены; по другимъ предметамъ экзамены производились наставниками подъ предсѣдательствомъ кого нибудь изъ членовъ конференціи, и всегда очень скоро, даже въ нѣсколько рукъ заразъ и съ пропусками многихъ предметовъ однородныхъ съ какими нибудь другими, напр. гомилетики съ словесностью. Требованія этихъ экзаменовъ были выражены рек-

торомъ въ особыхъ правилахъ, данныхъ имъ еще 1858 г. и объявлявшихся экзаменаторамъ предъ каждымъ изъ послѣдующихъ пріемныхъ испытаній: 1) обращать особенное вниманіе на способности, бойкость и развязность экзаменующихся; 2) спрашивать всѣхъ по всѣмъ предметамъ; 3) опредѣлять по отвѣтамъ, въ какомъ объемѣ, какимъ методомъ и насколько тщательно преподаются науки въ семинаріяхъ; 4) отмѣтки дѣлать одному предсѣдательствующему; 5) вопросы дѣлать въ предѣлахъ семинарскихъ конспектовъ наукъ (¹). Въ 1862 г. при пріемѣ XI курса къ этимъ правиламъ было присоединено еще одно новое, чтобы экзаменаторы обращали вниманіе не только на способности и успѣхи экзаменующихся, но и на образъ ихъ мысли (²). Тяжелѣе всѣхъ были богословскіе и философскіе экзамены, на которыхъ присутствовалъ самъ Іоаннъ „Старшіе студенты, писалъ одинъ вновь поступающій студентъ XI к. (1862 г.) на родину, намъ заранѣе говорили, что философскій экзаменъ не сойдетъ такъ легко, какъ прежніе. Дѣйствительно такъ и было. Нашему ректору трудно отвѣтить, какія бы руководства ты ни прочиталъ, — непремѣнно собьетъ своей безпощадной діалектикой. Я впрочемъ довольно счастливо сдалъ и этотъ экзаменъ и обязанъ этимъ ничему другому, какъ только тому, что я самъ нѣсколько угобзился въ діалектикѣ. Изъ логики ректоръ поставилъ мнѣ, кажется, 3 и еще съ лишкомъ... Впрочемъ не стыдно было получить и двойку, потому что у Іоанна было много единицъ и нолей, двойки были не у многихъ, а троекъ едва ли было три... По догматикѣ экзаменовали ректоръ съ инспекторомъ. Экзаменъ былъ такого же характера, какъ и по логикѣ съ психологіей. Но мнѣ и здѣсь посчастливилось, должно быть, на 3". Нужно замѣтить, что студентъ этотъ принятъ былъ первымъ въ своемъ курсѣ. Сочиненій при Іоаннѣ было два же, но съ 1860 г. оба на русскомъ языкѣ; писались они обыкновенно на какія нибудь современныя темы, напр.: Что такое современный прогрессъ и какъ судить объ немъ? — При ректорѣ Иннокентіи экзамены производились въ присутствіи на каждомъ двоихъ членовъ отъ конференціи. Какъ ревнитель законности, ректоръ снова возстановилъ письменные отвѣты на латинскомъ

(¹) Д. внутр. правл. 1858 г. № 67.
(²) Д. 1862 г. № 67.

языкѣ, но такъ какъ въ семинаріяхъ сочинять на этомъ языкѣ тогда уже разучились, то, вмѣсто сочиненій, студентамъ задавались только версіи или переводы на латинскій языкъ готовыхъ русскихъ статей (1).

Результаты экзаменовъ разсматривали сами ректоры, никого не спрашиваясь, и сами же съ секретарями составляли пріемные списки, принимая такимъ образомъ всю отвѣтственность за ихъ вѣрность на свою собственную проницательность. Были ректоры дѣйствительно проницательные, какъ Григорій, Парѳеній; въ воспоминаніяхъ о. Виноградова о послѣднемъ сказано: „Лучше всего проницательность его ума въ опредѣленіи студентовъ доказываетъ то, что въ нашъ курсъ, въ какомъ порядкѣ были приняты студенты въ академію, въ томъ же почти и кончили курсъ“. (2) Проницательность другихъ ректоровъ заставляла желать многихъ поправокъ; но пріемный списокъ имѣлъ все - таки весьма важное вліяніе на судьбу студентовъ, — выбиться изъ назначеннаго въ немъ мѣста во время самаго курса было уже не легко, потому что для этого нужно было заявить себя чѣмъ нибудь особеннымъ. При пріемѣ студенты раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ. Одни, получившіе вполнѣ удовлетворительные баллы, принимались въ число штатныхъ студентовъ на казенное содержаніе, — число ихъ въ курсѣ бывало больше или меньше, смотря по строгости ректора. Другіе, отъ 3 до 8 въ курсѣ, принимались въ качествѣ сомнительныхъ на казенное же содержаніе, но условно, до усмотрѣнія, — обыкновенно до первыхъ рождественскихъ экзаменовъ, а иногда и до годичныхъ предъ лѣтнимъ вакатомъ, послѣ которыхъ, какъ обнаружившіе достаточные успѣхи, они включались въ число полныхъ и несомнительныхъ студентовъ. Третьи, чаще всего волонтеры, если не успѣли попасть въ первый изъ этихъ разрядовъ, принимались въ академію на свое собственное содержаніе, за которое платили въ казну за одинъ столъ 50 р., а за столъ и одежду 100 р. въ годъ; ихъ называли вольными слушателями, но при окончаніи курса они получали обыкновенныя права кончившихъ курсъ. По числу ихъ бывало не много, человѣка 2—3, и то не черезъ всѣ 4 года курса, потому что, рано или поздно, они почти

(1) Д. 1864 г. № 75 и 1866 г. № 63.

(2) Иркутск. Епарх. Вѣдом. 1890 г. № 4 стр. 3.

всѣ зачислялись на открывавшіяся казенныя вакансіи. Наконецъ четвертые, оказавшіе на экзаменахъ слабые успѣхи или ненадежные по состоянію здоровья, которое у всѣхъ студентовъ свидѣтельствовалось академическимъ врачемъ, возвращались обратно въ свои епархіи,—своекоштные на свой счетъ, казенные на счетъ приславшихъ ихъ семинарскихъ правленій. Такихъ неудачниковъ было тоже не много, человѣка 2 — 3, рѣдко больше, и то большею частью изъ волонтеровъ, оказывавшихся всегда слабѣе присланныхъ на казенный счетъ; только при ректорѣ Іоаннѣ въ 1858 г. назадъ отослано было 8 человѣкъ. Нѣкоторые изъ такихъ обракованныхъ студентовъ поступали, съ особаго дозволенія начальства, въ число вольныхъ слушателей, но большею частью скоро и послѣ этого оставляли академію по недостатку средствъ къ содержанію на свой счетъ.

Трое волонтеровъ I курса первое же полугодіе были приняты на казенное содержаніе. Изъ 5 волонтеровъ II к. двое приняты на казенное содержаніе при поступленіи въ академію и одинъ по истеченіи года, да двое на первомъ же году вышли изъ академіи; на собственномъ содержаніи оставлено было въ этомъ курсѣ двое студентовъ изъ присланныхъ на казенный счетъ,—одинъ изъ нихъ вышелъ изъ академіи, другой принятъ на казенное содержаніе черезъ 2 года, т. е. на старшемъ курсѣ. Волонтеры III к. были приняты на казенное содержаніе всѣ, но зато на своемъ содержаніи оставлены двое изъ казенныхъ студентовъ, — оба они вскорѣ уволились изъ академіи; въ числѣ своекоштныхъ этого курса былъ и перешедшій въ него изъ кіевской академіи Ѳ. Пылаевъ, жившій на содержаніи брата о. Паисія во время всего своего курса. Въ IV к. на собственное содержаніе было принято 2, 1 волонтеръ и 1 казенный, да на особую сумму содержался упомянутый студентъ изъ евреевъ—Кузнецкій. Въ V и VI к. было только 2 своекоштныхъ студента, но къ 1854 г. изъ нихъ остался только одинъ. Волонтеры VII и VIII курсовъ были очень скоро размѣщены на казенныя вакансіи, а двое уволены. Кромѣ казеннаго содержанія, при казанской академіи не было никакихъ (постоянныхъ) стипендій, которыми могли бы воспользоваться бѣдняки; были только случайные единичные примѣры содержанія студентовъ на нѣкоторыя особыя суммы (Кузнецкій). Въ болѣе позднее время одинъ кавказскій студентъ XIII к.

Б. Гатіевъ содержался на счетъ общества распространенія христіанства на Кавказѣ, другой Н. Червлянскій—на счетъ неизвѣстнаго благотворителя; въ XIV к. Н. Стрепетовъ изъ Ставрополя содержался на стипендію преосвященнаго Іереміи, бывшаго епископа ставропольскаго. Послѣдняя стипендія назначена была собственно для кавказской семинаріи и перешла въ академію вмѣстѣ съ стипендіатомъ помимо воли преосвященнаго Іереміи; узнавъ объ ея переходѣ, преосвященный въ 1869 г. пожелалъ, чтобы она была возвращена опять въ семинарію; послѣ этого Стрепетовъ былъ принятъ на казенную вакансію (1). На своемъ содержаніи въ XIII и XIV к. училось по 2 студента, въ томъ числѣ извѣстный священникъ Люцерновъ.

О результатахъ пріемныхъ испытаній и о пріемѣ новыхъ студентовъ правленіе доносило оберъ-прокурору св. Синода для утвержденія своихъ распоряженій. Утвержденіе это рѣдко измѣняло его распоряженія, да и приходило въ Казань очень поздно, въ половинѣ перваго учебнаго полугодія, даже еще позднѣе, когда въ немъ не было уже никакой надобности; поэтому на него такъ и смотрѣли, какъ на пустую формальную проволочку. Кое-какое значеніе имѣло только утвержденіе высшею властью тѣхъ мѣръ, какія правленіе, на основаніи результатовъ пріемныхъ экзаменовъ, проектировало относительно постановки учебной части по своему округу; по утвержденіи мѣры эти публиковались по округу циркулярами внѣшняго правленія,—семинарскимъ правленіямъ рекомендовалось поднять уровень извѣстнаго класса наукъ семинарскаго курса, быть внимательнѣе къ выбору студентовъ для посылки въ академію и т. п., высказывались отъ правленія академіи одобренія или выговоры. Такъ, при пріемѣ II курса за неудачный выборъ студентовъ посланы замѣчанія семинаріямъ тамбовской, пермской и тобольской (2). При пріемѣ IV курса оказалось, что изъ Саратова присланы были два совсѣмъ больныхъ студента,—одинъ харкалъ кровью, другой былъ почти слѣпой и самъ не желалъ учиться, чтобы не потерять остатка зрѣнія. Такъ какъ это былъ уже не первый случай, что саратовская семинарія посылала въ академію больныхъ, и ей уже и прежде дѣлались замѣчанія за неблагонадежныхъ сту-

(1) Д. внутр. правл. 1866 № 63 и 1869 г. № 46.

(2) Д. внут. правл. 1844 г. № 43.

дентовъ (въ 1845 г. за студента И. Алфіонова, который вскорѣ по пріемѣ въ академію долженъ былъ выйти изъ нея по болѣзни глазъ, и въ 1846 г., когда правленіе академіи должно было воротить обратно тоже двоихъ студентовъ, присланныхъ на казенный счетъ), то правленіе рѣшило снова сдѣлать ей выговоръ съ донесеніемъ обо всемъ оберъ-прокурору; въ другія семинаріи рѣшено послать предложенія о поднятіи уровня нѣкоторыхъ, даже первостепенныхъ наукъ (риторики, философіи, св. Писанія и исторіи), по которымъ успѣхи студентовъ оказались неудовлетворительными. Высшее начальство обратило на донесеніе академическаго правленія серьезное вниманіе. Отъ 26 октября оберъ-прокуроръ св. Синода писалъ, чтобы послѣ рождественскихъ экзаменовъ правленіе всѣхъ неблагонадежныхъ студентовъ изъ принятыхъ въ академію условно уволило въ ихъ природное епархіальное вѣдомство, такъ какъ по самому достоинству академіи, какъ высшаго духовно-учебнаго заведенія, полезнѣе имѣть въ ней меньшее число воспитанниковъ, но такихъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали высшей цѣли академическаго образованія; относительно слабыхъ знаній присланныхъ вновь студентовъ было сказано, что такъ какъ это явленіе можетъ происходить или отъ слабаго наблюденія со стороны семинарскихъ начальствъ вообще за успѣхами учениковъ, или отъ того, что къ первому разряду воспитанниковъ причисляются ученики, не вполнѣ успѣвшіе и заслуживающіе этого, то, не дѣлая по сему предмету окончательнаго въ настоящее время заключенія, потребовать предварительно отъ академическихъ правленій именной списокъ всѣхъ воспитанниковъ съ показаніемъ, въ какихъ предметахъ они оказались слабыми, изъ какихъ семинарій, кто ихъ родители и какія занимаютъ мѣста по епархіальной службѣ. По собраніи этого рода свѣденій св. Синодъ отъ 11 февр. 1849 г. выдалъ окончательное опредѣленіе: а) поставить на видъ семинаріямъ казанской, саратовской, тамбовской, пензенской, симбирской и тобольской, воспитанники которыхъ оказались менѣе удовлетворительными, что представленіе въ академію столь малоуспѣшныхъ семинаристовъ высшее начальство относитъ къ незаботливости ближайшихъ семинарскихъ начальствъ о выборѣ въ составъ академическаго курса отличнѣйшихъ воспитанниковъ, или же къ недостатку должнаго со стороны ихъ и наставниковъ семинарій наблюденія за успѣхами учениковъ,

и таковое опущеніе обязанностей предоставить мѣстнымъ начальствамъ и академическому правленію принимать въ должное соображеніе при сужденіи о службѣ сихъ начальниковъ и наставниковъ; б) семинаріямъ пермской, вятской, нижегородской и астраханской, нѣкоторые воспитанники коихъ оказались менѣе неуспѣшными, сдѣлать замѣчанія; в) семинаріямъ оренбургской и иркутской объявить признательность начальства за представленіе лучшихъ противъ другихъ воспитанниковъ ([1]).

Подобные выговоры и признательности были разсылаемы по семинаріямъ и въ другіе пріемные годы: въ 1850 г. сдѣланы замѣчанія семинаріямъ тамбовской, симбирской, кавказской, иркутской и казанской, признательность объявлена семинаріи тобольской; въ 1852 г. признательность получили семинаріи нижегородская и симбирская и т. д. [2]). Особенно рѣзки были замѣчанія, посылавшіяся семинаріямъ при ректорѣ Іоаннѣ, напр. въ 1858 г. семинаріямъ казанской, тамбовской, саратовской и симбирской; лучшей въ округѣ найдена была тогда семинарія нижегородская, а худшею казанская ([3]). Объ этой послѣдней семинаріи ректоръ Іоаннъ всегда высказывалъ низкое мнѣніе. Въ 1862 г., при пріемѣ XI курса, изъ духовно-учебнаго управленія пришелъ запросъ, почему изъ казанской семинаріи вызванъ былъ только одинъ студентъ. Правленіе академіи отвѣчало на это, что въ текущемъ году въ этой семинаріи былъ очень малолюденъ курсъ, но что и вообще студенты, поступавшіе изъ нея, не отличались ни дарованіями, ни прилежаніемъ: въ 1852 г. трое казанскихъ студентовъ приняты въ числѣ сомнительныхъ, а четвертый вовсе не принятъ; изъ троихъ принятыхъ въ 1854 г. только одинъ кончилъ академію въ 1 разрядѣ; только въ 1856 г. двое приняты порядочно; въ 1858 г. одинъ вовсе не принятъ, другой принятъ въ числѣ сомнительныхъ ([4]).

Въ дѣлахъ правленія есть примѣры, что слишкомъ строгій тонъ академическихъ выговоровъ и замѣчаній возбуждалъ въ семинарскихъ начальствахъ непріятныя чувства и вызывалъ съ ихъ стороны даже попытки къ отпору. Въ 1858 г

([1]) Д. внутр. правл. 1848 г. № 45.

([2]) Д. 1850 г. № 53 и 1852 г. № 56.

([3]) Д. 1858 г. № 50.

([4]) Д. 1862 г. № 21.

академическое правленіе сдѣлало строгое замѣчаніе оренбургской семинаріи за то, что эта, вмѣсто двоихъ студентовъ, требовавшихся въ академію, прислала только одного, и потребовало немедленной присылки другаго. Правленіе семинаріи 2 сентября отвѣчало на это довольно колкой бумагой, въ которой, пародируя академическія предписанія, писало, что одного воспитанника оно послало въ академію „не по невнимательности къ исполненію предписаній высшаго начальства и не по невнимательности къ высшему образованію лучшихъ своихъ воспитанниковъ, какъ писало академическое правленіе, но въ строгую соотвѣтственность условіямъ касательно качествъ, требовавшихся отъ назначаемыхъ въ академію воспитанниковъ по предписанію академическаго же правленія отъ 19 мая 1858 г. (которое мы уже приводили) и съ благоусмотрѣнія мѣстнаго преосвященнаго“. Далѣе, выписавъ на справку самый текстъ предписанія 19 мая, правленіе семинаріи перечисляло затѣмъ первыхъ учениковъ своего выпускнаго курса съ отмѣтками, одинъ де ученикъ, согласно требованіямъ предписанія 19 мая, отличался способностями и понятливостію, но не могъ быть посланъ по состоянію здоровья, другой, будучи здоровъ и благоуспѣшенъ, не отличался требуемою предписаніемъ развязностію и быстротою соображенія и т. д., и доказывало, что больше одного послать было дѣйствительно некого; слѣдовательно, и посылка этого одного сдѣлана была не самовольно; притомъ же она допущена по благоусмотрѣнію преосвященнаго, да наконецъ семинарское правленіе на такой случай не имѣло и распоряженій со стороны высшаго начальства, которыя могли бы быть посылкой одного студента нарушены. Правленіе академіи разобидѣлось и отъ 15 октября опредѣлило послать въ оренбургскую семинарію весьма сердитое предписаніе, написанное вчернѣ самимъ ректоромъ Іоанномъ: 1) впредь семинарское начальство „должно болѣе обращать вниманія на образованіе своихъ воспитанниковъ и приложить все стараніе къ его улучшенію, дабы не оказывать не къ чести своего заведенія, что изъ 40 окончившихъ курсъ не можетъ имѣть 2 воспитанниковъ, годныхъ для академіи... 2) Такъ какъ лучшіе воспитанники семинаріи оканчиваютъ курсъ съ разстроеннымъ здоровьемъ, то семинарское начальство должно было обращать болѣе вниманія и заботливости на состояніе здоровья воспитанниковъ, и это тѣмъ болѣе нужно вмѣнить семинарскому начальству, что и по ревизіи, бывшей въ 1856 г., медицинская часть найдена въ ней весьма не удовлетвори-

тельною; 3) въ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію высшаго начальства, семинарское начальство не должно ограничиваться благоусмотрѣніемъ мѣстнаго преосвященнаго, но, предварительно представляя дѣло на его согласіе, представлять далѣе на усмотрѣніе высшей училищной власти и не прежде ея рѣшенія приводить въ исполненіе свои мнѣнія, особенно когда дѣло идетъ объ исполненіи положительныхъ предписаній этой власти; равно не должно употреблять въ оффиціальныхъ дѣлахъ выраженій неопредѣленныхъ къ объясненію своихъ распоряженій и уставомъ не допускаемыхъ, каково выраженіе въ настоящемъ дѣлѣ, что семинарское правленіе не исполнило академическаго предписанія съ благоусмотрѣнія преосвященнаго; должно писать: съ согласія или по предложенію; 4) съ другой стороны не должно ожидать особыхъ непосредственныхъ предписаній высшаго начальства тамъ, гдѣ дѣло объясняется само собой или не требуетъ новыхъ правилъ (какъ то въ настоящемъ дѣлѣ само собою разумѣется, что отступленіе отъ предписанія академическаго правленія возможно было допустить не иначе, какъ по предварительномъ представленіи о томъ академическому правленію, не ссылаясь на недостатокъ особыхъ на то правилъ), дабы иначе не обнаружить собственнаго непониманія дѣлъ или неспособности къ ихъ управленію; 5) никакъ не должно осмѣливаться входить въ неумѣстныя объясненія съ академическимъ правленіемъ, направленныя къ опроверженію его замѣчаній, которыхъ не умѣли предупредить своевременными благоразумными распоряженіями, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строжайшей отвѣтственности не только за нераспорядительность, но и за духъ противленія высшей власти". Въ томъ же году сдѣлано такое же внушеніе иркутскому семинарскому правленію за присылку тоже одного студента вмѣсто двоихъ. Семинарское правленіе оправдывалось тѣмъ, что другой студентъ оказался слабъ въ математикѣ, русской исторіи и монгольскомъ языкѣ. Правленіе академіи отвѣчало на это, что перечисленные предметы „второстепеннаго рода", а монгольскій языкъ даже „не имѣетъ въ академіи особенной важности", и распорядилось, чтобы студентъ непремѣнно былъ высланъ. Онъ уже самъ отказался ѣхать по болѣзни ([1]).

([1]) Д. внѣшн. правл. 1858 г. № 72.

Послѣ ректора Іоанна такіе выговоры прекратились. Настали другія времена, когда особенно взыскательныя требованія со стороны академій сдѣлались неумѣстными. Съ одной стороны крайняя бѣдность службы по духовно-учебному вѣдомству, которая дѣлала тяжелое приготовленіе къ ней въ академіи вовсе не лестнымъ для духовной молодежи, съ другой—открытый съ 1863 г. и легкій пріемъ воспитанниковъ семинарій въ университеты, которые манили къ себѣ семинаристовъ и большей свободой жизни, и болѣе занимательной и легкой тогда наукой, и лучшей карьерой, произвели то, что лучшіе, т. е. болѣе энергичные, талантливые и предпріимчивые семинаристы во множествѣ устремились вонъ изъ духовнаго званія въ университеты, и академіи поставлены были въ необходимость принимать къ себѣ и не самыхъ лучшихъ студентовъ, занимавшихъ въ своихъ семинаріяхъ даже очень невысокія мѣста въ первомъ разрядѣ. Это обстоятельство было тогда предметомъ большихъ огорченій для всѣхъ духовныхъ начальствъ, заботившихся о благѣ академическаго образованія, такъ какъ, не смотря на то, что между студентами академій въ каждомъ курсѣ все еще продолжали являться замѣчательные таланты и труженики науки, общій уровень талантливости и образованія въ академіяхъ сталъ замѣтно понижаться.

II. ЖИЗНЬ СТУДЕНТОВЪ СЪ НРАВСТВЕННОЙ СТОРОНЫ.

Составъ студенческаго общежитія представлялъ собою довольно пеструю картину. Вслѣдствіе огромнаго протяженія казанскаго округа, въ каждомъ академическомъ курсѣ соединялись молодые люди изъ разныхъ концевъ восточной и юго-восточной Россіи и даже иногда разныхъ народностей, съ разными говорами, обличіями, нравственными свойствами и направленіемъ образованія, хотя послѣднее по-видимому было одно и тоже во всѣхъ семинаріяхъ. Тутъ были и забитые, но работящіе питомцы семинарскихъ бурсъ внутреннихъ епархій, —Нижегородской, Тамбовской, Пензенской,—представители тогдашней бѣдноты и низменной постановки многолюднаго духовенства этихъ краевъ, и дѣти болѣе богатыхъ духовныхъ лицъ епархій южнаго поволжья, и добродушные вятичи съ ихъ своеобразнымъ пѣвучимъ говоромъ, большею частію люди

тоже состоятельные и чистенько воспитанные, и грубоватые питомцы пьянаго заводскаго приуралья, и сибиряки,—большею частію независимыя дѣти природы полубурятскаго типа, прямые по характеру, рѣшительные и замѣчательно даровитые, и горячіе сыны прикавказья, нѣкоторые даже инородческаго кавказскаго происхожденія, не совсѣмъ чисто говорившіе по-русски, рѣдко уживавшіеся съ своими русскими товарищами, готовые раздражаться изъ-за каждой шутки до того, что, того и гляди, схватятся „за ножи́ки"; въ послѣднее время попадали въ академію даже питомцы западнаго края Россіи, тоже рѣдко подходившіе по характеру къ направленію студенческой братіи восточнаго края.

Сначала вся эта братія держалась немного врозь, ограничивая свои товарищескія отношенія только тѣсными земляческими кружками. Землячество имѣло громадное значеніе въ первоначальной жизни новыхъ студентовъ. Старшіе земляки были во всемъ руководителями младшихъ. Они принимали послѣднихъ въ академіи по пріѣздѣ, знакомили со всѣми ея входами и выходами, нравами, порядками, личностями, руководили ихъ въ городѣ при покупкахъ нужныхъ предметовъ, рекомендовали въ свои знакомые дома, большею частію тоже къ землякамъ, служившимъ и жившимъ въ Казани. Значеніе землячества не пропадало потомъ въ теченіе всего академическаго курса: земляки часто вмѣстѣ занимались, дѣлились между собою извѣстіями съ родины, братски помогали одинъ другому въ нуждахъ, дѣлясь съ бѣдняками совершенно породственному послѣднимъ стаканомъ чая и щепотью табаку. Въ столовой комнатѣ за чаемъ они такъ и помѣщались обыкновенно вмѣстѣ. По истеченіи непродолжительнаго времени послѣ поступленія въ академію общеніе студентовъ между собою расширялось и развивалось до широкаго товарищескаго союза цѣлаго курса. Общіе интересы, занятія, радости и огорченія, постоянное сожительство и взаимное сообщеніе съ утра до вечера каждый день быстро сплачивали молодую компанію и формировали среди нея такое крѣпкое товарищество, какое едва ли можно было встрѣтить въ какомъ нибудь другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, кромѣ академій. Нѣкоторая отдаленность, отношенія на *Вы* оставались только между старшимъ и младшимъ курсами; но въ общихъ студенческихъ дѣлахъ и увеселеніяхъ въ тѣсный товарищескій союзъ соединялись между собою и разные курсы. Новое ака-

демическое товарищество скоро заслоняло собою старое семинарское. Въ первое время пребыванія въ академіи студенты поддерживали живую переписку съ семинарскими друзьями, описывая имъ академію и свои первыя впечатлѣнія отъ ея жизни; но потомъ эта переписка все болѣе и болѣе тощала и даже на первомъ же году прекращалась вовсе. Семинарская жизнь уходила назадъ, въ область смутныхъ, какихъ-то дѣтскихъ и во многихъ отношеніяхъ даже печальныхъ воспоминаній, особенно у студентовъ до 1860-хъ годовъ, которымъ дѣйствительно приходилось не всегда добромъ вспоминать свои семинаріи съ ихъ тогдашними грубыми нравами и скудной, полуголодной жизнью.

Насколько можно судить по письмамъ новыхъ студентовъ на родину, академическая обстановка производила на нихъ сильное и пріятное впечатлѣніе. Въ письмахъ этихъ восхваляется чистота академическихъ зданій, предъ началомъ учебныхъ курсовъ обыкновенно подвергавшихся ремонту, удобство помѣщеній для занятій и дортуаровъ, качества стола, товарищескія отношенія и даже отношенія къ начальству. Въ одномъ письмѣ конца 1850-хъ годовъ студента, пріѣхавшаго изъ нижегородской семинаріи, разсказывается, какъ онъ съ своими земляками, попавши за академическій столъ, на первый разъ не зналъ, какъ и взяться за непривычныя кушанья, и, чтобы не попасть впросакъ, на всякій случай ни къ чему не притрогивался изъ подаваемаго, сказавшись сытымъ, и только присматривался, какъ ѣдятъ старшіе студенты. Даже въ началѣ 1860-хъ годовъ были еще семинаріи, въ которыхъ воспитанники не имѣли и понятія объ особыхъ приборахъ за столомъ, кушали неизмѣнныя щи и кашу собственными деревянными ложками прямо изъ общей миски, подававшейся на 6 человѣкъ, и вмѣсто тарелокъ знали только деревянные кружки для склада объѣдковъ. Первымъ дѣломъ питомцевъ такихъ семинарій въ академіи было дѣйствительно выучиться ѣсть, какъ ѣдятъ порядочные люди; этому же искусству на первыхъ порахъ старались выучить ихъ прежде всего и нѣкоторые представители академической инспекціи. Въ отношеніяхъ къ студентамъ начальства новичковъ того времени поражала невиданная ими деликатность тона и вѣжливость въ самыхъ выговорахъ. Поступавшаго въ академію питомца старыхъ семинарскихъ бурсъ сразу окружала непривычная ему атмосфера какой-то общей порядочности, полная уваженія къ

его студенческому достоинству, на каждомъ шагу напоминавшая ему о самоуваженіи и воспитаніи въ себѣ благородныхъ чувствъ и поступковъ. Переходъ изъ семинаріи въ академію составлялъ поэтому въ жизни каждаго изъ ея питомцевъ весьма крупную и незабвенную эпоху, можно сказать, перваго пробужденія начатковъ благороднаго самосознанія. Во взаимныхъ отношеніяхъ студентовъ, при всей прямотѣ и беззастѣнчивой откровенности болѣе близкихъ между собою друзей, господствовали тѣже черты благородства и деликатности, невольно бросавшіяся въ глаза всякому новичку послѣ большею частью грубой тогда постановки товарищескихъ отношеній въ семинаріяхъ; черты эти тоже постоянно отмѣчаются въ письмахъ новыхъ студентовъ на родину, какъ нѣчто новое для нихъ и весьма утѣшительное. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь выдержку изъ рукописнаго дневника студента XIII курса А. Л. Крылова. „И занятія, и дѣла, и переписка—все было у всѣхъ на глазахъ. Секретовъ не было у насъ почти никакихъ. Что особенно мнѣ нравилось, такъ это то, что никто не навязывался къ другому съ излишнимъ любопытствомъ, не любили интересоваться назойливо, кто чѣмъ занимается, кто что пишетъ и т. п. Письма могли цѣлую недѣлю пролежать и никто ихъ не смотрѣлъ. На начатое письмо достаточно было положить ножичекъ, чтобы никто не подошелъ къ нему; никто бы не полюбопытствовалъ посмотрѣть на книгу, которую читаешь. Вообще чувство порядочности было въ высшей степени развито. Въ отношеніяхъ другъ къ другу проглядывало много чертъ благородства и деликатности довольно тонкой, хотя всѣ мы были изъ простой среды. Чувство студенческаго самолюбія было развито въ высшей степени“. Нельзя не замѣтить, что авторъ учился въ академіи уже подъ конецъ 1860-хъ годовъ, когда студенческая жизнь прошла чрезъ цѣлую полосу огрубляющихъ вліяній начала этого десятилѣтія и когда въ ней уже много утекло живой воды прежняго студенческаго идеализма, сильно поколебались и прежнія крѣпкія связи студенческаго товарищества.

Товарищество это дѣлало старое студенчество такой крѣпкой и единодушной корпораціей, какую студенты нашего времени едвали могутъ себѣ и представить. Общее студенческое дѣло было святыней, измѣнить которой было почти немыслимо. Какъ-то самъ собой составился цѣлый кодексъ пра-

вилъ, какъ порядочный студентъ долженъ держать себя въ разныхъ случаяхъ своей немногосложной студенческой жизни, кодексъ совершенно независимый отъ оффиціальныхъ инструкцій и соблюдавшійся очень крѣпко. Но замѣчательно, что въ жизни студенческаго общежитія при этомъ вовсе не замѣтно было насилія для личностей, кружковскаго деспотизма. Были горячіе споры изъ-за несогласія во взглядахъ, вышучиванія своеобразныхъ людей, но для каждой личности былъ полный просторъ развиваться по-своему. Своеобразіе не лишало личность ея общаго полноправія среди студенчества, только бы личность эта не отшатывалась отъ общаго студенческаго дѣла изъ-за своихъ личныхъ, своекорыстныхъ интересовъ. Каждый вѣроятно курсъ можетъ припомнить краснорѣчивые факты, ка́къ проявляло себя студенческое товарищество даже въ матеріальной поддержкѣ разныхъ бѣдняковъ, не смотря на то, что и само было далеко не богато средствами. Въ каждомъ курсѣ всегда было по нѣскольку неимущихъ студентовъ, которымъ не на что было напиться даже чаю въ какой нибудь праздникъ. Товарищи, и сами немногимъ богаче ихъ, получавшіе скудныя деньги отъ родныхъ или сами добывавшіе по нѣскольку десятковъ рублей въ годъ напр. письмоводительскимъ трудомъ въ правленіи, охотно дѣлились съ этими бѣдняками всѣмъ, что̀ случалось въ рукахъ, не ожидая за это никакой расплаты и дѣлая это съ такимъ радушіемъ и деликатностью, что принимать подобныя благодѣянія становилось не стѣснительнымъ даже для очень щекотливой совѣстливости. Такую матеріальную поддержку другъ другу особенно часто оказывали студенты-земляки, которые обыкновенно вели между собою общее чайное и табачное хозяйство и спутывали при этомъ всѣ свои доходы въ одну общую кассу. На студенческихъ пирушкахъ, дѣлавшихся на общій счетъ, студентъ-бѣднякъ былъ общимъ гостемъ и могъ быть сытъ и пьянъ, если это требовалось, на совершенно равныхъ правахъ со всѣми. Товарищескія отношенія не оканчивались между питомцами академіи даже и по выходѣ изъ академіи; они встрѣчались и встрѣчаются между собою совершенно по-студенчески, какъ бы ни много лѣтъ не видались между собою и какая бы разность положеній ни образовалась между ними въ долгіе годы ихъ службы.

Обращаясь къ болѣе частнымъ подробностямъ въ направленіи нравственной жизни академическаго студенчества, не

можемъ не замѣтить, что жизнь эта, какъ жизнь воспитанниковъ вообще всякаго закрытаго заведенія, прежде всего опредѣлялась характеромъ и силою господствовавшей въ ней въ то или другое время дисциплины, а потомъ проникавшими въ нее внѣшними вліяніями и общимъ духомъ времени. Въ теченіе описываемыхъ 28 лѣтъ академической исторіи до 1870 г. жизнь эта успѣла пройти нѣсколько фазисовъ своего развитія, сохраняя однако неизмѣннымъ свое благородное общее направленіе. Бывали въ ней конечно и печальныя исключенія, въ 1860-хъ годахъ даже не мало, но гдѣ же ихъ не бываетъ? Общая репутація студентовъ академіи стояла всегда высоко среди городскаго общества, какъ солидныхъ, благородно-скромныхъ и дисциплинированныхъ молодыхъ людей; репутацію эту они сохраняли за собой даже въ концѣ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ,—въ печальное время студенческихъ волненій и безпорядковъ въ университетѣ. Въ простомъ народѣ академики тоже были извѣстны своею скромностью и деликатностью подъ именемъ студентовъ съ Арскаго поля въ отличіе отъ университетскихъ. Даже бывавшіе между ними случаи молодаго веселья и разгула имѣли такой характеръ, что объ нихъ не стыдно, а даже пріятно бываетъ вспомнить подъ часъ вѣроятно самымъ почтеннымъ теперь питомцамъ старой академіи. Это было только одно въ собственномъ смыслѣ: Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus, на что большею частію снисходительно смотрѣло даже само монашеское начальство академіи.

Первые два года существованія академіи въ Спасскомъ монастырѣ студенческая жизнь отличалась замѣчательной свободой отъ дисциплинарныхъ стѣсненій. „Въ Спасскомъ монастырѣ, говорится въ Воспоминаніяхъ Н. И. Ильминскаго о Бобровниковѣ, жили мы два года, какъ говорится, спустя рукава. Первые наши начальники были люди добрые, благодушные, оставили студентовъ безъ всякаго надзора. Въ классы мы ходили вообще не усердно. А на языки, особенно на греческій, почти всегда являлся одинъ, либо двое, по очереди. Языки преподавались послѣ обѣда и студенты, кто былъ посолиднѣе, ложились въ это время спать, а иные уходили на прогулку до чая. Поутру одинъ ревнитель ученія, малороссъ (Грековъ), который за свое усердіе поплатился жизнью, вставалъ аккуратно въ 4 часа, другіе—кто въ 7, кто въ 8. Бобровниковъ вставалъ слишкомъ въ 9 и на первую лекцію почти

никогда не могъ поспѣть. Лѣтомъ онъ спалъ иногда въ саду подъ березкой подъ самыми окнами ректора и тоже вставалъ поздно“. Общихъ молитвъ утромъ и вечеромъ не было заведено; молился, кто когда зналъ и какъ умѣлъ. Отлучки изъ общежитія были совершенно свободныя. Студенческія помѣщенія находились прямо противъ оконъ ректорской и инспекторской квартиръ и болѣе наблюдательное начальство могло бы обозрѣвать ихъ насквозь; но первые начальники не мѣшали студентамъ своими наблюденіями; на всякій впрочемъ случай студенты затыкали иногда, когда было нужно, свои маленькія окна подушками. Посѣщенія инспектора были рѣдкостью, а ректоръ и вовсе никогда не показывался. Начальство вполнѣ довѣряло студентамъ и не вмѣшивалось въ ихъ дѣла. Только однажды въ 1843 г. успѣлъ немного пристрожить ихъ проф. Гусевъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ временнаго своего инспекторства, заставилъ ихъ ходить даже на греческій классъ; обойдя разъ послѣ обѣда всѣ мѣста ихъ убѣжищъ, и подъ березками, гдѣ они спали, и между зубцовъ городской стѣны, примыкавшей къ монастырю, гдѣ они укрывались съ книгами, онъ всѣхъ, кого нашелъ, повыслалъ въ классъ, такъ что бакк. Минервинъ даже испугался небывалаго нашествія слушателей въ свой обыкновенно пустой классъ. Но потомъ все опять пошло по-прежнему. Въ преданіяхъ ближайшихъ курсовъ, жившихъ уже подъ строгою дисциплиною, время этихъ первыхъ двухъ лѣтъ академіи рисовалось чѣмъ-то въ родѣ золотаго вѣка студенческой свободы и было предметомъ разсказовъ на тему: „Вотъ какъ жили при Аскольдѣ“. Но ничего особенно предосудительнаго не представляютъ въ бездисциплинной жизни студенчества и эти разсказы, даже при всѣхъ свойственныхъ подобнымъ разсказамъ прикрасахъ и преувеличеніяхъ. Они рисуютъ передъ нами только рядъ игривыхъ, веселыхъ сценъ изъ жизни талантливой молодежи и разныхъ проказъ совершенно невиннаго характера, свойственныхъ всякой молодой и здоровой компаніи, да и вращаются около немногихъ личностей, выдававшихся въ курсѣ остроуміемъ, веселостью и др. качествами, которыя дѣлали ихъ центромъ студенческихъ кружковъ.

Чаще всего въ этихъ разсказахъ фигурируетъ имя студента А. А. Бобровникова, который, по своему тонкому юмору и изобрѣтательности, былъ настоящею душой I курса. Въ

своихъ Воспоминаніяхъ объ немъ ([1]) Н. И. Ильминскій рисуетъ живой образъ этого талантливаго человѣка во дни его студенчества. Никто лучше его не могъ занять молодую компанію остроуміемъ, веселостью разсказовъ, мѣткими характеристиками товарищей и профессоровъ и разными комическими выходками. Его остроты и выходки долго передавались даже между студентами послѣдующихъ курсовъ, напр. какъ онъ передразнивалъ профессоровъ, читалъ уморительный курсъ пузыристики,—пародію на курсы архим. Серафима и Фотія, какъ однажды создалъ цѣлую легенду, въ формѣ собственнаго видѣнія большаго выхода у сатаны (въ подражаніе извѣстному сочиненію бар. Брамбеуса), объ ископаемомъ бѣсѣ, о томъ, какъ этого бѣса еще въ I вѣкѣ закрестилъ въ кувшинѣ одинъ помпейскій подвижникъ, какъ онъ былъ потомъ вмѣстѣ съ кувшиномъ засыпанъ пепломъ Везувія и находился подъ землей до послѣднихъ раскопокъ Помпеи, затѣмъ освободился оттуда, явился прямо на большой выходъ его мерзѣйшей мрачности и привелъ послѣдняго въ страшное затрудненіе, какое бы дѣло дать такому отсталому чиновнику ада послѣ стольких вѣковъ безвѣстнаго отсутствія его изъ земной жизни, и какъ наконецъ, послѣ долгихъ думъ, сатана послалъ его служить въ правленіе новорожденной казанской академіи. Однажды Бобровниковъ проявилъ даже сценическій талантъ. „Отъ нечего дѣлать, разсказывается въ указанныхъ Воспоминаніяхъ, намъ пришла мысль разыграть небольшую комедію. Одинъ студентъ на память изложилъ какую-то комическую сцену, какъ дурачекъ Гурушка пришелъ съ своимъ родителемъ сватать невѣсту. Роль неприступной невѣсты разыгрывалъ я. Бобровниковъ сдѣлалъ мнѣ изъ листа бумаги шляпку. А самъ онъ исполнялъ роль Гурушки и, надо по справедливости сказать, весьма натурально выдѣлывалъ дурацкія гримасы. Ролью Гурушки онъ и послѣ зачастую потѣшалъ товарищей, и это имя надолго упрочилось за нимъ. Онъ часто потѣшалъ товарищей на свой счетъ выходками, на которыя не всякій бы рѣшился". Обладая здоровой и подвижной натурой, онъ пускался даже на нѣкотораго рода спортсменскія выходки, въ родѣ напр. упомянутой нами въ его біографіи храброй выпляски на дождѣ по лужамъ передъ окнами студентовъ, которая такъ дорого стоила его доброму здоровью, или одного

([1]) Учен. Записки каз. унив. 1865 г. стр. 421. 422...

тоже рискованнаго salto mortale на призъ черезъ нѣсколько табуретокъ и поставленный на нихъ коробъ студенческаго булочника Александра Иваныча; это salto mortale кончилось благополучно выигрышемъ всего содержимаго въ коробѣ, которое тутъ же и было роздано студентамъ и съѣдено ими въ честь Бобровникова.

Драматическая шалость студентовъ послѣ представленія женитьбы Гурушки повторилась и еще. Въ одинъ веселый вечеръ студенты разыграли собственную историко-драматическую импровизацію о жрецѣ Богумилѣ. Заглавную роль игралъ студ. М. Бобровскій, создавшій и сцены о Гурушкѣ. Его вырядили въ одѣяла и простыни, ввели со славою въ комнату, изображавшую сцену, и посадили на верху нѣсколькихъ табуретовъ, откуда онъ долженъ былъ прорицать волю боговъ. Обличивъ крѣпко-на-крѣпко всю окружавшую компанію за нечестіе, онъ потребовалъ отъ имени боговъ въ жертву упитанное теля. По моленію всѣхъ, тутъ же указано было и это теля,—кроткій и толстенькій студентъ И. П. Гвоздевъ, надъ которымъ часто потѣшались товарищи. Какъ приносили его въ жертву, уже не извѣстно. Имя этого студента Бобровскаго тоже часто встрѣчается въ разсказахъ о I курсѣ; это былъ представитель джентльменства въ курсѣ. Сынъ бѣднаго сельскаго дьячка, онъ какъ-то съумѣлъ быть или казаться богаче всѣхъ студентовъ, держался франтомъ, завелъ разныя знакомства между казанскими дворянами и постоянно вращался въ свѣтскомъ обществѣ. Студенты обучались у него искусству воспроизведенія французской кадрили. Уклоняясь отъ всякихъ требованій дисциплины, какая и была, онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ академіи, разъѣзжая по деревнямъ знакомыхъ помѣщиковъ, напр. на охоту. Даже въ самой академіи онъ вздумалъ было жить въ особомъ помѣщеніи, которое и устроилъ себѣ изъ досокъ на чердакѣ студенческаго корпуса. Уже проф. Гусевъ во время исправленія должности инспектора выжилъ его оттуда и водворилъ на мѣсто постояннаго жительства. Тяжело ему пришлось потомъ при ректорѣ Григоріи, который, вооружившись противъ его частыхъ самовольныхъ отлучекъ, иногда на цѣлые мѣсяцы вовсе лишалъ его права выхода изъ академіи.

Былъ въ I курсѣ свой поэтъ и художникъ-каррикатуристъ, пензенскій студентъ М. Ушенскій, о нѣкоторыхъ произведеніяхъ котораго мы уже упоминали, авторъ поэтической

жалобы студенческаго желудка на голову; были и другіе артисты. Были конечно люди и съ грубыми наклонностями, любившіе подъ часъ и выпить, но такихъ было мало. Въ документахъ инспекціи встрѣчаемъ лишь ограниченное число замѣтокъ относительно этого порока, хотя онъ былъ сильно распространенъ тогда во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ старшихъ классахъ даже среднихъ заведеній. Въ этомъ отношеніи въ преданіяхъ I курса памятно особенно одно имя студента—тамбовца Ѳ. Флорина, при ректорѣ Григоріи уволеннаго изъ академіи. Это былъ, кажется, самый богатый студентъ въ курсѣ, достаточно избалованный и постоянно высказывавшій недовольство академическимъ содержаніемъ. Деньги у него водились всегда; во время самаго студенчества онъ получилъ наслѣдство, простиравшееся цѣнностію до 15000 р. ассигн. Держался онъ весьма независимо съ самаго поступленія въ академію. Современники разсказываютъ, какъ поразилъ онъ всѣхъ студентовъ своей смѣлостью при первомъ же своемъ появленіи между ними, когда они только лишь собрались въ академическія помѣщенія и робко озирались кругомъ, труся всѣхъ и каждаго; храбро сбросивъ свой чемоданъ, онъ прямо заявилъ: „Нѣтъ ли кого тутъ послать за водкой?“ и сразу завоевалъ себѣ этимъ уваженіе всѣхъ служителей. Разсказы объ его похожденіяхъ впрочемъ тоже больше комическаго, чѣмъ грязнаго характера, напр. разсказъ о томъ, какъ онъ восчувствовалъ однажды печаль о своемъ покойномъ родителѣ и вздумалъ устроить ему поминки, на которые и пригласилъ всѣхъ своихъ товарищей. Инспекторъ Серафимъ чуть было не накрылъ поминавшихъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего, вопреки всѣмъ своимъ обычаямъ, явившись въ студенческій корпусъ, но, къ счастію ихъ, не дошелъ до той комнаты, гдѣ были поминальныя принадлежности, и воротился назадъ.

Общее настроеніе нравственной жизни студентовъ все-таки вполнѣ оправдывало довѣріе къ нимъ начальства. На актѣ 1844 г. секретарь конференціи проф. Гусевъ рѣшительно заявлялъ передъ публикой, что „напрасенъ будетъ трудъ того, кто захотѣлъ бы отыскать въ жизни студентовъ такіе поступки, которые могли бы изобличать ихъ въ уклоненіи отъ правилъ нравственности“. Примѣры рекомендацій инспектора Серафима Аретинскаго мы уже приводили. Между ними встрѣчаемъ указанія и на такія проявленія христіанскаго благочестія и доброй нравственности, которыя отзываются даже аскетиче-

скимъ характеромъ. Въ одномъ письмѣ ректора Григорія къ преосвященному Иннокентію отъ 4 апрѣля 1844 г. (1) мы имѣемъ очень лестный и особенно компетентный отзывъ о студентахъ I курса, отъ такого человѣка, который вообще былъ не щедръ на похвалы и высказывалъ въ то время даже значительное недовольство общимъ состояніемъ казанской академіи. „Студенты, писалъ онъ, есть съ талантами очень хорошими. Правда, значимость перваго курса казанскаго не дойдетъ близко къ талантливости перваго курса кіевскаго, доселѣ единственнаго и въ отношеніи къ прочимъ. Но есть довольно такихъ, на которыхъ можно, не краснѣя, указать, какъ на перворазрядныхъ. А еще извѣстнѣе то, что между воспитанниками нѣтъ ни одного, о которомъ слѣдовало бы сказать, что онъ не годится носить имя (студента) академіи".

Съ поступленіемъ въ ректоры архим. Григорія въ жизнь студентовъ стали вводиться строгіе дисциплинарные порядки и прежней свободѣ ея положенъ былъ конецъ. Послѣ перехода академіи въ 1844 г. въ домъ Мельниковыхъ, гдѣ было болѣе возможности къ правильному устройству студенческаго общежитія, чѣмъ въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ Спасскаго монастыря, ректоръ принялъ самыя энергичныя мѣры къ водворенію дисциплины. Самою первою изъ этихъ мѣръ было его распоряженіе 4 августа, направленное противъ свободнаго выхода студентовъ изъ академіи даже во время классовъ подъ предлогомъ полученія или отсылки корреспонденціи; обязанность быть посредникомъ этой корреспонденціи возложена была на правленскаго служителя (2). Потомъ вскорѣ отлучки студентовъ изъ академіи были вовсе запрещены безъ записи въ отпускной журналъ и безъ особыхъ билетовъ, которыхъ въ ту же осень напечатано было до 2600 (3). Затѣмъ устроенъ былъ строгій надзоръ надъ жизнью студентовъ въ стѣнахъ самой академіи. Въ первые годы своего управленія академіей ректоръ держался въ отношеніи къ студентамъ особенно грозно и настойчиво, донимая ихъ своими выговорами, наблюдая лично за каждой мелочью ихъ жизни и подвергая ихъ разнымъ школьнымъ наказаніямъ. Наказаніями служили, послѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ выговоровъ, голодный столъ

(1) Прав. Собесѣдн. 1889 г. янв. стр. 130. Сравн. стр. 125.
(2) Д. 1844 г. № 24. Сравн. 1854 г. № 53.
(3) Д. 1844 г. № 62.

за обѣдомъ или ужиномъ, унизительное сажаніе виновнаго на особомъ мѣстѣ въ столовой, на концѣ столовъ, лишеніе отпуска въ праздники, поклоны, даже стояніе на колѣнахъ на молитвѣ въ собраніи студентовъ; наказанія эти разнообразились продолжительностію сроковъ, на какіе налагались. Затѣмъ слѣдовало формальное донесеніе о проступкѣ правленію и архіерею, запись въ книгу поведенія, что̀ имѣло вліяніе уже на окончаніе курса студентомъ, наконецъ исключеніе изъ академіи. Но это послѣднее наказаніе всегда смягчалось дозволеніемъ виновному выйти изъ академіи по собственному прошенію, мотивированному обыкновенно болѣзнью или семейными обстоятельствами, чтобы не повредить дальнѣйшей судьбѣ увольняемаго молодаго человѣка.

Первому курсу тяжело пришлось привыкать къ новымъ порядкамъ, и разные его студенты, даже изъ лучшихъ, постоянно попадались ректору. Но ректоръ Григорій въ отношеніи къ нимъ большею частію ограничивался только грозными выговорами и сажаніемъ за особо важныя вины за голодный столъ, да лишеніемъ старшихъ ихъ должностей. Одного студ. Ѳаворскаго онъ посадилъ за голодный столъ на 4 дня за крупную ссору въ нетрезвомъ видѣ съ студентомъ младшаго курса Кедровымъ и уволилъ отъ пѣнія въ церкви, „по коему, писалъ ректоръ въ журналѣ, онъ почиталъ себя въ необходимости пить крѣпкій портеръ“. Только одинъ студентъ этого курса былъ исключенъ изъ академіи; это былъ студ. Флоринъ, оказавшійся однажды весьма неспокойнымъ во хмѣлю. —За вновь поступившій въ академію второй курсъ ректоръ взялся строже. Какъ нарочно, въ составъ этого курса поступило особенно много студентовъ слабыхъ и по ученію, и по поведенію. Въ первый же $18^{44}/_{45}$ учебный годъ изъ него уволено было 6 человѣкъ, но и послѣ такого сильнаго его очищенія въ немъ все еще довольно осталось грубыхъ питомцевъ старыхъ семинарскихъ бурсъ, съ которыми много было хлопотъ всѣмъ ревнителямъ школьнаго благоповеденія. Замѣчанія ректора относительно этого курса на журналахъ носятъ чрезвычайно рѣзкій характеръ. Инспекторъ назначитъ попавшемуся напр. голодный столъ на цѣлый день, а ректоръ напишетъ на журналѣ еще отъ себя: „Прибавить два дня этому негодяю“. Замѣчательно, что въ разныхъ крупныхъ винахъ, въ родѣ самовольныхъ отлучекъ и нетрезвости, попадались студенты большею частію лучшіе по дарованіямъ, которыхъ было

жаль исключать; нѣкоторые изъ нихъ все-таки такъ и погибли, при всемъ сожалѣніи къ нимъ начальства. Первыя мѣста въ спискѣ занимали студенты Стратилатовъ и Подаринъ, постоянно попадавшіеся въ нетрезвости. Первый изъ нихъ, послѣ многихъ замѣчаній, голодныхъ столовъ и донесеній по правленію, успѣлъ еще протянуть кое-какъ всѣ 4 года курса и кончилъ въ числѣ послѣднихъ кандидатовъ; но второй проучился только два года и былъ уволенъ, какъ человѣкъ совершенно невозможный въ академіи [1],—послѣ онъ оказался невозможенъ даже на гражданской службѣ и гдѣ-то замотался въ Перми. Къ числу такихъ же талантливыхъ, но выпивавшихъ студентовъ принадлежали въ томъ же курсѣ С. Щаповъ иркутскій и А. Кедровъ нижегородскій; оба были притомъ же натуры совсѣмъ невоздѣланныя, готовыя въ возбужденномъ видѣ на буйства и драки. Щапова ректоръ продержалъ до масляницы 1847 г., не смотря на то, что, кромѣ нетрезвости, онъ, по замѣчаніямъ самого ректора, былъ „способенъ забывать свои отношенія въ припадкахъ". Выпивши онъ любилъ ходить къ ректору побесѣдовать по душѣ, чтобы доказать ему, какъ онъ дурно управляетъ академіей Въ началѣ 1847 г. одно замѣчаніе ректора на журналѣ показываетъ, что доказательства Щапова сдѣлались уже очень сильными: „Щаповъ насказалъ несносныхъ грубостей довольно, коими выразилъ довольно ясно свой дерзкій и грубый характеръ, вовсе неумѣстный въ добромъ воспитанникѣ академіи; ему сказано, что̀ дѣлать послѣ сего". Въ масляницу онъ долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи. Студ. Кедровъ слылъ въ курсѣ умнѣйшей философской головой, но человѣкомъ крайне грубаго бурсацкаго характера, не умѣлъ сдерживаться даже совершенно трезвый, ссорился съ товарищами, дрался съ служителями. Ректоръ видимо щадилъ его за его талантливость, въ старшемъ курсѣ сдѣлалъ было его даже старшимъ, хотя неоднократно писалъ объ немъ очень сильныя замѣчанія въ журналѣ; напр. въ ноябрѣ 1846 г. по поводу назначенія ему инспекторомъ одного наказанія: „Кедровъ стоитъ гораздо-гораздо большаго; онъ надѣлалъ такихъ штукъ, предъ коими его нетрезвость изчезаетъ, какъ бы метеоръ во335 мракѣ. Предполагая въ немъ помѣшательство ума, запрещаю ему ходить въ классъ до усмо-

[1] Д. 1846 г. № 17.

трѣнія; посему же и по крайне дурному состоянію его духа, почитаю его вовсе неспособнымъ къ должности старшаго". Вскорѣ, 19 января 1847 г. ректоръ опять писалъ на журналѣ: „Кедровъ утромъ ударилъ служителя по уху за чистку сапогъ... Подобное явленіе буйства, возбраненное и добрымъ порядкомъ, и благонравіемъ, и благородствомъ, между тѣмъ повторившееся уже въ третій разъ, показываетъ въ Кедровѣ буяна и грубаго человѣка, невразумившагося и дѣланными ему замѣчаніями и внушеніями. Посадить его опять на конецъ стола, объявивъ, чтобы онъ не требовалъ теперь отъ служителя ни чищенья сапогъ, ни бритья, какъ неугодныхъ ему". Черезъ три дня и эта вина была отпущена; ректоръ уже шутливо писалъ въ журналѣ: „Кедрову зѣло не нравится (сидѣнье на концѣ стола) и кажется уже ненужнымъ къ вразумленію его и къ обузданію дерзости впередъ; пусть сядетъ на прежнее мѣсто". Осенью 1847 г., послѣ нѣсколькихъ менѣе важныхъ случаевъ его провинностей, надъ нимъ снова разразилась гроза. 3 сентября ректоръ писалъ: „Безпутнымъ студентамъ назначается, — Кедрову сидѣть за голоднымъ столомъ 3 дня и потомъ занять послѣднее мѣсто у печки, какъ неблагонадежному, а Стратилатову.... стоять на колѣнахъ во время молитвъ у свѣчнаго ящика 4 дня". Неизвѣстно, сдобровалъ ли бы Кедровъ, если бы его не поразила той же осенью холера. Въ началѣ октября онъ умеръ вмѣстѣ съ другимъ почти такимъ же студентомъ III к. казанцемъ, Ѳ. Пальмовымъ (1).

Съ III курсомъ, поступившимъ въ 1846 г., хлопотъ было уже значительно меньше, хотя онъ былъ очень большой (40 человѣкъ) и потому, какъ говорится, не безъ уродовъ. Дисциплина, введенная въ студенческую жизнь ректоромъ Григоріемъ, въ два года успѣла укорениться. Студенты этого курса были встрѣчены ректоромъ такъ грозно, что почти цѣлый годъ касательно нихъ не видимъ ниодного замѣчанія въ журналахъ. Только со втораго года и особенно въ старшемъ курсѣ начали между ними обнаруживаться личности, возбуждавшія противъ себя разныя школьныя кары, и то, сравнительно съ прежнимъ временемъ, за разныя далеко уже не такъ значительныя нарушенія принятыхъ въ академіи обычаевъ и дисциплины. Начальство разражалось

(1) Д. 1847 г. о холерѣ № 34.

своей грозой напр. противъ того, что студ. Н. Разумовъ возвратился домой изъ отпуска, вмѣсто 9, въ 10 часовъ да еще „имѣлъ неразуміе“ увѣрять ректора, что въ праздники дозволено увольняться до 10 часовъ, или противъ того, что Г. Ласточкинъ курилъ трубку—„такой невнимательный и непріязненный народъ“,—что И. Альпійскій спалъ въ спальной на чужой койкѣ, что онъ же и А. Дьяконовъ, „не смотря на замѣчаніе начальства, носили прическу волосъ неприличную воспитанникамъ академіи и уже по вторичномъ приказаніи перемѣнили ее, чѣмъ показали недостатокъ послушанія начальству“ и т. п. О послѣднемъ преступленіи инспекторъ донесъ даже правленію. Въ старшемъ отдѣленіи студенты сдѣлались посмѣлѣе и стали попадаться чаще. Особенно много было хлопотъ у начальства съ студ. Ѳ. Пылаевымъ, братомъ о. Паисія Пылаева, который, надѣясь на брата, совсѣмъ не признавалъ требованій дисциплины, и съ священникомъ І. Инфантьевымъ, которому неоднократно приходилось внушать, что требованія дисциплины простираются на него одинаково со всѣми студентами. Въ 1849 г. о. Инфантьевъ, постоянно тревожимый начальствомъ, порѣшилъ даже уйти изъ казанской академіи въ московскую, но академическое начальство дало объ немъ такой отзывъ, послѣ котораго переходъ этотъ уже не могъ состояться ([1]). Оба эти студента успѣли впрочемъ дотянуть до конца курса. Одного студента того же III к. П. Веселицкаго въ октябрѣ 1848 г. пришлось уволить изъ академіи. О винахъ его, какъ особенно важныхъ, донесено было даже высшему начальству; эти важныя вины состояли въ томъ, 1) что въ 1 недѣлю великаго поста 1848 г. едвали былъ у исповѣди и св. причащенія, а сказался бывшимъ (пунктъ этотъ остался недоказаннымъ), 2) за всенощными бдѣніями не ходилъ прикладываться къ иконѣ праздника и св. Евангелію, 3) въ характерѣ показывалъ грубость и нетерпѣніе, напр. громкимъ стукомъ въ посуду въ столовой и окриками на служителей даже въ присутствіи начальства. Св. Синодъ уволилъ его не только изъ академіи, но и изъ духовнаго званія; но замѣчательно, что и само высшее начальство дозволило ему подать объ увольненіи прошеніе, „по болѣзни и для поступленія въ университетъ“ ([2]).—Четвертый, послѣдній Григоріевскій курсъ вскорѣ

([1]) Д. внутр. правл. 1849 г. № 25.

([2]) Д. 1848 г. № 34.

по поступленіи такъ былъ очищенъ ректоромъ отъ всѣхъ, нѣсколько неудобныхъ студентовъ, что считался послѣ него образцовымъ по своему благоповеденію.

Преемнику архим. Григорія ректору Парѳенію академія досталась уже вполнѣ дисциплинированною. Первые примѣры исключенія студентовъ за проступки встрѣчаемъ уже при ректорѣ Агаѳангелѣ въ VII курсѣ за случаи нетрезвости во время рекреацій,—весной 1855 г. и весной же 1856 г.; въ первый разъ исключенъ одинъ студентъ, М. Сильвановъ, во второй двое упомянутыхъ нами выше,—П. Веселовскій и Н. Турминскій, и притомъ, кромѣ Веселовскаго, какъ жертвы даже нѣсколько уже излишней строгости этого ректора къ случаямъ нетрезвости [1]. Въ очеркахъ академической администраціи, характеризуя дѣятельность инспекторовъ Макарія и Паисія, мы уже замѣчали, какъ тогдашніе студенты, по отзывамъ инспекціи, были „отлично кротки, стремительно усердны къ занятіямъ и молитвѣ, глубоко самособранны и ревностно благопослушны начальству“, и какъ строго относилась инспекція даже къ некрупнымъ ихъ проступкамъ, доводя всякую мелочь до свѣдѣнія самого преосвященнаго. Послѣднее могло конечно зависѣть и отъ слабости инспекціи, не надѣявшейся на свои собственныя способности и силу и старавшейся опереться на преосвященнаго; но немалое значеніе имѣло здѣсь развитіе строгости и въ самыхъ ея взглядахъ на проступки студентовъ, шедшее въ параллель съ развитіемъ дисциплины въ студенческой жизни.

Въ чемъ состояла эта дисциплина, можно видѣть отчасти и изъ приведенныхъ выше фактовъ. Но мы считаемъ нужнымъ остановиться на ея характеристикѣ нѣсколько подробнѣе. Она еще мало подвергалась изученію, а между тѣмъ составляетъ весьма важное историческое явленіе, имѣвшее значеніе въ исторіи образованія многихъ молодыхъ поколѣній прошедшаго времени до конца 1850-хъ годовъ, и не въ одной только казанской академіи. Главныя правила ея предначертаны были еще въ проектѣ устава духовныхъ академій, потомъ подробно развивались въ инструкціяхъ академическимъ старшимъ [2]. Въ казанской академіи такая подробная инструкція

[1] Д. 1855 г. № 25 и 1856 г. № 16.

[2] См. такую инструкцію въ Ист. моск. акад. Смирнова, М. 1879 г., стр. 594—601.

дана была при ректорѣ Григоріи и съ небольшими варіантами дѣйствовала до самаго преобразованія академіи ([1]). Мы разсмотримъ ея содержаніе въ связи съ самой жизнью студентовъ. Прежде всего—о самихъ старшихъ, обязанностямъ которыхъ посвящены первые пункты инструкціи.

Это оригинальное учрежденіе нашихъ старинныхъ учебно-воспитательныхъ заведеній имѣло одинаковый характеръ во всѣхъ этихъ заведеніяхъ и достаточно оцѣнено современной педагогіей. Въ каждой комнатѣ студентовъ было назначаемо по одному старшему и одному помощнику изъ лучшихъ и добронравнѣйшихъ студентовъ старшаго отдѣленія. Каждый изъ нихъ понедѣльно исправлялъ еще должность общаго череднаго старшаго. Для докладовъ по своей должности всѣ старшіе являлись къ инспектору,—при однихъ инспекторахъ каждый вечеръ, при другихъ дважды въ недѣлю, при третьихъ доклады эти возлагались на одного череднаго старшаго. Этотъ являлся съ своимъ журналомъ къ инспектору каждый день послѣ ужина и дважды въ недѣлю къ ректору. Въ журналѣ череднаго, заведенномъ при ректорѣ Григоріи въ октябрѣ 1844 г., каждый день записывалось, все ли было благополучно въ академіи, всѣ ли студенты были на молитвахъ и въ классахъ, кто боленъ, хорошъ ли столъ и исправны ли служители и не было ли какихъ особенныхъ происшествій и неисправностей. Комнатные старшіе должны были наблюдать за чистотой, температурой, уборкой вещей и всякой исправностью въ своихъ комнатахъ и за поведеніемъ ввѣренныхъ ихъ попеченію студентовъ и доносить о всѣхъ неисправностяхъ, — объ особыхъ случаяхъ даже во всякое время и дня и ночи. По окончаніи каждаго мѣсяца каждый старшій долженъ былъ представлять инспектору подробные письменные отчеты о поведеніи своихъ студентовъ въ формѣ характеристикъ, отмѣчая въ нихъ замѣченныя въ теченіе мѣсяца свойства каждаго студента, какъ добрыя, такъ и дурныя. Начальство добродушно вѣрило въ важность этихъ донесеній, поощряло добросовѣстныхъ, по его мнѣнію, старшихъ похвалами и отличіями въ спискахъ поведенія, наказывало недобросовѣстныхъ голоднымъ столомъ и выговорами, даже смѣняло съ должностей. Должность старшаго тре-

([1]) Д. внутр. правл. 1848 г. № 58.

бовала немалой изворотливости и ловкости, чтобы благополучно пройти между требованіями начальства и требованіями студенческой и товарищеской чести, которыя конечно далеко расходились между собой. Характеристики свои старшіе старались писать, разумѣется, въ похвальномъ тонѣ, отмѣчая изъ дурныхъ чертъ и поступковъ студентовъ только такіе, которые были уже раньше извѣстны начальству и о которыхъ нельзя было не упомянуть. Свѣдѣнія о добрыхъ качествахъ получались старшими иногда изъ первыхъ, такъ сказать, источниковъ, чрезъ разспросы самихъ аттестуемыхъ, какими они добродѣтелями успѣли процвѣсти за истекшій мѣсяцъ. Въ числѣ второстепенныхъ источниковъ немалое значеніе имѣло руководство къ нравственному богословію, изъ котораго почерпались иногда очень возвышенныя черты студенческой нравственности, которыя особенно нравились инспекторамъ въ родѣ о Паисія. Аттестаціи эти служили инспекторамъ вмѣстѣ съ ихъ собственными инспекторскими наблюденіями матеріаломъ для ихъ собственныхъ ежемѣсячныхъ донесеній о поведеніи студентовъ правленію, въ которыхъ отмѣчались, по уставу, только болѣе преуспѣвшіе въ поведеніи и болѣе другихъ себя опорочившіе. Правленіе въ свою очередь дѣлало выборку изъ донесеній инспектора для записи нѣсколькихъ именъ въ общую книгу поведенія и, согласно § 107 устава, отъ времени до времени призывало записанныхъ въ нее студентовъ въ свое присутствіе, дабы однимъ объявить „довлѣющую похвалу“, другимъ „изъяснить ихъ вины“. Книга поведенія имѣла значеніе и при окончаніи студентами курса. Вся эта процедура донесеній старшихъ о своихъ товарищахъ стала терять довѣріе начальства уже въ 1860-хъ годахъ. Сами старшіе курсъ отъ курса становились лаконичнѣе въ своихъ рапортахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ короче и безцвѣтнѣе дѣлались и донесенія инспекторовъ правленію, ограничиваясь рекомендаціями студентовъ только въ общихъ чертахъ. Въ 1860-хъ годахъ при ректорѣ Іоаннѣ закончила свое существованіе и самая книга поведенія; призывами же студентовъ въ правленіе для похвалъ и разъясненія винъ ихъ перестали безпокоить и еще раньше, съ самаго начала этого ректорства.

Послѣ опредѣленія обязанностей старшихъ дальнѣйшая, болѣе пространная и существеннѣйшая часть инструкціи занималась изложеніемъ правилъ благоповеденія для студентовъ. Въ основѣ этихъ правилъ лежалъ тотъ же самый

идеалъ полувоенной, униформенной внѣшней дисциплины, по которому до царствованія императора Александра II устроивались всѣ наши учебно-воспитательныя заведенія, духовныя же кромѣ того еще съ сословной примѣсью нравственныхъ началъ полумонашескаго характера, выраженныхъ впрочемъ въ инструкціи въ довольно общихъ чертахъ и развивавшихся подробнѣе уже въ самой практикѣ академической педагогіи. Эти нравственныя начала изложены въ немногихъ пунктахъ, въ которыхъ, согласно съ уставомъ академій, рекомендуется развивать въ воспитанникахъ а) страхъ Божій,—краеугольный камень христіанскаго воспитанія, оттого небрежность къ молитвѣ и другимъ проявленіямъ благочестія „считать вящшимъ зломъ, нежели упущеніе важнѣйшихъ уроковъ", затѣмъ б) покорность начальству, уваженіе къ старшимъ, кротость—украшеніе юношей—и вѣжливость къ равнымъ и низшимъ, в) доброе употребленіе времени и непрерывную дѣятельность, чтобы всякое понятіе о праздности отъ юношей было удалено и дабы напрасно не губилось на нихъ казенное иждивеніе. Послѣдній пунктъ соприкасался уже съ областью внѣшней дисциплины, изображенію которой и посвящена затѣмъ большая часть всѣхъ 60 пунктовъ инструкціи. Чего не задѣвали эти пункты, то еще съ большею подробностью опредѣляла практика принятаго и крѣпко соблюдавшагося школьнаго этикета. Такъ напр., развивая общее правило инструкціи объ отношеніи студента къ начальству, практика эта создала цѣлый кодексъ собственныхъ правилъ, ка́къ студентъ долженъ держаться предъ высшими лицами, какъ съ ними встрѣчаться, говорить, въ какое мѣсто груди (отнюдь не въ глаза) смотрѣть начальнику при разговорѣ и т. д. Онъ обязательно долженъ былъ подходить при свиданіи подъ благословеніе всякаго духовнаго лица и цѣловать его руку. Не поклониться при встрѣчѣ профессору было немыслимо. При явкѣ къ начальнику нужно было одѣться въ лучшее платье, застегнуться на всѣ пуговицы и всячески себя упорядочить, не входить къ нему дальше передней безъ особеннаго зова; было знакомъ особаго благоволенія, если инспекторъ или самъ ректоръ, окликнувъ вошедшаго въ переднюю, позоветъ его въ залу, а тѣмъ паче въ кабинетъ. Множество студентовъ не видывали этихъ кабинетовъ во всѣ четыре года своего курса.

Въ устройствѣ жизни студентовъ инструкція выставляла на первый планъ доброе распредѣленіе времени; распредѣ-

леніе это описывается въ ней въ самыхъ точныхъ и опредѣленныхъ пунктахъ. Мы изложимъ послѣдніе вмѣстѣ съ фактами ихъ практическаго приложенія къ жизни студентовъ въ формѣ общаго студенческаго дневника, въ которомъ можно при этомъ сгруппировать почти всѣ подробности обыденнаго быта студентовъ.

Студенты вставали довольно рано. Ровно въ 6 часовъ по корридору около самыхъ дортуаровъ, всегда полуотворенныхъ для лучшаго очищенія воздуха, раздавался оглушительный и продолжительный звонокъ корридорнаго служителя, который, ходя взадъ и впередъ, усердно билъ цѣлую тревогу. Этой крайне досадной непріятностью и начинался день студента. Переждавъ всѣ эти звоны, студентъ могъ бы опять продолжать свое успокоеніе, но ему всегда могъ помѣшать въ этомъ помощникъ инспектора или самъ инспекторъ, часто самолично ходившіе будить студентовъ, особенно ко времени утренней молитвы. Возставъ отъ сна, студентъ шелъ въ умывальную, потомъ, исполнивъ все, что въ ней положено было дѣлать,—въ гардеробную для своего туалета. До 7 часовъ всѣ должны были умыться и одѣться въ свое обычное дневное одѣяніе еще до молитвы. Въ одеждѣ наблюдалась строгая униформа. Инструкція положительно запрещала имѣть собственную одежду, отличную отъ принятой въ заведеніи. Мы уже знаемъ, какъ ректоръ Григорій рубилъ топоромъ у студента запрещенный халатъ. Было точно опредѣлено, когда студенты должны быть въ своихъ домашнихъ сюртукахъ и когда въ парадныхъ; запрещалось смѣшивать принадлежности того и другаго рода костюмовъ, напр. къ черному сюртуку надѣвать сѣрые брюки и т. п. Униформа простиралась даже на прическу. Ректоръ Григорій нѣсколько разъ дѣлалъ строгія замѣчанія на журналѣ разнымъ академическимъ франтамъ, которые дерзали усвоивать себѣ модную прическу, извѣстную тогда подъ названіемъ а-ля-мужикъ, и называлъ ее „признакомъ недобраго состоянія“. Въ 1848 г. на такихъ франтовъ за всенощной подъ академическій праздникъ 8 ноября обратилъ вниманіе даже самъ преосвященный. „Было бы хорошо все, записалъ ректоръ въ журналѣ, если бы Альпійскій, Дьяконовъ и Ласточкинъ не вынудили у преосвященнаго непріятнаго замѣчанія своею мужицкою прическою. Всѣ они должны быть внесены въ мѣсячную вѣдомость, какъ ослушники; сверхъ сего Дьяконову, какъ трубочнику, не являться въ столовую съ прочими студентами, а развѣ съ письмоводителями“.

Въ 7 часовъ по академіи раздавался звонокъ на утреннюю молитву, обязательную для всѣхъ студентовъ. Молитва совершалась въ общемъ ихъ собраніи,—въ Мельниковскомъ домѣ въ залѣ, въ собственномъ домѣ академіи въ 1 №, болѣе другихъ обширномъ, а при ректорѣ Іоаннѣ въ церкви. Было принято, чтобы студенты стояли на молитвѣ правильными рядами, по комнатамъ, каждая комната съ своимъ старшимъ, и по порядку списка, висѣвшаго на стѣнѣ комнаты, такъ что каждый студентъ занималъ постоянно одно опредѣленное мѣсто. Инспекторъ, придя на молитву, по пустымъ мѣстамъ сразу могъ видѣть, кого не было на лицо, и отправлялся иногда отыскивать отсутствовавшихъ по дортуарамъ и по комнатамъ. Отысканные сейчасъ же высылались на молитву, а если уже было поздно, должны были молиться особо, сами читая молитвы въ присутствіи инспектора. Въ журналахъ чередныхъ встрѣчаемъ множество замѣчаній начальства, направленныхъ къ вразумленію лѣнивыхъ, дабы „они были встанливѣе". Въ началѣ января 1846 г. встрѣчаемъ напр. такое замѣчаніе ректора Григорія: „Утромъ въ 9 часу (по случаю ваката молитва была попозднѣе) было: Д. Аретинскій и Погодинъ пришли за молитву поздно, уже за половину, кажется, а Н. Каменскій и Подаринъ и не думали являться къ оной по-видимому, ибо первый брился, а послѣдній оставался въ спальнѣ. Интересное явленіе! Объявить студентамъ, чтобы впредь брились только въ субботу и среду, и то только послѣ обѣда до вечера, по порядку комнатъ". Это распоряженіе относительно бритья бородъ (также стрижки волосъ) только наканунѣ дней, когда студентовъ отпускали изъ академіи въ городъ, неизмѣнно соблюдалось и послѣ, до тѣхъ поръ, когда студентамъ можно стало ходить съ бородами. Ректоръ Григорій часто самъ являлся на молитву, становясь въ какомъ нибудь темномъ углу, или бродилъ во время нея по комнатамъ и спальнямъ для провѣрки числа небытчиковъ, потомъ писалъ на журналѣ выговоры старшимъ за укрывательство лѣнивыхъ; напр. 23 іюня 1847 г. имъ записано: „И передъ Богомъ лукавнуютъ,—явно, какого чувства люди. За несознаніе однихъ и за неуказаніе другими лишаются всѣ завтраковъ до усмотрѣнія". — Такъ же обязательны были и молитвы вечернія. Небытность на вечерней молитвѣ, совершавшейся въ такое время, когда уже нельзя было предполагать, чтобы кто нибудь спалъ, считалась знакомъ или ухода

студента изъ академіи безъ спроса, или же не совсѣмъ исправнаго состоянія. И утреннія, и вечернія молитвы читались студентами по очереди. Только въ концѣ 1850-хъ годовъ эту обязанность стали принимать на себя немногіе любители; при о. Ѳеодорѣ почти безсмѣннымъ чтецомъ молитвъ былъ студентъ VII к В. В. Лаврскій. Чтеніе требовалось неспѣшное, безъ пропусковъ и кромѣ того сопровождалось общимъ пѣніемъ тропарей, каноновъ и заключительныхъ молитвъ; на утренней молитвѣ читался еще длинный помянникъ. Поэтому молитва шла довольно долго, такъ что въ отсутствіе начальства у студентовъ часто являлось поползновеніе сократить ее. Ректоръ Григорій зналъ это и не разъ подлавливалъ студентовъ. Разсказываютъ, какъ однажды, еще въ Мельниковскомъ домѣ одинъ студентъ Е. Соколовъ, немного къ вечеру выпившій, слушалъ-слушалъ длинное чтеніе, потомъ соскучился и, думая, что въ залѣ никого изъ начальства нѣтъ, голосомъ ректора возгласилъ: Чтецъ, читай „Благаго". Вдругъ, среди полумрака, отъ косяка входной двери выдѣлился самъ ректоръ,— и вышла живая картина. Въ другой разъ студентъ III курса Преловскій пропустилъ на утренней молитвѣ помянникъ; ректоръ сдѣлалъ ему на журналѣ строжайшій выговоръ, не смотря на всѣ оправданія и его и старшаго, что пропускъ произошелъ отъ того, что куда-то засунулись листы помянника и не могли быть отысканы. Общая молитва не совершалась только вечеромъ послѣ всенощной наканунѣ праздниковъ и утромъ предъ литургіей.

Послѣ утренней молитвы слѣдовалъ завтракъ, для котораго студенты - бѣдняки, не имѣвшіе средствъ на покупку себѣ чаю и сахару, довольствовались только казенной порціей бѣлаго хлѣба съ квасомъ; прочіе же разставляли въ столовой свои чайники и стаканы и предавались чаепитію или съ книгой, или въ земляческой и пріятельской компаніи. Глазъ начальства проникалъ и въ эти чайныя собранія. Напр. уже при ректорѣ Агаѳангелѣ одинъ студентъ V к. Эрастовъ былъ посаженъ на черный хлѣбъ и на воду за обѣдомъ за то, что за завтракомъ отбросилъ отъ себя кусокъ почему-то не понравившагося ему бѣлаго хлѣба. Инспекція строго наблюдала за тѣмъ, чтобы студенты не пили чай и не завтракали въ праздники до обѣдни. Привыкшіе къ утреннему чаю могли добывать его въ праздники только контрабандой, спускаясь чайничать прямо на кухню подъ покровительствомъ повара.

Но если зоркое начальство узнавало объ этомъ, слѣдствіемъ такого тайнаго чаепитія было позорное изгнаніе чайничавшихъ изъ кухни, конфискація чая и чайной посуды и потеря на долгое время хорошей репутаціи. Въ 1846 г. ректоръ Григорій замѣчалъ, что нѣкоторые студенты ходятъ по утру въ праздники пить чай къ знакомымъ профессорамъ, особенно къ Д. Ѳ. Гусеву и записалъ въ журналѣ: „Весьма не чисто то, что студенты прежде литургіи ходятъ къ наставникамъ гостить. Это—безчиніе, а замѣчены въ немъ Орнатскій, Разумовъ и Стратилатовъ". Гощенія сдѣлались рѣже. Особенно строго соблюдалось это благочестивое лишеніе завтраковъ въ великомъ постѣ. По окончаніи чая всѣ чайныя принадлежности сдавались буфетчику, такъ какъ въ комнатахъ не дозволялось держать никакой посуды, даже графиновъ съ водой или квасомъ для питья,—пить нужно было ходить въ умывальную комнату, гдѣ для этого стояли ведра. Съ буфетчикомъ у студентовъ были постоянныя связи; кромѣ храненія ихъ посуды, онъ занимался еще доставкой къ чаю и храненіемъ молока, кто могъ его покупать, потому что заводить съ слободскими молочницами непосредственныя отношенія имъ строго возбранялось; отъ буфетчика же зависѣло оставлять или не оставлять порціи для студентовъ, почему либо запоздавшихъ къ завтраку, обѣду или ужину; были и такіе сердобольные буфетчики, которые не безъ риска для себя брались быть коммиссіонерами въ добываніи и другихъ, менѣе дозволенныхъ напитковъ, чѣмъ молоко.

Можно упомянуть еще кстати объ академическихъ булочникахъ, имѣвшихъ тоже важное значеніе въ питаніи студентовъ. Изъ нихъ особенно памятны первый булочникъ Александръ Ивановичъ и булочникъ 1850-хъ и 1860-хъ годовъ Николай Ѳедоровъ, много лѣтъ снабжавшіе академическую молодежь своимъ товаромъ въ кредитъ. Отъ завтрака до обѣда было столько времени проголодаться, что молодые желудки въ перемѣны между лекціями непремѣнно требовали чего нибудь перехватить. Отъ того до классовъ студенты постоянно запасались булочными произведеніями, которыя радушно предлагались имъ каждый день изъ короба ихъ кредитора-булочника. Даже бѣдняки забирали ихъ и питались ими всѣ 4 года курса въ долгъ, записываясь въ засаленную книжку кредитора. Долги эти платились уже съ мѣста

службы должника. Николаю Өедорову многіе должали до 300 рублей. Онъ вѣрилъ студентамъ безусловно, часто давалъ имъ взаймы даже деньгами, и почти до конца 1860-хъ годовъ не слышно было ни одного случая, чтобы у него что нибудь изъ этихъ долговъ пропало. Послѣ онъ иногда сталъ жаловаться на неисправныхъ плательщиковъ и толковать, что студенты стали уже не тѣ, что̀ были въ старое время.

Время отъ чая до лекцій считалось занятнымъ. Въ 8 часовъ начинались лекціи. Уходя въ аудиторію, студенты должны были прибрать всѣ свои ученыя принадлежности по ящикамъ и шкафамъ; старшій выходилъ послѣ всѣхъ, запиралъ комнату и бралъ ключъ съ собою, не довѣряя его никому. Въ комнатахъ не долженъ былъ оставаться никто, ни подъ какимъ предлогомъ; больные должны были отправляться съ вѣдома инспектора въ больницу. На страницахъ журналовъ классныхъ и чередныхъ старшихъ находимъ множество замѣчаній, показывавшихъ, что за обязательнымъ посѣщеніемъ классовъ начальство слѣдило очень пристально, не вѣрило ни класснымъ записямъ, что студенты были на лекціи всѣ, ни подтверждающимъ эти записи собственноручнымъ подписямъ наставниковъ, а само старалось удостовѣряться въ исправности студентовъ и усердно ловило лѣнивыхъ по всѣмъ академическимъ закоулкамъ. Уклоненіе отъ класса считалось однимъ изъ важныхъ преступленій. Вотъ напр. первая, попавшаяся подъ руку, замѣтка ректора Григорія (9 марта 1849 г.): „Бенедиктовъ (IV к.) сидѣлъ въ комнатѣ запершись. Поставить это на видъ старшему Виноградову (III к.), какъ невнимательному къ своему дѣлу, внушивъ, что это можетъ имѣть для него дурныя послѣдствія; а поступокъ Бенедиктова внести не мѣшаетъ въ мѣсячный отчетъ, какъ мошенничество“. Запираніе комнатъ старшимъ было впрочемъ очень трудно наблюдать, потому что во время лекцій приходилось постоянно пускать туда для уборки служителей, имѣвшихъ для этого мало другаго времени; отъ того ключи отъ комнатъ по неволѣ нужно было ввѣрять корридорнымъ. Но строгая инспекція даже выигрывала отъ этого, потому что безъ студентовъ могла удобнѣе обревизовывать незапертыя ихъ помѣщенія. Виновникъ какого нибудь замѣченнаго при этомъ безпорядка въ комнатѣ получалъ потомъ обстоятельное вну-

шеніе, напр. о томъ, что брошенная зря на столѣ казенная книга могла пропасть и онъ сдѣлался бы виновникомъ ущерба для казны, которой такъ много во всемъ обязанъ, или что ключъ, забытый въ замкѣ ящика, показываетъ во владѣльцѣ этого ящика безпорядочность, а безпорядочность, какъ бы ни была незначительна, выражаетъ невнимательность къ себѣ и къ своему долгу, а отсюда недалеко уже и до крупныхъ нарушеній нравственныхъ обязанностей, слѣдовательно—къ безнравственности и т. д. Не менѣе строго преслѣдовался поздній приходъ студента на лекцію и ранній съ нея выходъ.

Нѣкоторые наставники наблюдали во время лекціи за внимательностью своихъ слушателей и записывали свои претензіи въ классномъ журналѣ. Такъ поступали впрочемъ преимущественно наставники изъ монашествующихъ лицъ. Если студентъ желалъ во время лекціи заняться какимъ нибудь своимъ собственнымъ дѣломъ или почитать занявшую его статью, онъ дѣлалъ это съ большими предосторожностями,—засовывалъ книгу въ парту и тихонько удилъ изъ нея глазами. Поддерживать свое вниманіе въ теченіе всѣхъ лекцій было не легко; лекцій этихъ было 4 въ день и довольно длинныхъ, сначала по 2 часа каждая, потомъ по $1^1/_2$; не легко было даже и высидѣть ихъ всѣ съ начала до конца. Для облегченія себя и во избѣжаніе нерѣдкостнаго въ академіи геморроя многіе студенты не сидѣли, а стояли во время лекцій,—это имъ дозволялось. Вновь поступающихъ студентовъ, когда они собирались съ старшими студентами на общія для обоихъ курсовъ лекціи, на первыхъ порахъ очень удивляло такое обыкновеніе, не извѣстное по семинаріямъ; при видѣ этихъ стоявшихъ въ разныхъ мѣстахъ аудиторіи молодыхъ людей новичкамъ невольно представлялось, что они за что-то поставлены столбами въ наказаніе. Небольшія 5—10-минутныя перемѣны между лекціями мало освѣжали, и только одна, такъ называемая, большая получасовая перемѣна послѣ двухъ лекцій давала порядочный отдыхъ; тутъ студенты съѣдали и свои взятыя въ кредитъ булки.

За окончаніемъ лекцій непосредственно слѣдовалъ обѣдъ, котораго нетерпѣливо дожидались труженики науки. Процессъ обѣда и ужина окруженъ былъ разными формами полумонастырскаго характера. У каждаго студента въ столовой было свое мѣсто, какъ и на молитвѣ, по комнатнымъ спискамъ.

Первый столъ занимала первая студенческая комната, причемъ старшій, его помощникъ и еще два первыхъ студента по комнатному списку садились за первую миску; затѣмъ за другія миски также по списку остальные студенты, 3-й студентъ противъ 4-го, 5-й противъ 6-го и т. д., парами—четный противъ нечетнаго. Въ томъ же порядкѣ происходило самое шествіе въ столовую, — каждый студентъ шелъ въ парѣ съ своимъ vis-à-vis по столу, и всѣ пары, начиная съ первой изъ старшихъ 1 №, одна за другой занимали свои мѣста за столами по строгому порядку до послѣдней пары за послѣднимъ столомъ. Для того, чтобы устроить этотъ порядокъ, студенты за нѣсколько секундъ до шествія должны были предварительно нарочно выстраиваться парами у дверей своихъ комнатъ и ждать, чтобы первая пара 1 № открыла шествіе. Въ томъ же, только обратномъ порядкѣ производилось и обратное шествіе изъ столовой, начинаясь съ послѣдней пары. Такимъ же порядкомъ студенты ходили въ церковь, о чемъ впрочемъ рѣчь впереди. Такъ какъ всѣ они жили въ верхнемъ этажѣ, а столовая (въ собственномъ домѣ академіи) была въ нижнемъ, то процессія выходила довольно длинная; на пути ея, по крайней мѣрѣ начиная съ средняго этажа, часто за нею наблюдалъ кто нибудь изъ начальства, чтобы она шла совершенно благочинно, не разстраивая своихъ паръ и не производя шума. Нарушеніе благочинія бралось на замѣчаніе и наказывалось. При ректорѣ Агаѳангелѣ былъ напр. такой случай. Въ V курсѣ былъ студентъ А. Моревъ,—племянникъ пензенскаго архіерея преосв. Амвросія Морева, слѣдовательно, въ глазахъ этого ректора личность привиллегированная, которой много спускалось и по части шума, и по части даже выпивки, бывшей въ обычаѣ у этого богатенькаго и балованнаго студента Какъ-то разъ, вѣроятно хорошо пообѣдавъ и возвеселившись духомъ, Моревъ по дорогѣ изъ столовой воспѣлъ и вывелъ голосомъ какую-то руладу въ среднемъ корридорѣ. Это такъ возмутило начальство, что преступника велѣли записать въ журналъ, потомъ потребовали отъ него объясненія, на какомъ основаніи онъ воспѣлъ, какъ дьячокъ, и не во время, а ректоръ собственноручно написалъ въ журналѣ, чтобы на весь слѣдующій день онъ былъ посаженъ въ столовой на хлѣбъ и на воду. Мы уже говорили, какъ строго на первыхъ порахъ требовалъ соблюденія этого порядка студенческихъ шествій даже ректоръ Іоаннъ Соколовъ.

Въ столовой и за обѣдомъ, и за ужиномъ присутствовали по очереди или инспекторъ, или его помощникъ. Пока всѣ не войдутъ и не встанутъ на свои мѣста, никто не смѣлъ садиться. По знаку инспектора, чередной старшій давалъ звонокъ колокольчикомъ и начиналась общая молитва; общимъ речитативомъ пѣли: „Отче нашъ", затѣмъ дѣлали инспектору поклонъ и по знаку его садились. На каждую перемѣну кушаній давался новый звонокъ и не прежде, чѣмъ всѣ кончатъ предыдущее блюдо. Въ теченіе всего обѣда или ужина чередной чтецъ читалъ среди столовой на аналогіи дневное чтеніе изъ Четіихъ-Миней; вмѣстѣ съ чередныъ старшимъ онъ обѣдалъ послѣ всѣхъ за вторымъ столомъ. Чтеніемъ этимъ занимались одни младшіе студенты; старшіе назначались читать только въ наказаніе за вины. Въ 1849 г. такъ именно наказанъ былъ за небрежное чтеніе утреннихъ молитвъ студ. III к. П. Владиміровъ; это такъ его обидѣло, что онъ нарочно пошелъ къ ректору просить о замѣнѣ такого постыднаго на его взглядъ наказанія другимъ, напр. чтеніемъ не въ очередь въ церкви,—ректоръ согласился. Когда всѣ студенты окончили свое кушанье, чередной, съ дозволенія инспектора, давалъ новый звонокъ; всѣ вставали, пѣли общимъ речитативомъ: „Достойно есть", и парами выходили изъ-за столовъ, дефилируя около стоявшаго у дверей инспектора и попарно ему кланяясь. Въ одной изъ замѣтокъ ректора Григорія (въ окт. 1846 г.) значится, что студенты въ отсутствіе инспектора послѣ обѣда дурно спѣли молитву; онъ распорядился смѣнить за это череднаго старшаго и внушилъ: „И въ то время, когда у стола никого не бываетъ изъ старшихъ (инспекторовъ), быть непремѣнно звонку для начала молитвы"; всѣ студенты оставлены были безъ ужина. Не бывшій въ столовой заподозрѣвался въ отсутствіи изъ академіи и лишался права требовать себѣ своихъ порцій. Но студенты прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ къ услугамъ буфетчиковъ, которые оставляли для нихъ порціи у себя въ буфетѣ или въ кухнѣ. Въ комнаты носить съѣстное строжайше воспрещалось. Въ продолженіе всего стола требовалось сохранять полное благоприличіе и совершенную тишину. „Нарушеніе тишины какимъ либо шумомъ, говорилось въ инструкціи, особенно выраженіемъ неудовольствія, какого бы то ни было, какъ поступокъ, противный благонравію и нетерпимый въ воспитанникѣ, долженъ быть доводимъ до инспектора старшимъ немедленно".

Правило о невыраженіи неудовольствія впрочемъ не всегда соблюдалось. Какъ и во всѣхъ общежитіяхъ, гдѣ содержаніе столомъ бываетъ однимъ изъ важнѣйшихъ общественныхъ интересовъ, въ академическомъ общежитіи нерѣдко возникали и по временамъ прорывались довольно бурно протесты противъ качества стола. Нѣсколько „брюшныхъ бунтовъ“ этого рода было даже при ректорѣ Григоріи. Законными заявленіями недовольства столомъ считались словесныя или письменныя заявленія черезъ череднаго старшаго; частныя или общія непосредственныя выраженія неудовольствія между студентами наказывались. Въ январѣ 1846 г. студ. В. Крыловъ, найдя, что въ кашѣ было мало масла, разсердился и ушелъ изъ столовой раньше времени. Его велѣно было записать въ журналъ и ректоръ положилъ такую ироническую резолюцію: „Поелику студ. Крыловъ выдаетъ свой поступокъ за дѣйствіе невольное, къ которому онъ якобы вынужденъ былъ непонравившимся ему отказомъ о. эконома въ требованіи, напрасно почитаемомъ отъ него за обыкновенное, хотя и терпимомъ по снисхожденію, и все неприличіе случая относитъ къ о. эконому; то полагаю поручить столъ студ. Крылова особенной заботѣ о. эконома, для сего и для доставленія студ. Крылову возможности съ бо́льшею удобностію предлагать свои претензіи и безъ посредства старшихъ, поставить для него особый столъ у самаго буфета и прислуживающимъ внушить, чтобы были внимательны къ нему, дабы не доводили его до безпорядковъ“. Но дня черезъ 4 самъ старшій записалъ въ журналѣ, что на обѣдѣ каша была совсѣмъ сухая и студенты вышли изъ-за стола недовольные и голодные, чему былъ свидѣтелемъ г. помощникъ инспектора. Послѣ этого ректоръ распорядился, чтобы экономъ удовлетворилъ желанію студентовъ, давалъ масла больше. Немного спустя чередной опять заявилъ, что были дурны щи, а Бобровниковъ за ужиномъ съ сердцемъ бросилъ отъ себя сырую котлету. Особенно часто неудовольствія заявлялись по постнымъ днямъ, когда студенты бывали недовольны даже и хорошимъ столомъ. Въ великомъ постѣ 1847 г. былъ цѣлый рядъ брюшныхъ волненій; на грѣхъ въ это время и о. Аркадій запилъ и совсѣмъ распустилъ служителей. На страстной недѣлѣ повара, буфетчики и многіе служители перепились до того, что однажды за ужиномъ некому было и на столъ подавать; въ столовой произошелъ большой шумъ. Инспекторъ Фотій изобразилъ въ

журналѣ, какъ ему было „жаль, что это случилось въ такое важное время поста“, и замѣтилъ, что студенты все-таки не должны были шумѣть, но распоряженія никакого не сдѣлалъ. Въ первый день Пасхи чередной снова донесъ въ журналѣ, что „обѣдъ не отвѣчалъ ни важности праздника, ни расписанію кушаній, было только два кушанья, и притомъ дурно приготовленныхъ, по той причинѣ, что поваръ, мертвецки пьяный, бросилъ приготовленіе обѣда еще задолго до наступленія обѣденнаго времени“. Во вторникъ Пасхи записанъ новый доносъ, что курица была тухлая, а молоко прокислое. Заявленія эти поддержалъ помощникъ инспектора бакк. С. Протопоповъ, постоянно входившій въ интересы студентовъ. Въ субботу на Ѳоминой недѣлѣ оказалась жесткой говядина въ борщѣ. Ректоръ долженъ былъ дѣлать соотвѣтствующія распоряженія и замѣчанія эконому; но ему были очень непріятны эти заявленія студенческихъ претензій. На другой день послѣ послѣдняго заявленія, когда чередной донесъ ему о благосостояніи академіи обычной фразой въ журналѣ, что все было исправно, онъ написалъ колкую замѣтку: „Т. е. кормили васъ по вкусу!“ Въ великомъ постѣ 1849 г. опять были волненія изъ-за стола. Объ одномъ особенно шумномъ волненіи чередной записалъ въ журналѣ; инспектора не было тогда дома,—служилъ съ архіереемъ. Ректоръ замѣтилъ: „О дурномъ слѣдовало бы доложить хоть мнѣ, за отсутствіемъ другихъ, не выходя изъ столовой. Я былъ дома“. Строгая дисциплина все-таки сильно сдерживала студентовъ отъ безпорядковъ даже въ послѣдній годъ управленія Григорія и при ректорѣ Парѳеніи, когда экономъ Аркадій уже совсѣмъ ослабѣлъ и запустилъ экономію. При ректорѣ Агаѳангелѣ отъ безпорядковъ удерживалъ студентовъ инспекторъ Серафимъ, самъ принимавшій участіе въ ихъ столѣ и старавшійся о томъ, чтобы они всѣмъ были довольны. Послѣ него волненія этого рода стали шумнѣе.

Время послѣ обѣда до 5 часовъ назначалось на отдохновеніе; но отдыхать въ обычномъ послѣобѣденномъ смыслѣ все-таки не полагалось. Спальни студентовъ послѣ уборки и вентилированья по утру запирались на весь день до вечера, такъ что желающимъ послѣ обѣда соснуть нужно было ухитряться сдѣлать это какъ нибудь контрабандой и въ самыхъ комнатахъ для занятій, гдѣ въ это время было постоянно шумно и гдѣ, кромѣ того, не на чемъ было и улечься,

кромѣ единственнаго дивана и нижнихъ досокъ у двухъ длинныхъ конторокъ. Когда больница была еще въ одномъ корпусѣ съ студенческими помѣщеніями, нѣкоторые пробирались поспать туда, занимая свободныя койки, но это было очень рискованно; инспекція нещадно выгоняла оттуда всѣхъ такихъ здоровыхъ больныхъ съ различными внушеніями. Прогулка въ это время дозволялась охотно, но лишь въ границахъ академическаго мѣста. Въ первое время, когда академія жила въ домѣ Мельниковыхъ, не имѣвшемъ при себѣ ни сада, ни даже двора для прогулки студентовъ, ихъ по необходимости пускали гулять на улицу съ наказомъ только не уходить далеко отъ академіи и непремѣнно къ 5 часамъ быть дома. Но потомъ съ 1848 г. въ собственномъ помѣщеніи академіи, имѣвшемъ при себѣ обширный дворъ и садъ, инспекція совсѣмъ воспрещала выходъ за ограду академіи. Мы уже видѣли, какъ въ первую зиму $18^{48}/_{49}$ г., когда академическій дворъ еще не былъ разчищенъ, самъ ректоръ Григорій почелъ за нужное умѣрить такую ревность инспекціи и дозволилъ студентамъ выходить за ограду. Но потомъ онъ и самъ строго преслѣдовалъ такія прогулки за стѣнами академіи. Строгость эта поддерживалась до ректорства Агаѳангела и инспекторства о. Ѳеодора Бухарева. По своей заботливости о здоровьѣ студентовъ, архим. Агаѳангелъ сталъ почти насильно выгонять ихъ на послѣобѣденную прогулку, а чтобы гулять имъ было веселѣе, устраивалъ для нихъ на дворѣ и въ саду зимой катальныя горы, лѣтомъ же гимнастическія приспособленія и игры въ чушки и кегли, въ которыхъ иногда и самъ принималъ участіе. Прогулки студентовъ были все-таки рѣдки; затворничество развивало въ молодежи такую сильную тяжесть на подъемъ, что добрая половина студентовъ сиднемъ сидѣла въ комнатахъ и зиму и лѣто, почти вовсе не пользуясь свѣжимъ воздухомъ, и проводила послѣобѣденное время за книгами или за разговорами и спорами. Любимыми мѣстами собраній студентовъ послѣ обѣда и ужина были гардеробная комната,— обычное мѣсто всѣхъ бесѣдъ, споровъ, пѣнія и др. увеселительныхъ занятій, и 6 №, надъ библіотекой, крайній къ западу, откуда менѣе доходило звуковъ и до ректора, и до инспектора.

45 и 46 пп. инструкціи старшихъ касались студенческихъ развлеченій въ часы отдыха,—въ нихъ было сказано, что въ это время студентамъ не воспрещаются невинныя за-

нятія,—музыка, рукодѣлье и пр., пѣніе же духовныхъ пѣсней и церковныхъ вмѣняется даже въ обязанность, но положительно запрещено пѣніе свѣтскихъ пѣсенъ и романсовъ, грубыя удовольствія, хмѣльные напитки, карты, табакъ, пустые разговоры, ссоры и перебранки и чтеніе пустыхъ книгъ. Правила эти имѣли полную силу. Мы уже видѣли, какъ противъ пѣнія свѣтскихъ пѣсенъ высказывался инспекторъ Фотій. О музыкѣ до ректора Агаѳангела у студентовъ, кажется, не было и помину. Пьянство преслѣдовалось всѣми мѣрами, какъ это ни трудно было при тогдашнемъ распространеніи этого порока во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ только были взрослые или полувзрослые воспитанники, въ томъ числѣ и въ духовныхъ заведеніяхъ, и какъ ни располагалъ къ развитію его самый строй студенческой жизни. При замкнутости этой жизни и отсутствіи въ ней всякихъ благородныхъ, эстетическихъ средствъ къ наполненію часовъ досуга, въ ней неизбѣжно должны были развиваться удовольствія грубыя, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто всегда принадлежитъ удовольствію опьяненія. Развитіе эстетическихъ удовольствій и общей порядочности въ жизни студентовъ при ректорѣ Агаѳангелѣ и инспекторѣ Серафимѣ Протопоповѣ было самымъ лучшимъ средствомъ къ ослабленію грубыхъ бурсацкихъ удовольствій прежняго времени и прошло свѣтлой полосой въ нравственной жизни студенчества, замѣтно облагородивъ его сравнительно и съ прежнимъ, и съ послѣдующимъ временемъ 1860-хъ годовъ. Строгая дисциплина, школьныя грозы и кары были, разумѣется, далеко не радикальнымъ средствомъ противъ случаевъ нетрезвости и нисколько не уменьшали ихъ числа. Чуть не на-равнѣ съ нетрезвостью преслѣдовалось еще употребленіе табаку. Ректоръ Григорій писалъ противъ табачниковъ самыя грозныя замѣчанія въ журналѣ. Преслѣдовался собственно курительный табакъ. Нюханье не преслѣдовалось;—оно было тогда принадлежностью чуть не всѣхъ солидныхъ людей и допускалось даже высокопоставленными духовными лицами, тогда какъ куреньемъ занимались больше люди свѣтскіе и легкомысленные, потому оно было менѣе прилично духовнымъ воспитанникамъ. При всей строгости архимандритъ Григорій однако рѣшился было отвести для курильщиковъ особое мѣсто и въ мартѣ 1847 г. распорядился, „чтобы они составили списокъ себя и чтобы сдѣлали это коноводы трубочниковъ Кедровъ да Покровскій“. Но списокъ этотъ вѣроятно не былъ ему представленъ, и тру-

бочники продолжали курить по всѣмъ укромнымъ угламъ,— въ буфетѣ, у печныхъ вьюшекъ, фортокъ, въ служительскихъ комнатахъ, въ отхожихъ мѣстахъ. Послѣ ректора Григорія строгости противъ табаку еще болѣе увеличились; онъ былъ запрещенъ безусловно. Начались обнюхиванія студентовъ, обыски табаку въ ихъ конторкахъ и проч. Но курильщики не только не переводились, но даже умножались. Кстати, при усовершенствованіи способовъ табакокуренія, оно стало легче и удобнѣе прежняго; прежняя трубка смѣнилась папиросой... Но возвратимся къ дневнику студента.

Послѣобѣденное свободное время оканчивалось вечернимъ чаемъ съ 4 до 5 часовъ. Въ 5 часовъ начиналось серьезное занятное время. Всѣ должны были находиться на лице по своимъ комнатамъ. У каждаго студента было опредѣленное мѣсто для занятій, которое рѣдко мѣнялось, такъ что инспекторъ, явившись въ комнату, сразу видѣлъ, кого нѣтъ на мѣстѣ. Всѣ должны были заниматься дѣлами только серьезными, соблюдая полную тишину. Отлучка изъ комнаты допускалась инструкціей не иначе, какъ свѣдома старшаго, который, въ случаѣ спроса объ отсутствующемъ, долженъ былъ опредѣленно докладывать, гдѣ онъ находится. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ аудиторіяхъ, заниматься не дозволялось. Занятія не серьезныя, напр. чтеніе журналовъ и под., въ занятные часы осуждались. Такое чтеніе производилось студентами съ нѣкоторыми даже предосторожностями, напр. въ ящикѣ стола, который сейчасъ же захлопывался при первомъ появленіи начальства, и подъ прикрытіемъ разложенныхъ на столѣ серьезныхъ книгъ или листковъ черновой письменной работы. Инспекція посѣщала занятныя комнаты почти ежедневно, а такъ какъ корридоры были въ это время пусты, то о появленіи ея и повѣстить иногда было некому. При появленіи начальства всѣ вставали съ мѣстъ и предоставляли ему разсматривать все, чѣмъ кто занимался. Посѣтитель разузнавалъ, всѣ ли на лице и куда кто отлучился, дѣлалъ о занятіяхъ студентовъ болѣе или менѣе нравоучительныя замѣчанія, осматривалъ комнату, все ли въ ней въ порядкѣ, шкафы, термометръ на стѣнѣ; болѣе ретивые представители инспекціи заглядывали даже въ конторки и ящики студентовъ... Студенты въ занятные часы вели себя впрочемъ и безъ инспекціи тихо и чинно; было всѣми уже принято, чтобы никто никому не мѣшалъ, не разговаривалъ съ другими, не ходилъ по комнатѣ. Кому нужно

было отдохнуть или пройтись, тотъ отправлялся въ гардеробную комнату; здѣсь можно было найти себѣ и подходящаго компаньона изъ числа такихъ же отдыхавшихъ и отлучавшихся изъ комнатъ. Инспекція преслѣдовала съ своей стороны и такія короткія отлучки изъ комнатъ, предполагая въ нихъ лѣность и праздность. Гардеробная комната поэтому пользовалась у нея не совсѣмъ хорошей репутаціей, какъ нѣкотораго рода клубъ празднолюбцевъ и людей безпорядочныхъ. Она дѣйствительно была у студентовъ какимъ-то клубомъ, гдѣ они болтали, веселились, узнавали и толковали о новостяхъ; въ ней у общаго зеркала вывѣшивались и всякаго рода объявленія, даже тѣ, которыя шли отъ начальства. Подъ конецъ занятныхъ часовъ изъ усталыхъ студентовъ въ ней всегда образовывалось довольно многочисленное общество, ждавшее съ нетерпѣніемъ ужина.

Въ 9 часовъ раздавался вожделѣнный звонокъ къ ужину, производившій оживленное движеніе по всѣмъ студенческимъ помѣщеніямъ. Ужинъ шелъ такъ же, какъ и обѣдъ, только гораздо скорѣе, и у студентовъ послѣ него оставался почти цѣлый часъ до вечерней молитвы. Часъ этотъ послѣ дневныхъ трудовъ составлялъ самое оживленное время въ студенческомъ днѣ и проводился очень весело, даже шумно, такъ что иногда не слышно было звонка къ молитвѣ. Во всѣхъ комнатахъ и въ корридорѣ шелъ гулъ живыхъ рѣчей, а въ 6 № или въ гардеробной устраивались иногда и танцы. Послѣ молитвы въ 10 часовъ полагалось всѣмъ отправляться въ спальню по койкамъ. При ректорахъ Григоріи и Пареенїи дозволялось сидѣть за занятіями и дольше этого времени, особенно предъ экзаменами или старшему курсу при писаніи курсовыхъ сочиненій. Не велѣно было заниматься только въ спальняхъ. „Внушить Пылаеву, писалъ напр. ректоръ Григорій, что спальныя комнаты назначены только для сна и что вносить туда свѣчи и книги для занятій есть великое нарушеніе порядка. Сдѣлать извѣстнымъ и всѣмъ подобнымъ самоуправцамъ“. Другое замѣчаніе (1846 г.) гласитъ, что ректоръ, къ великому своему огорченію, видѣлъ въ спальнѣ въ 12 часовъ игравшихъ въ карты. При ректорѣ Агаѳангелѣ, въ видахъ сохраненія здоровья студентовъ, въ 10 часовъ запирались всѣ занятныя комнаты на ключъ служителями и гасились всѣ огни, кромѣ ночныхъ лампъ. Инспекторъ Серафимъ вполнѣ раздѣлялъ на этотъ предметъ взглядъ ректора. Осенью 1854 г., увидавъ нѣсколь-

кихъ студентовъ внѣ спальныхъ комнатъ, онъ распорядился на журналѣ, чтобы „гг. студенты ложились спать послѣ звонка (въ 10 часовъ), не медля, и не вставали съ постелей по той причинѣ, что имъ спать еще не хочется. Въ такомъ случаѣ пусть встаютъ ранѣе утренняго звонка и тогда сонъ придетъ въ свое время. Дежурный старшій долженъ ложиться послѣ всѣхъ, осмотрѣвши напередъ, всѣ ли лежатъ на своихъ постеляхъ, и замедляющихъ приглашать ложиться, а объ отсутствующихъ, если бы то случилось, доносить немедленно мнѣ. Звонокъ къ утренней молитвѣ бить въ 6 $^{1}/_{2}$ часовъ, и къ этому времени всѣ должны уже быть умыты и одѣты". Даже при ректорѣ Іоаннѣ на первыхъ порахъ всѣ занятныя комнаты въ 10 часовъ велѣно было запирать швейцару. Желавшіе чѣмъ нибудь заняться послѣ 10 часовъ могли располагаться съ книгами въ рукахъ только развѣ у ночной лампы въ корридорѣ. Вслѣдствіе ранняго вставанья сонъ дѣйствительно приходилъ въ свое время и, спустя какихъ нибудь полчаса послѣ звонка, въ спальняхъ царилъ крѣпкій сонъ на всѣхъ койкахъ. Только подъ праздники, когда на другой день не нужно было вставать особенно рано, въ разныхъ углахъ еще съ часъ времени слышался сдержанный гулъ запоздалыхъ разговоровъ или по всей спальнѣ вдругъ пробѣгалъ веселой волной дружный хохотъ молодежи по случаю вслухъ сказанной неожиданной остроты или смѣшнаго бреда кого нибудь изъ успѣвшихъ заснуть, напр. перваго баса студенческаго хора, который, заснувъ подъ впечатлѣніями пропѣтой имъ всенощной, вдругъ начиналъ выводить: „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ", и затѣмъ, вмѣсто ожидаемаго всѣми fortissime на словѣ „свѣтъ", заканчивалъ нелѣпымъ носовымъ свистомъ.

Спальни освѣщались на ночь слабыми ночниками изъ масла. Какъ ни тускло послѣдніе мерцали, студенты, къ неудовольствію инспекціи, постоянно ихъ тушили, пока при ректорѣ Іоаннѣ не стали зажигать на ночь лампадки предъ иконами. Часовъ въ 12, когда всѣ уже успокоивались, двери спальни тихонько отворялись; въ мягкихъ туфляхъ, неслышно, какъ тѣнь, являлся инспекторъ и производилъ ночной дозоръ около всѣхъ коекъ. На желѣзныхъ пластинкахъ около каждой койки написаны были имена владѣльцевъ этихъ коекъ, да и безъ этого инспекція могла хорошо знать, кто гдѣ спитъ, потому что мѣста въ спальняхъ были точно распредѣлены между студентами на два года каждаго изъ двухъ курсовъ, старшаго и

младшаго. Пустая койка, если только владѣлецъ ея не лежалъ въ больницѣ, возбуждала сильную тревогу среди начальства и давала поводъ къ цѣлому криминальному дѣлу. Спать на чужой койкѣ было тоже строжайше воспрещено. За сентябрь 1848 г. въ журналѣ читаемъ напр. такую замѣтку помощника инспектора: „При проходѣ спаленъ вчера въ 12 часу ночи замѣчено мною, что койка, принадлежащая студенту И. Альпійскому, не была занята никѣмъ. Ежели и справедливо то, что онъ перешелъ на другую койку въ эту ночь, во всякомъ случаѣ отсутствіе его не можетъ быть извинительно, какъ своевольное отступленіе отъ порядка. Впредь никто не долженъ оставлять свою койку изъ опасенія, чтобы не сочли его не ночевавшимъ въ академической спальнѣ“. Ректоръ съ своей стороны подтвердилъ это распоряженіе. Въ 1854 г. студентъ Каллистовъ въ короткое время дважды былъ вычеркнутъ инспекторомъ изъ записей просившихъ увольненія въ городъ; кто-то изъ студентовъ, марая записную книгу, объяснилъ сбоку: въ первый разъ „за трубку“, во второй разъ: „О. Серафимъ въ 12 часу засталъ на чужой койкѣ“.

Такъ изо дня въ день монотонно текла жизнь академическаго студенчества въ теченіе болѣе 12 лѣтъ первоначальнаго существованія академіи, разнообразясь только банями, праздниками да вакатами. Какъ ни страннымъ можетъ показаться сопоставленіе бани съ праздниками, но въ студенческой жизни и баня была чѣмъ-то въ родѣ праздника, пріятно нарушая однообразіе обыденной жизни. Въ ней господствовало неудержимое веселье, потому что едва ли не тутъ только никто не мѣшалъ студенческому веселью. Въ ней можно было иногда благополучно даже проманкировать лекцію. Вечеромъ къ днямъ бани, — вторнику и пятницѣ черезъ каждые 10 дней, пріурочивалось и другаго рода веселье,—никогда студенты не попадались такъ часто въ нетрезвости, какъ именно по этимъ вторникамъ и пятницамъ.

Праздничные дни отличались отъ обыкновенныхъ прежде всего, разумѣется, присутствіемъ студентовъ у богослуженія за всенощной и литургіей. Въ церковь они должны были являться обязательно къ самому началу богослуженія; послѣднее безъ нихъ и не начиналось. Предъ отправленіемъ въ церковь всѣ собирались при выходѣ изъ верхняго корридора для того, чтобы установиться въ пары; при ректорѣ Агаѳангелѣ собирались въ 1 № и передъ шествіемъ въ церковь пѣли тропарь

дня. Въ церкви они размѣщались рядами тоже по опредѣленному порядку; сперва входили пары перваго ряда правой стороны, затѣмъ втораго, третьяго и т. д.; послѣ правой стороны наполнялись, начиная съ передняго ряда, ряды лѣвой стороны (младшаго курса). Инспекція наблюдала за студентами изъ алтаря и рѣдко становилась сзади ихъ въ самой церкви, но наблюдала зорко. Въ журналахъ чередныхъ старшихъ встрѣчаемъ разные выговоры и замѣчанія студентамъ относительно неблаговременнаго прихода того или другаго изъ нихъ въ церковь, выхода изъ нея во время службы и какихъ нибудь, повидимому, даже совсѣмъ незамѣтныхъ неблагочиній; стоило студенту незамѣтно что нибудь шепнуть сосѣду, улыбнуться, оглянуться на публику, какъ вечеромъ на журналѣ являлось уже замѣчаніе ректора, либо инспектора,—стыдно де студентамъ не разумѣть сего и проч., и даже съ опредѣленіемъ наказанія голоднымъ столомъ. Выходъ изъ церкви раньше конца богослуженія сопровождался допросами о причинахъ этого явленія и строгими внушеніями. „Крайне больно, писалъ однажды (28 сент. 1849 г.) ректоръ, да и стыдно видѣть, что духовные воспитанники являютъ въ себѣ ту холодность и нерасположенность къ богослуженію, какую представляютъ ихъ выходы изъ церкви. Надобно бояться Бога и, хоть этимъ соблазнительнымъ для постороннихъ и оскорбительнымъ для начальства, поступкомъ не огорчать Его благосердія. Прочесть это въ каждой комнатѣ старшимъ, которые пусть и удостовѣрятъ сіе своимъ подписомъ, чтобы предотвратить на будущее время (рѣчи) о томъ, якобы кому либо не извѣстно это внушеніе". Начальство не любило отпускать студентовъ отъ богослуженія даже въ другія церкви. Это дозволялось только новымъ студентамъ, пока они знакомились съ городскими церквами, особенно съ каѳедральнымъ соборомъ и монастырями Спасскимъ и Казанскимъ, гдѣ находятся казанскія святыни; потомъ и ихъ начинали отпускать все рѣже и рѣже. На отпускномъ журналѣ предъ записями студентовъ, желавшихъ сходить къ богослуженію въ соборъ или въ Казанскій монастырь даже на мѣстные праздники, постоянно встрѣчаемъ отмѣтки ректора или инспектора: „Совѣтую помолиться дома"; „Охота ходить ночью по грязи; — развѣ отсюда молитва не дошла бы до Богоматери?" Ректоръ Григорій нѣсколько разъ отмѣнялъ отпускъ студентовъ въ другія церкви даже по разрѣшеніи его инспекторомъ и дѣлалъ распоряженія вовсе не про-

ситься отъ своего богослуженія. Тѣхъ же взглядовъ держались ректоры Пареенiй и Агаеангелъ. Даже благодушный о. Өеодоръ отказывалъ въ такихъ отпускахъ и заподозривалъ просившихся въ лѣности къ молитвѣ.

Не излишне упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ обычаяхъ, обязательно соблюдавшихся при академическомъ богослуженіи. Такъ, были точно опредѣлены моменты богослуженія, когда нужно было креститься, преклонять главу, дѣлать простые и земные поклоны; за литургіей при великомъ выходѣ, предъ „Отче нашъ", при выходѣ съ св. дарами нужно было кланяться въ землю; всѣ студенты должны были подходить къ кресту, къ св. Евангелію или иконѣ праздника за всенощной, при чемъ тоже неизмѣнно соблюдать порядокъ своихъ паръ. Каждая пара, подходя съ одной стороны, дѣлала святынѣ земной поклонъ, затѣмъ оба студента по очереди совершали цѣлованіе святыни и, снова выровнявшись въ пару, поклонялись ей вмѣстѣ еще разъ, дѣлали общій поклонъ священнослужащему, а если онъ совершалъ помазаніе елеемъ, то порознь подходили къ нему и по помазаніи цѣловали его руку, наконецъ вмѣстѣ отходили въ другую сторону, давая мѣсто слѣдующей парѣ. Въ великій постъ, въ дни причащенія св. Таинъ студенты предъ литургіей или во время причастнаго пѣнія въ такомъ же порядкѣ паръ всѣ совершали цѣлованіе мѣстныхъ иконъ иконостаса. Чтеніе и пѣніе при богослуженіи лежало на самихъ студентахъ, первое на всѣхъ по очереди, второе на пѣвцахъ студенческаго хора. Очереди чтенія расписывались заранѣе и соблюдались подъ наблюденіемъ начальства; только для общаго веденія клиросной службы въ каждомъ курсѣ назначался или выискивался самъ кто нибудь изъ знающихъ дѣло и искусныхъ чтецовъ въ должности канонарха. Первымъ такимъ канонархомъ былъ въ I курсѣ А. А. Бобровниковъ. Пѣвчіе были постоянные.

Несмотря на небольшое число студентовъ, изъ нихъ всегда выискивалось достаточное число хорошихъ любителей церковнаго пѣнія, которыми можно было наполнить даже два клироса; не переводились и знающіе регенты для праваго клироса (Е. И. Соколовъ I курса, А. Ф. Воздвиженскій II курса, В. Г. Крыловъ V курса, В. И. Годяевъ VI, В. А. Орловъ VII, В. С. Боголюбовъ VIII и т. д). За службу свою пѣвчіе не получали ничего, кромѣ благодарности начальства и подарковъ отъ нѣкоторыхъ ректоровъ за праздничные концерты; но, вставши

на клиросъ, студентъ тѣмъ самымъ обязывался уже не опустительно исполнять свои пѣвческія обязанности, надобно сказать, весьма не легкія, потому что академическій хоръ исполнялъ много нотнаго пѣнія и долженъ былъ часто дѣлать спѣвки. Особенно труднымъ для него временемъ были страстная и пасхальная недѣли, въ теченіе которыхъ отъ частыхъ спѣвокъ и церковныхъ службъ пѣвчіе совершенно выбивались изъ силъ и теряли голоса. Въ каждомъ почти курсѣ находились пѣвцы съ истинно-артистическими талантами и любовью къ своему дѣлу; отъ того пѣніе академическаго хора пользовалось лестною извѣстностью въ городѣ и привлекало въ академическую церковь немало публики. Вполнѣ хорошіе голоса встрѣчались нечасто, но недостатокъ ихъ въ хорѣ счастливо вознаграждался искусствомъ и осмысленностью въ исполненіи каждой церковной пѣсни. Службы церковныя совершались истово, большею частію соборне, съ участіемъ всѣхъ монашествующихъ наставниковъ и студентовъ, и хору былъ полный просторъ заявлять свое искусство. При ректорѣ Іоаннѣ, когда богослуженіе стало совершаться сокращенно и торопливо, студенческій хоръ съ перваго же года сталъ портиться и испортился надолго, до конца 1860-хъ годовъ.

Кромѣ пѣнія и чтенія, студенты принимали участіе въ богослуженіи еще прислуживаніемъ въ алтарѣ. Служба эта развилась особенно при ректорѣ Агаѳангелѣ. Отъ 16 марта 1856 г. отъ преосвященнаго Григорія вышло общее распоряженіе для академіи и семинаріи, „чтобы воспитанники миссіонерскихъ отдѣленій (слѣдовательно въ академіи всѣ студенты, такъ какъ они всѣ записывались на какое нибудь изъ трехъ отдѣленій) при всякомъ богослуженіи человѣка по два и по три стояли во св. алтарѣ и съ полнымъ вниманіемъ замѣчали всѣ дѣйствія священнодѣйствующаго и такимъ образомъ вполнѣ ознакомливались со всѣми священническими дѣйствіями прежде, чѣмъ они поступятъ на какое нибудь мѣсто священническое... По совершенномъ ознакомленіи съ дѣйствіями священническими въ церквахъ православныхъ очень полезно познакомиться имъ съ тѣмъ же и въ церквахъ единовѣрческихъ, но къ посѣщенію церкви единовѣрческой допускать воспитанниковъ не иначе, какъ по предварительномъ совѣщаніи съ единовѣрческимъ священникомъ, можно ли ихъ туда допустить и когда. При службахъ въ единовѣрческой церкви воспитанникамъ прежде, кажется, лучше стоять не въ алтарѣ,

а гдѣ нибудь съ народомъ назади“ и проч. Съ этихъ поръ въ алтарѣ постоянно стояли по 4 человѣка студентовъ, по 2 изъ курса, въ стихаряхъ. Правило это соблюдалось нѣкоторое время и при ректорѣ Іоаннѣ. Кромѣ того, у каждаго академическаго архимандрита были студенты митродержцы, которые ѣздили съ ними и въ другія церкви, кромѣ академіи. Митродержцы эти вывелись при ректорѣ Іоаннѣ, который довольствовался при служеніи услугами своего келейника. Наконецъ, къ участію въ богослуженіи въ стихаряхъ студенты приглашались въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, для составленія процессій при выносѣ напр. плащаницы и хожденіяхъ вокругъ церкви.

Послѣ общихъ великихъ праздниковъ съ наибольшею торжественностью праздновался въ академіи мѣстный праздникъ 8 ноября въ честь архистратига Михаила и безплотныхъ силъ. Наканунѣ праздника каждый годъ совершалось общее поминовеніе всѣхъ умершихъ академическихъ отцовъ и братій съ основанія академіи, а также высокихъ благодѣтелей академіи, начиная съ Императора Николая I, —служилась заупокойная литургія и общая панихида. Кромѣ этого общаго поминовенія, нѣкоторые курсы студентовъ имѣли обычай совершать панихиды по усопшихъ братіяхъ на Ѳоминой недѣлѣ. Литургія 8 ноября совершалась большею частію самимъ преосвященнымъ архіепископомъ и сопровождалась проповѣдью или его самого, или кого нибудь изъ начальствовавшихъ монаховъ. Случалось, что проповѣди произносились и за всенощною однимъ изъ лучшихъ студентовъ. При ректорѣ Агаѳангелѣ къ 8 ноября пріурочивались именины ректора и инспектора Серафима и сопровождались общимъ поздравленіемъ именинниковъ отъ студентовъ черезъ старшихъ. Поздравленія начальству черезъ старшихъ были въ обычаѣ у студентовъ и въ нѣкоторые другіе праздники, —въ Рождество Христово, въ Пасху и въ новый годъ. Наставниковъ поздравляли только студенты-земляки и близкіе знакомые. Послѣ обѣдни 8 ноября совершался торжественный академическій актъ; на немъ студенты должны были присутствовать въ лучшихъ своихъ казенныхъ платьяхъ, — академія показывала ихъ въ это время публикѣ. Есть поводы думать, что они не совсѣмъ долюбливали эти акты, большею частію очень длинные, утомительные и только мѣшавшіе ихъ собственному празднику; послѣ акта даже погулять не оставалось времени. Въ 1849 г. послѣ акта ректоръ

Григорій разразился такимъ замѣчаніемъ на журналѣ: „Не знаю, какъ думать о тѣхъ грубыхъ безстыдникахъ студентахъ, кои не были на вчерашнемъ собраніи, не предваривъ о томъ никого, равно и о тѣхъ невѣжахъ несмысленныхъ, кои позволили предупредить себя публикѣ. Это—оскорбленіе и срамъ начальству, о которомъ, видно, въ головѣ и сердцѣ умниковъ нѣтъ ни смысла, ни раченія. Одолжили!!“

Передъ великимъ постомъ въ прощальное воскресенье до ректора Іоанна совершался монастырскій обрядъ прощанія. Первоначально онъ происходилъ послѣ вечерней молитвы, на которую являлись ректоръ, инспекторъ и всѣ монашествующія лица академической корпораціи. По окончаніи молитвы начиналось пѣніе: „Да воскреснетъ Богъ“; всѣ монашествующіе вмѣстѣ съ ректоромъ становились рядомъ; студенты дѣлали имъ общій земной поклонъ, на который они отвѣчали тоже земнымъ поклономъ предъ студентами; затѣмъ послѣдніе подходили ко всѣмъ монахамъ, начиная съ ректора и оканчивая экономомъ, попарно, съ новыми земными поклонами, цѣловали у каждаго руку и трижды цѣловали въ уста. Между собою они прощались уже, какъ знали, у себя на верхахъ. При ректорѣ Агаѳангелѣ вечерняя молитва въ этотъ день не совершалась и обрядъ прощанія нѣсколько видоизмѣнился. Ректоръ прощался со студентами особо послѣ вечерни, такимъ же порядкомъ, какъ сказано, только безъ пѣнія Пасхи. Другія монашествующія лица прощались въ столовой послѣ ужина, на которомъ они присутствовали за одними столами съ студентами. Послѣ ужина сейчасъ же начиналось пѣніе Пасхи и совершалось прощаніе съ земными поклонами и цѣлованіемъ. Въ послѣдній разъ академія видѣла совершеніе этого обряда въ прощальное воскресенье 1857 г.; на этотъ разъ свидѣтелями его было нѣсколько городскихъ гостей ректора Агаѳангела, съ дозволенія его смотрѣвшихъ на церемонію въ открытыя двери студенческой столовой. Ректоръ Іоаннъ на слѣдующій же годъ уничтожилъ эту церемонію: въ прощальное воскресенье не было ни вечерни, ни всенощной, а въ столовой студенты заговлялись одни. Въ день прощанія студентамъ спускалось очень многое, напр. и то, что при цѣлованіи отъ иного студента слышался предосудительный запахъ, и даже то, что иной, какъ это случилось въ послѣднее прощальное воскресенье 1857 г., послѣ земнаго поклона инспектору дольше, чѣмъ слѣдовало, оставался на четверенькахъ и весь обли-

вался при этомъ умиленными слезами. Не вступалось начальство и въ то, какъ студенты совершали потомъ прощаніе между собою.—На первой недѣлѣ великаго поста и въ страстную седьмицу всѣ студенты говѣли и причащались святыхъ Таинъ. Въ духовники для нихъ и для наставниковъ присылался обыкновенно іеромонахъ изъ Спасскаго или Іоанновскаго монастырей. Великій постъ соблюдался въ академіи очень строго и проводился обыкновенно въ серьезныхъ занятіяхъ; старшіе студенты занимались въ продолженіе его своими курсовыми сочиненіями, да и младшіе сидѣли постоянно дома и чѣмъ нибудь занимались,—такъ было принято. Серьезная и монотонная жизнь изрѣдка лишь прерывалась пріурочивавшимися къ этому времени „брюшными волненіями" изъ-за стола. Съ 1854 г., по инціативѣ преосвященнаго Григорія, во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и въ академіи, заведено было всѣмъ воспитанникамъ каждую среду и пятницу присутствовать на преждеосвященныхъ литургіяхъ; это продолжалось до 1861 г., когда литургіи эти перестали совершаться въ академіи по распоряженію ректора Іоанна.

Говоря объ академическихъ праздникахъ, нельзя не упомянуть объ оригинальныхъ школьныхъ праздникахъ, — такъ называемыхъ, майскихъ рекреаціяхъ,—наслѣдіи незапамятной школьной старины. Рекреаціи эти состояли въ освобожденіи воспитанниковъ отъ занятій и дозволеніи имъ праздничной прогулки въ будничное время. Какъ только наступилъ для казанской академіи первый май мѣсяцъ, такъ и дана была студентамъ рекреація въ загородной рощѣ Спасскаго монастыря, называемой Подсѣка; въ одномъ дѣлѣ о мелочныхъ расходахъ за май 1843 г. находимъ запись 85 коп. ассигн. на покупку двухъ мячей и 1 рубля за очистку аллей на Подсѣкѣ, гдѣ было дано гулянье студентамъ (1). Рекреаціи даваемы были и въ послѣдующіе годы. Чаще всѣхъ ректоровъ ихъ давалъ Агаѳангелъ: въ 1855 г. онъ далъ 2 рекреаціи въ маѣ и еще 3-ю подъ конецъ мѣсяца сюрпризомъ, чѣмъ вызвалъ громъ рукоплесканій у обрадованныхъ студентовъ; въ 1856 г. было даже 5 рекреацій. Рекреаціи эти впрочемъ не обошлись безъ непріятностей; студенты отпускались во время нихъ на прогулку безъ записи, и вслѣдствіе неосторожнаго гулянья въ 1855 г., какъ было упомянуто, одинъ студентъ былъ уволенъ

(1) Д. внутр. правл. 1843 г. № 54.

изъ академіи, а въ 1856 г. даже двое заразъ. Въ 1857 г. добрѣйшій о. Θеодоръ успѣлъ выпросить студентамъ рекреацію даже у ректора Іоанна, который былъ вовсе не расположенъ поощрять „такія бурсацкія глупости“. Но рекреація эта пала на день преполовенія и пошла не въ счетъ, а потому студенты уговорили о. Θеодора просить имъ у ректора еще другую. 23 мая какими-то судьбами ему удалось выпросить и другую; но она была уже послѣдняя въ жизни академіи. Въ слѣдующіе годы о рекреаціяхъ никто уже не думалъ и заикаться и онѣ навсегда отошли въ область преданій добродушной старины.

Едва ли не болѣе всего студентамъ нравилась въ рекреаціяхъ свобода выхода изъ академіи безъ обычныхъ записей въ журналѣ, которая, кромѣ рекреацій, еще давалась иногда только въ самые большіе праздники, въ первый день Рождества, первый же день Пасхи и 8 ноября. Въ другое время на каждый выходъ изъ академическаго корпуса, хотя бы даже на короткое время, въ лавки или за другимъ дѣломъ, нужно было просить дозволенія у инспекціи, да и то не во всякое время, а только въ положенные на то два дня въ недѣлю, воскресенье и четвергъ послѣ обѣда, и въ праздники. Въ четвергъ не было положено послѣдней лекціи, чтобы студенты могли пораньше пообѣдать. Вообще все было принаровлено къ этимъ рѣдкимъ отпускамъ студентовъ на волю. Вставая въ четвергъ и воскресенье утромъ съ постели, студентъ находилъ, что у него съ вечера вычищены сапоги; затѣмъ въ комнатѣ казеннаго парикмахера цѣлое утро производилось генеральное чищенье студенческихъ подбородковъ и стрижка волосъ, — въ другіе дни парикмахеръ могъ отказаться отъ этой работы. Въ гардеробной комнатѣ чередной старшій выкладывалъ книгу для записи желающихъ отлучиться. Запись въ ней производилась съ точнымъ обозначеніемъ, куда и на сколько времени студентъ желаетъ отлучиться. Къ обѣду или утромъ же книга эта сдавалась инспекторомъ чередному обратно съ дозволеніемъ отлучки. Крайнимъ срокомъ послѣдней назначалось 9 часовъ вечера къ ужину. Увольненіе на ночь не дозволялось ни подъ какимъ видомъ, за исключеніемъ вакатныхъ отпусковъ по билетамъ. При ректорѣ Парѳеніи увольняли только до 8 часовъ, по непосредственному распоряженію самого преосвященнаго. Инспекторы часто сокращали и эти сроки отпусковъ по своему усмотрѣнію, напр. по случаю предстоящаго вечеромъ

богослуженія или дурной погоды. При ректорѣ Агаѳангелѣ инспекторъ Серафимъ въ дурную погоду ограничивалъ отпуски студентовъ только 5 часами вечера. Иныхъ студентовъ инспекторъ вовсе лишалъ отпуска и вычеркивалъ изъ записей за какую нибудь вину или по другимъ соображеніямъ. При ректорѣ Григоріи лишеніе отпуска въ праздники было довольно частымъ наказаніемъ студентовъ за вины. Въ 1849 г. 3 апрѣля въ Пасху трое студентовъ въ отсутствіе ректора произвели за ужиномъ праздничный шумъ. „Жалѣю, писалъ разсерженный начальникъ въ журналѣ, что я, положась на благородство студентовъ, опустилъ нужду видѣться вчера съ ними вечеромъ. За безчестное проведеніе сего святаго дня запрещаю отлучку изъ академіи въ городъ, особенно извѣстнымъ по своей склонности упиваться, чтобы не безчестили заведенія, хотя въ глазахъ города. Препятствіемъ къ увольненію должно служить еще непредставленіе сочиненія за мартъ“. Главныхъ виновниковъ шума,—студента Ѳ. Крылова и Альшанскаго (послѣ въ 1850 г. уволеннаго изъ академіи) велѣно было „посадить отдѣльно отъ всѣхъ студентовъ на послѣднемъ столѣ (въ столовой), какъ дурныхъ людей, впредь до усмотрѣнія; къ нимъ же—осламъ этимъ—пріобщить и Родіонова на два дня, какъ уподобившаго себя имъ въ нетрезвости и шумопроизводствѣ“. Вскорѣ въ отпускномъ журналѣ читаемъ новое замѣчаніе ректора же: „Владимірову, Бугульминскому, Любимову, Леопольдову отказывается въ отпускѣ, какъ неблагонадежнымъ, ищущимъ видно выпивки. Іорданскій пусть сходитъ и приведетъ съ собой Г. Ласточкина“.

Изъ замѣтокъ инспекторовъ, иногда и ректоровъ на отпускномъ журналѣ вообще видно, что увольненіе въ отпускъ производилось съ разборомъ. Начальство внимательно прочитывало, куда и зачѣмъ студентъ просился, и дѣлало по этому поводу свои соображенія. Замѣчали въ записяхъ разныя сомнительности, напр. несоотвѣтствіе срока отлучки съ ея цѣлью (въ университетскіе музеи въ Пасху, открывавшіеся только утромъ, до 8 часовъ вечера, въ книжный магазинъ отъ 2 до 7 часовъ и т. п.), неопредѣленности (напр. вообще въ городъ, къ родственникамъ, къ знакомымъ), слишкомъ частое повтореніе однѣхъ и тѣхъ же записей, (напр. инспекторъ Серафимъ замѣтилъ: почему студентъ А. Павловъ записывается такъ часто и все къ священнику Пылаеву?); съ сомнѣніемъ смотрѣли даже на записи студентовъ къ лицамъ, просто не-

извѣстнымъ начальству,—инспекція иногда дѣлала студентамъ даже допросы, что это за лица, къ которымъ они просятся въ гости. Студенты въ этихъ записяхъ дѣйствительно были иногда не совсѣмъ правдивы. При инспекторѣ Фотіи, который былъ извѣстенъ своимъ недалекимъ образованіемъ, одинъ студентъ Малаховъ въ 1848 г. записывался къ помѣщику Манилову, а другой Веселицкій—къ Собакевичу; инспекторъ благодушно давалъ на эти визиты разрѣшеніе, подписывая въ журналѣ: „съ Богомъ". Во избѣжаніе всякихъ подозрѣній студенты старались соблюдать въ своихъ записяхъ возможную благовидность, — записывались на рынокъ для покупокъ, къ мѣстнымъ духовнымъ лицамъ, къ чиновникамъ, преподавателямъ семинаріи, къ своимъ академическимъ наставникамъ и т. п. не предосудительнымъ лицамъ. Не надолго побывавъ у нихъ на всякій случай, они затѣмъ ходили и по другимъ мѣстамъ, куда было надобно. Но случалось, что отъ проницательной инспекціи не укрывалась и такая фиктивность ихъ записей. Въ сентябрѣ 1848 г. помощникъ инспектора записалъ въ журналѣ: „И. Любимовъ и Бугульминскій отпрашивались къ проф. Беневоленскому, а были въ другомъ мѣстѣ, откуда возратились не совсѣмъ исправными". Ректоръ съ своей стороны прибавилъ: „Къ неисправности Бугульминскаго прибавилось еще то, что онъ оказался курившимъ трубку, а Любимовъ неумѣстными умствованіями при совершенно излишнемъ личномъ оправданіи показалъ склонность къ дерзости. Не ужинать имъ сегодня". Въ инспекторство о. Серафима Протопопова при записяхъ студентовъ на отлучку въ извѣстное мѣсто не разъ встрѣчаемъ замѣчанія: „Не правда, ложь, пустяки". Студенты, записывавшіеся на два выхода въ одинъ день, отпускались обыкновенно только на одинъ выходъ. Ректоръ Григорій распорядился не допускать двухъ отлучекъ на день еще въ февралѣ 1847 г. Начальство вообще старалось ограничивать частые выходы изъ академіи даже къ роднымъ. „Іорданскому, писалъ напр. ректоръ Григорій въ 1849 г., довольно сходить къ дядѣ (свящ. А. Н. Іорданскому) въ мѣсяцъ разъ, а два уже много". Въ 1851 г., предъ самымъ концомъ своей академической службы, онъ разсердился на самого инспектора за то, что тотъ, по случаю царскаго дня, уволилъ студентовъ въ городъ третій разъ на одной и той же недѣлѣ, ибо де торжество было для молитвы за царскій домъ, а не для

шатанья по городу. Отъ того число записывавшихся было всегда не велико, человѣкъ 6—10, и лишь въ рѣдкихъ, особенныхъ случаяхъ доходило до 20. Иной студентъ, желая выйти изъ академіи, откладывалъ это намѣреніе только потому, что видѣлъ въ журналѣ много записей, сдѣланныхъ раньше его. При ректорѣ Парѳеніи число этихъ записей особенно уменьшилось. Снова возрасло оно при ректорѣ Агаѳангелѣ, который даже поощрялъ знакомства студентовъ въ городѣ. Но и при немъ инспекторы нерѣдко писали въ журналѣ: „Могутъ уйти, но лучше бы въ академіи быть". Отлучавшіеся чаще другихъ брались даже на замѣчаніе; въ одной помѣтѣ инспектора Серафима читаемъ: „Годяевъ, Рудольфовъ, Воиновъ, Лиловъ, Добротворскій очень часто отлучаются. Сомнѣваюсь въ добросовѣстности ихъ отлучекъ".

Возвращеніе изъ отпуска требовалось аккуратно къ сроку и даже по возможности раньше. Время возвращенія въ точности отмѣчалось на журналѣ. По возвращеніи необходимо было явиться инспектору или его помощнику, затѣмъ уже чередному старшему для отмѣтки въ журналѣ, а иногда и для передачи какого нибудь о себѣ замѣчанія инспектора и даже назначенія штрафа за провинность. Эти явки инспекціи были особенно тяжелы въ случаѣ какой нибудь неисправности воротившагося; нужно было подходить къ благословенію, разсказывать, гдѣ побывалъ и все ли путешествіе благополучно кончилось.... Просрочка студента, особенно неявка къ ужину приводили въ волненіе всѣхъ представителей инспекціи, начиная съ череднаго и комнатнаго старшихъ. Всѣ безпокойно ждали и караулили, скоро ли запоздавшій явится и въ благополучномъ ли видѣ. Взыскательность за просрочку отравляла всю прелесть отпуска. Чуть не за цѣлый часъ до своего срока,—академія отъ города далеко, — уволенный въ городъ начиналъ безпокойно справляться о времени, потомъ за полчаса опрометью пускался бѣжать въ академію, откуда бы то ни было, и прибѣгалъ запыхавшись и весь въ поту, хоть бы на дворѣ стоялъ трескучій морозъ, и не смотря на то, что его казенная шинель была безъ воротника и подбита одной фланелью до пояса. Было, конечно, очень досадно запоздать даже послѣ такого усердія, и непопавшіе во время прибѣгали иногда къ очень рискованнымъ оправданіямъ, какія первыя попадали имъ въ голову. Студентъ Н. Разумовъ, писалъ однажды на журналѣ ректоръ Григорій съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ „его неразумію", попавшись ректору при возвра-

щеніи изъ города уже въ 10 часу, началъ вдругъ настойчиво увѣрять его, „что въ праздники студенты увольняются будто бы до 10-го часу“, а не до 9-го.

Разныя неудобства, сопряженныя съ законнымъ увольненіемъ, дѣлали особенно сильнымъ соблазнъ самовольной отлучки. Въ первые годы ректорства Григорія студенты изобрѣли простое, но очень удачное средство освобождаться отъ взысканій за такую отлучку, воспользовавшись тѣмъ, что инспекторъ писалъ свою помѣту о дозволеніи отлучиться съ боку всего списка записавшихся въ журналъ и довольно размашистымъ почеркомъ: нѣкоторые стали уходить безъ спросу вслѣдъ за уволенными, наказавъ чередному старшему — въ случаѣ, если ихъ хватятся, — тотчасъ приписать ихъ фамиліи въ журналъ въ концѣ, не выступая изъ предѣловъ инспекторскаго росчерка. Уловка эта долго сходила съ рукъ, но чего не замѣчалъ инспекторъ, то усмотрѣлъ ректоръ и послѣ нѣсколькихъ подозрительныхъ замѣчаній на журналѣ, что де такіе-то приписались навѣрное уже послѣ инспекторскаго увольненія, въ 1849 г. распорядился, чтобы послѣ записей непремѣнно ставилась заключительная черта и итогъ записавшихся. Во время ухода уволенныхъ и возвращенія домой начальство зорко сторожило, чтобы кто не проскользнулъ мимо него безъ увольненія. Замѣченные въ этомъ завинялись въ тяжкомъ преступленіи „самовольнаго ослушанія начальства“. Проницательное начальство узнавало отлучавшагося безъ дозволенія по одному уже тому, какъ боязливо и осторожно пробирался онъ окольными путями или изъ академіи, или въ академію, и накрывало его на самомъ актѣ его самоволія. Но въ мартѣ 1849 г. оно не знало, что̀ и подумать о студентѣ Н. Разумовѣ, который, имѣя надобность не надолго отлучиться за покупками, сдѣлалъ это безъ спросу и при возвращеніи, чтобы избѣгнуть всякаго подозрѣнія, рѣшился храбро и открыто подкатить съ своими покупками на извозчикѣ прямо къ парадному крыльцу академіи. Въ журналѣ явилась запись помощника инспектора: „Студ. Н. Разумовъ безъ позволенія отлучался изъ академіи и возвратился такъ явно, что этимъ обнаружилъ явное пренебреженіе къ правиламъ академической жизни“. Ректоръ съ своей стороны замѣтилъ: „Самоуправство Р—ва почитаю тѣмъ паче важнымъ преступленіемъ, что причина отлучки его, по его собственному объясненію, самая пустая“. Ни съ однимъ, кажется, преступленіемъ, кромѣ развѣ еще пьянства, академическое на-

чальство не боролось такъ настойчиво, какъ съ этими самовольными отлучками, потому что смотрѣло на нихъ, какъ на первый и самый частый поводъ ко всѣмъ другимъ студенческимъ грѣхамъ. Одинъ изъ представителей инспекціи того времени любилъ повторять студентамъ изреченіе одного аввы изъ Патерика: „Держись келліи, — она тебя всему научитъ". Какъ ни старался студентъ скрыть свою отлучку и на какія хитрости ни поднимался, чтобы замести свой слѣдъ, онъ постоянно рисковалъ попасться, гдѣ и не ожидалъ, либо ректору, либо инспектору съ его помощниками. Самая большая часть ректорскихъ и инспекторскихъ замѣчаній на журналахъ относится именно къ случаямъ самовольныхъ отлучекъ.

Посѣщеніе студентовъ посторонними людьми въ самой академіи было тоже ограничено. Въ студенческія комнаты можно было проникнуть со стороны только контрабандой, на которую, конечно, не могъ рѣшиться никто изъ людей мало-мальски солидныхъ, кромѣ развѣ какихъ нибудь студенческихъ знакомыхъ изъ молодежи. Родственники или пріѣзжіе, желавшіе видѣться съ студентомъ, должны были вызывать его на нижнюю площадку въ коридорѣ. Посѣтители эти были впрочемъ очень рѣдки, такъ что начальство даже и не вмѣшивалось уже въ свиданія съ ними студентовъ, хотя уставъ и инструкція старшихъ и тутъ требовали разныхъ начальственныхъ разрѣшеній и дозволеній.

Понятно, что при такомъ замкнутомъ характерѣ академической жизни студентъ не могъ не только участвовать въ какихъ нибудь общественныхъ удовольствіяхъ въ родѣ театра, но завязать даже знакомственныхъ связей съ городскимъ обществомъ. Театра студенты первыхъ шести курсовъ не знали, кажется, вовсе. Не видно ихъ было и на общественныхъ гуляньяхъ. Только и можно было встрѣтить нѣсколько сѣрыхъ студенческихъ шинелей по воскресеньямъ и четвергамъ послѣ академическаго обѣда до 4 часовъ въ Русской Швейцаріи или на Воскресенской улицѣ. Лѣтомъ Швейцарія была тогда любимымъ гуляньемъ казанскаго общества; въ ней играла музыка, дѣйствовало нѣсколько буфетовъ, были фейерверки и другія увеселенія, но по вечерамъ, когда все это было въ разгарѣ, студентовъ туда не пускали. На Воскресенской улицѣ происходили зимнія прогулки казанскаго общества и именно послѣ обѣда, въ самое подходящее для студентовъ время; но это было такъ далеко отъ академіи, а студенческія шинели

были такъ не теплы, что, взглянувъ немного на то, какъ люди веселятся, студентъ спѣшилъ поскорѣе добраться бѣгомъ до своего Арскаго поля, гдѣ по крайней мѣрѣ не стыдно было для предохраненія отъ мороза ушей заворотить на голову шинельный капюшонъ. Болѣе достаточные и франтоватые изъ студентовъ любили зайти на Воскресенской улицѣ въ модную кондитерскую Коммонена, гдѣ почему-то у нихъ принято было выпить чашку шеколада, вѣроятно, почитавшагося ими самымъ деликатнымъ и роскошнымъ напиткомъ. Знакомыхъ студенты имѣли мало, да и время, когда имъ можно было ходить въ гости, для нихъ было самое неподходящее, — послѣобѣденное, когда люди отдыхали, и вечернее до 9, даже 8 часовъ, когда въ гостяхъ можно было только напиться чаю, и то передъ самымъ уходомъ домой, и видѣть лишь первое появленіе другихъ вечернихъ гостей. Отправившись въ гости къ какому нибудь знакомому священнику или чиновнику, студентъ сначала долженъ былъ еще долго прогуливаться гдѣ нибудь въ ожиданіи, когда ему можно будетъ заявиться по адресу, не потревоживъ чьего нибудь послѣобѣденнаго отдыха.

Нѣкоторая придавленность, присущая всѣмъ старымъ студентамъ академіи, налагала особую печать на ихъ поведеніе и въ гостяхъ. Они старались присаживаться больше къ солиднымъ старичкамъ; дамскаго общества дичились; говорили сдержанно, чтобы не проговориться, даже немного ханжили; отъ угощеній, если до нихъ досиживались, отказывались; — однимъ словомъ — держали себя такъ, что у каждаго изъ нихъ можно было ясно прочесть въ глазахъ подозрительную мысль: „Кто де васъ знаетъ? сойдетесь какъ нибудь съ о. инспекторомъ да и разскажете....“ Въ компаніи менѣе солидной, у своего брата—стараго семинарскаго товарища, чиновника или студента университета, — тѣ же студенты являлись совершенно другими людьми, распахивались во всю ширь, ораторствовали, спорили, принимали участіе въ обычныхъ студенческихъ увеселеніяхъ. Начальство академіи всегда было нѣсколько даже противъ знакомствъ своихъ студентовъ съ университетскими и съ мелкими чиновниками. Много мѣшала порядочнымъ знакомствамъ и крайняя бѣдность академическаго студенчества, а такъ же недостатокъ внѣшняго свѣтскаго образованія.

Бѣдность была дѣйствительно крайняя. Все академическое общежитіе состояло изъ бѣдныхъ бурсаковъ. Кто получалъ отъ родныхъ рублей 30 въ годъ, тотъ считался уже богачомъ между товарищами, и такихъ было менѣе четвертой или пятой доли каждаго курса. Многіе не получали ни копѣйки въ теченіе всего своего академическаго ученья. Что нибудь заработать, напр. уроками, не было возможности. До ректорства Агаѳангела студенты вовсе не отпускались на уроки. Только немногимъ перепадали кое-какія подачки отъ профессоровъ за разныя переводныя работы и переписки, — но много ли могъ дать имъ и бѣдный академическій профессоръ? Придавленные такой бѣдностью, не имѣя даже болѣе теплаго платья, чѣмъ студенческая шинель, такіе студенты по цѣлымъ зимамъ сидѣли безвыходно въ академическомъ корпусѣ, не оставляя его даже для прогулки, и только лѣтомъ дышали свѣжимъ воздухомъ. Свѣтская выдержка первымъ курсамъ академіи была тоже вовсе недоступна, за исключеніемъ лишь немногихъ частныхъ личностей, которыя, принадлежа къ болѣе цивилизованнымъ духовнымъ семьямъ, кое что видали еще до академіи. Большинство, перейдя изъ семинарской бурсы въ академическую, такъ и оставалось въ полнѣйшей невинности относительно общественныхъ условій и требованій, не умѣло ни говорить, ни держаться порядочно. Даже послѣ, на должностяхъ преподавателей, казанскіе воспитанники рѣзко отличались своей внѣшней угловатостью, напр. отъ преподавателей изъ петербургскихъ студентовъ, чтò замѣчали даже семинаристы, ихъ ученики. Для нихъ поэтому были истиннымъ благодѣяніемъ такія практическія житейскія наставленія, какія преподавалъ имъ незабвенный инспекторъ Серафимъ. Покойный проф. Зефировъ разсказывалъ изъ воспоминаній объ академическомъ бытѣ своего времени, какъ кто-то изъ его товарищей попалъ разъ на многолюдный вечеръ въ свѣтскомъ чиновничьемъ семействѣ съ барышнями, съ танцами подъ домашнюю музыку и съ праздничной закуской; до казеннаго 9 часа онъ конечно немногое могъ тутъ повидать, но то, чтò онъ успѣлъ видѣть, до того его поразило невѣдомымъ никогда изяществомъ и роскошью, что въ студенческой спальнѣ онъ долго съ увлеченіемъ разсказывалъ обо всемъ своимъ товарищамъ, которые тоже съ увлеченіемъ слушали его, какъ Шехеразаду, и про-

извелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: „Вотъ де какъ люди живутъ, а мы здѣсь что? — прозябаемъ“.

Кромѣ Воскресенской улицы, студентъ могъ видѣть свѣтъ развѣ еще только по праздникамъ въ своей академической церкви, которая привлекала тогда много богомольцевъ изъ казанскаго бомонда. Здѣсь же издали, изъ своихъ рядовъ или съ клироса, съ великой украдкой онъ могъ видѣть женщинъ этого недоступнаго для него свѣта... Посѣтительницы академической церкви вѣроятно и не воображали, чѣмъ онѣ казались для этихъ молодыхъ людей, заключенныхъ въ рамкахъ строгаго монашескаго режима. Въ мало-мальски миловидную фигурку влюблялись поголовно цѣлые курсы. Напр. у I курса на примѣтѣ были какія-то двѣ черкешенки, ходившія въ академическую церковь еще въ Мельниковскомъ домѣ, сиротки изъ донскихъ казачекъ. Двое студентовъ, успѣвъ съ ними познакомиться, по окончаніи курса немедленно предложили имъ свои руки и сердца, но начальство академіи остановило эти браки, разсудивъ, что хотя эти студенты и кончили курсъ, но, какъ не получившіе еще назначенія, находятся въ распоряженіи высшаго начальства, при томъ же „такіе поспѣшные браки правленіе почитаетъ невременными и не безопасными для самаго заведенія на будущее время“ (1). Правленіе постоянно держалось того же взгляда на ранніе студенческіе браки и послѣ и, по всей вѣроятности, спасло этимъ немало студентовъ отъ ихъ незрѣлыхъ увлеченій. Едва ли не главнымъ, чтобы не сказать — единственнымъ, источникомъ всякаго эстетическаго развитія и знакомства съ жизнью для тогдашнихъ воспитанниковъ академіи служила литература, которой всѣ они и занимались до увлеченія.

По вакатамъ, когда двери академіи отмыкались и академическое юношество выпускалось на волю, дѣлались нѣкоторыя послабленія въ дисциплинѣ и тѣмъ, которые оставались въ самой академіи, состоявшія въ томъ, что имъ можно было въ это время подольше поспать и чаще выходить за стѣны академіи въ городъ. Вакатовъ полагалось три, — рождественскій, пасхальный (по двѣ недѣли) и главный, лѣтній вакатъ (въ $1^1/_2$ мѣсяца съ небольшимъ — до 15 августа). На всѣ эти ваката студентовъ дозволялось отпускать съ билетами какъ въ городъ, такъ и въ отъѣздъ изъ Казани. Но на

(1) Д. 1846 г. № 39 и 43.

первые два ваката, по ихъ краткости и по обычной бездорожицѣ втораго, увольнялись только немногіе студенты, чаще другихъ, конечно, казанцы, затѣмъ уроженцы ближнихъ епархій—вятичи, болѣе другихъ богатые и постоянно отличавшіеся своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и семейными привязанностями, иногда симбирскіе, пермскіе и уфимскіе студенты. На лѣтній вакатъ уѣзжало больше студентовъ, но всетаки рѣдко больше половины; разстоянія казанскаго округа были слишкомъ велики для тогдашней студенческой бѣдноты, да и пути сообщенія до 1860-хъ годовъ были слишкомъ плохи для того, чтобы пускаться въ дальнюю и долгую дорогу;—академія стала пустѣть по вакатамъ не ранѣе 1860-хъ годовъ, съ большимъ развитіемъ пароходства и, пожалуй, благосостоянія духовенства. Такимъ образомъ множество студентовъ не могли пользоваться и вакатной свободой, оставаясь въ той же обстановкѣ и кромѣ того скучая безъ дѣла. Истиннымъ благодѣтелемъ этихъ горемыкъ былъ свіяжскій архимандритъ Мартирій, ученый членъ конференціи, любившій академическую молодежь. По его любезному приглашенію, въ свіяжскомъ монастырѣ каждый вакатъ, даже въ Рождество, всегда жило по нѣскольку человѣкъ студентовъ, пользуясь щедрымъ гостепріимствомъ и полною свободой. Эти поѣздки въ свіяжскій монастырь продолжались болѣе 10 лѣтъ и прекратились почему-то уже при ректорѣ Агаѳангелѣ, вѣроятно по болѣзненности о. Мартирія. Въ вакатъ 1845 г. пять человѣкъ больныхъ студентовъ пріютилъ у себя въ загородномъ архіерейскомъ домѣ преосвященный Владиміръ (1). Были студенты-бѣдняки даже изъ ближнихъ епархій, которые всѣ 4 года своего курса безвыѣздно проводили въ стѣнахъ академіи. Не говоримъ объ уроженцахъ Сибири, Кавказа, даже Астрахани, которымъ для поѣздки на родину не достало бы ни денегъ, ни всего вакатнаго времени.

Описанный доселѣ строй академической жизни неизмѣнно держался до половины 1850-хъ годовъ, до начала прошлаго царствованія съ его новыми вѣяніями и всякаго рода освобожденіями. Но дальше этого держаться онъ уже не могъ. Послѣдніе курсы студентовъ съ начала 1850-хъ годовъ и то уже сильно тяготились своимъ ребяческимъ положеніемъ въ отношеніи къ своимъ пѣстунамъ, которые въ своихъ отече-

(1) Д. 1845 г. № 11.

скихъ попеченіяхъ объ нихъ слишкомъ уже далеко увлекались дисциплинарными требованіями и совсѣмъ опускали изъ виду то, что пѣстуемыя ими дѣти люди уже вполнѣ взрослые, готовые на дняхъ сами сдѣлаться духовными отцами и пѣстунами многочисленныхъ чадъ по семинаріямъ и училищамъ. Эта необходимость на каждомъ шагу прятаться отъ начальства, курить не иначе, какъ по отхожимъ мѣстамъ, искать протекціи у буфетчика и другихъ служителей, обманывать инспекцію, мальчишески запираться, оправдываться и т. п. одни студенческіе характеры портила, другіе озлобляла и почти всѣхъ ставила въ отрицательное отношеніе къ начальству, внося во всю академическую жизнь тяжелое и вредное раздѣленіе. Студенчество формировалось въ замкнутое общество, необыкновенно дружное въ своемъ единодушномъ укрывательствѣ, въ которомъ каждый стоялъ за всѣхъ и всѣ за каждаго. Такимъ образомъ и самая крѣпость товарищескихъ отношеній обращалась только въ орудіе того же раздѣленія въ академической жизни, которое убивало все жизненное въ господствующей среди нея дисциплинѣ. Самыя правила этой дисциплины становились при этомъ чѣмъ-то чисто внѣшнимъ для студента, внѣшней обстановкой, кѣмъ-то заведенной по какому-то своеобразному вкусу, среди которой нужно какъ нибудь прожить до времени единственно только по обязательной внѣшней необходимости. Въ книжкѣ проф. Аристова о Щаповѣ приводится (стр. 28) одна выразительная выдержка изъ письма современника Щапова, въ которой читаемъ весьма мѣткія строки: „Строго выполняя по внѣшности правила академической жизни, онъ не проникался сознаніемъ необходимости этихъ правилъ: точно они были составлены не для него, а опутанъ онъ ими былъ по ошибкѣ“. Здѣсь же находимъ указанія, съ какимъ тоскливымъ нетерпѣніемъ студенты ждали на послѣднемъ году окончанія своего курса и какія грустныя воспоминанія выносили изъ академіи, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, уже тронутые современными вѣяніями, носившимися въ воздухѣ еще въ 1854 г. „Время нашего студенчества (1850—1854 г.), писалъ одинъ такой студентъ Я. Г. Рождественскій (тамъ же стр. 7), было до такой степени смирно и скучно, что студенты послѣдующихъ курсовъ съ трудомъ могутъ составить себѣ о томъ понятіе: причетническое приниженье, кошачья осторожность, безотвѣтная субординація были по истинѣ жалки и гадки“.

Переходъ отъ глупаго малаго ребячества подъ неусыпнымъ надзоромъ пѣстуновъ и отъ безвыходнаго заключенія въ дѣтской къ полной свободѣ улицы, какъ извѣстно, всегда сопровождается болѣе или менѣе рѣзкими проявленіями мальчишескаго своеволія и озорства, которыя бываютъ тѣмъ даже рѣзче, чѣмъ позднѣе человѣкъ попадаетъ на улицу. Нѣчто похожее съ нашимъ учащимся юношествомъ происходило въ концѣ 1850-хъ и въ 1860-хъ годахъ послѣ паденія прежней дисциплины почти во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ томъ числѣ и духовныхъ, въ томъ числѣ и въ духовныхъ академіяхъ. Къ счастію, переходъ отъ прежняго подзаконнаго, по терминологіи о. Ѳеодора, состоянія къ новой благодатной свободѣ въ казанской академіи не былъ такъ крутъ и внезапенъ, какъ во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ совершался здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; главныя фазы его развитія мы уже видѣли отчасти въ представленныхъ выше очеркахъ тогдашней академической администраціи.

Къ смягченію рѣзкихъ проявленій этого перехода болѣе всего, кажется, способствовало то, что въ самомъ началѣ его, когда новыя вѣянія только лишь начинались, академія имѣла такого замѣчательнаго инспектора, какъ архимандритъ Серафимъ, который съ одной стороны съумѣлъ не только поддержать принятую доселѣ дисциплину, но даже довести ее до ея апогея, съ другой дать ей и всей студенческой жизни значительно подновленное направленіе, какъ разъ отвѣчавшее всѣмъ важнѣйшимъ потребностямъ этого переходнаго времени. При повсюдномъ колебаніи самаго основнаго принципа старой дисциплинарной системы, — безмолвнаго послушанія власти, который былъ главной опорой и всѣхъ ея формъ, онъ съумѣлъ вытянуть изъ нея и поставить ребромъ все, что только могла она дать раціональнаго, и подкрѣпить ея формы не однимъ только „такъ велѣно“, но главнымъ образомъ сближеніемъ ихъ съ необходимыми требованіями самой жизни, требованіями житейскаго порядка, приличія и порядочности; — мы не касаемся здѣсь религіозныхъ и нравственныхъ требованій инспекціи, какъ выходящихъ уже изъ области дисциплинарныхъ порядковъ. Осмысленныя и обновленныя такимъ образомъ формы дисциплины получали въ его инспекторской практикѣ новую жизнь, послѣ чего въ своихъ бесѣдахъ съ студентами, которыя остались навсегда для нихъ памятными и, какъ мы видѣли, высоко были цѣнимы даже такими людьми, какъ

проф. Аристовъ, онъ уже съ полной увѣренностью, ничего не опасаясь, прямо отдавалъ эти формы на судъ здраваго смысла самихъ же студентовъ; и студенты, какъ ни стѣснялись ими, какъ, можетъ быть, ни были недовольны ихъ тяжестью, въ принципѣ ничего противъ нихъ возразить не имѣли. Благодаря такому обновленію этихъ формъ, онѣ успѣли благополучно продержаться въ студенческой жизни не только во все время инспекторства самого архим. Серафима, но года два даже послѣ его выхода изъ академіи, все время, пока въ академіи оставались студенты, воспитывавшіеся подъ его сильнымъ вліяніемъ. Мы уже говорили, какъ это вліяніе отразилось на всемъ складѣ студенческихъ характеровъ его времени, — это обстоятельство тоже служило крѣпкой поддержкой заведеннаго въ академіи дисциплинарнаго порядка и общей порядочности студенческой жизни; его студенты оставались носителями его духа и послѣ его инспекторства.

Но вмѣстѣ съ такимъ обновленіемъ старой дисциплины въ требованіяхъ ея неизбѣжно было допустить и нѣкоторыя уступки во имя тѣхъ же самыхъ житейскихъ требованій, которыя призваны были къ ея подкрѣпленію. Ея обновленіе было поэтому и началомъ ея реформы; при самомъ же о. Серафимѣ она была уже далеко не та, какой была напр. при о. Фотіи или о. Паисіи. Напр. требованіе отъ студентовъ порядочности повело за собой потребность хоть какого нибудь эстетическаго развитія въ студенческомъ кругу, бывшаго прежде въ загонѣ. Неловко было уже возставать теперь и противъ занятій студентовъ литературой, и противъ какой нибудь свѣтской пѣсни, которую вздумалъ бы спѣть студенческій хоръ, сумерничая передъ занятными часами, и противъ того, если бы на студенческихъ верхахъ завелся какой нибудь музыкальный инструментъ. Съ 1854 г. студенты стали открыто выписывать себѣ журналы и газеты, что̀ прежде дѣлалось тайно, только по безмолвному попущенію начальства. Завелась музыка; въ 1854 г. у студентовъ было 4 скрипки и флейта; въ 1856 г., уже послѣ выхода о. Серафима, у студента VIII курса Ѳ. Ливанова явились гусли, а немного спустя, и фортепьяно. Ни инспекторъ, ни ректоръ Агаѳангелъ не имѣли противъ этого ничего. Ректоръ любилъ въ студентахъ даже не одну порядочность, но и нѣкотораго рода свѣтскость. Въ VI и VII курсахъ обнаружились хорошіе танцоры, — Абрамовичъ, Калатузовъ, Залѣсскій, которые сдѣлались учи-

телями въ танцовальномъ искусствѣ другихъ. По праздничнымъ вечерамъ въ 5 или 6 №№, на всякій случай подальше отъ слуха начальства, студенты затѣвали цѣлые балы съ музыкой и танцами, при чемъ европейскіе танцы перемежались съ кавказскимъ казачкомъ ставропольскихъ студентовъ и съ русской присядкой. Запертыя двери академіи все еще неохотно отпирались для выхода студентовъ въ городъ, но ни инспекторъ, ни ректоръ не были противъ знакомства студентовъ съ порядочными людьми. Послѣ о. Серафима ректоръ сталъ даже поощрять эти знакомства и самъ вводилъ нѣкоторыхъ студентовъ въ знакомыя ему семейства. Все это было предвѣстіемъ важныхъ перемѣнъ въ студенческой жизни. Интересно было бы видѣть, какія еще новыя корректуры въ старой дисциплинѣ сдѣлалъ бы о. Серафимъ при дальнѣйшемъ развитіи требованій новаго времени и въ какомъ видѣ явилась бы при немъ эта дисциплина въ жизни послѣдующихъ курсовъ; но онъ вышелъ изъ академіи раньше, чѣмъ новое время хорошенько обозначилось....

Съ 1855 г. настало „благодатное“ время инспекторства о. Θеодора. Но послабленія въ дисциплинѣ и при немъ шли съ величайшею постепенностью и медленностью, не смотря на то, что онъ прямо и открыто высказывался противъ прежняго дисциплинарнаго строя, какъ противъ подзаконнаго ига. Въ академіи оставались еще строгіе охранители этого строя въ лицѣ ректора Агаθангела и о. Веніамина, а во главѣ студенчества стояли сначала VI, потомъ образцово дисциплинированный VII курсы. Да и самъ о. Θеодоръ не былъ собственно противъ заведенныхъ порядковъ,—сами по себѣ они ему нравились и онъ не прочь былъ настоять по-своему, чтобы студенты и дома постоянно сидѣли, не выходя безъ спросу, и на молитву являлись всѣ неопустительно, и классовъ не опускали, и т. д.; нарушеніе каждаго изъ этихъ заведенныхъ порядковъ его всегда глубоко огорчало. Онъ только требовалъ, чтобы все это было „не предъ очима точію“,—отвергалъ принудительныя, подзаконныя мѣры къ поддержанію этихъ порядковъ и хотѣлъ дѣйствовать на студентовъ въ духѣ евангельской благодати и свободы. Изъ любви къ нему студенты всячески старались быть передъ нимъ исправными, боясь попасться ему въ чемъ нибудь неладномъ даже болѣе, чѣмъ о. Веніамину. Они отлично понимали тогдашнія, уже извѣстныя намъ, отношенія между членами академической

администраціи и знали, что о. Өеодоръ всегда готовъ облегчить ихъ отъ тягостей подзаконнаго ига и, что бы тамъ ни случилось, непремѣнно встанетъ за нихъ противъ о. Веніамина. Въ декабрѣ 1855 г. явилось особенно важное послабленіе. Воспользовавшись заботливостью ректора о здоровьѣ молодыхъ людей, о. Өеодоръ выпросилъ у него согласіе отпускать ихъ на прогулку каждый день отъ 2 до 4 часовъ безъ записи. Это было большой для нихъ радостью. Съ этого времени, какъ только кончится, бывало, академическій обѣдъ, цѣлыя вереницы студентовъ потянутся изъ академическихъ воротъ въ разныя стороны, въ поле, въ Швейцарію, въ городъ на Воскресенскую улицу. Когда настала весна 1856 г., студенты, какъ дѣти, радовались своей свободѣ и, какъ дѣти, рѣзвились на обнаженныхъ отъ снѣга пригоркахъ рощи противъ академическихъ и госпитальныхъ зданій, гдѣ была тогда, такъ называемая, Депрейсова дача, и облазили чуть не всѣ ея деревья. Проѣзжавшіе по Сибирскому тракту путешественники вѣроятно не безъ удивленія взирали на представлявшееся имъ зрѣлище сидящихъ на деревьяхъ будущихъ солидныхъ кандидатовъ и магистровъ богословія. Съ 1856 г. начались и другія болѣе или менѣе важныя послабленія. Это былъ курсовой годъ и студенты старшаго курса писали сочиненія на степени. О. Өеодоръ пересталъ взыскивать съ нихъ за опущенія лекцій, уговаривалъ не слишкомъ строго относиться къ этимъ опущеніямъ и своего помощника; съ началомъ репетицій послѣ Пасхи самъ ректоръ освободилъ студентовъ отъ всѣхъ послѣднихъ классовъ, на которыхъ обыкновенно преподавались языки. Въ вакатъ смѣнился въ должности помощника инспектора о. Веніаминъ – главная опора старой академической дисциплины: на мѣсто его опредѣленъ покладистый о. Діодоръ, и новое состояніе студентовъ „подъ благодатію, а не закономъ“ было обезпечено.

Но сдѣлавшійся въ это время старшимъ курсомъ VII курсъ еще не скоро воспользовался всѣми благами новой свободы, жилъ съ большой оглядкой, не совсѣмъ довѣряя даже о. Діодору, и своей сдержанностью сдерживалъ въ прежнихъ границахъ и вновь поступившій въ академію VIII курсъ. Академическіе порядки оставались безъ всякаго измѣненія. Тѣмъ не менѣе съ новаго учебнаго года въ академіи повѣяло уже совсѣмъ инымъ духомъ, чѣмъ прежде. Свободныя послѣобѣденныя отлучки изъ академіи день ото дня становились

продолжительнѣе. Студентъ не спѣшилъ уже домой къ вечернему чаю, а довольно безпечно располагался напр. у своихъ знакомыхъ студентовъ университета земляковъ, въ полной увѣренности, что его не хватятся въ академіи до самаго вечера, когда инспекторъ будетъ дѣлать обходъ студенческихъ комнатъ, что если онъ запоздаетъ даже и къ этому времени, такъ всегда найдется радѣтель, который положитъ на его мѣсто въ занятные часы книгу и скажетъ, что онъ сейчасъ только вышелъ, а старшій на это конечно смолчитъ. Когда студентъ уходилъ въ праздникъ съ записью въ отпускной журналъ, онъ тоже не торопился возвращаться къ сроку, особенно если являться по возвращеніи приходилось къ о. Діодору. Снисходительностью послѣдняго особенно пользовались старшіе студенты, болѣе къ нему близкіе. За ужиномъ въ праздники, являясь въ столовую, онъ какъ будто не замѣчалъ, что за столами чуть не половина мѣстъ остаются пустыми. Встрѣчаясь съ студентами у городскихъ знакомыхъ въ одномъ домѣ, онъ даже самъ на свой страхъ дозволялъ имъ оставаться въ гостяхъ подолѣе. Въ святки 1856 г. снисходительность его простерлась до того, что нѣкоторыхъ студентовъ онъ увольнялъ даже на ночь; они пользовались этимъ для того, чтобы гдѣ нибудь подольше потанцовать или побывать въ театрѣ. Инспекторъ ничего этого не видалъ и не зналъ. Въ масляницу 1857 г., когда о. Діодоръ исполнялъ должность инспектора, наружныя двери западнаго флигеля, гдѣ онъ жилъ, нарочно запирались попозднѣе, чтобы запоздавшіе студенты свободнѣе могли пройти этимъ путемъ домой, не просясь въ ворота у привратника. Буфетчикъ долженъ былъ оставлять множество порцій отъ обѣда и ужина для запоздавшихъ,—и это вошло съ тѣхъ поръ въ какую-то для него обязанность, такъ что студенты и не просили его о томъ предварительно, а по возвращеніи прямо требовали, чтобы онъ ихъ накормилъ. Днемъ они катались на татарахъ,—казанское масляничное удовольствіе въ родѣ петербургскаго катанья на чухонцахъ,—или отправлялись на утренніе спектакли въ театръ. Знакомство съ театромъ, прежде совсѣмъ для нихъ недоступное, производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Одинъ студентъ VIII курса до того увлекся игрой актера Милославскаго — тогдашней провинціальной знаменитости,—что съ утра до вечера всѣмъ и каждому декламировалъ тономъ этого актера разные отрывки изъ Гамлета, одно-

му разскажетъ про башмаки, въ которыхъ шла королева — мать Гамлета за гробомъ мужа, другаго увѣритъ, что жизнь есть „садъ, заглохшій подъ дикими, безплодными травами", третьему крикнетъ: „звѣрь безъ разума и чувства", и т. д. Благодаря такой снисходительности къ отлучкамъ изъ академіи, старшіе студенты, отличавшіеся бо́льшей свѣтскостью, завели довольно знакомствъ въ городѣ и стали вести болѣе общественную жизнь, выводили въ свѣтъ и младшихъ

Сближенію студентовъ съ порядочными людьми много способствовали и ректоръ съ инспекторомъ, доставивъ нѣкоторымъ изъ нихъ уроки въ дворянскихъ домахъ, чего никогда не бывало въ казанской академіи. Въ ноябрѣ 1856 г. въ семействѣ генерала А. Л Корсакова понадобился для дѣтей учитель закона Божія и латинскаго языка. О. Ѳеодоръ, знакомый съ этимъ семействомъ, посовѣтовалъ, вмѣсто священника, взять для этихъ уроковъ студента академіи и самъ рекомендовалъ студента VII к В. В. Лаврскаго. Ректоръ Агаѳангелъ, тоже бывавшій въ этомъ семействѣ, съ удовольствіемъ на то согласился и дозволилъ Лаврскому ходить на уроки безъ особаго на каждый разъ дозволенія. Послѣ Лаврскаго въ этомъ домѣ давали уроки А. С. Павловъ, а съ 1858 г. П. Знаменскій. Въ январѣ 1857 г. учителя изъ студентовъ академіи пожелало имѣть семейство гг. Могилатовыхъ; о. Ѳеодоръ рекомендовалъ для этого студента А. С. Павлова. Въ томъ же году, по просьбѣ вице-губернатора Андреева, пожелавшаго имѣть у себя учителемъ кого нибудь именно изъ младшихъ студентовъ, который бы могъ дольше быть учителемъ, до своего выхода изъ академіи, ректоръ самъ назначилъ студента VIII к. Ѳ. Е Кибардина. Всѣ эти учителя успѣли зарекомендовать себя въ принявшихъ ихъ семействахъ съ доброй стороны и сдѣлались въ нихъ своими людьми, ѣздили во время вакатовъ въ ихъ деревни, знакомились чрезъ нихъ и съ другими домами. Съ легкой руки этихъ первыхъ учителей преподаваніе частныхъ уроковъ осталось между студентами въ употребленіи и въ послѣдующіе курсы.

Расширеніе круга знакомствъ вызвало у студентовъ потребность позаботиться о своей внѣшности и внѣшнемъ образованіи. Нѣкоторые студенты начали обзаводиться болѣе нарядными костюмами. Съ начала 1857 г., послѣ однихъ неудачныхъ дебютовъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей на святочныхъ вечерахъ у знакомыхъ, все студенчество обуяла повальная танцоманія.

Чуть не каждый вечеръ послѣ ужина въ 5 или 6 № собиралась толпа стремившихся усвоить себѣ мудреное искусство французской кадрили и трудилась надъ этой задачей въ потѣ лица и съ рѣдкой добросовѣстностью. Напѣвая на голосъ: „Чижикъ, чижикъ", счетъ кадрильныхъ па, отсчитывая кромѣ того темпъ указательнымъ пальцемъ и присѣдая на каждомъ шагу колѣнями и всѣмъ корпусомъ, обучавшіеся двигались взадъ и впередъ по комнатѣ съ необычайно серьезными и умными физіономіями. Другіе, стремившіеся къ еще болѣе высокому образованію, учились даже легкимъ танцамъ; для большей легкости въ производствѣ тяжелыхъ на первыхъ порахъ оборотовъ и переворотовъ учитель съ ученикомъ схватывались за плечи, наклонялись головами вмѣстѣ, чтобы видѣть чистоту своихъ па, и, медленно поворачиваясь, методически выдѣлывали ногами, что слѣдовало, изображая суровыми физіономіями и напряженными движеніями не столько легкій танецъ, сколько нѣкоторую упорную борьбу, гдѣ „то сей, то оный на бокъ гнется". Около такихъ танцоровъ собирались ряды зрителей, — иные позубоскалить, а иные съ болѣе серьезной цѣлью усвоить что нибудь и самимъ, на первый разъ хоть въ наглядку. Не смотря на такой своеобразный методъ обученія, нѣкоторые талантливые люди успѣвали въ хореграфическомъ искусствѣ до степени недалекой почти до совершенства. Въ такихъ мирныхъ эстетическихъ развлеченіяхъ свободное время студентовъ проходило весело и дома. Не послѣднее мѣсто въ кругу развлеченій занимала музыка. Послѣ того, какъ въ святки 1856 г. на музыкѣ у студентовъ побывалъ самъ о. Ѳеодоръ, она сдѣлалась окончательно дозволеннымъ искусствомъ. Студенты предавались ей все-таки съ нѣкоторой осторожностью, боясь растревожить не любившаго шума больнаго ректора. Кромѣ того, они все-таки стѣснялись пѣть свѣтскія пѣсни, чтобы не возмутить благочестивыхъ чувствъ своего монашествующаго начальства. Выработалась особая манера пѣнія этихъ пѣсенъ безъ словъ и piano, иногда даже сквозь длинныя трубы, свернутыя изъ бумаги. Выходило что-то въ родѣ духоваго оркестра, звуки котораго очень красиво разносились по академическому зданію, услаждая вѣроятно слухъ и самого ректора.

Послабленія простирались на всѣ мелочи студенческой жизни. Утромъ напр. можно было подольше поспать, не опасаясь, что инспекція явится будить; молитвъ старались не

просыпать, потому что это слишкомъ сильно огорчало о. Өеодора. Въ праздники можно было утромъ напиться чаю, — выдавалась даже обычная порція бѣлаго хлѣба къ завтраку. Въ занятные часы студентъ могъ свободно уходить изъ занятной комнаты и хоть весь вечеръ болтаться въ гардеробной, сдѣлавшейся настоящимъ студенческимъ клубомъ. Вечеромъ ректоръ настойчиво требовалъ, чтобы никто не засиживался въ комнатахъ дольше 10 часовъ; но теперь можно было по крайней мѣрѣ не лежать съ этого времени обязательно на койкѣ. Въ спальняхъ иногда долго и послѣ 10 часовъ шло продолженіе того веселаго препровожденія времени, какимъ студенты занимались послѣ ужина; продолжался оживленный говоръ, сыпались шутки и остроты. Однажды вдоль обоихъ дортуаровъ, среди дружнаго хохота обоихъ курсовъ, пущена была исполинская свинья въ ермолкѣ, въ составъ которой вошло нѣсколько студентовъ, одѣялъ, простынь и подушекъ, — это былъ тонкій намекъ на прозвище, данное студентами одному нелюбимому наставнику. Въ другой разъ студенты, совсѣмъ уже раздѣвшись, составили въ спальной исполинскую кадриль паръ въ 20, въ которой кавалеры обозначались надѣтой на голову подушкой, а дамы стыдливымъ препоясаніемъ изъ простынь. Забава однако не прошла даромъ. Въ самый разгаръ бала неожиданно явился о. Өеодоръ и въ ужасѣ остановился въ дверяхъ. И дамы и кавалеры — всѣ живо очутились на койкахъ. О. Өеодоръ не сталъ разслѣдовать этой шалости, но нѣсколько дней все плакалъ предъ являвшимися къ нему старшими и много толковалъ имъ что-то о Вавилонѣ и вавилонской блудницѣ.

Такъ протекло все время ректорства архимандрита Агаөангела. Новый ректоръ Іоаннъ нашелъ, что студенты держатся слишкомъ вольно, и на первыхъ порахъ своими строгостями озадачилъ всю веселую молодежь; у студентовъ упало сердце. Но потомъ они скоро успокоились. Живо сообразивъ всѣ обстоятельства и понявъ направленіе грознаго начальника, они нашли, что и при немъ жить еще можно. Студенты младшаго VIII курса даже полюбили его и все время своего пребыванія въ академіи и даже по выходѣ изъ нея всегда отзывались объ немъ съ увлеченіемъ. Къ его подзаконному игу приспособиться было еще легче, чѣмъ къ благодатной свободѣ о. Өеодора, которая была очень не легка на дѣлѣ, особенно когда между студентами и этимъ нравственно-требовательнымъ, своеобраз-

нымъ и подъ часъ нервно капризнымъ инспекторомъ не стало такого удобнаго посредника, какъ о. Діодоръ, который въ свое время такъ хорошо умѣлъ выставлять студентовъ въ нужномъ для инспектора свѣтѣ и устраивать всѣ отношенія ихъ къ инспекціи мирно и гладко. Строгости ректора касались одного только внѣшняго порядка, не внося никакихъ перемѣнъ въ обыденный ходъ студенческой жизни за послѣднее время. Гораздо чувствительнѣе отозвалась на спокойствіи этой жизни смѣна членовъ инспекціи. По выходѣ о. Діодора немедленно же начались извѣстныя столкновенія студентовъ съ новымъ помощникомъ инспектора, отравившія послѣдніе мѣсяцы пребыванія въ академіи о. Θеодора. Столкновенія эти, продолжавшіяся съ перерывами цѣлый годъ, снова подняли затихавшій было разладъ между студенчествомъ и его начальствомъ, заставили студентовъ крѣпко сплотиться въ общей оппозиціи и, — что всего важнѣе и съ извѣстной точки зрѣнія всего хуже, — сосчитать въ этой оппозиціи свои силы. Ни инспекторъ, ни ректоръ не захотѣли, а можетъ быть и не могли уже поддержать помощника инспектора. Подъ вліяніемъ современнаго настроенія всей учащейся молодежи того времени и повсюду распространившагося какого-то культа молодаго поколѣнія духъ академическаго студенчества успѣлъ уже сильно измѣниться противъ прежняго, даже еще очень недавняго времени. Прежнее робкое и нѣсколько приниженное настроеніе академическаго студента временъ подзаконныхъ у студентовъ послѣдняго времени смѣнилось довольно гордымъ сознаніемъ своего высокаго студенческаго достоинства, съ которымъ невольно приходилось теперь считаться самому начальству академіи. Послѣднее впрочемъ и само способствовало развитію этой черты въ студенческомъ характерѣ, постоянно обращаясь для своихъ дисциплинарныхъ цѣлей именно къ студенческому благородству и самосознанію. Такъ было еще при ректорѣ Агаθангелѣ и инспекторѣ Серафимѣ. Ректоръ Іоаннъ своимъ обращеніемъ съ студентами развивалъ въ нихъ эту черту почти систематически и въ короткое время развилъ до того, что потомъ самъ же долженъ былъ приноровляться къ ней. Время его ректорства было попреимуществу временемъ развитія студенческаго самосознанія и съ этой стороны живо сохранилось въ памяти всѣхъ, учившихся при немъ въ академіи.

Извѣстное столкновенiе студента VIII курса Морошкина съ помощникомъ инспектора въ октябрѣ 1857 г., еще при о. Ѳеодорѣ, поддержанное единодушно студентами обоихъ отдѣленiй, было первымъ проявленiемъ новаго духа въ студенчествѣ, ясно показавшимъ, что прежняя инспекцiонная система отжила свои дни и болѣе не годится. Нужно было вырабатывать новую систему, но выработать таковую было тогда некому. Ректоръ повидимому имѣлъ кое какiя мысли по этой части, но самъ въ студенческiя дѣла не вступался, предоставляя вѣдаться съ ними одной инспекцiи; во главѣ же инспекцiи стоялъ о. Ѳеодоръ, способный дѣйствовать на студентовъ только нравственно, своими личными качествами, а остальные члены инспекцiи даже и не замѣтили вновь народившагося духа въ студенчествѣ и, оставаясь при прежнихъ дисциплинарныхъ требованiяхъ и прiемахъ, только раздражали молодежь и давали ей новые поводы укрѣпляться въ своемъ новомъ направленiи и притомъ не въ лучшихъ, а въ худшихъ, крайнихъ его формахъ, въ формахъ грубыхъ протестовъ и даже „личныхъ оскорбленiй" помощнику инспектора. Такимъ образомъ въ самое критическое время студенческой жизни, когда въ ней совершался такой важный переломъ, она оставалась совсѣмъ безъ руководителей, безъ направителей и предоставлена была самой себѣ. Если она и не доходила тогда до такихъ крайностей, какъ жизнь студенчества университетскаго, то этимъ обязана была единственно тому, что сами студенты академiи были далеко не похожи на студентовъ университета по своей талантливости и всегдашней рефлективной сдержанности въ молодыхъ порывахъ. Замѣчательно, что во всѣхъ дѣлахъ $18^{57}/_{58}$ года, въ которыхъ проявлялись черты ихъ новаго направленiя, верхъ постоянно оставался за ними. Такъ кончилось дѣло Морошкина. Осенью 1857 г. студенты сдѣлали манифестацiю противъ дурныхъ качествъ стола; ректоръ страшно разсердился, чуть не выгналъ двухъ лучшихъ студентовъ изъ академiи, но все-таки назначилъ ревизiю экономiи и поручилъ ее, равно какъ и изысканiе средствъ къ улучшенiю студенческаго стола, самому популярному у студентовъ профессору, Д. Ѳ. Гусеву. Очень легко кончились въ 1858 г. и извѣстное дѣло февралистовъ, и другое столкновенiе студентовъ съ инспекцiей на Пасхѣ этого года предъ прiѣздомъ инспектора Филарета. Во всѣхъ этихъ исторiяхъ студенты дѣйствовали корпоративно

и очень дружно. Преемникъ о. Θеодора, инспекторъ Филаретъ тоже не взялъ на себя труда составить какую нибудь систему для студенческаго общежитія и новыхъ отношеній къ нему инспекціи и все время своего инспекторства относился къ своей должности съ полнымъ безучастіемъ. Безпризорность студенческой жизни при немъ только еще усилилась. Изрѣдка разражалась гроза изъ ректорскаго кабинета; напр. въ великомъ постѣ 1858 г. ректоръ пристрожилъ студентовъ за то, что они бросили ходить попарно въ столовую и въ церковь; выдалъ еще новое распоряженіе, чтобы при выходѣ изъ церкви они тоже ходили парами и не останавливались въ корридорѣ съ своими знакомыми. Студенты его слушались, но подобныя мимолетныя грозы и распоряженія въ общемъ ходѣ академической жизни ничего почти не значили.

Съ выходомъ изъ академіи VII, послѣдняго курса, воспитаннаго еще въ прежней дисциплинѣ, между студентами не осталось ни одного живаго свидѣтеля этой дисциплины; VIII курсъ зналъ объ ней больше по наслышкѣ и по нѣкоторымъ остаткамъ ея порядковъ во внѣшнемъ строѣ академической жизни, которые еще засталъ при своемъ вступленіи въ академію. Это былъ курсъ уже Θеодоровскаго и преимущественно Іоанновскаго времени съ ясно обозначенными чертами новаго студенчества. Черты эти обозначались въ немъ еще и прежде, когда онъ былъ въ младшемъ отдѣленіи, — во главѣ послѣднихъ исторій до инспектора Филарета дѣйствовали студенты не старшаго VII курса, а именно этого младшаго VIII курса. Перейдя въ старшее отдѣленіе и вставъ во главѣ студенчества, онъ сталъ держаться еще самостоятельнѣе и вольнѣе. Первымъ его дебютомъ въ старшемъ отдѣленіи былъ еще небывалый въ академіи опытъ производства независимаго студенческаго суда надъ однимъ изъ товарищей, который по нѣкоторымъ поступкамъ оказался недостойнымъ носить званіе студента. О поступкахъ этихъ студенты не пожелали донести начальству, а рѣшили наказать виновнаго своимъ собственнымъ судомъ. На собраніи всего курса, на которое приглашенъ былъ для оправданія и подсудимый, ему присуждено было самому подать прошеніе объ увольненіи, при чемъ, въ случаѣ исполненія этой общей воли товарищей, обѣщано покрыть всѣ его грѣхи глубокою тайною, въ противномъ же случаѣ провести дѣло объ увольненіи чрезъ начальство. Онъ уволился и тайна дѣйствительно

была строго сохранена даже отъ студентовъ младшаго курса. Сплоченность и единодушіе VIII курса такъ были велики, что ректоръ Іоаннъ предполагалъ въ немъ существованіе какого нибудь одного сильнаго коновода и въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ студентами нѣсколько разъ пытался довѣдаться, кто бы это могъ быть. Надѣясь на свое единство и силу, студенты этого курса въ первое же полугодіе 1858 г. рѣшились противостать даже самому грозному ректору. Случай этотъ нами уже разсказанъ,—это было по поводу извѣстной записки ректора о ссылкѣ студентовъ для исправленія въ монастыри. VIII-й курсъ по этому случаю составилъ вторичное корпоративное собраніе, и на этотъ разъ прямо въ противодѣйствіе своему начальству, для написанія протеста противъ записки ректора въ формѣ прошенія на имя преосвященнаго.

Исторія эта сошла съ рукъ довольно благополучно. Записка ректора не достигла своей цѣли, но все-таки осталась не безъ вліянія на жизнь студенчества, доказавъ, что съ ректоромъ шутки плохи и что нужно жить съ оглядкой. Случаи нетрезвости бывали и послѣ, но значительно скромнѣе. Каждый разъ, какъ составлялась компанія охотниковъ выпить, при ней непремѣнно являлся какой нибудь товарищъ-опекунъ и нянька, бравшій на себя обязанность наблюдать надъ своими слабыми друзьями и хранить ихъ на всѣхъ кривыхъ и ломаныхъ путяхъ ихъ, и главнымъ образомъ отъ глаза и слуха начальства. Выходъ за стѣны академіи былъ очень свободный; не заставъ кого нибудь въ комнатѣ въ занятное время, инспекторъ Филаретъ не обращалъ на это никакого вниманія и представлялся вполнѣ удовлетвореннымъ, когда на спросъ, гдѣ же такой-то, ему скажутъ, что онъ сію минуту вышелъ; за ужиномъ отсутствующіе объявлялись больными. Записной журналъ все-таки велся по всей формѣ съ тѣмъ только различіемъ противъ прежняго времени, что записываться въ него на отлучку можно было не по однимъ только четвергамъ и воскресеньямъ, но и въ другіе дни, да и записывались въ него больше такіе студенты, которые намѣрены были возвратиться къ сроку и явиться по формѣ инспектору; не имѣвшіе такого намѣренія шли подъ прикрытіемъ первыхъ, куда было нужно, безъ записи. На случай позднаго возвращенія крыльца баккалаврскихъ флигелей и задній ходъ въ главный корпусъ оставались постоянно не запертыми. Но опасеніе попасться

начальству было настолько еще сильно, что напр., отправившись въ театръ, болѣе осторожные люди нарочно спѣшили оттуда къ ужину и вечерней молитвѣ домой, чтобы исполнить здѣсь все, что требовалось, и показаться инспектору, затѣмъ снова отправлялись въ театръ досиживать интересный спектакль, дѣлая при этомъ взадъ и впередъ не менѣе 4 верстъ. Остатки этого послѣдняго страха предъ инспекціей стали ослабѣвать съ 1859 г., когда пошли извѣстныя несогласія между ректоромъ и инспекторомъ, разумѣется, очень хорошо извѣстныя студентамъ. Ко всѣмъ проступкамъ молодыхъ людей о. Филаретъ за все это время относился съ невозмутимѣйшимъ благодушіемъ. Въ началѣ зимы 1859 г. былъ такой случай: человѣкъ 5 студентовъ были тихонько въ театрѣ и, воротившись оттуда, къ величайшей своей досадѣ, нашли всѣ двери въ корпусъ запертыми по распоряженію помощника инспектора, который все еще пытался бороться съ нарушеніями дисциплины; не запертою оставалась одна только дверь съ двора въ кухню, изъ которой можно было пробраться въ столовую; но по изслѣдованію и столовая оказалась тоже запертой; посовались туда-сюда и порѣшили прорваться до своихъ коекъ прямо чрезъ инспекторскую переднюю по боковой лѣстницѣ изъ кухни, но только лишь вошли туда, какъ изъ залы инспектора отворилась дверь и въ ней показался со свѣчей онъ самъ самолично; преступные юноши, закрывшись воротниками, одинъ за другимъ всѣ чинно прошли передъ нимъ и скрылись въ среднемъ корридорѣ, а онъ имъ свѣтилъ и благодушно улыбался. Замѣтивъ, что всѣ они въ порядкѣ, онъ оставилъ дѣло безъ вниманія и никогда потомъ даже не упоминалъ объ немъ ни однимъ словомъ.

Въ святки послѣ его отъѣзда у студентовъ явилось новое увлеченіе, которое много отвлекало ихъ отъ другихъ болѣе грубыхъ увеселеній: по иниціативѣ главнаго театрала VIII курса Ѳ. В. Ливанова, извѣстнаго послѣ автора многихъ сочиненій по расколу, они затѣяли игру въ домашніе спекчакли. За исключеніемъ только самыхъ лѣнивыхъ и смирныхъ, этими спектаклями заинтересовались всѣ студенты и сообща занялись ихъ обстановкой. Мѣстомъ ихъ назначенъ былъ дортуаръ старшихъ студентовъ. Койки были сдвинуты всѣ въ одну сторону и образовали весьма покойныя мѣста для зрителей; добыли залежавшееся у эконома полотно для занавѣси, набрали огарковъ для рампы; взяли даже волшеб-

ный фонарь изъ физическаго кабинета, такъ такъ представленіе готовилось волшебное,—передѣлка изъ Ночи на Рождество Гоголя со скрадываніемъ на небѣ мѣсяца; всѣ роли были разобраны самыми лучшими поклонниками Гоголя изъ обоихъ курсовъ, и въ одинъ святочный вечеръ послѣ ужина началось комедійное дѣйство. На первый разъ оно не удалось изъ-за волшебнаго фонаря, который совсѣмъ не дѣйствовалъ, — зрители, сидя въ потемкахъ, сначала хохотали, потомъ соскучились, и Гоголь провалился позорнѣйшимъ образомъ. Но зато послѣ него на другихъ спектакляхъ артистически прошло нѣсколько тогдашнихъ модныхъ бытовыхъ комедій и сцены изъ Разбойниковъ Шиллера. Ректоръ конечно зналъ о проказахъ молодежи, но не мѣшалъ ей, вѣроятно не велѣлъ мѣшать и инспекціи, находя эти спектакли болѣе приличнымъ исходомъ для молодыхъ силъ, чѣмъ какіе нибудь кутежи, которые легко могли явиться въ это вакатное время. По окончаніи святокъ кончились и спектакли и студенты увеселялись въ свободное время только танцами, въ которыхъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ тотъ же Ѳ. Ливановъ, серьезно считавшій себя вполнѣ свѣтскимъ кавалеромъ и одинъ изъ всѣхъ товарищей имѣвшій даже собственный фракъ. Едва перехвативъ чего нибудь за ужиномъ и не дожидаясь конца, онъ бѣжалъ въ гардеробную комнату, зажигалъ множество свѣчей, взятыхъ изъ разныхъ №№, и, когда студенты возвращались сюда изъ столовой, сейчасъ же разставлялъ всѣхъ въ пары и начиналъ дирижировать баломъ.

Весной и лѣтомъ, пользуясь свободой выхода, нѣкоторые студенты предавались водяной потѣхѣ. У одного изъ нихъ, казанца К. В. Лаврова была собственная лодка, около которой собрался цѣлый экипажъ человѣкъ изъ 12 въ должностяхъ — хозяинъ капитана, другіе кто его помощника, кто боцмана, шкипера, юнги и проч. Экипажъ этотъ по цѣлымъ суткамъ пропадалъ или на оз. Кабанѣ, или на Волгѣ, уѣзжая иногда очень далеко и подвергаясь даже опасностямъ. Однажды въ разливъ лодка была застигнута бурей и пловцы едва спаслись, сломавъ руль и совершенно выбившись изъ силъ. Ночью, во время привала лодки къ какому нибудь пустому берегу, экипажъ ея разводилъ костеръ и до зари благодушествовалъ за свѣжей ухой. Одно время въ 1859 г. студенты,— всѣ почти той же компаніи, — увлеклись искусствомъ одного фехтовальщика итальянца, плѣннаго офицера Спинелли, ко-

торый содержалъ въ Русской Швейцаріи ресторанъ, и, убѣдивъ себя въ томъ, что безъ фехтовальнаго искусства по Арскому полю очень опасно ходить ночью, начали учиться фехтовать. Изъ оконныхъ занавѣсокъ были вынуты желѣзные прутья и оказались совсѣмъ похожими на рапиры. Въ гардеробной комнатѣ и въ больницѣ, гдѣ часто собирались студенты для разныхъ апокрифическихъ занятій, послѣ обѣда по цѣлымъ часамъ только и слышно было топанье ногъ и чиканье импровизованныхъ рапиръ. Забава эта впрочемъ недолго нравилась и послѣ нѣсколькихъ синяковъ была оставлена.

Послѣдній $18^{59}/_{60}$ курсовой годъ, какъ и всѣ вообще такіе курсовые годы, студенты VIII курса провели въ усиленныхъ занятіяхъ за писаніемъ курсовыхъ сочиненій, изрѣдка отрываясь отъ работы, чтобы встряхнуться и размяться какой нибудь новой забавой. По окончаніи главной черновой работы за этими сочиненіями въ Пасху 1860 г. они опять вспомнили свои комедійныя дѣйства. Еще раньше спектакль затѣвался въ святки; на немъ положено было соединить пріятное съ полезнымъ, — поставить піэсу на французскомъ языкѣ (Дезертиръ, изд. при французской грамматикѣ Перелогова) для практики во французскомъ разговорѣ. Піэса была выучена твердо, но когда артисты послушали себя на репетиціи, имъ самимъ стало тошно отъ своего прекраснаго французскаго произношенія, и затѣя эта сама собой рушилась. За пасхальную игру студенты поплатились было очень дорого. Слухи объ ней дошли до владыки и онъ немедленно потребовалъ отъ начальства объясненій. Ректоръ Іоаннъ постарался выручить студентовъ изъ бѣды. Призвавъ череднаго старшаго, онъ сдѣлалъ ему такой допросъ: „Какіе вы тамъ театры устроили? Вѣроятно, піэсы какія нибудь читали“? — Точно такъ, В. В—біе. — „Это что же? Въ родѣ литературнаго вечера?“ – Точно такъ,—въ родѣ литературнаго вечера. — „Какъ же вы читали? Разными голосами или одинъ всю піэсу?“ — Разными голосами. — „А! Значитъ, каждый характеръ въ піэсѣ спеціально изучался особымъ студентомъ?.. Что же? Для изученія литературы это хорошо. Только будьте осторожны, а то въ городѣ все это передается въ превратномъ видѣ. Ступайте и скажите это другимъ студентамъ“. Допросъ былъ снятъ,—дѣло выяснено и въ такомъ видѣ доложено преосвященному. Владыка успокоился. Но болѣе, чѣмъ уже черезъ годъ, эти несчастные спектакли снова подверг-

лись обслѣдованію и притомъ со стороны высшаго начальства. На нихъ обратили вниманіе слѣдователи по дѣлу о панихидѣ 1861 г и на какомъ-то основаніи донесли, что студенты, игравшіе Гоголевскаго Ревизора вечеромъ третьяго дня Пасхи, начали готовить свои роли будто бы ни раньше, ни позже, какъ „съ великаго четверга, не смотря на великіе дни поста и говѣнія". „Сего довольно, сурово замѣтилъ въ своей запискѣ м. Филаретъ, чтобы заключить, что отношеніе академіи къ обязанностямъ религіи неудовлетворительно" (¹).

Всѣ эти выдумки и забавы въ свое время имѣли однако и доброе вліяніе на студенческую жизнь, отвлекая выпущенныя на свободу молодыя силы отъ разныхъ грязныхъ увеселеній, въ родѣ пьяныхъ кутежей, до которыхъ было очень недалеко, особенно въ такое время, какъ святки и Пасха. Отъ того, можетъ быть, ректоръ Іоаннъ и смотрѣлъ на нихъ снисходительно. Въ обществѣ студентовъ господствовало тогда преимущественно остроумное и артистическое веселье. Даже среди не совсѣмъ трезвыхъ компаній главнымъ связующимъ предметомъ было вовсе не вино, а тѣ остроты, выдумки, проказы, въ которыхъ участники этихъ компаній соперничали другъ передъ другомъ и о которыхъ долго послѣ не могли вспоминать безъ смѣха. Замѣчательно, что между студентами вовсе не водилось игры въ карты, — занятіе это казалось неостроумнымъ и скучнымъ. Въ IX курсѣ былъ одинъ здоровый студентъ А. Лавровъ, въ 1860 г. исключенный по извѣстной исторіи объ утонутіи чиновника Попова на оз. Кабанѣ. Голова у него была нѣсколько тяжеловата на выдумки, но онъ высоко ихъ цѣнилъ и не могъ безъ нихъ обойтись, когда былъ навеселѣ. Для удовлетворенія такой потребности онъ прибѣгалъ къ помощи чужой, болѣе находчивой головы: обладая громадной силой, завладѣвалъ кѣмъ нибудь изъ нравившихся ему остроумныхъ студентовъ, угощалъ его, всюду съ нимъ ходилъ по академіи, посадивъ его иногда даже къ себѣ на плечо, какъ обезьяну, и отъ времени до времени обращался къ нему съ настойчивымъ требованіемъ: „Говори идею". Идея должна была состоять въ изобрѣтеніи какой нибудь необыкновенной выходки, которой бы никто не ожидалъ. И нужно было, во что бы то ни стало, непремѣнно дать ему такую идею, чтобы онъ занялся ея выполненіемъ, иначе

(¹) Собран. мнѣній и отзывовъ т. V, ч. 1, стр. 104.

богатырь придумывалъ что нибудь самъ и всегда что нибудь не совсѣмъ удобное, напр. вдругъ задумывалъ измѣнить фасонъ желѣзной рѣшетки на лѣстницѣ или взгромоздить одинъ на другой нѣсколько тяжелыхъ занятныхъ столовъ, чтобы, взобравшись на нихъ, въ отличіе отъ другихъ людей уснуть на потолкѣ.

Послѣ выхода VIII курса, еще заставшаго кое какіе остатки старой дисциплины, память о послѣдней прекратилась окончательно. Кончились даже недавнія эстетическія, литературныя и артистическія увлеченія, которыя скрашивали студенческую жизнь. Печальное для всѣхъ учебныхъ заведеній время 1860-хъ годовъ настало и для академіи. Съ самаго же начала при переходѣ въ старшее отдѣленіе IX курсъ началъ терпѣть большія потери въ своемъ составѣ вслѣдствіе вольнаго и невольнаго исключенія разныхъ студентовъ изъ академіи: лѣтомъ 1860 г. исключены студенты Лавровъ и Поповъ изъ-за исторіи на оз. Кабанѣ, потомъ въ началѣ 1861 г. еще одинъ студентъ, въ нетрезвомъ видѣ шумѣвшій у дверей самого ректора и порывавшійся вломиться къ нему съ весьма воинственными цѣлями. Нельзя не отмѣтить здѣсь замѣчательной черты въ характерѣ ректора Іоанна,—онъ не попомнилъ этой личной себѣ обиды, причислилъ потомъ этого студента снова къ его курсу и далъ ему возможность получить степень кандидата. Далѣе, — разразилось извѣстное дѣло о панихидѣ, кончившееся тоже исключеніемъ нѣсколькихъ студентовъ изъ обоихъ отдѣленій. Нельзя сказать, чтобы нравственное состояніе студентовъ слишкомъ уже за это время понизилось,—этого не было. Виною всѣхъ наиболѣе грустныхъ явленій въ ихъ жизни и самаго исключенія нѣкоторыхъ изъ академіи была главнымъ образомъ развившаяся между ними на свободѣ какая-то бездисциплинная и безстрашная откровенность и безоглядность жизни. Мы уже говорили, что результатомъ такой именно безоглядности было и самое крупное дѣло того времени, наиболѣе скомпрометировавшее академію, — дѣло о панихидѣ 1861 г., послѣ котораго начальство заподозрило академическихъ студентовъ даже въ политической неблагонадежности.

Однимъ изъ результатовъ участія студентовъ въ манифестаціонной панихидѣ 1861 г. была чрезвычайная ревизія академіи чрезъ слѣдователей по дѣлу о панихидѣ. Послѣдніе собирали всевозможныя свѣдѣнія объ академической жизни съ 1860 г. и изъ всевозможныхъ источниковъ; напр. объ упо-

мянутой выше не состоявшейся жалобѣ профессоровъ на ректора Іоанна первыя свѣдѣнія были получены слѣдователемъ Олферьевымъ въ дворянскомъ клубѣ за карточнымъ столомъ. Изъ ихъ донесеній по начальству о состояніи академіи коечто публиковано теперь печатно въ V т. Собранія мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, чѣмъ мы и воспользуемся. По самому свойству своей задачи, слѣдователи выставляли на видъ главнымъ образомъ конечно темныя стороны въ жизни студентовъ, не касаясь примѣровъ благонравія послѣднихъ, но картина, рисуемая ими, все-таки имѣла довольно общій характеръ. Вотъ извѣстные намъ пункты ихъ отчета: 1) „Какъ учащіе, такъ и учащіеся во многомъ отступили отъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ уставомъ заведенія, и во многомъ допустили нарушеніе порядка и благочинія. 2) Обязанность ходить къ общественному богослуженію исполняется въ послѣднее время, какъ слѣдуетъ, немногими студентами, прочіе же или не ходятъ въ церковь, или ходятъ, но не за тѣмъ, за чѣмъ должно (?). Начальники академіи все это знаютъ и, когда бываютъ въ храмѣ, видятъ, однако оставляютъ безъ вниманія. Богослуженіе, при всемъ сокращеніи, совершается кое-какъ. Молитвъ утреннихъ и вечернихъ съ 1860 г., за исключеніемъ времени пребыванія ревизоровъ, по настоящее время вовсе не было. 3) Въ классы вообще немногіе ходятъ и нерѣдко не болѣе 2 или 3 человѣкъ изъ отдѣленія. 4) Студенты ложатся спать и встаютъ, когда хотятъ; имъ не воспрещается отлучаться, куда и когда хотятъ, будетъ ли то время богослуженія или классовъ, или время ночи. Студенты иногда возвращаются въ академію въ позднюю пору и не всегда трезвые. Въ образѣ мыслей ихъ и жизни замѣтна вольность. По мнѣнію большинства лицъ, знакомыхъ съ академіею, при ректорѣ Іоаннѣ она незамѣтно стала становиться на ложный путь. — Преосвященный архіепископъ Аѳанасій изволилъ отозваться, что нынче духъ вездѣ не хорошъ, но что, по мнѣнію его, нѣтъ особенной надобности предпринимать что либо важное, а не лишнее было бы припугнуть, кого слѣдуетъ, и, пожалуй, дать академіи другаго начальника“. Съ этою мыслью преосвященнаго Аѳанасія, приписывавшаго всѣ неурядицы въ жизни студентовъ очевидно не столько духу студентовъ, сколько администраціи академіи, согласно было и духовное начальство [1].

[1] Мнѣнія и отзывы стр. 104—106.

Свобода студенческой жизни была дѣйствительно доведена до крайности, до упраздненія даже такихъ ограниченій, которыя необходимы для всякаго вообще общежитія и внѣшняго порядка. Напр. общія собранія студентовъ для обѣда и ужина въ столовой готовы были совсѣмъ порушиться. Разные безпорядочные люди требовали свои обѣденныя и ужинныя порціи, когда вздумалось, таскали ихъ изъ столовой въ комнаты къ явному ущербу чистоты жилыхъ помѣщеній, въ ущербъ даже самой экономіи. Студенческія пирушки не укрывались уже гдѣ нибудь въ сторонѣ, а происходили открыто въ занятной комнатѣ и послѣдняя принимала видъ какого-то грязнаго буфета съ тарелками (конечно казенными) соленыхъ огурцовъ, капусты и проч. Въ самой столовой не было должнаго порядка въ подачѣ кушаній и вообще во всей процедурѣ обѣдовъ и ужиновъ; каждый начиналъ ѣсть особо и уходилъ изъ-за стола тоже особо. Не говоримъ уже о благочестивомъ чтеніи за столомъ Четіихъ-Миней, которое производилось въ академіи почти до 1860 г.; — этотъ недавній обычай сразу сталъ какой-то необычайно-старой стариной, о которой никто и не вспоминалъ. Собранія на общія молитвы съ 1860 г. тоже прекратились. 11 іюня при ревизорахъ ректоръ написалъ на журналѣ чередныхъ: „Чтеніе утреннихъ и вечернихъ молитвъ отмѣчать не опустительно". Чередные дѣйствительно стали отмѣчать каждый день, что молитвы читались, но всего черезъ недѣлю опять перестали, потому что на самомъ дѣлѣ онѣ вовсе не читались, и ректоръ не повторилъ своего распоряженія. Съ 1862 г. донесенія чередныхъ старшихъ стали вообще очень лаконичны, состоя всего изъ трехъ словъ, что въ академіи все благополучно. Выходъ изъ академіи до того былъ свободенъ, что студенты могли пропадать изъ академіи на нѣсколько дней, только сказавшись кому нибудь изъ товарищей, гдѣ въ случаѣ надобности ихъ можно отыскать. Одинъ изъ студентовъ X курса П. Князевскій на послѣднемъ году своего ученія поступилъ даже на наемную службу въ уголовную палату, готовя себѣ тамъ штатное мѣсто къ окончанію курса, и преспокойно ходилъ туда каждое утро заниматься письмоводствомъ.

При такой обстановкѣ студенческаго общежитія для нравственно слабыхъ людей было очень много соблазновъ дойти до полной разнузданности и число этихъ слабыхъ людей должно было все болѣе увеличиваться къ еще большему разстройству расшатаннаго порядка. А кругомъ академіи гос-

подствовали между тѣмъ все огрубляющія впечатлѣнія современнаго нехорошаго духа 60-хъ годовъ. Вмѣсто прежнихъ облагороживающихъ знакомствъ у студентовъ усиливались связи съ огрубляющими, низменными слоями общества. XI-й курсъ былъ едва ли не самымъ несчастнымъ по усиленію въ немъ такихъ огрубляющихъ вліяній и по числу нравственно слабыхъ студентовъ, съ которыми не знали, что дѣлать, даже ихъ товарищи и которые потомъ одинъ за другимъ сгибли отъ своихъ слабостей по выходѣ изъ академіи. Въ 1863 г., по иниціативѣ нѣкоторыхъ студентовъ эстетиковъ, снова начались было въ академіи литературные вечера и комедійныя дѣйства, но и они не имѣли уже теперь прежняго значенія и часто служили только лишними поводами къ кутежамъ. Въ Академической слободкѣ нашлись двѣ харчевни, которыя завели у себя особыя студенческія помѣщенія и открыли студентамъ любезный кредитъ. Коммерсантъ одной изъ нихъ—еврей—отпускалъ свой товаръ по первому требованію; требованія эти имѣли техническое названіе посланія къ евреямъ.

Мы указывали здѣсь на одни только болѣзненныя явленія студенческой жизни, которыя служатъ выраженіемъ тогдашняго упадка въ ней дисциплины и опредѣленіемъ крайнихъ степеней, до какихъ доходила ея распущенность, но при этомъ конечно вовсе не думаемъ характеризовать ими общее теченіе этой жизни. Жизнь эта, молодая, талантливая, имѣла въ себѣ такіе богатые источники здоровья, что могла переживать всѣ подобныя явленія безвредно для своего общаго состоянія и обращать ихъ даже въ пользу своего общаго развитія. Студенчество академіи въ общемъ своемъ составѣ не переставало быть все-таки цвѣтомъ молодежи своего сословія. Всѣ аномаліи его жизни были только временнымъ результатомъ переходнаго времени, когда прежняя система дисциплинарнаго строя этой жизни устарѣла и рушилась, какъ не отвѣчавшая потребностямъ новаго времени, а новая еще не успѣла выработаться. Даже суровые слѣдователи 1861 г. въ заключеніе своего мрачнаго отчета о состояніи академіи писали: „Справедливость требуетъ сказать, что заведеніе это не въ безнадежномъ состояніи. Въ большей части студентовъ видна воспріимчивость ко всему благому, когда внушаютъ имъ доброе". Учившіеся тогда студенты, теперь люди солидные и опытные въ жизни, съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминаютъ объ этомъ времени своей жизни

со всѣми его недостатками и находятъ въ немъ много добрыхъ чертъ.

Мы имѣемъ подъ руками любопытную въ этомъ отношеніи записку одного бывшаго студента академіи XI курса, Александра Ив. Бекрѣева, учившагося въ академіи всего два года и перешедшаго потомъ въ казанскій университетъ. Сравненіе между этими двумя высшими заведеніями онъ прямо и рѣшительно склоняетъ въ пользу именно академіи, о которой сохранилъ прекрасную и благодарную память. Указавъ на господствовавшую въ его время крайнюю свободу студентовъ въ посѣщеніи лекцій и въ занятіяхъ, онъ пишетъ, что отсюда все-таки „никакъ нельзя заключать, чтобы студенты не выполняли своего назначенія, не занимались по-своему наукой. Не аудиторія была здѣсь храмомъ науки, а библіотека и занятная комната. Ходить на лекціи было не обязательно, по крайней мѣрѣ никто не слѣдилъ за этимъ. Право свободнаго хожденія или нехожденія на нихъ фактически проводилось и студентами, и начальствомъ. Повидимому скверно, не нормально. Но вотъ что я скажу въ объясненіе и въ оправданіе этого: и теперь черезъ 24 года (писано въ 1889 г.) по выходѣ изъ академіи не могу безъ умиленія, безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить и о начальствѣ, и объ наставникахъ, и объ общемъ тонѣ жизни и ученія именно въ этомъ оригинальномъ высшемъ учебномъ заведеніи въ правленіе ректора Іоанна. Думаю, что нигдѣ и никогда въ другомъ мѣстѣ этого не было. Когда состоялся переводъ Іоанна въ петербургскую академію, одновременно вышло изъ академіи, если не ошибаюсь, 13 человѣкъ, въ томъ числѣ и я“. Болѣе точно исторія эта будетъ разсказана нами ниже. „Доканчивалъ я образованіе въ казанскомъ университетѣ; но всѣмъ своимъ развитіемъ, всѣмъ своимъ навыкомъ систематизировать знанія, своей привычкой сколько нибудь сознательно и самостоятельно заниматься научными предметами я обязанъ исключительно академіи. Странно это, можетъ быть, на первый взглядъ, но это такъ: безъ лекцій, безъ аудиторіи, студенты академіи, кладу руку на сердце, были развитѣе, занимались безконечно болѣе своимъ дѣломъ, чѣмъ студенты университета, — сужу по личному опыту. Бывало, какъ только настанетъ вечеръ, всѣ обитатели этого зданія по своимъ мѣстамъ, всѣ за книжками и конторками для письма и конечно стыдно кому нибудь выдѣлиться ничегонедѣланіемъ.

Всѣ и все занимается, и такъ изо дня въ день, не исключая и праздниковъ. Послѣ ужина, нечего грѣха таить, отдыхали въ полное свое удовольствіе, кто во что гораздъ: въ одномъ № поютъ волжскія или Некрасовскія пѣсни, въ другомъ даже и за рюмочкой сидятъ. Но на другой день опять трудъ и занятіе неуклонное. И все это безъ понуканья, безъ палки, безъ назойливаго вожденія на помочахъ. Развѣ не лестно молодому уму до всего добираться самому, быть обязаннымъ всѣмъ знаніемъ только себѣ? Нѣтъ, скажу я, болѣе высокаго удовольствія и, прибавлю, пользы для молодыхъ научныхъ силъ! Библіотека и очень богатая подъ руками; профессора рады, когда къ нимъ обращается студентъ за какимъ нибудь руководительствомъ, укажутъ и наставятъ, какъ справиться съ дѣломъ; и нисколько они не были въ претензіи, по крайней мѣрѣ вида не показывали, что студентъ пропускаетъ ихъ лекціи. Вѣчная имъ за все это благодарность! Не то было, скажу кстати, въ университетѣ. Нечасто случалось брать книги по требованію и нуждѣ своей въ библіотекѣ, потому что, заявляютъ здѣсь, книги разобраны профессорами, а подступиться къ этимъ послѣднимъ не легкое дѣло. Да простятся мнѣ недобрыя воспоминанія, тяжело лежащія на душѣ... Когда мы прощались съ ректоромъ Іоанномъ, у многихъ я замѣтилъ слезы на глазахъ, не исключая и себя. Помню,— цѣлый день послѣ этого студенты ходили, какъ потерявшіе что-то. И дѣйствительно, потеряли многое, потеряли, скажу, все, а именно свободу, возможность расправлять свои крылья, вставать самимъ на свои ноги. Правъ я или нѣтъ, не мнѣ судить, но я убѣжденъ въ томъ, что сказалъ по чистой, нелицемѣрной совѣсти, не кривя оной ни передъ собой, ни передъ людьми“.

Намъ нѣтъ надобности критиковать этого отзыва, исправлять нѣкоторыя его неточности и, пожалуй, тенденціозности. Онъ важенъ для насъ, какъ онъ есть, съ его именно субъективной стороны, какъ свидѣтельство именно личнаго отношенія стараго студента къ своему незабвенному студенческому времени. Видно, что студенчество имѣло тогда много добрыхъ задатковъ самостоятельной жизни, которыми оно легко могло довольствоваться и безъ внѣшней поддержки въ своемъ безпризорномъ состояніи. По воспоминаніямъ и разсказамъ другихъ современниковъ, въ началѣ 1860-хъ годовъ для упорядоченія своей жизни оно успѣло выработать для

себя замѣчательные и довольно крѣпкіе начатки даже нѣкотораго рода самоуправленія. Въ часы занятій въ занятныхъ комнатахъ соблюдалась полнѣйшая чинность и тишина безъ всякаго внѣшняго надзора. Обыденная труженическая жизнь, которую проводило большинство студентовъ, шла спокойно и безъ помѣхъ. Они уже сами наблюдали за тѣмъ, чтобы напр. товарищъ, находящійся въ праздничномъ настроеніи, былъ удаляемъ куда нибудь въ гардеробную, въ спальню, или больницу, никому не мѣшалъ и не совался въ глаза начальству, чтобы для сохраненія чистоты воздуха курильщики не курили въ комнатахъ, чтобы въ спальной во время сна никто не шумѣлъ и т. д. Та вѣра въ жизненность, благородство и силы молодаго поколѣнія, которую, если и не питалъ, то по крайней мѣрѣ постоянно обнаруживалъ ректоръ Іоаннъ, была глубоко цѣнима студенчествомъ, служила сильнымъ для него побужденіемъ поддержать свою репутацію и спасала его отъ недобрыхъ увлеченій времени едва ли не вѣрнѣе, чѣмъ могли тогда сдѣлать это мѣры репрессивныя, возбуждавшія въ молодежи одно только раздраженіе и открытыя волненія. Къ концу ректорства Іоанна у студентовъ академіи, по примѣру университетскихъ, явились даже корпоративныя студенческія учрежденія, — общія собранія для рѣшенія общихъ дѣлъ, собственная студенческая библіотека и касса.

Въ университетѣ вопросъ о разныхъ принадлежностяхъ корпоративнаго устройства студенчества былъ вопросомъ жгучимъ и волнующимъ. Въ академіи онъ не имѣлъ такого характера; студенты ея жили на казенномъ содержаніи, всѣ вмѣстѣ, видѣлись между собою каждый день безъ всякихъ нарочныхъ собраній или сходокъ, библіотеку имѣли подъ рукой казенную и могли свободно добывать изъ нея все, что имъ было угодно, кромѣ развѣ свѣжихъ газетъ, которыя сначала читали начальники и наставники. А потому указанныя корпоративныя учрежденія явились у нихъ почти незамѣтно, исподоволь, никого не волнуя и ни откуда не встрѣчая препятствій. Учрежденію студенческой библіотеки и кассы помогли сами наставники академіи. Первая завелась съ начала 1860-хъ годовъ съ цѣлью доставить студентамъ возможность читать свѣжія газеты и журналы. Многія редакціи присылали въ нее свои изданія безплатно. Редакція Православнаго Собесѣдника сдавала въ нее дуплеты разныхъ періодическихъ изданій, какія получала въ обмѣнъ на свое изданіе.

Были пожертвованія и отъ наставниковъ. На свой счетъ студенты выписывали только очень небольшое число книгъ, складываясь между собою копѣекъ по 50 въ годъ и даже меньше. Въ $18^{63}/_{64}$ году студенческая библіотека получила уже почтенные размѣры и потребовала особаго библіотекаря, выборъ котораго и былъ однимъ изъ первыхъ общихъ дѣлъ студенческаго собранія. Первымъ библіотекаремъ былъ избранъ студентъ X курса П. С. Озерецкій. Студенческая касса (или, какъ она громко называлась, банкъ) явилась лѣтомъ 1864 г., какъ средство самопомощи студентовъ въ ихъ крайней бѣдности. За исключеніемъ немногихъ студентовъ, получавшихъ кое-какія деньги отъ родныхъ, отъ уроковъ, отъ письмоводства въ канцеляріи и редакціи Собесѣдника, отъ переписки и проч., всѣ остальные для удовлетворенія своихъ небольшихъ частныхъ потребностей постоянно нуждались въ кредитѣ и искали его даже у своего булочника или какого нибудь Бузова, содержателя слободской харчевни. Для удовлетворенія этой нужды студенческій банкъ оказывался очень полезенъ; заведенію его много помогли наставники, устроивъ для этого между собой подписку, давшую банку первую, хотя и небольшую, фондовую сумму. Сумма банка была впрочемъ и послѣ не высока и дальше 200 руб. не простиралась. Изъ него можно было получать ссуды (до 3 руб.) деньгами, марки для писемъ, чай, сахаръ и табакъ, а этимъ и ограничивались всѣ нужды студентовъ. Для увеличенія кассы своей банкъ впрочемъ бралъ очень значительные проценты—до 5% въ мѣсяцъ, что̀ побуждало должниковъ поскорѣе съ нимъ раздѣлываться первыми попавшими въ руки деньгами. Большею частію расплата эта производилась деньгами, которыя студенты раза два въ годъ получали отъ эконома за такъ называемыя мелочи по экипировкѣ, какъ-то: за галстуки, платки, подтяжки и т. п. Но многіе студенты такъ и выходили изъ академіи съ долгами, отъ чего съ теченіемъ времени у банка завязалась большая переписка съ такими должниками, разсѣянными по разнымъ мѣстамъ. Предметы, которые банкъ ссужалъ натурой, оцѣнивались тоже нѣсколько выше своей покупной цѣны. Выборъ банкира и его отчетность предъ студентами были новымъ важнымъ предметомъ студенческихъ собраній. Первымъ банкиромъ былъ выбранъ студентъ XI курса С. Парадизовъ, но за скорымъ выходомъ своимъ изъ академіи въ томъ же 1864 г. сдалъ всѣ дѣла, по выбору собранія, сту-

денту XII к. Я. А. Богородскому, который и оставался на этой должности до самаго окончанія своего курса. Студенческая касса перешла и въ новую послѣреформенную академію.

Весной 1864 г., вмѣсто архимандрита Іоанна, ректоромъ надъ академіей поставленъ былъ архимандритъ Иннокентій, поставившій себѣ задачей снова поднять здѣсь упавшую дисциплину. Задача эта была теперь очень трудна, но не невыполнима для человѣка, который бы лучше умѣлъ понять современное настроеніе молодежи и воспользоваться тѣми добрыми задатками и жизненными силами студенчества, какія поддерживали его при прежнемъ ректорствѣ. Ректоръ Иннокентій съ самаго же начала повелъ дѣло крайне безтактно, обращаясь съ студентами, какъ съ учениками семинаріи, безъ уваженія къ ихъ достоинству и гонору; кромѣ того, держался въ отношеніи къ нимъ такимъ же юристомъ, какъ въ правленскихъ дѣлахъ, цѣплялся за нихъ разными параграфами и пунктами устава и постоянно выводилъ ихъ изъ-себя. Задавшись цѣлью „возстановить въ отношеніи къ студентамъ дѣйствіе всѣхъ §§ устава, не отмѣненныхъ высшею властію", онъ затѣмъ знать ничего не хотѣлъ, кромѣ этихъ §§, и на всѣ представленія и просьбы повременить введеніемъ той или другой мѣры или приспособить ее къ сформировавшейся уже дѣйствительности только упрямо указывалъ на подлежащій § и при этомъ довольно откровенно даже подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ ловко поддѣлъ студентовъ и какъ они ничего противъ этого не подѣлаютъ. Такъ напр. съ самаго начала онъ поддѣлъ ихъ передъ первыми экзаменами, вдругъ отмѣнивъ на нихъ употребленіе конспектовъ и билетовъ, на которыхъ у студентовъ основано было очень многое, относящееся къ благополучію ихъ отвѣтовъ, и какъ они потомъ ни просили его чрезъ своихъ депутатовъ, чтобы онъ дозволилъ употребленіе билетовъ по крайней мѣрѣ на предстоящихъ экзаменахъ, производство которыхъ теперь уже вовсе не время было реформировать, онъ только указывалъ имъ на 185, 384 и 392 §§ устава (гдѣ сказано, что экзамены производятся по вопросамъ) и явно увеселялся ихъ озадаченностью и безпомощностью. Студенты были страшно взбѣшены этой выходкой новаго начальника, собирались вмѣстѣ для ея обсужденія и едва удержались отъ незаконной манифестаціи, послѣ которой наступили бы конечно новыя проявленія надъ ними юридики ректора. Накануне самыхъ экзаменовъ онъ сдѣлалъ даже особую замѣтку

на журналѣ съ свойственнымъ ему остроуміемъ: „Объ испытаніяхъ заявлено мною предварительно и позволяю себѣ надѣяться, что гг. студенты не будутъ заниматься на нихъ столпотвореніемъ“, т. е. вѣроятно городить чушь отъ смѣшенія языковъ.—Еще раньше этого ректоръ озадачилъ студентовъ такимъ уставнымъ предпріятіемъ, которое касалось прямо ихъ животовъ. Отыскавъ въ уставѣ § 253, гдѣ говорилось о двухъ здоровыхъ блюдахъ для студенческаго стола, онъ затѣялъ дѣло объ уничтоженіи въ этомъ столѣ третьяго блюда. Въ маѣ одинъ студентъ XI курса съ волненіемъ извѣщалъ объ этомъ обстоятельствѣ въ письмѣ на родину, которое имѣется у насъ въ рукахъ. Къ счастію для студентовъ, ректору вскорѣ попалось въ правленіи извѣстное дѣло 1858 года о нормальномъ расписаніи студенческаго стола, гдѣ съ утвержденія начальства вездѣ полагалось для этого стола три блюда, и онъ оставилъ свое предпріятіе. Но столъ при немъ все-таки сдѣлался много экономнѣе и хуже прежняго. Въ іюнѣ студенты сдѣлали о томъ формальное заявленіе черезъ старшаго череднаго. По поводу этого заявленія ректоръ снова поддѣлъ студентовъ, указавъ имъ на безпорядочность ихъ обѣдовъ и ужиновъ, и написалъ новую остроумную замѣтку въ журналѣ: „Относительно стола, согласно заявленію, предъявленному мнѣ студ. Балаковскимъ отъ имени всѣхъ студентовъ, сдѣлано мною дознаніе, при чемъ оказалось, что изъ студентовъ одни обѣдаютъ или ужинаютъ въ столовой, другіе въ кухнѣ, а иные берутъ пищу къ себѣ. При такомъ положеніи дѣла сего нельзя сдѣлать желаемаго; а положенія сего впредь не дозволю, чтобы оправдалось или осуществилось желаемое: рука руку моетъ, чтобы обѣ были бѣлы“. Между тѣмъ еще съ мая начались частые обходы ректоромъ студенческихъ комнатъ, при чемъ онъ постоянно подлавливалъ ихъ въ разныхъ безпорядкахъ и раздражалъ своей привязчивостью. А послѣ ваката стали вводиться имъ разныя мѣры по извѣстному дѣлу „о поставленіи студентовъ въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ“.

Общее раздраженіе студентовъ выразилось тѣмъ, что одинъ за другимъ они стали вовсе уходить изъ академіи. Взвѣшивая всѣ шансы, какіе предстояли имъ по окончаніи полнаго академическаго курса и какихъ можно достигнуть, не дожидаясь этого времени, при немедленномъ выходѣ изъ заведенія, они нашли, что ждать окончанія курса вовсе

не стоитъ и что дальнѣйшее ихъ терпѣніе ни къ чему лучшему не приведетъ. Многіе ихъ семинарскіе товарищи и безъ высшаго образованія успѣли составить себѣ такое положеніе, какого имъ нельзя было ожидать и по окончаніи академическаго курса, попавши на службу даже въ самую академію. Разные знакомые, служившіе прежде по духовному вѣдомству, увѣряли ихъ, что считаютъ теперь прежнихъ своихъ духовныхъ начальниковъ истинными своими благодѣтелями именно за то, что тѣ заставили ихъ по неволѣ выйти изъ духовной службы. А тутъ между тѣмъ еще съ 1863 г. для всѣхъ академистовъ свободно открыли свои двери университеты. Движеніе къ выходу изъ академіи началось лѣтомъ 1864 г. сначала между студентами XI курса, готовившагося къ переходу въ старшее отдѣленіе. Курсъ этотъ первоначально состоялъ изъ 36 человѣкъ, но изъ нихъ еще въ 1863 году одинъ (А. Балтинскій) по болѣзни уволился въ епархіальное вѣдомство, другой (Н. Кандалинскій) померъ, третій (А. Плотниковъ) уволенъ по политическому подозрѣнію, четвертый (К. Знаменскій) сошелъ съ ума и въ 1864 г. отправленъ на родину въ Иркутскъ, пятый (Ѳ. Платоновъ), братъ инспектора Веніамина, вмѣстѣ съ братомъ уѣхалъ въ Харьковъ, такъ что къ переходу въ слѣдующее отдѣленіе оставалось всѣхъ 31 ([1]). При ректорѣ Иннокентіи первыми (въ теченіе іюня и іюля 1864 г.) подали прошенія объ увольненіи изъ академіи 7 студентовъ того же курса: В. Миртовъ, С. Загоскинъ, А. Бекрѣевъ, Н. Ждановъ, Ѳ. Зеленогорскій, Кр. Малышевъ и С. Любомудровъ, и всѣ были уволены; въ старшее отдѣленіе перешло такимъ образомъ только 23 человѣка ([2]). Въ августѣ поступилъ въ академію слѣдующій XII курсъ въ числѣ 28 человѣкъ,—меньше штатнаго числа. Бѣгство изъ академіи вскорѣ простерлось и на него; оказалось, что отъ дѣйствія дисциплинарныхъ §§ устава новые воспитанники отвыкли еще въ своихъ семинаріяхъ, а въ академіи и не думали встрѣтить такихъ стѣсненій, на какихъ настаивалъ ректоръ. Вскорѣ по поступленіи въ академію въ сентябрѣ (съ 29 числа) одинъ за другимъ подали прошенія студенты этого курса Н. Студенскій, И. Будринъ, К. Небосклоновъ, потомъ въ октябрѣ Аѳ. Соколовъ, Л. Автократовъ и К. Максимовъ. Правленіе увольняло всѣхъ,

([1]) Д. внутр. правл. 1863 г. № 42.

([2]) Д. 1864 г. №№ 24 и 55.

но въ довольно взволнованныхъ выраженіяхъ опредѣлило взыскать съ нихъ деньги, какъ выданныя имъ на прогоны въ академію и экипировочныя, такъ и израсходованныя на нихъ уже въ самой академіи, „во вниманіе къ тому, что казна никого не обязана прокатывать и содержать на свой счетъ даромъ“, и произвести такой взыскъ до выдачи имъ ихъ документовъ. Св. Синодъ утвердилъ увольненіе ихъ безъ всякаго взысканія, во вниманіе къ ихъ болѣзненному состоянію, подъ предлогомъ котораго подавались и всѣ прошенія [1]. Нѣкоторые изъ уволенныхъ немедленно тутъ же поступили въ университетъ. Между тѣмъ движеніе къ выходу изъ академіи не прекратилось и въ старшемъ XI курсѣ. Въ сентябрѣ уволился по прошенію и болѣзни студ. А. Заволожскій, а 2 октября подали прошенія объ увольненіи трое лучшихъ студентовъ курса, бывшихъ комнатными старшими,—Порф. Гвоздевъ, С. Парадизовъ и А. Голгоѳскій. Прошенія эти особенно взволновали ректора и онъ завелъ изъ-за нихъ длинное дѣло, которое по своимъ характернымъ подробностямъ и эпизодамъ стòитъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться.

Оно началось изъ-за столкновенія студентовъ XI к. съ баккалавромъ іеромонахомъ Хрисанѳомъ и едва было не кончилось выходомъ изъ академіи цѣлаго курса. 25 сентября о. Хрисанѳъ читалъ этому курсу лекцію по основному богословію. Всѣ студенты серьезно его слушали, но одинъ изъ нихъ, имѣвшій дурную привычку производить какіе-то звуки носомъ, вдругъ хрюкнулъ носомъ какъ-то особенно громко. Былъ ли о. Хрисанѳъ чѣмъ нибудь разстроенъ, или сознавалъ въ своей лекціи какіе нибудь недостатки, только ему показалось почему-то, что студенты надъ нимъ смѣются. Человѣкъ нервный и привыкшій къ общему уваженію студентовъ, онъ въ волненіи вскочилъ съ каѳедры и началъ бранить студентовъ, назвалъ ихъ сгоряча бурсаками, кутьей, потомъ, обратясь къ фыркавшему носомъ студенту, заставилъ его повторить лекцію, но, не дослушавъ, чтò тотъ сталъ говорить, снова сталъ браниться, объяснилъ зачѣмъ-то, что не дорожитъ академической службой и готовъ хоть сейчасъ изъ нея выйти, наконецъ плюнулъ и убѣжалъ изъ аудиторіи. Студенты сначала растерялись предъ этимъ неожиданнымъ пассажемъ, но потомъ, обсудивъ его на своемъ собраніи, не на шутку разсер-

[1] Д. 1864 т. №№ 74 и 75.

дились на о. Хрисанѳа и порѣшили на слѣдующую лекцію къ нему не являться. Найдя аудиторію пустою, баккалавръ пожаловался ректору. Послѣдній самъ явился къ студентамъ звать ихъ на лекцію, но они пошли только тогда, когда получили съ ректора слово, что ихъ не обругаютъ въ аудиторіи. Послѣ лекціи ректоръ сдѣлалъ имъ выговоръ за нарушеніе дисциплины, но такъ какъ, по ихъ мнѣнію, выговоръ этотъ слѣдовало сдѣлать не имъ, а о. Хрисанѳу, то они еще болѣе обидѣлись и порѣшили подать на о. Хрисанѳа прошеніе, въ которомъ обвиняли его и въ личномъ ихъ оскорбленіи, и въ оскорбленіи всего даже духовнаго званія. Прошеніе было подано ректору за общимъ подписомъ курса, кромѣ студентовъ, не бывшихъ въ классѣ по болѣзни и по неявкѣ съ ваката. Ректоръ не призналъ его законнымъ, какъ написанное скопомъ, и не принялъ его, а студентамъ объявилъ, что за самовольный неприходъ на лекцію они будутъ наказаны голоднымъ столомъ и что кромѣ того обязываются извиниться предъ о. Хрисанѳомъ, въ противномъ случаѣ главные виновники въ этомъ дѣлѣ, именно старшіе, какъ обязанные останавливать всякіе вообще безпорядки, будутъ или исключены изъ академіи, или лишены казеннаго содержанія; въ заключеніе всего онъ потребовалъ отъ старшихъ письменнаго изложенія всего дѣла. „Какой позоръ! писалъ по этому поводу одинъ изъ этихъ старшихъ въ письмѣ на родину, выражая общія впечатлѣнія, какія произвели на студентовъ распоряженія ректора. Извиняться предъ Хрисанѳомъ и быть наказанными, какъ школьники, лишеніемъ стола! Для избѣжанія такихъ непріятностей мы рѣшились выйти изъ академіи всѣмъ курсомъ“. Первые подали прошенія объ увольненіи упомянутые трое старшихъ; за ними должны были послѣдовать и другіе.

Ректоръ убѣдился, что дѣло разыгралось не на шутку, что грозы его вовсе не страшны и что всѣ вообще принятыя имъ мѣры не подходятъ къ современному настроенію студенчества, и при всемъ своемъ упрямствѣ рѣшился уступить студентамъ. Чтобы удержать ихъ отъ затѣянной манифестаціи, онъ объявилъ имъ, что за голодный столъ ихъ не посадятъ, а о. Хрисанѳъ принесетъ извиненіе, но только передъ нимъ—ректоромъ, а не передъ студентами. Извиненіе въ такой формѣ удовлетворило студентовъ и они успокоились. Троихъ, подавшихъ прошенія, ректоръ уговаривалъ взять послѣднія обратно, но уговоры его уже не подѣйствовали. По-

слѣ всѣхъ столкновеній съ нимъ студенты стали относиться къ нему крайне подозрительно, думая, что онъ постоянно строитъ противъ нихъ злокозненные крючки, чтобы какъ-нибудь ихъ подцѣпить и потомъ позлорадствовать надъ ихъ положеніемъ. Увѣщаніе его взять обратно прошенія было объяснено намѣреніемъ съ его стороны показать, что эти три студента хотятъ выйти изъ академіи вовсе не по болѣзни, какъ это написано въ ихъ прошеніяхъ, а по нѣкоторой другой причинѣ, а затѣмъ завинить ихъ, какъ людей безпокойныхъ, и исключить изъ академіи безъ прошенія съ неодобрительнымъ поведеніемъ. Толковали даже хуже, будто, отпустивъ ихъ отъ себя послѣ длинныхъ увѣщаній, онъ сейчасъ же вслѣдъ за ними отправился тихонько подслушивать, что̀ они будутъ разсказывать студентамъ, чтобы завинить ихъ потомъ въ возмущеніи, и будто бы даже велѣлъ заранѣе запрячь и лошадей, чтобы ихъ всѣхъ троихъ отвезти немедленно въ полицію, какъ бунтовщиковъ. Всѣ эти объясненія поведенія ректора и подозрительные толки объ его намѣреніяхъ высказаны въ сейчасъ поцитованномъ письмѣ на родину одного изъ этихъ самыхъ студентовъ. Когда никто изъ нихъ не согласился взять своего прошенія, ректоръ 3 октября рѣшилъ отправить ихъ для освидѣтельствованія во врачебную управу. Цитуемое письмо и это весьма обыкновенное распоряженіе, требовавшееся даже прямо по закону, объясняетъ тоже особенными кознями ректора. У студентовъ составилось даже особое сказаніе о томъ, какъ одинъ изъ членовъ правленія экономъ іером. Григорій, по порученію ректора, будто бы нарочно ѣздилъ къ членамъ управы просить, чтобы они не давали уходившимъ студентамъ свидѣтельства о болѣзни, и какъ члены управы оказались будто бы на столько благородны, что не захотѣли губить молодыхъ людей. Врачебная управа дала однако дѣйствительно не совсѣмъ удовлетворительныя свидѣтельства,—у Голгоѳскаго нашла только деликатное тѣлосложеніе, у Парадизова при крѣпкомъ тѣлосложеніи геморрой, а у Гвоздева при такомъ же тѣлосложеніи сердцебіеніе, и замѣтила только, что академическія занятія вмѣстѣ съ аммосовскимъ отопленіемъ въ академіи, пожалуй, дѣйствительно могутъ имъ повредить впослѣдствіи. 17 октября правленіе нашло, что свидѣтельства эти могутъ быть приложены и ко всѣмъ вообще студентамъ академіи, а потому рѣшило: не удерживая просителей отъ выхода изъ академіи, уволить ихъ

„со взысканіемъ съ нихъ всей суммы, издержанной какъ на отправленіе ихъ въ академію и первоначальную экипировку, такъ и на содержаніе ихъ въ академіи до дня выбытія изъ нея, въ такомъ количествѣ, какое причтется по разсчету изъ всей суммы, дѣйствительно израсходованной въ теченіе этого времени на содержаніе академіи, во вниманіе къ тому, что не студенты существуютъ для академіи, а академія для студентовъ, безмездно снабжающая каждаго изъ нихъ не однимъ только столомъ и одеждою, но и квартирою, отопленіемъ, лекціями и проч."; до внесенія же всей такой суммы не выдавать имъ документовъ, хотя бы для поступленія въ университетъ, но для того, чтобы они не разстраивали прочихъ студентовъ, немедленно выдать имъ билеты для проѣзда въ ихъ епархіи. Такое рѣшеніе, ставившее бѣдняковъ въ безвыходное положеніе, было, какъ нельзя болѣе, чувствительной для нихъ местью ректора и заставило ихъ обратиться съ прошеніями къ оберъ-прокурору Св. Синода. Они писали, что взысканіе денегъ опредѣлено съ нихъ несправедливо, такъ какъ они увольняются по болѣзни, законно засвидѣтельствованной, и такъ какъ такого взыска денегъ не было опредѣлено для студентовъ, вышедшихъ изъ академіи по той же причинѣ раньше ихъ въ томъ же году, что если бы они знали о такомъ взыскѣ заранѣе, то при самомъ назначеніи въ академію стали бы просить свои начальства освободить ихъ отъ такого назначенія. Отвѣта на эти прошенія не было очень долго; только отъ 12 августа слѣдующаго 1865 г. вышло общее распоряженіе Св. Синода, опредѣляющее взысканія денегъ со всѣхъ, увольняющихся изъ академіи безъ особыхъ причинъ, но въ размѣрѣ не ректорскаго предложенія, а только одного студенческаго оклада. Рѣшеніе объ увольненіи самихъ просителей въ частности съ дозволеніемъ выдать имъ и документы пришло уже отъ 6 октября 1865 г. Правленіе академіи исполнило это рѣшеніе, опредѣливъ взыскъ денегъ,—съ Гвоздева и Парадизова по 277 р., съ Голгоѳскаго 212 р. 50 к.,—и поручивъ произвести его ихъ епархіальнымъ начальствамъ. Въ 1866 г. они стали проситься изъ духовнаго званія въ свѣтское. Тогда Св. Синодъ, уволивъ ихъ изъ духовнаго званія, отъ 1 іюля опредѣлилъ сдѣлать отмѣтку объ ихъ денежныхъ обязательствахъ въ ихъ увольнительныхъ свидѣтельствахъ и затѣмъ точно такъ же поступать впредь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (¹).

(¹) Д. внутр. правл. 1864 г. № 76.

Массовое движеніе студентовъ къ выходу изъ академіи на этихъ трехъ студентахъ и покончилось. Случайная убыль студентовъ продолжалась впрочемъ и послѣ того: изъ XI курса выбыли уволенный въ 1865 г. П. Лысенко и умершій въ 1866 г. С. Косаткинъ; изъ XII въ 1865 г. уволились по прошенію Г. Ушнурскій и П. Милицынъ, въ 1866 г.—по болѣзни В. Павловскій и И. Соковнинъ, да одинъ—П. Алѣевъ—померъ. Оба эти курса при выпускѣ изъ академіи оказались менѣе всѣхъ курсовъ, какіе когда либо выходили изъ казанской академіи,—XI-й состоялъ изъ 18, а XII-й всего изъ 17 человѣкъ. Вслѣдствіе такого сильнаго ихъ опустошенія начальство академіи должно было значительно понизить даже дисциплинарныя свои требованія, какія оно было предъявило прежде студентамъ. Какъ ни старался послѣ этого ректоръ о проведеніи своихъ мѣропріятій „къ поставленію студентовъ въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ“, изъ всѣхъ его стараній ничего не выходило на дѣлѣ. Онъ успѣлъ, и то не надолго, возстановить кое-какой порядокъ только во внѣшнемъ распредѣленіи жизни студентовъ, собранія на общія молитвы, въ столовую для обѣдовъ и ужиновъ и отчасти болѣе правильное посѣщеніе студентами лекцій. Устройство въ оградѣ академіи желѣзныхъ воротъ и при нихъ каменной сторожки, отъ котораго ректоръ ожидалъ наибольшихъ результатовъ къ „поставленію студентовъ въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ“, повело только къ открытію новыхъ путей сообщенія съ городомъ „по желѣзной дорогѣ“, какъ выражались студенты, т. е. чрезъ ворота, и „по шоссе“, т. е. подъ оныя,—кстати они были сдѣланы очень короткія. А въ ноябрѣ, вскорѣ послѣ устройства сторожки, какой-то „пьяный университетскій педагогъ“, какъ писалъ ректоръ въ журналѣ, выбилъ окна у самого караульщика этой сторожки. Для увольненія въ городъ осенью 1864 г. заказано было отпечатать особые студенческіе билеты, но дѣло это кончилось тѣмъ, что инспекторъ выдалъ чередному старшему только тетрадку для записи отлучавшихся, да и та не пошла въ ходъ и очень скоро куда-то пропала. Отлучки изъ академіи остались попрежнему свободными во всякое время. Ректоръ нѣсколько разъ принимался увѣщевать студентовъ и писалъ уже извѣстныя замѣчанія на журналѣ чередныхъ о стояніи въ церкви ὀρθῶς и т. п., тутъ же на

журналѣ вступалъ съ ними въ полемику, но это дѣйствовало на нихъ болѣе увеселительно, чѣмъ назидательно. Въ 1864 и въ началѣ 1865 г. онъ часто лично посѣщалъ ихъ съ намѣреніемъ накрыть на какомъ нибудь безпорядкѣ, но при этомъ нерѣдко и самъ бывалъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Студенты скоро привыкли къ его посѣщеніямъ, принимали его, какъ гостя, вступали съ нимъ въ споры, въ балагурство, а когда въ чемъ нибудь попадались, придумывали разныя курьезныя оправданія. Въ октябрѣ, въ самый разгаръ дѣла о выходѣ троихъ старшихъ студентовъ, онъ засталъ въ одномъ номерѣ 11 человѣкъ студентовъ XI курса въ веселой компаніи и велѣлъ всѣхъ записать въ журналъ. Но двое заявили претензіи,—одинъ, Павелъ Знаменскій заявилъ, что онъ еще не былъ пьянъ, а только подталкивалъ сосѣда, который началъ веселиться, говоря ему: „ты, братъ, погоди,—не веселись пока“, а другой, И. Кувшинскій сказалъ, что только мимоходомъ заглянулъ въ номеръ и пошелъ своей дорогой дѣлать папиросы. Оправданія эти приняты были во вниманіе и ректоръ собственноручно исправилъ запись старшаго: „кромѣ студ. Павла Знаменскаго, замѣченнаго мною въ томъ только, что удерживалъ иного отъ порывовъ, и И. Кувшинскаго, приходившаго при мнѣ въ №, но не вошедшаго въ него, а отправившагося дѣлать курюшки и дѣлавшаго ихъ исправно“...

Къ испивавшимъ студентамъ о. Иннокентій былъ даже довольно снисходителенъ и терпѣлъ ихъ до послѣдней возможности, пока дѣло не доходило до какого нибудь шума и скандала. Въ XI курсѣ этимъ порокомъ отличались особенно трое студентовъ, нѣсколько разъ отмѣченныхъ инспекціей „въ наклонности выпить и въ шумливости“. Двое изъ нихъ успѣли дотянуть до окончанія курса,—одинъ Е. Л. потому, что на послѣднемъ году захворалъ и почти весь годъ провелъ въ больницѣ и не попадался; другой А. С послѣ нѣсколькихъ вразумленій въ 1865 г. совсѣмъ было уже назначенъ былъ къ исключенію, но въ самую критическую минуту заявилъ ректору желаніе поступить въ монашество. Ректоръ, постоянно высказывавшій недовольство тѣмъ, что при немъ никто не постригается въ монашество, такъ былъ радъ этому заявленію нетрезваго студента, что, не смотря на всѣ уговоры не принимать отъ него прошенія, сейчасъ же пустилъ это дѣло въ ходъ. Отъ 20 мая 1865 г. изъ Св. Синода пришло уже и разрѣшеніе на постриженіе. Но къ концу года, когда хо-

тѣли приступить къ самому постриженію этого кандидата на монашество, онъ вдругъ объявилъ отказъ и поставилъ этимъ правленіе въ крайне непріятное положеніе (¹). Ректоръ хотѣлъ было сейчасъ же его исключить изъ академіи, но почему-то не сдѣлалъ этого. При окончаніи курса студентъ этотъ былъ выпущенъ безъ степени. Третій студентъ П. Л. дотянулъ свое пребываніе въ академіи только до весны 1865 г., затѣмъ исключенъ былъ изъ нея даже съ неодобрительнымъ поведеніемъ за то, что явился выпивши въ церковь. По исключеніи онъ обратился съ оправдательнымъ письмомъ къ оберъ-прокурору Св. Синода, въ которомъ писалъ любопытныя вещи: онъ откровенно сознавался, что бывалъ иногда выпивши и въ церкви въ указанное время дѣйствительно былъ не совсѣмъ трезвъ, такъ что пѣлъ нѣсколько громче обыкновеннаго, но что все-таки былъ хорошимъ студентомъ и облеченъ былъ даже должностью старшаго. Въ объясненіи на запросъ по этому письму отъ оберъ-прокурора ректоръ объяснилъ съ своей стороны, что означенный студентъ попадался въ нетрезвости не одинъ разъ, а въ церкви 13 марта произвелъ значительный соблазнъ своимъ крикливымъ пѣніемъ на клиросѣ и, когда его сослали съ клироса, за клиросомъ, да еще и уходить не хотѣлъ, такъ что его не иначе могли вызвать, какъ шепнувши ему на ухо: „пойдемъ выпивать". Просьба его къ оберъ-прокурору оставлена была безъ удовлетворенія, онъ былъ исключенъ даже изъ духовнаго званія (²).

Въ XII курсѣ подобныхъ людей было меньше, потому что этотъ курсъ былъ очищенъ и даже опустошенъ еще въ младшемъ отдѣленіи при указанномъ движеніи студентовъ къ выходу изъ академіи. Въ старшемъ отдѣленіи въ составѣ его осталось всего какихъ нибудь 2—3 студента, которые занимались извѣстными посланіями къ евреямъ. По выбытіи XI курса безпорядковъ вообще стало меньше. Въ началѣ $18^{66}/_{67}$ учебнаго года, когда въ академію поступилъ новый XIII курсъ, инспекція на первыхъ же порахъ поспѣшила воспользоваться обычной податливостью новыхъ студентовъ къ дисциплинарнымъ мѣрамъ и нѣсколько приналегла на нихъ. Ей много помогла въ этомъ случаѣ самая многолюдность этого курса, состоявшаго изъ 45 человѣкъ, между которыми маленькая партія старшихъ сту-

(¹) Д. внутр. правл. 1865 г. безъ №.

(²) Д. того же года № 57.

дентовъ съ ея невыгодными для дисциплины преданіями совершенно терялась. Возможны стали даже такія, давно уже неслыханныя распоряженія со стороны инспекціи, какъ напр. распоряженіе, написанное инспекторомъ на журналѣ въ концѣ августа 1866 г., чтобы студенты всѣ остриглись и сбрили себѣ бороды и усы, или другое въ концѣ сентября, чтобы они становились въ церкви въ извѣстномъ порядкѣ. Переходное время 1860-хъ годовъ, время первоначальнаго, увлеченнаго и необузданнаго пользованія свободой людей взрослыхъ послѣ прежняго подзаконнаго, ребяческаго состоянія, очевидно оканчивалось, и мы не можемъ не поставить здѣсь нарочитаго замѣчанія касательно того, какъ, сравнительно съ другими учебными заведеніями, въ казанской академіи оно было коротко, обнимая не болѣе 6 лѣтъ.

Къ числу обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ водворенію большаго порядка и спокойствія въ студенческой жизни, можно отнести и то, что съ новаго $18^{66}/_{67}$ курсоваго года ректоръ Иннокентій сталъ менѣе вступаться въ студенческія дѣла и волновать молодежь. Онъ началъ съ этого времени прихварывать и предоставилъ студентовъ попеченію инспектора. Очень можетъ быть, что онъ и самъ увидалъ, что началъ ревновать о возстановленіи дисциплины въ академіи не въ ту силу, слишкомъ уже посеминарски и безтактно. Когда въ конференціи составлялся извѣстный намъ проектъ улучшеній и реформъ въ уставѣ академій, профессоры, составлявшіе первоначальную редакцію этого проекта, коснувшись нравственной части академической жизни, написали относительно нея нѣсколько такихъ пунктовъ, которыми, стараясь выразить новыя начала для устройства дисциплины въ академіи, въ тоже время довольно прозрачно осуждали дисциплинарные пріемы ректора. Исчеркавъ и передѣлавъ весь проектъ, онъ согласился съ этими пунктами и оставилъ ихъ неприкосновенными. Здѣсь было сказано: „Такъ какъ въ академіи воспитываются уже взрослые люди, то нравственный надзоръ за студентами долженъ быть совершенно иной, чѣмъ за воспитанниками среднихъ учебныхъ заведеній. Этотъ надзоръ не долженъ простираться на каждый шагъ студента съ цѣлію всюду наставлять и руководить имъ и особенно сопровождаться какими нибудь принудительными мѣрами, при которыхъ то или другое поведеніе студента неизбѣжно является или слѣдствіемъ слѣпаго послушанія, или плодомъ необходимости,

вынужденнымъ силою или властію. Напротивъ, студентамъ, какъ людямъ взрослымъ, для которыхъ жизнь въ академіи, вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ, должна быть и школою для развитія нравственнаго характера, непремѣнно нужно предоставлять въ исполненіи ихъ обязанностей относительную свободу и самостоятельность, чтобы они привыкали относиться ко всякому дѣлу серьезно и съ разумнымъ сознаніемъ долга, пріобрѣтали устойчивость въ нравственныхъ правилахъ и такимъ образомъ воспитывали въ себѣ способность къ твердой и основательной дѣятельности, которая предстоитъ имъ въ жизни по выходѣ изъ академіи. Отсюда очевидно, что обращеніе съ студентами грубое или мелочное и придирчивое не можетъ быть терпимо въ академіи". Надзоръ за студентами чрезъ старшихъ признанъ безполезнымъ и даже вреднымъ для нравственности студентовъ; предположено оставить только чередныхъ студентовъ для сношенія съ начальствомъ. „Что касается наградъ и наказаній за поведеніе, то онѣ не должны состоять въ поощреніяхъ и взысканіяхъ, употребляемыхъ въ воспитательныхъ заведеніяхъ (въ родѣ похвалъ, сажанія за голодный столъ, въ карцеръ и т. п.). Награжденіемъ для студента исправнаго должно служить собственное его сознаніе и безпрепятственное перехожденіе изъ одного курса въ другой. Наказаніями, по мѣрѣ важности проступковъ, могутъ быть публичный выговоръ, затѣмъ лишеніе казеннаго содержанія и наконецъ увольненіе и исключеніе изъ академіи".

Принципы, высказанные здѣсь, были не новы. Они были сознаны еще раньше и цѣликомъ прилагались къ дѣлу еще въ административной системѣ ректора Іоанна; но къ нимъ до сихъ поръ не могли приспособиться ни члены академической администраціи,—одни сбиваясь на старыя, привычныя дисциплинарныя мѣры, другіе опуская руки и ничего не дѣлая въ новомъ непривычномъ для нихъ родѣ дѣятельности,—ни сами студенты, переживавшіе еще свое переходное состояніе. Съ XIII и XIV курсовъ началось видимое обновленіе студенческой жизни, на которое указывалъ въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ 1868 г. преосвященный Антоній. Главныя черты этого обновленія, начавшагося въ инспекторство архимандрита Владиміра, въ послѣднее время ректорства больнаго Иннокентія, и за тѣмъ энергично и задушевно поддержаннаго и развитаго въ ректорство архимандрита Никанора, мы уже намѣ-

тили въ общемъ обзорѣ академической администраціи. Дальнѣйшее развитіе ихъ принадлежитъ уже исторіи новой преобразованной академіи. Умное и въ высшей степени человѣчное отношеніе къ студентамъ ректора Никанора достигало цѣлей этого обновленія и водворенія порядка въ студенческую жизнь, безъ нарушенія ея свободы, вѣрнѣе всякихъ начальственно-формальныхъ мѣръ. Онъ самъ уважалъ студентовъ и довѣрялъ имъ, оставляя среди нихъ неприкосновенными даже такія принадлежности ихъ корпоративнаго строя, которыя въ другихъ высшихъ заведеніяхъ стали подвергаться уже преслѣдованію, въ родѣ студенческихъ собраній для рѣшенія общихъ студенческихъ дѣлъ или студенческой кассы; студенческую библіотеку онъ даже обогатилъ, передавъ въ нее множество журналовъ—дуплетовъ, накопившихся въ редакціи Православнаго Собесѣдника. Мелочныхъ дисциплинарныхъ строгостей, назойливыхъ подглядываній и подлавливаній студентовъ при немъ вовсе не было; вовсе вывелись изъ употребленія и разныя школьныя наказанія, въ родѣ голоднаго стола. Но онъ съумѣлъ лично и интимно войти въ студенческую жизнь своимъ человѣчнымъ участіемъ къ студентамъ, постояннымъ съ ними общеніемъ и бесѣдами и сдѣлаться такимъ же живымъ средоточіемъ ея, какъ и въ жизни наставниковъ академіи. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, и при немъ оставалось еще довольно студентовъ грубыхъ и преданныхъ разнымъ слабостямъ; но вдругъ ничего не дѣлается, а его время было только началомъ новаго времени въ академіи. Важенъ былъ общій строй студенческой жизни, а строй этотъ какихъ нибудь года въ два успѣлъ при немъ до того измѣниться, что нѣкоторые студенты XI курса, имѣвшіе случаи видѣть академію въ его время, даже удивлялись такой быстрой перемѣнѣ и не узнавали студенческаго быта. Въ упомянутыхъ нами мемуарахъ студента XIII курса А. Л. Крылова время это вмѣстѣ съ личностью симпатичнаго ректора рисуется въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ, хотя авторъ не таитъ и темныхъ явленій, злоупотребленія со стороны нѣкоторыхъ студентовъ и своей свободой, и довѣріемъ начальства, уклоненій отъ лекцій, отъ богослуженія, отъ общихъ молитвъ, разныхъ непривлекательныхъ студенческихъ исторій и проч., заставлявшихъ и этого гуманнаго ректора прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. „Но кутежей, увѣряютъ эти мемуары, при ректорѣ Никанорѣ не было... Веселѣе всего исправляли именины, особенно если

именинника три-четыре соединялись вмѣстѣ праздновать свои именины. Тогда покупалось вино, заказывалось жаркое академическому же повару, приносились огурцы въ большомъ количествѣ. Начинались бесѣды, разсужденія и проч. Ораторы начинали рѣчь говорить; пьющіе выпивали изрядно; враги иногда мирились. Но вообще именины эти проходили благополучно. И что за разговоры велись во время этихъ милыхъ пирушекъ! Право, пріятно вспомнить все это". Инспекція при ректорѣ Никанорѣ была даже положительно слаба, сосредоточиваясь въ рукахъ добрѣйшаго И. П. Гвоздева, такъ что весь порядокъ студенческой жизни всецѣло зависѣлъ отъ одного ректора и отъ новаго направленія самихъ студентовъ.

III. УЧЕБНЫЯ ЗАНЯТІЯ СТУДЕНТОВЪ.

Учебныя занятія студентовъ состояли въ слушаніи лекцій и въ разныхъ домашнихъ учебныхъ работахъ.

Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ академіи характеръ учебной ея жизни еще мало опредѣлился. Мы уже видѣли, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ она начала первый свой курсъ. Порядокъ ученія былъ мало устроенъ; учебныхъ пособій вовсе не было, такъ что сами преподаватели должны были пробавляться на лекціяхъ только кое-чѣмъ, ходя кругомъ да около разныхъ общихъ вопросовъ и введеній въ свои науки. Первый курсъ начался по старому уставному академическому порядку съ раздѣленіемъ наукъ младшаго отдѣленія на двѣ группы—историческую и математическую. Лекціи были двухчасовыя, двѣ до обѣда и одна послѣ обѣда. Въ теченіе учебной недѣли было 17 лекцій. Эти длинныя лекціи были тяжелы и для наставниковъ, и для студентовъ; первые старались являться на нихъ попозднѣе, а послѣдніе, пользуясь тогдашней свободой, часто и совсѣмъ ихъ опускали. Да и слушать на многихъ лекціяхъ было нечего. Мы видѣли, что главныя науки—св. Писаніе и словесность—на первыхъ порахъ были представлены въ академіи не очень удачно. Лучше были представлены философія, исторія и физика съ математикой, а потому лекціи ихъ сдѣлались любимыми у студентовъ; этимъ обстоятельствомъ опредѣлилось отчасти даже первоначальное научное направленіе студенческихъ занятій

I курса. Философія была предметомъ общимъ, а исторія съ физикой—частными предметами курсовыхъ группъ. Студенты математической группы,—всѣхъ ихъ записалось на нее 14 человѣкъ,—находились подъ сильнымъ вліяніемъ своего краснорѣчиваго профессора Д. Ѳ. Гусева, который съ свойственными ему гиперболами возвеличивалъ свою физику съ математикой предъ всѣми другими науками и ядовито насмѣхался и надъ исторіей съ ея сплетнями и дурной привычкой возвеличивать людей, не стоющихъ никакого уваженія, и надъ теоретическими построеніями философіи. Нѣкоторые его слушатели дѣлались такими же, какъ и онъ, усердными поклонниками точныхъ наукъ и вели безконечные споры съ философами и историками. За недостаткомъ научныхъ пособій для спеціальнаго занятія науками, эти споры служили для студентовъ, можно сказать, главнымъ средствомъ къ саморазвитію и выработывали среди нихъ гибкіе, изворотливые и крѣпкіе умы, способные къ серьезной работѣ надъ всякимъ, попадавшимся имъ потомъ научнымъ матеріаломъ.

Болѣе серьезными занятіями были домашнія занятія сочиненіями, за которыми нѣкоторые ретивые молодые люди разстраивали даже здоровье. За недостаткомъ библіотеки, впрочемъ и эти занятія носили преимущественно теоретическій характеръ. Сочиненія задавались часто и писались очень пространно, такъ что на нихъ уходило почти все внѣклассное время студента; нѣкоторые представляли преподавателямъ еще значительное число своихъ добровольныхъ письменныхъ работъ. Въ актовомъ отчетѣ за первые два года академической жизни сказано: „Вопросы, которые письменно были разрѣшаемы студентами I курса въ теченіе двухъ прошедшихъ лѣтъ, были двухъ родовъ: на одни изъ этихъ вопросовъ отвѣчали всѣ студенты, а на другіе только нѣкоторые изъ нихъ по собственному ихъ выбору. Вопросовъ перваго рода разрѣшено: по классу чтенія св. Писанія 9, по классу философіи 4, по классу исторіи системъ философскихъ 2, по классу словесности 6; вопросовъ втораго рода: по классу философіи 10, по классу исторіи философскихъ системъ 10 же и по классу исторіи гражданской 6“. Итого по 10—11 общеобязательныхъ и по 13 частныхъ письменныхъ работъ на годъ, что̀ составляетъ очень почтенный трудъ. Темы для этихъ письменныхъ работъ давались большею частью теоретическаго характера, такъ что на нихъ можно было писать безъ книгъ, даже по

исторіи писали все больше о причинахъ или слѣдствіяхъ разныхъ историческихъ явленій. Одинъ образчикъ такихъ письменныхъ упражненій I курса извѣстенъ въ печати,—это почти цѣликомъ изданное въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1865 г. студенческое сочиненіе А. А. Бобровникова о космологическомъ доказательствѣ бытія Божія, въ качествѣ приложенія къ Воспоминаніямъ объ А. А. Бобровниковѣ М. Загоскина. Сочиненіе это можетъ служить замѣчательнымъ по своей выразительности образчикомъ того, до какого напряженія могла доходить мысль тогдашняго талантливаго студента при такой философской работѣ. Кромѣ отмѣтокъ наставника, на этихъ сочиненіяхъ видны еще замѣтки преосвященнаго Владиміра, который очевидно интересовался студенческими работами и читалъ ихъ, вѣроятно впрочемъ по случаю своей ревизіи академіи въ 1844 г. Кромѣ сочиненій, студенты въ два года написали еще до 78 проповѣдей.

Теоретическій характеръ академическаго образованія первыхъ двухъ лѣтъ отражался и на экзаменахъ того времени. По старому уставу академіи они производились дважды въ годъ,—предъ рождественскими и лѣтними каникулами. Кромѣ того, каждогодно по окончаніи лѣтнихъ экзаменовъ назначался еще публичный экзаменъ, на которомъ студенты показывали свои знанія предъ публикою, какая посѣщала академію. Всѣ эти экзамены въ первые два года съ начала до конца состояли или изъ диспутовъ, или изъ письменныхъ отвѣтовъ, особенно лѣтніе, болѣе продолжительные. Сказавъ нѣсколько словъ своего отвѣта, студентъ сейчасъ же былъ встрѣчаемъ возраженіями экзаменаторовъ, съ которыми и долженъ былъ вступать въ диспутъ, чтобы отстоять высказанное имъ положеніе. На экзаменскія сочиненія, обыкновенно два,—русское и латинское,—назначались во время экзаменовъ особые дни; но экзаменаторъ всегда могъ задавать вопросы для письменныхъ отвѣтовъ и въ другіе дни. Пока одни студенты отвѣчали у стола устно, другіе писали на заданную тему на своихъ мѣстахъ. Особеннымъ обиліемъ диспутовъ и письменныхъ отвѣтовъ отличался курсовой экзаменъ 1844 г. во время ревизіи преосвященнаго Владиміра. Обилію этому много тогда посодѣйствовалъ ректоръ семинаріи архимандритъ Климентъ, какъ извѣстно, соперникъ только лишь поступившему тогда на ректорскую должность въ академію архимандриту Григорію. Онъ то и дѣло задавалъ студентамъ возраженія,

стараясь подорвать авторитетъ академическихъ ученыхъ и выставить свою собственную ученость. Экзамены растягивались дня на два по каждому предмету, не смотря на то, что экзаменовалось всего 33 человѣка, кромѣ того производились дважды въ день, утромъ и послѣ обѣда. Сочиненія писались тутъ же при экзаменаторахъ. Въ первый день экзаменовъ по св. Писанію написаны были сочиненія на три темы и еще цѣлое толкованіе 67-го псалма: „Да воскреснетъ Богъ". На экзаменахъ по философіи и словесности написаны были еще два сочиненія на русскомъ и латинскомъ языкахъ (¹). Публичный экзаменъ 28 іюня того же года, первый, произведенный съ особеннымъ парадомъ въ большой залѣ Мельниковскаго дома, весь состоялъ изъ чтенія студенческихъ сочиненій; прочитано было восемь сочиненій на разныя темы, такъ что публика, имѣвшая неосторожность явиться на этотъ экзаменъ, вышла съ него вѣроятно вполнѣ урезоненной относительно серьезности академическаго образованія. И все-таки по окончаніи ревизіи преосвященный Владиміръ высказалъ еще недовольство, что студенты въ два протекшихъ года „мало занимаемы были сочиненіями, что многія сочиненія ихъ оставлены безъ поправки и безъ всякаго пересмотра со стороны наставниковъ, а многія изъ лучшихъ сочиненій не провѣрены о. ректоромъ Іоанномъ", и предложилъ правленію принять мѣры къ устраненію этихъ недостатковъ (²).

Указанныя здѣсь опущенія относительно разсмотрѣнія студенческихъ сочиненій были очень естественны. По отчету 1844 г., за два года профессоръ св. Писанія долженъ былъ прочитать болѣе 250 сочиненій и 78 проповѣдей студентовъ, два преподавателя философскихъ наукъ—245 сочиненій, профессоръ словесности до 70, баккалавръ исторіи 63. Въ извѣстной уже намъ запискѣ правленію при рѣшеніи вопроса о соединеніи исторической и математической группъ академическихъ наукъ вмѣстѣ и сообщеніи академическому курсу болѣе фактическаго направленія проф. Гусевъ недаромъ вооружался противъ студенческаго многописанія и вставилъ объ этомъ предметѣ большой эпизодъ, гдѣ доказывалъ не только безполезность, но и вредъ его. „Студенты нашихъ академій, писалъ онъ, почти только и знаютъ, что сочиняютъ. Но не

(¹) Д. конференціи 1844 г. № 45.

(²) Д. внутр. правл. 1844 г. № 15.

въ сочинительствѣ ли этомъ и заключается причина поразительной у насъ скудости въ истинныхъ сочинителяхъ?.. По опыту извѣстно, что а) студенты, занимаясь сочиненіями, опускали, бывало, классы, нынѣ же, при повсемѣстномъ почти уничтоженіи этого опущенія, впадаютъ въ другой недостатокъ: внѣ классовъ очень мало занимаются изученіемъ уроковъ, потому что не имѣютъ для того времени, будучи озабочены сочиненіями, по которымъ преимущественно ихъ оцѣниваютъ; б) сочиняя безъ запаса положительныхъ, фактическихъ свѣдѣній, а потому необходимо разсматривая предметъ a priori, изъ идей, они неизбѣжно въ своихъ сочиненіяхъ по большей части какъ бы перетягиваютъ и переливаютъ на 1000 ладовъ однѣ и тѣже общія идеи, одни и тѣже общія понятія. Отъ этого студенты нашихъ академій весьма сильны въ логикѣ и діалектикѣ, но не богаты свѣдѣніями положительными. У насъ, вопреки уставу, какъ бы продолжается схоластическій періодъ умственной жизни, давно прожитый родомъ человѣческимъ. Съ одною же логикою и діалектикою, безъ достаточнаго запаса положительныхъ свѣдѣній быть писателемъ въ настоящее время нельзя. За порогомъ школы мы живо начинаемъ чувствовать свой недостатокъ въ такихъ свѣдѣніяхъ, стараемся его восполнить, собираемся быть писателями, sed fugit interea irreparabile tempus, и дѣло оканчивается часто одними сборами" (1).

Съ новаго 18⁴⁴/₄₅ учебнаго года академія принялась за науку уже въ полномъ своемъ составѣ и съ расширеннымъ курсомъ. Архимандритъ Григорій, первый организаторъ всей академической жизни, далъ опредѣленную организацію и учебной ея части (2), которая держалась послѣ этого неизмѣнною въ теченіе 10 лѣтъ до новаго расширенія академическаго курса въ 1854 г. учрежденіемъ миссіонерскихъ отдѣленій. Это десятилѣтіе можно считать даже особымъ періодомъ учебной жизни академіи, потому что въ 1854 г. послѣдовало не одно только расширеніе ея курса, но и значительныя перемѣны въ самомъ характерѣ учебныхъ занятій студентовъ.

Расширеніе академическаго курса въ 1844 г. повело, какъ извѣстно, къ сокращенію времени для каждой лекціи съ двухъ часовъ до полутора и къ пріуроченію всѣхъ лекцій къ

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 47.

одному утреннему времени до 1 часа и до $2^1/_2$ часовъ. Такое распредѣленіе классныхъ часовъ держалось до 1864 г., когда продолжительность каждой лекціи опредѣлена была въ $1^1/_4$ часа и всѣ дневныя классныя занятія стали оканчиваться въ половинѣ втораго часа. Вопросъ о продолжительности лекцій въ старое дисциплинарное время до ректоровъ Агаѳангела и Іоанна имѣлъ важное значеніе и для студентовъ, и для наставниковъ, потому что облегчать себя уклоненіемъ отъ нихъ или сокращеніемъ времени пребыванія на нихъ, при тогдашнемъ строгомъ надъ этимъ надзорѣ, было трудно и для тѣхъ, и для другихъ, а между тѣмъ аккуратно высиживать ихъ было весьма не легко.

Лекціями студенты съ бо́льшимъ усердіемъ занимались въ младшемъ курсѣ, который состоялъ изъ общеобразовательныхъ предметовъ и притомъ всегда былъ снабженъ лучшими преподавательскими силами, чѣмъ старшій. Много значила здѣсь и новость академическихъ впечатлѣній послѣ семинарскаго ученья. Первыя лекціи академической аудиторіи производили на студентовъ весьма сильное дѣйствіе. Все, что изучали они прежде въ семинаріи, представлялось имъ теперь въ совершенно новомъ свѣтѣ, осмысливалось и казалось совсѣмъ инымъ, лучшимъ и болѣе возвышеннымъ, что̀ на первыхъ порахъ было даже не совсѣмъ понятно и требовало непривычнаго напряженія умственныхъ силъ; оказывалось, что многое, повидимому хорошо извѣстное, требовалось переучивать теперь совсѣмъ заново. Каждый обрывокъ прежнихъ разрозненныхъ и плохо осмысленныхъ знаній становился звеномъ какой-то общей системы, очертанія которой только еще чуть-чуть обозначались впереди, маня къ себѣ своею стройностью и вмѣстѣ таинственностью. Спустя нѣсколько времени, студентъ отчасти привыкалъ къ этимъ впечатлѣніямъ, отчасти даже немного и разочаровывался во многихъ заманчивыхъ обѣщаніяхъ академическихъ лекцій, находя въ нихъ не столько новыя откровенія и знанія, сколько лишь одни приглашенія вступить на безконечный путь науки, и начиналъ относиться къ нимъ съ бо́льшимъ хладнокровіемъ, но первыя впечатлѣнія этихъ приглашеній имъ были уже приняты, а этого и довольно было не только на первый разъ, но и для всего академическаго четырехлѣтія; — онъ получилъ научное крещеніе и дѣлался уже не ученикомъ, а настоящимъ человѣкомъ науки. По нѣкоторымъ предметамъ,

вслѣдствіе слабой семинарской подготовки, новымъ студентамъ приходилось привыкать къ слушанію лекцій довольно долго.

Сводя разныя воспоминанія бывшихъ студентовъ, сколько намъ приводилось ихъ слышать, въ одно цѣлое, мы можемъ вывести изъ нихъ нѣкоторые общіе и довольно важные результаты относительно образовательнаго значенія академическихъ лекцій. Слушаніе этихъ лекцій не давало спеціальныхъ знаній по той или другой наукѣ, да студенты и сами не долюбливали такія лекціи, въ которыхъ извѣстный предметъ разработывался спеціально, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, какъ онъ можетъ разработываться въ ученой литературѣ. Подобныя лекціи не шевелили мысли слушателя, задерживая ее массой матеріаловъ и подробностей на одной и той же темѣ и заставляя толчись на одномъ мѣстѣ, безъ поступательнаго хода впередъ; онѣ были утомительны для вниманія и никогда не укладывались въ головѣ прочно; всѣ ихъ подробности и мелочи въ одно ухо входили, а изъ другаго выходили почти безъ всякихъ результатовъ. Производили впечатлѣніе и помнились только тѣ лекціи, которыя содержали въ себѣ болѣе общій или цѣлостный взглядъ на предметъ, а въ развитіи его подробностей указывали на какія нибудь особенно выпуклыя или новыя его стороны, или же такія лекціи, которыя указывали самые пріемы для разработки даннаго предмета, архитектоническую сторону дѣла, могущую пригодиться студенту, когда со временемъ онъ самъ засядетъ за изученіе и разработку того же предмета. Такія лекціи носили названіе живыхъ и дѣйствительно оживляли всю аудиторію, давая болѣе или менѣе сильный толчекъ ея умственному развитію. Студентъ искалъ въ лекціяхъ не подробныхъ знаній, а именно методологическихъ указаній на пріемы для добыванія этихъ знаній и тѣхъ послѣднихъ словъ науки, съ которыхъ бы ему можно было начинать свои собственныя работы; спеціальныя свѣдѣнія, знакомство съ подробностями предмета онъ надѣялся пріобрѣсти уже самъ, своими собственными силами. При той многопредметности, какою былъ обремененъ академическій курсъ, другіе запросы отъ академическаго образованія были и невозможны. При такихъ потребностяхъ и вкусахъ студентовъ наибольшимъ вниманіемъ и популярностью между ними пользовались не тѣ профессоры, которые сообщали больше спеціальныхъ знаній, а тѣ, которые въ теченіе своего курса могли сказать хоть нѣсколько

именно такихъ живыхъ и руководительныхъ лекцій. Проходилъ иногда длинный рядъ лекцій извѣстнаго профессора, составленныхъ внимательно и даже талантливо, а между тѣмъ аудиторія его дремала, слушая изъ пятаго въ десятое, и вдругъ какая нибудь одна живая лекція электрическимъ токомъ пробѣгала по всѣмъ головамъ, оставляя глубокій слѣдъ въ ихъ развитіи, и надолго упрочивала репутацію самого профессора. Въ воспоминаніяхъ студентовъ о томъ или другомъ профессорѣ сохраняются именно такія только выдававшіяся его лекціи,—всѣ остальныя служили для его аудиторіи только казеннымъ, форменнымъ балластомъ и совершенно ускользали изъ ея памяти. Ректоръ Никаноръ, разсказывается въ запискахъ А. Л. Крылова, говаривалъ поэтому студентамъ, что „профессоръ не можетъ постоянно держаться на одной высотѣ, что хорошъ и тотъ профессоръ, который можетъ отлично сказать одну лекцію въ теченіе года, такую лекцію, чтобы она понятна была“.

Почти тоже явленіе замѣчаемъ въ исторіи цѣлыхъ академическихъ каѳедръ. Проходили цѣлые курсы, въ теченіе которыхъ каѳедра извѣстной науки пользовалась только оффиціально-обязательнымъ вниманіемъ аудиторіи, сидѣвшей передъ ней съ пустыми глазами, пока на ней, хотя бы даже на короткое время, не появлялся профессоръ съ свѣжимъ словомъ или новымъ методомъ. Такъ напр. богословская каѳедра, хотя и самая важная въ академіи, всегда занимавшаяся лицами начальственными и самыми авторитетными, почти вовсе не пользовалась вниманіемъ студентовъ, пока профессоры сообщали съ нея по старому кіевскому методу давнымъ давно извѣстныя всѣмъ слушателямъ богословскія положенія, различаясь между собою развѣ одними своими физіономіями да слогомъ своихъ чтеній, и только послѣ многихъ лѣтъ богословская аудиторія вся обратилась во вниманіе, когда въ ней раздалось задушевно-живое слово о. Ѳеодора Бухарева. Вліяніе его на студентовъ было очень не продолжительно и одушевленная система этого оригинальнаго и симпатичнаго богослова не привилась въ академіи, тѣмъ болѣе что была нераздѣльно связана съ его личностью и исчезла вмѣстѣ съ нимъ самимъ; но тѣ изъ его слушателей, которые успѣли вникнуть въ духъ и силу его лекцій, едва ли въ состояніи когда нибудь забыть ихъ. Система его была впрочемъ не столько научная, сколько сердечная; она будила въ слушате-

ляхъ религіозное чувство и созерцаніе, но мало давала для ихъ научно-богословскаго развитія. За нею такое же сильное, но болѣе научное и болѣе прочное вліяніе имѣли лекціи о. Хрисанѳа Ретивцева, который первый внесъ въ академію новые, современные пріемы въ изученіи богословской науки и составилъ этими лекціями крупную эпоху въ исторіи академической богословской каѳедры. Студенты слушали его съ неослабѣвавшимъ интересомъ цѣлыхъ семь лѣтъ, а богословское направленіе его сдѣлалось господствующимъ въ академіи. Вотъ еще другой примѣръ. Лекціи по русской исторіи, пользовавшейся постоянной любовью у студентовъ, всегда слушались ими очень охотно, но не производили на нихъ особенно сильнаго впечатлѣнія до 1856 г., хотя каѳедру этой науки и занимали такіе видные преподаватели, какъ Морошкинъ и Елисеевъ. Изъ лекцій послѣдняго, какъ мы уже говорили, студентовъ только и разшевелили двѣ лекціи, выдавшіяся изъ ряда другихъ своимъ живымъ содержаніемъ и отношеніемъ къ современности; другія лекціи были сухо-повѣствовательнаго, іерархическо-археологическаго содержанія. Студенты добросовѣстно и даже не безъ пользы выслушивали доклады профессора обо всемъ, что̀ онъ выучилъ, но имъ нужно было не то, что̀ онъ успѣлъ выучить, а то, что̀ онъ успѣлъ осмыслить въ своей наукѣ, то самое, чѣмъ исторія изъ простаго, хотя бы и самаго спеціальнаго повѣствованія о событіяхъ возвышается до степени науки. Историческая аудиторія сразу оживилась, когда въ 1856 г. въ нее вошелъ Щаповъ, имѣвшій для нея такое же значеніе, какое для богословской аудиторіи имѣлъ о. Ѳеодоръ. Кстати оба эти профессоры современники съ методологической стороны были близко между собой схожи: оба люди крайне субъективные, люди сердца, у которыхъ во всемъ была, что называется, „душа мѣра“. Каждая лекція Щапова, которую онъ, хоть сколько нибудь, успѣвалъ обработать, дышала поэзіей и жизнью и давала или яркое освѣщеніе цѣлой группѣ историческихъ фактовъ, или поэтически рисовала какой нибудь историческій типъ. Онъ былъ тенденціозенъ, имѣлъ множество недостатковъ и допускалъ пропасть научныхъ ошибокъ, но студенты слушали его съ увлеченіемъ и прощали ему все ради того только, что онъ давалъ имъ общія руководительныя идеи и образы, которыми съ извѣстными ограниченіями и корректурами они могли воспользоваться въ собственныхъ работахъ по исторіи,

расшевеливалъ ихъ историческую мысль и своей искренней восторженностью возбуждалъ въ нихъ одушевленный историческій интересъ и любовь къ своей наукѣ. Тутъ въ собственномъ смыслѣ „сердце сердцу вѣсть подавало“.

Въ 1860-хъ годахъ, когда студенты получили возможность вполнѣ свободнаго посѣщенія лекцій, вкусъ ихъ къ слушанію тѣхъ или другихъ лекцій обозначился со всею ясностью и именно въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какія мы сейчасъ намѣтили. Въ то время, какъ наставники тянули скучную канитель изложенія того, что̀ они выучили, аудиторіи ихъ были совсѣмъ пусты; случалось, что во всей аудиторіи сидѣли только два человѣка, самъ наставникъ да студентъ—чередной журналистъ, который долженъ былъ записать въ своемъ журналѣ, что̀ было читано первымъ; нѣкоторые болѣе важные профессоры, не понимая, въ чемъ тутъ секретъ, заставляли записывать не бывшихъ въ журналъ, жаловались на нихъ и этимъ только сами себя компрометировали. Но какъ скоро наставникъ затѣвалъ живую серію лекцій и являлся на свою каѳедру съ осмысленнымъ словомъ, студенты, не потерявшіе еще вкуса къ наукѣ, дружно наполняли аудиторію безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, по свободному побужденію не пропускать нужной лекціи. Такой вкусъ студентовъ да большинства и самихъ преподавателей къ лекціямъ преимущественно идейнаго и синтетическаго характера могъ бы близко граничить съ тѣмъ верхоглядствомъ, которое съ конца 1850-хъ годовъ начало сильно развиваться во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно свѣтскихъ, заводя недозрѣлое юношество въ разныя дебри, не имѣющія ничего общаго съ наукой, если бы тогдашняя академическая аудиторія хоть сколько нибудь походила на тогдашнюю же напр. университетскую аудиторію. Но она была аудиторіей совершенно зрѣлой, состояла изъ однихъ только лучшихъ молодыхъ людей, избранныхъ изъ всѣхъ семинарій цѣлаго округа и отличавшихся въ громадномъ большинствѣ и рѣдкими умственными силами, и солидно-научнымъ направленіемъ. При такомъ счастливомъ составѣ указанное направленіе ея занятій было весьма далеко отъ незрѣлой верхоглядности; оно направлялось не по верхамъ, а напротивъ въ глубь научнаго знанія, и въ умѣ каждаго усерднаго и дѣльнаго студента закладывало замѣчательно широкій и прочный фундаментъ для его будущей спеціальности, что̀ давало тогдашнему академическо-

му образованію въ разныхъ отношеніяхъ даже преимущество предъ спеціальнымъ факультетскимъ образованіемъ. Послѣднее тоже никогда не образовывало спеціалистовъ само по себѣ, въ университетскихъ стѣнахъ;—настоящимъ спеціалистомъ питомецъ его все равно дѣлался, да и теперь дѣлается, уже по окончаніи своего курса, послѣ многолѣтнихъ собственныхъ занятій своей спеціальностью, а между тѣмъ, при слабомъ общемъ образованіи, вынесенномъ когда-то только изъ средняго учебнаго заведенія, постоянно находится въ опасности впасть въ состояніе самой печальной научной односторонности. Сравнивая университетское, спеціальное образованіе 50-хъ годовъ съ академическимъ, проф. Аристовъ въ своей книжкѣ о Щаповѣ (стр. 25) отдаетъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему и разсказываетъ одинъ случай, который довольно характерно опредѣляетъ ту степень легкости, съ какой прежній академическій студентъ могъ созидать на своемъ научномъ фундаментѣ ученыя постройки даже изъ такихъ матеріаловъ, которые были для него совсѣмъ не знакомы, находясь внѣ круга академическихъ наукъ. „Одинъ изъ студентовъ университета—математикъ, разсказываетъ онъ (за что приняли, за то и выдаемъ), обратился къ моему товарищу (академисту), чтобы онъ написалъ ему кандидатскую диссертацію по астрономіи. На первый разъ такое предложеніе показалось смѣшнымъ, но студентъ академіи, разсмотрѣвъ матеріалы по разработкѣ темы объ исторіи движенія какой-то звѣзды, взялся написать сочиненіе. Источники были большею частію на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; вооружившись фоліантами, онъ скоро окончилъ работу и разрѣшилъ вопросъ къ обоюдному удовольствію. Студенту университета дали за диссертацію степень кандидата, а студентъ академіи получилъ отъ него деньги". Проф. Гусевъ говаривалъ обыкновенно, что для студента академіи „вся возможна суть", не исключая возможности въ 24 часа выучиться китайскому языку.

Серьезное направленіе тогдашней академической аудиторіи видно изъ того, что ее трудно было обмануть какими нибудь фразами безъ опредѣленнаго и состоятельнаго научнаго содержанія, которыми увлекались тогда студенты университета. Посѣщая университетскія лекціи и акты, студенты академіи постоянно потѣшались надъ этою слабостью университетскаго преподаванія. Въ исторіи баккалавра Щапова мы видимъ особенно рѣзкій примѣръ такой разности между

университетской и академической аудиторіями. То, что въ лекціяхъ его студентамъ академіи не нравилось, въ университетѣ было предметомъ восторговъ и бурныхъ овацій, и наоборотъ, чѣмъ первые въ этихъ лекціяхъ дорожили, въ университетской аудиторіи дѣлалось предметомъ не менѣе бурныхъ порицаній, заставлявшихъ Щапова злиться и плакать. Извѣстныя внѣшнія выраженія удовольствія или неудовольствія лекціями въ казанской академіи были даже непринятыми,— это тоже черта выразительная. Тому же Щапову студенты откровенно высказывали свои впечатлѣнія и требованія въ частной бесѣдѣ, но ни разу не дѣлали классныхъ овацій. Только къ самому концу 1860-хъ годовъ изрѣдка, разъ или два въ годъ, въ академической аудиторіи, по университетскому примѣру, слышались рукоплесканія нѣкоторымъ преподавателямъ; но люди, помнившіе прежніе порядки и нравы этой солидной аудиторіи, относились къ такому новшеству съ удивленіемъ и даже съ грустью объ упадкѣ прежней серьезности студентовъ. Раньше этого аплодисменты могли даже обидѣть профессора, какъ выраженіе вовсе не того душевнаго настроенія слушателей, на какое онъ разсчитывалъ. Обычное настроеніе академической аудиторіи было спокойное и критическое, оставлявшее профессора, безъ помощи другихъ свѣдѣній, въ полной неизвѣстности о томъ, какое впечатлѣніе онъ производитъ, и поощрявшее его къ серьезной научной работѣ безъ всякихъ ораторскихъ фокусовъ.

Общественнымъ мнѣніемъ, утвердившимся въ академіи съ раннихъ временъ, конечно не de jure, а de facto, слушаніе лекцій принято было считать трудомъ совершенно свободнымъ. Даже въ первоначальное дисциплинарное время, когда студентамъ трудно было опускать лекціи, большинство наставниковъ очень снисходительно относилось къ студентамъ, если кто нибудь изъ нихъ не слушалъ лекціи, а занимался въ классѣ своимъ частнымъ дѣломъ. Претензіи на такую невнимательность заявляли лишь наставники изъ лицъ монашествующихъ и облеченныхъ начальственными должностями. Никто, кромѣ этихъ же лицъ, не требовалъ отъ студентовъ и отчетовъ въ лекціяхъ. Студенты были такъ хороши и такъ преданы своему дѣлу, что въ наставнической корпораціи господствовала полная вѣра въ ихъ добросовѣстность и въ ихъ стремленіе къ научному образованію, которая сама собою устраняла потребность контроля надъ ихъ занятіями.

По уставу положены были, такъ называемыя, репетиціи лекцій, но онѣ производились очень рѣдко, главнымъ образомъ только предъ экзаменами, и то далеко не всѣми наставниками, да и производились не по тѣмъ лекціямъ, которыя дѣйствительно читаны были въ классѣ, а по особымъ запискамъ, которыя сдавалъ для этого наставникъ, или по какому нибудь печатному руководству. Заставлять студента повторить прочитанное наставникомъ въ классѣ считалось даже чѣмъ-то компрометирующимъ наставника, зна́комъ того, что у него не достало лекціи и что онъ хочетъ заняться этими, никому ненужными пустяками только для того, чтобы чѣмъ нибудь наполнить свое классное время. А этого студенты не извиняли никому, кромѣ только баккалавровъ-новичковъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ трудно было готовить лекціи на каждый свой классъ; репетиціи съ новыми баккалаврами, которые сами еще недавно были студентами, производились чисто формально, по заранѣе извѣстной очереди, или принимали характеръ живыхъ бесѣдъ баккалавра съ студентами, часто бывшихъ занимательнѣе самой лекціи. Кромѣ деликатности въ отношеніи къ студентамъ, уклоняться отъ репетицій наставниковъ побуждало и то обстоятельство, что, за краткостью академическаго курса, они едва успѣвали выполнять свои программы и безъ такой, довольно все-таки значительной потери времени.

Начальство нѣсколько разъ принималось настаивать на выполненіи 127 § устава о репетиціяхъ, но каждый разъ попытки его оставались безъ результатовъ. Въ Воспоминаніяхъ А. А Виноградова разсказывается, какъ ректоръ Парѳеній настоялъ, чтобы репетиціи студентамъ дѣлалъ деликатнѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ И. П. Гвоздевъ (1). „Разъ И. П., сошедши съ каѳедры, останавливается среди аудиторіи. Смотримъ, что будетъ. Господа, начинаетъ говорить тихимъ, почти дрожащимъ голосомъ И. П... Господа!.. о. ректоръ приказалъ... И затѣмъ, весь раскраснѣвшись, кланяется и поспѣшно скрывается изъ аудиторіи. Такъ мы на этотъ разъ и не узнали, что̀ приказалъ о. ректоръ. По окончаніи слѣдующей лекціи И. П. останавливается у окна, оборотившись къ намъ спиною, и начинаетъ тихо, какъ бы про себя, говорить: гг! о. ректоръ приказалъ мнѣ... извините... сдѣлать

(1) Ирк. епарх. Вѣдом. 1890 г. № 10, стр. 5.

репетицію вамъ по всеобщей исторіи. Поэтому потрудитесь прорепетировать къ слѣдующему классу по исторіи Лоренца... Затѣмъ быстро поворачивается, подходитъ къ двери и уже въ дверяхъ договариваетъ: исторію древнихъ восточныхъ народовъ до исторіи Греціи, и вслѣдъ за тѣмъ скрывается за дверьми". Онъ такъ никогда и не могъ привыкнуть къ репетиціямъ и каждый разъ, когда до нихъ доходило дѣло, повторялъ предъ студентами туже картину крайняго стѣсненія и сконфуженности. Предметъ репетиціи онъ всегда назначалъ уже въ корридорѣ, куда выбѣгалъ изъ аудиторіи отъ конфуза, такъ что студенты, чтобы уловить какъ нибудь его послѣднія, самыя главныя слова, тоже спѣшили съ своими ушами поскорѣе выскочить изъ аудиторіи почти на его плечахъ. Переспросить его значило сконфузить его окончательно въ лоскъ. Въ началѣ октября 1854 г. владыка Григорій объявилъ черезъ правленіе рѣшительное требованіе, чтобы наставники каждый свой классъ прежде, чѣмъ начать лекцію, непремѣнно производили повтореніе предыдущей лекціи (1). Но и это распоряженіе исполняли, кажется, только ректоръ съ инспекторомъ, да и то не всегда, за совершеннымъ недостаткомъ времени для чтенія лекцій, тѣмъ болѣе, что тѣмъ же предложеніемъ преосвященный требовалъ еще, чтобы каждая наука въ академіи прочитывалась на лекціяхъ „вся безъ малѣйшаго опущенія". При ректорѣ Іоаннѣ репетиціи прекратились даже предъ экзаменами. Сначала студенты VIII и IX курсовъ еще ходили на нихъ по очереди, человѣка по 2—3, съ которыми преподаватель и бесѣдовалъ въ классѣ; потомъ перестали являться и эти чередные студенты. Придя въ классъ, преподаватель находилъ въ немъ одинъ развернутый журналъ съ записью, что была репетиція о томъ-то, подписывалъ его и уходилъ во-свояси. Классы формально считались занятными и обозначались даже обычными звонками, которые студенты характерно называли „пустозвономъ". Въ 1864 г. ректоръ Иннокентій крѣпко возсталъ противъ этихъ пустозвоновъ и потребовалъ, чтобы повторенія уроковъ, какъ онъ называлъ репетиціи, производились не только предъ каждымъ экзаменомъ, но и послѣ каждаго урока (лекціи) передъ слѣдующимъ урокомъ (2). За нарушеніе

(1) Д. внутр. правл. 1854 г. № 74.

(2) Д. 1864 г. № 69, п. 6 записки ректора.

этого распоряженія онъ, какъ мы видѣли, одного профессора, Мысовскаго, выжилъ даже изъ академической службы. Но и его усилія не повели ни къ чему; года черезъ полтора репетиціонный пустозвонъ снова началъ оглашать академическіе корридоры, не умолкъ и при ректорѣ Никанорѣ, который самъ лично тревожилъ слушателей повтореніями аккуратно во время каждой своей лекціи.

Не требовалось отчета въ знаніи лекцій и на экзаменахъ. Послѣдніе сдавались обыкновенно съ помощію печатныхъ руководствъ или особыхъ записокъ, приготовлявшихся для нихъ наставниками. По догматикѣ для этой цѣли служили исключительно печатныя руководства Антонія и Макарія и только въ первое время, до выхода въ свѣтъ догматики Антонія, студенты сдавали экзамены по какимъ-то кіевскимъ запискамъ. По св. Писанію служили руководство Амвросія и старыя литографированныя записки московской академіи, изучавшіяся и по всѣмъ семинаріямъ округа. Въ Воспоминаніяхъ А. А. Виноградова напечатанъ любопытный разсказъ, какъ проф. Серафимъ Протопоповъ, читавшій свои превосходныя лекціи по св. Писанію, заставлялъ студентовъ готовиться къ экзаменамъ все-таки по этимъ же литографированнымъ запискамъ и получилъ за нихъ даже серьезный выговоръ отъ преосвященнаго Григорія ([1]). При тогдашнихъ строгостяхъ церковной цензуры наставники богословскихъ предметовъ, по всей вѣроятности, даже побаивались выступать передъ начальствомъ съ своими собственными записками. По основному богословію руководствомъ служило Введеніе въ богословіе Макарія; по нравственному — сначала сдавались кіевскія записки, потомъ руководствами были Нравственное богословіе Платона, а послѣ него П. Солярскаго; по каноникѣ употреблялось извѣстное руководство Скворцова; по гомилетикѣ — книга Амфитеатрова и т. д. По этимъ же руководствамъ писались и самыя программы наставниковъ къ экзаменамъ, хотя бы онѣ вовсе не сходились съ ихъ дѣйствительными программами. По тѣмъ наукамъ, по которымъ печатныя руководства были уже слишкомъ плохи или вовсе таковыхъ не оказывалось, преподаватели сдавали краткія записки, свои или чужія, привезенныя изъ другихъ академій, большею частію тоже не похожія на лекціи, читавшіяся въ аудиторіи. Обязательнаго за-

([1]) Ирк. епарх. Вѣдом. 1890 г. № 7, стр. 6—7.

писыванія лекцій за профессорами академіи не было. Если студенты и записывали за кѣмъ нибудь изъ нравившихся имъ наставниковъ, то по одной своей волѣ; для экзаменовъ эти записи не имѣли никакого значенія. Точно такъ же по доброй волѣ они выпрашивали себѣ для списыванія подлинныя лекціи у наставниковъ, напр. у о. Θеодора, у о. Хрисанθа, у Щапова, будучи въ тоже время вполнѣ увѣрены, что ни на репетиціяхъ, ни на экзаменахъ объ этихъ лекціяхъ не будетъ и помину. Ректоры Агаθангелъ и Іоаннъ заставляли записывать за собой лекціи обязательно и сами просматривали эти записи; но къ экзаменамъ и они заставляли студентовъ готовиться тоже по печатнымъ руководствамъ, а не по этимъ своимъ лекціямъ.

Такой, повидимому, странный порядокъ отношенія студентовъ къ читаемымъ имъ лекціямъ образовался въ академіи съ самаго ея начала и имѣлъ за собой отчасти даже законныя основанія въ уставѣ и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ распоряженіяхъ начальства. Старый уставъ академій довольно энергично высказывался противъ диктовки лекцій, называя ее „недоброю методою ученія". Затѣмъ коммиссія духовныхъ училищъ сама намѣтила печатныя пособія и руководства почти по всѣмъ предметамъ академическаго курса и заставляла держаться ихъ обязательно. Въ 1847 г. духовно-учебное управленіе, по представленію ревизора академіи преосвященнаго Аθанасія винницкаго, прислало распоряженіе, чтобы наставники академіи, сдающіе студентамъ записки, писали послѣднія, какъ можно, короче, помѣщая въ нихъ только самое существенное изъ того, что̀ они преподаютъ въ классѣ; тѣмъ же распоряженіемъ указано, чтобы по вновь введеннымъ въ академію естественнымъ наукамъ непремѣнно были избраны печатныя руководства (¹). Правленіе академіи съ своей стороны для облегченія студентовъ въ перепискѣ сдававшихся имъ записокъ ввело литографированіе послѣднихъ (²). Этихъ литографированныхъ записокъ было впрочемъ немного; въ 1851 г. были изданы во 100 экземплярахъ только записки по физикѣ, исторіи философіи, психологіи и метафизикѣ,— затѣмъ изданіе такихъ записокъ прекратилось до половины 1860-хъ годовъ. Преосвященный Григорій постоянно требовалъ,

(¹) Д. конфер. 1847 г. № 15.
(²) Д. внутр. правл. 1844 г. № 52 и 1851 г. № 78.

чтобы записокъ къ экзаменамъ сдавалось, какъ можно, меньше. Въ одномъ предложеніи правленію отъ 5 октября 1854 г. онъ писалъ, что для лучшей постановки учебной части въ академіи необходимо: 1) „чтобы каждая наука въ положенный срокъ преподана была студентамъ вся безъ малѣйшаго упущенія; 2) чтобы наставниками были даваемы для изученія студентамъ записки только хорошо отдѣланныя и по содержанію, и по языку; 3) чтобы сіи записки выдаваемы были прежде, нежели объясняемъ будетъ предметъ въ классѣ, и чтобы наставникъ въ началѣ каждаго слѣдующаго урока неопустительно требовалъ отъ студентовъ отчета въ прежнемъ урокѣ; 4) чтобы затѣмъ никакъ не было поручаемо самимъ студентамъ составлять лекціи, преподанныя имъ наставниками; 5) чтобы наставники, особенно прослужившіе въ академіи два года, преподавали свой предметъ не чтеніемъ по запискамъ, а свободною, независимою отъ стѣсненнаго въ запискахъ изложенія рѣчью, въ строгой послѣдовательности мыслей и какъ яснымъ, такъ и чистымъ языкомъ“ (¹). Ректоръ Агаѳангелъ, какъ мы упоминали, заставлялъ молодыхъ баккалавровъ даже и классныя ихъ лекціи читать прямо по печатнымъ книгамъ. Въ запискѣ ректора Иннокентія „о поставленіи студентовъ въ прямое отношеніе къ преподаваемымъ имъ предметамъ“ снова встрѣчаемъ требованіе печатныхъ учебниковъ и литографированія лекцій. По его предложенію съ 1865 г. были литографированы въ количествѣ 100 экземпляровъ лекціи проф. Порфирьева по общей грамматикѣ и эстетикѣ, Красина по физикѣ и Митропольскаго по психологіи.

Начальство такимъ образомъ постоянно заботилось, чтобы студенты, какъ можно, менѣе занимались писаніемъ лекцій. Нужно поэтому еще удивляться, что между ними все-таки находились люди, которые записывали даже полные курсы лекцій болѣе любимыхъ и полезныхъ профессоровъ, — это была совершенно свободная работа, которую они несли безъ всякой оффиціи, изъ одной безкорыстной любви къ наукѣ. Такая свобода классныхъ лекцій имѣла хорошіе результаты. Не тратя времени на записываніе лекцій, студенты имѣли больше возможности предаваться чтенію книгъ и въ теченіе своего курса перечитывали ихъ такую массу, о которой не могли и подумать студенты университета, тратившіе большую

(¹) Д. внутр. правл. 1854 г. № 74.

часть своего времени на записи и перевиранiе всякихъ профессорскихъ лекцiй, даже такихъ, которыя для пользы науки выгоднѣе было бы замѣнить самымъ ходячимъ учебникомъ. Приготовленiе къ репетицiямъ и экзаменамъ по готовымъ руководствамъ требовало меньше хлопотъ и давало тоже большой выигрышъ времени, не говоря уже о томъ, что студентъ освобождался при этомъ отъ неизбѣжнаго почти искаженiя наскоро записанныхъ за профессоромъ лекцiй. Далѣе, та же свобода лекцiй возвышала и облагороживала трудъ самаго ихъ слушанiя въ аудиторiи и служила для самихъ преподавателей, по крайней мѣрѣ для лучшихъ изъ нихъ, сильнымъ побужденiемъ къ усовершенствованiю своего преподаванiя. Безкорыстное и свободное вниманiе свободной аудиторiи, старавшейся не только выслушать, но иногда даже записать лекцiю, было для наставника такою высокою и обязывающею честью, выше и обязательнѣе которой едва ли можно еще представить.

Отдѣленiе читаемыхъ въ аудиторiи лекцiй отъ программъ, по которымъ шла вся оффицiальная отчетность по учебной части, сообщало первымъ какой-то интимный характеръ откровенныхъ бесѣдъ наставника съ студентами, что̀ было особенно важно до 1860-хъ годовъ, во время какого-то общаго въ средѣ мыслящей молодежи недовѣрiя ко всему подцензурному. Освобожденiе лекцiи отъ оффицiальнаго отчета сообщало ей видъ свободнаго слова и извѣстнаго рода довѣрiе въ глазахъ аудиторiи. Благодаря этому обстоятельству, на академической каѳедрѣ трудно было водвориться тому дешевому либерализму, который состоялъ тогда не столько въ положительной пропагандѣ либеральныхъ идей, въ сущности мало опасной, сколько въ разныхъ раздражающихъ недомолвкахъ, полусловахъ, таинственныхъ намекахъ, киваньяхъ на что-то такое, чего нельзя сказать, хотя бы и нечего было сказать достойнаго вниманiя, и тому подобныхъ фокусахъ, всего болѣе круживших молодыя головы, а между тѣмъ, по самой своей неясности и таинственности, застрахованныхъ отъ всякаго разоблаченiя и критическаго отпора. Отдѣленiе лекцiй отъ программъ сопровождалось наконецъ большимъ выигрышемъ и въ широтѣ изученiя студентами каждой науки своего курса. По требованiямъ устава и начальства, каждая наука должна была проходиться „вся безъ малѣйшаго опущенiя", какъ писалъ владыка Григорiй; но въ теченiе недлиннаго ряда академи-

ческихъ лекцій съ такой полнотой конечно не могла быть пройдена почти ни одна наука,— могъ быть прочитанъ развѣ какой нибудь небольшой только по ней учебникъ, годный лишь для средняго, а не высшаго учебнаго заведенія. Назначивъ для полнаго изученія своей науки во всей ея цѣлости извѣстное руководство, профессоръ чрезъ это вполнѣ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ начальства и въ то же время развязывалъ себѣ руки для классныхъ лекцій; въ лекціяхъ послѣ этого онъ могъ свободно избирать себѣ предметы для изслѣдованія по собственнымъ своимъ разсчетамъ и изслѣдовать ихъ съ бо́льшею обстоятельностью и пользой для студентовъ, уже не стѣсняясь ни программой, ни временемъ. Академическая лекція такимъ образомъ постоянно предполагала собственныя домашнія занятія студентовъ и сама сообразовалась съ ними въ степени своей спеціальности. Такого рода соединенная работа силъ студенческихъ и профессорскихъ вмѣстѣ по нѣкоторымъ, конечно болѣе любимымъ студентами предметамъ могла давать и дѣйствительно давала такіе важные практическіе результаты, какихъ трудно ожидать даже отъ самаго спеціальнаго факультетскаго преподаванія, всегда нечуждаго разныхъ болѣе или менѣе важныхъ пробѣловъ въ цѣлостномъ представленіи науки.

Письменныя работы студентовъ не теряли своей важности въ теченіе всего описываемаго времени. По опредѣленію правленія 2 сентября 1844 г, соблюдавшемуся до 1857 г., студенты обязаны были писать по одному сочиненію каждый мѣсяцъ, кромѣ декабря и іюня, когда производились экзамены. Сентябрь, январь, мартъ и май назначались для писанія въ высшемъ отдѣленіи богословскихъ, а въ низшемъ философскихъ сочиненій, октябрь и февраль въ высшемъ отдѣленіи для герменевтическихъ, въ низшемъ для сочиненій по словесности, наконецъ ноябрь и апрѣль—для историческихъ. Сверхъ ученыхъ сочиненій, студентамъ положено было писать каждый годъ проповѣди, — старшимъ по 3, младшимъ по одной проповѣди [1]. На послѣднемъ году курса писались одни курсовыя сочиненія и мѣсячныхъ писать не полагалось. Въ 1857 г. ректоръ Іоаннъ вздумалъ увеличить это число письменныхъ работъ и провелъ черезъ правленіе новое распоряженіе, чтобы студенты старшаго курса въ первый годъ, когда не писали

[1] Д. 1844 г. № 15.

еще курсоваго сочиненія, подавали по 10 сочиненій и по одной проповѣди, а младшіе каждый годъ по 9 сочиненій и по одной проповѣди; срокъ для написанія сочиненій назначенъ, вмѣсто мѣсячнаго, 20-дневный (1). Съ теченіемъ времени это количество письменныхъ работъ оказалось обременительнымъ и въ 1868 г. при ректорѣ Никанорѣ положено было, чтобы въ первые 3 года курса студенты писали только по 6 сочиненій въ годъ и по одной проповѣди (2). Распоряженіе это дѣйствовало до новаго устава.

Содержаніе сочиненій состояло или въ разрѣшеніи какого нибудь важнаго частнаго вопроса въ наукѣ, или въ общемъ обозрѣніи и осмысленіи цѣлаго круга относящихся къ извѣстной наукѣ фактовъ въ видѣ философическаго очерка. Теоретическій характеръ темъ, который мы замѣтили въ первые годы академической жизни, держался долго и послѣ, до половины 1850-хъ годовъ, когда, при бóльшемъ усиленіи научныхъ средствъ академіи, академическое образованіе стало получать болѣе фактическое и въ частности историческое направленіе. Съ этого времени преобладающее значеніе получили темы историческія и критическія даже въ области богословскихъ и философскихъ наукъ. Кромѣ того, открытіе въ это же время миссіонерскихъ отдѣленій при академіи выдвинуло для студенческихъ работъ неистощимый рядъ вопросовъ по разработкѣ исторіи и обличенія раскола и по изученію мухаммеданства и буддизма какъ въ религіозномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи. Тогдашнее оживленіе литературы по русской исторіи тоже отразилось на студенческихъ работахъ, направивъ послѣднія на темы именно по русской исторіи и по исторіи русской литературы. Ректоръ Іоаннъ любилъ, чтобы студентамъ по всѣмъ предметамъ назначались темы самыя современныя, животрепещущія и практическія. Такое современное направленіе студенческихъ работъ, начавшись съ темъ преимущественно историческихъ, съ теченіемъ времени, въ половинѣ 1860-хъ годовъ мало-по-малу захватило обильную область темъ полемическихъ противъ увлеченій современнаго недомыслія разными матеріалистическими и соціалистическими толками и сочиненіями. Темы общаго, отвлеченнаго характера давались уже рѣдко. Въ числѣ особенно-

(1) Д. 1857 г. № 43.

(2) Д. 1868 г. № 49.

стей студенческихъ работъ до 1860-хъ годовъ нужно упомянуть еще то, что нѣсколько сочиненій въ годъ писалось, по старой памяти, на латинскомъ языкѣ, которымъ студенты владѣли еще очень недурно. Съ 1860-хъ годовъ всѣ сочиненія писались исключительно на русскомъ языкѣ; послѣднія латинскія сочиненія были въ началѣ VIII курса.

Студенты занимались сочиненіями очень усердно. Какъ только темы объявлялись, такъ они толпами отправлялись въ библіотеку забирать нужныя книги, отъ чего время назначенія темъ было самымъ рабочимъ временемъ для библіотекаря. Предметъ сочиненія изучивался самымъ внимательнымъ, почти спеціальнымъ образомъ, на сколько дозволялъ это короткій срокъ семестровой работы, что́ весьма много содѣйствовало расширенію и отчетливости студенческихъ познаній и усвоенію ими навыка къ серьезной научной работѣ. Въ университетѣ, гдѣ не было подобныхъ упражненій, студентъ впервые начиналъ работать самостоятельно только при писаніи своей выпускной диссертаціи; студентъ академіи принимался за свое курсовое сочиненіе, какъ весьма уже опытный ученый работникъ. Если взять во вниманіе общее количество всѣхъ семестровыхъ работъ въ теченіе академическаго курса, то выйдетъ, что каждый студентъ за все это время успѣвалъ изучить въ болѣе или менѣе спеціальномъ объемѣ до 25 вопросовъ изъ области важнѣйшихъ наукъ своего курса, а это очень много значило,—это дѣлало его уже дѣйствительно ученымъ человѣкомъ. При этомъ необходимо обратить вниманіе еще на то, что на каждый мѣсячный или 20-дневный срокъ давалось для сочиненія не по одной, а по нѣскольку темъ на выборъ, а при этомъ выборѣ каждый студентъ невольно долженъ былъ, хоть сколько нибудь, подумать о предметахъ и другихъ темъ, кромѣ той, на которой онъ останавливался; далѣе, при усердномъ занятіи своимъ предметомъ и при постоянномъ взаимномъ общеніи студентовъ, каждый студентъ непремѣнно толковалъ о своей темѣ съ другими, носился съ ней, какъ спеціалистъ, разсказывалъ, что́ находилъ въ своихъ источникахъ новаго и интереснаго, спорилъ и вообще всячески распространялъ свои спеціальныя свѣдѣнія чуть не на весь свой курсъ; около нѣкоторыхъ, болѣе экспансивныхъ и талантливыхъ студентовъ можно было научиться очень многому, до чего безъ особенной надобности вѣроятно никогда и не пришлось бы добраться собственными силами. Все это

еще болѣе увеличивало образовательное значеніе семестровыхъ сочиненій и ставило занятія ими на высокую степень въ ходѣ академическаго образованія, пожалуй — выше даже занятія лекціями.

При ректорахъ Григоріи и Парѳеніи сочиненія писались весьма обширныя, не смотря на краткій мѣсячный для нихъ срокъ, и представляли собою обстоятельные трактаты даже по историческимъ вопросамъ, еще не пользовавшимся тогда особеннымъ уваженіемъ и крайне неудобнымъ для разработки вслѣдствіе скудости академической библіотеки. Намъ случилось читать одно такое сочиненіе студента I курса Н. И. Ильминскаго о покушеніи папы Григорія XIII подчинить своему престолу русскую церковь, гдѣ разсказаны обстоятельства посольства въ Россію Антонія Поссевина; съ одной почти Исторіей Карамзина въ рукахъ молодой авторъ успѣлъ создать такое обстоятельное, догадливое и искусно скомпонованное изслѣдованіе, что оно могло бы быть пріятнымъ явленіемъ въ исторической литературѣ даже и не въ такое раннее время. Нѣкоторыя сочиненія студентовъ были такъ тщательно обработываемы, что профессоры пользовались ими въ своихъ собственныхъ курсахъ; иногда они даже нарочно задавали для семестровыхъ работъ такія изслѣдованія, которыми послѣ имъ можно было бы воспользоваться для своихъ лекцій. Это дѣлалось совершенно откровенно и студентъ считалъ за особую для себя честь помочь такимъ образомъ своему профессору. Въ подобныхъ случаяхъ профессоръ впрочемъ внимательно руководилъ своего помощника въ работѣ на каждомъ шагу и во всѣхъ мелочахъ. Если работа студента обѣщала быть солидною, ему дозволялось продолжать ее и долѣе назначеннаго срока или еще на слѣдующій срокъ другой темы того же наставника, при чемъ продолженіе прежняго сочиненія считалось за новое сочиненіе. Такія двойныя сочиненія разростались листовъ до 20—30. Бывали случаи, что студентъ, съ дозволенія ректора, обращалъ понравившійся ему предметъ семестроваго сочиненія въ предметъ курсоваго сочиненія на степень. Работы надъ мѣсячными сочиненіями служили главнымъ поводомъ къ скрѣпленію близкихъ нравственныхъ связей между студентами и преподавателями. Студенты съ особеннымъ удовольствіемъ работали на темы такихъ наставниковъ, которые вступали съ ними въ болѣе близкія и сочувственныя отношенія. „Самымъ важнымъ и

полезнымъ для нашего развитія, пишетъ одинъ изъ старыхъ студентовъ конца 50-хъ годовъ—проф. Аристовъ ([1]), служило постоянное руководство профессоровъ, частыя указанія и взаимный обмѣнъ мыслей и взглядовъ. Нѣкоторые студенты ходили къ профессорамъ чуть не каждый день, если надо было навести справку, разрѣшить сомнѣнія и недоумѣнія, и всегда встрѣчали радушный и ласковый пріемъ. Все это много значило для правильнаго теченія занятій".

Въ 1854 г. преосвященный Григорій, ревизуя академію, замѣтилъ, что студенты занимались сочиненіями уже слишкомъ много, въ ущербъ своему здоровью, что, затянувшись въ одну работу, слишкомъ широко затѣянную, запаздывали другими и пропускали сроки, а иные вдавались даже въ пустословіе и писали много лишняго. Вслѣдствіе этого онъ распорядился, чтобы сочиненія студентовъ были „принимаемы наставниками отнюдь не позже опредѣленнаго срока и возвращались ими непремѣнно въ теченіе слѣдующаго мѣсяца послѣ подачи, разсмотрѣнныя со строгою критикою и указаніемъ всѣхъ недостатковъ, когда свободно, даже въ классѣ; чтобы каждое предложеніе прежде, нежели дано будетъ студентамъ, показывалось ректору, и наконецъ чтобы мѣсячныя сочиненія студентовъ состояли не болѣе, какъ изъ двухъ листовъ обыкновеннаго письма, окончательныя изъ 10, а проповѣди изъ 1 листа, дабы студенты пріучились говорить о данномъ предметѣ только нужное, въ строгой послѣдовательности мыслей и яснымъ, опредѣленнымъ языкомъ, удаляясь отъ всякаго многословія и пустословія" ([2]). Ректоръ Агаѳангелъ, какъ извѣстно, много заботившійся о здоровьѣ студентовъ, приводилъ это распоряженіе въ исполненіе съ большою строгостью, заставляя студентовъ даже обрывать сочиненія на второмъ листѣ, хотя бы на полусловѣ, а поданныя не въ срокъ сожигать безъ рецензіи. Но профессоры дѣлали студентамъ всякія послабленія относительно этихъ правилъ и старались не стѣснять усердія молодыхъ писателей.

При ректорѣ Іоаннѣ на мѣсячныя сочиненія сначала попрежнему обращалось строгое вниманіе; но съ 1860 г., по

([1]) А. П. Щаповъ, стр. 21.

([2]) Д. внутр. правл. 1854 г. № 74.

мѣрѣ общаго упадка дисциплины, вмѣстѣ съ опущеніемъ лекцій стало развиваться и опущеніе этихъ сочиненій. Студенты стали подавать ихъ все рѣже и рѣже, нѣкоторымъ профессорамъ даже и вовсе ихъ не подавали. Въ XI курсѣ опущенія эти доходили до крайнихъ предѣловъ; случалось, что наставникъ получалъ всего какихъ нибудь 2—3 сочиненія съ цѣлаго курса; въ 1866 г. во время ревизіи академіи, когда ревизоръ потребовалъ отъ наставниковъ всѣ прочитанныя ими сочиненія, профессоръ Соколовъ оффиціально донесъ, что на заданныя имъ темы не писалъ сочиненій ни одинъ изъ студентовъ XI курса. На экзаменахъ предъ Рождествомъ 1865 г. весь этотъ курсъ представилъ всего только 7 письменныхъ отвѣтовъ. Ректоръ Иннокентій для поощренія студентовъ къ писательству распорядился, чтобы неподача сочиненій отмѣчалась въ спискахъ нолемъ, который равнялся исключенію изъ академіи; но въ общемъ спискѣ студентовъ этихъ нолей оказалось такъ много даже у корифеевъ курса, что строгая мѣра сама должна была свестись къ нолю. Такой упадокъ академической письменности началъ исправляться вскорѣ послѣ выхода XI курса, но пріученіе студентовъ снова къ аккуратности въ письменныхъ работахъ тѣмъ не менѣе стоило большихъ хлопотъ еще и преемнику Иннокентія, архимандриту Никанору. Въ началѣ 1870 г. онъ вошелъ въ правленіе особой запиской, что студенты низшаго отдѣленія (XIV курса), не смотря на постоянныя со стороны ректора внушенія, за сентябрское полугодіе 1869 г. вовсе не подали назначенныхъ имъ сочиненій. По справкамъ оказалось, что за первое полугодіе $18^{68}/_{69}$ учебнаго года поданы были всѣ три сочиненія, но за второе полугодіе изъ трехъ сочиненій никто не подалъ послѣдняго – по миссіонерскимъ предметамъ; затѣмъ за первое полугодіе слѣдующаго учебнаго года студенты XIV курса подали только одно сочиненіе по философіи, а двухъ другихъ по миссіонерскимъ предметамъ и по исторіи не подали, да и тѣ сочиненія, которыя показаны здѣсь поданными, поданы были не всѣми студентами. 13 февраля правленіе распорядилось представить эти свѣдѣнія въ свое время, при окончаніи курса, конференціи. Преосвященный Антоній съ своей стороны написалъ на журналѣ правленія: „Объяснить студентамъ, что неисправная подача ими сочиненій есть съ ихъ стороны весьма неблаговидное опуще-

ніе своего долга, очень затрудняющее наставниковъ и вредное для нихъ самихъ, и что при составленіи списковъ это можетъ отозваться на многихъ изъ нихъ очень неблагопріятнымъ образомъ. Рекомендовать также и гг. наставникамъ, чтобы они всегда самымъ настоятельнымъ образомъ требовали отъ студентовъ подачи сочиненій въ надлежащіе сроки и о неисправныхъ тогда же доводили до свѣдѣнія о. ректора и инспектора для надлежащаго съ ихъ стороны распоряженія. Мнѣ казалось бы, что простое чувство чести должно бы не допускать студентовъ до какихъ либо съ ними разсчетовъ". 1860-е годы отозвались такимъ образомъ и на этой сторонѣ студенческой жизни.

Разсмотрѣніе сочиненій относилось къ обязанностямъ наставниковъ, дававшихъ для нихъ темы, и составляло обязанность нелегкую. Было принято, чтобы наставникъ-рецензентъ не ограничивался одной оцѣнкой достоинства сочиненія, но дѣлалъ на немъ подробныя замѣчанія относительно его недостатковъ и, какъ слѣдуетъ, исправлялъ его даже въ стилѣ. Въ классѣ они разбирались рѣдко, за недостаткомъ времени. Первоначально всѣ сочиненія съ рецензіями и поправками обязательно сдавались студентамъ, что было конечно очень для нихъ полезно. Замѣчанія рецензентовъ производили иногда весьма сильное впечатлѣніе на авторовъ. Въ Воспоминаніяхъ А. А. Виноградова разсказывается, какъ одна рецензія на его сочиненіе проф. Порфирьева, подкрѣпленная еще суровыми замѣчаніями ректора Парѳенія, имѣла рѣшительное вліяніе на всю его манеру излагать свои мысли на бумагѣ ([1]). Послѣ, отчасти еще при ректорѣ Агаѳангелѣ, а главнымъ образомъ при Іоаннѣ, сочиненія стали возвращаться студентамъ рѣже, а затѣмъ и совсѣмъ стали заваливаться то у наставниковъ, то у ректоровъ, такъ что авторы большею частію такъ ничего и не знали ни о достоинствѣ, ни о судьбѣ своихъ письменныхъ работъ. Въ числѣ поводовъ къ охлажденію студентовъ къ сочиненіямъ вѣроятно не послѣднее мѣсто занимало и это обстоятельство.

Кромѣ ученыхъ сочиненій, студенты, какъ сказано, каждый годъ изготовляли еще извѣстное число проповѣдей, для

(1) Иркутск. епарх. Вѣдом. 1890 г. № 4 стр. 3—4.

которыхъ въ началѣ каждаго учебнаго года правленіе составляло на цѣлый годъ особое расписаніе. Работа эта считалась у студентовъ почему-то не серьезной и они относились къ ней очень небрежно, хотя первые кіевскіе начальники академіи, ученики и поклонники знаменитаго витіи Иннокентія, усердно старались о развитіи церковнаго витійства въ академіи и словомъ, и примѣромъ; слово оказывалось безсильнымъ, а примѣры часто не совсѣмъ убѣдительными. Ректоръ Григорій на первыхъ порахъ думалъ завести въ академіи даже особый классъ декламаціи (1), но преподаватель церковнаго краснорѣчія, извѣстный о. Фотій, кажется, такъ и не пытался учить своихъ слушателей этому искусству, потому что и самъ былъ въ немъ недалекъ. Послѣ пробовалъ учить декламаціи ректоръ Агаѳангелъ, но и эта попытка окончилась больше шутками и смѣхомъ. Сама гомилетика, въ ея Амфитеатровскомъ видѣ, до послѣдняго времени не могла привиться въ казанской академіи и оставалась у студентовъ въ крайнемъ пренебреженіи. Проповѣди свои они больше списывали съ готовыхъ уже проповѣдей. Обильнымъ источникомъ для ихъ подневольнаго проповѣдничества въ 1860-хъ годахъ сдѣлались епархіальныя вѣдомости, до которыхъ для обличенія студенческихъ плагіатовъ не могъ добраться ни одинъ преподаватель гомилетики. На всякій однако случай, чтобы не ввести своихъ сотоварищей во грѣхъ вторичнаго списыванія одной и той же проповѣди и не дать повода рецензенту догадаться о плагіатѣ, каждый, списывающій проповѣдь, обязанъ былъ дѣлать на своемъ источникѣ помѣту, — списалъ де такого-то года, мѣсяца и числа; помѣты эти и теперь можно видѣть въ академической библіотекѣ. Были впрочемъ студенты, охотно писавшіе и оригинальныя проповѣди. Въ X курсѣ одинъ студентъ занимался составленіемъ проповѣдей для печатанія въ духовныхъ журналахъ и сдѣлалъ для себя изъ этого занятія доходную статью; бывали и другіе примѣры такого промышленнаго витійства. Болѣе удовлетворительныя проповѣди назначались къ произношенію въ академической церкви. Въ нѣкоторые годы, особенно при ректорахъ Григоріи и Агаѳангелѣ, рѣдкая литургія обходилась безъ студен-

(1) Д. внутр. правл. 1844 г. № 49.

ческой проповѣди. Въ первое время своего ректорства архимандритъ Іоаннъ нѣсколько разъ тоже выпускалъ студентовъ на церковную каѳедру, заставляя ихъ говорить на самыя современныя темы. Въ 1858 г. студ. VIII курса Знаменскій говорилъ сенсаціонную проповѣдь даже за всенощной академическаго праздника 8 ноября о томъ, какъ необходимо было въ то время, чтобы русскій народъ спасали ангелы Божіи. Въ 1860-хъ годахъ студенческое проповѣдничество замолкло какъ-то само собою еще при томъ же ректорѣ.

Не можемъ обойти безъ вспоминанія замѣчательнаго, хотя и короткаго, времени студенческаго проповѣдничества, когда оно заняло всѣхъ студентовъ, попавъ въ руки одушевленнаго руководителя. Это было въ $18^{56}/_{57}$ учебномъ году, въ VII курсѣ, когда въ составленіи студентами проповѣдей принялъ сердечное участіе о. Ѳеодоръ Бухаревъ, старавшійся провести въ нихъ свои оригинальныя идеи. Съ каждымъ череднымъ проповѣдникомъ до написанія проповѣди онъ подолгу и по нѣскольку разъ толковалъ у себя въ кельѣ, разъясняя смыслъ имъ же данной темы и почти диктуя всю проповѣдь, такъ что оставалось только записать ее съ его словъ. Но и это оказывалось не легко вслѣдствіе своеобразности его воззрѣній; поданная проповѣдь всегда признавалась неудовлетворительной и нѣсколько разъ передѣлывалась и авторомъ, и имъ самимъ, такъ что въ концѣ концовъ оказывалась цѣликомъ произведеніемъ самого о. Ѳеодора. Напр. въ октябрѣ 1856 г. студ. Н. Я. Аристовъ долженъ былъ писать проповѣдь на день казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія. О. Ѳеодоръ далъ ему тему — объяснить, почему мощи святителей подверглись истребленію отъ казанскаго пожара, и долго объяснялъ этотъ фактъ любовію угодниковъ къ своему казанскому краю, которую они перенесли и за предѣлы гроба: подражая любви Христовой, они умолили Господа, чтобы не всею яростію Своего гнѣва и правосудія покаралъ грѣхи ихъ паствы, чтобы хотя часть наказанія, назначеннаго казанскому краю, перенесъ на нихъ самихъ, — и вотъ спасли свою паству отъ еще большей казни, чѣмъ тогдашній пожаръ, пожертвовавъ для того правосудію Божію начатками своей славы въ нетлѣніи своихъ мощей. По той же конечно христоподражательной любви мощи великихъ защитниковъ православія, каковы Іоаннъ Златоустый, Аѳанасій Великій, Николай Чудо-

творецъ, раздѣляютъ на западѣ плѣнъ христіанъ подъ игомъ мірскаго духа преобладанія, мертвящаго католичество, и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ залогами будущаго освобожденія запада изъ-подъ ига міра сего въ свободу чадъ Христовыхъ. На праздникъ взятія Казани онъ заставилъ писать проповѣдь о томъ, какъ мы въ самихъ себѣ должны праздновать побѣду надъ духовнымъ мухаммеданствомъ, которое распространено и между православными христіанами. Въ великій постъ 1857 года онъ предпринялъ съ студентами рядъ проповѣдей о св. таинствахъ. На уясненіе каждаго таинства назначалось по 3 бесѣды. Такъ, о первомъ таинствѣ крещенія должны были писать: А. Павловъ о необходимости крещенія, В. Соколовъ— о внутренней его силѣ и В. Орловъ — о способахъ возгрѣвать въ себѣ благодать крещенія. Въ церкви студенты съ интересомъ слушали эти бесѣды. Замѣчательно, что рукописи всѣхъ этихъ проповѣдническихъ работъ постоянно куда-то таинственно изчезали изъ ящиковъ и конторокъ ихъ авторовъ, такъ что, когда о. Ѳеодоръ пожелалъ собрать ихъ у студентовъ для составленія цѣльнаго сборника, ихъ уже не могли отыскать. Вѣроятно, ими завладѣли какіе нибудь любители о. Ѳеодора.

Все, остававшееся отъ письменныхъ работъ, занятное время студентовъ уходило на чтеніе, которое было необыкновенно развито въ академіи. Студентъ постоянно былъ съ книгой, даже во время чая и прогулокъ въ саду. Академическая библіотека была къ услугамъ всѣхъ и каждаго и только одно нѣсколько стѣсняло пользованіе ею, по крайней мѣрѣ до конца 50-хъ годовъ, — это нѣкоторый ригоризмъ начальства въ наблюденіи за предметами чтенія. Мы уже видѣли, что тогдашняя академическая инспекція не совсѣмъ ясно отличала свои задачи отъ педагогическихъ задачъ инспекціи среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Принявъ на себя педагогическія обязанности надъ взрослыми уже людьми, академическія начальства часто боялись кормить студентовъ твердой научной пищей и старались держать ихъ, какъ дѣтей, преимущественно на молокѣ. Множество книгъ считались для нихъ опасными. Если вѣрить словамъ одного студента V курса, Я. Г. Рождественскаго ([1]), такое попеченіе о сохраненіи

([1]) См. въ книгѣ Аристова о Щаповѣ стр. 8.

дѣтской чистоты студенческихъ головъ доходило тогда до большихъ крайностей: „Исторія цивилизаціи Гизо считалась ужасной книжкой, а извѣстное сочиненіе Гиббона держали въ страшной тайнѣ; на свой счетъ студенты выписывали Отечественныя Записки и Современникъ, но читали по возможности скрытно отъ начальства. Достаточно было студенту попасться на глаза начальству съ свѣтскимъ сочиненіемъ, чтобы его взяли подъ сумлѣніе. Журналы прежнихъ годовъ брали студенты изъ библіотеки Сахарова, а о современныхъ живыхъ интересахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія". Можетъ быть, здѣсь кое-что и преувеличено изъ тенденціозныхъ видовъ, но нѣчто подобное бывало еще въ $185^{6}/_{7}$ году. Одинъ изъ только лишь поступившихъ тогда студентовъ VIII курса долженъ былъ выдержать длинную процедуру допросовъ въ библіотекѣ и у ректора изъ-за того, что заявилъ желаніе почитать на нѣмецкомъ языкѣ новую всеобщую исторію послѣ Вѣнскаго конгресса Миллера, — продолженіе извѣстной невиннѣйшей исторіи Беккера, существовавшей въ русскомъ переводѣ; почему-то этой исторіи такъ ему и не дали. Другой студентъ того же курса К. Мысовскій попалъ подъ замѣчаніе начальства за то, что съ самаго начала курса вытребовалъ себѣ для чтенія Гегеля. Строгости эти кончились при ректорѣ Іоаннѣ, который дозволялъ студентамъ читать всякія книги. При ректорѣ Иннокентіи опять вышло стѣснительное распоряженіе, чтобы студенты брали изъ библіотеки книги только по записи, предварительно разсмотрѣнной ректоромъ, но не долго имѣло силу.

Плоды домашнихъ занятій студентовъ умножались взаимнымъ обмѣномъ мыслей среди тѣсно сплоченнаго студенческаго кружка. Научная атмосфера, среди которой постоянно жилъ этотъ кружокъ, не теряла своего вліянія на развитіе студентовъ даже въ періодъ 60-хъ годовъ, когда научный интересъ молодежи подвергался замѣтному шатанію. Даже самому лѣнивому студенту, который вовсе не занимался наукой, помимо его стараній и вѣдома, столько влетало со всѣхъ сторонъ въ уши самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и идей, что одно это невольное пріобрѣтеніе составляло уже изрядное умственное богатство, съ которымъ онъ могъ выглядѣть совсѣмъ образованнымъ человѣкомъ. Нѣкоторые, болѣе ретивые къ наукѣ студенты иногда нарочно соединялись между собою въ ассо-

ціаціи, человѣка по 2—3, съ цѣлью помогать другъ другу въ потребленіи книгъ. Для этого они дѣлили между собой весь добытый ими книжный матеріалъ по частямъ и давали другъ другу подробные отчеты въ чтеніи, каждый по своей части, выигрывая чрезъ то много времени. Въ VIII курсѣ была напр. устроена такая ассоціація между студентами Морошкинымъ и Ѳ. Ливановымъ для изученія русской литературы, перечитавшая, даже съ обширными выписками, всевозможныя произведенія этой литературы отъ поученія Луки Жидяты до ничтожнѣйшихъ произведеній московскаго толчка. Чаще всего подобныя ассоціаціи устроивались для изученія иностранныхъ языковъ и чтенія нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ въ подлинникѣ; для этого обыкновенно соединялись студенты, знавшіе разные языки, одинъ напр. французскій, другой — нѣмецкій; при чтеніи извѣстнаго автора студентъ, владѣвшій его языкомъ, переводилъ и комментировалъ его, а другой, менѣе знавшій этотъ языкъ, слѣдилъ за своимъ товарищемъ по книгѣ, изучая въ одно и тоже время и механизмъ языка, и самого автора; прочитанное тутъ же подвергалось обсужденію, восторгамъ или отрицательной критикѣ. Мы уже указывали, какими благотворными результатами сопровождался такойже обмѣнъ мыслей между студентами при писаніи ими разныхъ сочиненій. Было, разумѣется, много между ними и такихъ людей, которые жили замкнуто, даже ревнивыхъ къ своимъ знаніямъ, таившихъ ихъ про себя, но они больше всѣхъ сами же отъ этого и проигрывали въ успѣшности своихъ трудовъ.

Вопросы, задѣвавшіе общее вниманіе, подвергались общимъ разговорамъ и спорамъ на каждодневныхъ собраніяхъ студентовъ въ промежутки ихъ занятій, въ корридорахъ, въ гардеробной комнатѣ, въ столовой за чаемъ и пр. „Споры между студентами, разсказываетъ Аристовъ въ біографіи Щапова (стр. 27—28), велись очень часто и въ большинствѣ случаевъ не одинъ на одинъ; въ нихъ принимали участіе цѣлыя партіи. Вопросы, о которыхъ возбуждались горячія состязанія, большей частію касались современной жизни, науки и литературы. Помню, много разъ возникали пренія по поводу стихотвореній Некрасова.... Отъ частнаго случая переходили къ вопросамъ о направленіяхъ литературныхъ—художественномъ и реальномъ. Вообще эти постоянные споры, имѣвшіе

серьезное содержаніе, были полны громаднаго интереса и приносили большую пользу студентамъ, развивая область знанія, заставляя глубже вдумываться въ дѣло, распространяли предѣлы мысли, пріучали къ живой устной рѣчи и находчивости". Въ другомъ мѣстѣ (стр. 14—15) онъ рисуетъ картину споровъ потѣшнаго характера, которые студенты устраивали для своего увеселенія, нарочно сразивъ между собою двухъ пѣтуховъ VI курса, Щапова и нѣкоего Шиловскаго, отличавшагося великимъ краснобайствомъ. Щапова задѣвали за самую чувствительную его струну, — за его симпатіи къ русскому мужичку. Состязаніе окружала цѣлая толпа зрителей. Щаповъ спорилъ съ фанатизмомъ и серьезно. „Другое явленіе представлялъ пермякъ Шиловскій: великій говорунъ и діалектикъ, онъ зналъ всего понемногу и спорилъ съ цѣлію показать свое краснорѣчіе и поливалъ имъ своего противника цѣлыми потоками, иногда безъ всякаго содержанія. Раздавались насмѣшливые аплодисменты то тому, то другому борцу, и еще сильнѣе закипалъ между ними споръ; они оба начинали горячиться, говорили вмѣстѣ, быстро и запальчиво; ясно было видно, что они не понимаютъ другъ друга и даже не заботятся каждый понять смыслъ рѣчей противника; въ заключеніе, раздраженные неудачей убѣжденія, наплюютъ въ глаза одинъ другому и быстро расходятся по комнатамъ, къ великому восторгу слушателей". Шиловскій этотъ былъ потомъ исключенъ изъ академіи за неспособность излагать свои мысли въ порядкѣ письменно, перешелъ въ университетъ и сдѣлался здѣсь коноводомъ студентовъ въ студенческихъ исторіяхъ, наконецъ былъ исключенъ и отсюда и поселился въ Перми; въ 1861 г. онъ числился здѣсь въ рядахъ главныхъ воротилъ открывшагося тогда либеральнаго движенія въ Перми. Студенческіе споры нерѣдко выходили и за стѣны академіи, поднимаясь у студентовъ академіи съ знакомыми студентами университета по городскимъ квартирамъ послѣднихъ. Предметомъ этихъ споровъ были распространявшіяся тогда матеріалистическія и др. либеральныя идеи, противъ которыхъ академическое студенчество выставляло изъ среды себя немало горячихъ и сильныхъ борцовъ. Споры эти стали ослабѣвать съ начала 1860-хъ годовъ, частію вслѣдствіе новаго болѣе фактическаго направленія научныхъ занятій сту-

дентовъ, а частію вслѣдствіе замѣтнаго и въ самой академіи ослабленія въ это печальное время научныхъ интересовъ.

Доселѣ мы говорили только о разныхъ формахъ научныхъ занятій студентовъ: но можно улавливать отчасти и самое направленіе этихъ занятій въ разныя времена академической жизни.

По самому составу своего курса академическое образованіе имѣло характеръ до извѣстной степени энциклопедическій, только съ нѣкоторымъ наклоненіемъ на сторону богословско-философской спеціальности. Оффиціально студентъ долженъ былъ заниматься всѣми академическими науками вмѣстѣ, безъ выбора, и быть готовымъ по окончаніи курса къ преподаванію каждой изъ нихъ, на какую бы начальство его ни назначило, и не только гдѣ нибудь въ семинаріи, но и въ самой академіи, если по своимъ талантамъ онъ окажется достойнымъ назначенія въ баккалавры. Вслѣдствіе такой постановки академическаго образованія и лекціи профессоровъ, и занятія студентовъ, и самые научные вкусы тѣхъ и другихъ были направлены, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, къ изученію не спеціальныхъ подробностей академическихъ наукъ, а самыхъ основъ этихъ наукъ, ихъ методологическихъ пріемовъ и руководящихъ идей, къ изученію не аналитическому, а синтетическому. Студентъ выносилъ изъ своего курса не ту или другую спеціальность, а лишь общее научное направленіе, фундаментальную подготовку, потенцію той будущей спеціальности, какой ему приводилось потомъ служить и которую онъ пріобрѣталъ уже послѣ, своими собственными силами. О достоинствахъ такого образованія, какъ о матеріи весьма длинной, здѣсь говорить не мѣсто; но нельзя не сказать, что всѣ студенты дореформенной академіи оставались глубоко благодарны ей за такое образованіе на всѣхъ своихъ послѣдующихъ спеціальностяхъ и особенно тѣ изъ нихъ, которые пошли именно по ученой дорогѣ. Какъ на образчикъ такихъ благодарственныхъ отзывовъ объ академіи, можно указать на восторженный отзывъ о полученномъ въ ней образованіи проф. Аристова въ его брошюрѣ о Щаповѣ (стр. 25—26).—Въ воспоминаніяхъ А. Л. Крылова встрѣчаемъ даже фразы сожалѣнія о томъ, что академическій курсъ не былъ еще шире и того, какимъ онъ былъ, что напр. въ немъ не было естественныхъ наукъ, въ знаніи которыхъ богословы

60-хъ и 70-хъ годовъ чувствовали особенную нужду вслѣдствіе распространенія въ обществѣ извѣстныхъ нападеній на истины вѣры съ точки зрѣнія естествознанія. Универсальный характеръ образованія сохранялся въ академіи до самаго послѣдняго времени, не смотря на то, что съ 1867 г., по новому уставу семинарій, студенты могли отчасти и сами избирать себѣ учительскія мѣста въ семинаріяхъ, а потому имѣли возможность заранѣе избирать себѣ для подготовительнаго изученія въ академіи только извѣстные предметы изъ всего курса. Воспитанникъ академіи и послѣ этого продолжалъ менѣе всего помышлять о своей карьерѣ, даже о выборѣ науки для своего будущаго преподаванія. Въ воспоминаніяхъ А. Л. Крылова находимъ задушевныя похвалы такому характеру студенческихъ занятій: „Что особенно было хорошо въ этихъ занятіяхъ, такъ это то, что они были совершенно безкорыстны. Воспитанники другихъ учебныхъ заведеній скоро помышляютъ уже о карьерѣ, о будущей наживѣ, объ устройствѣ судьбы и проч.; ничего подобнаго не входило въ наши занятія. Мы занимались по истинной любви къ дѣлу, не думая о томъ, что̀ оно принесетъ намъ въ будущемъ“. Въ мысляхъ о будущемъ представлялась впереди та же работа, но надъ чѣмъ, объ этомъ опредѣленной мысли не было. „Объ устройствѣ своей судьбы мы разсуждали меньше, чѣмъ нынче разсуждаетъ 17 - лѣтній гимназистъ или 18 - лѣтняя институтка“.

Но само собой разумѣется, что всю массу академическихъ наукъ на самомъ дѣлѣ могли одолѣвать развѣ только какія нибудь самыя избранныя натуры. Большая же часть студентовъ, частію по необходимости, частію по своимъ природнымъ склонностямъ, избирали для своихъ занятій только извѣстныя группы наукъ, посвящая остальнымъ наукамъ лишь настолько вниманія, чтобы исполнять одни оффиціальныя по нимъ требованія. Бо́льшаго не могло отъ нихъ требовать и само начальство. Рѣдкій студентъ не проявлялъ, если не сознательной, то по крайней мѣрѣ безсознательной наклонности къ какому нибудь частному кругу занятій, при всемъ иногда желаніи заниматься одинаково по всѣмъ наукамъ. Кромѣ такихъ отклоненій отъ универсализма академическаго образованія со стороны частныхъ лицъ, въ ученыхъ симпатіяхъ и занятіяхъ разныхъ курсовъ замѣчались и общія

отклоненія, нѣчто въ родѣ общаго научнаго направленія цѣлаго студенчества того или другаго времени. Исторія такихъ временныхъ направленій могла бы служить самымъ главнымъ и существеннымъ отдѣломъ настоящаго очерка научной жизни студентовъ, если бы она не была такъ неуловима для изученія и характеристики, какою она является теперь, съ одной стороны вслѣдствіе крайней скудости матеріала для сравненія научныхъ настроеній разныхъ курсовъ, а съ другой вслѣдствіе многочисленныхъ и разнообразныхъ частныхъ исключеній изъ такихъ общихъ настроеній каждаго курса. Мы можемъ намѣтить по этой части только нѣсколько слабыхъ и неувѣренныхъ штриховъ, отъ которыхъ еще очень далеко до полной картины.

Первоначальное направленіе академическаго образованія въ первые годы академіи мы уже нѣсколько разъ называли преимущественно теоретическимъ. Оно истекало изъ двухъ источниковъ свѣта, давшихъ казанской академіи первые лучи науки, изъ Кіева и Москвы. Кіевская академія дала ей первыхъ богослововъ, московская—представителей свѣтской учености, преподавателей философскихъ, словесныхъ, физико-математическихъ и историческихъ наукъ. Кіевская академія имѣла въ то время репутацію главной носительницы и разсадницы богословскаго образованія для всей Россіи, московская славилась преимущественно своимъ философскимъ направленіемъ. Соединившись вмѣстѣ въ общемъ вліяніи на юную академію, обѣ эти академіи - матери могли бы выработать въ ней рѣдкое сочетаніе обоихъ своихъ направленій, если бы ихъ вліянія на нее были равносильны; но на дѣлѣ случилось не такъ. По какой-то несчастной случайности кіевская академія выставила отъ себя въ Казань такихъ представителей своей науки, которые представили послѣднюю больше съ слабой, чѣмъ сильной ея стороны, и не могли возбудить къ ней ни любви, ни уваженія. Болѣе талантливые студенты, желавшіе заняться чѣмъ нибудь дѣйствительно научнымъ, а не риторическимъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, сразу отшатнулись отъ нихъ и соединились около каѳедръ, занятыхъ московскими наставниками, большинство которыхъ представляло изъ себя весьма счастливый подборъ людей талантливыхъ и съ хорошими профессорскими пріемами. Такъ на первыхъ же порахъ опредѣлилось

и самое содержаніе того теоретическаго образованія, какое завязалось въ новой академіи. Оно направилось преимущественно къ изученію философіи и словесности; физико-математическія науки и исторія, не смотря на прекрасныхъ преподавателей, нѣсколько стушовывались,—первыя потому, что были доступны только для небольшаго числа болѣе подготовленныхъ къ нимъ студентовъ, послѣдняя потому, что и вообще была тогда еще мало разработанной наукой, а въ академіи, кромѣ того, не имѣла для себя нужнаго числа не только ученыхъ, но даже и учебныхъ пособій.

Послѣ первыхъ же студенческихъ выпусковъ разныя начальства начали уже высказывать недовольство, что новая академія мало даетъ богослововъ и еще меньше монаховъ, и конечно ее же и винить за это. Даже нѣкоторые студенты дивились этому обстоятельству. Въ книгѣ Аристова о Щаповѣ (стр. 10—11) приводится письмо студента Рождественскаго съ воспоминаніями о Щаповѣ и о V курсѣ, который былъ какъ разъ заключительнымъ курсомъ описываемаго первичнаго времени академіи; здѣсь читаемъ: „Не знаю, чему приписать то замѣчательное обстоятельство, что казанская академія, духовная оффиціально, управляемая монахами, съ самаго перваго курса получила свѣтскій характеръ, и всѣ почти лучшіе студенты всегда охотнѣе занимались свѣтскими науками, нежели богословскими.... Духъ ли времени, отъ котораго не спасешься ни за какими стѣнами и оградами, бралъ свое, или съ самаго основанія академіи не было въ ней сильныхъ, нравственно-вліятельныхъ монаховъ начальниковъ и профессоровъ“. Относительно перваго члена этой дилеммы нужно сказать, что духъ времени не мѣшалъ богословскимъ занятіямъ и монашеству ни въ одной еще другой академіи, слѣдовательно, если эта дилемма правильна, нужно утвердить въ ней второй членъ. Корреспондентъ далѣе и самъ говоритъ: „Богословіе всякаго сорта надоѣло еще въ семинаріи, да и въ академіи читалось по схоластической методѣ; вотъ мы съ голоду и нападали на все новое и свѣтское“. Вслѣдствіе того же преобладанія свѣтскихъ каѳедръ надъ богословскими самыя усердныя и одушевленныя занятія студентовъ всегда сосредоточивались именно въ младшемъ отдѣленіи курса; послѣ перехода въ старшее, богословское отдѣленіе студентъ терялъ свое научное одушевленіе, начиналъ

работать только ex officio, для формы и вяло и оживалъ снова только тогда, когда принимался писать свое курсовое сочиненіе.

Изъ круга поименованныхъ свѣтскихъ наукъ въ студенческихъ занятіяхъ менѣе всѣхъ упрочено было значеніе философіи. Первый преподаватель ея проф. Смирновъ-Платоновъ успѣлъ возбудить къ ней большой интересъ, но интересъ этотъ былъ тѣсно связанъ съ его собственной личностью и скоро истощился съ выходомъ профессора изъ академіи. Да и при немъ студенты далеко не могли освоиться съ этой наукой за недостаткомъ необходимыхъ свѣдѣній по исторіи философіи, которой онъ самъ не читалъ, предоставивъ ее казенному преподаванію своего несимпатичнаго баккалавра. Отъ того въ головахъ студентовъ, слывшихъ философами, оставалось почти одно старое, еще семинарское философствованіе чисто діалектическаго характера, совсѣмъ не удовлетворявшее болѣе свѣжія головы и возбуждавшее въ нихъ даже реакцію. Въ Воспоминаніяхъ Н. И. Ильминскаго о Бобровниковѣ разсказывается, какъ одинъ такой философъ I курса, — братъ инспектора Д. Аретинскій раздражалъ своими схоластическими спорами и заносчивостью всѣхъ товарищей и наконецъ наткнулся на Бобровникова. „Однажды, когда тотъ съ важностію расфилософствовался, Бобровниковъ началъ съ нимъ спорить и каждое его положеніе съ схоластическою оборотливостію доводилъ до абсурда. Споръ разгорячился, дошло дѣло до разсчета нефилософскаго. Тотъ пошелъ жаловаться по начальству, и Бобровникову чуть было не пришлось оставить академію. Благодаря посредничеству Д. Ѳ. Гусева, онъ остался въ академіи, но упалъ на самое послѣднее мѣсто въ кондуитномъ спискѣ“. Не сочувствуя такому направленію философіи, лучшіе студенты стали искать себѣ болѣе плодотворныхъ занятій, кто въ исторіи, кто въ физикѣ. Словесность на первыхъ порахъ, какъ мы видѣли, была представлена въ академіи еще хуже исторіи философіи. При такой постановкѣ главныхъ наукъ, когда въ академіи введено было обученіе восточнымъ языкамъ и естественнымъ наукамъ, эти новые предметы, не смотря на свое невысокое значеніе въ тогдашнемъ академическомъ курсѣ, сразу увлекли на свою сторону нѣсколько самыхъ лучшихъ талантовъ I и II курсовъ и стали изучаться съ такимъ рьянымъ усердіемъ, какого

едва ли удостоивались даже среди факультетскаго образованія университета.

Стремленіе къ пріобрѣтенію какихъ нибудь положительныхъ научныхъ знаній было особенно сильно возбуждаемо и поддерживаемо между студентами проф. Гусевымъ, самымъ вліятельнымъ изъ профессоровъ среди академической молодежи. Его сильная пропаганда положительныхъ знаній въ подрывъ всякой теоріи была необычайно настойчива, неумолчно и широковѣщательно возглашалась и на лекціяхъ, и на экзаменахъ, на которыхъ онъ любилъ вступать въ споры по теоретическимъ наукамъ, особенно часто обижая и конфузя этимъ монашествующихъ наставниковъ, и даже въ секретарскихъ отчетахъ на академическихъ актахъ. Онъ не могъ заставить студентовъ заниматься мало доступными для нихъ физикой и математикой, за которыя собственно и распинался, но общее вліяніе его на научные вкусы студентовъ тѣмъ не менѣе было очень велико и въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ лѣтъ академіи можетъ быть названо даже монопольнымъ. Между другими наставниками за это время онъ не находилъ себѣ ни одного равносильнаго соперника и пользовался своимъ вліяніемъ дѣйствительно безраздѣльно. Первый подрывъ ему произведенъ былъ со стороны совсѣмъ для него неожиданной, со стороны только лишь сошедшаго со школьной скамьи молодаго баккалавра словесности С. И. Протопопова. На первомъ же экзаменѣ по словесности проф. Гусевъ по обыкновенію рѣшительно налетѣлъ на студентовъ и на новаго преподавателя съ возраженіями и началъ колко издѣваться надъ риторской наукой; скромный, но рѣшительный отпоръ со стороны С. И. Протопопова только еще болѣе подзадорилъ привыкшаго торжествовать громогласнаго диспутанта, и разгорѣлся серьезный споръ, за которымъ всѣ студенты слѣдили, затаивъ дыханіе, потому что съ самаго же начала поняли, что почтеннѣйшій Дмитрій Ѳедотовичъ, что называется, зарвался. Противникъ его стоялъ на крѣпкой почвѣ современнаго научнаго знанія и видимо рѣшился твердо отстоять свою позицію. Подъ конецъ проф. Гусевъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ и даже замолчалъ, а его противникъ, перейдя въ наступательное положеніе, все еще продолжалъ его урезонивать и поучать, такъ что самъ уже ректоръ почелъ за нужное остановить эту генеральную и рѣшительную уче-

ную битву. Событіе это, едва ли замѣченное, какъ слѣдуетъ, самими дѣйствовавшими лицами, имѣло очень важное значеніе въ исторіи образованія студентовъ. Монопольный авторитетъ почтеннаго профессора, дававшаго доселѣ главный тонъ этому образованію, былъ поколебленъ и долженъ былъ большую часть своего вліянія на студентовъ уступить авторитету вновь возсіявшаго свѣтила науки.

Мы уже знаемъ, что С. И. Протопоповъ своимъ прекраснымъ и чисто научнымъ преподаваніемъ словесности первый возбудилъ въ студенчествѣ живой интересъ къ этой наукѣ. Впечатлѣніе, производимое его лекціями, быстро усиливалось и въ теченіе двухъ его курсовъ по каѳедрѣ словесности изученіе этой науки успѣло сдѣлаться господствующимъ въ занятіяхъ студентовъ;—послѣдніе нашли наконецъ для себя дѣло и чисто научное, и вмѣстѣ съ тѣмъ живое и интересное, въ которомъ можно было найти самый плодотворный и современный исходъ своимъ научнымъ силамъ. Литературное образованіе и литературные интересы были господствующими тогда во всемъ образованномъ русскомъ обществѣ. С. И. Протопоповъ сдѣлался такимъ образомъ иниціаторомъ и первымъ вождемъ цѣлаго научнаго направленія въ академическомъ образованіи, направленія притомъ очень прочнаго и продолжительнаго, тянувшагося почти до конца 1850-хъ годовъ. По оставленіи имъ каѳедры словесности это направленіе было съ успѣхомъ поддержано и еще болѣе развито его достойнымъ ученикомъ и преемникомъ, однимъ изъ симпатичнѣйшихъ наставниковъ, И. Я. Порфирьевымъ. Студенты занимались литературой не только въ младшемъ отдѣленіи, гдѣ она преподавалась, но и въ старшемъ. Образовались студенческіе кружки, въ которыхъ сообща читались всякія литературныя произведенія, какія можно было добыть. Критическія статьи Бѣлинскаго заучивались почти наизусть. Въ русской литературѣ не было писателя, сколько нибудь извѣстнаго, съ которымъ бы студенты не были знакомы въ совершенствѣ. Изъ иностранныхъ литературъ, не исключая англійской, прочитывались всѣ лучшія произведенія, существовавшія въ переводахъ, а то даже и въ подлинникѣ. Теперь трудно и представить, какое сильное впечатлѣніе производили на студентовъ напримѣръ переводы Диккенса и Тэккерея. Каждая книжка журнала, гдѣ они помѣщались,

была событіемъ; ее торжественно приносили въ академію и прочитывали сообща въ многочисленномъ кружкѣ слушателей; чтеніе сопровождалось замѣчаніями, критикой и жаркими спорами. Драгоцѣнныя книжки приносились даже въ классъ на лекцію какого нибудь скучнаго профессора и читались тутъ же контрабандой; пока профессоръ маялся за своей неинтересной лекціей, студентъ скромно сидѣлъ передъ его каѳедрой, потупивъ очи подъ парту, и удилъ оттуда увлекательныя страницы какого нибудь Базара житейской суеты или Давида Копперфильда. Любимыми письменными работами сдѣлались тоже работы по литературѣ. Самымъ любимымъ изъ русскихъ писателей былъ Гоголь, котораго прочитывали по нѣскольку разъ; его фразы, сравненія, типы цитовались поминутно даже въ обыкновенныхъ разговорахъ. Въ V курсѣ студенты собирались партіями читать вторую часть его Мертвыхъ Душъ еще въ рукописи.

Это литературное увлеченіе студентовъ продолжалось долго и послѣ того, какъ въ ихъ умственной жизни стали выдвигаться новые интересы. Оно цѣликомъ продолжалось еще въ VII курсѣ, но стало получать уже нѣсколько видоизмѣненное направленіе. До половины 1850-хъ годовъ оно всецѣло развивалось на почвѣ Гегельянской эстетики и носило довольно отвлеченный характеръ, исключительно эстетическій; потомъ въ него все болѣе и болѣе сталъ проникать элементъ тенденціозно-практическій, преимущественно обличительный, которымъ проникнута была и сама русская литература съ начала царствованія Императора Александра II. Увлеченіе Гоголемъ было началомъ увлеченія послѣдующими литературными произведеніями реальнаго, обличительнаго направленія. Въ 1857 г. студенты цѣлыми партіями собирались читать знаменитые „Губернскіе очерки“ Щедрина; каждая книжка Р. Вѣстника, гдѣ они помѣщались, ожидалась съ нетерпѣніемъ и читалась на расхватъ или въ общихъ собраніяхъ. Съ этими очерками соперничали печатавшіеся тогда же первые разсказы Печерскаго (Мельникова). Развитіе новыхъ литературныхъ вкусовъ, поддержанное и русской критикой, стало отодвигать прежніе эстетическіе идеалы уже на задній планъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало слабѣть изученіе иностранныхъ литературъ и все вниманіе академическихъ читателей постепенно поглотила одна русская литература съ ея разнообразными родными злобами. Кстати къ тому же времени въ

средѣ студентовъ созрѣло и новое историческое направленіе, обратившееся къ изученію исторіи русской жизни.

Къ числу замѣчательныхъ явленій умственной жизни студентовъ, сопровождавшихъ ея литературное направленіе и находившихся съ нимъ въ тѣсной связи, нужно отнести изученіе новыхъ языковъ. До конца 1850-хъ годовъ оно составляло выдававшуюся черту учебной жизни студентовъ. Какъ только студентъ поступалъ въ академію, такъ первымъ долгомъ считалъ набрать изъ библіотеки разныхъ грамматикъ и лексиконовъ и вплотную засѣсть за нѣмецкій или французскій языкъ, смотря по тому, какого онъ не изучалъ въ семинаріи. Усерднѣе изучался нѣмецкій языкъ, считавшійся главнымъ языкомъ науки. Но при научныхъ цѣляхъ въ изученіи языковъ не опускались изъ виду и литературныя, — желаніе читать иностранныхъ авторовъ въ подлинникѣ, а у нѣкоторыхъ эта цѣль была даже главною. Самое изученіе языковъ постоянно производилось по произведеніямъ именно художественной литературы. Кто напр. изъ старыхъ студентовъ не осиливалъ въ свое время Шиллера, съ котораго любили начинать изученіе нѣмецкаго языка, или, при большей уже опытности въ этомъ языкѣ,—твореній Гёте? Писать или говорить на чужихъ языкахъ не учились; исключеніе составляли въ этомъ отношеніи только миссіонерскіе языки, которыми многіе студенты, учившіеся на миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, владѣли довольно свободно. Единственною цѣлью изученія иностранныхъ языковъ было только чтеніе написанныхъ на нихъ книгъ; поэтому не заботились объ усвоеніи нѣмецкаго или французскаго произношенія, а учились языкамъ только глазами. Въ первый годъ курса изученіе языковъ занимало у студентовъ все время, остававшееся отъ обязательныхъ занятій,—вокабулы учили на всякомъ мѣстѣ и во всякое время, и между классами, и во время неинтересныхъ лекцій, и за чаемъ. Мѣсяцевъ въ 6 студентъ одолѣвалъ прежде совсѣмъ незнакомый ему языкъ до того, что уже могъ свободно владѣть книгой безъ помощи лексикона. Въ 1850-хъ годахъ нѣкоторые студенты, кромѣ нѣмецкаго и французскаго языковъ, изучали еще англійскій, который въ академіи вовсе не преподавался и изученіе котораго производилось поэтому безъ всякаго руководителя, единственно своимъ умомъ и глазами; большинство учившихся ему ни одного англійскаго звука даже и не слыхивали, но книгой все-таки овладѣвали и подъ

часъ въ высокомъ совершенствѣ, понимая даже разныя тонкости въ языкѣ любимыхъ авторовъ. Замѣчательно, что такое усердіе къ изученію языковъ развито было не между только лучшими студентами разныхъ курсовъ; имъ отличались иногда и очень посредственные студенты. Въ VIII курсѣ, съ котораго занятія языками стали уже ослабѣвать, подавляемыя другими научными интересами, самыми главными языковѣдами были—первый студентъ К. Мысовскій и одинъ изъ послѣднихъ Ѳ. Ливановъ, изучавшій, кромѣ трехъ упомянутыхъ языковъ, еще итальянскій и испанскій съ португальскимъ. Усердіе его къ изученію языковъ было до того рьяно, что вокабулы свои онъ училъ иногда украдкой даже въ церкви, держа микроскопическую запись ихъ въ горсти лѣвой руки. Классическими языками особо не занимались; болѣе или менѣе ими могли владѣть для своихъ надобностей всѣ студенты, а латинскимъ владѣли и очень порядочно. Языкъ еврейскій былъ почти въ пренебреженіи и былъ знакóмъ—и то крайне мало—лишь самому ограниченному числу студентовъ, человѣкамъ 2—3 въ курсѣ.

Въ теченіе всего этого литературнаго періода академическаго образованія не прерывались конечно занятія и другими предметами; въ каждомъ курсѣ было по нѣскольку и философовъ, и математиковъ, и естественниковъ, и даже богослововъ. Но эти занятія въ общемъ направленіи студенческихъ занятій не были господствующими и составляли нѣчто въ родѣ выдѣлявшихся изъ этого общаго направленія спеціальностей. Болѣе другихъ спеціальностей была распространена и уважаема философская, въ 1840-хъ годахъ и въ началѣ 1850-хъ имѣвшая очень близкую связь съ современнымъ литературнымъ движеніемъ. Гегельянская эстетика, лежавшая тогда въ основѣ литературной критики и изученія словесности въ самой академіи, служила настоящимъ преддверіемъ къ изученію системы Гегеля. Чрезъ это преддверіе до модной философіи добирались тогда чуть не всѣ главные представители русскаго гегельянства; извѣстный кружокъ Станкевича, къ которому примыкала главная по своему общественному вліянію часть ихъ, былъ кружокъ литературный; передовые вожди и учители общественнаго гегельянства—Искандеръ и Бѣлинскій—были тоже литературные дѣятели. Да почти они же одни были главными учителями новой философіи и для академическихъ философовъ. Доступъ къ под-

линнымъ произведеніямъ Гегеля для студентовъ академіи былъ загражденъ бдительнымъ начальствомъ, заботившимся болѣе всего о томъ, чтобы ограждать своихъ взрослыхъ мальчиковъ отъ соблазна и для того отстранять отъ нихъ по возможности всякое знакомство съ современнымъ состояніемъ философіи. Отъ того академическій философъ по неволѣ долженъ былъ философствовать или совершенно самостоятельно, такъ сказать—кустарно, шествуя въ своемъ философскомъ движеніи, разумѣется, по старымъ, давно привычнымъ схоластическимъ путямъ, или, подобно тогдашнимъ диллетантамъ философіи—читателямъ журналовъ, пользоваться для своей связи съ современнымъ философскимъ движеніемъ искаженной передачей его положеній изъ пятаго въ десятое въ статьяхъ Бѣлинскаго или въ извѣстныхъ Искандеровскихъ Письмахъ объ изученіи природы. Чтò онъ слышалъ о философіи Гегеля съ академической каѳедры, это можно видѣть изъ лекцій проф. Соколова о Гегелѣ, напечатанныхъ въ Православномъ Собесѣдникѣ 1861 года. Затѣмъ все остальное, чего не доставало въ перечисленныхъ источникахъ, восполнялось студентами съ помощію однихъ собственныхъ догадокъ и соображеній. Головы ихъ правда были до того привычны къ логическому мышленію, что изъ нѣсколькихъ обрывковъ и намековъ могли свободно развивать цѣлую систему, но Гегель все-таки не могъ не подвергаться при этомъ подъ часъ очень кривымъ и косымъ толкованіямъ. Начальство однако было крайне недовольно и такимъ гегельянствомъ студентовъ. Ректоръ Агаѳангелъ въ началѣ своего ректорства поставилъ себѣ долгомъ—истребить въ академіи нечестивый гегельянскій духъ. Но духъ этотъ скоро истребился и безъ его содѣйствія, вслѣдствіе начавшагося въ студенчествѣ новаго направленія, — это случилось тѣмъ легче, что и прежде этотъ духъ былъ извѣстенъ въ академіи почти только по одной наслышкѣ.

Изъ младшаго отдѣленія студенты переносили свои философскія занятія въ старшее богословское отдѣленіе, гдѣ лучшіе философы оказывались большею частію и лучшими богословами. Философскій элементъ былъ пока единственнымъ научнымъ элементомъ въ богословіи. Изъ наставниковъ богословія до конца 1850-хъ годовъ ни одинъ не знакомилъ слушателей ни съ исторіей, ни съ литературой своего предмета. Всякія отрицательныя, противо-религіозныя ученія, ко-

торыя всего болѣе содѣйствуютъ къ подъему научнаго интереса при изученіи и разработкѣ богословскихъ истинъ, обыкновенно замалчивались и заботливо отстранялись отъ студентовъ все въ тѣхъ же видахъ сохраненія студенческой невинности и невѣдѣнія добра и зла. Философія религіи Гегеля, тюбингенская школа, пресловутая книга доктора Штрауса, ученіе Фейербаха,—все это для студентовъ-богослововъ были одни только страшныя слова, залетавшія въ академію откуда-то со стороны, значеніе которыхъ опредѣлялось больше фантазіей да наслышкой и тоже главнымъ образомъ со стороны. До какой степени простиралась тогда скудость средствъ къ пріобрѣтенію этого рода богословской эрудиціи, видно изъ того, что студенты съ любопытствомъ бросались въ своей библіотекѣ на всякіе пустяки, какъ нибудь ускользнувшіе отъ бдительности начальственной цензуры, читали, какъ великую новость, какой нибудь жиденькій отдѣлъ еврейской исторіи изъ всеобщей исторіи Роттека или еще болѣе пустую статью Шиллера о посланничествѣ Моисея, гдѣ Моисей рисуется въ чертахъ просто генія—основателя новой религіи. Безъ общей связи со всѣмъ широкимъ міромъ богословской науки богословствованіе ихъ тоже должно было сдѣлаться своего рода кустарнымъ занятіемъ, какъ и ихъ философскія занятія, и сильно проигрывать передъ господствовавшимъ литературнымъ направленіемъ ихъ занятій, снабженнымъ болѣе богатыми средствами.

Въ 1850-хъ годахъ, кромѣ литературнаго интереса, въ занятіяхъ студентовъ сталъ понемногу выдвигаться впередъ еще новый интересъ — историческій, которому подобало впереди расти и въ скоромъ времени даже перерасти первый. Потребность положительныхъ знаній привела бы студентовъ къ занятіямъ исторіей, можетъ быть, и раньше, если бы у академіи было для этого больше научныхъ средствъ. Сами преподаватели исторіи были все люди хорошіе и уважаемые студентами. Послѣ любимаго ими проф. Палимпсестова, который въ свое время успѣлъ привлечь къ изученію исторіи нѣсколько талантливыхъ студентовъ, въ томъ числѣ И. П. Гвоздева и о. Веніамина Благонравова, возбужденію историческаго интереса въ академіи больше всѣхъ другихъ наставниковъ-историковъ содѣйствовалъ по времени, кажется, этотъ послѣдній. Онъ съ первыхъ же курсовъ сталъ привлекать студентовъ къ письменнымъ работамъ по своему предмету,

принимая въ этихъ работахъ живѣйшее участіе самъ лично, указывая для нихъ матеріалы и руководя ими шагъ за шагомъ. Начиная съ IV курса, въ числѣ темъ для курсовыхъ сочиненій видимъ все болѣе и болѣе темъ по общей церковной исторіи. О. Веніаминъ успѣлъ много сдѣлать въ академіи для исторіи и тѣмъ, что значительно умножилъ книжный отдѣлъ ея въ библіотекѣ, особенно когда былъ библіотекаремъ академіи. Изученіе русской исторіи, и гражданской, и церковной, поднималось медленнѣе и стояло на довольно низкой степени до 1856 г., не смотря на то, что каѳедру ея долго занималъ такой безспорно талантливый историкъ, какъ Г. З. Елисеевъ. Виной этого было по всей вѣроятности сухое, фактическо-археологическое направленіе его лекцій Студенты слушали его безучастно, разшевеливаясь изрѣдка только разными отрицательными его намеками и остротами, большею частію не имѣвшими никакого отношенія къ главному предмету его науки До какой степени историческое развитіе въ тогдашнемъ студенчествѣ было слабо, можетъ показывать хоть напр. такой фактъ изъ жизни V курса. Въ продолженіе этого курса проф. Елисеевъ сталъ чаще поговаривать о важности въ русской исторіи народнаго элемента и, наводя на этотъ предметъ вниманіе своей аудиторіи, задалъ для одного мѣсячнаго сочиненія тему о смыслѣ народныхъ обычаевъ и повѣрій, соединенныхъ съ русскими святками. Не смотря на то, что въ русской литературѣ это былъ уже далеко не новый предметъ и изученіе народныхъ вѣрованій произвело уже нѣсколько солидныхъ трудовъ, одинъ изъ лучшихъ студентовъ курса, А. Стекловъ не усумнился подать на предложенную тему сочиненіе, которое все состояло изъ самаго легкомысленнаго и пустаго глумленія надъ святочными обрядами и доказывало, что, кромѣ глупостей, въ этихъ обрядахъ ничего нѣтъ и какого нибудь смысла искать въ нихъ нечего. Года два-три спустя, при преемникѣ Елисеева, Щаповѣ, подобная невѣжественная выходка студента была положительно невозможна

Съ половины 1850-хъ годовъ господствовавшее доселѣ литературное направленіе студенческихъ занятій довольно быстро стало смѣняться другимъ направленіемъ, — историческимъ, которое съ новымъ царствованіемъ выступило на первый планъ и въ русскомъ образованномъ обществѣ. Начало такой перемѣны въ академіи совпадаетъ съ открытіемъ миссіо-

нерскихъ отдѣленій, науки которыхъ открыли предъ студентами новое обширное поприще увлекательныхъ занятій историческаго и этнографическаго характера. Бытъ, вѣрованія, нравы русскихъ инородцевъ и ихъ отношенія къ русской народности и государству, исторія бытовой жизни самихъ русскихъ, развитіе раскола, отношеніе церкви и государства къ русскимъ сектамъ, цѣлый міръ народныхъ религіозныхъ вѣрованій, изученіе славянскихъ нарѣчій, литературы и вообще всего славянства подъ руководствомъ такого профессора, какъ В. И. Григоровичъ, — все это было такой обильной пищей для научнаго и жизненнаго увлеченія, что въ научныхъ симпатіяхъ и занятіяхъ студенчества произошелъ настоящій переворотъ. Изученіе русской и отчасти славянской исторіи выступило на первый планъ, оставивъ за собой позади всѣ предметы прежнихъ увлеченій. Сама словесность приняла, вмѣсто эстетическаго, историческій характеръ и сдѣлалась не болѣе, какъ вспомогательной наукой новаго историческаго направленія. Прибытіе въ академію Соловецкой библіотеки доставило академической наукѣ новый обильный матеріалъ для изученія русской народности. Студенты, какъ мы уже видѣли, поставлены были къ ея сокровищамъ весьма близко. Описывая, по распоряженію ректора, ея сборники и другія рукописи и составляя реэстры ихъ содержанія, они тутъ же прочитывали все, что̀ имъ казалось замѣчательнымъ. Замѣтивъ что нибудь любопытное, студентъ сообщалъ о своей находкѣ другимъ; около него собирался кружокъ и находка быстро становилась общимъ достояніемъ. Реэстры, составленные тогда студентами, имѣли послѣ большое значеніе для всѣхъ, кто только пользовался матеріалами библіотеки. Пониманіе внутренняго смысла исторіи и значенія въ ней народнаго элемента въ какой нибудь годъ времени расширилось такъ, что уже въ VI курсѣ, который засталъ еще самое начало этого научнаго движенія въ академіи, не только уже невозможны были примѣры въ родѣ сейчасъ указаннаго отношенія къ народному элементу въ исторіи студента V курса, но сдѣлалось возможнымъ появленіе такихъ студентовъ, какъ Щаповъ, Добротворскій и Лиловъ, оказавшихся вскорѣ главными вождями новаго историческаго направленія на академическихъ каѳедрахъ русской исторіи, русскаго раскола и славянской палеографіи.

Новое направленіе занятій оказалось какъ разъ во вкусѣ студентовъ и нашло между ними даже замѣчательно широкую подготовку. „Изъ всей учащейся русской молодежи нашего времени, читаемъ въ письмѣ Я. Г. Рождественскаго—товарища Щапова (¹), никто не зналъ такъ близко, такъ кровно простаго нашего народа, его быта, нуждъ и горестей, какъ дѣти сельскаго духовенства, выросшія въ средѣ крестьянъ. Учебный округъ казанской академіи обнималъ всю Сибирь, Закавказскій край и треть Европейской Россіи; поэтому студенты, стекаясь изъ разныхъ мѣстностей, имѣли возможность знакомиться, помимо всякихъ книгъ, изъ взаимныхъ разговоровъ, съ разными сторонами народной жизни и, не замѣчая того, дѣлались порядочными этнографами". Всѣ эти знанія до сихъ поръ лежали у нихъ подъ спудомъ, не примѣняясь къ дѣлу; теперь все это осмыслилось, получило научное значеніе и все пошло въ дѣло. А то, что̀ совершалось тогда за стѣнами академіи, въ широкомъ русскомъ мірѣ, придавало народившемуся направленію занятій глубокій жизненный интересъ и еще болѣе поднимало энтузіазмъ и энергію молодежи. Послѣ тяжкихъ тревогъ восточной войны и тяжелой скорби, поразившей Россію при окончаніи этой войны, настало время высокаго подъема народнаго духа въ виду предпринимавшихся великихъ освободительныхъ реформъ Царя-Освободителя. Все мыслящее на Руси встрепенулось и заговорило о своихъ нуждахъ, бывшихъ скорбяхъ и будущихъ надеждахъ. Оживилось и изученіе русской исторіи и именно въ народномъ духѣ, потому что общее вниманіе теперь обращено было именно на внутреннюю жизнь Россіи, въ которой ждали обновленія, а не на внѣшнюю, гдѣ только лишь испытали тяжелыя неудачи. Прежнее государственное направленіе русской исторіи подверглось даже крайнему отрицанію. Осуждали за это направленіе не только Карамзина и Устрялова, но даже такого исполина тогдашней исторической науки, какъ С. М. Соловьевъ. Съ 1856 г. стала выходить Русская Бесѣда и др. московскія изданія славянофильскаго народническаго направленія. Студенты академіи, занимавшіеся исторіей, всѣ примкнули къ этому славянофильскому направленію. Примкнулъ къ нему и баккалавръ русской исторіи Щаповъ, выступившій на своей каѳедрѣ съ цѣлымъ рядомъ лек-

(¹) Аристова: А. П. Щаповъ, стр. 10.

цій о народномъ міросозерцаніи и съ земско-народнымъ взглядомъ на всю русскую исторію, и съ первой же лекціи сдѣлался предметомъ восторженнаго вниманія своей аудиторіи.

Съ 1856 г. историческое направленіе студенческихъ занятій было упрочено надолго. Съ нимъ стали соображаться и работы самихъ наставниковъ; преподаваніе словесности обратилось главнымъ образомъ къ исторіи русской литературы; даже отъ богословскихъ предметовъ стали требовать новаго историческаго метода. Темы для студенческихъ работъ носили большею частію историческій же характеръ. Тѣмъ же характеромъ сталъ отличаться составъ книжекъ ученаго журнала академіи. Курсовыя сочиненія VII и VIII курсовъ написаны были исключительно на церковно-историческія темы. Предъ исторіей стушевались всѣ другіе предметы академическаго курса, не исключая философскихъ и богословскихъ, за которые стоялъ ректоръ Іоаннъ Въ VII курсѣ было еще нѣсколько студентовъ философовъ и богослововъ и нѣсколько математиковъ; въ старшемъ отдѣленіи большинство студентовъ этого курса еще съ увлеченіемъ слушало богословскія лекціи о. Ѳеодора, потомъ ректора Іоанна. Въ VIII курсѣ былъ только одинъ завзятый философъ К. Мысовскій, все время занимавшійся Гегелемъ; физикой занимались человѣка 2—3,—палъ въ этомъ курсѣ и самый авторитетъ проф. Гусева, либеральныя разглагольствія котораго уже устарѣли, выдохлись и выслушивались больше изъ почтенія къ его прежнему вліянію; къ лекціямъ ректора Іоанна студенты этого курса отнеслись съ холодной критикой, какъ къ чисто головнымъ измышленіямъ, которыя были вовсе не въ духѣ господствующаго направленія. Направленіе это очевидно доходило даже до крайности, до подавленія другихъ, внѣисторическихъ интересовъ. Нельзя было не замѣчать нѣкоторой односторонности даже и въ немъ самомъ: оно все ушло на одну почти русскую исторію и очень мало занималось исторіей общей. Вмѣстѣ съ этимъ, переставъ читать книги на иностранныхъ языкахъ и ограничиваясь изученіемъ источниковъ только по русской исторіи и чтеніемъ одной русской литературы, студенты стали пренебрегать изученіемъ иностранныхъ языковъ. Упадокъ языкознанія усиливался очень быстро и въ 1860-хъ годахъ дошелъ до того, что разныя темы для курсовыхъ работъ, требовавшія, хоть сколько нибудь, изученія французскихъ или нѣмецкихъ источниковъ, почти совсѣмъ перестали находить охотниковъ,

которые бы брались ихъ разработывать. Это было огромнымъ ущербомъ для академическаго образованія и самымъ вреднымъ слѣдствіемъ тѣхъ крайностей, до какихъ доходило увлеченіе русской исторіей.

Отъ преобладающаго фактическаго направленія немалая опасность угрожала и богословскому образованію въ академіи. Оно бы, пожалуй, и не устояло на своей высотѣ, если бы продолжало держаться своего стараго діалектическаго метода, не удовлетворявшаго студентовъ въ лекціяхъ даже такого сильнаго діалектическаго ума, какъ ректоръ Іоаннъ. Къ счастію академіи, въ 1858 г. въ самое критическое время для ея богословскаго образованія, на одной изъ ея богословскихъ каѳедръ явился такой богословъ, какой именно и былъ нуженъ въ то время, который не только спасъ богословское образованіе, но успѣлъ сообщить ему даже особенное, и прежде небывалое оживленіе. Это былъ о. Хрисанѳъ Ретивцевъ, внесшій въ преподаваніе богословія современный историческій методъ и этимъ сразу поставившій богословскую науку въ состояніе удовлетворять самымъ взыскательнымъ запросамъ господствовавшаго направленія. О характерѣ и значеніи его богословскихъ лекцій нами довольно сказано выше. Въ то время, какъ академическія аудиторіи замѣтно пустовали даже во время историческихъ лекцій, аудиторія о. Хрисанѳа была постоянно полна слушателями. Лекціи его списывались во множествѣ экземпляровъ, какъ драгоцѣнное научное пріобрѣтеніе. Кромѣ дорогихъ богословскихъ свѣдѣній, студенты почерпали изъ нихъ живыя, невѣдомыя прежде свѣдѣнія по исторіи философіи и особенно философскихъ воззрѣній на религію. Это было еще первое въ академіи такое полное, откровенное и вмѣстѣ талантливо-художественное изложеніе цѣлаго ряда новыхъ философскихъ системъ и религіозныхъ ученій, послѣ котораго прежнее темное, контрабандное и отрывочное знакомство съ ними больше по собственнымъ догадкамъ, чѣмъ въ настоящемъ ихъ видѣ, обнаружило всю свою жалкость и студенты въ первый разъ получили возможность глядѣть на нихъ яснымъ и научнымъ взглядомъ. И какъ разъ во время. Среди либеральнаго повѣтрія, которое началось тогда и въ обществѣ, и въ школахъ, среди быстраго распространенія противорелигіозныхъ идей и идолопоклонства предъ авторитетами Фейербаховъ и Бюхнеровъ, о которыхъ толковалъ каждый гимназистъ, академической молодежи нужно было

много близкаго и основательнаго знакомства съ дѣйствительнымъ значеніемъ новыхъ ученій и громкихъ именъ въ исторіи развитія человѣческой мысли, чтобы имѣть подъ собою какую нибудь прочную опору и не быть увлеченной головокружительнымъ потокомъ современныхъ теченій. Новое направленіе богословско-философскихъ лекцій о. Хрисанѳа, вводя слушателей въ цѣлый міръ одна другую смѣнявшихъ доктринъ, быстро расширяло общій кругозоръ ихъ богословско-философскихъ взглядовъ до того, что имъ почти уже невозможно становилось слѣпо пристать къ какой нибудь модной односторонщинѣ и крайности, и этимъ какъ нельзя удачнѣе удовлетворяло ихъ современнымъ, сознательнымъ и безсознательнымъ, умственнымъ нуждамъ. Не даромъ это направленіе такъ имъ понравилось и сдѣлалось до того между ними популярнымъ, что съ помощью его богословская и философская науки вскорѣ, послѣ перваго же курса о. Хрисанѳа, начали вступать въ конкурренцію даже съ наиболѣе сильной тогда исторической наукой и между студентами понемногу снова стали появляться любители богословско-философскихъ знаній.

Очень можетъ быть, что новое богословско-философское направленіе со временемъ сдѣлалось бы даже господствующимъ, потому что методъ о. Хрисанѳа былъ вскорѣ усвоенъ почти всѣми богословскими и философскими каѳедрами въ академіи. Но этому сильно помѣшалъ упадокъ языкознанія между студентами 1860-хъ годовъ, да кромѣ того замѣтный упадокъ и всего вообще научнаго уровня. Студенты вовсе не занимались предметами этихъ каѳедръ самостоятельно, какъ они еще въ состояніи были заниматься по русской исторіи и литературѣ; всѣ ихъ занятія по этимъ каѳедрамъ состояли только въ слушаніи и списываніи лекцій любимыхъ преподавателей и только; отъ самостоятельныхъ по нимъ работъ, даже обязательныхъ, мѣсячныхъ и курсовыхъ сочиненій, они по возможности старались уклоняться за незнаніемъ языковъ и вслѣдствіе общей неподготовленности къ такимъ работамъ. Пониженіе общаго уровня образованія въ 60-хъ годахъ отозвалось даже и на историческомъ направленіи академическаго образованія,—стало слабѣть и оно. Изъ семинарій начали пріѣзжать въ академію до того слабо подготовленные студенты, что на пріемныхъ экзаменахъ академія должна была значительно понизить уровень своихъ обычныхъ требованій и принимать въ составъ своихъ студентовъ такихъ молодыхъ людей, поступленіе ко-

торыхъ даже въ недавнее прошлое время было просто немыслимо. Съ полгода сидѣли такіе студенты на лекціяхъ, какъ сонные, почти ничего въ нихъ не понимая. Въ воспоминаніяхъ одного студента, поступившаго въ академію въ 1866 г., откровенно говорится, что ни онъ, ни его товарищи цѣлыхъ полгода не могли прислушаться къ лекціямъ по психологіи и исторіи философіи, — такъ онѣ были для нихъ мудрены. „Когда профессоръ философіи, разсказываетъ авторъ, хотѣлъ узнать, поняли ли его слушатели, мы ровно ничего не могли передать изъ того, что̀ онъ читалъ". Къ экзамену сданы были записки, имѣющіяся и теперь на лице въ академической библіотекѣ, записки вовсе не хитрыя; но студенты читали ихъ цѣлыя сутки да такъ и бросили, отчаявшись ихъ понять, особенно почему-то одинъ отдѣлъ изъ нихъ—объ ассоціаціи представленій. Въ семинаріяхъ упало даже давнишнее искусство правильно и стройно излагать мысли на бумагѣ, которымъ онѣ всегда отличались отъ другихъ заведеній. Увлеченные самоновѣйшими методами преподаванія русскаго языка и словесности, новые учители семинарій, потѣшаясь надъ прежнимъ, чисто формальнымъ направленіемъ преподаванія грамматики, риторики и логики, надъ старыми періодами, хріями и силлогизмами, съ своей стороны опускали уже всякій анализъ языка и логическаго теченія мысли и совсѣмъ пренебрегали внѣшней техникой писательства. Неумѣньемъ писать студенты, поступавшіе въ академію, страдали потомъ въ теченіе всего академическаго своего курса. Рецензенты ихъ сочиненій въ одинъ голосъ жаловались на это неумѣнье, уличая авторовъ даже въ безграмотности. Недостатокъ этотъ замѣчался и въ курсовыхъ работахъ на ученыя степени. Въ 1867 г. преосв. Антоній, разсматривая дѣло объ окончаніи XI курса и пересматривая курсовыя сочиненія студентовъ этого курса, между прочимъ писалъ правленію: „Вообще очень мало отдѣлки въ сочиненіяхъ; видна незрѣлость и незаконченность, и ни одного нѣтъ вполнѣ отдѣланнаго. Одно сочиненіе укоряется, что сочинитель не понялъ ясно предмета... Многіе рецензенты жалуются на недостатокъ вовсе плана въ сочиненіяхъ или неправильность и нелогичность существующаго плана.... Безпрестанно жалуются рецензенты на плохой языкъ, неопытность пера, неясность выраженія, даже ошибки грамматическія; замѣчена охота щеголять новомодными барбаризмами въ языкѣ... Объ этомъ надобно жалѣть.

вѣрно студенты мало были упражняемы въ мѣсячныхъ сочиненіяхъ и сочиненія эти не были подвергаемы по временамъ строгой критикѣ". Замѣчательно, что многія сочиненія этого рода отличались весьма удачной разработкой предмета съ ученой стороны и обнаруживали въ авторахъ и хорошее знаніе, и доброе усердіе къ дѣлу; авторы эти не умѣли только писать, не получивъ технической, такъ сказать, подготовки къ писательству очевидно еще въ семинаріяхъ, до академіи.

Въ то же время въ самой академіи, какъ извѣстно, обнаружился сильный упадокъ дисциплины, печально отразившійся и на учебныхъ занятіяхъ студентовъ; пошли въ ходъ манкировки лекцій, сочиненій и даже экзаменовъ... Такое пониженіе образовательнаго уровня было вѣроятно и въ другихъ академіяхъ; по крайней мѣрѣ еще въ 1863 г. высшее начальство сочло нужнымъ принять противъ него особыя общія мѣры. Отъ 28 февраля оберъ-прокуроръ Св. Синода писалъ правленію академіи, что „Св. Синодъ, усматривая изъ поступившихъ донесеній, что въ духовныхъ академіяхъ очень многіе студенты, оказывая въ началѣ курса удовлетворительные успѣхи, съ продолженіемъ времени оставляютъ прежнее усердіе и любовь къ занятіямъ, въ томъ неправильномъ и ложномъ убѣжденіи, что для нихъ достаточно, пріѣхавши въ академію, поступить въ число дѣйствительныхъ студентовъ и, заявивъ въ началѣ свое прилежаніе къ дѣлу, потомъ жить въ академіи до окончанія курса при совершенно произвольномъ отношеніи къ научнымъ занятіямъ, опредѣленіемъ отъ 12 февраля постановилъ: для возбужденія въ студентахъ академіи прилежанія, а съ привычкою къ нему и любви къ наукамъ предоставить правленіямъ оныхъ тѣхъ изъ студентовъ, которые оказываются не заслуживающими казеннаго содержанія, вмѣстѣ съ лишеніемъ онаго удалять изъ зданій академій, оставляя за ними одно право слушанія лекцій; если же и за симъ они не окажутъ надлежащаго исправленія, то вовсе ихъ увольнять;... затѣмъ подтвердить академическимъ начальствамъ о необходимости въ настоящее время большей строгости при курсовыхъ испытаніяхъ и въ особенности въ присужденіи ученыхъ степеней, такъ чтобы изъ прослушавшихъ академическій курсъ удостоивались степени магистра и кандидата тѣ, которые дѣйствительно пріобрѣли уровень знанія, соотвѣтствующій симъ степенямъ, а остальные выпускаемы были съ

правами, присвоенными степени студента“ [1]. Указомъ этимъ въ слѣдующемъ году воспользовался было ректоръ Иннокентій для того, чтобы пристрожить студентамъ, но мы видѣли уже, что̀ изъ этого вышло.

При такомъ положеніи дѣлъ въ академіи конечно нечего и говорить о томъ, чтобы въ 1860-хъ годахъ между студентами ея могло сформироваться сколько нибудь солидное и самостоятельное богословско-философское направленіе. Довольно было и того, что являлись хоть частныя лица, занимавшіяся богословіемъ и философіей по лекціямъ профессоровъ, что прежнее исключительно-историческое направленіе студенческихъ занятій получило хотя нѣкоторый противовѣсъ и объемъ ученыхъ симпатій студенчества расширился; со стороны новаго метода богословско-философскаго преподаванія было большимъ выигрышемъ уже и это. Общій уровень студенческаго образованія сталъ подниматься снова уже къ самому концу 1860-хъ годовъ передъ реформой академіи, когда образовательный уровень возвысился и въ семинаріяхъ.

Между тѣмъ въ занятіяхъ студентовъ, на ряду съ богословско-философскими и историческими симпатіями, къ тому же времени успѣло обозначиться еще новое, хотя впрочемъ не особенно распространенное, больше пожалуй частное направленіе, которое можно назвать естественно-научнымъ дилетантизмомъ, вызванное отчасти богословскими интересами, но главнымъ образомъ подражаніемъ такому же дилетантизму въ образованномъ обществѣ. Богословская наука вся ушла тогда въ апологетику христіанства и въ полемику, а полемизировать ей приходилось главнымъ образомъ противъ сильно распространеннаго въ обществѣ естественно-научнаго либерализма, отъ котораго и шли всѣ нападенія на религію. Еще съ начала 1860-хъ годовъ, подъ вліяніемъ современнаго матеріализма, въ печати стало появляться множество большею частію переводныхъ книгъ и брошюръ естественно-научнаго содержанія, которыя сдѣлались предметомъ обязательнѣйшаго чтенія для всѣхъ, кто не хотѣлъ отставать отъ вѣка и стремился сопричислиться къ передовымъ людямъ. Ими наполнялись библіотеки всѣхъ учебныхъ заведеній; воспитанники послѣднихъ, бросивъ всѣ свои науки, надъ которыми, какъ-никакъ, все-таки надобно было трудиться, съ жаромъ наки-

[1] Д. 1863 г. № 39.

нулись на этотъ матеріалъ моднаго, а между тѣмъ чрезвычайно легкаго и занимательнаго чтенія, мечтая съ его помощью безъ хлопотъ достигнуть самаго настоящаго современнаго образованія. Въ академіи эта игра въ естествовѣдѣніе сначала долго не находила себѣ пріема. При высокомъ взглядѣ на науку, который былъ здѣсь усвоенъ издавна, она не возбуждала большаго сочувствія въ студентахъ, а для серьезныхъ занятій естествознаніемъ они не чувствовали въ себѣ должной подготовки, такъ какъ были очень слабы даже въ математикѣ и физикѣ, которыя имъ преподавались. Съ матеріалистическими идеями, которыя служили главной подкладкой современныхъ увлеченій естествознаніемъ, имъ, правда, нерѣдко приводилось имѣть весьма серьезные счеты, но въ этихъ случаяхъ они вполнѣ довольствовались разборомъ пока одной логической и отчасти метафизической стороны матеріалистической пропаганды. Ихъ мало заняла даже самая модная въ началѣ 1860-хъ годовъ мысль о приложеніи естествовѣдѣнія, его научныхъ данныхъ и метода къ исторіи, мысль, которая близко касалась самыхъ сильныхъ между ними историческихъ симпатій, хотя ею въ 1863 г. сильно увлекся даже прежній преподаватель русской исторіи въ академіи А. П. Щаповъ. Причиной этого, по крайней мѣрѣ въ кругу студентовъ съ болѣе научнымъ направленіемъ, было вѣроятно то, что эта новая мысль была представлена въ тогдашней литературѣ слабо и неудовлетворительно съ логической стороны. Единственнымъ болѣе полнымъ выраженіемъ ея была извѣстная Исторія цивилизаціи Боккля, съ самаго появленія своего на свѣтъ сдѣлавшаяся модной игрушкой современной журналистики и общественныхъ восторговъ. Въ академіи отрицательно отнеслись и къ новымъ статьямъ Щапова, навѣяннымъ на него Бокклемъ, и къ самой Исторіи Боккля, въ которой не находили ровно ничего новаго, кромѣ преувеличеній, парадоксовъ и софизмовъ.

Съ моднымъ чтеніемъ однако все-таки нужно было познакомиться,—объ немъ всѣ такъ много говорили и оно всѣми навязывалось съ такимъ горячимъ фанатизмомъ. Студенты тоже стали почитывать и Боккля, и Льюиса, и всякія исторіи, картины, этюды и чудеса неба, земли, моря и подземнаго міра, и разную тенденціозно-матеріалистическую дребедень. Первое, нѣсколько научное приложеніе это новое популярное естествовѣдѣніе нашло себѣ въ академіи при изуче-

ніи физики, чему много содѣйствовалъ своимъ популярнымъ преподаваніемъ физики профессоръ Красинъ. Это было уже около 1866 г. Проф. Красинъ выписывалъ въ академическую библіотеку почти всѣ изданія тогдашняго популярнаго естествовѣдѣнія и много содѣйствовалъ развитію чтенія ихъ. Во второй половинѣ 1860-хъ годовъ они стали разбираться студентами въ такомъ количествѣ, что ихъ рѣдко можно было застать въ библіотекѣ. Многіе наставники искренно жалѣли, что студенты начали пристращаться къ такого рода чтенію. Въ XIII к. нашлись два студента (В. Поповъ и П. Максимовъ), которые предались ему даже спеціально; они были постоянными помощниками проф. Красина по физическому кабинету. Въ XIV к. съ 1868 г. ихъ замѣнилъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ студентовъ П. Милославскій. Занятія ихъ долго не имѣли никакого серьезнаго значенія, ограничиваясь почти одними проказами и игрушками разныхъ физическихъ опытовъ и фокусовъ; самымъ серьезнымъ приложеніемъ была только заведенная при физическомъ кабинетѣ студенческая фотографія. Но подъ конецъ описываемаго времени при ректорѣ Никанорѣ явилось приложеніе и болѣе серьезное.

На своихъ лекціяхъ по богословской апологетикѣ архимандритъ Никаноръ очень часто касался современныхъ естественно-научныхъ увлеченій и дѣлалъ при этомъ большія экскурсіи въ область естественныхъ наукъ, особенно въ область геологіи и космической физики. По своему образованію онъ былъ почти такой же диллетантъ въ естественныхъ наукахъ, какъ и занимавшіеся этими науками его слушатели, но его сильное богословско-философское образованіе давало ему возможность всѣ случайно пріобрѣтенныя имъ свѣдѣнія по естествознанію освѣщать такимъ яркимъ научнымъ свѣтомъ, какого они не имѣли и у спеціалистовъ, и придавать своимъ естественно-научнымъ указаніямъ весьма серьезное богословско-апологетическое и полемическое значеніе. Занятія студентовъ, бывшія прежде игрою, получили смыслъ и серьезную цѣль. Студентъ Поповъ напр. при окончаніи курса написалъ довольно дѣльное сочиненіе на степень: Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной, напечатанное послѣ въ Сборникѣ: Матеріализмъ, наука и христіанство (кн. XII, Спб. 1872 г.). Студентъ П. А. Милославскій, сдѣлавшись съ 1872 г. доцентомъ академіи, приложилъ свои естественно-научныя знанія къ преподаванію фи-

лософіи. Изъ воспоминаній А. Л. Крылова узнаемъ, что разныя естественно-научныя свѣдѣнія оказывали немалыя услуги и другимъ студентамъ по выходѣ изъ академіи въ столкновеніяхъ ихъ съ современными либеральными движеніями; автору потомъ не разъ приходилось даже жалѣть, что въ свое время ему не удалось по этой части пріобрѣсти еще болѣе широкаго и фундаментальнаго образованія.

Перейдемъ къ употреблявшимся за описываемое время пріемамъ оцѣнки студенческихъ успѣховъ и къ отчетности студентовъ въ ихъ учебныхъ занятіяхъ. Оцѣнка эта оффиціально производилась посредствомъ репетицій и экзаменовъ, а настоящимъ и главнымъ образомъ посредствомъ сочиненій. Успѣхи каждаго студента отмѣчались первоначально въ спискахъ наставниковъ, потомъ на экзаменахъ вновь провѣрялись самимъ начальствомъ и обозначались новыми отмѣтками на экзаменскихъ спискахъ. Для поощренія студентовъ послѣ перваго же рождественскаго экзамена правленіе въ январѣ 1843 г. завело (согласно 191—192 §§ устава) особую книгу для занесенія въ нее именъ какъ особенно отличившихся, такъ и малоуспѣшныхъ студентовъ [1]. Два раза въ годъ послѣ каждыхъ полугодичныхъ экзаменовъ правленіе призывало и тѣхъ и другихъ въ свое присутствіе и (согласно тѣмъ же §§ устава) высказывало первымъ „довлѣющую похвалу", а вторымъ выговоръ или простой, или строгій съ внушеніемъ и угрозой лишить казеннаго содержанія, а то и вовсе исключить изъ академіи. Эта церемонія похвалъ и выговоровъ прекратилась при ректорѣ Іоаннѣ; 1862-мъ годомъ закончилась и самая книга.

Въ видахъ такого же поощренія студентовъ въ 1845 г. (по § 181 устава) заведены были, такъ называемыя, приватныя собранія наставниковъ и студентовъ, на которыхъ читаемы или только рекомендуемы были лучшія мѣсячныя сочиненія студентовъ. Собраніямъ этимъ велись особые протоколы за подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ, составлявшіе ежегодное приложеніе къ правленскимъ журналамъ. Собраній бывало обыкновенно по 2—3 въ годъ въ разное время. Они впрочемъ скоро прекратились; послѣдній протоколъ ихъ сохранился отъ 16 октября 1853 г., послѣ чего, какъ узнаемъ изъ одного источника (некролога И. М. Добротворскаго), было еще только одно собраніе при ректорѣ Агаѳангелѣ, на кото-

(1) Д. 1842 г. № 14.

ромъ студентъ Добротворскій очень удачно защищалъ свое сочиненіе противъ возраженій самого ректора [1]. Собранія эти были довольно продолжительны,—съ 9 ч. утра до 1 и 2 часа по полудни. Все время проходило въ чтеніи лучшихъ студенческихъ сочиненій и ихъ защищеніи отъ возраженій. Для образчика вотъ извлеченіе изъ протоколовъ собраній 1847 г. Въ первомъ собраніи 30 января было прочитано 5 сочиненій, — Н. Цареградскимъ о недостаточности естественной религіи, А. Кедровымъ—изъясненіе на III, 14—15 Бытія, И. Порфирьевымъ—изъясненіе на XII гл. пророка Исаіи, Н. Разумовымъ и П. Крыловымъ обоими на одну тему: Quomodo philosophia ad Christum manuducere potest? Въ заключеніе засѣданія изъявлено одобреніе за лучшія сочиненія 13 студентамъ. На второмъ собраніи 31 марта прочитаны 3 сочиненія,—Т. Дубровинымъ о пользѣ монастырей, Н. Разумовымъ критика Боссюэтова Разговора о всеобщей исторіи и Е. Виноградовымъ слово на царскій день; одобреніе объявлено 18 студентамъ. Въ третьемъ собраніи 4 іюня выслушано 5 сочиненій,—Т. Дубровина: Почему І. Христосъ не остался видимо съ нами на землѣ? Я. Попова о самоиспытаніи, П. Крылова о вмѣняемости дѣйствій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ темперамента, И. Хованскаго о томъ, какое употребленіе можетъ сдѣлать христіанинъ изъ познанія восточной философіи, и И. Альпійскаго объ условіяхъ совершенства вкуса и его качествахъ; одобрено 23 сочиненія.

На экзамены въ дореформенной академіи тратилось чуть не больше времени, чѣмъ даже въ настоящее время. Они происходили дважды въ годъ и передъ каждымъ періодомъ ихъ недѣли за 2 и больше прекращались всѣ лекціи для репетицій. Само начальство академіи сознавало вредъ отъ такой большой потери времени для болѣе полезныхъ занятій и старалось по возможности сокращать производство по крайней мѣрѣ менѣе важныхъ, рождественскихъ и лѣтнихъ полукурсовыхъ экзаменовъ, сосредоточивая свое вниманіе только на болѣе важныхъ, курсовыхъ экзаменахъ — черезъ 2 года. Всѣ наставники подавали къ экзаменамъ конспекты своихъ наукъ и разрядные списки студентовъ съ особыми баллами а) по успѣхамъ, б) способностямъ, в) прилежанію и г) по поданнымъ за годъ или 2 года сочиненіямъ. Нѣкоторые на-

[1] Прав. Собесѣдн. 1883 г. III, 358—359.

ставники, особенно по такимъ предметамъ, по которымъ писались сочиненія, отличались добросовѣстной внимательностью къ составленію этихъ списковъ и ихъ мнѣнія о студентахъ имѣли особенно большой вѣсъ и на конференціонныхъ собраніяхъ, и у самихъ студентовъ. Къ нимъ приноровлялись даже другіе наставники, почему нибудь не имѣвшіе средствъ близко знать студентовъ, напр. не задававшіе по своимъ предметамъ сочиненій. При всемъ своемъ произволѣ ректоры тоже рѣдко пренебрегали наставническими рекомендаціями студентовъ. На списки наставниковъ пересталъ обращать вниманіе только ректоръ Іоаннъ, который сортировалъ студентовъ на разряды на основаніи однихъ личныхъ своихъ соображеній. Неудивительно потому, что съ его времени наставники стали относиться къ этому дѣлу небрежно. Къ тому же велъ и описанный упадокъ учебной дисциплины, не дававшій наставникамъ никакихъ почти средствъ узнать хорошенько своихъ слушателей. Вмѣсто разрядныхъ списковъ все чаще и чаще стали подаваться списки алфавитные съ отмѣтками предъ фамиліями всего только двухъ высшихъ балловъ. Ректоръ Иннокентій возсталъ было противъ этого, но ничего уже не могъ подѣлать. Къ концу 1860-хъ годовъ экзаменскіе списки, не исключая и кондуитнаго инспекторскаго, были уже всѣ только алфавитные.

Самые строгіе и продолжительные экзамены были при ректорахъ Григоріи и Парѳеніи. Даже рождественскіе экзамены растягивались при нихъ на 7—10 дней, кромѣ дней, въ которые писались экзаменскія сочиненія; полукурсовые передъ вакатомъ шли 10—12 дней, а курсовые двухгодичные дней до 14. Притомъ каждый день экзаменаціонное засѣданіе продолжалось съ 8 часовъ утра до 2 и далѣе пополудни, рѣдко менѣе, да еще случалось, что въ одинъ и тотъ же день экзаменъ продолжался послѣ антракта и въ послѣобѣденное время. Студенты едва выдерживали тяжесть этихъ экзаменовъ и часто послѣ нихъ хворали отъ непосильнаго напряженія, тѣмъ болѣе что никакихъ промежутковъ между экзаменаціонными днями для отдыха или приготовленія къ слѣдующему экзамену не полагалось; все облегченіе для нихъ состояло только въ томъ, что въ одинъ день экзаменовались старшіе, въ другой младшіе студенты поочередно. Такое мученіе кончилось, какъ было уже упомянуто, при ректорѣ Агаѳангелѣ, который сократилъ и число дней, и число часовъ для экза-

меновъ. Рождественскіе экзамены при немъ производились въ 3 дня,—въ одинъ день экзаменовались по всѣмъ предметамъ всѣ старшіе, въ другой всѣ младшіе студенты, а въ третій оба курса вмѣстѣ по предметамъ, общимъ обоимъ отдѣленіямъ; экзаменъ къ вакату 1855 г. произведенъ всего въ 6 дней, и только курсовые экзамены 1854 и 1856 годовъ, на которыхъ былъ ревизоромъ преосвященный Григорій, тянулись— одинъ 8, другой 14 дней. Продолжительность каждаго дневнаго экзамена была доведена до 2—3 часовъ. Такіе же краткіе экзамены производились при ректорѣ Іоаннѣ, который, по своей болѣзненности, самъ тяготился ими и просиживалъ на нихъ всего часа по 2. Первый его экзаменъ къ вакату 1857 г. продолжался 5 дней, не болѣе 10 часовъ за всѣ эти дни, да еще было одно экзаменское засѣданіе послѣ обѣда по языкамъ. Послѣдующіе его экзамены къ Рождеству и полукурсовые къ вакату производились всѣ по 4 дня; курсовые, при постоянномъ почти присутствіи преосвященнаго Аѳанасія, производились дольше и каждый часовъ до 2 пополудни съ 10 утра: въ 1858 г. въ теченіе 10 дней, въ 1860 г., въ отсутствіи преосвященнаго Аѳанасія, въ 5 дней; въ 1860 г. въ половинѣ экзаменовъ пришелъ указъ о назначеніи ревизора,—преосвященнаго Никодима, и они были произведены имъ еще вторично въ теченіе 3 дней, каждый день по два засѣданія, утромъ и послѣ обѣда (¹); въ 1862 г. курсовые экзамены были особенно сокращены и продолжались только 4 дня (съ 18 іюня по 21). При ректорѣ Иннокентіи экзамены опять стали растягиваться, рождественскіе до 5—6 дней, полукурсовые годичные—до 10, курсовые—до 12—13 дней. Новой особенностью ихъ, которая перешла и въ преобразованную академію, было то, что они стали производиться не каждый день, а съ разными промежутками въ 1 и 2 дня для приготовленія студентамъ, и стали затягиваться отъ этого на очень продолжительное время къ немалому ущербу учебныхъ курсовъ, лѣтомъ напр. захватывали не только весь іюнь, но и часть мая, такъ что чтеніе лекцій должно было прекращаться еще до Пасхи,—послѣ Пасхи прямо начинались уже репетиціи.

Всѣ эти экзамены принято было совершать въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ и наставниковъ академіи и нѣ-

(¹) Д. конфер. 1860 г. № 6.

скольких членов академической конференціи изъ мѣстнаго духовенства. Посторонніе члены конференціи не всегда на нихъ присутствовали по своимъ должностямъ, но отъ академическихъ членовъ и отъ всѣхъ наставниковъ, по крайней мѣрѣ въ первыя 10—12 лѣтъ существованія академіи, это требовалось обязательно. Неприсутствіе какого нибудь наставника на экзаменѣ обозначалось въ протоколѣ экзамена съ показаніемъ причины отсутствія. Потомъ такія полныя собранія стали наблюдаться только на тѣхъ экзаменахъ, которые удостоивали своимъ посѣщеніемъ сами преосвященные. Съ конца 1850-хъ годовъ простые экзамены годъ отъ году становились малолюднѣе; на нихъ присутствовали только ректоръ съ инспекторомъ да наставники, по предметамъ которыхъ производилось испытаніе, съ своими депутатами. При снисходительномъ и не любившемъ никакой помпы преосвященномъ Аѳанасіи многіе наставники не являлись и на архіерейскіе экзамены. Да и собраніе студентовъ становилось все менѣе полнымъ. Явившись на экзаменъ сначала въ полномъ своемъ составѣ, студенты, по мѣрѣ того, какъ сдавали свои отвѣты, начинали понемногу уходить изъ собранія, такъ что подъ конецъ экзамена въ залѣ оставалась одна только отвѣчавшая у стола тройка да еще человѣка 4—5 изъ пѣвчихъ для того, чтобы въ концѣ пропѣть обычное: Достойно есть, и Исполла эти деспота—удаляющемуся владыкѣ. При преосвященномъ Антоніи, любившемъ, чтобы около него было людно, экзаменскія собранія снова начали наполняться и наставниками, и студентами, но очень мало и лѣниво.

Всѣ казанскіе преосвященные любили посѣщать главнымъ образомъ годовые и курсовые экзамены, и то по богословскимъ предметамъ; экзамены по свѣтскимъ предметамъ пропускали, по крайней мѣрѣ посѣщали не всѣ, даже и тогда, когда, по порученію Св. Синода, производили ревизію академіи. Преосвященный Григорій иногда даже сердился, когда невзначай попадалъ на экзаменъ по свѣтскому предмету; случалось, что, не имѣя досуга посѣтить экзаменъ по какой нибудь богословской наукѣ въ назначенный для того день, онъ вдругъ переносилъ его на другой день, вопреки расписанію и къ великому смущенію студентовъ, если желалъ произвести такой экзаменъ раньше назначеннаго срока. Большую часть экзаменовъ онъ провелъ впрочемъ внѣ Казани, въ Петербургѣ. На экзаменахъ онъ держался сухо и сурово, но внимательно

слѣдилъ за всѣми отвѣтами и состояніе учебной части въ академіи зналъ хорошо; изъ всѣхъ наукъ онъ особенно былъ внимателенъ къ преподаванію наукъ миссіонерскихъ. Чаще всѣхъ преосвященныхъ посѣщалъ экзамены владыка Аѳанасій; во время своихъ ревизій академіи онъ пропускалъ только одни экзамены по языкамъ. Онъ являлся въ академію обыкновенно послѣ обѣдни, часовъ въ 11, и просиживалъ на экзаменѣ часовъ до двухъ. Экзаменъ, съ его дозволенія, начинался всегда раньше его пріѣзда, часовъ съ 10, и ректоръ старался переспросить до него всѣхъ менѣе надежныхъ студентовъ, оставивъ ему только лучшихъ или такихъ, которые умѣли говорить громко, смѣло и рѣшительно, не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Преосвященный любилъ такіе отвѣты и держалъ передъ собой бойкаго студента иногда цѣлый часъ, то слушая его, то увлекаясь разговоромъ съ ректоромъ Іоанномъ. Студенту нужно было много изобрѣтательности для того, чтобы все это время говорить, не умолкая, пока владыка не скажетъ ему одобрительнаго: „Ты хорошо выучилъ,—ступай". Самые продолжительные отвѣты были по богословскимъ предметамъ; преосвященный требовалъ по нимъ всегда отвѣтовъ положительныхъ, основанныхъ на свящ. Писаніи, и не любилъ ни излишнихъ разсужденій, ни полемики, ни указаній на какихъ нибудь нѣмецкихъ богослововъ. Случалось, что въ цѣлый экзаменъ онъ успѣвалъ спросить всего-на-всего человѣка два-три и этимъ совсѣмъ спутывалъ академическихъ экзаменаторовъ, которымъ приходилось послѣ него доэкзаменовывать остальныхъ студентовъ. По свѣтскимъ предметамъ экзамены шли всегда быстро, кромѣ экзаменовъ по физикѣ, на которыхъ всегда производились любимые владыкой физическіе опыты. Онъ охотно дожидался конца самыхъ длинныхъ опытовъ, смѣялся надъ неудачами, напр. надъ тѣмъ, что Магдебургскія полушарія, которыя слѣдовало разрывать при помощи двухъ троекъ лошадей, расходились при самомъ легкомъ усиліи однѣхъ его рукъ, или восхищался, когда около него съ шумомъ лопались бычачьи пузыри, разомъ привскакивала цѣлая цѣпь студентовъ, разрядившихъ лейденскую банку, и т. п. Экзамены затягивались и отъ поученій, которыя владыка, какъ проповѣдникъ-импровизаторъ, часто говорилъ по поводу разныхъ матерій, заимствованныхъ изъ отвѣтовъ экзаменующихся. Отмѣтки онъ ставилъ самъ и всегда словами,—большею частію „хорошо"; онѣ потомъ переводи-

лись на разнообразныя цифры по усмотрѣнію ректора. Преосвященный Антоній пріѣзжалъ обыкновенно на всѣ богословскіе экзамены, а въ 1868 г. во время своей ревизіи—на всѣ и свѣтскіе, сидѣлъ на нихъ тоже подолгу,—съ 10 до 2 часовъ и болѣе, часто разсуждалъ и рѣшалъ разныя возраженія, но не любилъ, чтобы возраженія задавали другіе, кромѣ него, особенно по догматикѣ; въ случаѣ посторонняго возраженія, вѣроятно въ предотвращеніе лишнихъ богословскихъ споровъ, онъ сейчасъ же начиналъ разрѣшать его самъ, не спрашивая студента. Студенты его не стѣснялись и даже любили, когда онъ пріѣзжалъ на экзаменъ, потому что онъ былъ всегда съ ними отечески снисходителенъ и благожелателенъ. При немъ въ первый разъ сталъ уничтожаться одинъ изъ самыхъ важныхъ старинныхъ недостатковъ академическихъ экзаменовъ,—это отвѣтственность предъ экзаменаторомъ не только самихъ экзаменующихся, но и наставниковъ, по предметамъ которыхъ производились экзамены.

Производство экзаменовъ вообще все зависѣло отъ главнаго экзаменатора,—преосвященнаго или ректора Онъ задавалъ вопросы, онъ же оцѣнивалъ и отвѣты, ставя собственноручно баллы. Роль наставника экзаменаціоннаго предмета сводилась къ нулю; когда экзаменъ шелъ по билетамъ, наставникъ могъ промолчать въ теченіе всего экзамена, особенно если студенты не особенно нуждались въ его поддержкѣ. Этого мало, — онъ ставился подъ отвѣтственность за отвѣты студентовъ и такимъ образомъ прямо исключался изъ числа экзаменаторовъ. Такой системы экзаменовъ держались всѣ преосвященные до владыки Антонія, который первый предоставилъ постановку балловъ самимъ наставникамъ съ ихъ депутатами; въ отсутствіи преосвященныхъ той же системы держались и сами ректоры до архимандрита Никанора или, пожалуй, еще до Иннокентія, который былъ вообще не совсѣмъ способенъ вмѣшиваться въ научныя дѣла. Слѣдствіемъ такой системы экзаменовъ было то, что наставникъ, а въ присутствіи на экзаменѣ преосвященнаго и самъ даже ректоръ становились на сторону студентовъ и заодно съ ними участвовали во всѣхъ, даже предосудительныхъ способахъ произвести на экзаменатора возможно выгодное впечатлѣніе, чтобы и самимъ избавиться отъ лишняго неудовольствія. Положеніе наставника, въ случаѣ неудачнаго хода экзамена, было крайне непріятное; мы уже видѣли, какъ однажды въ

1861 г., по случаю довольно жесткаго выговора преосвященнаго Аѳанасія на экзаменѣ проф. Зефирову, послѣдній даже не выдержалъ и рѣзко заявилъ: „Я не отвѣчаю за студентовъ; не я экзаменуюсь“. Отчасти вслѣдствіе той же экзаменаціонной системы поддерживался и указанный выше обычай выставлять къ экзамену не то, что̀ на самомъ дѣлѣ было преподаваемо въ аудиторіи, а что нибудь печатное, болѣе для нихъ легкое, а съ другой стороны болѣе оффиціальное, казенное и слѣдовательно менѣе влекущее за собой отвѣтственности для самого наставника. Система эта долго не выводилась и при преосвященномъ Антоніи; паденіе ея послѣдовало уже при новомъ уставѣ академіи.

Нѣкоторое облегченіе для студентовъ на экзаменахъ было необходимо и потому, что, при многопредметности академическаго курса, болѣе строгіе экзамены были бы положительно невозможны. Съ полною добросовѣстностью ихъ не могъ бы выдержать самый даровитый и усердный студентъ. Это вполнѣ сознавало и само начальство. Первымъ облегченіемъ служилъ уже извѣстный намъ взглядъ на академическое образованіе, по которому отъ студента не требовалось какихъ нибудь подробныхъ, спеціальныхъ свѣдѣній по каждой наукѣ, а требовалось, чтобы онъ показалъ главнымъ образомъ свое пониманіе науки, свою способность къ занятіямъ ею и степень развитія своей мыслительности. Отъ того на экзаменахъ особенную важность имѣли разныя, такъ называемыя, возраженія и письменные отвѣты. Экзаменаторамъ важно было знать не то, сколько знаетъ студентъ, а какъ знаетъ, годенъ ли онъ для ученой карьеры и на что собственно годенъ. На экзаменахъ по главнымъ предметамъ рѣдкій студентъ отходилъ отъ экзаменаціоннаго стола безъ возраженій и длинной бесѣды съ экзаменаторомъ, опредѣлявшей его таланты съ большей или меньшей выразительностью, смотря по искусству экзаменатора. Умѣньемъ производить такіе экзамены прославились особенно ректоры Парѳеній и Іоаннъ. Первый, какъ говорится объ немъ въ Воспоминаніяхъ А. А. Виноградова, на экзаменахъ „желалъ знакомиться не только со степенью знаній студента, но и степенью развитія его ума. Сначала онъ задавалъ студенту вопросы простые; если студентъ отвѣчалъ на нихъ удовлетворительно, онъ задавалъ ему вопросы болѣе трудные; затѣмъ слѣдовали разнаго рода возраженія. Или наоборотъ, задавалъ студенту вопросы болѣе трудные“

и проч. „При такомъ способѣ производства экзаменовъ ректоръ, можно сказать, вполнѣ безошибочно могъ опредѣлить достоинства и недостатки студента въ умственномъ отношеніи: случайныхъ — дурныхъ или хорошихъ отвѣтовъ у него не могло быть“ (¹). Ректоръ Іоаннъ дѣлалъ оцѣнку студента скорѣе, даже очень быстро, схватывая существенныя свойства въ устройствѣ головнаго аппарата у студента послѣ нѣсколькихъ короткихъ его отвѣтовъ на вопросы, но, по своей излишней рѣшительности и самонадѣянности въ приговорахъ, нерѣдко и ошибался въ человѣкѣ, преимущественно въ дурную сторону, считая его по нѣсколькимъ случайнымъ промахамъ глупѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Другимъ обстоятельствомъ, служившимъ къ облегченію студентовъ на экзаменахъ, было то, что ихъ спрашивали не по всѣмъ предметамъ. Такъ было даже въ первые курсы во время тогдашнихъ продолжительныхъ экзаменовъ. Потомъ со времени ректора Агаѳангела вошло въ обычай спрашивать студентовъ только по разу за каждый день экзамена, хотя бы экзаменъ въ этотъ день производился предметамъ по 4, по 5. Рѣдко приводилось одному и тому же студенту отвѣчать два раза въ одинъ день; въ короткіе экзамены при ректорѣ Іоаннѣ не приходилось и въ день спросить всѣхъ студентовъ. Вотъ напр. какъ произведено было въ 1862 г. выпускное испытаніе IX курсу, состоявшему изъ 19 студентовъ: въ первый день (18 іюня) было спрошено по догматикѣ 5 студентовъ, по нравственному богословію 4, по обличительному 2, пастырскому 1, основному ни одного, по св. Писанію 4, по канионикѣ 1, литургикѣ 4, патрологіи 5; на другой день (20 іюня) по церковной исторіи 5, по русской церковной исторіи 1, по всѣмъ миссіонерскимъ наукамъ 7; на третій день (21 іюня) по древнимъ языкамъ 5, по новымъ 8,—тѣмъ все испытаніе и кончилось. Ректоръ Иннокентій, при которомъ экзамены опять удлиннились, 25 мая 1865 г. провелъ чрезъ конференцію распоряженіе—спрашивать всѣхъ студентовъ по всѣмъ предметамъ, за что студенты сильно на него сердились. Выгоды ихъ при существовавшемъ прежде порядкѣ очевидны сами собой. Кромѣ того, что на прежнихъ экзаменахъ ихъ меньше безпокоили, студентъ, приспособившись къ порядку вызововъ, могъ съ довольно большой вѣроятностью разсчиты-

(¹) Иркутск. епарх. Вѣд. 1890 г. № 4, стр. 2—3.

вать, по какому именно предмету его спросятъ; отъ мало извѣстнаго предмета могъ даже довольно благополучно уклониться, выйдя на время изъ залы,—въ случаѣ вызова его къ отвѣту товарищи объявляли, что онъ сейчасъ явится, и онъ дѣйствительно являлся и шелъ прямо къ столу, но уже тогда, когда экзаменъ по неподходящему для него предмету кончался и начинался по другому предмету. Изъ сличенія разныхъ экзаменическихъ табелей видно, что нѣкоторые студенты систематически изловчались уклоняться отъ экзаменовъ по нѣкоторымъ предметамъ въ теченіе цѣлаго своего курса, напр. не знавшій греческаго языка не отвѣчалъ по нему ни на одномъ экзаменѣ и о такомъ его незнаніи можно было догадываться только по отмѣткамъ въ спискахъ одного наставника. Затѣмъ студенты придумывали еще разные другіе способы къ облегченію своихъ экзаменовъ,—прибѣгая для этого напр. къ извѣстнымъ фокусамъ съ экзаменскими конспектами и билетами. Фокусы эти вошли въ употребленіе съ самаго ранняго времени. Первоначально къ нимъ прибѣгали еще робко и они сами были еще очень просты. Вся махинація состояла въ томъ, что на экзаменаціонный столъ подавались билеты, раздѣленные особыми примѣтами на разряды,— одни съ остатками фабричныхъ печатей на углахъ, другіе гладкіе, третьи съ сквозящей чрезъ бумагу цифрой, и притомъ написанной или на серединѣ билета, или немного сбоку; студентъ бралъ билетъ изъ того разряда, которому соотвѣтствовалъ болѣе знакомый ему отдѣлъ науки, а потому и самое приготовленіе къ экзамену могъ ограничивать только этимъ отдѣломъ. По болѣе труднымъ для экзамена наукамъ, напр. историческимъ, билеты дѣлились на большее число разрядовъ. На одномъ изъ первыхъ экзаменовъ преосвященный Владиміръ замѣтилъ, какъ одинъ близорукій студентъ схватилъ билетъ не того разряда, какой ему былъ нуженъ, и сейчасъ же, еще не посмотрѣвъ и на цифру, перемѣнилъ его; это заинтересовало владыку и онъ сталъ было доискиваться причины, почему студенту билетъ не понравился, но его поспѣшили успокоить завѣреніями, что это бываетъ иногда такъ, просто изъ какого нибудь страха, ажитаціи, суевѣрія и т. п. Потомъ, для еще большаго облегченія отвѣтовъ студенты къ экзаменамъ стали составлять себѣ подробные конспекты, въ которыхъ вкратцѣ обозначалось почти все содержаніе каждаго отдѣла науки, такъ что отвѣчавшему по та-

кому конспекту оставался трудъ одной амплификаціи своего отвѣта. Конспекты этого рода имѣли приложеніе главнымъ образомъ при такихъ экзаменахъ, которые производились безъ билетовъ, по вопросамъ экзаменаторовъ. Вся наука уписывалась на нѣсколькихъ листахъ; эти листы раскладывались по переднимъ партамъ подъ надзоръ излюбленныхъ студентовъ, которые каждому спрошенному, когда онъ обращался отъ стола назадъ за конспектомъ, выдавали нужный ему листъ. Къ столу вызывали студентовъ всегда парами или тройками,— пока одинъ отвѣчалъ, прочіе должны были по конспекту обдумывать свой отвѣтъ и отлично успѣвали приготовить его по подробному конспекту даже совсѣмъ заново. Иногда впрочемъ подробные конспекты писались и на самыхъ билетахъ.

При ректорѣ Григоріи и особенно Парѳеніи полагаться на подобныя облегченія было все-таки не совсѣмъ надежно, и студенты готовились къ экзаменамъ серьезно, стараясь, хоть слегка, познакомиться на всякій случай съ цѣлыми системами наукъ. При ректорѣ Агаѳангелѣ, который, какъ было уже сказано, жалѣя студентовъ, самъ позволялъ себя немного обманывать, приготовленіе къ экзаменамъ стало много легче. „Разъ даже самъ онъ, расказывается въ Воспоминаніяхъ А. А. Виноградова (¹), помогалъ намъ (VI курсу) скрыть прорѣхи наши на экзаменѣ, производившемся въ присутствіи преосвященнаго Григорія по патрологіи. Экзаменъ этотъ былъ для насъ совершенною неожиданностію“. Онъ былъ объявленъ преосвященнымъ раньше срока, положеннаго въ расписаніи, и въ тоже утро, не болѣе, какъ за часъ до пріѣзда самого владыки, такъ что студентамъ некогда было приготовить и подробнаго конспекта. „Но вскорѣ мы нашлись. И. М. Добротворскій первый подалъ мысль не писать одного общаго конспекта, а писать его на билетахъ, каждому студенту билетъ отдѣльно, а ректору сказать, что одного общаго конспекта написать не было возможности. Въ тоже время послали за преподавателемъ патрологіи М. М. Зефировымъ. Узнавши, что по патрологіи мы не готовились, М. М. Зефировъ сказался больнымъ. Такимъ образомъ экзаменовать пришлось самому ректору. Экзаменъ сошелъ блистательно. Дѣло въ томъ, что конспекты на билетахъ успѣли написать самые

(¹) Ирк. епарх. Вѣд. 1890 г. № 5, стр. 2—3.

подробные", и по нимъ готовиться къ отвѣтамъ, при тѣхъ знаніяхъ, какія студенты имѣли по патрологіи, было очень легко у самаго стола. „Трудно было отвѣчать только первому студенту, почти безъ предварительнаго просмотра конспекта. Но И. М. Добротворскій, обладавшій громадной памятью, выручилъ, а дальше пошло, какъ по маслу. Ректоръ, взявши билетъ у отвѣчавшаго студента, самъ иногда подсказывалъ по нему и поправлялъ отвѣты студента. Преосвященный Григорій остался вполнѣ доволенъ такими отвѣтами, велѣлъ поблагодарить Михаила Михаиловича за хорошія знанія студентовъ по патрологіи, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что экзаменъ былъ неожиданный; выразилъ при этомъ сожалѣніе о томъ, что самъ о. Михаилъ захворалъ. Когда студенты по окончаніи экзаменовъ поспѣшили возвѣстить М. М. Зефирову, что экзаменъ по патрологіи сошелъ отлично, что преосвященный Григорій велѣлъ объявить ему благодарность, Михаилъ Михаиловичъ сначала изумился, но потомъ, узнавши о нашей продѣлкѣ, разсмѣялся и сказалъ: „Ну, молодцы, ребята, выручили! Спасибо вамъ, а не мнѣ". Въ этомъ разсказѣ всѣ взаимныя отношенія и экзаменаторовъ, и студентовъ, и наставниковъ обрисовываются такъ выразительно, что не требуется, кажется, никакихъ комментаріевъ. Ректоръ Агаѳангелъ и на своихъ собственныхъ экзаменахъ относился къ фокусамъ студентовъ съ самой деликатной невнимательностію, вставая напр. изъ-за стола и смотря въ окно каждый разъ, какъ при перемѣнѣ предмета экзамена на столѣ раскладывались новые билеты.

Виртуозность студентовъ при немъ начала развиваться до высшей своей степени. Явились попытки довести систему мѣченыхъ билетовъ до того, чтобы каждый студентъ могъ готовиться и отвѣчать только по одному опредѣленному билету. Выполненіе этой задачи началось съ увеличенія разрядовъ, на которые дѣлились билеты,—гладкіе, съ печатками—цѣльными и половинными, сквозные, съ гладкими и шероховатыми краями отъ способа ихъ разрѣза, съ шероховатыми по одному краю, по два и т. д. Изобрѣтательность учившагося тогда въ академіи VII курса на этомъ, кажется, и остановилась. Слѣдующій VIII курсъ пошелъ далѣе: кромѣ раздѣленія билетовъ на разряды, студенты этого курса обратили вниманіе на самую ихъ раскладку на столѣ. Тѣ случайные и небрежные зигзаги, въ какихъ билеты раскидывались по

столу, положено было производить искусственно, по заранѣе составленному рисунку, на которомъ каждый билетъ занималъ бы въ томъ или въ другомъ колѣнѣ этихъ зигзаговъ вполнѣ точное и счетомъ опредѣленное мѣсто. Предъ каждымъ экзаменомъ студенты производили для этого тщательную репетицію, на которой избранный по проворству рукъ студентъ, поставленный подъ страшную отвѣтственность предъ цѣлымъ курсомъ, учился раскладывать билеты, а всѣ другіе присматривались къ его манипуляціямъ и замѣчали, какъ ложатся ихъ билеты. На экзаменахъ махинація эта производилась всегда артистически; избранный студентъ выходилъ съ билетами, даже тасуя ихъ по дорогѣ заранѣе подобранными партіями, потомъ съ видимой небрежностью выкидывалъ ихъ на столъ и быстро разводилъ однимъ движеніемъ руки какъ бы въ случайные зигзаги подъ зоркимъ наблюденіемъ всѣхъ студенческихъ глазъ,—каждый билетъ оказывался на своемъ мѣстѣ по предначертанной таблицѣ. Отвѣты конечно были превосходные. Ректоръ Іоаннъ скоро понялъ эту хитрость, но, оцѣнивая студентовъ на экзаменѣ вовсе не по тому, что̀ они говорили изъ заученнаго по книжкамъ, нисколько не мѣшалъ ихъ искусству, а на экзаменахъ при преосвященномъ Аѳанасіи даже потворствовалъ, самъ поправлялъ билеты, выбившіеся на сторону, или, взявъ какой нибудь билетъ, чтобы посмотрѣть на него, нѣсколько времени вертѣлъ его въ рукахъ, къ великому смущенію его хозяина, потомъ, зорко посмотрѣвъ на студентовъ продолжительнымъ взглядомъ, съ полной серьезностью укладывалъ этотъ билетъ на старое мѣсто и въ томъ же положеніи, какъ онъ лежалъ. Продѣлки студентовъ по находчивости и чистотѣ работы ему, кажется, даже нравились и увеселяли его. Въ случаѣ несчастнаго захвата чужаго билета студентъ не долженъ былъ отвѣчать по нему, а читать все-таки свой собственный билетъ, чтобы не спутать другихъ; но къ такой подмѣнѣ содержанія билетовъ почти никому и не приходилось прибѣгать, потому что въ отысканіи своего билета не было никакого затрудненія даже для самыхъ близорукихъ людей.

Мы уже разсказывали, какъ ректоръ Иннокентій въ 1864 г. разомъ разрушилъ всю эту механику, отмѣнивъ на экзаменѣ не только билеты, но и конспекты, и притомъ, къ общему замѣшательству студентовъ, передъ самыми выпускными экзаменами и передъ ревизіей преосвященнаго Аѳана-

сія. Озадаченное юношество спасъ извѣстный взглядъ преосвященнаго Аѳанасія на экзамены, какъ на испытаніе не однихъ студентовъ, но и наставниковъ. Не желая нажить непріятностей, послѣдніе встали за студентовъ и согласились на ихъ просьбы предупредить ихъ заранѣе, о чемъ ихъ будутъ спрашивать на своихъ экзаменахъ. Дѣло пошло опять, какъ по маслу, и кончилось бы совсѣмъ благополучно, если бы преосвященный не увидалъ случайно въ рукахъ одного баккалавра списка, гдѣ предъ фамиліей каждаго студента былъ заранѣе намѣченъ предметъ его отвѣта. Но и это коекакъ умялось, особенно когда студенты на вопросы самого преосвященнаго отвѣчали еще лучше, чѣмъ по подготовленнымъ вопросамъ, потому что они все-таки успѣли кое-что приготовить къ экзамену, да и наука попалась чисто теоретическая, допускавшая, какія угодно, импровизаціи. Весной 1865 г. ректоръ Иннокентій провелъ чрезъ конференцію (журн. 25 мая) особое распоряженіе о производствѣ экзаменовъ: „1) Каждый студентъ долженъ подвергаться испытаніямъ по каждой наукѣ и долженъ быть испытываемъ, не ограничиваясь однимъ билетомъ, а по вопросамъ изъ цѣлой науки; 2) испытаніе производитъ наставникъ въ присутствіи депутата изъ членовъ конференціи и подъ наблюденіемъ ректора,— вопросы могутъ предлагать и всѣ присутствующіе; 3) отмѣтки ставятъ экзаменаторы отдѣльно, каждый самъ по себѣ, а послѣ экзамена изъ нихъ выводится общій баллъ и вносится въ экзаменаціонный списокъ, подписуемый всѣми экзаменаторами; 4) для сокращенія времени испытаній дозволено производить ихъ заразъ въ нѣсколько рукъ, въ нѣсколькихъ испытательныхъ коммиссіяхъ; 5) для облегченія студентовъ въ занятіяхъ программы лекцій выдавать имъ въ началѣ учебнаго года чрезъ правленіе, которое предварительно разсмотритъ ихъ и утвердитъ“. Распоряженіе это выполнялось не вполнѣ, но все-таки сильно измѣнило характеръ академическихъ экзаменовъ. Достоинство экзаменическихъ отвѣтовъ замѣтно понизилось; они потеряли свою прежнюю блестящую форму монологовъ или импровизованныхъ лекцій, а обратились въ простую бесѣду наставника съ студентомъ, часто довольно вялую изъ мелкихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Механика съ билетами уничтожилась и болѣе не возстановлялась ни разу; но студенты все-таки находили возможность облегчать себя посредствомъ подробныхъ конспектовъ, производ-

ствомъ которыхъ усердно занимались предъ каждымъ экзаменомъ. Вполнѣ добросовѣстные экзамены сдѣлались возможными только послѣ преобразованія академіи, когда академическій курсъ нѣсколько специализировался по отдѣленіемъ и студенты, расписавшись на эти отдѣленія, облегчились отъ прежней крайней многопредметности своихъ занятій.

Кромѣ устныхъ отвѣтовъ, при каждыхъ, и зимнихъ и лѣтнихъ экзаменахъ отъ студентовъ требовались еще отвѣты письменные, на которые начальство обращало особенное вниманіе; въ расписаніяхъ экзаменовъ для нихъ назначались особые дни. Вопросы давались ректоромъ или самимъ преосвященнымъ, если онъ ревизовалъ академію, и объявлялись уже послѣ того, какъ студенты съ письменными принадлежностями всѣ собирались въ аудиторію, гдѣ должны были писать свои отвѣты; писать они должны были подъ наблюденіемъ кого нибудь изъ наставниковъ, не выходя изъ аудиторіи, въ теченіе одного утра. Въ первые курсы каждое отдѣленіе писало по два такихъ экзаменскихъ сочиненія,—одно на русскомъ, другое на латинскомъ языкѣ. При ректорѣ Іоаннѣ латинскія сочиненія замѣнены русскими, а съ 1860 г., вмѣсто двухъ сочиненій, стали назначать всего по одному. Темы для такихъ сочиненій давались не обширныя по содержанію, но какія нибудь замысловатыя для испытанія сообразительности и догадливости авторовъ. Рецензенты назначались изъ наставниковъ по выбору ректора; рецензіи свои должны были представлять по возможности скорѣе, къ тому времени, когда начальство станетъ обсуждать результаты произведенныхъ экзаменовъ. Въ началѣ 1847 г. за продолжительное непредставленіе отзывовъ о сочиненіяхъ, писанныхъ студентами на рождественскихъ экзаменахъ, молодой баккалавръ Бобровниковъ подвергся строгому внушенію правленія, не принявшаго въ этомъ случаѣ никакихъ отъ него оправданій, хотя онъ дѣйствительно былъ въ то время сильно занятъ своимъ монгольскихъ языкомъ (¹).

Предъ лѣтними каникулами послѣ обыкновенныхъ экзаменовъ каждый годъ производился еще публичный экзаменъ, причислявшійся къ дѣйствіямъ академической конференціи и производившійся въ присутствіи посторонней публики и „знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ“. Въ первое время

(¹) Д. внутр. правл. 1846 г. № 51.

публичные экзамены обставлялись такъ же торжественно, какъ академическіе акты 8 ноября. Для нихъ печатались особыя программы съ обозначеніемъ матерій, о которыхъ будутъ спрошены студенты, изъ болѣе занимательныхъ и обработанныхъ отдѣловъ всѣхъ наукъ. По каждой наукѣ вызывалось по 3, 2 и 1 студентовъ, заранѣе предувѣдомленныхъ, о чемъ ихъ спросятъ, и надлежаще приготовившихся. Испытаніе сопровождалось пѣніемъ академическаго хора въ началѣ, въ концѣ и въ антрактахъ между отвѣтами, а въ 1840-хъ годахъ еще чтеніемъ лучшихъ студенческихъ сочиненій, иногда въ очень большомъ количествѣ; напр. на экзаменъ 1844 г. назначено было прочитать 8 сочиненій, въ 1848 и въ 1850 гг.— по четыре,—на самомъ дѣлѣ однако читались не всѣ сочиненія, чтобы не затянуть экзамена далѣе предѣловъ человѣческаго терпѣнія. Въ 1851 г. въ первый разъ на экзаменѣ ничего не читали и съ этого времени обычай знакомить публику съ студенческими сочиненіями совсѣмъ уничтожился. Да и самые экзамены съ этого времени начали терять свою прежнюю торжественность. Въ началѣ своего ректорства архимандритъ Іоаннъ сдѣлалъ двѣ серьезныхъ попытки снова поднять ихъ. Въ 1857 и 1858 годахъ мѣстомъ ихъ производства назначалась академическая церковь, преобразовывавшаяся для этого въ залу посредствомъ закрытія иконостаса полотномъ; статьи для отвѣтовъ назначались по возможности все такія, которыя касались живыхъ вопросовъ, и даже нарочно приготовлялись для этого нѣкоторыми наставниками, напр. Щаповымъ и о. Хрисанѳомъ. Но потомъ ректоръ охладѣлъ къ этимъ экзаменамъ, находя ихъ недостойной серьезнаго заведенія комедіей; да и отличаться на нихъ было не передъ кѣмъ, — постоянными посѣтителями ихъ были, кромѣ преосвященнаго, все люди свои, члены конференціи, профессоры, баккалавры да кое-кто изъ семинарской корпораціи. Экзамены все-таки аккуратно назначались по уставу каждый годъ, но годъ отъ году становились все скучнѣе и казеннѣе. Видно было, что они уже отжили свой вѣкъ. Въ 1867 г. публичнаго экзамена не было; въ 1868 г. былъ назначенъ, но отмѣненъ преосвященнымъ, а въ 1869 и 1870 гг. вовсе уже не назначался.

По окончаніи внутреннихъ испытаній ректоръ обыкновенно самъ составлялъ общій разрядный списокъ студентовъ и вносилъ его на разсмотрѣніе въ правленіе. Въ первый годъ

курса послѣ рождественскихъ или лѣтнихъ экзаменовъ рѣшалась между прочимъ участь студентовъ, принятыхъ въ академію въ числѣ сомнительныхъ; теперь ихъ или принимали въ число дѣйствительныхъ, штатныхъ студентовъ, или увольняли изъ академіи. Болѣе сложной процедурой сопровождалось опредѣленіе результатовъ курсовыхъ испытаній, когда младшихъ студентовъ переводили въ старшее отдѣленіе, а старшихъ выпускали изъ академіи. Дѣла эти подлежали уже не правленію, а конференціи. Для перевода студентовъ изъ одного отдѣленія въ другое принимались во вниманіе ихъ отмѣтки на наставническихъ и экзаменскихъ спискахъ за два года, затѣмъ баллы на ихъ мѣсячныхъ сочиненіяхъ, отмѣтки инспекторскаго списка о поведеніи и наконецъ общая репутація каждаго студента, какая составилась относительно него въ теченіе курса по разнымъ даннымъ, преимущественно по его письменнымъ работамъ. Эта общая репутація, принимавшая въ разсчетъ главнымъ образомъ талантливость и научныя склонности студента, имѣла очень большое значеніе въ старой академіи. При извѣстномъ уже намъ взглядѣ на академическое образованіе и на его требованія, она дозволяла рѣшителямъ судьбы академическаго воспитанника покрывать снисхожденіемъ многія школьныя опущенія и недочеты въ его фактическихъ знаніяхъ, если онъ былъ только дѣйствительно талантливъ и надеженъ для ученой службы, и давала возможность выдвигать такихъ людей впередъ передъ всякой, хотя бы и трудолюбивой и во всемъ исправной, посредственностью, получавшей по всѣмъ спискамъ хорошіе баллы. На основаніи всѣхъ указанныхъ данныхъ составлялся разрядный списокъ младшихъ студентовъ и они объявлялись переведенными въ слѣдующее отдѣленіе. Оставленіе студента въ томъ же курсѣ почти вовсе не практиковалось. Не удовлетворявшіе академическимъ требованіямъ прямо увольнялись изъ академіи. Въ 1844 г. въ томъ же младшемъ отдѣленіи былъ оставленъ студ. Солнышкинъ, но онъ учился въ I курсѣ только приватно, а послѣ этого включенъ былъ въ число штатныхъ студентовъ. Въ 1868 г. за неудовлетворительную сдачу экзаменовъ положено было оставить въ младшемъ отдѣленіи студентовъ XIII к. И. Юрьева, П. Непарокова и Б. Гатіева; но они подали въ конференцію прошеніе о дозволеніи слушать лекціи всетаки на старшемъ отдѣленіи, — изъ нихъ Б. Гатіевъ, осетинъ и пансіонеръ общества возстановленія христіанства на Кав-

казѣ, доложилъ съ своей стороны, что ему трудно было изучать въ академіи языки да и присланъ онъ былъ въ академію собственно для изученія русскаго языка и богословскихъ наукъ, чтобы сдѣлаться потомъ дѣятелемъ по распространенію христіанства въ Осетіи. Конференція дозволила имъ всѣмъ перейти на старшее отдѣленіе, но съ условіемъ содержаться на свой счетъ и, если пожелаютъ при окончаніи курса получить ученую степень, сдать при окончательномъ экзаменѣ еще новый особый экзаменъ по предметамъ младшаго отдѣленія (1).

Дѣло выпуска студентовъ по окончаніи курса было гораздо сложнѣе. Кромѣ указанныхъ данныхъ для оцѣнки студентовъ, отъ выпускныхъ студентовъ, выходившихъ изъ академіи съ учеными степенями, требовалось представленіе ученаго сочиненія на степень. Сочиненія эти, извѣстныя подъ названіемъ курсовыхъ, считались самой важной работой студентовъ, на которую обращалось особенное вниманіе и академическаго и высшаго начальства. Неудачно написанное сочиненіе могло погубить всѣ плоды четырехлѣтнихъ занятій студента и наоборотъ чрезъ выдающееся по достоинствамъ сочиненіе авторъ могъ очень многое выиграть при нѣкоторыхъ даже недочетахъ въ удовлетвореніи другимъ академическимъ требованіямъ.

Темы для курсовыхъ сочиненій давались въ самомъ началѣ послѣдняго учебнаго года. Ихъ назначали наставники, каждый по своему предмету, и представляли чрезъ ректора на утвержденіе правленія, а послѣднее объявляло ихъ студентамъ. Здѣсь можно указать на одинъ предусмотрительный докладъ правленію ректора Григорія по случаю назначенія темъ для курсовыхъ сочиненій I курсу (отъ 12 авг. 1845 г.); въ докладѣ этомъ высказаны были всѣ главныя требованія отъ этихъ темъ и, что̀ особенно замѣчательно, предусмотрѣна возможность даже такого явленія, что иной наставникъ, или по увлеченію своей наукой, или по своей непрактичности, а то даже по разнымъ личнымъ своимъ соображеніямъ, могъ дать студентамъ темы слишкомъ трудныя, неудобныя по наличнымъ ученымъ матеріаламъ въ академіи, стѣснительныя и вообще неподходящія для студентовъ. Ректоръ писалъ, что, читая мѣсячныя сочиненія студентовъ, онъ замѣтилъ, что студенты не всѣ одинаковыхъ дарованій и не на всѣ дававшіяся имъ темы способны были писать, а потому предлагалъ —для

(1) Д. конфер. 1868 г. № 5.

того, чтобы дать имъ возможность писать о предметахъ доступнѣйшихъ для каждаго изъ нихъ, потребовать отъ наставниковъ темъ разныхъ, нарочито приспособленныхъ къ означенной цѣли, т. е. чтобы между ними могли найти подходящія для себя темы студенты и неблестящихъ дарованій, и наблюдать, чтобы и сами студенты дѣлали свой выборъ между этими темами осмотрительно, дабы недовольно твердые въ познаніяхъ и въ способѣ соображенія упражняемы были въ сочиненіяхъ меньшаго пространства и менѣе трудныхъ. Первому курсу темы давались всѣми наставниками, кромѣ преподавателей языковъ; преподаватели свѣтскихъ предметовъ при дачѣ темъ старались только, чтобы послѣднія имѣли какое нибудь соприкосновеніе съ религіозными идеями (1); студенты впрочемъ всѣ выбрали темы богословскія. Всѣ темы были отвлеченнаго характера; только темъ 6 имѣли нѣсколько историческій оттѣнокъ, да одна была по изученію буддизма (2).

(1) Д. 1845 г. № 53.

(2) Перечисляемъ эти первыя ученыя работы студентовъ академіи: 1) О высокомъ достоинствѣ Богоматери и о значеніи Ея въ царствѣ благодати,—А. Владимірскаго; 2) О вселенскихъ соборахъ вообще,—Н. Ильминскаго; 3) О характерѣ первоначальной проповѣди христіанства въ Россіи и вліяніи оной на общество гражданское,—И. Гвоздева; 4) О различіи между христіанскимъ и буддійскимъ ученіемъ о любви къ ближнимъ, —А. Бобровникова; 5) Взглядъ на книги житій святыхъ, какъ на источникъ вѣроученія и училище благочестія,—Е. Ляпустина; 6) Очеркъ божественнаго плана воспитанія человѣчества къ принятію Спасителя,—А. Пиксанова; 7) О необходимости вочеловѣченія І. Христа,—Е. Соколова; 8) О различіи дѣйствій Св. Духа въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ,—А. Кроткова; 9) Объ уединеніи, какъ средствѣ къ духовному совершенству, — И. Златообрѣзова; 10) О томъ, что бѣдственное состояніе іудеевъ есть доказательство гнѣва Божія за отверженіе Мессіи,—П. Котлецова; 11) О важности писаній отцевъ церкви,—И. Дмитревскаго; 12) О св. столпникахъ,—А. Граціанова; 13) О началѣ для толкованія слова Божія,—Ѳ. Ѳаворскаго; 14) Опытъ введенія въ исторію новозавѣтной церкви,—Д. Аретинскаго; 15) О св. мученикахъ,—И. Феликсова; 16) О значеніи Іоанна Крестителя въ царствѣ благодати,—М. Емельянова; 17) Ученіе Библіи и церкви о человѣкѣ,—Д. Погодина; 18) Объ ангелахъ, какъ споспѣшникахъ союза человѣка съ Богомъ,—Ф. Зубарева; 19) О значеніи апостоловъ въ царствѣ благодати,— Е. Кошлакова; 20) Ученіе православной церкви о Дѣвѣ Маріи,—И. Дьячкова; 21) О божественности закона Моисея,— Т. Соколова; 22) О значеніи пастырей въ церкви христіанской,—Т. Чемоданова; 23) О качествахъ церковнаго витіи,—К. Данилова; 24) О необходимо-

Такъ же точно давались темы для курсовыхъ сочиненій и въ послѣдующіе курсы до ректорства Іоанна. По содержанію онѣ относились преимущественно къ догматикѣ, нравственному богословію, св. Писанію и литургикѣ. Особенно неистощимъ былъ въ нравственныхъ и литургическихъ темахъ о. Паисій Пылаевъ. Мистико-аскетическое направленіе этихъ темъ заставляло ректора нѣкоторыя изъ нихъ даже браковать. Напр. въ 1851 г. ректоръ зачеркнулъ его тему объ осьми умныхъ видѣніяхъ. Среди разныхъ отвлеченныхъ и большею частію избитыхъ уже темъ о самоиспытаніи, объ истинно-христіанской жизни, о помыслахъ, о средствахъ къ преуспѣянію въ нравственномъ совершенствѣ, объ обязанностяхъ христіанина къ Богу и т. п. болѣе живымъ и научнымъ направленіемъ отличались только нѣкоторыя темы патрологическаго содержанія и по миссіонерскимъ предметамъ. Скудость интересныхъ и фактическихъ темъ заставляла нѣкоторыхъ студентовъ, занимавшихся естественными науками, избирать темы близкія къ этимъ послѣднимъ, напр. Опытъ изслѣдованія о библейскихъ растеніяхъ (Гремяченскій) и Библейская Зоологія (Малаховъ III курса). Темы по миссіонерскимъ предметамъ поощрялъ преосвященный Григорій и даже самъ назначалъ ихъ, жертвуя за лучшія по нимъ сочиненія небольшія преміи изъ своихъ собственныхъ денегъ.

Въ 1849 г., когда нужно было давать темы для курсовыхъ сочиненій III курсу, онъ предложилъ отъ себя слѣдующія задачи для курсовыхъ работъ на преміи: 1) Извлечь изъ Алкорана Магометовъ взглядъ на религію, показавъ напередъ, какъ онъ могъ дойти до такого взгляда и какими источниками пользовался; 2) Какимъ образомъ магометанство защищаетъ себя отъ христіанства? при семъ сличить ихъ главныя идеи, показывая ихъ сходство и различіе, а особли-

сти и благотворности исповѣди въ таинствѣ покаянія,—П. Политова; 25) О томъ, что І. Христосъ и Духъ Св. неотступно пребываютъ въ церкви,—П. Орнатскаго; 26) О томъ, что І. Христосъ выполнилъ всѣ условія возстановленія человѣка,—И. Евсхизова; 27) О невозможности падшему человѣку возстановить самого себя,—К. Спасскаго; 28) Исторія иконоборства,—М. Ушенскаго; 29) Ученіе церкви о загробной жизни,—М. Бобровскаго; 30) О значеніи пророковъ,—И. Покровскаго-Каменскаго; 30) О вліяніи христіанской религіи на жизнь ея послѣдователей,—И. Грекова, умершаго вскорѣ по окончаніи курса.

во указывая всѣ намеки Магомета противъ христіанства; 3) Опредѣлить методу христіанской полемики противъ татаръ-магометанъ, которая должна быть отнюдь не оскорбительная и раздражающая, но постоянно твердая, спокойная, основательная и миролюбивая; 4) Какъ основательно дѣйствовать на язычниковъ Казанской епархіи, чтобы обратить ихъ въ христіанство? Преміи объявлены въ 30 р. и на всѣ выдано владыкой 120 р. Кандидатовъ на нихъ явилось 7 человѣкъ: на первую тему Н. Разумовъ, на вторую В. Петровъ, на третью Е. Виноградовъ, на четвертую священникъ І. Инфантьевъ; А. Леопольдовъ написалъ достойное преміи сочиненіе: Изложеніе магометанства по ученію ханифитовъ, содержимому казанскими татарами, да два студента писали на темы по пастырскому богословію, рекомендованныя преосвященнымъ же,—М. Зефировъ О духовномъ пѣстунствѣ пастыря и И. Акимовъ Объ обязанностяхъ духовника. Преосвященный распорядился выдать пять разныхъ премій по достоинству сочиненій: высшія Разумову и Зефирову, среднія Виноградову и Леопольдову и одну малую Петрову (¹). Въ 1851 г. онъ далъ еще 5 темъ съ преміями по 30 р. студентамъ IV курса: 1) Обсудить обстоятельно признаки истинно-божественной вѣры и затѣмъ показать, что такая вѣра есть православная, а не магометанская; 2) Обстоятельно обсудить истину неповрежденности книгъ Новаго Завѣта въ отношеніи къ магометанскому мнѣнію, что онѣ повреждены; 3) — книгъ Ветхаго Завѣта противъ магометанъ же; 4) Доказать, что чудеса Магомета ложны, а чудеса І. Христа истинны; 5) Обсудить основательно признаки божественной вѣры въ отношеніи къ вѣрамъ черемисской и чувашской. Дѣло объ этихъ преміяхъ рѣшено было уже въ 1854 г. (²). Полныя преміи были выданы только П. Раеву, писавшему на первую тему, и Н. Ильину—на вторую тему, да двоимъ студентамъ А. Филимонову (по второй темѣ) и Н. Іорданскому (по четвертой темѣ) выдано по 10 руб. Оставшіеся 70 рублей, по желанію владыки, пошли на преміи за лучшія мѣсячныя сочиненія студентовъ VI курса — И. Добротворскаго, А. Лилова, А. Щапова, А. Каллистова, П. Мышкина, Я. Рудольфова, В. Годяева и А. Виноградова.

(¹) Д. 1849 г. № 54.
(²) Д. 1851 г. № 41.

При ректорѣ Агаѳангелѣ темы по миссіонерскимъ предметамъ, особенно по расколу, сдѣлались преобладающими; темы по расколу ректоръ навязывалъ студентамъ даже немного насильно. Въ VI курсѣ явились при немъ замѣчательныя сочиненія: И. Добротворскаго объ Иргизскихъ монастыряхъ, А. Щапова Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія раскола, Я. Рудольфова О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ на многіе толки, всѣ три извѣстныя въ печати, затѣмъ оставшіяся въ рукописяхъ: В. Годяева О пѣніи въ русской церкви вообще и въ частности крюковомъ и линейномъ, А. Каллистова Сравнительное обозрѣніе древнихъ русскихъ типиковъ, на основаніи котораго напечатана потомъ статья ректора въ Собесѣдникѣ. Были хорошія сочиненія и по мусульманству. Развитіе историческаго направленія съ половины 1850-хъ годовъ было причиною того, что въ томъ же курсѣ явилось нѣсколько работъ по церковной исторіи. По русской церковной исторіи изъ нихъ слѣдуетъ указать на извѣстное сочиненіе А. Лилова: О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ отношеніи къ православной церкви въ концѣ XVI и началѣ XVII в. По общей церковной исторіи прекраснымъ руководителемъ студентовъ былъ о. Веніаминъ Благонравовъ, своимъ участіемъ къ ихъ трудамъ и обязательными указаніями источниковъ и пособій умѣвшій всегда пріохотить ихъ къ усердной разработкѣ своихъ темъ. Темы его относились больше къ исторіи православной восточной церкви, разработанной тогда еще очень слабо.

Ректоръ Іоаннъ далъ курсовымъ сочиненіямъ исключительно историческое направленіе. Въ VII курсѣ при немъ оставлено было еще нѣсколько Агаѳангеловскихъ темъ по обличенію раскола, но къ нимъ присоединено было множество новыхъ темъ по исторіи исправленія и печатанія книгъ въ древней Россіи, по обозрѣнію древне-русскихъ переводовъ и памятниковъ оригинальной письменности, по исторіи русскихъ ересей и т. д. По общей церковной исторіи темъ было немного: О заслугахъ монашества въ борьбѣ съ ересями въ IV—IX вѣкахъ (А. Верещагина), Покушенія папъ подчинить югославянскую церковь (А. Троянскаго), О мѣрахъ къ обращенію еретиковъ въ древнія времена церкви (И. Шишова)... Въ VIII курсѣ темы даны были самимъ ректоромъ и были

всѣ по русской церковной исторіи [1]. Въ слѣдующіе курсы стали даваться темы и по другимъ предметамъ, напр. въ 1863 г. студентамъ X курса были даны — 1 тема по догматикѣ, 2 по нравственному богословію, 4 по каноникѣ и литургикѣ, 5 по богословію обличительному; но число историческихъ темъ оставалось все-таки преобладающимъ,—по русской церковной исторіи было 8 темъ да 5 по изученію раскола. Такое преобладаніе историческихъ работъ въ 1866 г., при утвержденіи X курса въ степеняхъ, обратило на себя даже вниманіе Св. Синода: „Усматривая, говорилось въ его опредѣленіи отъ 8 сентября, изъ представленнаго казанскою академическою конференціею списка студентовъ X курса и изъ отзывовъ лицъ, разсматривавшихъ курсовыя сочиненія, что многія темы, на которыя писаны тѣ сочиненія, по своему предмету не соотвѣтствуютъ прямой цѣли назначаемыхъ ду-

(1) Вотъ сочиненія VIII курса: 1) Историческое обозрѣніе русскаго церковнаго права,—К. Мысовскаго; 2) Обозрѣніе постановленій по церковнымъ дѣламъ въ Россіи въ началѣ XVIII в.,—П. Знаменскаго; 3) Обзоръ русской церковной полемики противъ лютеранъ,—А. Никольскаго; 4) Исторія ересей въ Россіи въ XVI в.,—И. Емельянова; 5) Бытъ городскаго и сельскаго духовенства въ XVII—XVIII вв.,—Ѳ. Кибардина; 6) Характеръ богословскихъ системъ въ Россіи въ XVIII в.,—А. Кибардина; 7) Религіозно-нравственное состояніе русскаго народа въ XVII в.,—Ѳ. Гурьева; 8) О новѣйшемъ развитіи русскаго раскола,—И. Морошкина; 9) Русскіе проповѣдники XVIII в.,—В. Петровскаго; 10) О значеніи Кормчей въ древней Россіи,—Д. Охотина; 11) Обозрѣніе замѣчательныхъ сборниковъ Соловецкой библіотеки,—іерод. Е. Лещинскаго; 12) Мысль о кончинѣ міра въ XV в.,—К. Лаврова; 13) Обзоръ древне-русской полемики противъ католицизма,—Е. Шаврова; 14) Объ участіи русской церкви въ дѣлахъ восточной,—С. Никольскаго; 15) Объ управленіи церковныхъ вотчинъ въ древней Россіи,—И. Любимова; 16) Объ отреченныхъ книгахъ въ древней Россіи,—В. Рождественскаго; 17) Обзоръ древнихъ русскихъ путешествій ко св. мѣстамъ,—И. Тютюкова; 18) Разборъ иконописныхъ подлинниковъ и лицевыхъ святцевъ Соловецкой библіотеки,—Я. Лебединскаго; 19) О русскихъ проповѣдникахъ,—П. Никольскаго; 20) Обозрѣніе древнѣйшихъ служебниковъ академической библіотеки,—П. Соколова; 21) Замѣчательнѣйшіе миссіонеры въ Россіи съ Петра Великаго,—В. Пьянкова; 22) Исторія новѣйшихъ исповѣдниковъ церкви въ Россіи XVII и XVIII вв.,—Л. Парадизова; 23) О характерѣ древнихъ житій русскихъ святыхъ и ихъ историческомъ значеніи,—Ѳ. Ливанова; 24) О лицевыхъ изданіяхъ библейскихъ книгъ въ древней Россіи,—И. Ювенскаго; 25) О переводахъ св. Писанія на разные языки для народнаго употребленія,—И. Воскресенскаго.

ховнымъ воспитанникамъ для испытанія ихъ свѣдѣній собственно въ богословскихъ наукахъ сочиненій на ученую степень (каковы напр. предложенія о народныхъ началахъ въ русскомъ расколѣ, книжная мудрость древне-русскаго человѣка, древне-русскія понятія объ ангелахъ и святыхъ, какъ особенныхъ помощникахъ въ извѣстныхъ занятіяхъ, болѣзняхъ и др. случаяхъ жизни), и имѣя въ виду, что написанныя изъ такихъ темъ сочиненія не даютъ никакого понятія о богословскихъ познаніяхъ авторовъ и не могутъ служить основаніемъ къ оцѣнкѣ ученыхъ достоинствъ лица, ищущаго богословской степени, Св. Синодъ нашелъ необходимымъ обстоятельство это поставить на видъ конференціи казанской академіи съ тѣмъ, чтобы на будущее время при выборѣ и назначеніи предложеній для курсовыхъ сочиненій она дѣйствовала съ большею осмотрительностію" ([1]). Послѣ этого число темъ богословскаго характера увеличилось.

Къ числу особенностей Іоанновскаго времени при раздачѣ темъ относится то, что студенты вовсе лишены были права дѣлать между ними выборъ по своему вкусу. Ректоръ властною рукою назначалъ по темѣ каждому студенту; при этомъ, кромѣ темъ, представленныхъ ему наставниками, выдумывалъ много своихъ собственныхъ темъ, нерѣдко совсѣмъ невозможныхъ для обработки. Возраженій противъ нихъ не полагалось. Не зная исторіи, ректоръ часто и не подозрѣвалъ, чего стоитъ разработать иную данную имъ тему, напр. хоть такія темы, данныя VII курсу: Исторія печатанія книгъ въ Россіи въ XVI—XVII вв., О древне-русскихъ переводахъ св. отцевъ и о вліяніи ихъ на русскую письменность, Исторія славянскаго текста Библіи въ Россіи до книгопечатанія, или напр. темы VIII курсу: О значеніи Кормчей въ церковныхъ и гражданскихъ дѣлахъ въ древней Россіи, Обозрѣніе сборниковъ Соловецкой библіотеки и мн. др. Одинъ изъ студентовъ VIII курса П. Знаменскій долженъ былъ, по назначенію ректора, написать обзоръ всѣхъ русскихъ историковъ въ отношеніи къ русской церковной исторіи, и уже много наработалъ, какъ въ началѣ втораго полугодія, послѣ одной бесѣды съ ректоромъ, въ которой обозначилось, что предметъ этотъ очень обширенъ и по тогдашнему времени даже недовольно безопасенъ, такъ какъ автору нужно было разбирать разные ли-

([1]) Д. конфер. 1866 г. № 15.

беральные взгляды историковъ XVIII в. на церковь, тема эта была замѣнена другою: Обозрѣніе постановленій начала XVIII вѣка въ Россіи по церковнымъ дѣламъ, т. е. о всѣхъ церковныхъ реформахъ Петра Великаго. Въ теченіе послѣдняго полугодія студентъ написалъ и это, второе уже курсовое сочиненіе. Въ VII курсѣ былъ одинъ даже курьезный случай съ темой ректора. Студ. П. Залѣсскому была дана выдуманная ректоромъ тема — Обозрѣть тексты св. Писанія, на которыхъ утверждаютъ свое ученіе духоборцы. Студентъ этотъ былъ человѣкъ скрытный и упрямый; онъ молча и упорно проработалъ надъ этой темой цѣлый годъ, прекрасно изучилъ духоборцевъ и уже въ самое послѣднее время, когда сочиненіе нужно было подавать, вдругъ заявилъ ректору, что духоборцы никогда не утверждаются на св. Писаніи, употребляя его тексты только для выраженія своихъ собственныхъ мыслей, какъ мы употребляемъ напр. пословицы и чужія изреченія, и что тема слѣдовательно не годится сама по себѣ. Ректоръ долженъ былъ перемѣнить ее на другую, по мысли самого Залѣсскаго: Замѣтки о происхожденіи и характерѣ духоборцевъ, и дозволилъ оттянуть нѣсколько самый срокъ подачи этого сочиненія.

Писаніе курсовыхъ сочиненій было самой тяжелой работой для студентовъ и занимало у нихъ все время послѣдняго года курса. Въ работѣ этой принимало участіе и начальство, доставляя нужныя книжныя пособія и наблюдая за направленіемъ сочиненій, — это было дѣло весьма серьезное и оффиціальное, шло на воззрѣніе высшей власти. Въ первое время, при скудости академической библіотеки, правленіе для курсовыхъ работъ студентовъ цѣлыми партіями выписывало книги изъ разныхъ семинарскихъ библіотекъ своего округа (¹). Потомъ ко времени писанія этихъ сочиненій начали пріурочивать выписку и покупку новыхъ книгъ въ библіотеку, такъ что пополненіе библіотеки всегда много зависѣло отъ характера дававшихся для этихъ сочиненій темъ. Молодые авторы принимались за свои работы очень серьезно и старались разрабатывать свои темы со всевозможною спеціальностью, пытаясь исчерпать всѣ источники, до какихъ могли добраться. Конечно, всегда были и такіе студенты, которые, предполо-

(¹) Въ 1845 г. для I курса см. дѣло № 19, для II курса д. 1847 г. № 33 и т. д.

живъ удовлетвориться одною кандидатскою степенью, показывали мало охоты убиваться за своей работой и относились къ ней казеннымъ образомъ, но такихъ было не особенно много. Большею частію студентъ, даже и не стремившійся къ магистерству, начавъ работать надъ курсовымъ сочиненіемъ, живо втягивался въ эту работу, особенно съ половины 1850-хъ годовъ, когда стали даваться интересныя историческія и миссіонерскія темы.

Въ теченіе всего послѣдняго года студентъ обыкновенно весь былъ поглощенъ предметомъ своей диссертаціи, объ немъ только и думалъ, отыскивалъ новые источники и находилъ подходящіе для себя матеріалы повсюду, въ спорѣ товарищей, въ только лишь прочитанной статьѣ, хотя бы совсѣмъ о другомъ предметѣ, въ лекціи наставника и т. д. Выписки матеріаловъ съ каждымъ днемъ разрастались въ его рабочемъ ящикѣ. Въ это именно время находили себѣ широкое практическое приложеніе его прежнія занятія языками, особенно въ первые курсы до 1860-хъ годовъ, когда всѣ темы требовали иностранныхъ источниковъ. Были студенты, которые для своихъ диссертацій нарочно изучали доселѣ совершенно неизвѣстные имъ языки, напр. англійскій, для темъ по церковной исторіи востока — новогреческій, даже для нѣкоторыхъ темъ по русской исторіи — польскій (студ. VIII курса Емельяновъ). Послѣ собранія матеріаловъ начиналась новая работа ихъ группировки и писанія самой диссертаціи, работа еще болѣе трудная и притомъ всегда почти спѣшная. Затянувшись въ собираніе матеріала, студентъ проводилъ за этимъ дѣломъ чуть не весь свой срокъ, такъ что собственно на авторскій трудъ оставалось у него уже очень мало времени. Тутъ, обыкновенно въ великомъ постѣ, начинались для него усиленныя, дневныя и ночныя работы до истощенія всѣхъ силъ. За это короткое время напряженныхъ работъ немало молодыхъ людей совсѣмъ надрывали свои силы и выходили изъ академіи съ тяжкими болѣзнями. Доходило до того, что, заполучивъ сильный геморрой, студентъ, не имѣя возможности ни сидѣть, ни стоять, дописывалъ свое сочиненіе буквально на четверенькахъ.

Сочиненія писались очень обширныя. При видѣ иной магистерской работы нельзя не удивляться необычайной быстротѣ работы молодыхъ авторовъ и ихъ неутомимому трудолюбію, которое одно уже само по себѣ, кажется, стоило воз-

награжденія ученою степенью; по выходѣ изъ академіи вѣроятно ни одинъ изъ нихъ уже не въ силахъ былъ работать такъ усердно и такъ быстро. На обширныя диссертаціи съ перваго же курса образовалась какая-то своего рода мода. Написавъ свои диссертаціи, студенты этого курса въ шутку отправлялись съ ними на кухню, гдѣ висѣли казенныя вѣсы, чтобы узнать, достаточно ли ихъ труды вѣски для степени магистра или кандидата. Диссертаціи этого курса впрочемъ все-таки были еще не такъ велики сравнительно съ диссертаціями послѣдующихъ курсовъ, самыя большія 50—60 листовъ. Въ слѣдующіе курсы, по мѣрѣ умноженія содержательныхъ темъ, объемъ диссертацій все возрасталъ; какъ только попадалась тема, требовавшая фактической и сложной работы, тетрадь диссертаціи дорастала до 100 и болѣе листовъ. Диссертація Гремяченскаго во II к. заключала 158 листовъ, сочиненіе Н. Каменскаго (О древнихъ литургіяхъ востока) — 233 лл., въ III к. диссертація В. Благонравова (Исторія монашества отъ I до VII в.) — 265 лл., И. Малахова (Библейская зоологія) — 307 лл., 10 другихъ диссертацій этого же курса — до 180, до 150 и вообще свыше 100 листовъ. Въ 1854 г., какъ было упомянуто, преосвященный Григорій и ректоръ Агаѳангелъ, возставъ противъ такого многописанія, опредѣлили таксу для всѣхъ письменныхъ работъ; диссертаціи на степени велѣно было писать не свыше 10 листовъ. Но это распоряженіе оказалось невыполнимымъ, — начальство очевидно хватило черезъ край и назначило уже слишкомъ узкія рамки для обнаруженія учености академическихъ авторовъ. Въ слѣдующемъ же за этимъ распоряженіемъ VI курсѣ не было ни одного сочиненія, которое не превышало бы своимъ размѣромъ назначенное число листовъ по крайней мѣрѣ вдвое, а лучшія сочиненія корифеевъ курса,— Добротворскаго, Лилова, Щапова, Годяева и др. заходили далеко за 100 листовъ (Щапова даже 283 л.). Только въ половинѣ 1860-хъ годовъ встрѣчаемъ нѣсколько довольно тощихъ сочиненій, но это было время общаго пониженія уровня академическаго образованія, продолжавшееся, какъ мы знаемъ, въ теченіе всего около двухъ курсовъ.

Срокомъ подачи сочиненій было большею частію начало мая. Но, втянувшись въ работу, которая росла съ каждымъ днемъ, нѣкоторые студенты, случалось, пропускали назначенные сроки. Въ 1854 г., при окончаніи V курса, сочиненія

велѣно было подать еще въ апрѣлѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ не были представлены и въ началѣ іюля; „не желая, какъ писалъ по этому случаю ректоръ Агаѳангелъ въ представленіи конференціи, причинить какого либо ущерба счастію молодыхъ людей“, онъ вынужденъ былъ назначить другой, поздній срокъ для подачи запоздалыхъ сочиненій, — 31 іюля. Не подавшихъ было 9 человѣкъ изъ лучшихъ студентовъ, между которыми 7 были несомнѣнными претендентами на магистерство. Одинъ изъ нихъ В. Царевскій пропустилъ даже и этотъ послѣдній срокъ и подалъ сочиненіе уже въ 1856 г. по особому требованію Св. Синода и конференціи. Получивъ его сочиненіе (О загробной жизни до втораго пришествія Христова), конференція въ іюлѣ 1856 г. отдала его на разсмотрѣніе члену своему свіяжскому архимандриту Мартирію. Но за одной оттяжкой послѣдовала и другая: архим. Мартирій забылъ про это сочиненіе, что оно находится у него на рукахъ. Авторъ шестой уже годъ служилъ смотрителемъ чистопольскаго духовнаго училища, а о сочиненіи его не было ни слуху, ни духу; наконецъ онъ какъ-то при случаѣ самъ напомнилъ архим. Мартирію, что по его милости до сихъ поръ еще остается безъ степени. О. Мартирій спохватился и весной 1861 г. представилъ наконецъ въ конференцію отзывъ о сочиненіи, признавъ автора достойнымъ степени магистра; въ объясненіе своего замедленія онъ писалъ, что, зная изъ предписанія конференціи, присланнаго вмѣстѣ съ сочиненіемъ, что авторъ предназначается къ степени кандидата съ правомъ получить степень магистра по прослуженіи 2 лѣтъ на училищной службѣ, онъ думалъ, что онъ эту степень уже получилъ, а сочиненіе прислано на разсмотрѣніе въ томъ только предположеніи, не окажется ли оно годнымъ для напечатанія (объясненіе это было придумано имъ самимъ, потому что въ бумагѣ конференціи было ясно сказано, за чѣмъ ему послано сочиненіе), а потому и не спѣшилъ его читать, а потомъ былъ сильно занятъ дѣлами по монастырю, кромѣ того — и самое сочиненіе, по своей обширности и по множеству необходимыхъ для рецензіи справокъ, требовало длинной работы, такъ что нельзя было представить его скоро и послѣ уясненія настоящаго положенія дѣла въ бесѣдѣ съ авторомъ. Конференція поспѣшила очистить это дѣло поскорѣе. Утвержденіе автора въ степени магистра пришло изъ Св. Синода уже отъ 4 сентября 1861 г. Это былъ впрочемъ единствен-

ный примѣръ такого продолжительнаго замедленія дѣла объ ученой степени; другихъ такихъ затяжекъ не встрѣчаемъ за все описываемое время.

Студентамъ и самимъ было не выгодно опаздывать съ своими сочиненіями. Кромѣ того, что они оттягивали этимъ назначеніе имъ классныхъ окладовъ по степенямъ, въ случаѣ скораго перехода на свѣтскую службу раньше опредѣленія объ ихъ степеняхъ они рисковали и вовсе остаться безъ ученой степени съ правами только семинарскихъ студентовъ. Въ 1858 г. студенты VII к. всѣ представили сочиненія въ срокъ — 15 мая, что̀ даже удивило ректора Іоанна, и онъ почелъ нужнымъ поблагодарить ихъ за исправность и послушаніе письменно на журналѣ. Такъ же въ срокъ, за немногими исключеніями, подавались сочиненія и слѣдующими курсами до XI-го (1866 г.). Этотъ курсъ затянулъ подачу сочиненій до того, что изъ Св. Синода три раза были напоминанія объ ускореніи дѣла. 3 декабря, какъ узнаемъ изъ представленнаго Св. Синоду объясненія правленія, получено было еще только 8 отзывовъ о поданныхъ сочиненіяхъ (вмѣсто 19); послѣдніе отзывы получены были уже въ январѣ 1867 г.; отъ того конференція о присужденіи степеней этому курсу была позднѣе всѣхъ подобныхъ конференцій,— 17 января 1867 г. Получивъ послѣдній указъ Св. Синода отъ 26 января о принятіи мѣръ къ предотвращенію замедленій въ подобныхъ дѣлахъ, преосвященный Антоній распорядился, чтобы впредь всѣ сочиненія прочитывались и возвращались въ конференцію съ рецензіями не позднѣе 1 сентября. Правленіе съ своей стороны отъ 7 февраля опредѣлило: 1) темы для курсовыхъ сочиненій давать по окончаніи публичнаго испытанія еще до ваката; 2) обязать студентовъ подавать сочиненія не позднѣе 1 мая; 3) наставникамъ же оканчивать ихъ чтеніе не позднѣе 1 августа [1]. Но эти опредѣленія, какъ увидимъ, въ слѣдующемъ же году, при выпускѣ XII курса, были парализованы въ своей силѣ новыми распоряженіями начальства, а съ выпуска XIII курса въ 1870 г. настали уже другія времена и совсѣмъ другіе порядки.

На первоначальную рецензію курсовыя сочиненія раздавались наставникамъ академіи по назначенію ректора. Такъ какъ сочиненія первыхъ курсовъ писались всего по 3—4 нау-

[1] Д. конфер. 1866 г. № 7.

камъ и читать ихъ наставникамъ однихъ этихъ наукъ было бы обременительно да за краткостью срока для рецензій даже и невозможно, то ихъ распредѣляли обыкновенно между всѣми наставниками, не обращая вниманія на то, кто давалъ тему и руководилъ работой того или другаго автора, просто только по счету, съ наблюденіемъ равномѣрности въ трудахъ рецензентовъ. Сочиненія магистрантовъ прочитывались внимательнѣе кандидатскихъ, потому что ихъ нужно было для дальнѣйшаго разсмотрѣнія отсылать въ Св. Синодъ. Особенныхъ правилъ для рецензентовъ не выдавалось до 1858 года; кто какъ умѣлъ, такъ и читалъ сочиненіе, стараясь только не затягивать своего чтенія. Всѣ рецензіи вмѣстѣ съ сочиненіями сдавались ректору, который и самъ просматривалъ ихъ и затѣмъ назначалъ засѣданіе конференціи для удостоенія авторовъ заслуженныхъ ими степеней. Степени магистра удостоивались 10—12 студентовъ, смотря по величинѣ курса, остальные выпускались кандидатами, нѣкоторые, называвшіеся старшими кандидатами, съ правомъ на полученіе степени магистра послѣ подачи новаго сочиненія или только по прослуженіи на духовно-училищной службѣ извѣстнаго числа лѣтъ съ одобреніемъ отъ начальства. Съ степенью студента въ первыхъ шести курсахъ выпущены всего только два человѣка,— изъ I курса И. Покровскій-Каменскій по неудовлетворительности курсоваго сочиненія и изъ III к. Ѳ. Пылаевъ, не представившій сочиненія вовсе.

Выпускъ VII курса, перваго при ректорѣ Іоаннѣ, былъ окруженъ большими строгостями и таинственностью. Еще передъ экзаменами ректоръ распорядился письменно, чтобы наставники ставили въ своихъ спискахъ въ первый разрядъ не болѣе 4—5 студентовъ [1]. Сочиненія на степени были розданы рецензентамъ изъ наставниковъ и посторонних членовъ конференціи поровну, по 2 сочиненія на рецензента, съ строгой инструкціей ректора относительно ихъ разсмотрѣнія, въ которой излагались такія правила: 1) представить сочиненія съ рецензіями не позднѣе 15—20 іюня (рецензентамъ разосланы 22 мая); 2) быть умѣренными въ похвалахъ и никакъ не скрывать недостатковъ; 3) рецензіи писать не въ формѣ краткихъ похвалъ, а подробныя, съ указаніемъ качествъ сочиненія, сторонъ, съ какихъ разсматривается пред-

(1) Д. конф. 1858 г. № 7.

метъ, источниковъ и проч.; 4) хранить сочиненія подъ строжайшимъ секретомъ, такъ чтобы не только оцѣнка, но и самое нахожденіе рукописи оставались въ тайнѣ не только отъ сочинителя, но и отъ другихъ; 5) въ продолженіе чтенія никакихъ сношеній съ сочинителями не имѣть и ни подъ какимъ видомъ не давать имъ сочиненій,—о всякихъ недоумѣніяхъ, могущихъ возникнуть при чтеніи сочиненій, сноситься исключительно и непосредственно съ ректоромъ; 6) по прочтеніи, не медля, представлять сочиненія ректору прямо и непосредственно за печатью ([1]). Такимъ образомъ у рецензентовъ отнята была всякая возможность посовѣтовать авторамъ сдѣлать въ ихъ сочиненіяхъ какія нибудь даже необходимыя исправленія случайно допущенныхъ ошибокъ и недосмотровъ, что̀ прежде практиковалось нерѣдко и что, при извѣстныхъ строгостяхъ тогдашней духовной цензуры, было даже необходимо. Въ московской академіи при митрополитѣ Филаретѣ на неисправности въ студенческихъ сочиненіяхъ на степени принято было ставить въ отвѣтственность не столько самихъ авторовъ, сколько ихъ рецензентовъ, которые обязаны были поэтому много работать надъ сочиненіями вмѣстѣ съ авторами и представлять всѣ прошедшія чрезъ ихъ руки работы уже вполнѣ очищенными и исправленными во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ стилистическомъ ([2]). Конференція для удостоенія степеней VII курса вовсе не была собираема. Получивъ сочиненія обратно вмѣстѣ съ рецензіями, ректоръ Іоаннъ самъ единолично рѣшалъ, кого изъ студентовъ какой степени удостоить, назначивъ всего 5 человѣкъ магистрами, 3 старшими кандидатами, 13 просто кандидатами и 6 студентами, двоихъ между ними даже безъ права на степень кандидата; переписать этотъ списокъ приказалъ подъ величайшимъ секретомъ самому секретарю И. П. Гвоздеву; подъ такимъ же секретомъ отъ всѣхъ далъ подписать его болѣе надежнымъ членамъ конференціи, инспектору, проф. Соколову и Саблукову, и отъ имени конференціи немедленно послалъ его въ Петербургъ на утвержденіе Св. Синода ([3]). Кто какой степени былъ удостоенъ, объ этомъ до утвержденія Св. Си-

([1]) Д. конф. 1858 г. № 8.

([2]) Исторія моск. академіи до ея преобразованія стр. 173 — 174, 211 и далѣе.

([3]) Д. конф. 1858 г. № 7.

нода такъ никто и не зналъ и не только изъ студентовъ, но и изъ самихъ членовъ конференціи, кромѣ упомянутыхъ лицъ. Шесть человѣкъ, выпущенныхъ студентами, въ представленіи Св. Синоду были изображены въ такихъ плохихъ чертахъ, что при распредѣленіи ихъ на мѣста службы отъ 9 сентября того же года оберъ-прокуроръ, по опредѣленію Св. Синода, сдѣлалъ даже замѣчаніе правленію, что такихъ воспитанниковъ не слѣдовало бы назначать на мѣста, не слѣдовало бы даже держать и въ самой академіи (1).

Точно такимъ же секретнымъ порядкомъ безъ конференціи прошло назначеніе степеней въ 1860 г. студентамъ VIII к. (2). На этотъ разъ ректоръ былъ милостивѣе и назначилъ 7 студентовъ къ степени магистра и 7 старшими кандидатами, со степенью студента не оставилъ ни одного. Послѣ извѣстнаго дѣла по жалобѣ на его произволъ со стороны наставниковъ и дѣла о Бездпинской панихидѣ въ слѣдующіе курсы ему уже не приходилось такъ секретничать и препебрегать созывомъ конференціи. При раздачѣ курсовыхъ сочиненій 1862 года рецензентамъ онъ писалъ инструкцію послѣднимъ совсѣмъ уже въ другомъ, противоположномъ видѣ: „Строжайше обратить вниманіе на мысли авторовъ и, если что окажется неудобнымъ для оставленія въ сочиненіи, немедленно требовать исправленія отъ сочинителей прежде оффиціальнаго отзыва о сочиненіяхъ, ни подъ какимъ видомъ не допускать ничего политическаго, хотя бы и благовидно было высказано“ (3). Въ 1862 г., при выпускѣ IX курса, три воспитанника опять были выпущены со степенью студента, впрочемъ съ правами на кандидатство. Въ 1864 г. засѣданіе конференціи о присужденіи степеней происходило подъ предсѣдательствомъ самого преосвященнаго Аѳанасія.

Кромѣ протеста наставниковъ, произволъ ректора Іоанна по дѣламъ конференціи вызвалъ противъ себя протестъ и со стороны обиженныхъ имъ студентовъ VII курса. Двое изъ нихъ, выпущенные студентами безъ всякихъ правъ на кандидатство, И. Шишовъ и М. Масловскій, узнавъ о рѣшеніи Св. Синода, гдѣ между прочимъ было выяснено, что въ уставѣ ни о какой особой степени студента академіи не сказано,

(1) Д. внутр. прав. 1858 г. № 48.

(2) Д. конф. 1860 г. № 5.

(3) Д. конф. 1862 г. № 8.

а значится только степень студента семинаріи, въ каковой они, стало быть, и утверждаются, были крайне огорчены такой потерей всѣхъ правъ своего академическаго ученія и рѣшились, во что бы то ни стало, добиваться кандидатской степени. Оба они одинъ за другимъ, первый въ томъ же 1858, второй въ началѣ 1859 г., подали въ конференцію прошенія о дозволеніи представить для полученія степени кандидата только одни сочиненія, не подвергаясь новому устному испытанію. Конференція, не имѣя права измѣнять уже состоявшееся рѣшеніе объ ихъ степеняхъ, оставила эти прошенія безъ вниманія. Масловскій пока замолчалъ, но Шишовъ не отсталъ отъ своего домогательства и вступилъ съ архимандритомъ Іоанномъ въ настоящую борьбу. Въ февралѣ 1859 г. онъ подалъ о томъ же просьбу на имя синодальнаго оберъ-прокурора; потомъ, когда и высшее начальство предложило ему для пріобрѣтенія степени тоже новое устное испытаніе согласно 409 § устава академій, 29 декабря того же года подалъ новое прошеніе, въ которомъ настойчиво доказывалъ, что указанный § устава, относящійся собственно къ воспитанникамъ семинарій, къ нему примѣненъ быть не можетъ на томъ основаніи, что 1) онъ кончилъ полный курсъ академіи съ успѣхами одинаковыми съ своими товарищами, получившими кандидатскую степень безъ новаго экзамена; если въ аттестатѣ его и значится, что по наукамъ богословскимъ онъ будто бы успѣлъ недостаточно, то это значится безъ всякаго основанія, — на курсовыхъ экзаменахъ по этимъ наукамъ, кромѣ нравственнаго богословія, его даже и не спрашивали, а на другихъ экзаменахъ въ теченіе курса онъ отвѣчалъ удовлетворительно, какъ и другіе; по свящ. Писанію онъ былъ спрошенъ и отвѣчалъ удовлетворительно, но въ аттестатѣ поставлена такая же отмѣтка, какая и по другимъ богословскимъ предметамъ, въ которыхъ на послѣднихъ экзаменахъ онъ не былъ испытываемъ; 2) по наукамъ философскимъ поставлена отмѣтка: недостаточно, но въ теченіе всего курса и на послѣднемъ экзаменѣ въ низшемъ отдѣленіи онъ отвѣчалъ, какъ и другіе, за что и былъ переведенъ въ слѣдующее отдѣленіе; кромѣ того, удостоился по нѣкоторымъ наукамъ получить хорошія отмѣтки отъ бывшаго архіепископа Григорія; 3) по наукамъ математическимъ онъ былъ въ первомъ разрядѣ, а въ аттестатѣ эти науки у него вовсе опущены; 4) кур-

совое сочиненіе его, можетъ быть, дѣйствительно оказалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ, но ему насильно было навязано писать на тему по противораскольническому миссіонерскому отдѣленію, тогда какъ онъ занимался по другому, противомусульманскому отдѣленію, по которому готовъ представить и новое сочиненіе подъ заглавіемъ: Взглядъ Мухаммеда на религію, извлеченный изъ Корана. Въ заключеніе проситель, бывшій тогда инспекторомъ далматовскаго училища, указывалъ на невозможность ѣхать въ академію на экзаменъ болѣе, чѣмъ изъ-за 1200 верстъ, по своей бѣдности и множеству служебныхъ занятій. Прошеніе это обнаруживало большія злоупотребленія ректора своей властью, и Св. Синодъ потребовалъ отъ конференціи объясненій. Объясненія конечно нашлись. Въ экзаменскихъ табеляхъ откуда-то взялись отмѣтки просителю не по одному нравственному богословію, по которому его спрашивали, а по 5 богословскимъ предметамъ, по которымъ его и не спрашивали, и всѣ слабыя; сочиненіе же найдено весьма слабымъ. Вслѣдствіе этого конференція 14 мая 1862 г. опредѣлила въ просьбѣ отказать, а оберъ-прокурору послать требуемыя объясненія съ показаніемъ несправедливости показаній Шишова. Тѣмъ дѣло и кончилось ([1]).

Студентъ Масловскій, исправлявшій должность смотрителя лысковскаго училища, рѣшился возобновить свою просьбу уже послѣ выхода ректора Іоанна изъ академіи. 21 іюля 1864 г. онъ снова просилъ конференцію о дозволеніи писать сочиненіе на степень кандидата, указывая, какъ и Шишовъ, на то, что въ свое время успѣхи въ наукахъ оказывалъ удовлетворительные, и, кромѣ того, на то, что уже 5 лѣтъ состоитъ на духовно-училищной службѣ. Конференція оказалась на этотъ разъ покладистѣе и рѣшилась удовлетворить его просьбѣ; было прочитано и одобрено даже его сочиненіе О причинахъ особенной чистоты нравовъ первенствующихъ христіанъ. Но Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 15 октября не согласился на это и повернулъ дѣло на прежній путь. Послѣ этого Масловскій въ апрѣлѣ 1865 г. явился въ академію на экзаменъ и выдержалъ его. Въ августѣ Св. Синодъ опредѣ-

([1]) Д. конф. 1858 г. № 13.

лилъ удостоить его искомой степени (1). Другіе студенты того же несчастнаго VII курса, получившіе званіе студента съ правами на кандидатство подъ условіемъ подачи новыхъ сочиненій, подали эти сочиненія въ 1859 году и, кромѣ одного, Л. Бѣляева, удостоились кандидатской степени; сочиненіе Л. Бѣляева было и теперь обраковано рецензентомъ (ректоромъ семинаріи Иннокентіемъ) (2).

Въ 1860-хъ годахъ ректоръ Іоаннъ сталъ какъ-то щедрѣе на степени и добрѣе къ студентамъ. Въ это время встрѣчаемъ два замѣчательныхъ примѣра удостоенія, по его иниціативѣ и ходатайству, кандидатской степени исключенныхъ студентовъ IX курса. Въ февралѣ 1861 г. былъ уволенъ изъ академіи по болѣзни студентъ этого курса О. Викторовъ, не доучившійся такимъ образомъ $1^1/_2$ года, но послѣ ваката подалъ прошеніе о дозволеніи вмѣстѣ съ бывшими своими товарищами писать курсовое сочиненіе на кандидатскую степень. Ректоръ взялся черезъ конференцію ходатайствовать объ этомъ предъ Св Синодомъ и исходатайствовалъ просимое дозволеніе съ тѣмъ, чтобы студентъ Викторовъ держалъ вмѣстѣ съ студентами IX курса и выпускной экзаменъ. Онъ выполнилъ всѣ требуемыя условія и въ октябрѣ 1862 г. былъ утвержденъ въ степени (3). Другой примѣръ относится къ извѣстному іеродіакону Мелетію, уволенному изъ академіи по дѣлу о Бездниннской панихидѣ. Въ мартѣ 1862 г. онъ тоже подалъ прошеніе въ конференцію о дозволеніи искать кандидатской степени. Ректоръ отнесся къ нему сочувственно: принимая во вниманіе то, что онъ не доучился въ академіи всего одно полугодіе, его хорошіе успѣхи въ теченіе всего курса и то, что онъ назначенъ былъ на жительство въ Посольскій монастырь между прочимъ съ миссіонерскими цѣлями, наконецъ то, что уже есть примѣръ удовлетворенія подобной же просьбѣ студента Викторова, конференція постановила ходатайствовать объ немъ предъ высшимъ начальствомъ. Отъ 6 іюля 1862 г. Св. Синодъ разрѣшилъ ему для полученія степени представить одно только сочиненіе. Сочиненіе это: О переводной церков-

(1) Д. конф. 1859 г. № 6 и 1864 г. № 25; д. внутр. правл. 1862 г. № 22.

(2) Д. конф. 1859 г. №№ 10 и 14.

(3) Д. конф. 1861 г. № 9 и 1862 г. № 19.

но-канонической литературѣ древней Россіи, оказалось удовлетворительнымъ, и 29 декабря 1864 г. степень была ему присуждена (утвержденіе въ ней послѣдовало отъ 20 іюня 1865 г.) [1].

Въ 1863 г. въ процедурѣ дѣлъ объ удостоеніи студентовъ степенями произошла перемѣна. Вопросъ объ этой перемѣнѣ возникъ въ Св. Синодѣ въ 1862 г. по поводу нѣкоторыхъ неудобствъ отъ частыхъ замедленій въ утвержденіи студентовъ въ степеняхъ. Отъ 29 іюня 1862 г. въ конференцію пришло предложеніе синодальнаго оберъ-прокурора, въ которомъ было сказано, что такъ какъ воспитанники духовныхъ академій опредѣляются на мѣста духовно-учебной службы еще до утвержденія въ степеняхъ, а послѣднее часто бываетъ, спустя довольно долго по поступленіи ихъ на службу, и такъ какъ, въ случаѣ ихъ выбытія изъ духовнаго званія, производство ихъ въ чины зависитъ отъ утвержденія ихъ въ степеняхъ, а потому многіе изъ нихъ по необходимости и притомъ по независящимъ отъ нихъ причинамъ должны терять въ отношеніи къ чинопроизводству все время, проведенное ими на службѣ до этого утвержденія: то Св. Синодъ, желая устранить такой стѣснительный для нихъ порядокъ, находитъ нужнымъ подвергнуть его подробному пересмотру и составить по сему предмету болѣе точныя правила, для чего и предлагается конференціи казанской академіи, какъ и другимъ конференціямъ, войти объ этомъ въ обстоятельное разсужденіе. 18 октября 1862 г. ректоръ Іоаннъ созвалъ вслѣдствіе этого предложенія собраніе конференціи и настойчиво повелъ на немъ свое собственное мнѣніе по означенному вопросу, отличавшееся какъ своею оригинальностью, такъ особенно своимъ радикальнымъ характеромъ. Причинами замедленія въ присужденіи степеней онъ выставлялъ то, что для всѣхъ студентовъ обязательно писать для полученія степеней сочиненія, которыя, какъ по содержанію, такъ и по объему, требуютъ много времени и для написанія, и для разсмотрѣнія, а магистерскія сочиненія требуется еще препровождать въ Св. Синодъ для новаго разсмотрѣнія. Поэтому для ускоренія дѣла онъ полагалъ 1) не посылать означенныхъ сочине-

[1] Д. конф. 1862 г. № 7 и 1863 г. № 12.

ній въ Св. Синодъ, предоставивъ дѣло ихъ разсмотрѣнія одной конференціи, а въ Синодъ для утвержденія студентовъ въ степеняхъ посылать одни отзывы объ ихъ сочиненіяхъ, что тѣмъ болѣе является умѣстнымъ, что и въ уставѣ о такомъ представленіи ничего не сказано; 2) для болѣе вѣрнаго распредѣленія степеней между воспитанниками и болѣе твердаго направленія духовнаго образованія полагалъ: а) производство въ степени не дѣлать обязательнымъ для конференціи относительно всѣхъ и каждаго изъ кончившихъ курсъ студентовъ, а предоставить эти степени особому исканію самихъ студентовъ; б) въ степень магистра возводить не иначе, какъ по удостоеніи степени кандидата; в) удостоивать разныхъ степеней не иначе, какъ по особымъ ученымъ трудамъ, независимо отъ окончанія курса, во всякое время,—степень магистра и доктора даже послѣ особаго испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и послѣ публичной защиты диссертаціи; г) кромѣ богословскихъ степеней, дать академіямъ право возводить въ ученыя степени и по другимъ предметамъ академическаго курса,—философіи, словесности, церковной исторіи и древнимъ языкамъ; д) при окончаніи курса удостоивать степени кандидата только нѣкоторыхъ за особое отличіе въ наукахъ и талантливость, но тоже послѣ написанія диссертаціи; е) всѣхъ другихъ воспитанниковъ выпускать со степенью студента академіи съ правами студентовъ высшихъ свѣтскихъ заведеній. Сообразно съ этимъ должны были конечно во многомъ измѣниться и значеніе служебныхъ правъ духовныхъ ученыхъ степеней, и существующій порядокъ академическаго образованія, о чемъ подробнѣе можно разсудить особо. Мнѣніе это для того времени было весьма неудобопріемлемо, но послѣ нѣсколькихъ возраженій, которыя ректоръ конечно побѣдоносно разбилъ, всѣ члены подписались подъ журналомъ, только инспекторъ Веніаминъ при своей подписи замѣтилъ, что второе отдѣленіе мнѣнія будетъ очень затруднительно для ищущихъ ученыхъ степеней. Преосвященный Аѳанасій велѣлъ это замѣчаніе включить въ самое представленіе высшему начальству; ректоръ включилъ его, но, чтобы не ослабить своего собственнаго мнѣнія, выразилъ мысль инспектора въ видѣ уступительнаго періода: хотя де и затруднительно, . . . но по писанному будетъ все-таки лучше. Въ Св. Синодѣ мнѣніе это однако все-таки не прошло,

а были приняты въ руководство правила, предложенныя московскою конференціей; отъ 31 мая 1863 г. Св. Синодъ опредѣлилъ: 1) Сочиненіе на степень читается сначала наставникомъ предмета, по которому оно писано, затѣмъ 2) послѣдовательно двумя членами конференціи, и наконецъ 3) подвергается окончательному пересмотру въ общемъ собраніи конференціи подъ предсѣдательствомъ архіерея, послѣ чего студенту и присуждается степень. Все дѣло о степеняхъ на утвержденіе посылается въ Св. Синодъ съ разрядными списками и съ отзывами о сочиненіяхъ, самыя же сочиненія не препровождаются. Время утвержденія въ степени должно считаться со дня постановленія конференціи ([1]).

По ходу всего дѣла о степеняхъ правилъ этихъ нельзя не признать довольно неожиданными. Дѣло, какъ мы видѣли, началось въ 1862 г. съ намѣренія высшаго духовнаго начальства ускорить производство въ ученыя степени, а кончилось тѣмъ, что процедура этого производства усложнена была еще болѣе прежняго. Каждое сочиненіе, вмѣсто одного рецензента, стали читать трое, стало быть, и время разсмотрѣнія курсовыхъ сочиненій должно было растянуться противъ прежняго тоже почти втрое. Ректоръ Иннокентій съ своей стороны еще болѣе затруднилъ означенную процедуру, установивъ особыя правила для составленія рецензій на сочиненія: каждый рецензентъ долженъ былъ работать надъ сочиненіемъ независимо и не справляясь съ рецензіями другихъ своихъ товарищей; рецензія должна была подаваться имъ ректору въ запечатанномъ пакетѣ, по секрету отъ другихъ рецензентовъ. Отъ этого при чтеніи рецензій въ конференціи между ними оказывалась иногда такая разноголосица, что вывести изъ всѣхъ трехъ рецензій на сочиненіе одинъ общій результатъ стоило немало остроумія и находчивости. Рѣшенія конференціи о степеняхъ начали запаздывать: о присужденіи степеней X-му курсу конференція собралась только 29 декабря, объ XI курсѣ, кончившемся въ 1866 г., уже 17 января слѣдующаго года, о XII—28 ноября, вмѣсто назначеннаго преосвященнымъ Антоніемъ срока—1 сентября.

Такое противорѣчіе между началомъ и концомъ дѣла о степеняхъ объясняется отчасти тѣмъ, что съ 1863 г. во взглядѣ

([1]) Д. конференціи 1862 г. № 11.

на него высшаго начальства, по обстоятельствамъ послѣдняго времени, произошла значительная перемѣна. Между воспитанниками духовныхъ академій обнаружилось сильное уклоненіе отъ духовно-учебной службы и принимало все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Духовному начальству приходилось теперь заботиться вовсе не о томъ, чтобы выходившіе на свѣтскую службу воспитанники не страдали отъ замедленія въ удостоеніи ихъ учеными степенями, а напротивъ о томъ, чтобы хоть этими степенями придержать ихъ на духовно-училищной службѣ. Вслѣдъ за правилами о разсмотрѣніи курсовыхъ сочиненій 1863 г. въ 1864 г. отъ 7 сентября вышло новое распоряженіе Св. Синода, направленное уже прямо къ тому, чтобы затянуть производство въ степени для всѣхъ кончившихъ курсъ академіи. „Св. Синодъ, говорилось въ указѣ, усматривая, что 1) изъ кончившихъ курсъ студентовъ академіи одни вовсе не желаютъ поступать на училищную службу, другіе отказываются отъ принятія того назначенія, которое указывается имъ духовнымъ начальствомъ, а иные подъ разными предлогами стараются оставить духовно-училищную службу прежде выслуги опредѣленнаго § 41 академическаго устава четырехлѣтняго срока, и 2) что за симъ не только въ семинаріяхъ, но и въ академіяхъ наставническія каѳедры остаются незамѣщенными продолжительное время, наличные наставники обременяются излишними обязанностями, слѣдствіемъ чего бываетъ поверхностное и неудовлетворительное преподаваніе учебныхъ предметовъ и наконецъ разстройство учебной части и малоуспѣшность воспитанниковъ, для предотвращенія этихъ безпорядковъ опредѣленіемъ отъ 7 текущаго сентября постановилъ“: 1) съ поступающихъ въ академію студентовъ брать подписки въ томъ, что по окончаніи курса они будутъ выслуживать четырехлѣтній срокъ службы по назначенію начальства, и принимать ихъ въ академію не прежде, какъ они дадутъ эти подписки, 2) въ ученыхъ степеняхъ утверждать кончившихъ курсъ не ранѣе четырехъ мѣсяцевъ ихъ службы, но старшинство въ степеняхъ считать со дня удостоенія ихъ конференціей. Ректоръ Иннокентій пришелъ даже къ мысли—тѣхъ студентовъ, которые не желали поступить на духовно-училищную службу и выходили въ свѣтское званіе, вовсе не удостоивать ученыхъ степеней. Подъ такое рѣшеніе первый подвернулся упомянутый нами выше

студ. X курса Князевскій, который, будучи еще студентомъ, служилъ въ писцахъ уголовной палаты. По окончаніи курса онъ сейчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи въ свѣтское званіе. Внутреннее правленіе сдѣлало рѣшеніе по этому прошенію и сообщило конференціи, что, принявъ во вниманіе просьбу воспитанника Князевскаго объ увольненіи его въ свѣтское званіе, по нежеланію принять служебное назначеніе по духовному вѣдомству, и имѣя въ виду, что духовныя академіи имѣютъ своимъ единственнымъ назначеніемъ приготовленіе молодыхъ людей на службу по духовному вѣдомству въ санѣ священническомъ или по части духовно-учебной и что затѣмъ отказывающіеся отъ сего назначенія безъ особо уважительныхъ причинъ воспитанники духовныхъ академій не должны пользоваться и тѣми преимуществами, какія присвоены симъ заведеніямъ, опредѣленіемъ отъ 25 текущаго января (1865 г.) постановило воспитанника Князевскаго уволить изъ духовнаго званія въ свѣтское, оставивъ его безъ ученой степени. Степени онъ дѣйствительно такъ и не получилъ. Въ томъ же курсѣ, тоже за отказомъ отъ духовно-училищной службы, не получилъ степени еще студ. А. Миславскій (¹).

Утвержденіе студентовъ въ предназначенныхъ конференціей степеняхъ зависѣло отъ Св. Синода. Утвержденіе въ степени кандидата производилось имъ на основаніи только опредѣленія академической конференціи и отзыва о кандидатскомъ сочиненіи. Для утвержденія же въ степени магистра до 1863 г. требовались въ Св. Синодъ на разсмотрѣніе и самыя сочиненія магистрантовъ. Разсмотрѣніе ихъ Св. Синодъ поручалъ разнымъ епархіальнымъ архіереямъ и другимъ ученымъ лицамъ изъ высшаго духовенства. Такъ, сочиненія I курса читали преосвященные Иліодоръ курскій, Гедеонъ полтавскій, Иннокентій харьковскій и Аѳанасій саратовскій; сочиненія II курса—Иннокентій херсонскій, бывшій харьковскій, и Гедеонъ полтавскій; III курса—Евгеній астраханскій, Николай тамбовскій, Евсевій самарскій, Христофоръ ревельскій, Макарій винницкій и протопресвитеръ Бажановъ; IV курса—Евгеній астраханскій, Арсеній варшавскій, Ѳеогностъ вологодскій и Смарагдъ орловскій; V курса—Іустинъ влади-

(¹) Д. конфер. 1866 г. № 15.

мірскій, Христофоръ ревельскій, Филаретъ харьковскій, Алексій дмитровскій, ректоръ петербургской семинаріи Іоаннъ, ректоръ кіевской академіи Антоній и новоіерусалимскій архимандритъ Климентъ; рецензенты VI курса намъ неизвѣстны; VII курса—Филаретъ черниговскій, Платонъ костромской и Аѳанасій астраханскій. Рецензіи ихъ касались обыкновенно не столько ученой стороны сочиненій, сколько чистоты православнаго ученія и наблюденія извѣстнаго рода приличій, какія требовались отъ духовной литературы, особенно относительно языка [1].

При утвержденіи представленій о степеняхъ Св. Синодъ, принимая во вниманіе отзывы о сочиненіяхъ своихъ собственныхъ рецензентовъ и др. обстоятельства, иногда измѣнялъ эти представленія конференцій. Такъ, въ представленіи казанской конференціи объ удостоеніи степенями I курса къ степени магистра предназначено было 11 человѣкъ, къ степени кандидата по первому разряду съ правами на магистерскую степень черезъ 2 года службы 4 человѣка и еще 2 съ правами на магистерство подъ условіемъ представленія новыхъ сочиненій, наконецъ 14 къ степени кандидата по второму разряду безъ особенныхъ правъ. Св. Синодъ утвердилъ только 10 магистровъ,—одиннадцатый М. Емельяновъ утвержденъ просто кандидатомъ, потому что сочиненіе его объ Іоаннѣ Крестителѣ найдено въ чемъ-то не соотвѣтствовавшимъ чистотѣ православнаго ученія; 4 старшихъ кандидата первой категоріи (И. Дмитревскій, А. Граціановъ, Ѳ. Ѳаворскій и И. Грековъ, умершій еще раньше утвержденія) получили тѣ же права на магистерство, какъ и двое старшихъ кандидатовъ второй категоріи, т. е. подъ условіемъ подачи новыхъ сочиненій; изъ кандидатовъ младшихъ И. Покровскій - Каменскій оставленъ студентомъ, доколѣ не представитъ удовлетворительнаго сочиненія. Во II курсѣ конференція удостоила степени магистра 8 человѣкъ, степени старшаго кандидата съ правомъ полученія степени магистра по прослуженіи двухъ лѣтъ 4 и степени кандидата по второму разряду 9 человѣкъ; въ Св.

[1] Д. внутр. правл. 1851 г. № 45, и дѣла конференціи о степеняхъ 1852 и 1854 годовъ.

Синодѣ утвержденіе одного изъ старшихъ кандидатовъ, А. Воздвиженскаго, было замедлено „вслѣдствіе, какъ сказано было въ бумагѣ, поступленія о немъ особыхъ свѣдѣній“ съ мѣста его службы въ симбирской семинаріи; потомъ онъ былъ утвержденъ кандидатомъ съ правомъ на магистерство не черезъ 2, а черезъ 4 года. Въ III курсѣ предназначено къ степени магистра 10, къ степени старшаго кандидата съ правомъ на полученіе степени магистра черезъ 2 года службы 4, къ степени кандидата 20; Св. Синодъ одного изъ магистровъ П. Крылова за недостатки въ сочиненіи оставилъ въ степени кандидата съ правомъ на магистерство послѣ подачи болѣе удовлетворительнаго сочиненія, а одного изъ кандидатовъ Ѳ. Пылаева за непредставленіе сочиненія оставилъ студентомъ. Въ IV курсѣ магистрами предназначены 8, старшими кандидатами 3, кандидатами 11; Св. Синодъ прибавилъ къ числу магистровъ еще одного—П. Преображенскаго. Въ V курсѣ въ магистры предназначено 13, въ старшіе кандидаты 3, въ кандидаты 18; въ Св. Синодѣ изъ числа магистровъ исключены двое—А. Стекловъ (сочиненіе его не одобрилъ ректоръ кіевской академіи архимандритъ Антоній) и Н. Шиллегодскій (сочиненіе не одобрилъ архимандритъ Іоаннъ),—первый получилъ кандидатство съ правомъ на степень магистра по подачѣ новаго сочиненія, второй—по прослуженіи 2 лѣтъ, но зато одинъ изъ старшихъ кандидатовъ Н. Поповъ—вятскій удостоенъ прямо степени магистра. Опредѣленіе конференціи о VI к. (10 магистровъ, 5 старшихъ кандидатовъ и 13 кандидатовъ) оставлено было безъ измѣненія.

Начиная съ VI курса, измѣненій въ опредѣленіяхъ конференціи о степеняхъ не видимъ ни въ одномъ изъ послѣдующихъ курсовъ. Въ VII к. было магистровъ 5, старшихъ кандидатовъ 3, кандидатовъ 13, студентовъ 6; въ VIII—магистровъ 7, старшихъ кандидатовъ 7, кандидатовъ 11; въ IX—первыхъ 6, вторыхъ 5, третьихъ 7 и студентовъ 3; въ X—первыхъ 9, вторыхъ 3, третьихъ 8, студентовъ 3; въ XI—магистровъ 4, кандидатовъ съ правами 2, просто кандидатовъ 9 и 3 студента; въ XII—первыхъ 6, вторыхъ 3, третьихъ 8; въ XIII курсѣ, въ которомъ производство въ степени, за запозданіемъ сочиненій, тянулось годовъ 7, магистерства удостоились въ разное время 9 человѣкъ (изъ 44), старшими кандидатами съ правомъ полу-

чить степень магистра черезъ 2 года службы вышло 5 да съ правомъ на туже степень подъ условіемъ выдержанія новаго экзамена 1 и подъ условіемъ написанія новаго сочиненія тоже 1,—всѣхъ 7, кандидатами безъ особыхъ правъ 17, студентами 9 (большею частію за неподачею сочиненія).

Такимъ образомъ со времени основанія академіи до ея преобразованія въ 1870 г. получили въ ней полное академическое образованіе 342 студента да 3 (въ I, X и XIII к.) умерли послѣ самаго окончанія курса. Утверждены въ степени магистра 104, въ степени кандидата съ правомъ на полученіе степени магистра по прослуженіи 2 лѣтъ по училищному вѣдомству съ одобреніемъ начальства 35,—съ тѣмъ же правомъ черезъ 4 года 1,—съ правомъ на магистерство, если представятъ новыя лучшія сочиненія, 19,—съ правомъ на магистерство по выдержаніи новаго испытанія 1, въ степени кандидата безъ особыхъ правъ 156, въ степени студента съ правомъ на степень кандидата по прослуженіи двухъ лѣтъ 4 и въ той же степени съ правомъ на кандидатство подъ условіемъ представленія новыхъ сочиненій 10, въ степени студента всѣ остальные. Окончившіе курсъ кандидатами и студентами съ правами на высшую степень по прослуженіи назначеннаго числа лѣтъ, въ свое время всѣ получали эти высшія степени; но другимъ условіямъ полученія высшихъ степеней рѣшались удовлетворять немногіе, предпочитая оставаться при томъ, что̀ они получили при окончаніи курса.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о судьбѣ самыхъ сочиненій студентовъ на ученыя степени. Препровождая разсмотрѣнныя сочиненія магистровъ первыхъ курсовъ обратно въ конференцію, Св. Синодъ обыкновенно выражалъ желаніе, чтобы лучшія изъ нихъ по надлежащемъ пересмотрѣ были напечатаны. Но, при тогдашнихъ строгостяхъ относительно печатнаго слова въ духовномъ вѣдомствѣ, академическое начальство отличалось крайне мнительнымъ характеромъ и считало болѣе безопаснымъ для себя не печатать ничего не только изъ трудовъ студенческихъ, но даже и наставническихъ. Сочиненія I курса были сданы для пересмотра ректору Григорію и пролежали у него въ кабинетѣ до самаго конца его ректорства. Сочиненія II курса точно такъ же нѣсколько лѣтъ покоились въ мирѣ у инспектора Фотія. Оба они такъ и уѣхали изъ академіи, ничего не подготовивъ къ печати. По отъѣздѣ

ихъ въ конференціи возникъ вопросъ, что же дѣлать съ этими сочиненіями, оставшимися безъ разсмотрѣнія. 12 ноября 1851 г. конференція рѣшила отдѣлаться отъ этого безпокойнаго вопроса весьма просто: такъ какъ де въ настоящее время всѣ наставники академіи при текущихъ своихъ занятіяхъ, за недостаткомъ времени, не могутъ взять на себя труда пересмотрѣть означенныя сочиненія, то сдать послѣднія на храненіе въ библіотеку и затѣмъ дѣло сіе почесть поконченнымъ. Но преосвященный Григорій не согласился съ такимъ рѣшеніемъ и распорядился, чтобы сочиненія непремѣнно были пересмотрѣны. Инспекторъ Макарій, исправлявшій тогда ректорскую должность, отобралъ 15 сочиненій и роздалъ по рукамъ наставниковъ. Послѣдніе потомъ въ разное время возвращали эти сочиненія съ однообразными отзывами, что всѣ они для напечатанія требуютъ передѣлокъ и усовершенствованій. Такъ это дѣло постепенно и изомлѣло. Сочиненія слѣдующихъ курсовъ, кажется, никто уже и не разсматривалъ. По полученіи изъ Петербурга они прямо сдавались въ библіотеку для храненія.

Первымъ смѣлымъ ректоромъ, который взялся за печатаніе студенческихъ работъ, былъ архимандритъ Агаѳангелъ, и то благодаря главнымъ образомъ тому обстоятельству, что съ основаніемъ при немъ академическаго журнала для послѣдняго потребовалось много готоваго матеріала. Первыми были напечатаны въ Собесѣдникѣ сочиненія студентовъ VI курса: Я. Рудольфова О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ на многіе толки (1856 и 1857 гг.),— сочиненіе, очень понравившееся ректору по своей полной безопасности въ цензурномъ отношеніи, затѣмъ И. Добротворскаго Историческія свѣдѣнія объ Иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ до обращенія ихъ къ единовѣрію (за 1857 г.) и А. Щапова О причинахъ происхожденія и распространенія раскола (тамъ же двѣ статьи). Одно сочиненіе: О зловредныхъ дѣйствіяхъ іезуитовъ въ отношеніи къ православной церкви, студ. А. Лилова, съ согласія преосвященнаго Григорія, какъ было уже упомянуто, издано было даже особой книгой на казенный счетъ. Съ легкой руки архим. Агаѳангела печатаніе студенческихъ сочиненій, цѣликомъ и въ отрывкахъ, продолжалось и въ слѣдующіе курсы. Изъ сочиненія студента VII к. А. Павлова: Происхожденіе, развитіе и значеніе въ нравственной жизни раскольниковъ ученія объ антихристѣ,

въ Собесѣдникѣ 1858 г. были напечатаны двѣ статьи: Происхожденіе раскольническаго ученія объ антихристѣ; изъ сочиненія студента того же курса В. Лаврскаго: О перстосложеніи для благословенія,—статья: Свидѣтельство VIII в. о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи; изъ сочиненія Г. Покровскаго двѣ статьи: Историческія свѣдѣнія о молоканской сектѣ; изъ сочиненія Н. Аристова—въ 1859 и 1860 годахъ Собесѣдника рядъ статей: Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра и Обзоръ русскихъ лѣтописей въ содержаніи и характерѣ ихъ преимущественно церковно-историческомъ; изъ сочиненія А. Воскресенскаго—двѣ статьи за 1859 г.: Свѣдѣнія о древнихъ переводахъ св. отцовъ на славяно-русскій языкъ. Изъ сочиненій студентовъ VIII к. напечатаны въ Собесѣдникѣ: изъ сочиненія А. Никольскаго — Матеріалы для исторіи русско-церковной полемики противъ лютеранства въ первой половинѣ XVII столѣтія,—двѣ статьи за 1861 г; изъ сочиненія К. Мысовскаго: Древне-русское церковчое право, рядъ статей за 1862, 1863 и 1867 гг. Изъ сочиненій IX курса—статьи изъ сочиненія В. Огнева: Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи и Исправленіе богослужебныхъ книгъ при патріархѣ Филаретѣ (за 1862 г.).

При архимандритѣ Иннокентіи, когда Православный Собесѣдникъ приходилось, какъ можно, болѣе наполнять статьями безплатными, студенческихъ работъ въ немъ появилось особенно много, большею частію въ отрывкахъ и передѣлкахъ, которыми занимался самъ ректоръ. Такъ какъ эта работа производилась въ стѣнахъ его кабинета, то слѣдить за нею довольно трудно; сочиненія были передѣлываемы иногда до того, что трудно теперь и угадать, кому они принадлежали. Въ 1865 г. въ Собесѣдникѣ печатались: Сравнительное обозрѣніе старинныхъ типиковъ, употреблявшихся въ русской церкви до патр. Никона, студ. VI курса А. Каллистова; передѣлка изъ сочиненія студента того же курса Г. Попова: О внѣшнемъ состояніи православной церкви на востокѣ во владѣніяхъ мусульманскихъ отъ Магомета до крестовыхъ походовъ; статья изъ сочиненія студ. VII курса А. Троянскаго: Прежнія отношенія римскихъ папъ къ болгарской церкви, затѣмъ въ слѣдующемъ году статья изъ того же автора: Прежнія отношенія римскихъ папъ къ сербской и хорватской церкви; отрывки изъ сочиненія студ. VIII к. Л. Парадизова: Объ исповѣдни-

кахъ церкви въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ,—одинъ о кончинѣ Іосифа митрополита астраханскаго и терскаго, другой—объ Амвросіи архіепископѣ московскомъ, затѣмъ въ 1866 г. еще два:—Служеніе патріарха Гермогена бѣдствующему отечеству и служеніе Филарета м. ростовскаго бѣдствующему отечеству. Въ 1865, 1866 и 1867 гг. печаталось въ видѣ отдѣльныхъ статей сочиненіе студ. VIII к. Ѳ. Кибардина: Приходское духовенство въ Россіи въ XVII—XVIII вѣкахъ. Въ 1866 г. помѣщены двѣ статьи изъ сочиненія студ. VI к. В. Александровскаго: О внѣшнемъ состояніи восточной православной церкви во время владычества латинянъ въ Византійской имперіи; въ 1867 г.—сочиненіе студ. VIII к. С. Никольскаго: Очеркъ участія русской церкви въ дѣлахъ восточной до начала XVIII в; въ 1868 г.—сочиненіе студ. VI к. Я. Третьякова О чинахъ великой константинопольской церкви въ средніе вѣка. Не смотря на сомнительную полноту этого перечня, онъ все-таки достаточно показываетъ, какое значительное количество добраго матеріала могли доставлять для печати курсовыя работы прежняго времени, лежавшія до извлеченія ихъ на свѣтъ подъ спудомъ въ академической библіотекѣ.

Когда въ академіи началъ издаваться Миссіонерскій Сборникъ, редакція его обратилась за матеріаломъ къ тому же источнику и отыскала въ немъ еще большее количество солидныхъ статей. Въ I выпускѣ (1873 г.) напечатаны сочиненія студентовъ III к. Е. Виноградова: Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ, и В. Петрова: Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ. Во II выпускѣ (1873 г.)—сочиненіе студента того же курса А. Леопольдова: Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ. Въ III вып. (1875 г.)—сочиненія студентовъ IV к. Н. Ильина: Доказательства неповрежденности книгъ св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта противъ мухаммеданъ, и А. Филимонова: Доказательства неповрежденности книгъ Новаго Завѣта противъ мухаммеданъ. Въ IV вып. (1874 г.)—сочиненіе студ. XIII к. Н. Остроумова: Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ. Въ V вып. (1874 г.)—сочиненіе студ. III к. А. Хрусталева: Очеркъ распространенія христіанства между инородцами казанскаго края. Въ VI вып. (1875 г.)—сочиненіе студ. VII к. Ѳ. Кудѣевскаго: Главныя мысли и духъ Корана. Въ VII вып. (1875 г.) сочиненія—студента

XII к. А. Заборовскаго: Мысли Алкорана, заимствованныя изъ христіанства, и студ. VII к. Я. Фортунатова: Мѣста Корана, благопріятныя къ обращенію мухаммеданъ въ христіанство. Въ IX вып. (1875)—студ. IV к. П. Раева: Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства. Въ XI вып. (1876)—студ. III к. Н. Разумова: Историческое значеніе Мухаммеда. Въ XII (1876)—студ. V к. М. Боголѣпова: Взглядъ на способы, коими, по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія. Въ XIII (1877)—студ. VI к. И. Тихова-Александровскаго: Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ секты ханифитской.

Кромѣ того, многіе студенты по окончаніи курса и сами печатали свои курсовыя сочиненія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ студ. VI к. С. Масловскій издалъ въ Дух. Вѣстникѣ (окт. 1864 г.) сочиненіе: О внѣшнемъ состояніи православной церкви въ Турціи отъ паденія Константинополя до половины XVIII в.; студ. VIII к. И. Емельяновъ напечаталъ свое сочиненіе: Исторія ересей въ Россіи въ XVI в., въ Трудахъ кіевской академіи за 1862 г. (т. I, 265, II, 176, III, 88); того же курса А. Никольскій продолжалъ въ томъ же журналѣ (1862, т. II, 113; 1864, I, 1 и 121) печатаніе своего сочиненія подъ заглавіемъ: Матеріалы противолютеранской полемики. Студ. X к. Веденяпинъ издалъ свое сочиненіе: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны относительно православнаго духовенства, въ Прав. Обозрѣніи за 1865 г. (кн. 5, 7 и 10). Студ. того же к. А. Репьевъ помѣстилъ часть своего сочиненія: Ученіе Фейербаха о религіи, въ Духовномъ Вѣстникѣ 1864 г. (сент. книжк.); студ. А. Балаковскій—О древнихъ русскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей (за 1865, 1866 и 1867 гг.). Сочиненія студентовъ встрѣчаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ разныхъ епархій, напр. студ. XI к. Пав. Знаменскій большую часть своего сочиненія: О значеніи мѣстныхъ святыхъ во времена удѣльно-вѣчеваго уклада на Руси, издалъ въ Нижегородскихъ епарх. Вѣдомостяхъ за 1868 г. (№№ 6, 9, 10, 21). Изъ сочиненій XII и XIII к. были напечатаны, по опредѣленію совѣта академіи, сочиненія: XII к. В. Снегирева: Ученіе о лицѣ Господа нашего І. Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства (Казань. 1870); XIII к. Ѳ. Курганова: Устройство управленія въ церкви королевства греческаго

(К. 1871); Д. Гусева: Ересь антитринитаріевъ III в. (К. 1872); Н. Красносельцева: Западныя миссіи противъ татаръ язычниковъ и особенно противъ татаръ-мухаммеданъ (К. 1873). Сами напечатали свои сочиненія студенты XIII к.: В. Соколовъ—О подсудности русскаго духовенства отъ изданія Уложенія до Петра I въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1871 г., М. Ксанфъ—Органы епархіальнаго управленія въ древней Россіи— въ Прав. Обозрѣніи за 1872 г. (кн. 7, 8, 9, 11 и 12), В. Поповъ—Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной—въ Сборникѣ сочиненій современныхъ писателей протоіерея Заркевича (Спб. 1872).

IV. ВЫХОДЪ ИЗЪ АКАДЕМІИ И ДАЛЬНѢЙШАЯ СУДЬБА СТУДЕНТОВЪ.

Утвержденіе въ степеняхъ студенты получали уже по выходѣ изъ академіи на своихъ должностяхъ. Выпускъ ихъ происходилъ непосредственно послѣ послѣдняго публичнаго экзамена. Прежде, чѣмъ говорить о кончившихъ полный курсъ академическаго образованія, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о такихъ студентахъ, которые по разнымъ обстоятельствамъ не доходили до конца и выбывали изъ академіи раньше. Дальнѣйшая судьба ихъ, къ сожалѣнію, намъ очень мало извѣстна; всѣ свѣдѣнія, какія мы можемъ сообщить объ нихъ, большею частію ограничиваются одними ихъ именами. Студентовъ этихъ было довольно въ каждомъ курсѣ.

Первый курсъ до своего конца потерялъ четверыхъ студентовъ. Въ мартѣ 1844 г. уволенъ былъ студ. Ив. Ивановскій изъ Саратовской епархіи, по психическому разстройству, вслѣдствіе котораго онъ не оказывалъ почти никакихъ успѣховъ; послѣ годичныхъ экзаменовъ 1845 г. уволенъ въ свое природное тамбовское епархіальное вѣдомство Ѳедоръ (Трофимовичъ) Флоринъ,—былъ послѣ священникомъ въ Тамбовской епархіи, въ с. Загряжскомъ, имѣніи графа П. С. Строганова. Два студента этого курса скончались,—одинъ симбирскій Александръ Мальховъ въ январѣ 1846 г. въ домѣ матери, гдѣ онъ лечился отъ чахотки, другой харьковскій

Ив Грековъ—тоже отъ чахотки—въ ноябрѣ 1846 г., вскорѣ по окончаніи курса, у родныхъ въ Екатеринославской епархіи.

Потери II курса были еще больше. Въ началѣ 1845 г. были уволены по болѣзни астраханскій студентъ Назаръ Соколовъ, вышедшій потомъ въ свѣтское званіе, и саратовскій Ив. Алфіоновъ; послѣдній пріѣхалъ съ болѣзнью глазъ и былъ принятъ въ числѣ сомнительныхъ студентовъ, въ академіи еще болѣе разстроилъ зрѣніе; послѣ онъ служилъ протоіереемъ въ Саратовѣ, скончался въ 1880-хъ годахъ въ монашествѣ. Послѣ вакатныхъ экзаменовъ были уволены еще четыре студента: казанскій Александръ (Дмитріевичъ) Агровскій, астраханскій Филиппъ Любомудровъ, студентъ успѣшный, но, какъ и Алфіоновъ, больной глазами, иркутскій Ѳѳимъ (Петровичъ) Закоурцевъ, поступившій по увольненіи въ природное свое томское епархіальное вѣдомство, и пермскій изъ волонтеровъ Яковъ (Петровичъ) Коронинъ—по малоуспѣшности, по увольненіи былъ нѣкоторое время письмоводителемъ въ академической канцеляріи, потомъ поступилъ на службу въ уголовную палату. Весной 1846 г. уволены были симбирскій студентъ Василій Богородицкій, подвергшійся разстройству умственныхъ способностей, и лучшее по дарованіямъ свѣтило курса, вятскій студентъ Иванъ (Антиповичъ) Подаринъ, имѣвшій несчастную слабость къ пьянству. Онъ былъ уволенъ по прошенію для поступленія въ университетъ, но, какъ мы уже упоминали, кончилъ свои жалкіе дни на приказной службѣ. Вскорѣ послѣ своего увольненія, осенью того же 1846 г., онъ завелъ любопытное дѣло о дарованіи ему званія студента академіи, подавалъ о томъ даже на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ писалъ, что онъ учился въ академіи отлично, такъ что въ спискахъ стоялъ подъ первымъ номеромъ; правленіе академіи рѣшило этотъ вопросъ отрицательно на томъ основаніи, что въ уставѣ особаго званія или степени студента академіи не указано, притомъ же студентъ Подаринъ вышелъ изъ академіи раньше окончанія курса, а потому остается съ званіемъ только студента семинаріи, дающимъ ему право по службѣ на 14 классъ (¹). Въ 1847 г. изъ того же курса выбыло еще два студента: весной былъ

(¹) Д. внутр. правл. 1846 г. № 40.

уволенъ извѣстный уже намъ иркутскій студентъ Стефанъ (Прокопьевичъ) Щаповъ, а осенью въ октябрѣ умеръ отъ холеры нижегородскій студентъ Алексѣй (Григорьевичъ) Кедровъ. Такимъ образомъ курсъ этотъ, состоявшій изъ 31 человѣка, потерялъ въ теченіе своего пребыванія въ академіи 10 человѣкъ.

Изъ III курса, состоявшаго изъ 40 человѣкъ, раньше окончанія курса выбыло 6. Въ 1847 г. одновременно съ С. Щаповымъ уволенъ его землякъ, иркутскій же студентъ Григорій Литвинцевъ, для котораго оказался нездоровымъ климатъ г. Казани; осенью того же года выбылъ изъ академіи вятскій студентъ Василій (Іонычъ) Осокинъ, почти съ самаго поступленія все хворавшій въ больницѣ, и одинъ казанскій студентъ Ѳедоръ Пальмовъ скончался одновременно съ А. Кедровымъ отъ холеры. Кромѣ того, еще въ самомъ началѣ года послѣ рождественскихъ экзаменовъ были уволены два вятскихъ студента Василій Пинѣгинъ и Неофитъ Мышкинъ, присланные на казенный счетъ, но принятые въ числѣ сомнительныхъ на собственномъ содержаніи. Въ 1849 г., когда этотъ курсъ находился въ старшемъ отдѣленіи, закончилось упомянутое дѣло объ увольненіи изъ академіи и изъ духовнаго званія студента Петра Веселицкаго (изъ симбирской семинаріи).

Изъ 28 человѣкъ IV курса уволены: въ первое же полугодіе по поступленіи въ академію Григорій Бажановъ, тогда же уволенный и изъ духовнаго званія для поступленія въ университетъ; въ началѣ слѣдующаго полугодія, къ веснѣ 1849 г., пензенскій студентъ Александръ Терновскій и казанскій Григорій Цвѣтковъ,—оба по болѣзни; въ 1850 г. астраханскій студентъ Евграфъ Альшанскій, саратовскій Василій Промптовъ—въ епархіальное вѣдомство и казанскій Степанъ Муратовскій въ свѣтское званіе.

Изъ очень многолюднаго V курса, поступившаго въ 1850 г., изъ 38 человѣкъ выбыли: послѣ первыхъ рождественскихъ экзаменовъ въ началѣ 1851 г. два казанскихъ студента Гавріилъ Ястребовъ и Михаилъ Рождественскій, оказавшіе слабые успѣхи; осенью въ началѣ учебнаго года одинъ астраханскій студентъ Викторъ Никольскій, будучи, по желанію отца (астраханскаго протоіерея), переведенъ въ первый

курсъ петербургской академіи, и одинъ вятскій Григорій Спасскій въ маѣ того же 1851 г. скончался.

Изъ 33 студентовъ VI курса выбыли: въ первое же полугодіе (въ окт. 1852 г.) тамбовскій студентъ Иванъ Красовскій за болѣзнью глазъ; къ концу учебнаго года—по болѣзни же грузинъ изъ астраханской семинаріи Михаилъ Зуріевъ; въ 1854 г. пермскій студентъ Степанъ Шиловскій, поступившій въ казанскій университетъ; въ томъ же году нижегородскій студентъ Петръ Малиновскій перешелъ въ московскую академію; въ февралѣ 1855 г. одинъ студентъ изъ казанцевъ Николай Вишневскій скончался.

Объ исключенныхъ изъ VII курса мы уже имѣли случай упомянуть выше; это были: въ 1855 г. Михаилъ Сильвановъ изъ пермскихъ студентовъ, въ 1856 г. Петръ (Васильевичъ) Веселовскій изъ нижегородовъ и П. Турминскій.

Изъ 32 человѣкъ VIII курса въ разное время 1858—1859 гг. при ректорѣ Іоаннѣ выбыли: тамбовскій студентъ Иванъ (Никитичъ) Спасскій, служившій послѣ инспекторомъ въ бугульминскомъ училищѣ; Николай (Антоновичъ) Соколовъ изъ нижегородской семинаріи, бывшій потомъ нѣкоторое время инспекторомъ нижегородскаго училища; Александръ (Николаевичъ) Юшковъ изъ тобольскихъ студентовъ, поступившій на гражданскую службу въ Казани; Егоръ (Ѳедоровичъ) Студенскій изъ пензенской семинаріи, поступившій въ священники; Владиміръ (Ивановичъ) Вишневскій изъ симбирской семинаріи; Ѳедоръ Виноградовъ изъ владимірской семинаріи; Яковъ Акимовъ изъ ставропольской семинаріи, поступившій въ священники.

IX курсъ лишился 8 студентовъ изъ 27 своего первоначальнаго состава: въ 1859 — 1860 гг. изъ него выбыли: Иванъ (Яковлевичъ) Лазаревъ пермскій по болѣзни, Серафимъ (Осиповичъ) Чесноковъ вятскій для поступленія въ военную службу по морскому вѣдомству; два пермскихъ студента Александръ (Михаиловичъ) Лавровъ и Яковъ (Ильичъ) Поповъ—по извѣстной исторіи на озерѣ Кабанѣ, гдѣ утонулъ ихъ землякъ чиновникъ; — Лавровъ служилъ потомъ военнымъ аудиторомъ и померъ на Кавказѣ. Осенью 1860 г. скончался изъ того же курса симбирскій студентъ Капитонъ Никольскій, а въ началѣ 1861 г. уволенъ по болѣзни уфимскій студентъ О. С. Викторовъ; послѣдній впрочемъ при окончаніи курса

сдалъ вмѣстѣ со всѣми экзаменъ, подалъ сочиненіе и получилъ степень кандидата, какъ кончившій курсъ. Затѣмъ весной 1861 г. разразилось надъ академіей дѣло о панихидѣ, которое стоило этому курсу еще двоихъ студентовъ,—Василія (Степановича) Боголюбова изъ Ставрополя и іеродіакона Мелетія Якимова; послѣдній потомъ, какъ и Викторовъ, тоже пріобрѣлъ права кончившаго курсъ и степень кандидата.

На X курсѣ дѣло о панихидѣ отозвалось тяжелѣе; изъ него исключено было четыре студента, кромѣ священника Яхонтова, который былъ студентомъ только приватнымъ: вятскій Егоръ (Петровичъ) Кочкинъ, иркутскій С. С. Шашковъ, Лебединскій и еще вятскій—Новицкій. Но, и помимо дѣла о панихидѣ, курсъ этотъ потерялъ нѣсколько студентовъ, вышедшихъ изъ академіи по прошеніямъ: въ 1860 г. уволился по семейныхъ обстоятельствамъ саратовскій студ. М. Агринскій, въ апрѣлѣ 1861 г. пермскій Александръ Коровинъ, служившій послѣ инспекторомъ въ далматовскомъ училищѣ, лѣтомъ того же года саратовскій студ. Максимъ Протасовъ по болѣзни. Трое студентовъ умерли: въ 1861 г. казанскій Иванъ Можаровскій (утонулъ во время ваката въ отпускѣ), въ 1864 г. саратовскій Иванъ Ировъ и въ августѣ того же года, уже по окончаніи курса, нижегородскій студ. Иванъ Миловскій отъ чахотки.

О страшныхъ потеряхъ XI и XII курсовъ, которые постигнуты были извѣстнымъ повальнымъ стремленіемъ студентовъ къ выходу изъ академіи при ректорѣ Иннокентіи, мы уже говорили; для полноты настоящаго очерка повторимъ здѣсь снова списокъ вышедшихъ тогда изъ академіи лицъ. Изъ XI курса выбыли: въ 1863 г. самарскій Алексѣй Балтинскій, пермскій Александръ Плотниковъ, самарскій Николай Кандалинскій (померъ въ апрѣлѣ 1863 г.); въ 1864 г. иркутскій Константинъ Знаменскій—по разстройству умственныхъ способностей, Ѳедоръ Платоновъ, выбывшій въ Харьковъ съ братомъ инспекторомъ Веніаминомъ, пермскій Василій (Яковлевичъ) Миртовъ, иркутскій Степанъ (Васильевичъ) Загоскинъ, тобольскій Александръ (Ивановичъ) Бекрѣевъ, поступившій въ университетъ, нынѣ учитель сибирскаго кадетскаго корпуса, тамбовскій Николай (Ивановичъ) Ждановъ, нижегородскій Ѳедоръ (Александровичъ) Зеленогорскій, — нынѣ профессоръ харьковскаго университета, уфимскій Кронидъ (Ивановичъ)

Малышевъ, тамбовскій Степанъ Любомудровъ, вятскій Александръ Яковл. Заволжскій, пензенскій Порфирій (Петровичъ) Гвоздевъ—впослѣдствіи инспекторъ казанской 1 гимназіи, затѣмъ учитель нижегородскаго дворянскаго института, пензенскій же Степанъ (Андреевичъ) Парадизовъ,—по окончаніи университетскаго курса бывшій присяжнымъ повѣреннымъ въ Нижнемъ, вятскій Александръ Голгоѳскій; въ 1865 г. кавказскій Прокопій Лысенко; въ 1866 г. во время ваката умеръ нижегородскій студентъ Степанъ Косаткинъ;—всего 18 человѣкъ.

Изъ XII курса выбыли: въ 1864 г. пензенскій студентъ Николай (Ивановичъ) Студенскій,—бывшій профессоръ хирургіи въ казанскомъ университетѣ, пермскій Иванъ Будринъ, пензенскій Константинъ Небосклоновъ, самарскій Аѳанасій Соколовъ, пензенскій Лавръ Автократовъ, пермскій Константинъ Максимовъ; въ 1865 г. вятскій Гавріилъ Ушнурскій, уфимскій Павелъ Милицынъ; въ 1866 г. казанскій Владиміръ Павловскій и самарскій Иванъ Соковнинъ; весной того же года умеръ въ томъ же курсѣ симбирскій студентъ Павелъ Алѣевъ. Всѣхъ 11 человѣкъ.

Потери XIII курса, не смотря на его безпримѣрную величину (45 человѣкъ), были не значительны. Въ 1867 г. одинъ изъ лучшихъ студентовъ Ѳедоръ Ольховскій (кавказскій), проучившись годъ, раньше времени по болѣзни уѣхалъ на вакатъ и уже не возвращался; весной 1868 г. онъ былъ уволенъ вслѣдствіе присланнаго имъ прошенія по болѣзни. Въ ту же весну уволился было по болѣзни студ. Прокопій Благовидовъ, но осенью выздоровѣлъ и снова поступилъ въ тотъ же курсъ уже въ старшее отдѣленіе. Въ маѣ 1869 г. уволенъ былъ по разстройству умственныхъ способностей студентъ Иродіонъ Юрьевъ (томскій), вскорѣ скончавшійся на своей родинѣ.

Изъ XIV курса до 1870 г. выбыли: къ Рождеству 1869 г. по болѣзни казанскій студентъ іеромонахъ Германъ Целерицкій; въ маѣ 1870 г. — родственникъ ректора Никанора Михаилъ Юркевичъ для перехода въ московскую академію,—нынѣ священникъ въ г. Одессѣ; къ вакату того же года уфимскій Митрофанъ Кремлевъ по семейнымъ обстоятельствамъ, астраханскій Димитрій Семченко, учившійся послѣ въ казанскомъ университетѣ, теперь врачъ въ г. Казани, ставропольскій Назаръ Стрепетовъ—для поступленія въ уни-

верситетъ „по любви, какъ онъ объяснялся, къ естественнымъ наукамъ", и Никтополіонъ Коряковъ—тобольскій, для поступленія въ медицинскую академію.

Теряя столько молодыхъ силъ, духовное вѣдомство въ 1860-хъ годахъ старалось вознаградить по крайней мѣрѣ свои матеріальныя на нихъ издержки и, какъ мы уже видѣли, стало назначать со всѣхъ увольнявшихся изъ академіи въ свѣтское вѣдомство денежныя взысканія за ихъ воспитаніе по числу лѣтъ, проведенныхъ ими въ академіяхъ; взысканія эти прописывались въ ихъ документахъ. Изъ-за этихъ взысканій у духовнаго вѣдомства въ концѣ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ возникла длинная и безпокойная переписка, во многихъ случаяхъ оказывавшаяся безплодною, потому что подлежавшія этимъ взысканіямъ личности изыскивали всяческіе способы уклониться отъ нихъ. До 1864 г. при поступленіи въ академію съ новыхъ студентовъ не брали никакихъ обязательствъ относительно пребыванія ихъ въ духовномъ вѣдомствѣ, на что они потомъ и ссылались при уклоненіи отъ взысканій. Издавна же практиковавшійся срокъ обязательной службы по духовному вѣдомству относился къ однимъ кончившимъ полный академическій курсъ, къ судьбѣ которыхъ теперь и обратимся.

Всѣ, оканчивавшіе курсъ, предназначались на службу по духовному вѣдомству, въ чемъ при окончаніи курса и брались съ нихъ подписки. Въ этихъ подпискахъ они высказывали свое намѣреніе или принять монашество, или поступить въ бѣлое духовенство [1]. Въ бѣлое духовенство поступило съ теченіемъ времени значительное число воспитанниковъ казанской академіи; но монашествующихъ лицъ изъ нея вышло сравнительно съ другими академіями немного,—изъ всѣхъ обозрѣнныхъ курсовъ 17 человѣкъ, изъ коихъ половина—9—удостоились святительскаго сана [2].

Съ выпуска VII курса правленіе академіи стало опускать свою обязанность брать съ студентовъ означенныя подписки. По причинѣ довольно еще рѣдкихъ уклоненій студентовъ отъ службы по духовному вѣдомству на это опущеніе долго никто

[1] См. напр. подписка I курса въ дѣлѣ внутр. правл. 1846 г. № 19.

[2] Имена ихъ см. ниже въ спискѣ студентовъ.

не обращалъ вниманія. Въ первый разъ оно обнаружилось въ 1864 г. по случаю выхода изъ духовно-учебной службы баккалавра А. С. Павлова въ казанскій университетъ и его товарища по академическому курсу, учителя нижегородской семинаріи В. И. Соколова въ гродненскую гимназію, когда возникъ вопросъ о взысканіи съ нихъ обратно классныхъ денегъ, полученныхъ ими по степени магистра, и когда они, желая освободиться отъ этого взысканія, заявили, что при окончаніи курса не давали никакого обязательства оставаться въ духовномъ званіи и поступить со временемъ на священнослужительскую службу. Говоря о службѣ А. С. Павлова, мы уже имѣли случай касаться этого дѣла. Св. Синодъ высказался по поводу представленнаго ему заявленія, что отобраніе отъ студентовъ указанныхъ обязательствъ существуетъ давно, по всѣмъ извѣстному порядку, и что, если въ свое время съ подвергаемыхъ теперь взыску и не взято было никакихъ подписокъ, то это зависѣло только отъ небрежности академическаго правленія [1]. Отъ 7 сентября того же 1864 г. вышелъ строгій синодальный указъ для всѣхъ академій: а) брать подписки о четырехлѣтнемъ срокѣ обязательной службы по духовно-учебному вѣдомству со всѣхъ студентовъ академіи при самомъ еще поступленіи ихъ въ академію, б) по окончаніи же курса утверждать ихъ въ степеняхъ не ранѣе, какъ по прослуженіи на учебныхъ должностяхъ четырехъ мѣсяцевъ [2]. Подписки о поступленіи въ духовный чинъ съ оканчивавшихъ курсъ съ этихъ поръ стали отбираться неопустительно.

Непосредственно за актомъ выпуска студентовъ академическая администрація приступала къ дѣлу о распредѣленіи ихъ на мѣста. Дѣло это относилось къ вѣдомству внѣшняго правленія академіи. Еще весной выпускнаго года послѣднее разсылало по округу запросы о вакантныхъ мѣстахъ въ семинаріяхъ и училищахъ. Въ это время, по каждогодному порядку, отъ всѣхъ служащихъ по духовно-учебному вѣдомству отбирались письменныя заявленія о желаніи ихъ продолжать службу въ будущемъ учебномъ году и такимъ образомъ обозначались не только уже открывшіяся, но и будущія вакансіи.

(1) Д. внутр. правл. 1864 г. №№ 60 и 65; внѣшн. правл. 1865 г. № 27.

(2) Д. внутр. правл. 1866 г. № 68.

Къ окончанію академическаго курса правленіе имѣло у себя въ рукахъ всѣ нужныя свѣдѣнія для распредѣленія своихъ студентовъ. Получивъ отъ конференціи списокъ кончившихъ курсъ, оно немедленно расписывало по нему, куда кого послать на службу, соображаясь какъ съ успѣхами распредѣляемыхъ по тому или другому классу наукъ, такъ и съ мѣстами ихъ происхожденія, а отчасти и съ ихъ собственнымъ желаніемъ служить на томъ или на другомъ мѣстѣ. Первые по успѣхамъ студенты оставлялись при академіи, если при ней были баккалаврскія вакансіи; слѣдующіе назначались въ наставники семинарій и въ смотрители училищъ; состоявшіе по успѣхамъ еще ниже—въ инспекторы и учители училищъ, наконецъ за недостаткомъ мѣстъ—въ свои природныя епархіальныя вѣдомства. Этихъ послѣднихъ студентовъ епархіальнымъ начальствамъ дозволялось до назначенія на мѣста употреблять на учительскія занятія въ облегченіе болѣе другихъ занятымъ наставникамъ семинарій съ вознагражденіемъ не свыше суммы кандидатскаго оклада изъ экономическихъ суммъ семинарій, а въ случаѣ недостатка этихъ суммъ—на счетъ духовно-учебнаго капитала. Составивъ проектъ такого распредѣленія студентовъ по мѣстамъ, внѣшнее правленіе передавало его въ конференцію, а эта, по надлежащемъ разсмотрѣніи, отсылала въ духовно-учебное управленіе на утвержденіе.

Утвержденіе назначеній дѣлалось довольно скоро, но его все-таки приходилось дожидаться мѣсяца два, три и болѣе. Въ этотъ промежутокъ времени положеніе кончившихъ курсъ было самое неопредѣленное и непріятное. Кромѣ разныхъ нравственныхъ треволненій отъ ожиданія рѣшенія своей судьбы, они испытывали многія даже чисто внѣшнія неудобства своей непристроенности. Многіе уѣзжали на родину повидаться съ родными, можетъ быть, въ послѣдній разъ или по крайней мѣрѣ на долгую разлуку, для чего имъ, по ихъ желанію, выдавались даже прогонныя деньги (на пару лошадей) съ возвратомъ изъ суммы, какая причтется на отправленіе ихъ потомъ къ должности (1). Правленіе охотно ходатайствовало о выдачѣ имъ этихъ денегъ, потому что

(1) Напр. д. 1846 г. № 110; 1854 г. № 40.

само тяготилось содержаніемъ ихъ въ академіи до утвержденія назначеній. Кормились они за общимъ студенческимъ столомъ, а жили, гдѣ попало, — въ подвальномъ этажѣ, въ больницѣ и пр., потому что въ вакатъ по всей академіи обыкновенно производились ремонты, а послѣ ваката всѣ мѣста студенческихъ помѣщеній наполнялись учащимися и вновь пріѣхавшими студентами. Утвержденіе на мѣста приходило обыкновенно той же осенью; такъ, утвержденіе I курса — отъ 10 октября 1846 г., II — отъ 11 октября 1848 г., IV — отъ 21 окт. 1852 г., V — отъ 9 окт. 1854 г., VI—отъ 15 окт. 1856 г., VII—отъ 19 августа 1858 г., VIII—отъ 23 сентября 1860 г., IX—отъ 27 окт. 1862 г., X—отъ 20 ноября 1864 г.; только студенты III и XI к. утверждены были черезъ цѣлое полугодіе, — первые 9 янв. 1851, вторые—отъ 5 янв. 1867 г.; слѣдующіе курсы размѣщались уже по новому порядку.

Получивъ утвержденіе назначеній, внѣшнее правленіе сообщало о томъ внутреннему, предоставляя ему заняться самой отправкой студентовъ къ мѣстамъ ихъ назначеній. Имъ выдавались прогонныя деньги (на пару для каждаго) и деньги на первоначальное обзаведеніе въ количествѣ 50 руб.; количество это было опредѣлено Св. Синодомъ отъ 14 іюля 1843 г., — раньше выдавалось по 100 р. ассигнаціями. Назначаемымъ въ привиллегированныя губерніи выдавались кромѣ того не въ зачетъ годовые или полугодовые оклады ихъ будущаго жалованья. Наконецъ, по положенію бывшей коммиссіи духовныхъ училищъ 1837 г. п. 4, во вниманіе къ бѣдности студентовъ академіи, при окончаніи ими курса дозволено было обращать въ ихъ собственность всю одежду, какую они получали въ академіи, и бѣлье, за исключеніемъ столоваго; большая часть изъ нихъ брала съ собой на должность и свои постельные приборы,—тюфяки, подушки и одѣяла. Все это было очень полезно для нихъ на службѣ при тогдашнихъ малыхъ служебныхъ окладахъ. Alma mater, учившая, одѣвавшая и кормившая своихъ питомцевъ въ теченіе четырехъ лѣтъ ихъ курса, такимъ образомъ и выпускала ихъ изъ своихъ стѣнъ съ полнымъ, такъ сказать, приданымъ, обмундированными и снабженными всѣми вещами, необходимыми для нихъ на первыхъ порахъ небогатой жизни.

Духовно-учебное управленіе рѣдко измѣняло назначенія, составленныя академическимъ правленіемъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда студенты сами перепрашивались на другія мѣста, подавая о томъ прошенія синодальному оберъ-прокурору, послѣдній почти постоянно предоставлялъ рѣшать подобныя дѣла академическому же правленію. Просьбы подобнаго рода подавались и самому правленію и, при тогдашнемъ обиліи мѣстъ по округу, удовлетворялись безъ особеннаго труда. Не доставало не мѣстъ для людей, а людей для мѣстъ. Особенно затруднительно было для начальства замѣщать вакансіи въ сибирскихъ учебныхъ заведеніяхъ; уроженцы внутреннихъ губерній ѣхали туда неохотно, а сибиряковъ было мало; поэтому нѣкоторыя назначенія въ эти отдаленныя мѣста бывали даже не безъ принужденія. Студенты получали мѣста всѣ, цѣлымъ курсомъ, большею частію при первомъ же общемъ распредѣленіи по мѣстамъ. Только немногіе отсылались пока въ епархіальное вѣдомство, но и они, если не въ томъ же, то въ слѣдующемъ году, тоже получали назначенія, если только не успѣвали еще раньше пристроиться на епархіальной или же на гражданской службѣ. Когда весной слѣдующаго по выпускѣ нечетнаго года въ округѣ открывались новыя вакансіи и въ правленіе присылались запросы о кандидатахъ для ихъ замѣщенія, въ распоряженіи академіи не оказывалось уже ни одного кандидата, и правленіе чрезъ оберъ-прокурора предоставляло эти вакансіи для замѣщенія воспитанникамъ другихъ академій, петербургской и кіевской, которые оканчивали курсъ въ нечетные годы.

Такой довольно спокойный и возможно безобидный для всѣхъ порядокъ размѣщенія студентовъ былъ нарушенъ только въ ректорство архим. Іоанна, который и въ это дѣло внесъ свойственные ему деспотическіе пріемы. Онъ не любилъ выслушивать никакихъ заявленій со стороны студентовъ относительно желаемыхъ ими мѣстъ и предметовъ ихъ будущей учебной службы, шелъ даже наперекоръ подобнымъ заявленіямъ, если ихъ и выслушивалъ. Распредѣленіе студентовъ на мѣста онъ дѣлалъ самъ единолично у себя въ кабинетѣ, безъ вѣдома даже правленія и конференціи, и держалъ эту свою работу въ величайшемъ секретѣ отъ всѣхъ до самаго ея утвержденія въ Св. Синодѣ. Въ 1858 г. журналъ о распредѣленіи VII курса былъ весь написанъ на-бѣло рукою самого секре-

таря, подписанъ по секрету, кромѣ ректора, инспекторомъ и проф. Соколовымъ и остался въ полной неизвѣстности не только для студентовъ, но и для профессоровъ, какъ ни добивались кончившіе курсъ узнать, кто изъ нихъ куда и на какой предметъ назначенъ. До самаго утвержденія назначеній никто изъ нихъ не могъ ни подготовляться къ поѣздкѣ, потому что Богъ вѣсть — въ какіе края огромнаго казанскаго округа придется ѣхать, ни запастись нужными для службы учебными пособіями. Въ 1860 г. журналъ и представленіе о распредѣленіи VIII курса, написанные тоже рукою секретаря, подписаны были только ректоромъ и инспекторомъ и держались до утвержденія въ еще большемъ секретѣ. Назначенія на мѣста въ оба раза явились полнымъ сюрпризомъ для студентовъ, да кромѣ того и составлены были въ оба раза весьма неудачно. Слѣдствіемъ этого было то, что во внѣшнемъ правленіи начался длинный рядъ дѣлъ о переводѣ только лишь назначенныхъ учителей по округу съ мѣста на мѣсто, по просьбамъ ихъ прямо на имя синодальнаго оберъ-прокурора.

Студентъ VII к. В. Лаврскій, родомъ нижегородецъ, назначенный въ самарскую семинарію, отъ 25 августа подалъ оберъ-прокурору прошеніе объ опредѣленіи его на должность въ нижегородскую семинарію на вакантную каѳедру словесности. Просьба была переслана оберъ-прокуроромъ во внѣшнее правленіе академіи; рѣшеніе послѣдняго, написанное начерно самимъ ректоромъ, было несостоятельно по всѣмъ пунктамъ, но зато весьма сердито (16 декабря): „Донести г. синодальному оберъ-прокурору, что 1) академическое начальство при распредѣленіи своихъ воспитанниковъ по мѣстамъ училищной службы руководится точными соображеніями о ихъ достоинствѣ, принимая во вниманіе и зная, кто изъ нихъ и на какомъ мѣстѣ можетъ быть болѣе полезенъ и нуженъ, о чемъ сами воспитанники по неопытности не всегда могутъ судить основательно; 2) исполненіе личныхъ желаній самихъ воспитанниковъ... можетъ только затруднять начальство въ его распоряженіяхъ и видахъ, которые должны клониться къ пользѣ службы, а не къ одному исполненію желаній ихъ, и притомъ производить между ними самими столкновеніе въ желаніяхъ, производя вредное соперничество; 3) по уставу воспитанники академіи обязаны прослужить не менѣе 4-хъ лѣтъ на училищной службѣ, гдѣ будетъ указано началь-

ствомъ, изъ благодарности за воспитаніе и казенное содержаніе; 4) студ. Лаврскій, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ академіи, назначенъ въ самарскую семинарію и по тому особенному соображенію, что эта семинарія, какъ новооткрытая, имѣетъ на первый разъ настоятельную и преимущественную нужду въ хорошихъ наставникахъ; 5) студ. Лаврскій не представляетъ никакихъ особенно уважительныхъ причинъ къ переводу его въ нижегородскую семинарію, кромѣ одного желанія жить на родинѣ съ родными, желанія безъ важныхъ причинъ не слишкомъ уважительнаго на службѣ, а впрочемъ и самъ Лаврскій не отрекается служить, гдѣ ему будетъ назначено, какъ видно изъ его письма къ г. синодальному оберъ-прокурору; 6) непосредственнымъ обращеніемъ къ высшему начальству, мимо своихъ ближайшихъ начальствъ, Лаврскій обнаруживаетъ недостатокъ вниманія къ порядку служебныхъ отношеній и заслуживаетъ, чтобы ему на этотъ предметъ было сдѣлано замѣчаніе; 7) такъ какъ подобное непосредственное обращеніе воспитанниковъ и служащихъ по духовно-учебному вѣдомству къ высшему начальству мимо своихъ ближайшихъ случается весьма нерѣдко и большею частію, понапрасну безпокоя первое, затрудняетъ послѣднія, и вообще противно доброму порядку службы, то нельзя не пожелать, чтобы эти безпорядки были прекращены высшими начальственными распоряженіями" ([1]). Въ 1860 г. Лаврскій все-таки успѣлъ перейти изъ Самары въ Нижній.

Для этого ректора особенно непріятно было обращеніе воспитанниковъ академіи и наставниковъ по округу прямо къ высшей власти и онъ не разъ представлялъ высшему начальству объ уничтоженіи такого будто бы вреднаго для службы обычая. Но произведенное имъ же движеніе произвольно назначенныхъ на мѣста студентовъ къ переходу съ этихъ мѣстъ на другія продолжалось, не смотря на всѣ его представленія. Одинъ изъ студентовъ сибиряковъ того же VII курса А. Кузнецовъ былъ назначенъ въ пермскую семинарію, а другой студентъ тамбовецъ П. Аквилоновъ — въ Иркутскъ. Послѣдній за болѣзнью вовсе отказался ѣхать къ мѣсту назначенія и проживалъ безъ мѣста въ Казани до самой зимы, —благо, имѣлъ къ тому возможность, какъ человѣкъ доволь-

([1]) Д. внѣшн. правл. 1858 г. № 8.

но состоятельный,— а первый подалъ прошеніе на то самое мѣсто въ Иркутскъ, отъ котораго этотъ отказался, и оба добились таки своего; въ началѣ 1859 г. Кузнецовъ перешелъ въ Иркутскъ, а Аквилоновъ получилъ другое назначеніе—въ саратовскую семинарію, на слѣдующій годъ оставилъ впрочемъ и эту службу и перешелъ на родину въ епархіальное вѣдомство. Вятскій студентъ Г. Порфирьевъ, ссылаясь на болѣзнь, не поѣхалъ по назначенію въ тамбовскую семинарію и, выждавъ время, въ слѣдующемъ 1859 г. добился мѣста въ своей родной семинаріи по классу словесности. Казанскій студентъ Я. Фортунатовъ, изучавшій чувашскій, черемисскій и особенно татарскій языки, человѣкъ очень нужный въ Казани, зачѣмъ-то былъ назначенъ на службу въ томскую семинарію; въ 1860 г. и онъ перепросился на родину въ казанскую семинарію. Въ томъ же 1860 г. студентъ того же курса вятичъ А. Верещагинъ, служившій по назначенію въ самарской семинаріи, перешелъ въ вятскую, а рязанскій студентъ Н. Глѣбовъ, назначенный въ Пензу, — въ рязанскую. Такъ, вслѣдствіе произвольнаго и неудачнаго распредѣленія кончившихъ курсъ по мѣстамъ, цѣлые два года прошли въ передвиженіяхъ молодыхъ наставниковъ по округу, что̀ конечно никакъ уже не относилось къ пользамъ учебной службы, на которыя указывалъ суровый и властный ректоръ. Та же самая исторія повторилась и послѣ такого же распредѣленія студентовъ VIII курса въ 1860 г. (¹). Одинъ изъ студентовъ этого курса И. Морошкинъ, назначенный въ Саратовъ на математику, при первомъ же удобномъ случаѣ, въ 1861 г. прямо заявилъ по начальству, что онъ назначенъ на мѣсто неудачно, потому что математика даже вовсе не преподавалась въ академіи всему его курсу. Изъ-за этого, какъ мы уже упоминали, во внѣшнемъ правленіи завязалось очень непріятное ректору дѣло, кончившееся увольненіемъ Морошкина отъ духовно-училищной службы (²). Замѣшательства подобнаго рода продолжались до 1862 г., до распредѣленія слѣдующаго IX курса. Этотъ курсъ распредѣлялся уже съ меньшимъ произволомъ, хотя тоже не безъ промаховъ. Такъ напр. самарская семинарія, по случаю выхода изъ службы

(¹) Д. внѣшн. правл. 1861 № 9. Внѣшн. правл. 1860 г. № 40.

(²) Тоже дѣло внѣшн. правл. № 9.

ея наставника В. Орлова, преподававшаго между прочимъ татарскій языкъ, отъ 26 іюля просила внѣшнее правленіе назначить для нея новаго наставника изъ студентовъ, тоже знающихъ этотъ языкъ. Но правленіе, обѣщавшись принять это заявленіе во вниманіе, при распредѣленіи студентовъ забыло объ немъ и назначило на вакантное мѣсто студ. Трескинскаго, не знавшаго по-татарски. Правленіе семинаріи напомнило объ обѣщаніи, но поправлять дѣло было уже поздно, — вскорѣ (отъ 5 ноября) назначенія были утверждены и семинарія осталась безъ наставника татарскаго языка ([1]).

При распредѣленіи X курса многіе студенты сами подавали въ правленіе заявленія, гдѣ кто изъ нихъ желалъ служить, и заявленія эти были удовлетворяемы. Времена измѣнились. Частыя уклоненія студентовъ отъ духовно-училищной службы и бѣгство изъ этой службы наставниковъ усилились до того, что начальство нашлось вынужденнымъ употреблять всевозможныя мѣры для того, чтобы спасти свое духовно-училищное вѣдомство отъ угрожавшаго ему опустошенія, прибѣгая для этого и къ уступкамъ, и къ строгостямъ. Помыкать кончившими курсъ студентами стало невозможно. Однимъ изъ самыхъ чувствительныхъ средствъ къ удержанію академической молодежи въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ признаны были денежныя взысканія. Въ 1850-хъ годахъ взысканія эти ограничивались тѣмъ, что съ уходящихъ въ свѣтское званіе и службу магистровъ и кандидатовъ взыскивалась сумма полученныхъ ими на духовно-училищной службѣ классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ; въ 1860-хъ годахъ начали взыскивать съ нихъ деньги и за содержаніе въ академіи. Мы уже видѣли, ка́къ ректоръ Иннокентій въ 1864 г. старался подвести подъ такія взысканія, даже въ усиленномъ количествѣ, студентовъ, добровольно увольнявшихся изъ академіи. Въ то же самое время и такого же рода взысканія онъ пытался распространить и на тѣхъ изъ кончившихъ въ этомъ году курсъ студентовъ, которые отказывались отъ опредѣленныхъ для нихъ начальствомъ служебныхъ назначеній. Число вакансій по округу — болѣе 26 — и такъ уже превышало число студентовъ тогдашняго академическаго выпуска — 23, а между тѣмъ и изъ этого

([1]) Ж. конф. 1862 г. 20 сент.

недостаточнаго числа нѣкоторые прямо заявляли, что не желаютъ поступать на духовно-училищную службу: студ. И. Ястребовъ, лучшая надежда миссіонерскаго противомусульманскаго отдѣленія, пожелалъ поступить въ учебное отдѣленіе восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ; П. Князевскій устремился на гражданскую службу; А. Миславскій, назначенный, вопреки своему желанію, въ черниговскую семинарію, тоже предпочелъ опредѣлиться на гражданскую же службу; П. Озерецкій отказался ѣхать въ Томскъ, впрочемъ послѣ поступилъ на духовно-училищную службу въ своей родной пензенской семинаріи. Первымъ изъ нихъ подвернулся подъ руку ректора И. Ястребовъ. Вотъ любопытное опредѣленіе объ немъ правленія отъ 17 октября: „Такъ какъ онъ, Ястребовъ, вопреки и естественнымъ внушеніямъ природы человѣческой, оказывается неблагодарнымъ за свое воспитаніе въ духовномъ вѣдомствѣ, то взыскать съ него деньги, употребленныя вѣдомствомъ тѣмъ какъ на отправленіе его въ академію и на первоначальную экипировку въ ней, такъ и за содержаніе его въ академіи въ такомъ количествѣ, какое по разсчету причтется изъ всей суммы, дѣйствительно израсходованной въ теченіе этого времени на содержаніе академіи, во вниманіе къ тому, что не студенты существуютъ для академіи, но академія для студентовъ, безмездно снабжающая каждаго изъ нихъ не однимъ только столомъ и одеждою, но и квартирою, отопленіемъ, лекціями и проч.; до того же времени, пока онъ или другой кто за него не внесетъ таковую сумму въ духовное вѣдомство, не увольнять его изъ вѣдомства этого“. Св. Синодъ уволилъ его, увольнялъ и другихъ такихъ же студентовъ со взысканіемъ только одного студенческаго оклада по 100 р. въ годъ (¹).

Съ 1867 г. опредѣленіе кандидатовъ на духовно-учебныя должности стало производиться по новому порядку, соглашенному съ требованіями введеннаго тогда въ семинаріи новаго устава, послѣ выдержанія ими въ академіи или при семинаріяхъ пробныхъ лекцій. Въ казанской академіи эти лекціи начались въ 1868 г. при окончаніи XII курса. На первыхъ порахъ такія испытанія лекціями производились довольно строго, сопровождались возраженіями со стороны членовъ

(¹) Д. внѣшн. правл. 1864 г. № 24. Д. конфер. 1866 г. № 15.

испытательныхъ коммиссій и обращались въ маленькіе диспуты. Замѣчательно, что первымъ подвергся такому испытанію въ казанской академіи человѣкъ посторонній для нея, учитель свящ. Писанія уфимской семинаріи іеромонахъ Гавріилъ, нынѣ преосвященный старицкій (викарій Тверской епархіи), пожелавшій тогда перейти изъ Уфы въ тверскую семинарію на каѳедру нравственнаго богословія и проѣздомъ остановившійся для этихъ лекцій въ казанской академіи; лекціи его читались въ присутствіи оканчивавшихъ курсъ студентовъ и сопровождались небольшимъ диспутомъ (1).

О судьбѣ студентовъ разныхъ курсовъ по выходѣ ихъ изъ академіи и отчасти о плодахъ ихъ академическаго образованія читатели могутъ судить по прилагаемымъ при семъ спискамъ ихъ.

(1) Въ письмѣ своемъ къ автору настоящей Исторіи отъ 5 дек. 1888 г. Преосвященный, выражая признательность свою къ казанской академіи, называетъ себя «какъ бы студентомъ ея».

СПИСКИ

СТУДЕНТОВЪ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ, ОКОНЧИВШИХЪ ПОЛНЫЙ КУРСЪ ЗА 1846—1870 ГОДЫ.

I КУРСА (1842—1846 гг.).

Утверждены въ степеняхъ по опредѣленію Св. Синода $^{18}/_{28}$ *іюня 1847 г.*

Магистры:

Владимірскій Александръ Поликарповичъ—изъ нижегородской семинаріи. Оставленъ при академіи. Нынѣ протоіерей, ректоръ академіи (¹).

Ильминскій Николай Ивановичъ—изъ пензенской семинаріи. Оставленъ при академіи. Скончался 27 декабря 1891 г. директоромъ учительской семинаріи въ Казани.

Гвоздевъ Иванъ Петровичъ—изъ пензенской семинаріи. Профессоръ академіи. Скончался въ 1873 г.

Бобровниковъ Алексѣй Александровичъ—изъ иркутской семинаріи. Баккалавръ академіи. Скончался въ 1865 г.

Ляпустинъ Евгеній Александровичъ—изъ пермской семинаріи. Былъ профессоромъ исторіи въ вятской семинаріи. Въ 1849 г. уволенъ отъ службы въ епархіальное вѣдомство. Въ 1850 г. поступилъ въ священники въ Билимбаевскій заводъ Екатеринбургскаго уѣзда, потомъ перешелъ въ томъ же

(¹) О судьбѣ всѣхъ лицъ, служившихъ при академіи, см. въ Исторіи самой академіи. Здѣсь только отмѣчается, что они были опредѣлены на академическую службу.

году въ Нытвинскій заводъ Оханскаго уѣзда. Въ непродолжительномъ времени умеръ въ заштатѣ.

Пиксановъ Арсеній Ермиловичъ—изъ саратовской семинаріи. Былъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ и калмыцкаго языка въ кавказской семинаріи. Съ 1850 г. служилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ палатѣ государственныхъ имуществъ въ Ставрополѣ. Въ 1855 г. перешелъ на ту же должность въ Минскъ. Потомъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднее время былъ губернскимъ прокуроромъ въ Варшавѣ. Скончался въ 1886 г.

Соколовъ Евграфъ Ивановичъ—изъ уфимской семинаріи. Былъ смотрителемъ бугульминскаго духовнаго училища, потомъ профессоромъ физико-математическихъ наукъ въ уфимской семинаріи. Въ 1855 г. вышелъ въ свѣтское званіе, а въ 1857 г. вышелъ изъ семинаріи на службу въ канцелярію оренбургскаго губернатора. Послѣ занимался въ Петербургѣ адвокатурой.

Кротковъ Алексѣй Мартиніановичъ—изъ казанской семинаріи. Былъ профессоромъ пермской семинаріи по св. Писанію. Въ 1847 г. рукоположенъ въ священники къ Троицкой церкви и до 1851 г. служилъ законоучителемъ при училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей. Въ 1847 же году перешелъ на каѳедру гражданской исторіи въ семинарію. Въ 1851 г. назначенъ ректоромъ пермскаго духовнаго училища. Въ 1853 г. произведенъ въ протоіерея въ г. Кунгуръ съ увольненіемъ отъ училищной службы и назначенъ миссіонеромъ по Кунгурскому и Красноуфимскому уѣздамъ. Съ 1856 г. сдѣланъ каѳедральнымъ протоіереемъ въ Екатеринбургѣ и ректоромъ духовнаго училища. Несъ на себѣ разныя епархіальныя должности. Въ настоящее время состоитъ каѳедральнымъ протоіереемъ, безъ должности ректора, имѣетъ наперсный крестъ, ордена св. Анны 2 степени съ короною и св. Владиміра 4 степени.

Златообрѣзовъ Иванъ Трофимовичъ—изъ астраханской семинаріи. Служилъ сначала въ астраханской, потомъ съ 1857 г. въ нижегородской семинаріи профессоромъ по классу св. Писанія. Въ 1864 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы на службу въ западный край, былъ тамъ гдѣ-то учителемъ гимназіи. Скончался въ 1870-хъ годахъ. Напечатанъ его переводъ пространнаго огласительнаго слова св. Григорія Нисскаго. Москва. 1859 г.

Котлецовъ Петръ Алексѣевичъ, вятскій урожденецъ, но учился въ иркутской семинаріи. Былъ профессоромъ словесности въ вятской семинаріи. Въ 1851 г. поступилъ въ священники въ с. Ворчальское Вятскаго уѣзда. Съ конца 1855 г. былъ протоіереемъ въ слободѣ Кукаркѣ. Имѣлъ ордена Анны 2 ст., Владиміра 4 ст. и палицу. Скончался въ 1880 г.

Старшіе кандидаты съ правомъ на полученіе степени магистра по представленіи новыхъ болѣе удовлетворительныхъ сочиненій:

Дмитревскій Иванъ Степановичъ—изъ саратовской семинаріи. Былъ учителемъ физики и математики въ пензенской семинаріи. Въ 1848 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и опредѣлился въ казенную палату, гдѣ и служилъ до 1858 г. Потомъ до 1865 г. былъ казначеемъ въ г. Сердобскѣ. Съ 1865 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій въ саратовской казенной палатѣ, съ 1866 г. губернскимъ казначеемъ. Скончался въ 1872 г.

Граціановъ Алексѣй Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Былъ учителемъ церковной исторіи въ саратовской семинаріи; въ 1850 г. перешелъ въ нижегородскую семинарію на классъ физики и математики. Въ 1851 г. уволенъ отъ службы. Скончался въ началѣ 1860-хъ годовъ.

Ѳаворскій Ѳедоръ Андреевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Былъ учителемъ логики и психологіи въ тифлисской семинаріи. Потомъ преподавалъ церковную исторію. Съ 1883 г. былъ смотрителемъ тифлисскаго духовнаго училища. Скончался въ 1885 г.

Аретинскій Дмитрій Николаевичъ, въ монашествѣ *Діонисій*, орловскій уроженецъ, но поступилъ въ академію изъ кіевской семинаріи. Опредѣленъ въ вятскую семинарію на церковную исторію; съ 1847 г. преподавалъ философію и патристику. Въ 1852 г. постриженъ въ монашество и съ 1854 г. переведенъ на классъ богословскихъ наукъ. Въ 1857 г. переведенъ въ нижегородскую семинарію инспекторомъ. Въ 1860 г. возведенъ въ санъ архимандрита и въ концѣ того же года назначенъ ректоромъ вятской семинаріи. Скончался въ мартѣ 1863 г. и погребенъ въ Трифоновомъ монастырѣ. Въ началѣ 1850-хъ годовъ онъ составилъ для учениковъ вятской семинаріи учебникъ логики, оставшійся въ рукописи.

Феликсовъ Иванъ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Былъ смотрителемъ симбирскаго духовнаго училища, а съ 1850 г.—уфимскаго. Въ 1853 г. посвященъ въ священники. Въ 1861 г. опредѣленъ въ законоучители въ уфимскій дѣтскій пріютъ. Исправлялъ разныя епархіальныя должности, наконецъ былъ въ Уфѣ каѳедральнымъ протоіереемъ. Въ настоящее время на покоѣ въ Оренбургѣ.

Кандидаты:

Емельяновъ Македонъ Ивановичъ—изъ тобольской семинаріи. Опредѣленъ въ тобольскую семинарію на классъ словесности. Преподавалъ еще татарскій языкъ. Въ 1847—1852 гг. проходилъ должность смотрителя духовнаго училища. Въ 1859 г. вышелъ въ свѣтское званіе, а въ 1862 г. изъ духовно-учебной службы и опредѣленъ старшимъ учителемъ латинскаго языка въ тобольской гимназіи. Въ 1866—1876 гг. былъ инспекторомъ гимназіи, потомъ опять учителемъ. Въ 1882 г. вышелъ въ отставку и въ томъ же году скончался.

Погодинъ Дмитрій Алексѣевичъ—изъ пермской семинаріи. Преподавалъ въ пермской семинаріи словесность. Въ 1848 г. вышелъ на гражданскую службу въ канцелярію губернатора. Потомъ служилъ въ Петербургѣ въ коммиссаріатской коммиссіи и въ интендантствѣ. Въ настоящее время въ отставкѣ съ пенсіей.

Зубаревъ Филаретъ Сосипатровичъ — изъ пермской семинаріи. Былъ учителемъ пермской семинаріи по греческому языку. Въ 1847 г. вышелъ изъ семинаріи въ протоіереи къ дѣвичьему монастырю въ Екатеринбургѣ. Исполнялъ въ Екатеринбургѣ разныя должности по епархіальной и учебной части. Въ 1856 г. сдѣланъ миссіонеромъ по южной половинѣ Екатеринбургскаго уѣзда,—уволенъ отъ этой должности въ 1857 г. Въ 1866 г. сдѣланъ ключаремъ собора. Съ 1871 г.—законоучитель женской гимназіи. Въ 1869 г. награжденъ камилавкой, въ 1873—наперснымъ крестомъ. Скончался.

Кошлаковъ Егоръ Антиповичъ — изъ тобольской семинаріи. Преподавалъ физику и математику въ симбирской семинаріи. Съ 1849 г. смотритель балашовскаго духовнаго училища до 1865 г., когда опять перемѣщенъ на тотъ же предметъ въ семинарію. Въ 1869 г. перешелъ на латинскій языкъ въ астраханскую семинарію. Въ 1878 г. вышелъ въ отставку съ орденомъ Анны 3 ст. (съ 1871 г.). Скончался въ 1887 г.

Дьячковъ Иванъ Дмитріевичъ—изъ вятской семинаріи. Былъ учителемъ физики и математики въ саратовской семинаріи. Съ конца 1849 г. перешелъ на гражданскую исторію въ вятскую семинарію. Въ 1858 г. вышелъ изъ семинаріи и служилъ въ вятской палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда дворянскимъ засѣдателемъ. Съ 1865 г. былъ мировымъ посредникомъ въ Котельническомъ уѣздѣ, а съ 1869 г. участковымъ мировымъ судьей въ Яранскомъ уѣздѣ. Скончался въ концѣ 1872 г.

Соколовъ Григорій Дмитріевичъ — изъ казанской семинаріи. Служилъ учителемъ латинскаго и татарскаго языковъ въ кавказской семинаріи. Въ 1848 г. оставилъ семинарію. Былъ чиновникомъ особыхъ порученій, а послѣ мировымъ судьей въ Пятигорскѣ. Скончался въ 1886 году.

Чемодановъ Тимоѳей Іонычъ—изъ вятской семинаріи. Преподавалъ физику и математику въ вятской семинаріи. Въ 1852 г. посвященъ въ священники къ семинарской церкви. Въ 1855 г. произведенъ въ протоіереи къ Ижевскому заводу. Въ 1859 г. вызванъ въ Вятку въ протоіереи Богоявленскаго собора и снова поступилъ въ семинарію на классъ церковной исторіи. Въ 1860 г. перемѣщенъ на классъ помощника ректора. Въ 1870 г. снова поступилъ въ Ижевской заводъ. Несъ разныя епархіальныя должности. Имѣлъ наперсный крестъ, палицу, ордена Анны 3 и 2 ст. и Владиміра 4 ст. Въ 1884 г. общество завода поднесло ему драгоцѣнный крестъ. Скончался въ декабрѣ 1884 г. Отъ него осталось въ разныхъ годахъ Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей нѣсколько поученій.

Даниловъ Константинъ Егоровичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ въ уфимскую семинарію на классъ св. Писанія. Въ 1851 г. перешелъ на классъ логики и психологіи. Въ 1855 г. рукоположенъ въ священники къ уфимскому собору и на другой годъ сдѣлался ключаремъ. Былъ потомъ соборнымъ протоіереемъ, членомъ консисторіи. Несъ и другія епархіальныя должности. Скончался въ январѣ 1887 г.

Политовъ Павелъ Яковлевичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ смотрителемъ духовнаго училища въ Якутскъ. Въ 1854 г. перешелъ на ту же должность въ Иркутскъ. Въ 1849 г. вышелъ въ свѣтское званіе, но въ 1858 г. снова воротился въ духовное званіе и посвятился въ священники. Въ 1861 г. уволился отъ смотрительства. Въ 1862 г. пере-

веденъ протоіереемъ въ Благовѣщенскъ на Амурѣ. Скончался каѳедральнымъ протоіереемъ въ 1888 г. Писалъ кое что въ Иркутскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ; за 1884 г. № 23 напечатано его „Предостереженіе православнымъ противъ совращеній въ молоканство“.

Орнатскій Павелъ Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Поступилъ въ свѣтское званіе и службу; служилъ сначала въ удѣльной конторѣ, потомъ въ губернскомъ правленіи, а съ 1855 г. въ коммиссаріатской коммиссіи. Съ 1885 г. въ отставкѣ въ чинѣ коллежскаго совѣтника; проживаетъ въ Москвѣ.

Евсхизовъ Иванъ Адріановичъ—изъ казанской семинаріи. Опредѣленъ въ смотрители челябинскаго духовнаго училища. Въ 1857 г. рукоположенъ въ священники съ оставленіемъ въ должности смотрителя. Скончался около 1867 г.

Спасскій Константинъ Яковлевичъ—изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ на классъ физики и математики въ вятскую семинарію. Съ 1850 г. былъ смотрителемъ духовнаго училища въ Елабугѣ и принялъ санъ священства. Въ 1864 г. произведенъ въ протоіереи. Въ 1872 г. вышелъ изъ духовно-учебной службы съ пенсіей. Въ 1875 г. перешелъ въ Сарапулъ къ Покровской церкви. Проходилъ должность законоучителя въ градскомъ училищѣ. Скончался въ Сарапулѣ заштатнымъ протоіереемъ въ іюлѣ 1887 г.

Ушенскій Михаилъ Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Вышелъ въ свѣтское званіе и поступилъ на службу въ палату государственныхъ имуществъ. Скончался.

Бобровскій Михаилъ Ивановичъ—изъ вятской семинаріи. Вышелъ въ свѣтское званіе и поступилъ на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ въ Петербургѣ. Въ 1848 г., по поводу венгерской войны, поступилъ въ военную службу уланомъ, былъ въ походѣ, но въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ. Въ 1850 г., по возвращеніи въ Петербургъ, перешелъ въ какой-то гренадерскій полкъ. Судьба его дальше неизвѣстна; извѣстно лишь, что онъ скончался.

Студентъ съ правомъ на степень кандидата по подачѣ новаго сочиненія:

Покровскій-Каменскій Иванъ Яковлевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Вышелъ изъ академіи студентомъ съ пра-

вомъ на кандидатство, если представитъ удовлетворительное сочиненіе. Поступилъ въ свѣтское званіе и служилъ при губернскомъ правленіи въ Казани и Симбирскѣ, потомъ вольнонаемнымъ писмоводителемъ при полиціи. Отъ службы былъ уволенъ за душевнымъ разстройствомъ. Въ 1860-хъ гг. куда-то пропалъ безъ вѣсти.

II КУРСА (1844—1848 гг.).

Утверждены въ степеняхъ Св. Синодомъ отъ 29 апрѣля 1849 г.

Магистры:

Крыловъ Василій Савичъ — изъ пензенской семинаріи. Былъ профессоромъ логики и психологіи въ саратовской семинаріи. Въ 1852 г. вышелъ въ свѣтское званіе и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь послѣ приготовленія въ аудиторіатской школѣ поступилъ въ аудиторы. Въ 1860-хъ годахъ изъ аудиторіатской службы перешелъ на службу въ Св. Синодъ. Здѣсь былъ помощникомъ секретаря по судебному отдѣлу, секретаремъ и оберъ-секретаремъ въ хозяйственномъ распорядительномъ отдѣленіи. Скончался около 1880 г.

Порфирьевъ Иванъ Яковлевичъ. Поступилъ баккалавромъ въ академію. Скончался въ 1890 г.

Дергачевъ Евгеній Васильевичъ—изъ тобольской семинаріи. Былъ опредѣленъ въ казанскую семинарію на классъ словесности; въ 1852 г. перешелъ на классъ логики и психологіи. Въ 1854—1859 гг. былъ смотрителемъ омскаго духовнаго училища, затѣмъ вышелъ въ гражданскую службу. Служилъ въ горномъ департаментѣ сената въ Петербургѣ, потомъ прокуроромъ по горному вѣдомству въ Екатеринбургѣ, въ 1870-хъ годахъ опять перешелъ въ Петербургъ.

Поповъ Яковъ Филипповичъ — изъ пермской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на богословскіе предметы помощникомъ ректора. Въ 1854 г. вышелъ изъ семинаріи на должность секретаря духовной консисторіи. Изъ консисторіи перешелъ въ пермскую уголовную палату, въ которой служилъ совѣтникомъ. Въ послѣднее время въ чинѣ статскаго совѣтника состоялъ мировымъ судьей въ Пермской губерніи. Въ 1887 г. вышелъ въ отставку.

Разумовъ Иванъ Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Занималъ каѳедру церковной исторіи, а съ 1850 г. словесно-

сти въ казанской семинаріи; съ 1857 г. перешелъ на туже каѳедру въ кавказскую семинарію. Въ 1876 г. уволенъ по душевному разстройству отъ должности и жилъ въ Казани. Умеръ въ 1884 г.

Цареградскій Николай Алексѣевичъ—изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ въ ставропольскую семинарію на классъ логики и психологіи съ порученіемъ преподавать и татарскій языкъ. Съ 1867 по 1887 г. былъ здѣсь инспекторомъ. Съ 1867 г. преподавалъ педагогику. Нѣсколько разъ исправлялъ должность ректора семинаріи и исполнялъ разныя порученія семинарскаго и епархіальнаго начальства. Съ 1866 г. состоитъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета. Въ 1887 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ статскаго совѣтника, имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и Владиміра 3 ст. Состоитъ катихизаторомъ миссіонерскаго Андреевскаго братства, въ учрежденіи и дѣятельности котораго принималъ живое участіе, обучая новообращенныхъ мухаммеданъ, евреевъ и калмыковъ. При содѣйствіи же его открыта была караногайская татарская школа, для которой онъ составилъ на татарскомъ языкѣ религіозные разговоры. Въ печати извѣстенъ его Историко-статистическій обзоръ духовно-учебныхъ заведеній сѣвернаго Кавказа въ Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній Ставропольской губерніи. Ставрополь 1869 г. Въ Домашней Бесѣдѣ 1861—1874 г. напечатано имъ до 15 статей;—болѣе обширныя: 1) Противъ статьи Современника: Антропологическій принципъ въ психологіи; 2) Прогрессъ въ исторіи—противъ Боккля; 3) По поводу кн. Властова: Наука и Библія; 4) О необходимости устройства епархіальнаго училища въ Ставрополѣ. Нѣсколько статей его есть въ Ставропольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Потѣхинъ Димитрій (въ мірѣ Василій Алексѣевичъ)—изъ казанской семинаріи. Былъ профессоромъ богословія въ казанской семинаріи. Въ монашество постриженъ въ августѣ 1847 г. Въ 1852 г. назначенъ инспекторомъ въ тамбовскую семинарію. Съ 1855 г. былъ ректоромъ иркутской семинаріи въ санѣ архимандрита. Въ 1862 г. уволенъ отъ ректорства и опредѣленъ настоятелемъ бѣднаго Киренскаго монастыря. Съ 1864 г. былъ снова ректоромъ въ Тобольскѣ. Разбитый параличемъ, онъ скончался за штатомъ въ маѣ 1873 г. въ Казани.

Гремяченскій Семенъ Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Баккалавръ академіи. Скончался.

Кандидаты съ правомъ на магистра по прослуженіи двухъ лѣтъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ:

Страховъ Дмитрій Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ въ симбирскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1852 г. перешелъ въ нижегородскую семинарію на классъ словесности. Въ 1856 г. рукоположенъ въ священники. Въ 1858 г. вышелъ изъ семинаріи на должность законоучителя Маріинской женской гимназіи (1858—1867). Въ разное время несъ на себѣ различныя должности по учебному и епархіальному вѣдомству. Съ 1867 г. по 1878 г. былъ смотрителемъ нижегородскаго духовнаго училища. Въ 1876 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 3 ст. и палицу.

Каменскій Николай Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую семинарію на классъ логики и психологіи; преподавалъ здѣсь калмыцкій языкъ. Въ 1850 г. вышелъ изъ семинаріи и поступилъ секретаремъ въ самарскую гражданскую палату. При введеніи новыхъ судебныхъ уставовъ выдержалъ экзаменъ на кандидата правъ и съ открытія судебныхъ учрежденій служилъ присяжнымъ повѣреннымъ сначала въ Самарѣ, затѣмъ съ 1870-хъ годовъ въ Петербургѣ. Подъ старость ослѣпъ.

Дубровинъ Сергій (въ мірѣ Тимоѳей Гавриловичъ)—изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ ставропольскую семинарію на богословскія науки помощникомъ ректора; въ монашество постриженъ въ августѣ 1847 г. Въ 1854 г. переведенъ въ саратовскую семинарію. Въ 1856 г. уволенъ отъ службы и жилъ въ саратовскомъ Преображенскомъ монастырѣ на іеромонашеской вакансіи. Скоро скончался.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра чрезъ 4 года:

Воздвиженскій Александръ Флегонтовичъ—изъ казанской семинаріи. Былъ наставникомъ словесности и татарскаго языка въ симбирской семинаріи. Въ 1851 г. уволенъ отъ службы. Послѣ этого служилъ на гражданской службѣ въ Казани. Умеръ въ началѣ 1850-хъ годовъ.

Кандидаты:

Благодаровъ Иванъ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Былъ учителемъ гражданской исторіи и греческаго

языка въ симбирской семинаріи; въ 1870 г. перешелъ на латинскій языкъ. Въ 1864 вышелъ въ свѣтское званіе. Много лѣтъ завѣдывалъ въ Симбирскѣ карамзинской библіотекой. Скончался въ 1872 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Розовъ Константинъ Семеновичъ—изъ саратовской семинаріи. Назначенъ преподавателемъ физики и математики въ ставропольскую семинарію. Преподавалъ здѣсь калмыцкій языкъ. Въ 1859 г. уволенъ изъ семинаріи съ пенсіей въ 200 р. Состоитъ катихизаторомъ при Андреевскомъ братствѣ.

Ласточкинъ Всеволодъ Гурьевичъ—изъ казанской семинаріи. Опредѣленъ на классъ словесности въ пермскую семинарію. Въ 1850 г. вышелъ въ свѣтское званіе, а въ 1852 г. вышелъ изъ семинаріи въ гражданское вѣдомство правителемъ дѣлъ при канцеляріи губернатора; потомъ въ той же должности служилъ въ Житомірѣ и Вильнѣ; здѣсь и затѣмъ въ Каменецъ-Подольскѣ былъ старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Скончался въ Вильнѣ.

Образцовъ Василій Николаевичъ—изъ уфимской семинаріи. Былъ смотрителемъ нерчинскаго духовнаго училища. Уволенъ отъ этой должности въ 1851 г. вслѣдствіе покушенія на свою жизнь по умственному разстройству. Съ 1852 г. по выздоровленіи служилъ засѣдателемъ въ окружномъ иркутскомъ судѣ. Скончался въ отставкѣ.

Аретинскій Петръ Николаевичъ—изъ орловской семинаріи, братъ инспектора Серафима, послѣ архіепископа воронежскаго. Былъ смотрителемъ свіяжскаго духовнаго училища. Въ 1851 г. рукоположенъ во священника, а въ слѣдующемъ году оставилъ службу при училищѣ и перешелъ въ Казань, гдѣ служилъ при каѳедральномъ соборѣ. Скончался протоіереемъ Владимірской церкви въ Казани въ мартѣ 1863 г.

Стратилатовъ Иванъ Егоровичъ—изъ казанской семинаріи. Былъ священникомъ казанской Варламіевской церкви. Скончался въ ноябрѣ 1859 г.

Конвоксовъ Александръ Николаевичъ — изъ пензенской семинаріи. Былъ учителемъ греческаго языка въ екатеринбургскомъ духовномъ училищѣ, а съ 1851 г.—инспекторомъ; въ 1852 г. переведенъ въ той же должности въ пермское духовное училище, гдѣ въ декабрѣ того же года скончался.

Солнышкинъ Семенъ Матвѣевичъ—изъ орловской семинаріи. По окончаніи курса поступилъ на гражданскую службу въ казанскую консисторію, потомъ служилъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ.

Любимовъ Өедоръ Өедоровичъ—изъ пермской семинаріи. Былъ инспекторомъ въ соликамскомъ училищѣ, а съ 1855 г. смотрителемъ. Въ 1853 г. принялъ санъ священства. Въ настоящее время протоіереемъ Александровской церкви въ Перми.

III КУРСА (1846–1850 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 6 октября 1851 г.

Магистры:

Благонравовъ Веніаминъ (въ мірѣ Василій Антоновичъ)—изъ тамбовской семинаріи. Оставленъ при академіи. Скончался архіепископомъ иркутскимъ въ февралѣ 1892 г.

Евимовичъ Иванъ Васильевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ въ саратовскую семинарію на классъ церковной исторіи. Въ 1851 г. вышелъ въ свѣтское званіе. Въ 1857 г. опредѣлился на гражданскую службу въ саратовскую казенную палату. Въ 1864 г. сдѣланъ уѣзднымъ казначеемъ въ Самарѣ. Съ преобразованіемъ штата казенныхъ палатъ въ 1866 г. переименованъ въ начальника отдѣленія казначейства. Съ 1872 г. опредѣленъ управляющимъ саратовской казенной палатой. Съ 1875 г. имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ 1883 г. орденъ св. Владиміра 3 ст., а съ 1886 г. Станислава 1 степени.

Зефировъ Михаилъ Михаиловичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую семинарію на классъ логики и психологіи. Въ 1851 г. переведенъ въ академію. Скончался протоіереемъ въ мартѣ 1889 г.

Виноградовъ Егоръ Аристарховичъ—изъ пензенской семинаріи. Служилъ въ пермской семинаріи по классу греческаго языка, съ 1854 г. помощникомъ ректора по богословскимъ наукамъ. Былъ помощникомъ инспектора и секретаремъ правленія. Въ 1855 г. умеръ отъ чахотки. Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ при казанской духовной академіи (вып. I, 1873 г.) напечатано его магистерское сочиненіе: Методы миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ.

Малаховъ Иванъ Александровичъ—изъ тобольской семинаріи. Служилъ въ иркутской семинаріи по классу гражданской исторіи. Въ 1851 г. уволенъ въ свѣтское званіе и сдѣланъ исправляющимъ должность старшаго учителя есте-

ственныхъ наукъ въ иркутской гимназіи. Съ 1852 г. на гражданской службѣ. Былъ принятъ въ штатъ главнаго управленія Восточной Сибири, гдѣ нѣсколько лѣтъ служилъ столоначальникомъ; потомъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. По учрежденіи, вмѣсто коммиссаріатскихъ коммиссій, интендантскихъ управленій былъ опредѣленъ помощникомъ главнаго интенданта въ восточно-сибирскомъ военномъ округѣ. Имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Умеръ въ 1870-хъ годахъ въ Петербургѣ, куда ѣздилъ лечиться послѣ паралича.

Петровъ Василій Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Служилъ въ оренбургской семинаріи по классу словесности. Въ 1853 г. рукоположенъ во священника и вышелъ изъ духовно-училищной службы. Скончался въ 1869 г. протоіереемъ г. Мензелинска. Въ I вып. Миссіонерскаго Сборника напечатано его сочиненіе: Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ. Казань. 1873 г.

Добряковъ Иванъ Ивановичъ - изъ пермской семинаріи. Назначенъ въ уфимскую семинарію на классъ гражданской исторіи. Преподавалъ татарскій языкъ. Въ 1860 г. перемѣщенъ на классъ словесности. Съ 1869 по 1878 г. въ санѣ протоіерея былъ ректоромъ уфимской семинаріи. Въ настоящее время въ отставкѣ съ пенсіей.

Владиміровъ Павелъ Егоровичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ на должность помощника ректора по богословскимъ предметамъ въ Вятку. Въ 1856 г. перепросился въ нижегородскую семинарію. Въ 1860 г. перешелъ на гражданскую исторію въ самарскую семинарію; въ концѣ 1861 г. вышелъ въ отставку. Вскорѣ померъ.

Хитровъ Петръ Васильевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ былъ на классъ физики и математики въ Вятку. Въ 1863 г. перешелъ въ Тамбовъ, гдѣ былъ преподавателемъ въ духовномъ училищѣ и принялъ санъ священства. Въ 1885 году сдѣланъ духовникомъ семинаріи. Теперь приходскимъ священникомъ въ Тамбовѣ.

Кандидаты съ правомъ на полученіе степени магистра черезъ два года службы:

Дьяконовъ Александръ Сергѣевичъ—изъ пермской семинаріи. Служилъ при пермской семинаріи по классу гражданской исторіи, а съ 1851 г.—словесности. Преподавалъ татар-

скій языкъ. Въ 1854 г. перешелъ въ гражданскую службу въ главное управленіе уральскихъ горныхъ заводовъ. Былъ исправникомъ, затѣмъ нотаріусомъ въ Екатеринбургѣ. Умеръ въ 1889 г.

Хрусталевъ Александръ Герасимовичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ смотрителемъ въ моздокское духовное училище, но въ 1851 г. перешелъ въ казанскую семинарію на классъ логики и психологіи. Послѣ этихъ наукъ до 1868 г. преподавалъ еще съ 1852 г. гражданскую исторію и греческій языкъ, съ 1864 г.—словесность; въ тоже время былъ библіотекаремъ и секретаремъ правленія. Въ 1854 г. принялъ санъ священства. Въ 1868 г. вышелъ изъ семинаріи, но съ 1870 г. снова поступилъ на духовно-училищную службу смотрителемъ духовнаго училища и служилъ до 1873 г. Скончался въ октябрѣ 1875 г. соборнымъ священникомъ. Въ печати извѣстно его сочиненіе: Очеркъ распространенія христіанства между инородцами казанскаго края,—въ Миссіонерскомъ Сборникѣ,—вып. V. Казань. 1874 г.

Разумовъ Николай Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Поступилъ въ свѣтское званіе и служилъ сначала при пензенскомъ губернскомъ правленіи, съ 1855 г. письмоводителемъ при преосвященномъ Григоріи казанскомъ, съ 1859 г. секретаремъ казанской консисторіи; съ 1886 г. переведенъ въ той же должности въ Калугу. Имѣетъ чинъ коллежскаго совѣтника, ордена Станислава и Анны 2 ст. и Владиміра 4 ст. Въ Казани былъ дѣятельнымъ членомъ братства св. Гурія (20 лѣтъ); въ Калугѣ членъ противораскольническаго братства св. Іоанна Богослова.—Въ XI вып. Миссіонерскаго Сборника (К. 1876) напечатано его курсовое сочиненіе: Историческое значеніе Мухаммеда. Въ 1854 г. напечатанъ имъ въ Пензенскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ и отдѣльно біографическій очеркъ преосвященнаго Амвросія (Морева) епископа пензенскаго. Въ 1858 г. по случаю освященія Исакіевскаго собора въ Петербургѣ напечаталъ О чинѣ освященія храма (Спб. 1858). Съ 1867 г. онъ принималъ живое участіе въ изданіи Извѣстій по Казанской епархіи, гдѣ помѣщено много его статей и замѣтокъ за каждый годъ подъ буквами Н. Р. и просто безъ подписей. Перечисляемъ болѣе крупныя и замѣчательныя: Некрологъ преосвященнаго Аѳанасія казанскаго—за 1868 г. №№ 5, 6, 8 и отдѣльной брошюрой; Пребываніе въ Казани митрополита московскаго Иннокентія—тамъ

же № 13;—О построеніи и освященіи новой церкви въ деревнѣ Елышевой Мамадышскаго уѣзда—тамъ же 1869 г. № 13;—О посѣщеніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Цесаревича и Государыни Цесаревны с. Кокшайскаго Чебоксарскаго уѣзда,—тамъ же 1869 г. № 17;—Обновленіе Спасскаго монастыря въ Казани,—тамъ же № 3;—Некрологъ протоіерея В. А. Ложкина—1870 г. № 2;—Освященіе храма въ с. Кураловѣ Спасскаго уѣзда,—№ 8;—Обновленіе каѳедральнаго собора въ Казани,—1871 г. № 6 и отдѣльно;—О посѣщеніи Казани Государемъ Императоромъ,—тамъ же № 19;—Прощаніе съ казанской паствой преосвященнаго Викторина,—1875 г. № 4;—Некрологъ священника А. Г. Хрусталева,—1875 г. № 23;—Празднованіе 300-лѣтія со времени явленія чудотворной иконы Казанской Божіей Матери,—Извѣстія за 1879 г.;—Некрологъ преосвященнаго Антонія—въ Православномъ Собесѣдникѣ 1879 г. и отдѣльно;—Встрѣча въ Казани преосвященнаго Сергія, тамъ же 1880 г.;—Встрѣча высокопреосвященнѣйшаго Палладія, тамъ же 1882 г.;—Празднованіе въ Казани священнаго коронованія Ихъ Величествъ,—Извѣст. 1883 г. № 11;—Празднованіе 1000-лѣтія св. Кирилла и Меѳодія,—въ Прав. Соб. за 1885 г.;—Празднованіе 8 іюля 1885 г. въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ,—Извѣст. 1885 г. № 8;—тамъ же—Открытіе собора приволжскихъ епископовъ въ Казани и закрытіе его—двѣ статьи;—Прощаніе съ казанскою паствою высокопреосвященнаго Палладія,—тамъ же № 22; Протоіерей Викторъ П. Вишневскій,—тамъ же 1886 г. № 2;—въ томъ же году: Объ открытіи купцомъ Кривоносовымъ общеепархіальной богадѣльни въ Казани... Кромѣ этихъ статей, въ Извѣстіяхъ и въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщено нѣсколько его сообщеній объ открытіи и освященіи нѣкоторыхъ церквей въ епархіи, объ открытіи попечительствъ при церквахъ, объ юбилеяхъ духовныхъ лицъ, некрологовъ ихъ и разныхъ церковныхъ благотворителей и проч. Въ Калугѣ въ мѣстныхъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и отдѣльно напечатаны имъ статьи: О посѣщеніи Калуги высокопреосв. Іоанникіемъ митрополитомъ московскимъ,—1887 г.;—О посѣщеніи Калуги высокопреосв. Платономъ м. кіевскимъ,—въ 1889 г.;—Некрологъ калужскаго протоіерея І. Д. Любимова,—въ 1890 г.; Некрологъ законоучителя реальнаго училища священника Ливенцова,—1890 г.

Крутецкій Иванъ Васильевичъ—изъ астраханской семинаріи. Поступилъ въ гражданскую службу—въ канцелярію казанскаго губернатора, потомъ былъ стряпчимъ въ г. Мамадышѣ, оттуда перешелъ въ Казань и служилъ совѣтникомъ въ губернскомъ правленіи; съ открытіемъ земствъ поступилъ на земскую службу въ Мамадышѣ. Въ настоящее время служитъ мировымъ судьей въ Мамадышѣ и предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей. Съ 1892 г. дѣйствительный ст. совѣтникъ.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра по подачѣ новаго, болѣе удовлетворительнаго сочиненія.

— *Крыловъ* Павелъ Саввичъ—изъ пензенской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу. Степени магистра удостоенъ въ 1851 г. Съ 1865 г. непрерывно служилъ самарскому земству сначала гласнымъ отъ Самарскаго уѣзда, потомъ предсѣдателемъ уѣздной управы, въ послѣднее же время съ 1873 г. предсѣдателемъ губернской земской управы. Скончался въ январѣ 1891 г.

Кандидаты:

Любимовъ Иванъ Петровичъ—изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на классъ гражданской исторіи, но вскорѣ перемѣщенъ на классъ св. Писанія. Въ 1852 г. рукоположенъ въ священника и съ этого времени несъ на себѣ разныя епархіальныя должности; въ 1856 г. сдѣланъ былъ протоіереемъ Петропавловскаго собора. Оставаясь на семинарской службѣ, въ 1853 г. онъ былъ опредѣленъ еще смотрителемъ духовнаго училища; семинарскую должность оставилъ въ 1869 г., въ должности же смотрителя училища дослужилъ до пенсіи. Потомъ перешелъ на должность протоіерея въ г. Кунгуръ, гдѣ между прочимъ занялъ должность законоучителя Губкинскаго техническаго училища. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 степ.

Акимовъ Иванъ Борисовичъ—изъ ставропольской семинаріи; перешелъ въ казанскую академію изъ московской въ 1848 г. прямо въ старшее отдѣленіе. Поступилъ на службу инспекторомъ и учителемъ въ ставропольское духовное училище; съ 1851 г. былъ смотрителемъ училища. Въ 1857 г. вышелъ въ свѣтское званіе. Въ 1858 г., оставаясь смотри-

телемъ, былъ освобожденъ отъ учительской должности и сдѣланъ экономомъ семинаріи, но въ 1859 г. уволенъ отъ экономства и опять сдѣланъ учителемъ. Въ 1862 г. перемѣщенъ младшимъ учителемъ въ ставропольскую гимназію и вскорѣ скончался.

Леопольдовъ Александръ Яковлевичъ — изъ саратовской семинаріи. Назначенъ учителемъ словесности въ симбирскую семинарію, отсюда въ 1855 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ саратовскую. Преподавалъ еще татарскій языкъ. Въ 1872 г. перешелъ въ законоучители Маріинскаго земледѣльческаго училища близъ Саратова. Умеръ въ отставкѣ въ Саратовѣ въ 1886 г. Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ вып. II напечатанъ его: Опытъ изложенія мухаммеданства по ученію ханифитовъ.

Строковъ Константинъ Андреевичъ — изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую семинарію на классъ церковной исторіи; съ 1857 г. преподавалъ психологію и логику. Въ 1864 г. поступилъ учителемъ въ свенцянскую гимназію виленскаго учебнаго округа, потомъ былъ инспекторомъ могилевской гимназіи. Умеръ въ 1877 г.

Альпійскій Иванъ Семеновичъ—изъ казанской семинаріи. Поступилъ въ свѣтскую службу въ Твери въ коммиссію уравненія сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

Остроумовъ Андрей Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Служилъ въ той же семинаріи на классѣ физики и математики и былъ экономомъ. Въ 1860 г. по выходѣ изъ семинаріи посвященъ въ старшаго священника въ г. Василь-Сурскъ, а въ 1861 г. опредѣленъ тамъ протоіереемъ и законоучителемъ уѣзднаго училища. Съ этого же времени онъ постоянно несъ на себѣ разныя епархіальныя должности. Въ 1878 г. перемѣщенъ былъ въ Нижній Новгородъ къ Варваринской церкви. Съ 1880 по 1885 г. состоялъ предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища. Въ 1885 г. перемѣщенъ протоіереемъ въ Архангельскій нижегородскій соборъ и сдѣланъ членомъ консисторіи. Въ 1888 г. снова опредѣленъ предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища. Имѣлъ палицу и ордена св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 степ. Скончался 4 февраля 1892 г.

Ясницкій Андрей Дмитріевичъ — изъ казанской семинаріи. По окончаніи курса поступилъ въ епархіальное вѣдомство и въ 1851 г. посвященъ въ священники къ казанской Грузин-

ской церкви. Какъ знатокъ татарскаго языка, въ 1855 г. онъ участвовалъ въ трудахъ переводческаго комитета для перевода на татарскій языкъ богослужебныхъ книгъ: перевелъ первую половину Требника съ присовокупленіемъ 2 чиновъ—принятія въ церковь отпадшихъ и мусульманъ—и 32 слова преосв. Григорія. Съ того же года онъ былъ избранъ увѣщателемъ отпадшихъ татаръ. Былъ также цензоромъ для испытанія въ знаніи татарскаго языка священниковъ, опредѣлявшихся въ татарскіе приходы. Въ 1859 г. былъ приглашенъ преподавать татарскій языкъ въ семинаріи; въ 1863—1864 г. временно преподавалъ здѣсь богословіе. Съ 1868 г. служитъ законоучителемъ казанской Маріинской женской гимназіи. Протоіерей, имѣетъ палицу и ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст.

Вечтомовъ Евгеній Александровичъ—изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на классъ св. Писанія, потомъ вскорѣ перешелъ на гражданскую исторію. Въ 1857 г. посвященъ въ священники къ каѳедральному собору, былъ ключаремъ и членомъ консисторіи. Въ 1861 г. произведенъ въ санъ протоіерея въ г. Чердынь. Здѣсь и скончался въ 1860-хъ же годахъ.

Раевъ Александръ Васильевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Поступилъ въ священники къ нижегородской Варваринской церкви. Скончался протоіереемъ этой же церкви.

Бугульминскій Николай Васильевичъ — изъ уфимской семинаріи. Назначенъ на латинскій языкъ въ пермскую семинарію. Въ 1852 г. посвященъ въ священники къ Рождественской церкви. Въ 1853 г. переведенъ въ смотрители екатеринбургскаго духовнаго училища. Въ 1855 г. оставилъ училищную службу и перешелъ въ Пермь, былъ членомъ консисторіи. Изъ Перми перешелъ въ Уфимскую епархію, былъ ключаремъ собора. Въ 1867 г. снова опредѣленъ на училищную службу въ уфимскую семинарію по классу церковной исторіи. Скончался въ концѣ 1870-хъ годовъ.

Ласточкинъ Гурій Гурьевичъ—изъ казанской семинаріи. Былъ смотрителемъ моздокскаго духовнаго училища. Въ 1852 г. вышелъ въ свѣтское званіе, а въ 1854 г. вовсе оставилъ духовно-училищную службу и опредѣленъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Георгіевскъ. Въ 1859 г. назначенъ смотрителемъ темирханъ-шуринской горской школы. Въ 1864 г. перешелъ въ дербентское училище, въ 1868 г.—въ шушинское. Въ 1870 г. сдѣланъ инспекторомъ екатеринодарской прогим-

назіи, а въ 1880—директоромъ. Съ 1884 г. живетъ на пенсіи въ Казани.

Хованскій Иванъ Андреевичъ, въ монашествѣ *Александръ*,—изъ саратовской семинаріи. Съ 1851 г. служилъ наставникомъ логики и психологіи въ саратовской семинаріи. Въ августѣ 1856 г. послѣ вдовства постриженъ въ монашество и въ слѣдующемъ году сдѣланъ инспекторомъ семинаріи. Въ 1863 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1866 г. перемѣщенъ въ должность ректора и наставника богословскихъ наукъ въ пермскую семинарію. Въ 1868 г. переведенъ ректоромъ въ астраханскую семинарію, гдѣ былъ основателемъ и редакторомъ Астраханскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ 1877 г. былъ переведенъ въ настоятели первокласснаго херсонесскаго монастыря св. Владиміра „въ виду, по словамъ указа, особаго значенія монастыря по положенію его и нерѣдкому посѣщенію его Высочайшими Особами и иностранными путешественниками“. Отсюда былъ переведенъ настоятелемъ первокласснаго Владиміро - волынскаго монастыря. Въ 1889 г. рукоположенъ въ санъ епископа сухумскаго. Скончался въ 1891 г.

Пылаевъ Иванъ Ивановичъ — изъ казанской семинаріи (сначала учился въ родной тверской семинаріи). Отъ поступленія на училищную службу отказался и въ 1851 г. посвященъ въ священники казанскаго каѳедральнаго собора. Потомъ служилъ священникомъ при градской больницѣ. Скончался въ 1866 г.

Инфантьевъ Іоаннъ Адріановичъ священникъ, до 1840 г. учившійся въ уфимской семинаріи. Священствовалъ до академіи въ Челябинскомъ уѣздѣ, нѣкоторое время былъ учителемъ челябинскаго духовнаго училища. Въ академію поступилъ послѣ вдовства. По окончаніи курса служилъ священникомъ Нижне-Усельской слободы Оренбургской епархіи.

Крыловъ Ѳедоръ Егоровичъ—изъ астраханской семинаріи. Преподавалъ калмыцкій языкъ въ астраханской семинаріи. Какъ знатокъ этого языка, онъ составилъ его словарь, одобренный академіею къ печати. Въ 1865 г. былъ уволенъ изъ семинаріи и вскорѣ скончался. Словарь его остался въ рукописи.

— *Цареградскій* Николай Петровичъ—изъ симбирской семинаріи. Въ 1851 г. поступилъ въ священники въ Самарѣ. Былъ законоучителемъ самарской женской гимназіи. Скончался въ октябрѣ 1891 г.

Окропиридзе Александръ (въ мірѣ Алексѣй Давыдовичъ)— изъ тифлисской семинаріи. По окончаніи семинарскаго курса постригся въ 1845 г. въ монашество, а въ слѣдующемъ году, по назначенію Св. Синода, поступилъ въ академію, чтобы послѣ академическаго курса поступить на службу въ одно изъ закавказскихъ учебныхъ заведеній. Въ 1851 г. временно поступилъ на классъ св. Писанія въ тифлисскую семинарію; потомъ былъ инспекторомъ куманскаго духовнаго училища, затѣмъ смотрителемъ училища абхазскаго. Въ 1856 г. возведенъ въ архимандриты и управлялъ до 1858 г. Абхазскою епархіей. Въ 1862 г. рукоположенъ въ епископа абхазскаго. Съ 1869 г. состоитъ епископомъ горійскимъ, первымъ викаріемъ Грузинской епархіи. Имѣетъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 степ.

Преловскій Андрей Ивановичъ—изъ казанской семинаріи. Въ 1851 г. вышелъ въ свѣтское вѣдомство,—въ казанскую палату государственныхъ имуществъ. Затѣмъ служилъ въ Воткинскомъ заводѣ; въ 1856 г. воротился въ Казань и служилъ въ уголовной палатѣ писцомъ, но по нервному разстройству потерялъ и эту службу и перебивался около своего товарища М. М. Зефирова. Умеръ въ 1870-хъ годахъ.

Ястребовъ Михаилъ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Въ 1851 г. поступилъ священникомъ въ г. Самару. Въ 1867 г. перешелъ въ Казань, гдѣ служилъ при нѣсколькихъ церквахъ. Въ 1867—1869 гг. былъ законоучителемъ въ духовномъ женскомъ училищѣ. Скончался священникомъ кладбищенской церкви въ іюлѣ 1871 года.

Студентъ за неподачею сочиненія на степень.

Пылаевъ Өедоръ Ивановичъ—изъ тверской семинаріи. Одинъ годъ учился (до 1844 г.) въ кіевской академіи. Въ 1846 г. поступилъ въ казанскую академію. Судьба его неизвѣстна.

IV КУРСА (1848—1852 гг.).

Утверждены въ степеняхъ 8 октября 1853 г.

Магистры:

Соколовъ Александръ Петровичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ 11 октября 1852 г. баккалавромъ въ пе-

тербургскую академію по каѳедрѣ церковнаго краснорѣчія. Черезъ годъ перешелъ на гражданскую исторію въ петербургскую семинарію. Съ 1856 по 1858 г. былъ священникомъ при посольствѣ въ Стокгольмѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, былъ опредѣленъ къ Знаменской церкви. Въ 1859 г. переведенъ старшимъ священникомъ къ Владимірскому собору. Скончался въ началѣ 1862 г.

Ильинъ Николай Яковлевичъ—изъ уфимской семинаріи. Назначенъ помощникомъ ректора по богословскимъ предметамъ въ Тобольскъ. Въ 1854 г. перемѣстился на церковную исторію въ уфимскую семинарію. Былъ здѣсь секретаремъ правленія. Умеръ въ 1864 г. Въ печати извѣстны его труды: Доказательства неповрежденности книгъ св. Писанія В. и Н. Завѣта противъ мухаммеданъ (Миссіон. Сборн. вып. III, К. 1874 г.)—курсовое сочиненіе; Краткій очеркъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій арабовъ предъ появленіемъ Мухаммеда (Прав. Собесѣдн. 1876 г. I, 444); Очеркъ жизни и дѣятельности Мухаммеда (тамъ же II, 113); Краткое изложеніе ученія Мухаммеда (—II, 239); Сужденіе о Коранѣ и Мухаммедѣ (—II, 359); Значеніе Мухаммеда въ исторіи (—III, 47). Всѣ эти статьи Собесѣдника составляли части одного студенческаго сочиненія автора и изданы послѣ его смерти противомусульманскимъ отдѣленіемъ академіи въ Собесѣдникѣ и отдѣльно подъ заглавіемъ: Происхожденіе и характеръ ислама. К. 1876 г.

Раевъ Павелъ Ивановичъ, въ монашествѣ *Палладій*,—изъ нижегородской семинаріи (род. 20 іюня 1827 г.). По окончаніи курса въ академіи назначенъ въ нижегородскую семинарію на классъ логики и психологіи. Преподавалъ еще татарскій языкъ. Въ 1856 г. рукоположенъ въ священника къ Покровской церкви. Въ 1861 г. послѣ вдовства постригся въ монашество и назначенъ инспекторомъ семинаріи; въ 1862 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1863 г. перемѣщенъ инспекторомъ въ петербургскую семинарію; въ 1864—1866 гг. былъ здѣсь ректоромъ. Въ 1866 г. былъ рукоположенъ въ епископа ладожскаго, викарія Петербургской епархіи. Съ 1869 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ въ Вологду. Съ 1873 г. былъ епископомъ тамбовскимъ, съ 1876 г. рязанскимъ; въ 1881 г. возведенъ въ санъ архіепископа. Съ 1882 до 1887 г. святительствовалъ въ Казани. Въ 1879 и въ 1885 г. присутствовалъ въ Св. Синодѣ; въ 1883 г.

участвовалъ въ коронованіи Государя Императора; въ 1885 г. при немъ въ Казани былъ соборъ архипастырей поволжскихъ и смежныхъ епархій. Во время своего святительства въ Казани онъ много сдѣлалъ для академіи, которую постоянно называлъ: „наша дорогая академія“; его ходатайству академія обязана расширеніемъ своихъ, теперь весьма обширныхъ зданій, по его же инціативѣ и при его крупномъ пожертвованіи при ней основано благодѣтельное общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ. Въ 1887 г. опредѣленъ въ экзарха Грузіи. Состоитъ членомъ Св. Синода, имѣетъ ордена св. Александра Невскаго и брилліантовые знаки сего ордена, св. Владиміра 2 степ., св. Анны 1 степ. и брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, имѣетъ званія почетнаго члена петербургской, московской и казанской академій и казанскаго университета. Въ печати извѣстны: его студенческое сочиненіе на степень: Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства, изданное въ IX вып. Миссіонерскаго Сборника (К. 1876 г.), и его Слова и рѣчи. Много его словъ помѣщено въ Православномъ Собесѣдникѣ.

Смѣльскій Иванъ Васильевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ въ саратовскую семинарію на классъ словесности; съ 1853 г. преподавалъ гражданскую исторію; послѣдовательно былъ секретаремъ и экономомъ семинаріи. Въ 1865 г. рукоположенъ во священники. Съ 1869 по 1871 г. въ санѣ протоіерея былъ ректоромъ саратовской семинаріи. Въ 1872 г. по прошенію былъ уволенъ отъ училищной службы. Съ 1876 г. членъ консисторіи и губернскаго училищнаго совѣта. Съ 1879 г. членъ семинарскаго правленія. Въ 1883 г. былъ предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища. Съ 1884 г. предсѣдатель епархіальнаго училищнаго совѣта. Служитъ при старомъ соборѣ, имѣетъ палицу, ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 и 3 степ.

Рязановъ Григорій Аверкіевичъ —изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ въ Вятку на классъ гражданской исторіи; съ 1853 г. перемѣщенъ на классъ логики и психологіи. Въ 1858 г. уволенъ въ свѣтское званіе, а съ 1863 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы. Въ 1865 г. снова поступилъ въ духовное званіе и рукоположенъ во священники, съ 1871 г. протоіерей въ г. Нолинскѣ и (до 1882 г.) смотритель духовнаго училища. Имъ напечатаны въ Вятск. епарх. Вѣдомо-

стяхъ статьи: О церковныхъ библіотекахъ (за 1864 г.) и Объ училищахъ при церквахъ Вятской епархіи въ 1861—1864 гг. (за 1865 г.).

Іустиновъ Петръ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую семинарію на классъ физики и математики; въ 1856 г. перемѣщенъ въ Симбирскъ на классъ словесности, въ 1860 г.—на классъ св. Писанія. Съ 1857 г. по рукоположеніи въ священника состоялъ законоучителемъ Закона Божія при Елизаветинскомъ женскомъ училищѣ до 1864 г. Съ 1866 г., оставивъ службу при семинаріи, сдѣлался законоучителемъ симбирской гимназіи. Съ 1874 г. состоялъ каѳедральнымъ протоіереемъ. Ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 степ. Изъ печатныхъ трудовъ его извѣстна статья: О миссіонерской дѣятельности въ Симбирской епархіи въ 1875 – 76 гг. (Хр. Чт. 1877 г. II, 200). Скончался въ январѣ 1892 г.

Орловъ Рафаилъ, въ монашествѣ *Романъ*,—изъ нижегородской семинаріи. Поступилъ въ пермскую семинарію на классъ словесности. Преподавалъ татарскій языкъ. Въ 1854 г. рукоположенъ въ священника и опредѣленъ помощникомъ инспектора. Въ 1857 г. сдѣланъ помощникомъ ректора по преподаванію богословія. Въ томъ же году, овдовѣвъ, постригся въ монашество и въ слѣдующемъ году сдѣлался инспекторомъ семинаріи. Въ 1859 г. перемѣщенъ въ инспекторы курской семинаріи. Скончался на этой должности.

Загоскинъ Михаилъ Васильевичъ — изъ иркутской семинаріи. Поступилъ на классъ гражданской исторіи въ иркутскую семинарію. Въ 1858 г. по прошенію уволенъ изъ семинаріи и поступилъ инспекторомъ классовъ въ иркутское военное училище, преобразованное потомъ въ военную прогимназію. Въ 1879 г. уволенъ съ пенсіей въ отставку. Состоитъ членомъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества. Извѣстенъ въ Сибири, какъ писатель и публицистъ; былъ редакторомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ газетъ Амуръ и Сибирь (до запрещенія послѣдней въ 1886 г.). Всѣ передовыя статьи Сибири принадлежатъ его перу. Подъ его редакціей изданы также нѣсколько томовъ Извѣстій Иркутскаго отдѣла Географ. Общества, Сибирскій Сборникъ, гдѣ между прочимъ помѣщенъ его романъ: Магистръ, и Описаніе Иркутской губерніи, какъ пособіе къ родиновѣдѣнію. Въ Восточномъ Обозрѣніи помѣщено нѣсколько его Деревенскихъ

Писемъ. Намъ извѣстны также его воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ (Сибирск. Вѣстн. 1865 г. №№ 42—43).

Преображенскій Петръ Ильичъ—изъ тамбовской семинаріи. Поступилъ въ тамбовскую семинарію на классъ физики и математики. Съ 1858 г. преподавалъ гражданскую исторію. Съ реформой семинаріи перешелъ на латинскій языкъ. Въ 1878 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и состоялъ приходскимъ священникомъ въ Тамбовѣ. Въ настоящее время протоіереемъ въ заштатѣ. Въ Тамбовскихъ епарх. Вѣдомостяхъ напечатано имъ нѣсколько проповѣдей и статья: Очеркъ жизни Питирима, втораго епископа тамбовскаго (за 1861 г.).

Кандидаты съ правомъ на степень магистра черезъ два года духовно-учебной службы:

Родіоновъ Степанъ Петровичъ — изъ иркутской семинаріи. Поступилъ въ иркутскую семинарію на должность помощника ректора по богословскимъ предметамъ. Былъ экономомъ семинаріи. Въ 1858 г. вышелъ изъ семинаріи на гражданскую службу и лѣтъ 10 служилъ стряпчимъ въ г. Благовѣщенскѣ, затѣмъ оберъ-аудиторомъ военно-судной коммиссіи Восточной Сибири. Умеръ въ Иркутскѣ въ 1879 г.

Дроздовъ Семенъ Дмитріевичъ, въ монашествѣ *Сергій*, —изъ тамбовской семинаріи. При окончаніи курса постриженъ въ монашество. Назначенъ въ пензенскую семинарію на классъ словесности. Въ 1853 г. перемѣщенъ въ симбирскую семинарію на логику и психологію, въ 1854 — на св. Писаніе. Въ 1855 г. перемѣщенъ въ пермскую семинарію, гдѣ читалъ церковную исторію, потомъ богословіе. Въ 1857 г. назначенъ инспекторомъ уфимской семинаріи. Въ 1861 г. скончался.

Смирновъ Константинъ Ѳеодоровичъ— изъ тамбовской семинаріи. Былъ преподавателемъ сначала симбирской семинаріи по гражданской исторіи, потомъ — пензенской по церковной исторіи, съ 1856 — по богословскимъ предметамъ и расколу. Въ 1863 г. сдѣлался священникомъ. Съ 1873 г. былъ смотрителемъ пензенскаго духовнаго училища. Съ 1878 г. протоіерей. Съ 1885 г. смотритель Тихоновскаго духовнаго училища въ Пензѣ. Въ настоящее время пензенскій каѳедральный протоіерей. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. Въ Пензенскихъ епарх. Вѣдомостяхъ есть его нѣсколько мелкихъ статей.

Кандидаты:

Успенскій Константинъ Степановичъ — изъ пензенской семинаріи. Служилъ въ саратовской семинаріи на классѣ логики и психологіи. Въ 1854 г. поступилъ въ священники къ старому собору. Скончался въ 1857 г.

Бенедиктовъ Алексѣй Ивановичъ—изъ пензенской семинаріи. Поступилъ въ инспекторы ставропольскаго духовнаго училища. Въ 1856 г. перешелъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Состоитъ учителемъ древнихъ языковъ при ставропольской гимназіи.

Филимоновъ Александръ Николаевичъ—изъ вятской семинаріи. Поступилъ въ вятскую же семинарію на классъ гражданской исторіи. Съ 1868 г. по 1889 состоялъ преподавателемъ по св. Писанію. Съ 1856 до 1862 и съ 1867 доселѣ былъ преподавателемъ черемисскаго языка. Въ 1862—1865 гг. былъ членомъ временной коммиссіи въ Казани при попечителѣ округа по устройству инородческихъ школъ. Сверхъ классныхъ занятій, проходилъ въ семинаріи разныя должности—библіотекаря, секретаря и др. Въ 1889 г. отъ должности наставника св. Писанія, по прошенію, уволенъ съ пенсіей. Какъ знатокъ черемисскаго и вотяцкаго языковъ, онъ много трудился надъ составленіемъ ихъ грамматикъ и словарей и переводами на нихъ богослужебныхъ и другихъ книгъ. Въ Вятскихъ епарх. Вѣдомостяхъ за 1868 (№№ 8 и 11) и 1869 (№№ 7, 8, 21) годы напечатано его изслѣдованіе: О религіи некрещеныхъ вотяковъ и черемисъ Вятской губерніи. Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ (вып. III, 1884 г.) издано его курсовое сочиненіе: Доказательства неповрежденности книгъ Новаго Завѣта противъ мухаммеданъ.

Казанскій Дмитрій Ефремовичъ — изъ астраханской семинаріи. Былъ сначала инспекторомъ, потомъ съ 1854 г. смотрителемъ моздокскаго духовнаго училища. Преподавалъ греческій языкъ, котораго былъ знатокомъ и по которому составилъ свою грамматику (оставшуюся въ рукописи). Въ 1858 г. перешелъ въ астраханскую семинарію на классъ словесности. Преподавалъ здѣсь еще татарскій языкъ; былъ помощникомъ инспектора и секретаремъ. Въ 1862 г. перешелъ въ ставропольскую семинарію, гдѣ преподавалъ сначала гражданскую исторію, потомъ словесность и калмыцкій языкъ. Въ

1865 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы по болѣзни, потомъ состоялъ нѣкоторое время преподавателемъ древнихъ языковъ при мѣстной гимназіи. Скончался.

Кипарисовъ Павелъ Павловичъ — изъ саратовской семинаріи. Былъ смотрителемъ екатеринодарскаго духовнаго училища. Въ 1853 г. посвященъ въ священники къ екатеринодарскому собору и сдѣланъ законоучителемъ мѣстной войсковой гимназіи. Въ 1855 г. отъ смотрительства былъ по прошенію уволенъ. Въ 1861 г. перешелъ въ г. Ейскъ настоятелемъ при церкви войсковой кубанской гимназіи. Въ 1865 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1880 г. перешелъ въ Ставрополь предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища. Съ 1886 г. на покоѣ. Имѣетъ орд. св. Анны 3 степ.

Іорданскій Николай Петровичъ — изъ казанской семинаріи. Былъ смотрителемъ арзамасскаго духовнаго училища. Въ 1860 г. уволенъ отъ этой должности и посвятился въ священники въ с. Городецъ Балахнинскаго уѣзда, — былъ здѣсь законоучителемъ въ приходскомъ училищѣ, благочиннымъ и цензоромъ. Въ 1863 г. переведенъ въ арзамасскій соборъ и былъ въ Арзамасѣ тоже законоучителемъ приходскаго училища. Въ 1876 г. перемѣщенъ въ Нижній къ Трехсвятительской церкви; несъ разныя епархіальныя должности. Скончался въ концѣ 1870-хъ годовъ.

Первушинъ Иванъ Михѣевичъ—изъ пермской семинаріи. Обращенъ въ епархіальное вѣдомство и въ 1854 г. посвященъ въ священники къ пермской Троицкой церкви. Былъ потомъ священникомъ въ с. Замараевкѣ Шадринскаго уѣзда и въ г. Шадринскѣ. Съ 1887 по 1889 г. былъ въ заштатѣ, затѣмъ снова получилъ мѣсто въ с. Мѣхонскомъ Шадринскаго уѣзда.

Векшинъ Александръ Яковлевичъ — изъ симбирской семинаріи. Былъ учителемъ греческаго языка въ томскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1855 г. принялъ санъ священства, священствовалъ въ Томскѣ, Барнаулѣ, былъ военнымъ священникомъ въ Семипалатинской области и въ Вѣрномъ. Въ 1869—1876 гг. служилъ при симбирской семинаріи наставникомъ словесности, латинскаго и греческаго языковъ; потомъ вышелъ въ отставку и былъ приходскимъ священникомъ. Въ послѣднее время жилъ бѣлымъ священникомъ при самарскомъ архіерейскомъ домѣ въ числѣ братіи. Скончался въ 1890 г.

Знаменскій Николай Степановичъ — изъ тобольской семинаріи. Былъ смотрителемъ тобольскаго духовнаго училища. Въ 1858 г. вышелъ въ гражданскую службу, въ засѣдатели тобольскаго приказа о ссыльныхъ. Былъ затѣмъ губернскимъ стряпчимъ, чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ. Въ настоящее время совѣтникъ губернскаго правленія.

Кузнецкій Николай, въ монашествѣ *Варсонофій*, изъ евреевъ Волынской губерніи, бывшій кантонистъ. Въ 1844 г. (18 лѣтъ) обратился въ Вольскѣ въ христіанство. Въ 1845 г. въ Казани, по распоряженію преосвященнаго Григорія, принятъ былъ въ духовное званіе и учился въ семинаріи, откуда перешелъ въ академію. По окончаніи курса уѣхалъ въ Полтаву, въ 1853 г. принялъ священство и сдѣлался миссіонеромъ для обращенія евреевъ (обратилъ ихъ до 1000 человѣкъ). Одно время (въ 1866 г.) преподавалъ еврейскій языкъ въ полтавской семинаріи. Въ 1883 г. постригся въ монашество, а въ слѣдующемъ году получилъ санъ архимандрита. Скончался въ 1887 г. — Онъ немало переводилъ на еврейскій языкъ христіанскихъ книгъ; одинъ переводъ на древній и на разговорный еврейскій языкъ Памятной Книжки для христіанъ изъ евреевъ преосв. Θеодотія симбирскаго въ 1855 г. представлялъ на разсмотрѣніе казанской академической конференціи (Д. конф. № 8). Напечатаны имъ слѣдующія статьи: Два замѣчательныхъ обращенія евреевъ въ христіанство (Странникъ 1862 г. іюль); Мое обращеніе въ христіанство (Полт. епарх. Вѣд. 1863 г. № 6—7); Первые дни жизни моей въ христіанствѣ (— № 9); Мое поступленіе въ духовное званіе (тамъ же 1865 г. № 7); Мое воспитаніе въ духовномъ званіи (—№ 8); Свиданіе мое съ родными (—1866 г. №№ 2—4); Предварительныя замѣтки при преподаваніи еврейскаго языка (— № 14); Очеркъ миссіонерской дѣятельности моей въ Полтавѣ (тамъ же за 1867 г.); тамъ же напечатано нѣсколько его поученій евреямъ. Почти всѣ эти статьи изданы имъ послѣ особой книжкой: Миссіонеръ изъ евреевъ и дѣятельность его по обращенію въ христіанство (Кіевъ. 1885 г. съ портретомъ автора).

V КУРСА (1850–1854 гг).

Утверждены въ степеняхъ 20 апрѣля 1855 г., 8 ноября 1856 и 4 сентября 1861 г.

Магистры:

Полетаевъ Левъ Петровичъ, въ монашествѣ *Григорій*, — изъ нижегородской семинаріи. Оставленъ баккалавромъ при академіи.

Иконниковъ Александръ Ивановичъ — изъ пермской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на классъ Православнаго Исповѣданія и соединенныхъ предметовъ. Въ 1856 г. перемѣщенъ на классъ логики и психологіи. Въ 1857 г. оставилъ семинарію и опредѣлился на службу въ губернаторскую канцелярію. Въ 1862 г. былъ высланъ изъ Перми на жительство въ Березовъ, потомъ жилъ до 1865 г. въ Курганѣ, до 1879 г. въ Тюмени, занимаясь частными дѣлами. Съ 1879 г. поступилъ на службу по мировымъ учрежденіямъ и до 1885 г. былъ предсѣдателемъ мироваго съѣзда въ Ирбитѣ. Съ 1885 г. въ отставкѣ. Напечаталъ нѣсколько статей въ Тобольскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ. Съ 1864 по 1880 г. былъ корреспондентомъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, потомъ редакторомъ Ирбитскаго Листка и сотрудникомъ Дѣловаго Корреспондента въ Екатеринбургѣ.

Хорошавинъ Іона Алексѣевичъ — изъ вятской семинаріи. Преподавалъ словесность въ пермской семинаріи. Въ 1857 г. перешелъ на службу въ губернаторскую канцелярію въ Перми. Въ 1864 г. вышелъ въ отставку и занимался частными дѣлами. Умеръ въ началѣ 1880-хъ годовъ.

Керскій Сергій Васильевичъ — изъ пензенской семинаріи. Опредѣленъ смотрителемъ лысковскаго духовнаго училища. Въ 1858 г. перешелъ на службу въ канцелярію оберъ-прокурора Св. Синода. Состоялъ помощникомъ управляющаго синодальной канцеляріей; въ настоящее время управляющій канцеляріей Св. Синода и членъ училищнаго совѣта при Св. Синодѣ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, имѣетъ орд. Станислава и св. Анны 1 степ. и св. Владиміра 2 ст. Обширная духовная ученость и знаніе языковъ скоро сдѣлали его при Св. Синодѣ виднымъ чиновникомъ, особенно для дѣлъ, требовавшихъ ученой подготовки. Въ 1860-хъ

годахъ имъ переведено было съ греческаго языка множество бумагъ и актовъ, касавшихся положенія церкви на православномъ востокѣ; такъ напримѣръ черезъ его руки прошелъ переводъ разныхъ документовъ, относящихся до церковныхъ преобразованій въ Румынскомъ соединенномъ княжествѣ, съ греческаго и французскаго языковъ. Изъ переводныхъ трудовъ его, не относившихся къ служебнымъ занятіямъ, намъ извѣстны не напечатанные переводы: De natura deorum Цицерона, Толкованій на псалмы Шольца и Дерезера съ нѣмецкаго и сочиненія Гизо о сущности христіанства съ французскаго;— послѣдній переводъ предупрежденъ былъ въ печати переводомъ того же сочиненія протоіер. Н. А. Сергіевскаго; напечатанъ при Христіанскомъ Чтеніи и отдѣльно переводъ съ греческаго Историческаго Списка константинопольскихъ патріарховъ,—вторая его половина; недавней переводной работой его является переводъ службы патріарху Фотію митр. Константина Типальда (1848), изданной патр. Діонисіемъ (*δωρεὰν ταῖς ἁγίαις τȣ̃ Χριστȣ̃ ἐκκλησίαις*). — Къ числу оригинальныхъ учено-литературныхъ работъ, по характеру изложенія и внутреннему содержанію, надобно отнести многочисленные и обширные отчеты С. В. Керскаго, писанные имъ по службѣ въ канцеляріи оберъ-прокурора и въ духовно-учебномъ комитетѣ, каковы отчетъ оберъ-прокурора за 1866 г. и отдѣлъ о духовномъ просвѣщеніи въ отчетѣ за 1867 г., отчеты о преобразованіи семинарій съ училищами—за 1868 годъ кишиневской, псковской, смоленской, херсонской, за 1869—вологодской и пермской, отчеты по ревизіямъ семинарій: харьковской (1868 г.), архангельской (1870), кавказской (1871), литовской, орловской, полоцкой (1872), московской, петербургской, ярославской (1873) и др., составляющіе цѣлую библіотеку педагогическихъ замѣтокъ и матеріаловъ для исторіи духовнаго образованія въ Россіи. Съ 1873 г. по должности члена духовно-учебнаго комитета ему поручались наиболѣе сложныя ревизіи въ семинаріяхъ, гдѣ обнаруживались непорядки, напр. въ 1880 г. въ казанской, но обширные печатные отчеты его по этимъ ревизіямъ не опубликованы. По той же должности написано имъ множество рецензій о книгахъ, поступавшихъ на разсмотрѣніе комитета; часть ихъ въ разное время напечатана въ журналахъ комитета. Кромѣ того, имъ были составляемы рефераты для доклада Св. Синоду по рѣшенію нѣкоторыхъ церковныхъ вопросовъ, напр. въ 1881 г.

по рѣшенію вопроса о воспріемникахъ при крещеніи изъ иновѣрцевъ Рижской епархіи. При учрежденіи въ 1886 г. училищнаго совѣта при Св. Синодѣ онъ составилъ инструкцію для дѣятельности этого совѣта. По должности члена совѣта писалъ рецензіи на книги, представлявшіяся на разсмотрѣніе совѣта, сначала по всѣмъ предметамъ, затѣмъ по доставшимся на его часть ариѳметикѣ и чистописанію. Кромѣ всѣхъ этихъ трудовъ, связанныхъ съ его службой, имъ напечатано значительное число оригинальныхъ статей въ разныхъ изданіяхъ и отдѣльно; статьи эти рѣдко имъ подписывались. Намъ извѣстны изъ нихъ: О возсоединеніи Джунковскаго съ православною церковью (Церк. лѣтоп. при Дух. Бесѣдѣ 1866 г. 19 марта); Голосъ воспитанника духовныхъ заведеній о нынѣшнемъ ихъ преобразованіи (Совр. лѣтоп. Приб. Моск. Вѣдом. 1868 г. №№ 9—11); нѣсколько статей въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ о церковномъ управленіи и церковныхъ дѣлахъ въ Константинопольской патріархіи, Греческомъ королевствѣ и др. мѣстностяхъ востока, на основаніи греческихъ источниковъ; статьи о современномъ положеніи нѣкоторыхъ русскихъ церквей и монастырей, напр.: Трифоно-Печенгскій монастырь (Церк. Вѣд. 1889 г. №№ 47—48 и отдѣльно); Соловецкій монастырь въ современномъ его состояніи (— 1890, № 47 и отдѣльно); въ Церк. Вѣд. 1891 г. помѣщенъ имъ Некрологъ ректора вятской семинаріи протоіерея Н. Попова, его товарища по академіи, и Отзывъ о сочиненіи А. Ѳ. Гусева: Любовь къ людямъ въ ученіи графа Толстаго и его руководителей (№ 51).

Охотинъ Яковъ Петровичъ, въ монашествѣ *Варсонофій*,—изъ тамбовской семинаріи. Въ монашество постриженъ на третьемъ году своего курса. Поступилъ въ казанскую семинарію на классъ св. Писанія. Съ 1855 г. былъ инспекторомъ семинаріи, а съ 1864 г.—ректоромъ. Въ 1861 г. возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1875 г. рукоположенъ въ епископа екатеринбургскаго, но въ томъ же году назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ С.-Петербургской епархіи. Съ 1882 г. епископъ симбирскій. Имѣетъ ордена св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 2 степ.

Ложкинъ Василій Андреевичъ—изъ вятской семинаріи. Баккалавръ. Скончался.

Васильковъ Флегонтъ Алексѣевичъ — изъ нижегородской семинаріи. Былъ смотрителемъ печерскаго духовнаго училища въ Нижнемъ. Умеръ въ 1859 г.

Поповъ—иркутскій Николай Ивановичъ—изъ иркутской семинаріи. Назначенъ въ иркутскую семинарію на классъ логики и психологіи. Былъ помощникомъ инспектора. Преподавалъ ариѳметику въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ 1861 г. уволенъ отъ службы по болѣзни. Послѣ этого поступилъ учителемъ русскаго языка и словесности въ иркутскую гимназію. Умеръ на этой должности въ 1878 г. Былъ членомъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества и нѣсколько разъ членомъ распорядительнаго комитета этого отдѣла. Читалъ нѣсколько рефератовъ въ его засѣданіяхъ и участвовалъ въ изданіи его Записокъ своими трудами. Нѣсколько статей его по филологіи и словесности помѣщено въ воронежскихъ Филологическихъ Запискахъ. Отдѣльно изданы имъ: Исторія русской литературы Кенига, перев. съ нѣмецкаго; нѣсколько брошюръ, касающихся загадочныхъ минусинскихъ писаницъ на прибрежныхъ скалахъ Енисея; Рѣчь о заслугахъ Ломоносова въ день 100-лѣтняго его юбилея.

Животоносовъ Михаилъ Аѳанасьевичъ—изъ симбирской семинаріи. Опредѣленъ въ тобольскую семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности. Въ 1857 г. перемѣщенъ въ симбирскую семинарію на классъ словесности. Въ 1862 г. уволился отъ службы. Служилъ потомъ по акцизному вѣдомству въ Вологдѣ. Умеръ въ началѣ 1870 годовъ въ Самарѣ.

Метангевъ Алексѣй Сергѣевичъ, въ монашествѣ *Несторъ*, —изъ саратовской семинаріи. Былъ помощникомъ ректора по профессорской должности въ ставропольской семинаріи; съ 1860 г. преподавалъ тамъ еще калмыцкій языкъ. Въ 1862 г. постриженъ въ монашество. Въ 1866 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ ректоромъ смоленской семинаріи. Въ 1877 г. рукоположенъ въ епископа аксайскаго, викарія Донской епархіи. Съ 1880 г. былъ епископомъ выборгскимъ. Съ 1881 г.—епископомъ Смоленской епархіи. Въ концѣ 1889 г. по прошенію уволенъ отъ управленія епархіей, получилъ въ управленіе Новоспасскій монастырь въ Москвѣ и причисленъ къ членамъ московской синодальной конторы. Имѣетъ ордена св. Анны 1 ст., св. Владиміра 3 ст. и орд. князя Даніила черногорскаго 1 ст. Въ печати намъ извѣстны статьи его: О кавказской бѣглопоповщинѣ (Груз. Дух. Вѣстн. 1866 г. № 2); Моздокская епархія и епископъ Гаій (тамъ же 1864 г. № 3); Матеріалы для исторіи старообрядства на Дону (въ Донск. епарх. Вѣд. и отдѣльно: Новочеркасскъ. 1882 г.).

Розовъ Василій Михайловичъ—изъ пензенской семинаріи. Преподавалъ физику и математику въ пензенской семинаріи, съ 1856 г. гражданскую исторію. Въ 1861 г. рукоположенъ въ священники. Послѣ преобразованія семинарій съ 1873 г. по 1882 г. былъ ректоромъ черниговской семинаріи. Затѣмъ перешелъ въ Кіевскую епархію. Съ 1886 г. былъ протоіереемъ и ключаремъ кіевскаго каѳедральнаго собора. Скончался въ декабрѣ 1890 г. Въ Черниговѣ въ 1873—1877 гг. и въ Кіевѣ съ 1886 г. до кончины состоялъ редакторомъ епархіальныхъ Вѣдомостей. Имѣлъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 3 степ.

Поповъ—вятскій Николай Александровичъ—изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ на классъ физики и математики въ Вятку. Въ 1857 г. переведенъ на классъ богословскихъ наукъ. Въ 1860 г. рукоположенъ въ священники; съ 1862 по 1874 г. былъ законоучителемъ вятской женской гимназіи, а съ 1863 г. по 1867 г.—въ епархіальномъ женскомъ училищѣ; съ 1867 г. по 1881 г. служилъ законоучителемъ вятской мужской гимназіи. Въ 1870 г. возведенъ въ санъ протоіерея. По епархіальной службѣ онъ несъ на себѣ разныя должности и порученія. Съ 1881 г. ректоръ вятской семинаріи. Имѣлъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 3 степ., наперсный драгоцѣнный крестъ, поднесенный гимназіею, и палицу. Съ 1887 г.—членъ вятскаго статистическаго комитета. Скончался въ іюлѣ 1891 г. Въ литературѣ извѣстны его Руководство къ свящ. исторіи, съ 1864 по 1890 г. выдержавшее 11 изданій, и Начальное Наставленіе въ Законѣ Божіемъ, имѣвшее 5 изданій. Въ Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано нѣсколько его проповѣдей и статей (напр. Дѣтство І. Христа), также проектъ взаимно-вспомогательной кассы вятскаго духовенства (за 1869—1870 гг.).

Кандидаты съ правомъ на степень магистра по прослуженіи двухъ лѣтъ на училищной службѣ:

Карповъ Петръ Алексѣевичъ—изъ тобольской семинаріи. Преподавалъ физику и математику въ иркутской семинаріи. Съ 1861 г. былъ инспекторомъ. Въ 1866 г. вышелъ изъ семинаріи и поступилъ учителемъ латинскаго языка въ иркутскую гимназію. Съ 1879 г. былъ инспекторомъ красноярской гимназіи, затѣмъ съ 1884 г. директоромъ енисейской прогимна-

зіи. Въ 1886 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника и пенсіей и поселился въ Тобольскѣ.

Шиглегодскій Николай Азарьевичъ — изъ вятской семинаріи. Преподавалъ логику и психологію въ вятской семинаріи. Въ 1858 г. вышелъ въ гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій при вятскомъ губернаторѣ. Въ 1864 г. утвержденъ мировымъ посредникомъ въ сарапульскомъ удѣльномъ имѣніи. Съ 1869 по 1884 г. былъ мировымъ судьей по сарапульскому округу и предсѣдателемъ мировыхъ судей съѣзда сарапульскаго округа. Въ 1884 г. померъ.

Царевскій Василій Михаиловичъ—изъ казанской семинаріи. Опредѣленъ смотрителемъ въ Чистополь въ духовное училище. Преподавалъ здѣсь татарскій языкъ. Съ 1864 г., выйдя изъ училищной службы, служилъ въ канцеляріи казанскаго губернатора. Въ концѣ 1870-хъ годовъ опредѣленъ учителемъ ломжинской гимназіи. Съ 1885 г. директоръ холмской гимназіи, статскій совѣтникъ, имѣетъ орденъ св. Владиміра 4 ст.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра по подачѣ новаго сочиненія.

Стекловъ Андрей Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ учителемъ исторіи въ нижегородскую семинарію. Былъ здѣсь послѣдовательно помощникомъ инспектора, экономомъ, секретаремъ, инспекторомъ. Преподавалъ татарскій языкъ. Въ 1863 г. рукоположенъ въ священники, въ 1865 возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1868 г. получилъ степень магистра и сдѣланъ ректоромъ семинаріи. Въ 1882 г. переведенъ былъ въ ректоры таврической семинаріи. Скончался въ апрѣлѣ 1884 г. Въ Нижнемъ съ 1864 по 1871 г. онъ былъ редакторомъ епархіальныхъ Вѣдомостей.

Кандидаты:

Чаленковъ Антонъ Васильевичъ—изъ астраханской семинаріи. Опредѣленъ смотрителемъ екатеринодарскаго училища. Въ 1862 г. перешелъ въ смотрители ставропольскаго духовнаго училища. Въ 1865 г. рукоположенъ въ священники къ ставропольскому собору и уволился изъ духовно - учебной службы. Теперь протоіерей и законоучитель ставропольской гимназіи. Имѣетъ орденъ св. Владиміра 4 ст.

Доброхотовъ Павелъ Ильичъ—изъ пензенской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу, служилъ въ Тамбовѣ и другихъ мѣстахъ по судебному вѣдомству. Скончался въ 1877 г. членомъ судебной палаты въ Саратовѣ.

Пантеровскій Степанъ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу въ петербургское губернское правленіе. Въ 1860-хъ гг. былъ секретаремъ при Св. Синодѣ; затѣмъ служилъ секретаремъ консисторій пензенской, подольской, калужской (1876—1878) и рижской. Умеръ въ отставкѣ въ Петербургѣ въ 1887 г.

Боголѣповъ Матвей Θеодоровичъ—изъ пермской семинаріи. Назначенъ инспекторомъ екатеринбургскаго духовнаго училища. Въ 1857 г. рукоположенъ въ священники и уволился отъ училища. Съ 1862 г. былъ протоіереемъ въ Верхотурьѣ и законоучителемъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1869—1877 гг. состоялъ смотрителемъ соликамскаго духовнаго училища. Затѣмъ перешелъ въ Тобольскъ, гдѣ съ 1878 г. служитъ каѳедральнымъ протоіеремъ и законоучителемъ губернской гимназіи и женской Маріинской школы. Предсѣдатель совѣта епархіальнаго училища. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. и крестъ, поднесенный ему его почитателями по случаю юбилея въ 1887 г. Въ XII вып. Миссіонерскаго Сборника (1876 г.) напечатано его сочиненіе на степень: Взглядъ на способы, коими, по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія.

Васильковъ Стефанъ Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Поступилъ въ казанское епархіальное вѣдомство и въ 1855 г. рукоположенъ въ священники къ церкви губернаторскаго дома. Съ того же года служилъ учителемъ при духовномъ училищѣ, а съ 1857 г. при семинаріи по разнымъ предметамъ и секретаремъ семинарскаго правленія. Въ 1872 г. по прошенію уволенъ отъ семинарской службы и переведенъ на службу къ каѳедральному собору. Въ 1880 г. переведенъ въ с. Паново Свіяжскаго уѣзда. Въ мартѣ 1886 г. скончался.

Ацетовъ Дмитрій Ивановичъ—изъ астраханской семинаріи. Возвращенъ въ епархіальное вѣдомство и исправлялъ наставническую должность при астраханской семинаріи. Въ 1856 г. уволился изъ духовнаго званія. Скоро померъ.

Эрастовъ Петръ Дмитріевичъ—изъ астраханской семинаріи. Поступилъ на службу въ ставропольскую палату госу-

дарственныхъ имуществъ. Потомъ служилъ по акцизному управленію.

Желателевъ Павелъ Петровичъ—изъ уфимской семинаріи. Въ 1855 г. поступилъ въ священники къ оренбургскому собору и въ законоучители приходскаго училища. Въ 1857 г. переведенъ въ Уфу, гдѣ до 1869 г. былъ законоучителемъ въ дѣтскомъ пріютѣ, уѣздномъ училищѣ и женской гимназіи, состоялъ также членомъ правленія въ семинаріи и предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища. Въ 1869 г. переведенъ въ протоіереи въ Мензелинскъ, гдѣ былъ членомъ уѣзднаго училищнаго совѣта. Съ 1877 г. каѳедральный протоіерей въ Уфѣ. Здѣсь, кромѣ разныхъ епархіальныхъ должностей, несъ должности законоучителя и инспектора классовъ епархіальнаго училища, цензора епархіальныхъ Вѣдомостей, благочиннаго монастырей, члена правленія семинаріи, предсѣдателя епархіальнаго училищнаго совѣта. Имѣетъ палицу, ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 степ.

Новоспасскій Романъ Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Былъ инспекторомъ и учителемъ далматовскаго духовнаго училища. Въ 1858 г. вышелъ въ отставку, послѣ чего былъ священникомъ и благочиннымъ въ с Маслянскомъ Шадринскаго уѣзда Въ настоящее время соборнымъ священникомъ и законоучителемъ женской гимназіи въ Екатеринбургѣ.

Церетелли Іосифъ Окропировичъ—изъ тифлисской семинаріи. Поступилъ въ военную службу по собственному желанію.

Рождественскій Яковъ Григорьевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ вятскаго духовнаго училища. Съ 1856 г. былъ учителемъ словесности въ вятской семинаріи. Въ 1861 г перешелъ на должность старшаго учителя исторіи въ вятскую гимназію,—преподавалъ также въ женской гимназіи. Послѣ съ 1870 г. служилъ еще въ пензенской и екатеринбургской гимназіяхъ. Умеръ въ 1880-хъ годахъ.

Цискаровъ Савва Павловичъ—изъ тифлисской семинаріи. Началъ службу въ тифлисскомъ духовномъ училищѣ. Теперь священникомъ въ Тифлисѣ.

Крыловъ Василій Гавриловичъ—изъ саратовской семинаріи. Назначенъ инспекторомъ и учителемъ моздокскаго духовнаго училища. Въ 1858 г. уволился въ вѣдомство оберъ-священника кавказскаго корпуса и служилъ священникомъ терскаго казачьяго войска. Умеръ въ 1861 г.

Лихачевъ Александръ Андреевичъ—изъ иркутской семинаріи. Былъ назначенъ смотрителемъ якутскаго духовнаго училища. Умеръ въ февралѣ 1855 г. черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ въ Якутскъ.

Поповицкій Григорій Ивановичъ—изъ астраханской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу въ дворянскую опеку въ Петербургѣ. Въ послѣднее время былъ дровянымъ подрядчикомъ къ Петербургѣ и богатымъ человѣкомъ. Умеръ въ 1889 г.

Аврамовъ Геннадій Васильевичъ—изъ уфимской семинаріи. Поступилъ въ инспекторы томскаго духовнаго училища. Въ 1859 г. перешелъ смотрителемъ въ омское училище. Въ 1864 г. поступилъ на гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій военнаго губернатора Акмолинской области. Съ 1866 г. служилъ по акцизному управленію Западной Сибири. Въ послѣднее время былъ акцизнымъ надзирателемъ въ Барнаулѣ. Умеръ въ 1880-хъ годахъ.

Моревъ Алексѣй Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу въ Пензѣ, потомъ служилъ гдѣ-то столоначальникомъ въ Петербургѣ. Умеръ въ 1876 г.

Воскресенскій Гурій Петровичъ—изъ казанской семинаріи. Служилъ въ Казани въ губернскомъ правленіи. Умеръ въ 1859 г.

VI КУРСА (1852–1856 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 10 окт. 1856 г.

Магистры:

Добротворскій Иванъ Михайловичъ—изъ нижегородской семинаріи. Баккалавръ. Скончался въ 1883 г.

Лиловъ Александръ Ильичъ—изъ нижегородской семинаріи. Баккалавръ. Скончался въ 1890 г.

Рудольфовъ Яковъ Васильевичъ—изъ саратовской семинаріи. Баккалавръ. Скончался въ 1868 г.

Щаповъ Аѳанасій Прокофьевичъ—изъ иркутской семинаріи. Баккалавръ. Скончался въ 1876 г.

Масловскій Стефанъ Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. По окончаніи курса опредѣленъ на классъ св. Писанія въ пензенской же семинаріи, а въ 1861 г. перешелъ на классъ

логики, психологіи, патрологіи и латинскаго языка. Въ 1865 г. рукоположенъ во священника и утвержденъ въ должности ректора пензенскаго дух. училища, съ оставленіемъ на профессорской должности. Съ 1867 г. по преобразованіи семинаріи перешелъ на классъ психологіи, философскихъ ученій и педагогики. Съ 1873 г., по оставленіи духовно-училищной службы, состоялъ законоучителемъ мужской гимназіи. Съ 1875 г. по 1887 г.—ректоръ пензенской духовной семинаріи, а съ 1887 г.—каѳедральный протоіерей и членъ консисторіи. Одновременно съ этими главными должностями занималъ многія стороннія должности: эконома, секретаря, помощника инспектора и инспектора семинаріи, цензора епарх. Вѣдомостей, предсѣдателя епарх. училищнаго совѣта и Иннокентіевскаго просвѣтительнаго братства. Имѣлъ палицу и ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 и 3 степ. Скончался въ ноябрѣ 1891 года. Въ Духовномъ Вѣстникѣ за 1864 г. (окт.) напечатано его курсовое сочиненіе: О внѣшнемъ состояніи православной церкви въ Турціи со времени паденія Константинополя до половины XVIII столѣтія.

Александровскій Василій Александровичъ—изъ симбирской семинаріи. Былъ наставникомъ церковной исторіи казанской, а съ 1858 г. самарской семинарій. Въ послѣдней былъ инспекторомъ. Въ 1862 г. вышелъ въ гражданскую службу и былъ ассессоромъ казенной палаты въ Саратовѣ, потомъ совѣтникомъ въ Симбирскѣ, старшимъ ревизоромъ контрольной палаты въ Нижнемъ, управляющимъ контрольной же палаты въ Екатеринославлѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ. Въ началѣ 1870-хъ годовъ скончался въ домѣ умалишенныхъ въ Москвѣ. Въ Прав. Соб. 1866 г. напечатаны двѣ статьи изъ его сочиненія на степень: О внѣшнемъ состояніи православной церкви во время владычества латинянъ въ Византійской Имперіи (ч. I, стр. 121, 175).

Каллистовъ Александръ Мануиловичъ—изъ пензенской семинаріи. Служилъ въ той же семинаріи на классѣ церковной исторіи. Умеръ въ 1858 г. Въ Прав. Собесѣдникѣ 1865 г. (ч. I, стр. 3) напечатана статья изъ его курсоваго сочиненія: Сравнительное обозрѣніе старинныхъ типиковъ, употреблявшихся въ русской церкви до патріарха Никона.

Третьяковъ Яковъ Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ священники къ самарскому каѳедральному собору, былъ законоучителемъ самарской гимназіи. Въ послѣдней онъ служилъ 26 лѣтъ до 1882 г. По епархіальному вѣдом-

ству служилъ при разныхъ церквахъ, съ 1882 г. былъ каѳедральнымъ протоіереемъ, 15 лѣтъ состоялъ членомъ консисторіи, 17 лѣтъ цензоромъ, 7 лѣтъ предсѣдателемъ епархіальнаго женскаго училища и пр. Съ 1882 г. состоялъ ректоромъ самарской семинаріи. Скончался въ 1887 г. Въ Прав. Собесѣдн. за 1868 г. (II, 39 и III, 48) напечатано его курсовое сочиненіе: О чинахъ патріаршей константинопольской церкви въ средніе вѣка.

Годяевъ Василій Ивановичъ — изъ вятской семинаріи. Былъ помощникомъ ректора по богословской каѳедрѣ въ казанской семинаріи. Умеръ въ 1860 г.

Пѣвницкій Викторъ Егоровичъ — изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ на классъ физики и математики въ пензенскую семинарію; въ 1858 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ тамбовскую; здѣсь проходилъ должность помощника инспектора; въ 1865 г. поступилъ во священники и съ 1867 до 1886 г. состоялъ членомъ консисторіи. Въ 1869 г. опредѣленъ законоучителемъ тамбовскаго Александринскаго института благородныхъ дѣвицъ. Скончался протоіереемъ въ январѣ 1892 г. Имѣлъ ордена св. Анны 3 и 2 степ., св. Владиміра 4 степ. Въ Тамбовскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано нѣсколько его проповѣдей.

Кандидаты съ правомъ на степень магистра черезъ 2 года:

Поповъ Гавріилъ Филипповичъ — изъ пермской семинаріи. Опредѣленъ въ вятскую семинарію на богословскіе предметы; съ 1860 г. перемѣщенъ на церковную исторію. Въ 1865 г. поступилъ въ гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій вятской казенной палаты. Съ 1869 г. состоялъ секретаремъ мироваго съѣзда Вятскаго уѣзда, а съ 1870 г. мировымъ судьей въ Сарапульскомъ уѣздѣ. Умеръ въ 1878 г.

Тиховъ-Александровскій Иванъ Константиновичъ — изъ ставропольской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ въ ставропольское духовное училище. Въ 1858 г. вышелъ изъ службы; былъ протоіереемъ Троицкаго собора въ Ставрополѣ. Померъ въ 1870-хъ годахъ. Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ (вып. XIII, 1877 г.) напечатано его курсовое сочиненіе: Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ.

Поповъ Александръ Степановичъ — изъ пермской семинаріи. Назначенъ смотрителемъ красноярскаго духовнаго училища. Въ 1862 г. уволенъ отъ службы и вскорѣ померъ.

Дубровскій Алексѣй Ивановичъ — изъ тамбовской семинаріи. Былъ смотрителемъ духовнаго училища въ Нерчинскѣ. Въ 1864 г. уволенъ и поступилъ на частную службу. Въ 1870-хъ годахъ нѣкоторое время былъ нерчинскимъ городскимъ головой. Въ началѣ 1880-хъ годовъ перешелъ въ Иркутскъ, гдѣ былъ редакторомъ губернскихъ Вѣдомостей. Участвовалъ своими корреспонденціями въ газетахъ Амуръ и Сибирь. Подъ конецъ жизни потерялъ зрѣніе и умеръ въ крайней бѣдности.

Мышкинъ Павелъ Павловичъ — изъ вятской семинаріи. Преподавалъ церковную исторію въ нижегородской семинаріи, потомъ съ 1857 г. физику и математику въ вятской. Въ 1859 г. посвятился въ священники къ Богоявленскому собору и черезъ годъ уволенъ отъ училищной службы. Скончался въ 1862 г.

Кандидаты:

Бальбуциновскій Николай Александровичъ — изъ казанской семинаріи. Назначенъ на классъ физики и математики въ саратовскую семинарію. Умеръ въ 1860 г.

Абрамовичъ Адріанъ Львовичъ — изъ литовской семинаріи, учился два года въ московской академіи, затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ въ казанскую на старшее отдѣленіе. Назначенъ въ псковскую семинарію на классъ физики и математики. Въ 1866 г. перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія въ привислянскомъ краѣ. Былъ директоромъ сѣдлецкой гимназіи. Съ 1888 г. директоръ народныхъ школъ лодзинской дирекціи варшавскаго округа. Дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Виноградовъ Аѳанасій Александровичъ — изъ иркутской семинаріи. Исправлялъ должность баккалавра (см. объ немъ въ текстѣ Исторіи академіи). Иркутскій каѳедральный протоіерей. Съ февраля 1891 г. оставилъ училищную службу.

Касимовскій Василій Евсигнеевичъ — изъ уфимской семинаріи. Назначенъ туда же на классъ физики и математики. Преподавалъ еще чувашскій языкъ. Въ 1882 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и служитъ по земству.

Робустовъ Николай Александровичъ — изъ саратовской семинаріи. Поступилъ въ саратовское епархіальное вѣдомство, былъ священникомъ. Умеръ въ 1860-хъ годахъ.

Цвѣтковъ Александръ Степановичъ—изъ тобольской семинаріи. Былъ смотрителемъ омскаго духовнаго училища.

Въ 1865 г. устраненъ отъ смотрительской должности, а въ 1865 г. вовсе вышелъ изъ службы. Былъ потомъ свѣтскимъ законоучителемъ въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ. Скончался въ 1869 г.

Курбановскій Василій Николаевичъ—изъ вятской семинаріи. Былъ смотрителемъ сначала нижегородскаго, а съ 1860 г. арзамасскаго духовнаго училища. Въ 1864 г. перешелъ въ тобольскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1865 г. вышелъ въ гражданскую службу, былъ губернскимъ стряпчимъ и исправлялъ должность тюменскаго окружнаго начальника. Померъ въ концѣ 1860-хъ годовъ.

Софотеровъ Николай Ивановичъ—изъ казанской семинаріи. Былъ инспекторомъ екатеринбургскаго духовнаго училища; въ 1860 г. на ту же должность перемѣщенъ въ чебоксарское училище, но по болѣзни не явился къ мѣсту и въ 1861 г. уволенъ отъ службы. Скончался.

Ольшанскій Василій Алексѣевичъ—изъ уфимской семинаріи. Назначенъ инспекторомъ въ глазовское духовное училище. Въ 1860 г. уволенъ въ гражданскую службу, въ канцелярію вятскаго губернатора. Съ 1863 г. былъ судебнымъ слѣдователемъ Сарапульскаго уѣзда. Умеръ около 1873 г.

Кувшинскій Николай Поликарповичъ - изъ вятской семинаріи. Сначала былъ инспекторомъ елабужскаго училища, потомъ съ 1858 г. учителемъ логики и психологіи въ вятской семинаріи; въ 1859 г. перешелъ на гражданскую исторію. Въ 1865 г. принялъ санъ священства и опредѣленъ къ собору въ г. Слободскомъ, а въ 1866 г. сдѣланъ законоучителемъ слободскаго уѣзднаго училища. Съ 1867 г. снова служилъ преподавателемъ въ вятской семинаріи и епархіальномъ училищѣ. Съ 1873 г. былъ законоучителемъ реальнаго училища до 1881 г., когда опредѣленъ законоучителемъ вятской гимназіи съ увольненіемъ отъ семинаріи. Въ томъ же году возведенъ въ санъ протоіерея. Имѣетъ палицу и орденъ св. Анны 2 степ. Въ Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ есть нѣсколько его проповѣдей и статей. Въ учебной литературѣ извѣстны его 1) Руководство къ изученію латинской просодіи и 2) Учебникъ латинскаго языка по руководству Латмана, одобренные учебными комитетами министерства и Св. Синода и выдержавшіе нѣсколько изданій; 3) Жизнеописаніе Мильтіада изъ Корнелія Непота на латинскомъ и русскомъ языкахъ. Статьи въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: Отче нашъ, Да будетъ воля Твоя, Остави намъ долги наша; Притча о мытарѣ и фарисеѣ; О

блудномъ сынѣ (за 1874 г.); О взаимномъ содѣйствіи христіанъ исправленію согрѣшающихъ; Воскресеніе Христово (за 1875 г.) Преображеніе (1876); Первые благовѣстники воскресенія Христова (1874); Христіанская благотворительность въ первыя времена церкви; Попеченіе древней христіанской церкви о вдовахъ и сиротахъ. Понятіе языческой древности о взаимныхъ обязанностяхъ людей и ученіе о нихъ Евангелія (за 1877); Положеніе женщины въ язычествѣ и христіанствѣ (1878); еще нѣсколько переводныхъ статей и поученій.

Эдемовъ Василій Емельяновичъ—изъ саратовской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу въ саратовской казенной палатѣ. Умеръ.

Павлиновъ Константинъ Ивановичъ — изъ астраханской семинаріи. Въ 1857 г. поступилъ въ составъ пекинской миссіи студентомъ. Въ 1864 г. назначенъ былъ консуломъ въ Кульджу. Въ 1869 г. состоялъ драгоманомъ при коммиссіи для проведенія границы съ западнымъ Китаемъ. Въ 1870 г. былъ раненъ при раззореніи г. Улясутая дунганами. Въ 1873 г. уволенъ отъ службы по болѣзни съ мундиромъ и пенсіей. Коллежскій совѣтникъ, имѣетъ ордена Станислава и Анны 2 ст., св. Владиміра 4 ст. и золотую медаль съ драгоцѣнными камнями отъ китайскаго богдыхана.

Черемухинъ Михаилъ Ивановичъ—изъ пермской семинаріи. Назначенъ инспекторомъ пермскаго училища. Въ 1857 г. вышелъ на гражданскую службу. Служилъ въ Перми въ палатѣ государственныхъ имуществъ и въ палатѣ уголовнаго суда; былъ секретаремъ оханской земской управы. Умеръ въ 1870-хъ годахъ.

VII КУРСА (1854—1858 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 1 сент. 1858 г. и 1 февр. 1860 г.

Магистры:

Павловъ Алексѣй Степановичъ—изъ тобольской семинаріи. Баккалавръ.

Орловъ Василій Андреевичъ—изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ на богословскіе предметы въ самарскую семинарію. Въ 1862 г. перемѣщенъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Состоитъ секретаремъ совѣта при одесскомъ университетѣ.

Соколовъ Василій Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Поступилъ въ саратовскую семинарію на классъ физики и математики; въ 1861—1864 гг. преподавалъ богословскіе предметы въ нижегородской семинаріи. Въ 1864 г. поступилъ старшимъ учителемъ по словесности въ гродненскую гимназію, затѣмъ служилъ по гимназіямъ въ Вильнѣ, Маріамполѣ и въ пермской реальной гимназіи; въ послѣднее время былъ учителемъ русскаго языка при войсковой гимназіи въ Уральскѣ. Намъ извѣстны его статьи: Волхи въ Трудахъ кіевской академіи 1862 г. кн. I; Матеріалы для исторіи старинной лечебной литературы,—лечебникъ № 480 патріаршей библіотеки,—въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ 1872 г. № 6. Было еще нѣсколько его статей (безъ имени) въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей.

Лаврскій Валеріанъ Викторовичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ на классъ логики и психологіи въ самарскую семинарію; въ 1860 г. перешелъ въ Нижній на классъ физики и математики, затѣмъ логики и психологіи. Въ 1866 г. перешелъ на службу въ Царство Польское и былъ тамъ до 1873 г. священникомъ при бывшемъ королевскомъ замкѣ въ Варшавѣ; въ 1873 г. поступилъ въ законоучители I варшавской гимназіи. Въ 1875—1885 гг. былъ ректоромъ саратовской семинаріи въ санѣ протоіерея; затѣмъ перешелъ на епархіальную службу въ Самару, въ 1887 г. исправлялъ здѣсь должность ректора семинаріи. Нынѣ каѳедральный протоіерей въ Самарѣ. Имѣетъ орденъ св. Владиміра 4 ст. Въ Прав. Собесѣдникѣ напечатана его статья: Свидѣтельство VIII в. о сложеніи перстовъ въ священническомъ благословеніи (1858 г. ч. II, 462). Служа въ Нижнемъ и въ Варшавѣ, печаталъ много статей и корреспонденцій въ Прав. Обозрѣніи, большею частію подъ буквами П. С. или П—ный С—нъ, напр.: Какъ помочь заштатному духовенству, вдовамъ и сиротамъ? (—1862 г. № 3, 111)—Какъ происходитъ обращеніе евреевъ въ западномъ краѣ? (—1866 г., № 5, 9; № 11, 127) — Изъ полемики прусскихъ безпоповцевъ о бракѣ (—1867 г. № 8, 437);—Вопросъ о съѣздахъ духовенства по училищнымъ дѣламъ,—изъ Варшавы (—1867 г. № 10, 122). —Рецензіи на изданія по расколу (—1867 г. № 11, 270; № 12, 395; 1868 г. № 12, 402); — Письма изъ Варшавы (—1868 г. № 1, 14; 1869 г. № 7, 240; 1870 г. № 10, 345) и пр. Во время своего ректорства въ Саратовѣ, будучи редакторомъ мѣстныхъ епархіальныхъ Вѣдомостей, печаталъ въ

нихъ (безъ имени) свои проповѣди и разныя мелкія статьи по современнымъ вопросамъ. Въ Самарѣ на него же возложена редакція Самарскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей.

Знаменскій Иванъ Денисовичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на богословскіе предметы. Въ 1860 г. рукоположенъ во священники. Въ 1861 г. перешелъ въ Екатеринбургъ и сдѣлался тамъ законоучителемъ гимназіи. Въ 1863 г. опредѣленъ законоучителемъ въ уральскомъ городскомъ училищѣ. Былъ членомъ екатеринбургскаго духовно-училищнаго совѣта. Вышелъ изъ гимназіи въ 1879 г. и съ этого времени по 1884 г. состоялъ смотрителемъ екатеринбургскаго духовнаго училища. Теперь состоитъ протоіереемъ Златоустовскаго собора въ Екатеринбургѣ.

Кандидатъ съ правомъ на полученіе степени магистра черезъ два года духовно-училищной службы.

Залѣсскій Петръ Матвеевичъ—изъ ставропольской семинаріи. Поступилъ помощникомъ ректора по богословскимъ предметамъ въ тобольскую семинарію, въ 1861 г. перешелъ на классъ гражданской исторіи. Въ 1864 г. вышелъ изъ семинаріи на должность губернскаго казначея. Былъ потомъ предсѣдателемъ тобольскаго губернскаго правленія, членомъ главнаго управленія Западной Сибири въ Омскѣ, послѣ преобразованія степнаго генералъ-губернаторства—членомъ-консультантомъ по управленію Акмолинской области. Скончался въ 1883 г. управителемъ дѣлъ степнаго генералъ-губернатора въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Кандидаты съ правомъ на степень магистра по представленіи новыхъ сочиненій:

Фортунатовъ Яковъ Ивановичъ—изъ казанской семинаріи. Опредѣленъ въ томскую семинарію на богословскіе предметы; въ 1860 г. перешелъ на классъ словесности въ казанскую семинарію; съ 1863 г. преподавалъ физику, съ 1864 г. —гражданскую исторію и языки татарскій и арабскій. Былъ священникомъ при университетской клиникѣ. Скончался въ іюлѣ 1871 г. Въ Миссіонерскомъ Сборникѣ (вып. VII. 1875 г.) напечатано его курсовое сочиненіе: Мысли Корана, благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство.

Покровскій Григорій Яковлевичъ—изъ пензенской семинаріи. Опредѣленъ въ ту же семинарію на классъ церковной исторіи. Съ 1860 г. смотритель краснослободскаго духовнаго

училища. Въ Прав. Собесѣдникѣ 1858 г. (III, 42 и 291) напечатана часть его курсоваго сочиненія: Историческія свѣдѣнія о молоканской сектѣ.

Кандидаты:

Аквилоновъ Петръ Васильевичъ—изъ тамбовской семинаріи. По окончаніи курса назначенъ въ Иркутскъ, но отъ этого назначенія отказался, перепросившись въ саратовскую семинарію на классъ словесности. Въ 1860 г. поступилъ въ настоятели собора въ г. Борисоглѣбскъ; вскорѣ же назначенъ былъ благочиннымъ и возведенъ въ санъ протоіерея. Съ 1874 г. переведенъ въ Тамбовъ въ ключари; съ 1888 г.—каѳедральный протоіерей въ Тамбовѣ. Состоитъ членомъ консисторіи, цензоромъ Тамбовскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей, членомъ епарх. училищнаго совѣта, совѣта тамбовскаго Казанско-Богородичнаго миссіонерскаго Братства и разныхъ тамбовскихъ учрежденій и заведеній. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. и палицу. Въ Тамбовскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатано много его проповѣдей.

Кузнецовъ Александръ Семеновичъ—изъ иркутской семинаріи. Опредѣленъ въ Пермь на логику и психологію. Въ 1859 г. перешелъ въ иркутскую семинарію на богословскіе предметы. Въ 1860 г. уволился отъ службы и вскорѣ померъ на должности письмоводителя полицейскаго управленія.

Воскресенскій Александръ Григорьевичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ пермскую семинарію на логику и психологію; въ 1860 г. перемѣщенъ на физику и математику. Въ 1861 г. уволенъ отъ службы и жилъ сначала въ Чердыни, потомъ въ Екатеринбургѣ, занимаясь частными дѣлами. Умеръ около 1866 г. Въ Прав. Собесѣдникѣ напечатаны изъ его курсоваго сочиненія Свѣдѣнія о древнихъ переводахъ твореній св. отцевъ на славяно-русскій языкъ. На службѣ и послѣ былъ секретаремъ статистическаго комитета, корреспондентомъ Дня, Московск. Вѣсти, Московскихъ Вѣдомостей, Пермскихъ губернскихъ Вѣдомостей, одно время редактировалъ Ирбитскій Листокъ.

Аристовъ Николай Яковлевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Былъ въ симбирской семинаріи преподавателемъ словесности. Въ 1861 г. вышелъ въ отставку и жилъ до 1866 г. въ Петербургѣ, занимаясь частными дѣлами и литературой. Въ 1866 г. выдержалъ въ петербургскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ по русской исторіи и въ 1867 г. назна-

ченъ доцентомъ казанскаго университета; потомъ преподавалъ русскую исторію въ варшавскомъ (1869—1873 гг.) и харьковскомъ (1873—1875 гг.) университетахъ и въ нѣжинскомъ лицеѣ, гдѣ былъ инспекторомъ. Умеръ въ Нѣжинѣ въ августѣ 1882 г. Онъ оставилъ послѣ себя много печатныхъ трудовъ; большая часть изъ нихъ впрочемъ довольно пустыя журнальныя рецензіи, на которыя онъ тратилъ свои силы и время вѣроятно по бѣдности, ради гонорара. Вотъ ихъ перечень: Взглядъ христіанства на сновидѣнія (Тамб. еп. Вѣд. 1854 г.); —Взглядъ древнихъ русскихъ лѣтописцевъ на событія міра (Прав. Соб. 1859 г. II, 45, 414); — Повѣсть о бражникѣ (Р. Бесѣда 1859 г. кн. 18);—Обзоръ русскихъ лѣтописей въ ихъ историческомъ содержаніи (Прав. Соб. 1860, I, 385; II, 46, 176);—Взглядъ на церковно-историческое содержаніе русскихъ лѣтописей (Д. Христ. 1861, кн. 2—3);—О недостаткѣ вѣры въ русскомъ народѣ (тамъ же кн. 4);—По поводу новыхъ изданій о русскомъ расколѣ (Время 1862 г. кн. 7);— Очерки крестьянской свадьбы (Волга 1862 г. №№ 13, 14 и 16);—О книгѣ Пекарскаго: Наука и литература при Петрѣ (Библ. для Чт. 1862 г. кн. 4 и Свѣточъ 1862 г. кн. 6); Отживающія воззрѣнія (Библ. для Чт. 1862 г. кн. 5,—подъ псевдонимомъ: Вѣтвицкій, которымъ подписаны почти всѣ его рецензіи);—Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала (тамъ же кн. 6);—Что нужно для русской исторіи въ настоящее время? (кн. 8);—Внутреннее обозрѣніе (кн. 10); — Чиновничій элементъ въ разработкѣ русской исторіи (кн. 12);— О книгѣ Костомарова: Сѣверно - русскія народоправства (—1863 г. кн. 3);—О раскольническихъ дѣлахъ XVIII столѣтія (кн. 4);—Русскіе города и ихъ администрація (кн. 6);— О книгѣ Есипова: Царица Евдокія Ѳедоровна (кн. 6);—Устройство раскольническихъ общинъ (кн. 7);—О книгѣ Глѣбова: Психологія (кн. 10);—Преданія о разбойникахъ (Сѣв. Сіяніе 1864 г. № 2); — Посошковъ и Абрамовъ (Библ. для Чт. 1864 г. кн. 2); — О кн. Устрялова: Исторія царствованія Петра Великаго (кн. 6);—О сельскомъ управленіи (кн. 8);— О сочиненіи Костомарова: Кто былъ первый Лжедимитрій (кн. 8);—О книгѣ Добрякова: Русская женщина въ домонгольскій періодъ (кн. 9); — Разбойники и бѣглые временъ Петра Великаго (кн. 10 и 11); Казнь Пугачева (Сѣв. Сіян. 1864 г. кн. III, вып. 6); — Промышленность древней Руси (Библ. для Чт. 1865 г., кн. 6—8 и отдѣльно въ болѣе обширномъ видѣ: Спб. 1866 г.,—это его магистерская диссер-

тація);—О кн. Барсова: Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи (Спб. Вѣдом. 1865 г., № 319);—Н. М. Карамзинъ, какъ русскій историкъ (Литер. Библіотека 1866 г., кн. 4);—О соч. Ѳирсова: Положеніе инородцевъ въ сѣверо-восточной Россіи (Отеч. Зап. 1866 г., кн. 11)—О Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей (кн. 23);—О кн. Поссельта: Ф. Лефортъ (Отеч. Зап. 1867 г. кн. 1);—Объ исторіи Россіи Соловьева (кн. 2);—О сочиненіи Градовскаго: Высшая администрація Россіи XVIII в. (кн. 3);—О Р. Архивѣ Бартенева (кн. 6);—О Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи (кн. 8, 14 и 20);—Записки по отдѣленію этнографіи Географическаго Общества (кн. 8);—Преданія о кладахъ (Зап. Геогр. Общ. 1867 г. т. I);—О кн. Дубровина: Закавказье (Отеч. Зап. 1867 г. кн. 9);—По поводу Памятной Книжки Таврической губ. (кн. 19);—О книгѣ: Новиковъ и московскіе мартинисты (кн. 20);—О сочиненіи Хмырова: Графиня Головкина (кн. 22);—О современномъ значеніи и состояніи русской исторіи,—вступительная лекція въ Казани (Уч. Зап. каз. унив. 1868 г.);—Описаніе г. Тамбова (Лѣтоп. занятій археогр. коммиссіи 1868 г. IV);—Объ отличительныхъ чертахъ древне-русской жизни,—вступительная лекція въ Варшавѣ (Варш. Унив. Изв. 1870 г. кн. I);—По поводу диспута Нильскаго (Заря 1870 г. кн. 11);—Христоматія по русской исторіи (Варшава. 1870 г.);—Судьба русской женщины въ допетровское время (Заря 1871 г. кн. 2); —О кн. Иловайскаго: Гродненскій сеймъ (—кн. 5);—Обзоръ сочиненій, касающихся правленія царевны Софіи (Варш. Унив. Изв. 1871 г. № 1);—Московскія смуты въ правленіе Софіи,—докторская диссертація (Варш. 1871 г.);—Объ историческомъ значеніи разбойничьихъ пѣсенъ (Филол. Зап. 1874—1875 гг. и отдѣльно: Воронежъ. 1875);—Преданія о мѣстныхъ святыняхъ (Др. и Нов. Росс. 1875, кн. 6);—О книгѣ Владимірскаго-Буданова: Государство и народное образованіе въ Россіи (—кн. 9);—Повѣсть о Ѳомѣ и Еремѣ (Др. и Нов. Росс. 1876, кн. 3);—О книгѣ Загоровскаго: Историческій очеркъ займа по русскому праву (—кн. 5);—О симбирскихъ раскольникахъ (Прав. Соб. 1877 г. кн. I);—О землѣ Половецкой (Изв. историко-филол. инст. 1877 г. т. I);—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I (—т. III); — Русскія народныя преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (Труды III археолог. съѣзда 1878 г. т. I);—Замѣтки о поученіяхъ епископа Серапіона (тамъ же т. III);—Невольное постриженіе у нашихъ предковъ (Др. и Нов. Росс.

1878 г. кн. 5—9);—А. Г. Ильинскій (—кн .5);—Названіе и гербъ г. Ряжска (Др. и Н. Росс. 1879 г. кн. 6);—Разработка русской исторіи въ послѣднія 25 лѣтъ (Ист. Вѣстн. 1880 г. кн. 4);—Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ (—кн. 9);—Симбирскіе юродивые (—кн. 11);—Къ характеристикѣ Іоанна смоленскаго (—кн. 12);—Гоголь, какъ націоналистъ (Вѣкъ 1882 г., кн. 2—4);—Историческое значеніе Гоголя (Ист. Вѣстн. 1883 г. кн. 9);—А. П. Щаповъ (Ист. Вѣстн. 1882 г. кн. 10—12 и отдѣльно: Спб. 1883 г.). Въ Энциклопедическомъ Словарѣ въ 1861—1863 гг. были помѣщены имъ біографіи А. І. Журавлева, Андреяна Сергѣва, Ив. Акиндинова, Арс. Глухаго, Арс. Грека, Арс. Суханова, расколоучителя Евѳимія. Нами не перечислено еще нѣсколько его мелкихъ рецензій въ разныхъ журнальныхъ обозрѣніяхъ литературы. Послѣ его смерти были изданы отдѣльными книгами: А П. Щаповъ, статьи Вѣка и Ист. Вѣстника о Гоголѣ подъ заглавіемъ: Сочиненія Гоголя со стороны отечественной науки (Спб. 1887 г.), и Первыя времена христіанства по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей (Спб. 1888 г.).

Троянскій Александръ Степановичъ—изъ казанской семинаріи. Опредѣленъ въ самарскую семинарію на классъ словесности. Въ 1860 г. вышелъ изъ службы и путешествовалъ за границей по славянскимъ землямъ. Въ 1864 г. поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ. Былъ русскимъ консуломъ въ Янинѣ. Въ 1885 г. переведенъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно. Въ Прав. Собесѣдникѣ напечатаны статьи изъ его курсоваго сочиненія: Прежнія отношенія папъ къ болгарской церкви (1865, III, 27. 81) и Прежнія отношенія папъ къ сербской и хорватской церкви (—1866, II, 19. 287). Изъ-за границы въ 1860-хъ годахъ онъ печаталъ много корреспонденцій о славянахъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, Современной Лѣтописи и въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Кузнецовъ Дмитрій Львовичъ—изъ уфимской семинаріи. Былъ наставникомъ томской семинаріи по классу логики и психологіи. Преподавалъ еще ученіе о расколѣ. Въ 1861 г. перешелъ на службу въ гимназію по классу словесности; но продолжалъ преподавать о расколѣ и въ семинаріи безмездно въ теченіе 18 мѣсяцевъ. Въ 1866 г. былъ отправленъ на жительство въ Омскъ. Вскорѣ померъ. Съ 1859 г. онъ состоялъ первымъ по времени редакторомъ Томскихъ губерн-

скихъ Вѣдомостей, въ которыхъ напечаталъ: Объ училищахъ томской дирекціи за послѣднее 50-лѣтіе (за 1863 г. №№ 13—16, 18, 19, 21, 23);—Нѣсколько историческихъ документовъ XVII в. (—№№ 26, 31, 46);—Отчетъ о публичной библіотекѣ при томской гимназіи (—№№ 39—43);—О наводненіи въ Барнаулѣ 1793 г. (—1864 г. № 1);—Границы колыванскаго намѣстничества XVIII в. (—№ 23);—Матеріалы для исторіи Сибири (№№ 14—18, 24, 31);—Хлѣбопашество въ Нарымскомъ краѣ въ половинѣ XVIII в. (—№ 31);—Замѣтка о сибирскомъ казачествѣ (—№№ 14 и 38);—Мысли объ устройствѣ въ Томскѣ ремесленной школы (—1865, № 14)

Горизонтовъ Тихонъ Алексѣевичъ—изъ саратовской семинаріи. Служилъ сначала въ пензенской семинаріи на классѣ физики и математики, потомъ съ 1861 г. въ нижегородской по классу словесности. Въ 1864 г. вышелъ изъ училищной службы и поступилъ въ священники при радомской церкви въ Варшавской епархіи. Въ 1866 г. перешелъ въ Варшаву. Былъ здѣсь законоучителемъ I женской гимназіи. Послѣ выхода въ отставку съ пенсіей состоитъ протоіереемъ при варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Порфирьевъ Гавріилъ Яковлевичъ—изъ вятской семинаріи. Назначенъ былъ въ тамбовскую семинарію на физику, но отказался и въ 1859 г. поступилъ въ вятскую семинарію на классъ словесности. Въ 1862 г. поступилъ въ священники. Въ 1871—72 г. былъ предсѣдателемъ совѣта епархіальнаго женскаго училища; съ 1881 г. законоучитель реальнаго училища. Въ 1884 уволился отъ семинаріи и реальнаго училища съ пенсіей за 25 лѣтъ училищной службы. Съ 1887 г. ключарь каѳедральнаго собора. Съ 1871 г. протоіерей. Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. Въ Вятскихъ епарх. Вѣд. за 1880, 1882, 1888 и 1890 гг. напечатано нѣсколько его словъ и рѣчей.

Благовѣщенскій Викторъ Егоровичъ—изъ иркутской семинаріи. Поступилъ въ эту же семинарію на классъ словесности. Въ 1867 г. скончался.

Калатузовъ Василій Ивановичъ—изъ ставропольской семинаріи. Служилъ въ самарской семинаріи по классу св. Писанія. Въ 1863 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и поступилъ на должность секретаря самарской консисторіи, на которой состоитъ доселѣ. Колл. сов. Имѣетъ ордена Станислава и св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. Въ печати намъ извѣстны его статьи: Монтаны (Эпоха 1864 г. кн. 8);—

Очерки быта и вѣрованій скопцовъ (тамъ же 1865 г. кн I);—Къ исторіи вѣрованій и нравовъ нашихъ сектантовъ (Сам. епарх. Вѣд. 1867 г. № 10);—О монтанской сектѣ въ с. Дубовомъ Уметѣ (тамъ же 1870 г. №№ 16, 18, 19, 21, 23);—Наша епархіальная литература (Современность 1873 г № 1);—Некрологъ преосв. Серафима самарскаго (Самарск. Газ. 1891 г. № 10).

Глѣбовъ Николай Өеодоровичъ—изъ рязанской семинаріи. Первые два года учился въ московской академіи. По окончаніи курса опредѣленъ въ пензенскую семинарію на классъ математики и древнихъ языковъ; въ 1860 г. перешелъ въ рязанскую семинарію на классъ логики и психологіи. Былъ секретаремъ и помощникомъ инспектора. Въ 1864 г. принялъ санъ священства, не оставляя семинарской службы. Съ 1866 г. былъ членомъ цензурнаго комитета и редакторомъ Рязанскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей; въ 1865—1866 гг. много потрудился въ должности члена комитета объ улучшеніи быта духовно-учебныхъ заведеній Рязанской епархіи. Въ 1867 г. получилъ для преподаванія въ семинаріи классъ гомилетики и литургики. Въ 1875 г. возведенъ въ протоіереи и перепросился въ смотрители касимовскаго духовнаго училища. Въ 1890 г. оставилъ эту должность и состоитъ только протоіереемъ касимовскаго собора. Имѣетъ орд. св. Владиміра 4 ст. Въ печати извѣстна его Психологія, изданная имъ въ 1863 г.

—*Кудѣевскій* Өеодоръ Дмитріевичъ—изъ симбирской семинаріи. Опредѣленъ въ самарскую семинарію на классъ физики. Преподавалъ еще татарскій языкъ. Въ 1860 г. перешелъ въ смотрители вновь открытаго николаевскаго духовнаго училища; былъ въ Николаевѣ законоучителемъ уѣзднаго училища. Съ 1864 г. былъ наставникомъ по классу физики въ саратовской семинаріи; съ 1866 г. снова служилъ въ самарской семинаріи по классу библейской исторіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. Въ 1872 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и былъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ оренбургскомъ округѣ. Дослужился по министерству народнаго просвѣщенія до пенсіи. Въ настоящее время мировымъ судьей въ Уфѣ. Въ VI вып. Миссіонерскаго Сборника (1875 г.) напечатано его сочиненіе: Главныя мысли и духъ Корана.

Верещагинъ Александръ Степановичъ—изъ вятской семинаріи. Поступилъ на классъ гражданской исторіи въ самарскую семинарію. Въ 1860 г. перешелъ въ вятскую семи-

нарію на классъ логики и психологіи. Съ 1864 г. состоялъ редакторомъ губернскихъ Вѣдомостей. Въ 1865 г. поступилъ на службу въ вятскую гимназію учителемъ латинскаго языка и преподавалъ словесность въ женской гимназіи. Въ 1867 г. снова приглашенъ на латинскій языкъ въ семинарію и въ 1868 г. оставилъ гимназію. Въ 1880 г. назначенъ инспекторомъ пермской семинаріи, но въ томъ же году опять перешелъ въ Вятку на прежнее мѣсто. Съ 1884 г. служилъ смотрителемъ вятскаго духовнаго училища. Въ 1887 г. вышелъ въ отставку съ пенсіей. Статскій совѣтникъ. Имѣетъ ордена Станислава и св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 степ. Членъ мѣстнаго статистическаго комитета и дѣятельный работникъ по мѣстнымъ архивамъ, членъ ростовскаго музея церковныхъ древностей, нижегородской архивной коммиссіи. Изъ трудовъ его напечатаны: Древніе акты вятскаго края (Вятка. 1881);— Сказанія о Вяткѣ русскихъ лѣтописцевъ (Вятск. епарх. Вѣд. 1879 г., №№ 23 и 24; 1880 г. №№ 1. 3. 4. 7. 9 и 10);—Вятскій Временникъ прот. Луки Юферева (тамъ же 1879 г. №№ 13—14); — Изслѣдованіе о Юферевскомъ Временникѣ (тамъ же №№ 11—12);—Исторія вятской семинаріи (тамъ же 1868 г. №№ 1. 2. 4. 12. 14 и 15);—Краткій очеркъ исторіи вятской семинаріи (Вятка 1881 г.;—напечатанъ еще въ Вятск. епарх. Вѣдом. 1881 г. и въ Сборникѣ: Столѣтіе Вятской губерніи);—Святительскія тѣни Лѣскова (Вятск. епарх. Вѣд. 1881 г. № 23; 1882 г. №№ 1. 3. 7. 12. 19; 1883 г. №№ 8. 9. 13; 1885 г. №№ 15—16);—Два реферата на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ (въ Трудахъ съѣзда, въ Вятск. епарх. Вѣд., Памятной книжкѣ Вятской губ. на 1888 г. и отдѣльно: Вятка 1887 г.—весьма замѣчательные). Кромѣ того, имъ издано много историческихъ матеріаловъ: Челобитная Лаврентія Горки 1736 г., Матеріалы для исторіи пугачевскаго бунта, Свѣдѣнія о начальникахъ и наставникахъ вятской семинаріи до 1818 г.;—(всѣ въ губерн. Вѣдомостяхъ 1864 г.)— Документы для исторіи вотяковъ, для біографій вятскихъ архіереевъ и др. дѣятелей (въ епарх. Вѣдомостяхъ 1863, 1879, 1882 и 1888 гг.). Будучи редакторомъ губерн. Вѣдомостей, велъ въ нихъ почти одинъ отдѣлы политическихъ и внутреннихъ извѣстій и мѣстной хроники. Были печатаны имъ краткія статьи и нравственнаго содержанія въ Странникѣ 1860 г. (Паденіе Адама, Размышленіе въ среду 1 седмицы великаго поста) и въ Вятск. епарх. Вѣдомостяхъ 1868 г. (Вселенское апостольство и др.).

Студенты съ правомъ на степень кандидата по подачѣ новаго сочиненія:

Терсинскій Василій Григорьевичъ—изъ саратовской семинаріи. Былъ сначала инспекторомъ, потомъ съ 1860 г. смотрителемъ петровскаго духовнаго училища и получилъ степень кандидата. Въ томъ же году померъ.

Бѣляевъ Лазарь Петровичъ—изъ казанской семинаріи. Поступилъ въ священники. Умеръ въ 1887 г. цивильскимъ протоіереемъ.

Благодаровъ Александръ Николаевичъ—изъ вятской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу въ канцелярію вятскаго губернатора. Въ 1860 г. получилъ степень кандидата. Съ 1861 до 1874 г. былъ судебнымъ слѣдователемъ Елабужскаго уѣзда. Въ настоящее время секретарь губернской земской управы въ Казани.

Воиновъ Ѳедоръ Яковлевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Съ 1858 г. былъ инспекторомъ екатеринодарскаго духовнаго училища. Въ 1859 г. удостоенъ степени кандидата. Въ 1862 г. сдѣланъ смотрителемъ училища. Умеръ въ 1863 г.

Студенты:

Масловскій Михаилъ Иларіоновичъ—изъ пензенской семинаріи. Съ 1859 г. опредѣленъ смотрителемъ лысковскаго духовнаго училища. Въ 1865 г. утвержденъ въ степени кандидата. Состоитъ смотрителемъ доселѣ. Статскій совѣтникъ. Имѣетъ ордена Станислава и св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 ст. Въ Нижегор. епарх. Вѣд. за 1887 г. (№ 20) напечатана его статья: О торжествѣ освященія церкви при общежитіи учениковъ училища въ домѣ, подаренномъ графиней А. Г. Толстой, и рѣчь по случаю этого торжества.

Шишовъ Иванъ Андреевичъ—изъ пермской семинаріи. Съ 1858 г. былъ инспекторомъ и учителемъ далматовскаго училища. Въ 1860 г. вышелъ изъ этой службы и поступилъ въ священники въ Ирбитскомъ уѣздѣ. Умеръ въ 1870-хъ годахъ.

VIII КУРСА (1856–1860 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 2 янв. 1861 г.

Магистры:

Мысовскій Кириллъ Васильевичъ—изъ астраханской семинаріи. Баккалавръ. Скончался.

Знаменскій Петръ Васильевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ въ самарскую семинарію. Съ 1861 г. баккалавръ.

Никольскій Алексѣй Степановичъ—изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ нижегородскую семинарію на богословскіе предметы; въ 1861 г. перемѣщенъ на классъ физики и математики; въ томъ же году перешелъ на богословскіе предметы въ казанскую семинарію; въ концѣ года вышелъ изъ духовно-училищной службы и поступилъ на педагогическіе курсы при университетѣ. Въ началѣ 1864 г. опредѣленъ учителемъ словесности въ саратовскую гимназію; въ 1868 г. перешелъ на исторію и географію въ пензенскую гимназію; въ 1869 г. перемѣщенъ на тѣ же предметы въ 2 казанскую гимназію; съ 1872 г. частно преподавалъ исторію въ Родіоновскомъ институтѣ. Въ 1873 г. назначенъ инспекторомъ саратовской гимназіи. Съ 1881 г. служилъ директоромъ народныхъ училищъ Самарской губерніи, а съ 1889 г. состоитъ директоромъ народныхъ училищъ Казанской губерніи. Дѣйствительный статскій совѣтникъ; имѣетъ ордена Станислава и св. Анны 2 ст., св. Владиміра 3 степ.—Въ Прав. Собесѣдникѣ за 1861 г. и въ Трудахъ кіевской академіи за 1862 г. (кн. 6) и 1864 г. (кн. 1 и 2) напечатана по частямъ его магистерская диссертація подъ заглавіемъ: Матеріалы противолютеранской русской полемики XVI и XVII столѣтій. Кромѣ этого имъ напечатаны: нѣсколько мелкихъ статей въ Воскр. Чтеніи начала 1860-хъ годовъ; Отношеніе христіанскаго общества къ римскому праву и народу въ первые вѣка нашей эры въ Трудахъ кіевск. академіи (1864 г. кн. 8); Карта инородческаго населенія Казанской губерніи (1871 г. Картографическое заведеніе Ильина); Разборъ карты инородческаго населенія Казанской губерніи Риттиха (Прилож. къ циркул. по казанск. округу 1871 г.); Школьныя реформы Екатерины II (Журн. мин. нар. просв. 1872 г. № 3, 272).

Емельяновъ Иванъ Карповичъ—изъ вятской семинаріи. Назначенъ въ нижегородскую семинарію на классъ словесности; въ 1861 г. перемѣщенъ въ пермскую на классъ логики и психологіи. Въ 1862 г. перешелъ на гражданскую службу, — въ 1863 г. былъ акцизнымъ надзирателемъ въ Красноуфимскѣ, затѣмъ года черезъ 3 перешелъ въ той же должности въ г. Осу, гдѣ прослужилъ до 1887 г., когда поступилъ исправникомъ въ Оханскъ. Въ мартѣ 1890 г. скон-

чался. Его сочиненіе на степень напечатано по частямъ въ Трудахъ кіевской академіи подъ заглавіями: О происхожденіи ученія Бакшина и Косаго (1862 г. кн. 3); Ученіе Θеодосія Косаго (тамъ же кн. 6); Полемика противъ ученія Косаго (—кн. 9).

Кибардинъ Θеодоръ Егоровичъ—изъ вятской семинаріи. Назначенъ въ самарскую семинарію на классъ словесности. Въ 1862 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ вятскую семинарію. Былъ помощникомъ инспектора и секретаремъ правленія. Въ 1863 г. рукоположенъ въ священники; въ 1864 г. перемѣщенъ на классъ логики и психологіи; въ 1866 г. сдѣланъ инспекторомъ семинаріи и членомъ консисторіи; въ 1867 г. перешелъ на классъ церковной исторіи. Съ 1873 г. протоіерей при вятскомъ соборѣ. Въ томъ же году вышелъ изъ духовно-училищной службы. Въ настоящее время съ 1889 г. каѳедральнымъ протоіереемъ. Состоитъ съ 1871 г. редакторомъ Вятскихъ епарх. Вѣдомостей и напечаталъ въ нихъ нѣсколько проповѣдей и статей. Изъ послѣднихъ за его подписью извѣстны: Руководство къ сравнительной статистикѣ Кольба; Московская епарх. Библіотека и церковныя библіотеки въ Тульской и Владим. епархіяхъ (за 1863 г.); О нравственныхъ доблестяхъ женщины (за 1869 г.); О христіанской жизни по вѣрѣ (1870 г.); О плодахъ правды (1871 г.); Краткій очеркъ исторіи сербской церкви; Основаніе самостоятельной эллинской церкви; Руководство къ библ. археологіи Кейля (за 1877 г.). Его курсовое сочиненіе: Бѣлое духовенство въ Россіи въ XVII и XVIII вв. печаталось въ Вятскихъ епарх. Вѣдомостяхъ (1864 г. № 15) и въ Прав. Собесѣдникѣ (1865 г. I, 145. 290; 1866 г. I, 37; II, 124; 1867 г. I, 6). Имѣетъ ордена св. Анны 2 ст., св. Владиміра 4 ст. и 3 ст., палицу и наперсный крестъ, поднесенный ему въ 1886 г. отъ духовенства за устройство епархіальнаго женскаго училища.

Кибардинъ Александръ Павловичъ—изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ на классъ словесности въ симбирскую семинарію. Въ 1861 г. уволенъ отъ службы и поступилъ на педагогическіе курсы при казанскомъ университетѣ. Въ 1862 г. назначенъ учителемъ латинскаго языка въ саратовскую гимназію; въ 1869 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ кутаисскую гимназію. Въ 1876 г. уволенъ отъ должности и оставался нѣкоторое время безъ мѣста, пока въ 1877 г. не назначенъ былъ въ якутскую гимназію. Въ томъ же году умеръ на дорогѣ въ Сибири. Въ печати извѣстна его рѣчь на актѣ

въ саратовской гимназіи: О преподаваніи классическихъ языковъ (Сарат. Справ. Листокъ 1866 г. №№ 188—191).

Гурьевъ Ѳедоръ Васильевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ на классъ словесности въ саратовскую семинарію; былъ секретаремъ правленія и экономомъ. Съ 1867 г. перешелъ въ самарскую семинарію наставникомъ гомилетики и литургики; все время самарской службы былъ преподавателемъ въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Въ 1872 г. былъ избранъ и утвержденъ въ должность ректора саратовской семинаріи съ принятіемъ священства и съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Скончался на этой должности въ февр. 1876 г.

Кандидаты съ правомъ на степень магистра по представленіи новыхъ сочиненій:

Морошкинъ Иванъ Алексѣевичъ—изъ тверской семинаріи. Назначенъ на классъ физики и математики въ саратовскую семинарію. Въ 1861 г. уволенъ отъ службы; послѣ этого жилъ нѣкоторое время въ Перми и Вяткѣ. Вскорѣ померъ.

Петровскій Василій Ивановичъ—изъ ставропольской семинаріи. Уволился въ свѣтское званіе и въ 1861 г. поступилъ на службу въ штабъ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса для приготовленія въ аудиторы. Съ 1863 г. служилъ акцизнымъ надзирателемъ въ Тюмени.

Охотинъ Дмитрій Ѳедоровичъ—изъ симбирской семинаріи. Былъ наставникомъ самарской семинаріи по классу физики и математики. Въ 1862 г. принялъ санъ священства и сдѣлался смотрителемъ самарскаго духовнаго училища. По выходѣ изъ духовно-училищной службы съ 1879 г. былъ протоіереемъ въ Новоузенскѣ. Въ настоящее время состоитъ протоіереемъ въ Покровской слободѣ Самарской епархіи.

Лещинскій Евгеній Васильевичъ, въ монашествѣ *Евсевій* —изъ пензенской семинаріи. Постриженъ въ монашество при окончаніи курса. Назначенъ на классъ словесности въ пензенскую семинарію. Въ 1862 г. переведенъ инспекторомъ въ уфимскую семинарію. Съ 1867 по 1869 г. былъ инспекторомъ саратовской семинаріи. Преподавалъ въ ней св. Писаніе до 1876 г., а съ этого времени литургику и гомилетику. Въ 1881—1882 гг. былъ на чредѣ служенія въ Петербургѣ и засѣдалъ въ духовно-учебномъ комитетѣ. Съ 1874 г. архимандритъ, имѣлъ ордена св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. и медаль въ память участія въ погребеніи Императора Александра II. Скончался въ ноябрѣ 1889 г. Оставилъ послѣ

себя въ печати нѣсколько проповѣдей, печатавшихся въ Саратовѣ въ 1876—1883 гг. и въ Петербургѣ въ 1881—1882 гг., брошюру: Прощальная бесѣда Господа нашего Іисуса Христа (Спб. 1881 г.), статью: Идея Бога по ученію откровенія (Сарат. епарх. Вѣд. 1868 г.).

Лавровъ Кронидъ Васильевичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ на классъ физики и математики въ пензенскую семинарію; въ 1861 г. перешелъ въ пермскую семинарію на классъ церковной исторіи. Въ 1862 г. былъ уволенъ отъ службы и жилъ нѣкоторое время въ Камышловѣ и Казани, занимаясь частными дѣлами. Въ концѣ 1860-хъ годовъ поступилъ на гражданскую службу въ Иркутскѣ въ контрольную палату. Скончался въ августѣ 1880 г.

Шавровъ Егоръ Алексѣевичъ—изъ тобольской семинаріи. Назначенъ на богословскіе предметы помощникомъ ректора въ иркутскую семинарію. Въ 1862 г. перемѣщенъ въ томскую семинарію на классъ логики и психологіи; преподавалъ татарскій языкъ. Былъ секретаремъ правленія и библіотекаремъ. Въ 1861 г. былъ сдѣланъ инспекторомъ семинаріи. Въ 1882 г. перемѣщенъ на классъ латинскаго языка въ вятскую семинарію, гдѣ доселѣ и состоитъ на службѣ. Имѣетъ ордена св. Анны и Станислава 2 ст. и св Владиміра 4 ст.

Никольскій Степанъ Лукичъ—изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ помощникомъ ректора по богословскимъ предметамъ въ астраханскую семинарію. Несъ на себѣ должности помощника инспектора, библіотекаря, секретаря. Въ 1868 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и поступилъ въ акцизные надзиратели, потомъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлился на службу по государственному контролю, на которой состоитъ и доселѣ. Въ Прав. Собесѣдникѣ за 1867 г. напечатано его курсовое сочиненіе: Очеркъ участія русской церкви въ дѣлахъ восточной до XVIII вѣка (I. 75; II, 81; III, 165).

Кандидаты:

Любимовъ Иванъ Васильевичъ—изъ симбирской семинаріи. До 1872 г. былъ наставникомъ гражданской исторіи въ уфимской семинаріи, потомъ перешелъ на классъ греческаго языка. Былъ преподавателемъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ. Въ 1882 г. опредѣленъ смотрителемъ уфимскаго

духовнаго училища. Съ 1883 г. былъ законоучителемъ уфимскаго землемѣрнаго училища. Скончался въ ноябрѣ 1887 г. Долгое время онъ состоялъ редакторомъ Уфимскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей и членомъ губернскаго статистическаго комитета.

Рождественскій Василій Петровичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ въ смотрители нижегородскаго духовнаго училища. Въ 1865 г. посвященъ въ священники къ церкви губернаторскаго дома. Въ 1867 г. перешелъ въ семинарію наставникомъ по классу латинскаго языка, въ каковой должности состоитъ доселѣ. Членъ распорядительнаго собранія; нѣсколько разъ исправлялъ должность инспектора. По епархіальному вѣдомству проходилъ разныя должности, — члена ревизіоннаго комитета, дѣлопроизводителя съѣзда духовенства, цензора проповѣдей, помощника благочиннаго. Съ 1885 г. протоіерей. Имѣетъ орденъ св. Анны 2 степ. и св. Владиміра 4 степ.

Тютюковъ Иванъ Петровичъ—изъ иркутской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ красноярскаго духовнаго училища. Въ 1862 г. сдѣлался смотрителемъ того же училища. Въ 1866 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы и поступилъ въ Иркутскѣ на службу по интендантскому вѣдомству; затѣмъ служилъ въ казенной палатѣ. Умеръ въ 1879 г.

Лебединскій Яковъ Васильевичъ — изъ казанской семинаріи. Былъ назначенъ смотрителемъ и учителемъ астраханскаго духовнаго училища. Съ 1861 г. преподавалъ въ тоже время татарскій языкъ въ семинаріи. Въ 1864 г. вышелъ изъ училища и поступилъ въ семинарію на классъ гражданской исторіи. Съ 1876 г. преподавалъ исторію въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Съ 1877 г. состоялъ редакторомъ епархіальныхъ Вѣдомостей. Съ 1878 г. исправлялъ должность инспектора семинаріи, а съ 1884 г. утвержденъ инспекторомъ. Въ 1885 г. перешелъ на классъ св. Писанія. Въ разное время исправлялъ должность ректора семинаріи. Имѣетъ чинъ статскаго совѣтника, ордена Станислава и св. Анны 2 степ. Въ Духовномъ Вѣстникѣ 1863 и 1865 гг. напечатаны имъ двѣ статьи изъ курсоваго сочиненія: Мѣры русскаго правительства относительно улучшенія иконописанія въ XVI в. (1863 г. окт.) и Мѣры русскаго правительства относительно того же въ XVII в. (1865 г. сент.). Въ Астрах. епарх. Вѣдомостяхъ помѣщены его статьи: Жизнь и мученическая кончина Іосифа митрополита астраханскаго (1876 г. №№ 13, 16,

17, 20); 11-ое мая — день мученической кончины м. Іосифа (тамъ же № 20).

Никольскій Петръ Алексѣевичъ — изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ петровскаго духовнаго училища, вскорѣ сдѣлался смотрителемъ. Въ 1872 г. по выбору духовенства перешелъ въ смотрители саратовскаго училища, въ каковой должности состоитъ и доселѣ. Статск. совѣтн., имѣетъ орд. Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. Имъ напечатано нѣсколько статей по разнымъ вопросамъ въ Саратовскомъ Листкѣ подъ букв. П. Н. и въ Церковномъ Вѣстникѣ, гдѣ за 1887 г. помѣщена одна изъ болѣе крупныхъ его статей: О ремесленныхъ школахъ для малоуспѣшныхъ учениковъ духовныхъ училищъ.

Соколовъ Павелъ Елеазаровичъ — изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ въ далматовское духовное училище. Въ 1861 г. перешелъ въ пермскую семинарію учителемъ физики и математики. Въ 1862 г. перешелъ въ свѣтское вѣдомство и былъ учителемъ русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ г. Козлова, затѣмъ съ 1865 г. въ уѣздномъ же училищѣ г. Кирсанова.

Пьянковъ Василій Александровичъ — изъ пермской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ въ соликамское духовное училище. Въ 1861 г. перешелъ на классъ словесности въ пермскую семинарію; былъ помощникомъ инспектора. Въ 1862 г. уволенъ изъ семинаріи и поступилъ въ гражданскую службу. Служилъ въ западныхъ губерніяхъ подъ начальствомъ Муравьева ассессоромъ губернскаго правленія. Умеръ членомъ суда.

Парадизовъ Левъ Степановичъ — изъ астраханской семинаріи. Опредѣленъ инспекторомъ и учителемъ въ екатеринбургское духовное училище. Въ 1861 г. перешелъ въ пермскую семинарію на классъ гражданской исторіи. Въ 1862 г. уволенъ отъ должности и изъ духовнаго званія. Гражданскую службу началъ въ Астрахани въ уголовной палатѣ. Въ настоящее время мировымъ судьей въ г. Балтѣ. Въ Православномъ Собесѣдникѣ напечатаны отрывки изъ его курсоваго сочиненія объ исповѣдникахъ русской церкви: О кончинѣ Іосифа м. астраханскаго (1865 г. III, 124); Амвросій архіепископъ московскій (— III, 203); Служеніе п. Гермогена бѣдствующему отечеству (— 1866, II, 81); Служеніе м. ростовскаго Филарета бѣдствующему отечеству (1866, I, 311).

На службѣ онъ участвовалъ своими корреспонденціями въ газетѣ День и астраханской газетѣ Волга.

— *Ливановъ* Ѳедоръ Васильевичъ — изъ саратовской семинаріи. До академіи былъ учителемъ самарскаго духовнаго училища. По окончаніи курса вышелъ въ свѣтское званіе и поступилъ на службу въ аудиторіатскій департаментъ военнаго министерства. Потомъ служилъ по акцизному управленію въ Перми. Въ половинѣ 1860-хъ годовъ перешелъ въ Петербургъ, гдѣ былъ прикомандированъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ для разработки документовъ о расколѣ, но скоро вышелъ изъ этой службы и служилъ членомъ соединенной палаты во Владимірѣ. Въ 1870-хъ годахъ поселился въ Москвѣ. Умеръ въ концѣ 1870-хъ годовъ въ большой бѣдности.— Въ печати извѣстно множество его статей и отдѣльныхъ изданій. Намъ извѣстны: Русановъ, раскольническій лжеархіерей (Отеч. Зап. 1865 г. №№ 8 и 10);—Пророчица Устинья Никифоровна (тамъ же №№ 16 и 17); — Начало единовѣрія на Преображенскомъ кладбищѣ (Прав. Обозр. 1866 г. кн. 5);— Путевыя письма: Иргизскіе монастыри (Голосъ 1866 г. №№ 213 и 222);—Нравы и обычаи молоканъ Самарской губерніи (тамъ же № 282);—Расколъ въ Таврической губерніи (Прав. Обозр. 1867 г. № 3);—Исканіе старообрядцами архіерейства въ XVIII столѣтіи (тамъ же № 4);—Тамбовскіе молокане и духоборцы (Всем. Трудъ 1867 г. № 2);—Воспоминаніе о хлыстовской сектѣ въ Петербургѣ (Голосъ 1867 г. № 26); — Московскіе хлысты (Голосъ 1867 г. №№ 211. 212);—Санктпетербургская секта скакуновъ (Лит. Библіот. 1867 № 10); — Раскольничьи ходаки (тамъ же №№ 11 и 12);—Раціонализмъ русскихъ сектантовъ (Всем. Тр. 1868 г. №№ 1—2);— Скопитель (Совр. Изв. 1868 г. № 187); — Молоканскій попъ (тамъ же №№ 228—231); — Богатые купцы Солодовниковы (тамъ же №№ 247—251);— Раскольническіе хвалынскіе большаки (тамъ же №№ 283 и 285 и Сарат. епарх. Вѣдом. 1868 г. № 22); — О московскихъ скопцахъ (Нов. Время 1868 г. № 220); — Закланіе сына въ жертву Богу, — изъ быта раскольниковъ (тамъ же № 137); — Хлыстовская богородица Акулина Тимоѳеевна (Рус. Вѣдом. 1868 г. № 262); — Молокане и духоборцы въ Украйнѣ и Новороссіи (Вѣстн. Евр. 1868 г. кн. 10 и 12); — Скопческій пророкъ Шиловъ (Всем. Трудъ 1869 г. № 10); — Моршанская богородица Анна Софроновна (тамъ же); — Юбилей И. И. Лажечникова, его некрологъ и похороны (Соврем. Изв.

1869 г. №№ 100, 108, 110, 119, 174, 177);—Путевыя письма (Н. Время 1869 г. №№ 147, 157, 191); — Г. С. Сковорода и его значеніе среди молоканъ и духоборцевъ (тамъ же № 169); —Какъ ругаются раскольническіе архіереи? (тамъ же № 257). Большая часть этихъ и др. статей вошла въ его обширные сборники, извѣстные подъ заглавіемъ: Раскольники и острожники, въ 4-хъ томахъ: Первый томъ вышелъ въ Спб. въ 1868 г. и выдержалъ 4 изданія, — Спб. 1869, Спб. 1870 и Спб. 1872; второй вышелъ въ двухъ изданіяхъ,—Спб. 1870 и 1872 гг.; третій—Спб. 1872 г.; четвертый—Спб. 1873 г. Въ 1871 г. вышелъ его Уставъ дух. консисторій, сборникъ дѣйствующихъ по дух. вѣдомству указаній (Спб. 1871 г.; въ томъ же году вышло и 2-е изданіе). Въ 1874 г. напечатаны: статьи — Секта лобзающихся на Дону (Ц.-Общ. Вѣстникъ 1874 г. №№ 46—48, 50—52); Оріенталистъ Фирковичъ (тамъ же № 89), и брошюры—Чуфутъ-Кале въ Крыму (М. 1874), Бахчисарай (М. 1874), Херсонесъ въ Крыму (тоже), Инкерманъ и Инкерманская киновія (тоже), Георгіевскій монастырь въ Крыму (тоже); въ 1876 г. въ Москвѣ—Золотая Грамота, —учебно-воспитательная народная христоматія, ч. I и II; въ 1877 г. въ Москвѣ же — Жизнь сельскаго священника,—бытовая хроника въ 3 частяхъ.

Ювенскій Иванъ Ивановичъ — изъ костромской семинаріи. Былъ смотрителемъ симбирскаго духовнаго училища. Въ 1863 г. уволенъ отъ службы по разстройству умственныхъ способностей, послѣ чего жилъ на родинѣ въ Костромской губерніи въ бѣдности. Въ концѣ 1860-хъ годовъ померъ.

Воскресенскій Иванъ Ѳедоровичъ — изъ нижегородской семинаріи. Въ декабрѣ 1859 г. подавалъ прошеніе въ монашество, но въ январѣ 1860 г. дѣлопроизводство объ этомъ было прекращено вслѣдствіе начинавшагося душевнаго разстройства просителя. По окончаніи курса назначенія не получилъ, но былъ допущенъ къ преподаванію въ нижегородскомъ духовномъ училищѣ. Въ 1862 г. уволенъ и жилъ въ состояніи душевнаго разстройства у родныхъ. Скончался въ началѣ 1870-хъ годовъ.

IX КУРСА (1858—1862 г.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 2 сентября 1863 г.

Магистры:

Рожанскій Василій Яковлевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Баккалавръ. Скончался.

Хитровскій Андрей Михайловичъ—изъ нижегородской семинаріи. Служилъ въ саратовской семинаріи по классу логики и психологіи, а съ 1867 г. въ самарской по латинскому языку. Скончался въ мартѣ 1869 г.

Маловъ Евѳимій Александровичъ—изъ симбирской семинаріи. Служилъ сначала при казанской семинаріи, потомъ баккалавръ и профессоръ академіи.

Орнатовъ Иларіонъ Аѳанасьевичъ--изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ на классъ словесности, логики и психологіи въ якутскую семинарію. Въ 1864 г. перемѣщенъ въ тобольскую семинарію на физику и математику, гдѣ служитъ и доселѣ. Секретарь правленія. Довольно долгое время съ 1865 г. преподавалъ словесность въ тобольской гимназіи.

Трескинскій Василій Иларіоновичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ въ самарскую семинарію на классъ логики и психологіи. Изъ семинаріи въ 1860-хъ же годахъ вышелъ на службу по питейно-акцизному управленію. Съ начала 1880-хъ годовъ въ отставкѣ.

Огневъ Василій Ивановичъ—изъ вятской семинаріи. Былъ опредѣленъ въ пермскую семинарію на классъ словесности. Въ 1863 г. рукоположенъ въ священники, послѣ чего былъ помощникомъ инспектора и несъ на себѣ разныя должности по епархіи. Съ 1868 г. опредѣленъ инспекторомъ и перешелъ на классъ литургики. Въ 1873 г. вышелъ изъ семинаріи и служилъ въ Вяткѣ священникомъ при Александровскомъ соборѣ, а съ 1874 г. настоятелемъ собора въ г. Орловѣ, съ 1877 г. снова въ Вяткѣ при Предтеченской церкви, а съ 1879 г. при каѳедральномъ соборѣ и членомъ консисторіи. Имѣлъ орд св. Анны 2 ст. Скончался лѣтомъ 1884 г. Изъ литературныхъ трудовъ его напечатаны: Нѣсколько словъ о происхожденіи раскола (Прав. Обозр. 1861 г., кн. II, 316);—Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи (Прав. Соб. 1862 г. I, 131. 350);—Исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ (тамъ же II, 361; III, 32);—Казанско - Богородицкій соборъ въ г. Орловѣ (Вятск. епарх. Вѣд. 1875 г. № 15); — Вятская

епархія и Пугачевъ (тамъ же 1877 г. № 19);—Начало вятскаго Предтеченскаго прихода (тамъ же);—Епископъ Варѳоломей Любарскій (—1877 и 1878 гг.);—Епископъ Лаврентій Барановичъ (—1878 г.);—Новый храмъ въ вятскомъ епархіальномъ училищѣ (—1880 г. № 20);—Страницы изъ исторіи книги на Руси (Вятка. 1880 г.);—Вятская епархія въ началѣ XVIII в. (епарх. Вѣдом. 1883 и 1884 гг.).—Кромѣ того, въ Пермскихъ и Вятскихъ епарх. Вѣдомостяхъ издано нѣсколько его поученій, словъ и рѣчей.

Кандидаты съ правомъ на степень магистра по прослуженіи двухъ лѣтъ на духовно-училищной службѣ:

Михайловскій Григорій Петровичъ—изъ саратовской семинаріи. Назначенъ помощникомъ ректора въ томскую семинарію, но отпросился отъ этого назначенія и опредѣленъ въ 1863 г. на классъ словесности въ симбирскую семинарію. Въ 1865 г. перешелъ въ Саратовъ на классъ логики и психологіи. Въ 1868 г. перепросился въ кавказскую духовную семинарію, но былъ избранъ и опредѣленъ смотрителемъ ставропольскаго духовнаго училища. Скончался въ 1886 г. И въ Саратовѣ, и въ Ставрополѣ много печаталъ статей. Первая статья напечатана имъ еще въ академіи: Очеркъ изъ современной религіозно-нравственной жизни русскаго народа (Прав. Обозр. 1860 г. декабрь). Затѣмъ въ Саратовскихъ епарх. Вѣдомостяхъ: О задачахъ пастырской дѣятельности сельскихъ священниковъ (1866 г. № 15); —О дѣятельности духовенства по отношенію къ просвѣщенію народа въ древней Россіи (1867 г. № 10);—Объ участіи духовенства въ народномъ обученіи въ настоящее время (1868 г. № 2) и друг. Въ Ставрополѣ онъ былъ все время редакторомъ епарх. Вѣдомостей и написалъ въ нихъ множество статей и замѣтокъ. Всѣхъ статей его, кромѣ очень мелкихъ, было до 145.

Лѣтницкій Александръ Ивановичъ, въ монашествѣ *Аврамій*,—изъ астраханской семинаріи. Опредѣленъ помощникомъ инспектора смоленской семинаріи. Въ 1863 г. постриженъ въ монашество. Въ 1865 г. переведенъ въ инспекторы тверской семинаріи. Съ 1868 г. архимандритъ и ректоръ вологодской семинаріи, съ 1874 г.—тифлисской, съ 1879—калужской. Въ 1880 г. рукоположенъ въ епископа михайловскаго, викарія рязанскаго, съ 1881 г. епископъ брестскій, съ 1885—тобольскій, съ 1889—саратовскій. Орд. Анны 1 ст. и Влад. 3 ст.

Стуковъ Яковъ Ивановичъ—изъ иркутской семинаріи. По окончаніи курса опредѣленъ въ родную семинарію помощникомъ ректора по профессорской должности; въ теченіе четырехъ лѣтъ состоялъ преподавателемъ обличительнаго богословія, ученія о расколѣ, гомилетики и нравственнаго богословія и вмѣстѣ съ тѣмъ библіотекаремъ семинаріи. Въ 1865 г. получилъ степень магистра Съ 1867 г, по оставленіи проходимыхъ должностей, перешелъ на классъ философскихъ наукъ. Состоя въ должности профессора семинаріи, въ тоже время преподавалъ въ иркутскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ Восточной Сибири естественную исторію, словесность и русскій языкъ, а въ 1870 г. исправлялъ должность инспектора классовъ и члена совѣта въ институтѣ. Съ 1871 г. до смерти—въ 1879 г., по оставленіи всѣхъ стороннихъ занятій, состоялъ въ должности инспектора иркутской семинаріи. Умеръ въ чинѣ стат. совѣтника; имѣлъ ордена Станислава 2 ст., св. Анны 3 и 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. Послѣ него остались прекрасныя литографированныя записки по педагогіи, составленныя имъ для учениковъ семинаріи.

Зимницкій Василій Григорьевичъ—изъ пензенской семинаріи. Назначенъ въ пензенскую семинарію на классъ словесности. Въ 1864 г. поступилъ учителемъ въ ставропольскую гимназію. Съ 1875 г. директоръ учительской семинаріи въ Вольскѣ. Д. ст. сов. Ордена: св. Анны 2 ст., Станислава 2 ст. и св. Владиміра 3 ст. Въ печати извѣстно его Руководство къ изученію синтаксиса русскаго языка. 1885 г.

Потоцкій Николай Семеновичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ въ тобольскую семинарію на должность помощника ректора по каѳедрѣ. Въ 1866 г. рукоположенъ въ священники. Въ 1873 г. избранъ былъ ректоромъ семинаріи. Скончался въ 1877 г. Послѣ него въ рукописи осталось пастырское богословіе, которое онъ готовилъ къ изданію.

Кандидаты:

Благодаровъ Николай Алексѣевичъ—изъ симбирской семинаріи. Назначенъ на классъ словесности въ саратовскую семинарію. Въ 1863 г. вышелъ изъ духовно-училищной службы на службу по акцизному вѣдомству въ Самарѣ. Померъ.

— *Лучининъ* Аполлонъ Петровичъ—изъ вятской семинаріи. Служилъ сначала въ самарской семинаріи на классѣ словесности, потомъ перешелъ на службу въ оренбургскій учитель-

скій институтъ. Въ послѣднее время былъ инспекторомъ народныхъ школъ въ Пермской губерніи. Скончался 27 января 1891 г.

Порфирьевъ Иванъ Яковлевичъ—изъ вятской семинаріи. По болѣзни опредѣлился на мѣсто только въ 1864 г. въ вятскую семинарію на классъ сначала физики, а съ 1865 г. исторіи. Былъ преподавателемъ въ епарх. училищѣ. Съ 1874 г. сдѣлался соборнымъ священникомъ, съ увольненіемъ отъ семинаріи, и членомъ консисторіи; съ 1877 г. протоіерей. Скончался въ декабрѣ 1879 г.

Аристовскій Иванъ Александровичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ учителемъ латинскаго языка и словесности въ томскую семинарію. Въ 1864 г. уволился въ свѣтское званіе. Въ 1868—1871 гг. былъ учителемъ латинскаго языка въ тобольской гимназіи. Оттуда перешелъ учителемъ латинскаго языка въ красноярскую гимназію. Потомъ былъ тамъ же директоромъ. Скончался.

Христофоровъ Иванъ Яковлевичъ—изъ тобольской семинаріи. До 1865 г. служилъ по классу словесности въ тобольской семинаріи и съ 1864 г. преподавателемъ исторіи въ гимназіи, потомъ перешелъ на службу въ симбирскую гимназію. Съ 1877 г. инспекторъ этой гимназіи. Въ настоящее время инспекторъ астраханской классической гимназіи. Ст. совѣтникъ, имѣетъ орд. Станислава и св. Анны 2 ст,, св. Владиміра 4 ст. Изъ печатныхъ трудовъ его намъ извѣстны: Этнографическіе и біографическіе очерки по всеобщей и русской исторіи (Спб. 1873);—Историческіе акты, относящіеся до обращенія въ христіанство при ц. Өеодорѣ Алексѣевичѣ инородцевъ (Симб. губ. Вѣд. 1880 г. №№ 12—17, 22, 24, 33, 37 и 39);—О старинныхъ рукописяхъ въ симбирской Карамзинской библіотекѣ (Труды IV археолог. съѣзда, т. II, 27).

Викторовъ Осипъ Степановичъ—изъ уфимской семинаріи. Поступилъ на гражданскую службу. Въ настоящее время членъ казанскаго окружнаго суда.

Студентъ съ правомъ на степень кандидата по подачѣ новаго сочиненія.

Старосивильскій Андрей Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Назначенъ смотрителемъ иркутскаго духовнаго училища. Умеръ въ 1865 г.

Студенты съ правомъ на степень кандидата по прослуженіи двухъ лѣтъ:

Троицкій Николай Меѳодьевичъ—изъ тульской семинаріи. Назначенъ на классъ церковной исторіи въ кавказскую семинарію. Въ 1865 г. получилъ степень кандидата. Въ 1866 г. перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и опредѣленъ инспекторомъ варшавской женской гимназіи. Въ настоящее время съ 1883 г. директоръ 2 варшавской гимназіи. Ст. совѣтникъ, орд. Станислава и св. Анны 2 ст., св. Владиміра 3 ст.

Полетаевъ Степанъ Петровичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ въ пензенскую семинарію на словесность. Вскорѣ вышелъ изъ нея и поступилъ на службу въ Петербургѣ по государственному контролю. Скончался.

Къ этому же курсу студентовъ принадлежалъ студентъ *Якимовъ* Михаилъ Кузьмичъ, въ монашествѣ *Мелетій* (сынъ священника Вятской епархіи, род. 1835 г.),—изъ вятской семинаріи, въ которой кончилъ курсъ въ 1856 г. До поступленія въ академію онъ былъ (съ 1857 г.) рясофорнымъ монахомъ Трифонова монастыря, затѣмъ учителемъ вятскаго духовнаго училища. На другой годъ по поступленіи въ академію (1 февр. 1859 г.) постригся въ монашество, послѣ чего въ теченіе всего пребыванія въ академіи служилъ при академической церкви іеродіакономъ. Въ 1861 г. былъ уволенъ изъ академіи по извѣстному дѣлу о панихидѣ и назначенъ въ Посольскій монастырь Иркутской епархіи для миссіонерскаго служенія, гдѣ въ 1862 г. посвященъ въ іеромонаха. Въ 1865 г. съ особаго разрѣшенія Св. Синода удостоенъ степени кандидата. Въ 1873 г. возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ начальникомъ иркутской духовной миссіи, на служеніи которой оказалъ великія заслуги. Съ 1878 г. епископъ селенгинскій, съ 1889—якутскій. Имѣетъ ордена: св. Анны 1 ст. и св. Владиміра 3 ст. Не смотря на свои неутомимыя занятія дѣлами миссіонерства, онъ успѣлъ ознаменовать свое служеніе многими литературными трудами. Кромѣ проповѣдей, миссіонерскихъ записокъ и отчетовъ по забайкальской и иркутской миссіямъ, которые съ 1864 г. печатались въ Иркутск. епарх. Вѣдомостяхъ и перепечатывались въ Страннникѣ и Прав. Обозрѣніи, полныхъ историческаго и этнографическаго интереса, имъ были напечатаны: Торже-

ство христіанства въ Тугнуѣ и храмъ Христа Спасителя (Ирк. епарх. Вѣд. 1868 г. №№ 28, 29, 31 и 32);—Церковный соборъ въ Тобольскѣ (1702 г.) при м. Филоѳеѣ (тамъ же 1869 г. №№ 41—43);—Статья подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Прав. Собесѣдникѣ (1875 г. I, 434);—Археологическое открытіе о святителѣ Иннокентіи иркутскомъ (Ирк. епарх. Вѣд. 1871 г. № 21. Странникъ 1872 г. II, 153);—Свящ. памятникъ событія 25 мая 1867 г.—церковь Вознесенія на Часовенномъ островѣ за Байкаломъ (Ирк. епарх. Вѣд. 1871 г. №№ 3—5);—Церковь Іоанна Предтечи въ с. Ташеланѣ за Байкаломъ (тамъ же №№ 40—41);—Что такое бурятскій Обо и отъ чего нерѣдко бываетъ зараза въ степяхъ? (—1872 г. № 10);—Церковь св. Троицы въ с. Тарбагатаѣ на Хилкѣ (—№№ 41—42);—Описанія архипастырскихъ путешествій преосвященнаго Веніамина (—1873 г. № 45; 1874 г. №№ 34—41, 50—52; 1876 г. №№ 4, 5; 1878 г. № 40);—Котокильскій образъ святителя Николая (—1874 г. № 5);—Чудотворный образъ Богоматери, Споручницы грѣшныхъ въ Кяхтѣ (—№ 8); Чикойскій скитъ (Миссіонеръ 1875 г. № 24);—Древнія церковныя грамоты сибирскаго края и свѣдѣнія о даурской миссіи (Казань. 1875);—О предполагаемыхъ переводахъ св. Писанія на остяцкій языкъ (Ирк. епарх. Вѣд. 1876 г. № 3);—Освященіе церкви св. Иннокентія въ Жимытинскомъ станѣ и крещеніе бурятъ тункинскаго вѣдомства (—1876 г. №№ 32—33);—Замѣтка объ инородческихъ бракахъ (—№ 40); — Историческія свѣдѣнія о темлюйской Введенской церкви (Ирк. епарх. Вѣд. 1882 г. № 27);—Пустынникъ Варлаамъ, основатель Іоанно-Предтеченскаго скита въ Чикойскихъ горахъ за Байкаломъ (—1883 г. №№ 36—40);—Страдалецъ іеромонахъ Дамаскинъ,—изъ первыхъ ставленниковъ свят. Иннокентія (—1884 г. № 18);—Буддійская космогонія (—1885 г. № 8);—Положеніе новокрещенаго въ средѣ язычниковъ (—№ 9);—Старый сибирскій трактъ (—1887 г. № 17);—Подлинно христіанское имя Ермака (1888 г. № 37). Вѣроятно есть немало и безыменныхъ статей преосвященнаго.

X КУРСА (1860—1864 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 8 сент. 1866 г.

Магистры:

Бердниковъ Илья Степановичъ—изъ вятской семинаріи. Оставленъ баккалавромъ.

Веденяпинъ Петръ Григорьевичъ—изъ пензенской семинаріи. Назначенъ въ ту же семинарію на церковную исторію. Въ 1868 г. перешелъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія. Съ 1884 г. директоръ варшавской IV гимназіи. Имѣетъ чинъ ст. сов. и ордена: Станислава и св. Анны 2 ст., св. Владиміра 4 ст. Имъ напечатаны статьи: Законодательство императрицы Елизаветы относительно православнаго духовенства (Прав. Обозр. 1865 г. кн. 5, 7 и 10);—Земскіе выборы въ Пензенской губерніи (тамъ же кн. 3).

Голубинскій Василій Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ казанскую семинарію на классъ логики и психологіи, которыя преподаетъ и доселѣ. Имѣетъ орд. св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 3 степ. Напечаталъ: Очеркъ философскихъ направленій, возникшихъ по поводу рѣшенія вопроса о познаніи человѣческомъ (Прав. Собес. 1871 г. III, 115. 367);—переводъ Ульрици: Нравственная природа человѣка (тамъ же 1877, III, 429. 581; отдѣльно: Казань. 1878 г.);—Критическія замѣчанія на ученіе Геккеля о происхожденіи міра (Прав. Обозр. 1879 г. кн. 11 и 12).

Промптовъ Сергѣй Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Служилъ въ томской семинаріи по классу св. Писанія, потомъ физики, съ 1867 г. педагогики, затѣмъ сдѣлался смотрителемъ барнаульскаго духовнаго училища. Въ 1876 г. умеръ.

Перминовъ Василій Ильичъ — изъ вятской семинаріи. Поступилъ въ вятскую семинарію на классъ логики и психологіи. Былъ преподавателемъ въ епархіальномъ училищѣ. Скончался въ 1872 г.

Архангельскій Алексѣй Васильевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Назначенъ въ ставропольскую семинарію на классъ помощника ректора. Былъ секретаремъ правленія. Въ 1871 г. уволился отъ духовно-учебной службы и служилъ правителемъ губернаторской канцеляріи въ Ставрополѣ, затѣмъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Въ послѣднее время членъ отъ правительства въ губернскомъ земскомъ комитетѣ.

Евтроповъ Константинъ Николаевичъ—изъ томской семинаріи. Служилъ до 1878 г. въ томской семинаріи на классѣ церковной исторіи; одновременно преподавалъ исторію въ мужской и женской гимназіяхъ; въ 1869—1872 гг. былъ секретаремъ при томскомъ архіереѣ. Въ 1878 г. поступилъ на гражданскую службу въ томскую казенную палату, гдѣ и состоитъ начальникомъ I отдѣленія. Имъ напечатаны: Рѣчь на публичномъ актѣ семинаріи по случаю столѣтняго юбилея императора Александра Благословеннаго (Томск. епарх. Вѣд. 1880 г. №№ 6, 7 и 9);—Плаваніе по р. Оби, или первый опытъ сплава сибирской пшеницы за границу въ 1878 г. (Морск. Сборн. 1879 г. № 8; перевед. на нѣмецкій языкъ въ Deutsche Geograph. Blätter; Heft II; Bremen. 1880);—нѣсколько корреспонденцій въ газетахъ по вопросамъ мѣстной жизни, напр. По поводу постройки томскаго собора (Сиб. Вѣстн. 1880 г. №№ 35. 38).

Балаковскій Акимъ Алексѣевичъ—изъ самарской семинаріи. Служилъ въ пензенской семинаріи на классѣ словесности. Въ 1872 г. перешелъ въ учители ловичской реальной прогимназіи. Скончался. Имъ напечатаны: О древнихъ русскихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ,—курсовое сочиненіе (Рук. для сельск. паст. 1865 г. №№ 38—40; 1866 г. №№ 33—34 и 1867 г. №№ 2, 3, 10, 11, 17 и 18);—О молянахъ мордвы въ Пензенской губерніи (тамъ же 1867 г. №№ 4—8);—Придерживающіеся старинки (тамъ же 1867 г. №№ 29, 31 и 35);—О начальномъ воспитаніи дѣтей сельскаго духовенства (Пензен. епарх. Вѣд. 1870 г. №№ 6—9, 12, 14 и 15);—Народное келейничество или секта богомоловъ (Рук. для сельск. паст. 1871 г. №№ 32—34, 36, 37, 40—42, 46, 47, 49; 1872 г. №№ 3, 4, 6, 8).

Добротворскій Стефанъ Мартыновичъ — изъ пермской семинаріи. Назначенъ въ смотрители нерчинскаго училища, потомъ съ 1870 г. перешелъ въ якутскую семинарію. Въ 1871 г. рукоположенъ во священники и возведенъ въ санъ протоіерея. Съ 1885 г. ректоръ якутской семинаріи. Скончался въ 1888 г. Имѣлъ орд. св. Анны 2 ст. и св. Владиміра 4 ст. Напечаталъ: Торжество открытія Якутской епархіи 29 мая 1870 г. (Душеп. Чт. 1870 г. кн. 9, извѣст.);—Открытіе миссіонерскаго комитета въ г. Якутскѣ (Ирк. епарх. Вѣд. 1870 г. № 26);—Затруднительное положеніе чукотскаго миссіонера (тамъ же 1871 г. № 38);—Открытіе епархіальной библіотеки въ Якутскѣ (тамъ же № 47);—Годовщина якутскаго миссіонерскаго общества (—31);—Открытіе школы гра-

мотности при якутскомъ Спасскомъ монастырѣ (—1876 г. № 43);—Нѣчто о скопцахъ якутскаго края (—1881 г. № 43);—Нѣчто о скопческой ереси (—1882 г. №№ 10 и 48).

Кандидаты съ правомъ на степень магистра черезъ 2 года:

Репьевъ Александръ Павловичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ на классъ св. Писанія въ казанскую семинарію, гдѣ и состоитъ доселѣ. Напечаталъ: Разборъ ученія Фейербаха (Дух. Вѣстн. 1864 г. сент.); — Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства (тамъ же 1865 г. янв.);—Библіографическая замѣтка (— сент.); — Корреспонденція изъ Казани (—дек.);—Объясненіе псалмовъ XV и XLIV (Прав. Собес. 1866 г. II, 3; III, 36);—О значеніи мученичества въ дѣлѣ распространенія христіанства (Дух. Вѣстн. 1867 г. апрѣль); — Объ открытіи воскресныхъ школъ при семинаріяхъ (Русск. Вѣд. 1867 г. янв.).

Виноградовъ Николай Яковлевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Служилъ сначала въ тамбовской семинаріи на классѣ словесности, затѣмъ сдѣлался смотрителемъ 2 тамбовскаго духовнаго училища. Вышелъ изъ этой службы въ 1890 г. Въ печати намъ извѣстенъ его Историческій очеркъ древнерусскаго сельскаго прихода (Тамб. епарх. Вѣд. 1868 г. №№ 5, 6, 8, 10—13, 15, 20 и 21).

Нурминскій Сергѣй Андреевичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ смотрителемъ николаевскаго духовнаго училища. Въ 1867 г. перемѣщенъ въ самарскую семинарію. Въ 1869 г. назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Вятской губерніи. Съ 1874 г. тамъ же директоромъ народныхъ училищъ. Въ 1885 г. перешелъ въ директоры самарской учительской семинаріи, а въ 1888 г. опредѣленъ директоромъ вятской гимназіи. Дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ общества любителей естествознанія при московскомъ университетѣ и вятскаго статистическаго комитета. Ордена: Станислава и св. Анны 2 ст., св. Владиміра 3 ст.—Изъ литературныхъ трудовъ его напечатаны: Очеркъ религіозныхъ вѣрованій черемисъ (Прав. Соб. 1862 г. III, 239);—Вліяніе монастырей на разселеніе народное въ казанскомъ краѣ (тамъ же 1864 г. I, 3. 181);—Инородческіе приходы (Прав. Обозр. 1863 г., кн. 12, 243);—Изъ замѣтокъ о черемисахъ Казанской губерніи (тамъ же кн. 9, замѣтк. 34).—Инородческія школы (тамъ же 1864 г.);—Бекбулатка Бегишевъ,—изъ исторіи колонизаціи

казанскаго края (День 1864 г. № 27);—Статистическія свѣдѣнія о приходахъ Уржумскаго уѣзда (Вятск. губ. Вѣд. 1871 г.);—Критическая замѣтка о книгѣ: Молитвы, символъ вѣры и заповѣди, протоіерея Соколова (Журн. Мин. Нар. Пр. 1873 г.);—Статистическія свѣдѣнія о числѣ грамотныхъ въ православномъ населеніи Вятской губерніи (Пам. Книжка Вятск. губ. 1875 г);—Народныя училища Вятской губерніи 1869—1878 гг. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1878 г.);—Народныя училища Вятской губерніи 1786—1828 гг. (Столѣтіе Вятск. губ. Сборникъ 1880 г.);—Бѣлогорскіе татары,—изъ исторіи совращенія татаръ-христіанъ въ магометанство (Самарск. епарх. Вѣд. 1884 г.);—Классная система обученія въ городскихъ училищахъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г.);—Грамотность прихожанъ самарскаго каѳедральнаго собора (Самарск. губ. Вѣд. 1886 г.);—Грамотность въ населеніи Вятской губерніи (Календарь Вятск. губ. 1888 г.). Кромѣ этихъ статей, имъ напечатано нѣсколько мелкихъ статей въ журналахъ: Школьная Жизнь, Народная Школа, Православное Обозрѣніе и въ Вятскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ, и статьи оффиціальнаго происхожденія: отчеты о народныхъ училищахъ, протоколы учительскихъ съѣздовъ и т. п. Въ вятскій статистическій комитетъ въ 1884 г. представлены имъ карты инородческихъ поселеній Вятской губерніи и списки инородческихъ населеній той же губерніи.

Кандидаты:

Тихомировъ Дмитрій Ивановичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ на классъ словесности въ тобольскую семинарію. Преподавалъ временно латинскій языкъ въ гимназіи. Съ 1871 г. поступилъ учителемъ русскаго языка въ тобольскую гимназію. Въ 1879 г. переведенъ въ омскую гимназію директоромъ. На этой должности и скончался.

Ястребовъ Иванъ Степановичъ—изъ астраханской семинаріи. Поступилъ на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ по азіатскому департаменту, пробывъ предварительно нѣкоторое время въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при департаментѣ. Затѣмъ послѣдовательно служилъ въ константинопольскомъ посольствѣ при гр. Игнатьевѣ, секретаремъ консула въ Скутари, консуломъ въ Призрѣнѣ въ Старой Сербіи. Съ 1886 г. генеральный консулъ въ Солуни.

Онъ печаталъ довольно много корреспонденцій съ востока въ Православномъ Обозрѣніи за подписью—стр—, напр.: Церковно-болгарскій вопросъ (1866 г. №№ 6 и 11);—Письма изъ Константинополя (тамъ же №№ 7, 8, 9; 1867 г. № 1); въ 1886 г. издалъ Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (Спб. 1886 г.) и другое изданіе (1889 г.) ихъ, дополненное прозой сербовъ; участвовалъ въ Гласникѣ сербскаго ученаго дружства за 1881, 1882 и 1885 годы, гдѣ напечаталъ до 14 статей, вошедшихъ большею частію въ его сборникъ: Обычаи и пѣсни сербовъ.

Каменецкій Александръ Степановичъ — изъ самарской семинаріи. Назначенъ на словесность въ симбирскую семинарію; съ 1865 г. перешелъ въ самарскую семинарію на классъ исторіи. Въ 1870-хъ годахъ служилъ учителемъ въ самарской учительской семинаріи. Былъ инспекторомъ народныхъ школъ. Умеръ въ 1880-хъ годахъ.

Агишевъ Мартирій Михайловичъ—изъ уфимской семинаріи. Опредѣленъ въ ту же семинарію на классъ церковной исторіи. По выходѣ изъ училищной службы состоитъ секретаремъ губернскаго акцизнаго управленія въ Уфѣ.

Покровскій Константинъ Ивановичъ—изъ пермской семинаріи. Опредѣленъ учителемъ церковной исторіи въ тобольскую семинарію. Преподавалъ еще татарскій языкъ. Въ 1866 г. перемѣщенъ на классъ физики и математики. Въ 1871 г. вышелъ въ гражданскую службу чиновникомъ особыхъ порученій тобольскаго губернатора. Померъ.

Гигановъ Алексѣй Петровичъ—изъ тобольской семинаріи, Опредѣленъ смотрителемъ въ омское дух. училище. Умеръ въ концѣ 1870-хъ годовъ.

Боголѣповъ Василій Алексѣевичъ—изъ тамбовской семинаріи. Опредѣленъ въ самарскую семинарію на классъ церковной исторіи. Послѣ перешелъ въ тамбовскую семинарію, гдѣ служитъ доселѣ по классу греческаго языка. Одновременно болѣе 25 лѣтъ состоялъ преподавателемъ словесности и инспекторомъ классовъ въ тамбовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, за что, по опредѣленію съѣзда духовенства въ январѣ 1892 г., получилъ пожизненную ежегодную пенсію въ 180 рублей. Имѣетъ орденъ св. Анны 2 ст.

Тиховъ Иванъ Ѳедоровичъ—изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ учителемъ физики въ ставропольскую семинарію. Въ 1866 г. померъ.

Студентъ съ правомъ на степень кандидата по подачѣ новаго сочиненія:

Озерецкій Петръ Степановичъ—изъ пензенской семинаріи. Назначенъ въ Томскъ на классъ физики, но отказался. Въ февралѣ 1867 г. опредѣлился на тотъ же классъ въ пензенскую семинарію. Степень кандидата получилъ въ 1873 г. Въ январѣ 1890 г. скончался. Оставилъ много печатныхъ статей въ мѣстныхъ епарх. Вѣдомостяхъ и Руководствѣ для сельскихъ пастырей, каковы: Молокане с. Андреевскаго (Рук. для с. паст. 1866 г. т. I №№ 3 и 4);—Недостатки въ воззрѣніяхъ древне-русскаго народа на религіозно-нравственные предметы (тамъ же 1867 г. т. I № 9).—Воззрѣнія русскаго народа на ангеловъ и злыхъ духовъ (тамъ же № 17);—Правила осторожности въ ученіи о нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, наблюдаемыя въ первенствующей церкви (тамъ же 1870 г. т. I);—Потребность знакомства съ христіанскими археологическими памятниками (тамъ же т. II);—Древне-христіанскій религіозный символизмъ (тамъ же);—Очеркъ древне-русскихъ народныхъ воззрѣній на религіозно-нравственные предметы (тамъ же №№ 26, 28, 30—32);—Очеркъ дохристіанскаго религіознаго развитія нашихъ предковъ (тамъ же 1871 г. т. I);—Миѳологическіе сюжеты на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ (Прав. Обозр. 1872 г. кн. 6, 897);—Церковная иконопись (Рук. для с. паст. 1872 г. т. III); Что такое казуистика и схоластика въ области нравоученія? (Пенз. епарх. Вѣд. 1873 г №№ 7—13);—Римскій католицизмъ и іезуитскій пробабилизмъ (тамъ же №№ 17, 18, 20, 21, и 24; 1874 г. № 1—4);—О блиновской богомолкѣ, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Полиньки (тамъ же 1874 г. №№ 13—19);—Бродяга, называвшійся христомъ (—1875 г. № 9);—Взглядъ на историческое развитіе славяно-русскаго язычества (—1875 г. №№ 23 и 24);—Историческій очеркъ видоизмѣненія основныхъ началъ славяно-русскаго язычества подъ вліяніемъ мѣстныхъ и бытовыхъ условій (—1876, № 4);—О спиритизмѣ (—№№ 12—15);—Взглядъ на происхожденіе суевѣрій и предразсудковъ (—1878 г. №№ 13—15, 19, 23 и 24);—О проповѣди въ первые вѣка христіанства (—1879 г. №№ 10, 12);—О монашествѣ до VI вѣка (—1879 г. №№ 20—22);—Обычаи и учрежденія въ первенствующей церкви (—1880 г. №№ 10—17); —Положеніе духовныхъ пастырей въ мордовскихъ приходахъ

(—1881 г. №№ 10—12);—Пріобрѣтеніе домовъ для членовъ причта, какъ средство обезпеченія духовенства (—1882 г. № 12);—Новый запасъ молодыхъ кандидатовъ на священство (—1882 г. № 14).

Студенты:

Миславскій Андрей Андреевичъ—изъ уфимской семинаріи. Назначенъ въ черниговскую семинарію, но отказался отъ назначенія и вышелъ на гражданскую службу,—въ уфимское губернское правленіе дѣлопроизводителемъ. Былъ потомъ последовательно секретаремъ уфимской палаты уголовнаго и гражданскаго суда, правителемъ губернаторской канцеляріи, старшимъ совѣтникомъ губернскаго правленія, членомъ городской управы, городскимъ головою и предсѣдателемъ городской земской управы, — въ послѣдней должности съ 1888 г. состоитъ доселѣ.

Князевскій Петръ Андреевичъ—изъ саратовской семинаріи. Поступилъ на службу въ казанскую уголовную палату. Скончался.

XI КУРСА (1862—1866 гг.)

Утверждены въ степеняхъ отъ 17 января—28 іюня 1867 г.

Магистры:

Будринъ Евлампій Андреевичъ—изъ пермской семинаріи. Сначала наставникъ этой семинаріи, потомъ баккалавръ академіи.

Кувшинскій Иванъ Поликарповичъ—изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ въ кавказскую семинарію на классъ церковной исторіи. Въ 1870 г. перешелъ на службу въ ставропольскую гимназію, въ 1871 г.—въ Александровскій тифлисскій учительскій институтъ, въ 1873 г. въ кутаисскую гимназію; но въ томъ же году снова перешелъ на духовно-училищную службу инспекторомъ тифлисской семинаріи. Въ 1879 г. вышелъ въ отставку. Въ настоящее время учитель женской гимназіи въ Ставрополѣ, членъ всѣхъ ставропольскихъ общественныхъ учрежденій.

Васильевъ Александръ Ивановичъ—изъ кавказской семинаріи. Назначенъ въ ту же семинарію на классъ математики, но потомъ перешелъ на церковную исторію, которую преподаетъ доселѣ. Въ 1870—1879 гг. преподавалъ татарскій языкъ. Съ 1875 г. преподаетъ географію въ епархіальномъ женскомъ училищѣ и преподавалъ исторію въ женской гимназіи (до 1878 г.). Въ семинаріи несъ разныя должности и порученія. Съ 1878 г. былъ сначала инспекторомъ классовъ епархіальнаго женскаго училища, потомъ предсѣдателемъ его совѣта (до 1880 г.). Съ 1880 г. состоитъ членомъ совѣта женской гимназіи. Имѣетъ чинъ ст. сов. и орд. Станислава и св. Анны 2 ст. Въ Ставропольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечаталъ статьи за 1885 г.: Объ отношеніи просвѣтительной дѣятельности св. Кирилла и Мефодія къ основанію русской церкви, и за 1888 г. Историческую записку о христіанствѣ на сѣверномъ Кавказѣ.

Поповъ Петръ Алексѣевичъ—изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на классъ помощника ректора. Съ 1868 г. преподавалъ св. Писаніе, а съ 1870—догматику. Съ 1873 г. опредѣленъ инспекторомъ. Съ 1870 г. былъ редакторомъ епархіальныхъ Вѣдомостей. Въ 1877 г. рукоположенъ въ священный санъ и опредѣленъ ректоромъ въ астраханскую семинарію съ возведеніемъ въ санъ протоіерея. Въ 1882 г. вышелъ изъ службы по причинѣ психическаго разстройства. Скончался въ казанской лечебницѣ душевно-больныхъ въ августѣ 1884 г.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра черезъ два года:

Знаменскій Павелъ Васильевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ въ ту же семинарію на классъ физики и математики, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перешелъ на классъ философіи и педагогики. Въ 1869 — 1874 гг. преподавалъ еще татарскій языкъ. Съ 1869 г. состоялъ при женскомъ епархіальномъ училищѣ преподавателемъ послѣдовательно географіи, физики и педагогики. Въ 1882 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку съ полною пенсіей и въ маѣ того же года скончался. Въ Нижегородскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатана часть его курсоваго сочиненія: О мѣстныхъ святыняхъ древней Руси (за 1868 г. №№ 6, 9, 10, 21). Въ 1870-хъ годахъ онъ печаталъ еще разныя мелкія статьи въ нижегородскомъ Ярмарочномъ Листкѣ.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра по представленіи новаго сочиненія:

Можаровскій Аполлонъ Θедоровичъ—изъ казанской семинаріи. Назначенъ наставникомъ по богословскимъ наукамъ въ казанскую семинарію; въ 1871 г. перешелъ на гражданскую исторію. Съ 1873 г. состоитъ на томъ же классѣ въ нижегородской семинаріи. Въ 1881 г. удостоенъ степени магистра. Членъ-соревнователь общества исторіи и древностей при московскомъ университетѣ, дѣйствительный членъ общества исторіи, археологіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, дѣйствительный членъ археологической коммиссіи въ Нижнемъ, ученой архивной коммиссіи, статистическаго комитета и коммиссіи церковнаго древлехранилища. Имѣетъ чинъ ст. сов. и орд. Станислава 2 ст., св. Анны 3 ст. и св. Владиміра 4 ст. Литературная дѣятельность его, начавшаяся еще во время студенчества, весьма обширна. Вотъ перечень его трудовъ: Кое-что по поводу столкновенія православнаго священника съ муллой (День 1864 г. № 15);—Инородцы-христіане Казанской епархіи (Рук. д. с. паст. 1864 г. № 22);—Интересный фактъ изъ религіозной практики простонародья (День 1864 г. № 42);—Книга Бытія, Премудрость Іисуса сына Сирахова и букварь въ переводѣ на разговорный татарскій языкъ (День 1864 г. №№ 51—52);—Какъ празднуются престольные праздники въ инородческихъ приходахъ Казанской епархіи (День 1865 г. № 28);—Указатель статей Правосл. Собесѣдника за 1855—1864 гг. (Казань. 1865 г.);—Миссіонерская дѣятельность митрополита казан. Гермогена (Рук. для с. паст. 1866 г. № 11);—Еще суевѣрный обычай, требующій уничтоженія (Рук. д. с. п. 1866 г. № 28);—Правительственныя распоряженія относительно иновѣрцевъ казанскаго края отъ временъ Гермогена митр. каз. до митрополита Сильвестра (Рук. д. с. п. 1866 г. № 36);—Мѣры Іоанна IV къ одержанію духовной побѣды надъ Казанью въ связи съ дѣятельностію св. Гурія, Германа и Варсонофія (Прав. Собесѣд. 1866 г. III, 3);—Церковныя дѣла въ приходахъ Казанской епархіи (Рук. д. с. п. 1867 г. № 6);—Ходъ миссіонерскаго дѣла въ казанскомъ краѣ съ 1731 г. до конца XVIII столѣтія (Рук. д. с. п. 1867 г. №№ 45, 47, 50 и 54);—О Бежбатманцахъ, — этнограф. очеркъ (Каз. губ. Вѣд. 1868 г. № 42);—О полуторавѣковомъ юбилеѣ казанской семинаріи

(Изв. Каз. епархіи 1868 г. № 49 и Каз. губ. Вѣд. № 49);— Рѣчь усопшему архимандриту Иннокентію ректору каз. академіи (Изв. Каз. епархіи № 13 и Прав. Собесѣд. іюл. 1868 г.);— Исторія казанской дух. семинаріи (Каз. губ. Вѣд. 1868 г. №№ 54, 56, 57, 59, 60, 61 и 67);—1827-ой годъ въ ходѣ миссіонерства по Казанской епархіи (Каз. губ. Вѣд. 1868 г. № 68);—1-е сентября 1868 года въ казанской семинаріи (Изв. Каз. еп. 1868 г. № 19);—Исторія построенія каменной семинаріи въ Казани (Прав. Собесѣдн. 1868 г. III, 108);—Торжество казанской дух. семинаріи въ день ея полуторавѣковаго юбилея (Казань. 1868 г.);—Изъ исторіи духовнаго просвѣщенія въ казанскомъ краѣ (Прав. Обозр. 1868 г. дек.);—Краткая историческая записка о казанской семинаріи за ея полуторавѣковое существованіе (Казань. 1869 г.);—20-е октября 1869 года въ казанской дух. семинаріи (Изв. Каз. еп. 1869 г. № 24);—Слово при погребеніи инспектора казанской семинаріи, протоіерея В. А. Ложкина (3 № Каз. губ. Вѣд. и 4 № Изв. Каз. еп. 1870 г.);— Платонъ Любарскій (Изв. Каз. еп. 1870 г. № 5);—О юбилейномъ капиталѣ при казанской семинаріи (Изв. Каз. еп. 1870 г. № 17);—Покореніе Казани Русской державѣ и христіанству (Казань. 1871 г.);—Археологическая замѣтка о происхожденіи фамилій по духовному вѣдомству (Каз. губ. Вѣд. 1871 г. № 73);—Характеръ инспекціи протоіерея В. А. Ложкина (Каз. губ. Вѣд. 1871 г. № 75);—Археологическая замѣтка о фамиліи и мѣстѣ кончины митрополита казанскаго Сильвестра (1725—1731) (Каз. губ. Вѣд. 1871 г. № 85; тоже съ дополненіями—Ниж. губ. Вѣд. 1887 г. №№ 5—6);—Памятникъ Петру Великому въ Казани (Каз. губ. Вѣд. 1872 г. № 41);—Письма митрополита Амвросія Подобѣдова по дѣламъ казанской академіи (Изв. Каз. еп. 1872 г. № 8);—Педагоги Лещевскаго училища (Камско-Волж. Газет. 1872 г. №№ 41—43);—Преосвященный Іона казанскій и симбирскій (Изв. Каз. еп. 1873 г. № 2);—Положеніе миссіонерскаго дѣла въ предѣлахъ Казанской епархіи отъ начала XIX вѣка до миссіи 1830 года (Церковн. лѣтопись Духов. Бесѣды 1873 г. №№ 11—14, 16, 19, 21 и 40);—Два слова и рѣчь преосвящ. Антонія Зыбелина при учрежденіи и открытіи казанскаго намѣстничества (Изв. Каз. еп. 1874 г. №№ 12—13);—Дополненіе къ біографіи архіепископа Владиміра казанскаго (Странник. 1874 г. дек.);—Рѣчь Амвросію Протасову казанскому при отбытіи его въ Тверь—

архим. Θеофана (Изв. по Каз. еп. 1876 г. № 11);—Рѣчь Филарету Амфитеатрову архіепископу казанскому въ 1828 г. В. Григорьева (Изв. Каз. еп. 1876 г. № 11);—Рѣчь на выздоровленіе префекта каз. акад. Бориса Поликарпова и рѣчь на погребеніе учителя академіи Н. Милонова (Изв. Каз. еп. 1877 г. № 2);—Рѣчь Императору Павлу митрополита Амвросія (тамъ же);—Рѣчь Императору Павлу I въ день коронаціи—Амвросія Подобѣдова (Странник. 1877 г. мартъ);—Миссіонерскіе совѣты м. Григорія духовенству Казанской епархіи (Миссіонер. 1877 г. №№ 23—25);—Старая казанская академія (2 кн. Чтеній общ. исторіи и древн. 1877 г.); —Объ усовершеніи духовныхъ училищъ въ царствованіе Императора Александра I (Нижегор. епарх. Вѣд. 1878 г. № 1);—Татарокрещенскій вопросъ въ Казанской епархіи предъ открытіемъ братства св. Гурія (Миссіонер. 1878 г. №№ 8—9);—Крещеніе черемисскаго народа (Миссіонер. 1878 г. №№ 21—25);—Открытіе комитета правосл. миссіонерскаго общества въ Нижнемъ 11 мая 1878 г. (Миссіонер. 1878 г. № 22);—Стихъ о разореніи скитовъ (Рус. Старин. 1878 г. іюнь);—Скитскій трапезникъ (Рус. Старин. 1878 г. іюль);—Пастырское посланіе Филарета архіепископа казанскаго къ новокрещенымъ черемисамъ (Миссіонер. 1878 г. № 31);—Рукописный пятиязычный словарь въ нижегородской семинарской библіотекѣ (Рус. Старин. 1878 г. дек.);—Состояніе вѣры новокрещеныхъ инородцевъ Казанской епархіи предъ учрежденіемъ миссіи 1830 г. (Миссіонер. 1879 г. №№ 4, 5, 9);—Стихъ нѣкоего человѣка о измѣненіи предѣлъ его (сент. Рус. Старин. 1879 г.);—Инородцы Нижегородской епархіи по сообщенію преосв. Дамаскина Екатеринѣ II (37 и 38 №№ Миссіонер. 1879 г.; тоже съ дополненіями—Нижегор. епарх. Вѣд. 1816 г. № 1);—Молитва сопѣлковца-бѣгуна (Рус. Старин. 1879 г. сент.);—Рѣчь при открытіи казанской дух. семинаріи 1818 г.—ректора Θеофана (Изв. Каз. епарх. 1879 г. № 19);—Православнымъ сынамъ церкви Низовскія земли во извѣстіе о положеніи дѣлъ миссіонерскаго комитета (23 № Ниж. епарх. Вѣд. и Ниж. Бирж. Лист. 1879 г.);—Практическія наставленія митрополита Григорія пастырямъ по предмету спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ (Рук. д. с. паст. 1879 г. №№ 47, 48, 50 и 1880 г. №№ 1, 14, 15, 19, 21, 24, 25);—Вѣрованія, молитвенныя призыванія и обряды чувашъ и отчасти мордвы Нижегородской епархіи по сообщенію преосв. Да-

маскина Екатеринѣ II (5 № Моск. Церк. Вѣд. 1880 г.;—тоже—Нижег. епарх. Вѣд. 1886 г. № 2);—Изложеніе хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію христіанствомъ казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 годъ (1 кн. Чтеній Император. общ. исторіи и древн. российск. при Имп. моск. ун. 1880 г.,—магист. диссертація);—Миссіонерская поѣздка въ татаро-крещенскую деревню Салтыганову (Моск. Церк. Вѣд. 1880 г. № 13);—Архимандритъ Гавріилъ Воскресенскій (Рус. Старин. 1880 г. іюль);—Азелеевскій новокрещенинъ Семенъ Степановъ 2-й (Москов. Церк. Вѣд. 1880 г. №№ 34, 36);—День 25-лѣтія службы о. ректора нижегородской семинаріи протоіерея А. И. Стеклова (Россія 1880 г. № 66);—Слово въ день храмоваго праздника при церкви нижегородской семинаріи 4 декабря (Моск. Церк. Вѣд. 1880 г. № 52);—О несуществующемъ болѣе изображеніи въ одномъ изъ куполовъ главнаго храма казанскаго Спасскаго монастыря (Извѣст. общ. исторіи, археологіи и этнографіи при каз. ун. 1884 г. т. III);—Записка о дѣятельности нижегородскаго комитета миссіонерскаго общества (Рук. д. с. паст. 1881 г. № 30 и Ниж. епар. Вѣд. 1881 г. № 18);—Къ исторіи разборовъ духовенства въ XVIII вѣкѣ (Рук. д. с. паст. 1882 г. № 18; отрывокъ изъ этой статьи въ Ниж. епарх. Вѣд. 1886 г. №№ 20—21);—Записка въ собраніи членовъ мисс. общ. по нижегородскому его комитету 25 апрѣля 1882 г. (Рук. д. с. паст. 1882 г. № 40 и Ниж. епарх. Вѣд. 1882 г. № 12);—Гдѣ искать потомковъ Можаръ, которые въ 1551 году среди поля Арскаго бились съ казанцами? (Труд. IV археологич. съѣзда. Казань 1884 г. т. I);—Общее собраніе нижегородскаго комитета мисс. общества 20 марта 1883 г. (Рук. д. с. паст. 1883 г. № 19; Ниж еп. Вѣд. 1883 г. № 12; Ниж. Бирж. Лист. 1883 г. № 78); такіе же рефераты о годичныхъ собраніяхъ комитета печатались (въ епарх. Вѣдомостяхъ) и послѣ за 1884—1890 годы;—Преосвященный Амвросій Протасовъ въ Казани (Рус. Старин. 1883 г. ноябрь);—Торжество 1000-лѣтія со дня кончины св. Меѳодія въ нижегородской дух. семинаріи (Ниж. еп. Вѣд. 1885 г. № 16);—Безцѣнное сокровище—первопечатное напрестольное Евангеліе въ церкви с. Георгіевскаго Макарьевскаго уѣзда (тамъ же 1886 г. № 3);—Св. мученикъ Іоаннъ нижегородскій, пострадавшій отъ татаръ въ Казани (тамъ же № 8);—Архіепископъ казанскій Павелъ Зерновъ (Рус. Архив. 1886 г. VII);—Къ исторіи нашей

миссіи въ Китаѣ (тамъ же VII);—Рѣчь, произнесенная Моисеемъ епископомъ нижегородскимъ и арзамасскимъ 1 августа 1818 г. (Ниж. еп. Вѣд. 1886 г. № 15);—Указъ Александра I о воспрещеніи духовнымъ лицамъ при встрѣчѣ Государя въ рѣчахъ выражать такія похвалы ему, кои приличны только Богу (Ниж. губ. Вѣд. 1887 г. № 10);—Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ миссіи въ Пекинѣ (Ниж. епарх. Вѣд. 1887 г. №№ 9—12, 15—17, 19, 22—24; и 1889 г. №№ 18—20);—Къ исторіи починокъ монастырскихъ зданій послѣ штатовъ 1764 года (2 вып. Дѣйств. нижегород. архивной коммиссіи 1888 г.);—Исторія мѣста и зданій, занимаемыхъ нижегородской семинаріей (24 № Ниж. епар. Вѣд. 1888 г., 1 и 3 №№ 1889 г.);—Къ топографіи Нижняго-Новгорода XVIII в. (Дѣйствія нижегород. архивн. ком. вып. V. Ниж. губ. Вѣд. 1889 г. № 36);—Метеорологич. дневникъ архим. Петра Каменскаго (тамъ же вып. V);—Изъ исторіи образованія приходовъ въ Нижег. епархіи (Ниж. епарх. Вѣд. 1890 г. № 1); — Извѣтъ на преосв. Дамаскина копіиста межевой конторы (тамъ же № 2);—Исторія образованія Осиновскаго прихода Сергач. уѣзда (—№ 3);—Троицкая гора на р. Пьянѣ (тамъ же № 4, Биржж. Лист. № 41 и губ. Вѣд. № 9);—Исторія образованія прихода с. Юрьева Сергач. уѣзда (епарх. Вѣд. 1890 г. № 5);—Исторія образованія Новоблаговѣщенскаго прихода Сергач. уѣзда (—№ 7);—Сергачъ и его храмы (тамъ же).

Кандидаты:

Кустодіевъ Михаилъ Лукичъ — изъ астраханской семинаріи (изъ средняго отдѣленія семинаріи). Опредѣленъ на классъ словесности въ симбирскую семинарію, но вскорѣ переведенъ на тотъ же предметъ въ астраханскую семинарію. Въ 1875 г. частно преподавалъ словесность въ женской гимназіи. Въ 1879 г. скончался.

Соколовъ Михаилъ Александровичъ—изъ саратовской семинаріи. До академіи два года былъ учителемъ саратовскаго духовнаго училища. Послѣ академіи опредѣленъ въ саратовскую семинарію на гражданскую исторію. Въ 1869 г. вышелъ изъ семинаріи, принялъ священный санъ и сдѣлался законоучителемъ саратовскаго института. Протоіерей.

Романовъ Павелъ Ивановичъ—изъ вятской семинаріи. Служилъ въ вятской же семинаріи на классѣ словесности и съ

1868 г. латинскаго языка. Былъ помощникомъ инспектора. Въ 1871 г. перешелъ на службу въ рижскую семинарію, но вскорѣ воротился въ Вятку по болѣзни и скончался. Въ Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ есть его статьи: за 1867 г. Заслуги св. Кирилла и Меѳодія, за 1869 г. Переписка Пафнутія казанскаго съ Марк. Д. Рябовымъ.

Смирновъ Григорій Тимоѳеевичъ — изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую же семинарію на классъ логики и психологіи. Въ 1869 г. былъ уволенъ отъ семинарской должности. Былъ послѣ смотрителемъ духовныхъ училищъ камышинскаго и вольскаго. Въ 1881 г. уволенъ отъ смотрительства и опредѣлился учителемъ въ петровское училище. Въ 1886 г. померъ.

Соколовъ Иванъ Евѳимовичъ—изъ саратовской семинаріи. Назначенъ въ пермскую семинарію на классъ словесности. Въ 1879 г. принялъ санъ священства, опредѣленъ протоіереемъ къ кушвинскому собору; въ томъ же году перешелъ въ Екатеринбургъ. Съ 1880 г. былъ здѣсь инспекторомъ епархіальнаго женскаго училища. Съ 1885 г. смотритель екатеринбургскаго духовнаго училища. Протоіерей при екатеринбургскомъ женскомъ монастырѣ. Орд. св. Анны 3 ст.

Сокольскій Еплъ Михаиловичъ — изъ саратовской семинаріи. Опредѣленъ въ симбирскую семинарію на церковную исторію. Въ 1871 г. померъ.

Соловьевъ Михаилъ Ивановичъ—изъ тобольской и томской семинаріи. Опредѣленъ въ томскую семинарію на классъ св. Писанія. Временно былъ смотрителемъ томскаго духовнаго училища. Теперь преподаватель физики и математики въ томской семинаріи. Съ 1881 г. редакторъ Томскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей.

Корнильевъ Александръ Николаевичъ — изъ тобольской семинаріи. Служилъ инспекторомъ красноярскаго духовнаго училища. Скончался.

Лапинъ Яковъ Дмитріевичъ — изъ тобольской семинаріи. Поступилъ въ ту же семинарію на классъ исторіи. Скончался.

Студентъ съ правомъ на степень кандидата по подачѣ новаго сочиненія:

Агишевъ Геннадій Михаиловичъ—изъ уфимской семинаріи. Служилъ въ томской семинаріи по классу гражданской

исторіи; по выходѣ изъ семинарской службы поступилъ на интендантскую службу. Умеръ въ 1870-хъ годахъ секретаремъ интендантскаго управленія въ Омскѣ.

Студентъ съ правомъ на степень кандидата черезъ два года службы:

Лебедевъ Евгеній Александровичъ — изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ на классъ логики и психологіи въ симбирскую семинарію. Былъ въ Симбирскѣ редакторомъ губернскихъ Вѣдомостей. Въ 1871 г. перешелъ въ смотрители усть-медвѣдицкаго духовнаго училища. Померъ. Въ печати намъ извѣстны его статьи: Нѣсколько словъ о раскольникахъ Нижегородской епархіи (Прав. Соб. 1866 г., III, 263);—Черты изъ жизни нижегородскихъ раскольниковъ XVII и XVIII вв. (Нижегородск. епарх. Вѣд. 1867 г. № 22).

Студентъ:

Смирновъ Алексѣй Ивановичъ — изъ симбирской семинаріи. Назначенъ преподавателемъ логики и психологіи въ иркутскую семинарію; потомъ перешелъ на гражданскую исторію. Преподавалъ тотъ же предметъ въ женской гимназіи и епархіальномъ училищѣ. Скончался въ 1882 г.

XII КУРСА (1864—1868 гг.).

Утверждены въ степеняхъ отъ 17/31 октября 1868 г.

Магистры:

Бѣляевъ Николай Яковлевичъ — изъ томской семинаріи. Оставленъ при академіи.

Снегиревъ Веніаминъ Алексѣевичъ — изъ нижегородской семинаріи. Оставленъ при академіи. Скончался въ 1889 г.

Богородскій Яковъ Алексѣевичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ въ казанскую семинарію, потомъ переведенъ въ академію доцентомъ.

Аѳанасьевъ Дмитрій Петровичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ въ уфимскую семинарію на классъ св. Писанія. Въ 1869 г. перешелъ на тотъ же предметъ въ кавказскую семинарію, гдѣ служитъ доселѣ. Съ 1872 г. преподаетъ еще еврейскій языкъ. Нѣсколько разъ исправлялъ должность

инспектора. Ст. сов.; имѣетъ ордена Станислава 2 степ. и св. Анны 2 ст. Напечаталъ учебное Руководство по своему предмету въ 3-хъ частяхъ, выдержавшее нѣсколько изданій, и Руководство по библейской исторіи (два выпуска 1888—1889 гг.).

Зеленецкій Александръ Өедоровичъ—изъ тамбовской семинаріи. Назначенъ въ уфимскую семинарію на церковную исторію; въ 1869 г. перешелъ въ казанскую семинарію на классъ словесности. Съ 1870 г. инспекторъ семинаріи и преподаватель педагогики, а съ 1886 г. св. Писанія. Стат. сов.; имѣетъ ордена Станислава 3 и 2 ст. и св. Анны 3 и 2 ст. Въ Прав. Соб. за 1874 г. I, 306, напечатана его статья: Воскресная школа при казанской духовной семинаріи за 1873 г.

Заборовскій Александръ Ивановичъ—изъ тобольской семинаріи. Поступилъ въ саратовскую семинарію на классъ математики. Былъ инспекторомъ. Съ 1885 г. протоіерей и ректоръ семинаріи, но въ слѣдующемъ году по болѣзни былъ уволенъ отъ ректорства и отъ учебной службы. Скончался въ мартѣ 1888 г.

Старшіе кандидаты съ правами на степень магистра:

Князевъ Иванъ Александровичъ—изъ вятской семинаріи. Былъ преподавателемъ словесности въ казанской семинаріи. Въ 1869 г. перешелъ въ вятскую семинарію, гдѣ преподавалъ сначала гомилетику, потомъ съ 1871 г. церковную исторію. Одновременно былъ учителемъ словесности въ епархіальномъ женскомъ училищѣ и одинъ годъ—въ женской гимназіи. Въ 1876 г. поступилъ въ инспекторы народныхъ школъ въ г. Сарапулъ. Напечаталъ примѣнительно къ программѣ народныхъ училищъ Азбуку, Объясненіе символа вѣры въ связи съ разсказами изъ священной исторіи, Объясненіе заповѣдей и молитвы Господней. Нѣсколько статей по расколу напечаталъ въ Вятскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, каковы: Боровская раскольничья часовня въ Нолинскомъ уѣздѣ (за 1869 г.);—Ситминская, Паратихинская и Слудская часовни въ томъ же уѣздѣ (за 1871 г.);—Вятская противораскольническая миссія въ 1835 г. (—за 1870—1871 гг.);—Историческія свѣдѣнія о раскольникахъ Орловскаго уѣзда (—1875 — 1876 гг.); — Рѣчь при погребеніи протоіерея Фармаковскаго (—1873 г.). Скончался въ августѣ 1882 г.

Анисимовъ Василій Александровичъ—изъ вятской семинаріи. Опредѣленъ на богословскій классъ въ одесскую семи-

нарію. Теперь преподаетъ св. Писаніе и съ 1884 г. состоитъ инспекторомъ семинаріи. Ст. сов.; имѣетъ ордена Станислава и св. Анны 2 ст.

Воронцовъ Александръ Ивановичъ — изъ астраханской семинаріи. Опредѣленъ въ астраханскую семинарію на св. Писаніе; съ 1869 г. преподавалъ калмыцкій языкъ. Въ 1886 г. по разстроенному здоровью уволенъ отъ службы съ полной пенсіей. Во время службы занимался составленіемъ калмыцкаго словаря, что̀ продолжаетъ и доселѣ. Въ Астраханскихъ епарх. Вѣдомостяхъ за 1875 и 1876 гг. напечатанъ рядъ его статей о калмыкахъ.

Кандидаты:

Капачинскій Александръ Силуановичъ—изъ вятской семинаріи. Поступилъ въ Вятку преподавателемъ словесности и географіи въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Съ 1869 г. преподавалъ словесность въ вятской семинаріи и въ гимназіи. Въ 1872 г. перешелъ въ смотрители духовнаго училища въ Елабугу, а въ 1874 г. принялъ санъ священства. Въ ноябрѣ того же года померъ.

Арнольдовъ Евлампій Ксенофонтовичъ — изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ одесскую семинарію на классъ гомилетики и литургики. Въ настоящее время протоіерей и законоучитель 1 Ришельевской гимназіи въ Одессѣ.

Лабинъ Илья Андреевичъ—изъ иркутской семинаріи. Поступилъ въ ту же семинарію на классъ словесности. Въ 1872 г. рукоположенъ въ священники и перешелъ на классъ гомилетики и литургики. Въ 1874 г. былъ законоучителемъ иркутской учительской семинаріи, потомъ учителемъ по закону Божію въ мужскомъ духовномъ училищѣ и священникомъ при институтѣ благородныхъ дѣвицъ Восточной Сибири. Скончался въ августѣ 1884 г.

Синодскій Владиміръ Васильевичъ—изъ саратовской семинаріи. Опредѣлился въ смотрители симферопольскаго духовнаго училища. Былъ священникомъ. Умеръ въ 1872 г.

Брондеровъ Николай Ивановичъ—изъ саратовской семинаріи. Поступилъ въ одесскую семинарію на греческій языкъ. Съ 1879 г. перемѣщенъ на тотъ же предметъ въ псковскую семинарію. Въ 1882 г. былъ испр. должность инспектора въ рижской семинаріи. Съ 1883 г. былъ учителемъ греческаго языка въ костромской семинаріи. Въ 1889 г. вышелъ по болѣзни въ отставку.

Поповъ Михаилъ Ивановичъ—изъ вятской семинаріи. До академіи былъ учителемъ глазовскаго и яранскаго училищъ. Поступилъ въ ставропольскую семинарію на классъ гомилетики и литургики. Былъ два раза секретаремъ правленія; преподавалъ исторію въ епархіальномъ женскомъ училищѣ и служилъ въ немъ дѣлопроизводителемъ. Теперь преподаетъ въ семинаріи греческій языкъ. Ст. сов.; имѣетъ ордена св. Анны 3 ст. и Станислава 2 ст.

Новосильцевъ Александръ Васильевичъ — изъ иркутской семинаріи. Назначенъ на службу въ ту же семинарію по классу церковной исторіи. Въ 1872 г. перешелъ на греческій языкъ. Въ 1876 г. уволенъ изъ семинаріи и въ 1879 г. поступилъ въ священники въ Якутскую епархію въ Среднеколымскъ. Въ 1882 и 1883 гг. былъ учителемъ въ якутскомъ духовномъ училищѣ по латинскому языку. По открытіи въ Якутскѣ семинаріи и въ ней преподавалъ греческій языкъ. Въ 1889 г. былъ опредѣленъ священникомъ въ с. Покровское въ 80 верст. отъ Якутска, гдѣ въ 1890 г. и скончался.

Миловидовъ Глѣбъ Васильевичъ—изъ владимірской семинаріи. Поступилъ во владимірскую семинарію. Скончался въ 1876 г.

XIII КУРСА (1866—1870 гг.).

Утверждались въ степеняхъ въ разное время въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Магистры:

Кургановъ Ѳедоръ Аѳанасьевичъ—изъ пензенской семинаріи. Оставленъ при академіи.

Гусевъ Дмитрій Васильевичъ—изъ пензенской семинаріи. Оставленъ при академіи.

Вадковскій Александръ Васильевичъ, въ монашествѣ *Антоній*,—изъ тамбовской семинаріи. Оставленъ при академіи. Нынѣ преосвященный епископъ выборгскій, ректоръ с.-петербургской академіи.

Богословскій Михаилъ Ивановичъ—изъ тамбовской семинаріи. При академіи.

Остроумовъ Николай Петровичъ—изъ тамбовской семинаріи. Оставленъ при академіи. Нынѣ директоръ ташкентской гимназіи.

Красносельцевъ Николай Θомичъ – изъ уфимской семинаріи. Оставленъ при академіи. Нынѣ профессоръ новороссійскаго университета.

Канаевъ Иванъ Михаиловичъ—изъ самарской семинаріи. Опредѣленъ въ ту же семинарію на классъ физики и математики. Былъ членомъ самарскаго статистическаго комитета и редакторомъ Самарскихъ губернскихъ Вѣдомостей. Съ 1875 г. служилъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Вятской губерніи. Былъ членомъ вятскаго статистическаго комитета, епархіальнаго училищнаго совѣта и миссіонерскаго общества и почетнымъ мировымъ судьей Вятскаго уѣзда. Съ 1886 г. директоръ народныхъ училищъ. Скончался въ августѣ 1889 г.

Крыловъ Александръ Лукичъ—изъ владимірской семинаріи. Служилъ по классу богословскихъ наукъ въ донской семинаріи; преподавалъ калмыцкій языкъ. Въ 1870 - 1878 гг. временно преподавалъ русскій языкъ въ новочеркасскомъ духовномъ училищѣ, латинскій, греческій и русскій языки и законъ Божій въ гимназіи и русскій языкъ въ бывшемъ при гимназіи педагогическомъ отдѣленіи. Въ 1878 г. назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ области войска Донскаго. Съ 1884 г. директоръ молодеченской (Виленской губ.) учительской семинаріи. Въ 1887 г. перемѣщенъ директоромъ новобугской учительской семинаріи (Херсонской губ.). Статскій совѣтникъ; имѣетъ ордена Станислава 2 ст. и св. Анны 3 ст. Членъ донскаго статистическаго комитета, общества любителей естествознанія и церковно-историческаго музея при кіевской академіи, членъ-сотрудникъ Императорскаго археологическаго Общества. Принималъ участіе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и печаталъ очень много. Вотъ перечень его трудовъ: О буддизмѣ (Донск. еп. Вѣд. 1872 г., №№ 6, 7 и 12);—О значеніи сѣверной Руси въ развитіи княжеской власти (Владим. губ. В. 1872 г. №№ 42—43);—О донскихъ калмыкахъ (Донск. обл. Вѣд. 1872 г. №№ 24, 81, 83, 94, 95, 98);—Поѣздка къ калмыкамъ (Донск. епарх. Вѣд. 1873 г. №№ 1—3); — Умственное и нравственное развитіе калмыковъ (тамъ же №№ 12 — 14, 17 — 18); — Путевыя замѣтки по Дону (Донск. обл. Вѣд. 1873 №№ 28, 30, 37 и 38);—Пѣсня про Краснощекова (—№ 47);—О новочеркасскомъ сиропитательномъ домѣ (— № 38); — По поводу миссіонерства на Дону (Прав. Обозрѣн. 1875 г. и отдѣльно: Новочеркасскъ. 1875 г.); —О положеніи учителей духовныхъ семинарій (Ц. - Общ.

Вѣстн. 1875 г.);—О буддизмѣ (Донск. епарх. Вѣд. 1875 г. №№ 1, 2, 5, 14—17);—Опытъ калмыцко-русскаго словаря (тамъ же №№ 1, 3, 5, 6, 10 и 15); — Очеркъ Кременскаго Вознесенскаго монастыря (—№№ 18—21 и 23);—Описаніе нѣкоторыхъ экономій, станицъ и слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ;—Объ учебныхъ заведеніяхъ Донской области; —Объ актѣ въ новочеркасской гимназіи; — О суевѣріяхъ на Дону (Донск. областн. Вѣдом. 1875 г. № 29);—Объ юридическихъ обычаяхъ слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ;—Дорожныя замѣтки;—О старомъ городѣ;—О педагогическомъ отдѣленіи новочеркасской гимназіи (тамъ же 1875 г.); —О божественномъ происхожденіи христіанства (Дон. епарх. Вѣд. 1876 и 1877 гг. и отдѣльно: О происхожденіи и сущности религіи. Новочеркасскъ. 1877 г.);—О Мигулинскомъ монастырѣ (Дон. обл. Вѣд. 1876 г. №№ 75—76);—Объ Усть-Медвѣдицкомъ монастырѣ;—О значеніи народнаго учителя;—Народные праздники: Ивановъ день, Красная горка и пр.;—Переводы калмыцкихъ сказокъ;—О донскихъ калмыкахъ;—Поѣздка въ Святогорскій монастырь (тамъ же №№ 80 и 81);—О сочиненіи преосв. Никанора: Позитивная философія (—№ 86);—Воспоминаніе о преосв. Никанорѣ (—1877 г. № 12);—Объ армянахъ (—№ 22);—О Сведенборгѣ (—№ 35);—По поводу археолог. съѣзда въ Казани и о съѣздѣ нѣсколько статей (—№№ 38, 39, 43 и 54, 69, 76, 86, 100); — Высокопреосв. Платонъ, архіепископъ херсонскій (—№ 41);—По поводу открытія училища въ Нижнемъ Улусѣ донскихъ калмыковъ (—№ 65);—Объ антропологической выставкѣ (—№ 90);—Три дня на пароходѣ изъ Казани въ Уфу (—№ 94);—Памяти Александра Благословеннаго (—№ 97);—О миссіонерствѣ среди калмыковъ (Донск. обл. Вѣд. 1878 г. №№ 34—36);—Путешествіе по станицамъ, хуторамъ, слободамъ и поселкамъ (№№ 47—49, 52, 53, 57);—О женскомъ училищѣ въ Старомъ городѣ (—№ 60);—Нужды народной школы (—№ 77);—О поѣздкѣ въ Новоцымлянскую станицу (—№ 78);—Находки въ курганахъ (—№ 83);—Городище и старина Семикаракорской станицы (—№ 86);—Хурулъ номровской сотни (—№ 90);—Нѣсколько рефератовъ за 1878 и 1879 гг. въ протоколахъ комитета по устройству антропологической выставки въ Москвѣ, при которомъ авторъ состоялъ членомъ;—Рѣчь по случаю столѣтней памяти императора Александра I (Дон. епарх. Вѣд. 1879 г. №№ 1—3); — Изъ жизни народной школы (Дон. обл. Вѣд. 1879 г. № 32);—

Рукописи стараго времени;—Объ языкѣ цыганъ (—№ 33);—Путешествіе по Донецкому округу (—№№ 41, 42, 44—46);—Сектанты (—№ 45);—Калики перехожіе (—№ 45);—Антропологическая выставка (—№ 73);—Каменское приходское училище (—№ 74);—Положеніе учебнаго дѣла въ Міусскомъ округѣ (—№ 81);—Польскій агитаторъ на Дону (Др. и Нов. Россія за 1879 г.);—Бакша донскихъ калмыковъ (тамъ же 1880 г. кн. 3);—Пчеловодство Донской области (Донск. обл. Вѣд. 1880 г. № 43);—Сборщикъ на храмъ Божій (—№ 61);—Библіотеки приходскихъ училищъ на Дону (—№ 63);—Настоятель Свято-троицкаго монастыря въ Кіевѣ о. Іона и послушникъ казакъ (—№ 69);—Какъ создаются музеи? (—№ 71);—Южно-русскіе обычаи (—№ 72);—О раскольникахъ (—№ 75);—По школьному вопросу (—№ 78);—Отношеніе нѣкоторыхъ станицъ къ училищамъ (—№ 79);—О законоучителяхъ низшихъ училищъ на Дону (—№ 80);—О средне-новочеркасскомъ училищѣ (—№ 85);—Старина земли русской (—№ 86);—Открытіе женскаго училища въ Гниловской станицѣ (—№ 87);—Недоразумѣніе въ школьномъ дѣлѣ;—Старочеркасскія кладбища (—№ 88);—Остгеймское и зуевское сельскія училища (—№ 93);—Значеніе путешествій (—№ 94);—Объ учительницахъ (—№ 96);—О школьномъ дѣлѣ (—№ 100);—О содержаніи учителей Донецкаго округа;—Встрѣча новаго года (1881 г. № 3);—Тяжелый урокъ (—№ 4);—Одинъ изъ южно-русскихъ обычаевъ (—№ 5);—Воспоминаніе казака-ветерана (—№№ 57 и 63);—Чествованіе 40-ой годовщины Лермонтова (—№ 66);—Злополучнѣйшій день въ исторіи Россіи (—№ 68);—Въ Пятигорскѣ (—№№ 68—72);—О народномъ образованіи въ Міусскомъ округѣ (Нар. Шк. 1881 г. кн. 3);—Объ инспекціи народныхъ школъ (тамъ же кн. 10);—О преподаваніи славянскаго языка въ низшихъ училищахъ (—кн. 11);—По поводу открытія церковно-приходскихъ школъ (Д. епарх. В. 1882 г. № 20);—Священникъ садоводъ (—№ 20);—О веденіи церковныхъ лѣтописей (тамъ же 1883 г. № 9);—Бабинскій источникъ (—№№ 14—15 и отдѣльной брош.);—Цифровыя данныя о Донской епархіи (—№ 16);—Церковная лѣтопись Усть-Бѣлокалитвенской станицы (—№№ 17—18);—Объ исцѣленіяхъ при Бабинскомъ источникѣ (—№ 19 и отдѣльно);—Поѣздка въ Старочеркасскъ (—№ 20);—Аксайская икона Божіей Матери (—№№ 21—23 и отдѣльно);—Какъ живутъ народные учители? (Д. обл. Вѣд. 1883 г. № 1);—Сельская школа въ

Міусскомъ округѣ (—№№ 4—5); — Народное образованіе въ Донской области (—№ 8);—О выпускныхъ экзаменахъ въ народныхъ училищахъ (—№ 10); – О школьныхъ библіотекахъ въ Д. области (—№ 12); – О каменныхъ бабахъ въ Д. области съ таблицами (Казачій Вѣстн. 1883 г. и отдѣльно); – Памятн. записка Митякинской церкви (Д. еп. В. 1884 г. и отдѣльно);—Жизнеописаніе священника аксайской Троицкой церкви В. П. Петрова (тамъ же и отдѣльно);—Описаніе иконы св. Параскевы въ ст. Митякинской (тамъ же № 3);—У раскольниковъ (—№ 7 и отд.); —Описаніе качальницкаго училища (—№ 6 и отд.);—Церковная лѣтопись Маньково-Березовской церкви (—№№ 5, 6, 9, 12, и 14 и отд.);—Жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія (—№№ 12—15 и отд.);—Лѣтопись Калитвенской церкви (—№№ 15, 17, 22, 24);—О старинѣ Донской области (Брошюра безъ даты: описаніе городищъ, кургановъ и урочищъ). Кромѣ того, въ областныхъ и епарх. Вѣдомостяхъ есть нѣсколько его библіографическихъ замѣтокъ, напр. о 4-хъ томахъ словъ преосв. Никанора. Печаталъ онъ еще мелкія статьи въ Литовскихъ епарх. Вѣдомостяхъ и Пастырскомъ Собесѣдникѣ.

Пановъ Петръ Ивановичъ—изъ владимірской семинаріи. Опредѣленъ въ костромскую семинарію на латинскій языкъ. Въ 1874 г. перешелъ законоучителемъ въ учительскую семинарію. Съ 1876 г. служилъ инспекторомъ тобольской семинаріи. Съ 1879 г. директоръ тобольской гимназіи и народныхъ школъ. Д. ст. сов.; имѣетъ орд. Станислава и св. Анны 2 ст.

Кандидаты съ правомъ на степень магистра черезъ два года службы:

Головинъ Петръ Дмитріевичъ—изъ пермской семинаріи. Назначенъ въ пермскую семинарію на классъ св. Писанія. Въ 1875 г. рукоположенъ въ священный санъ и опредѣленъ законоучителемъ тобольской гимназіи. Съ 1877 г. протоіерей и ректоръ тобольской семинаріи; имѣетъ орденъ св. Анны 2 ст.. Состоитъ редакторомъ Тобольскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей.

Благовидовъ Прокопій Ивановичъ—изъ симбирской семинаріи. Опредѣленъ въ пермскую семинарію на латинскій языкъ; затѣмъ перешелъ учителемъ въ учительскую семинарію въ Казани. Умеръ въ 1875 г.

Соколовъ Владиміръ Григорьевичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ казанскую семинарію на классъ словесности и вскорѣ принялъ санъ священства. Въ 1871 г. перешелъ на гомилетику и литургику, которыя преподаетъ доселѣ. Священникъ Воскресенской церкви въ Казани.—Въ Руководствѣ для сел. пастырей за 1871 годъ имъ напечатана статья (курсов. сочиненіе): О подсудности русскаго духовенства отъ изданія Уложенія до Петра I.

Кургановъ Владиміръ Аѳанасьевичъ, въ монашествѣ *Варсонофій*,—изъ пензенской семинаріи. Семинарскій курсъ кончилъ въ 1856 г., затѣмъ былъ священникомъ въ Пензенской епархіи. Въ академію поступилъ послѣ вдовства волонтеромъ. По окончаніи курса остался при академіи помощникомъ инспектора. Въ 1876 г. поступилъ законоучителемъ въ казанскій учительскій институтъ. Въ 1887 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Въ 1889 г. постриженъ въ монашество и въ санѣ архимандрита опредѣленъ ректоромъ орловской семинаріи. Въ 1891 г. переведенъ въ ректоры казанской семинаріи. Имѣетъ орденъ св. Анны 2 ст. Съ 1892 г. епископъ великоустюжскій.

Миловидовъ Николай Константиновичъ—изъ нижегородской семинаріи. По окончаніи курса остался при академіи секретаремъ совѣта и правленія. Въ 1875 г. принялъ санъ священства. Съ 1876 г. законоучитель 2 казанской гимназіи. Въ 1880 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Съ 1887 г. профессоръ богословія при казанскомъ университетѣ.

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра подъ условіемъ подачи новаго сочиненія:

Мисюревъ Антонинъ Александровичъ — изъ тобольской семинаріи. Назначенъ въ томскую семинарію на классъ церковной исторіи, но вскорѣ поступилъ въ священники и сдѣланъ законоучителемъ томской гимназіи, гдѣ служитъ доселѣ. Преподаетъ законъ Божій и въ женской гимназіи. Въ Томскихъ епарх. Вѣд. за 1884 г. имъ напечатаны: Матеріалы для исторіи Томской епархіи (№№ 4, 5, 9, 10).

Кандидатъ съ правомъ на степень магистра по новомъ испытаніи:

Цвѣтковъ Аркадій Степановичъ—изъ казанской семинаріи. Служилъ въ екатеринославской семинаріи на классѣ словесности. Скончался въ 1880-хъ годахъ.

Кандидаты:

Владимірскій Василій Флегонтовичъ—изъ владимірской семинаріи. Назначенъ помощникомъ инспектора въ пермскую семинарію. Съ 1871 г. преподаватель церковной исторіи. Съ 1881 г. смотритель ярославскаго духовнаго училища.

Максимовъ Платонъ Ивановичъ—изъ орловской семинаріи. Поступилъ на классъ физики и математики въ кавказскую семинарію. Преподавалъ физику въ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Скончался въ 1882 г.

Лахинъ Николай Андреевичъ—изъ иркутской семинаріи. Поступилъ въ ту же семинарію на классъ гражданской исторіи. Преподавалъ греческій языкъ въ гимназіи. Съ 1881 г. смотритель иркутскаго духовнаго училища.

Ксенофонтовъ Иванъ Павловичъ—изъ тобольской семинаріи. Служилъ въ той же семинаріи на классѣ церковной исторіи. Съ 1878 г. былъ инспекторомъ. Въ 1887 г. померъ.

Плотниковъ Михаилъ Ѳимовичъ — изъ пермской семинаріи. Назначенъ въ ту же семинарію на церковную исторію, но въ томъ же году перешелъ на гражданскую исторію. Въ концѣ 1870-хъ годовъ перешелъ въ омскую гимназію. Съ 1880 года состоитъ учителемъ исторіи и географіи въ вѣрненской гимназіи.

Богородицкій Николай Степановичъ—изъ тамбовской семинаріи. Служилъ въ олонецкой семинаріи по классу физики и математики. Въ настоящее время на томъ же классѣ въ воронежской семинаріи. Съ 1878 г. состоитъ еще преподавателемъ въ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

Чудновскій Павелъ Ивановичъ—изъ астраханской семинаріи. Опредѣленъ въ саратовскую семинарію на исторію, но чрезъ нѣсколько недѣль перешелъ въ смотрители камышинскаго духовнаго училища; принялъ священный санъ и въ 1874 г. возведенъ въ протоіереи. Съ 1877 г. былъ законоучителемъ камышинскаго реальнаго училища. Въ 1886 г. перешелъ въ Саратовъ законоучителемъ же реальнаго училища, гдѣ служитъ и доселѣ. Имѣетъ орд. св. Анны 3 ст.

Поповъ Василій Алексѣевичъ — изъ саратовской семинаріи. Поступилъ на классъ физики и математики въ казанскую семинарію. Въ 1873 г. вышелъ въ инспекторы народныхъ школъ Уфимской губерніи; потомъ былъ директоромъ учительской семинаріи въ Благовѣщенскомъ заводѣ близъ Уфы.

Скончался въ 1879 году. Въ печати извѣстно его сочиненіе: Современное естествознательное ученіе о происхожденіи вселенной, въ Сборникѣ протоіерея Заркевича. Спб. 1872 г.

Троицкій Дмитрій Ивановичъ—изъ тульской семинаріи. Поступилъ въ пензенскую семинарію на классъ гражданской исторіи, гдѣ служитъ доселѣ, преподавая тотъ же предметъ и въ епарх. женскомъ училищѣ.—Напечаталъ рѣчь въ день столѣтней годовщины императора Александра I (Пенз. епарх. Вѣд. 1878 г. №№ 1—2);—Характеръ новѣйшихъ раскольническихъ возраженій сравнительно съ прежними и разборъ ихъ (тамъ же 1876 и 1877 гг.); — Иннокентій епископъ пензенскій и саратовскій (тамъ же 1882 г. №№ 1—6 и отдѣльной брошюрой).

Вечтомовъ Владиміръ Николаевичъ — изъ вятской семинаріи. Служилъ въ благовѣщенской семинаріи по классу св. Писанія. Съ 1873 г. былъ смотрителемъ иркутскаго духовнаго училища. Въ 1877 г., принявъ священный санъ, перешелъ на службу въ Америку каѳедральнымъ протоіереемъ и благочиннымъ въ г. Санъ-Франциско. Въ 1879 — 1886 гг. безмездно занимался преподаваніемъ въ школѣ при каѳедрѣ въ Санъ-Франциско. Въ 1886—1887 гг. въ теченіе 14 мѣсяцевъ обозрѣвалъ церкви Американской епархіи. Въ 1880 г. выѣхалъ изъ Америки съ пенсіей въ 1300 р. и поступилъ въ вятское епархіальное вѣдомство. Состоитъ (съ 1889 г.) протоіереемъ въ г. Елабугѣ и благочиннымъ церквей. Имѣетъ кабинетскій крестъ и орденъ св. Анны 3 степени.

Діомидовскій Александръ Александровичъ — изъ пермской семинаріи. Служилъ въ томской семинаріи на классѣ догматики. Потомъ былъ учителемъ и смотрителемъ красноярскаго духовнаго училища. Въ 1877 г. перешелъ учителемъ въ гимназію. Умеръ въ 1881 г.

Ксанфъ Матвей Еѳимовичъ—изъ симбирской семинаріи. Поступилъ въ ту же семинарію на классъ церковной исторіи. Въ 1880 г. рукоположенъ въ священники и поступилъ въ законоучители женской гимназіи, оставаясь учителемъ и въ семинаріи. Въ 1884 г. вышелъ изъ семинаріи и служитъ протоіереемъ въ г. Сызрани; съ 1889 г. законоучитель мѣстнаго реальнаго училища.—Въ печати извѣстно его кандидатское сочиненіе: Органы епархіальнаго управленія въ древней Руси (Прав. Обозр. 1874 г. кн. 7—10, 12).

Воронцовъ Григорій Ивановичъ, священникъ. Кончилъ въ 1860 г. курсъ въ астраханской семинаріи и былъ священникомъ въ Царевскомъ уѣздѣ, въ академію поступилъ послѣ вдовства волонтеромъ. По желанію былъ отправленъ миссіонеромъ въ Японію, но вскорѣ отсюда воротился по болѣзни и проживалъ послѣ этого въ Астрахани безъ должности при архіерейскомъ домѣ у преосвященнаго Хрисанѳа, а потомъ въ Покровскомъ Болдинскомъ монастырѣ. Умеръ тамъ же въ 1880 г.

Кенарскій Левъ Александровичъ—изъ нижегородской семинаріи. Преподавалъ греческій языкъ сначала въ пермской семинаріи, потомъ съ 1871 г. въ вятской, въ 1872—въ самарской; затѣмъ служилъ въ кременецкой семинаріи; нѣкоторое время былъ безъ должности. Въ 1883 г. поступилъ во священники въ Вознесенскую волость въ Тобольской губ. Петропавловскаго уѣзда. Въ настоящее время въ с. Чашинскомъ Курганскаго уѣзда.

Херувимовъ Константинъ Петровичъ—изъ самарской семинаріи. Поступилъ въ уфимскую семинарію на классъ церковной исторіи, гдѣ служитъ доселѣ.

Шумиловскій Иванъ Ивановичъ—изъ владимірской семинаріи. Былъ смотрителемъ омскаго духовнаго училища. Въ 1872 г. вышелъ изъ духовной службы и былъ учителемъ учительской семинаріи въ Омскѣ и инспекторомъ классовъ въ женской гимназіи. Въ послѣднее время инспекторомъ народныхъ училищъ въ Акмолинской области.

Червлянскій Николай Ѳедоровичъ—изъ тамбовской семинаріи. Поступилъ на службу (съ 1873 г.) въ вѣдомство народнаго просвѣщенія. Съ 1886 г. директоръ учительской семинаріи въ Карачевѣ Орловской губерніи.

Студентъ съ правомъ на кандидатство послѣ подачи новаго сочиненія:

Перекопновскій Петръ Ивановичъ—изъ самарской семинаріи. Былъ священникомъ Тихвинской церкви въ Казани. Вскорѣ скончался.

Студентъ съ правомъ на кандидатство черезъ два года:

Гатіевъ Борисъ Петровичъ—изъ тифлисской семинаріи. Поступилъ на службу по народному образованію на Кавказѣ.

Имъ напечатана брошюра (его сочиненіе на степень): О заслугахъ для отечества Троицко-Сергіевой лавры. М. 1871 г.

Студенты (большею частью за неподачею сочиненій):

Осокинъ Николай Іонычъ — изъ вятской семинаріи. Не получилъ высшей степени за поведеніе и уволенъ отъ училищной службы. Былъ нѣкоторое время на службѣ при пермскомъ губернскомъ правленіи, потомъ съ 1874 г. былъ священникомъ въ Тагилѣ. Скончался около 1885 г.

Кубинцевъ Николай Веніаминовичъ—изъ нижегородской семинаріи. Опредѣленъ на классъ словесности въ архангельскую семинарію; былъ секретаремъ при архіереѣ. Въ концѣ 1870-хъ годовъ перешелъ въ Орловскую епархію и принялъ санъ священства. Служитъ протоіереемъ въ г. Мценскѣ.

Лещинскій Ѳедоръ Васильевичъ — изъ пензенской семинаріи. Опредѣленъ въ курскую семинарію на классъ св. Писанія. Вскорѣ померъ.

Александровскій Аристархъ Васильевичъ — изъ тамбовской семинаріи. Поступилъ смотрителемъ въ екатеринодарское духовное училище, но въ томъ же 1870 г. перешелъ въ ставропольскую семинарію, гдѣ служилъ секретаремъ правленія и помощникомъ инспектора. Въ 1871 г. посвященъ въ священники въ с. Бѣлую Глину и года черезъ 3 померъ.

Метаніевъ Александръ Захаровичъ — изъ саратовской семинаріи. Остался при академіи экономомъ. Въ 1871 г. опредѣленъ смотрителемъ чистопольскаго духовнаго училища. Въ 1873 г. преподавалъ греческій языкъ въ саратовской семинаріи. Вскорѣ принялъ священный санъ и служилъ протоіереемъ въ г. Хвалынскѣ. Съ 1884 г. каѳедральный протоіерей въ Саратовѣ.

Гургенидзе Михаилъ Георгіевичъ—изъ тифлисской семинаріи. Опредѣленъ въ Тобольскъ на классъ св. Писанія. Черезъ 2 года перешелъ въ смотрители духовнаго училища въ Мингрельской епархіи. Потомъ былъ учителемъ кутаисской гимназіи. Умеръ въ 1886 г.

Ненароковъ Павелъ Степановичъ—изъ тамбовской семинаріи. По окончаніи курса въ томъ же году назначенъ преподавателемъ св. Писанія въ томскую семинарію; съ 1870 по 1874 г. преподавалъ логику и словесность, а до 1876 г.— еще гомилетику въ высшемъ отдѣленіи семинаріи. Въ этомъ

году перешелъ на родину въ епархіальное вѣдомство, поступивъ въ приходскіе священники въ Тамбовъ. Въ 1877 г. состоялъ законоучителемъ въ тамбовской женской гимназіи; въ концѣ того же года перешелъ въ настоятели въ г. Кирсановъ. Съ 1878 г. состоялъ градскимъ благочиннымъ и возведенъ въ санъ протоіерея. Состоялъ законоучителемъ въ учебныхъ заведеніяхъ Кирсанова и членомъ разныхъ мѣстныхъ учрежденій. Скончался въ 1890 г. Въ Тамбовскихъ епарх. Вѣдомостяхъ напечатано нѣсколько его проповѣдей.

Алфавитный указатель именъ (¹).

А.

Абрамовичъ А. Л. III, 129, 199, 390.
Августовъ фельдшеръ. III, 74.
Аврамій епископъ (А. И. Лѣтницкій). III, 412.
Аврамовъ Г. В. III, 387.
Автократовъ Л. не кончившій курса. III, 224, 341.
Агаѳангелъ ректоръ. I, 104—118, 134—136, 310, 316, 341, 373. II, 11, 13, 14, 73, 79, 98, 108, 157, 203—205, 250, 251, 286, 288, 300, 378—383, 404—405, 480, 486, 509, 526, 534, 583. III, 49, 101, 108, 124, 137, 161, 171, 175, 176, 178, 182, 183, 184, 185, 199, 200, 203, 250, 251, 257, 259, 260, 276, 289, 291, 297, 299, 310, 316, 332.
Агишевъ Г. М. III, 430.
Агишевъ М. М. III, 128, 421.
Агринскій М. не кончившій курса. III, 340.
Агровскій А. Д. не кончившій курса. II. 328. III, 337.
Адіасевичъ инспекторъ семинаріи I, 38, 343.
Адоратскій С. И. протоіерей I, 234.
Аквилоновъ П. В. III, 348, 394.
Акимовъ И. Б. III, 129, 309, 367.
Акимовъ Я. не кончившій курса. III, 339.
Александръ Окропиридзе епископъ. I, 79. III, 127, 371.
Александръ (И. А. Хованскій) епископъ, I, 79. III, 290, 370.
Александровъ А. священникъ. II. 348, 352.
Александровскій А. В. III, 443.
Александровскій В. А. III, 334, 388.
Алексій епиbudск. дмитровскій. III, 328, 329.
Алфіоновъ И. не конч. курса. II, 328. III, 142, 337.
Альпійскій И. С. I, 79. III, 126, 160, 165, 180, 290, 368.
Альшанскій Е. не конч. курса. III, 188, 338.

(¹) Римскія цифры означаютъ выпуски Исторіи, арабскія — страницы каждаго выпуска.

Алѣевъ П. умершій студ. III, 229, 341.
Амвросій епископъ (Моревъ). III, 171.
Амфитеатровъ Я. К. проф. кіевскій. II, 196—197.
Андреевъ вицегуберн. казанскій I, 141. III, 203.
Анисимовъ Ѳ. А. III, 432.
Антонинъ архим. II, 524.
Антоній архіепископъ казанскій. I, 220, 227—228, 233, 235—236, 239, 249—251, 254, 257, 262—263, 265—266, 309, 319—320, 379. II, 238, 267, 278, 302, 381, 449—452, 470, 495, 497—499, 511—512, 550, 553, 577. III, 67, 70, 106, 120, 125, 233, 258, 284, 293, 295, 317, 329, 330.
Антоній митрополитъ. I, 277.
Антоній епископъ (А. В. Вадковскій). I, 263. II, 313. III, 434.
Антоній (А. Радонежскій) проф. I, 73, 211, 301, 302, 311, 321, 327, 338—339, 344, 350. II, 178—182, 313.
Аполлоній (Николаевскій) архимандритъ. I, 326—327, 346.
Аретинскій П. Н. I, 79, 93. III, 126, 362.
Ареѳьевъ купецъ II, 461.
Аристовскій И. А. III, 414.
Аристовъ Н. Я. I, 122. II, 114—115, 135, 140, 168, 387. III, 245, 261, 333, 395.
Аркадій экономъ. I, 15, 20, 28, 37—40, 53—55, 92—93, 349—350. III, 10, 11, 25, 28, 30, 34, 74, 94, 173.
Аркадій еписк. олонецкій II, 526.
Арнольдовъ Е. К. III, 433.
Архангельскій А. В. III, 417.
Аскоченскій В. И. II, 207.
Ахматовъ А. П. оберъ-прокуроръ Св. Синода. I, 212, 280. II, 433—434.
Ацетовъ Д. П. III, 385.
Аѳанасій архіепископъ казанскій. I, 143—144, 192, 196—197, 211, 219, 229, 240, 284, 294, 371—372, 377. II, 64, 262, 305, 306, 308, 413—414, 416, 434, 441, 445, 448—449, 460, 511, 544, 547. III, 215, 292, 293, 294, 302, 320.
Аѳанасій (Дроздовъ) еписк. винницкій, затѣмъ сарат. и астрах. I, 26, 277, 314—315, 375—376. II, 2, 285, 504, 519. III, 250, 329.
Аѳанасьевъ Д. П. III, 431.
Аѳиновъ учит. нижегор. семинаріи. I, 334.

Б.

Бажановъ В. Б. протопресвитеръ. I, 280, 309. III, 328.
Баженовъ Г. не конч. курса студ. III, 338.
Балаковскій А. А. III, 223, 335, 418.
Балтинскій А. не конч. курса. III, 224, 340.
Бальбуциновскій Н. А. II, 376. III, 390.
Банзаровъ, ученый монголъ. II, 334, 338.

Бекрѣевъ А. И. не конч. курса студ. III, 218—219, 224, 340.
Безсоновъ архитекторъ. III, 50, 55.
Беневоленскій А. И. профессоръ. I, 71, 76, 114, 282, 311, 321, 338. II, 168, 173, 183—184, 280—287, 300, 315—316, 368, 558, 560, 564, 565, 574, 577.
Бенедиктовъ А. И. III, 169, 376.
Бенескриптовъ И. I, 174. II, 406.
Бердниковъ И. С. проф. II, 327, 584, 589, 591. III, 4, 417.
Березинъ проф. II, 341.
Бересфордъ Перси лекторъ языковъ I, 142. II, 173, 174.
Бетлингъ О. Н. академикъ. II, 341.
Бечко-Друзинъ архитекторъ. I, 226—227.
Биктемиръ лекторъ тат. яз. II, 350, 403—404, 416—418.
Благовидовъ П. И. III, 341, 438.
Благовѣщенскій В. Е. III, 399.
Благодаровъ А. Н. I, 308. III, 402.
Благодаровъ И. И. III, 361.
Благодаровъ Н. А. III, 128, 413.
Блудовъ графъ. I, 277.
Бобровниковъ А. А. баккалавръ. I, 35, 37, 59, 65, 93. II, 9, 30. 75—79, 328, 329—345, 363, 369—370, 480—485, 496, 558, 563, 565—566, 572, 574. III. 152—154, 173, 182, 237, 270, 303, 307, 353.
Бобровскій М. И. I, 68. II, 328. III, 154, 308, 358.
Боголюбовъ В. С. не конч. курса студ. I, 209. III, 182, 340.
Боголѣповъ В. А. III, 421.
Боголѣповъ М. Ѳ. II, 104. III, 335, 385.
Богородицкій В. не конч. курса. III, 337.
Богородицкій Н. С. III, 440.
Богородскій Я. А. баккалавръ. III. 222, 431.
Богословскій протоіерей. I, 309.
Богословскій М. И. баккалавръ. III, 434.
Борковъ священникъ томскій. I, 361.
Братолюбовъ В. С. баккалавръ. II, 92.
Брондеровъ Н. И. III, 433.
Бугульминскій Н. В. III, 188, 189, 369.
Будринъ Е. А. баккалавръ. I, 245. II, 249. III, 423.
Будринъ И. не конч. курса. III, 224, 341.
Буличъ Н. Н проф. универс. II, 91, 139.
Бѣляевъ А. служитель. II, 568, 570.
Бѣляевъ Л. П. III, 323, 402.
Бѣляевъ Н. Я. баккалавръ. II, 268, 311, 312. III, 431.
Бѣдняковъ В. дьяконъ. III, 28.

В.

Вагнеръ Н. И. проф. унив. II, 8, 29—30, 31, 143, 145—147, 522.
Варсонофій (Н. Кузнецкій) I, 344. III, 127, 140, 378.
Варсонофій (В. А. Кургановъ) епископъ III, 128, 439.
Варсонофій (Охотинъ) епископъ. I, 279, 340. III, 381.
Василій (Лужинскій) архіепископъ. I, 309.
Васильевъ А. И. III, 424.
Васильковъ С. И. III, 385.
Васильковъ Ф. А. III, 381.
Веденяпинъ П. Г. III, 335, 417.
Векшинъ А. Я. III, 377.
Венедиктъ архіеписк. I, 277.
Веніаминъ (Благонравовъ) проф. I, 97 — 98, 101 — 124, 130—131, 136, 180—183, 278, 301, 339, 341—342, 354—358. II, 57, 173, 272, 286, 287—292, 515, 533. III, 200, 277, 310, 315, 363.
Веніаминъ (Быковскій) инспекторъ. I, 216, 246—247, 301. II, 238.
Веніаминъ (Платоновъ) инспекторъ. I, 191, 212, 214 — 215, 301, 333—334. II, 236—237, 274. III, 325.
Верещагинъ А. С. II, 376. III, 310, 349. 400—401.
Веселицкій П. не конч. курса. III, 160, 189, 338.
Веселовскій П. В. не конч. курса. III, 127, 161, 339.
Вечтомовъ В. Н. III, 441.
Вечтомовъ Е. А. III, 369.
Викторовъ О. С. III, 323, 339, 414.
Виноградовъ А. А. I, 89. II, 111, 112, 487—489. III, 247, 309, 390.
Виноградовъ Е. А. III, 169, 290, 309, 334, 363.
Виноградовъ Н. Я. III, 419.
Виноградовъ С. Я. дьяконъ. I, 236. III, 71, 78—79.
Виноградовъ Ѳ. А. не конч. курса. III, 339.
Вишневскій В. И. не конч. курса. III, 128. 339.
Вишневскій В. П. протоіерей. I, 278, 283, 294, 321, 340. II, 376—377, 512, 524. III, 2.
Вишневскій Н. умершій студ. III, 339.
Вишневскій С. священникъ III, 28.
Владиміръ архіепископъ казанскій. I, 5—22, 28—30, 33, 44—47, 60—61, 280, 343, 373, 374 — 376. II, 105, 145, 330, 331, 346, 361, 503, 511, 523. III, 6, 12—13, 14, 15, 24, 27, 29, 31, 32, 33, 34, 45, 94—98, 196, 237.
Владиміръ (Никольскій) инспекторъ. I, 247 — 249, 265 — 266. 301. II, 241, 584. III, 233.
Владиміръ томскій инспекторъ. I, 164, 354—358. II, 305.
Владиміровъ П. Е. III, 172, 188, 364.
Владимірскій А. П. профессоръ. I, 35, 279, 319. II, 42, 139, 160, 168, 173, 284—285, 315, 577. III, 307, 353.

Владимірскій В. Ф. III, 440.
Владиславлевъ учит. семин. I, 334.
Власовъ Е. служитель. III, 82—83.
Воздвиженскій А. Ф. III, 126, 182, 330, 361.
Воиновъ Ѳ. Я. I, 308. III, 190, 402.
Войцеховичъ А. И. I, 277.
Волковъ А. К. баккалавръ. II, 51.
Воронцовъ А. И. III, 433.
Воронцовъ Г. И. III, 128, 442.
Воскресенскій А. И. III, 333, 395.
Воскресенскій Г. П. III, 127, 387.
Воскресенскій И. Ѳ. III, 311, 410.
Востоковъ А. учит. семин. I, 334.
Вышеславцевъ портной. III. 26.
Вяземскій кн. казанскій попечитель, I, 198.

Г.

Гагаевъ живописецъ. III, 25, 38.
Гавріилъ (Воскресенскій) архимандритъ. I, 277. II. 512.
Гавріилъ архіепископъ. I, 27, 31.
Гавріилъ епископъ старицкій. III, 352.
Гатіевъ Б. П. III, 141, 305, 442.
Гвоздевъ И. П. профессоръ. I, 35, 82—84, 97, 109, 147, 156, 160, 166, 187, 226 — 227, 249, 266—267, 284, 296, 301, 319, 321, 322. II, 95—99, 113—114, 173, 306, 564, 566, 577, 583. III, 67, 137, 154, 235, 247, 277, 307, 319, 353.
Гвоздевъ П. П. бывшій студ. I, 122. III, 225, 227, 228, 341.
Гедеонъ епископъ I, 277. III, 328.
Геркенъ дворяне. III, 26.
Гербановскій учит. семин. II, 152.
Германъ (Целерицкій) бывшій студ. III, 128, 341.
Гигановъ А. П. III, 421.
Гиляровъ-Платоновъ моск. проф. I, 125. II, 206, 221, 257.
Глотовъ И. служитель. III, 84.
Глѣбовъ Н. Ѳ. III, 129, 349, 400.
Годяевъ В. И. III, 182. 190, 309, 310, 315, 389.
Голгоѳскій А. не конч. курса. III, 128, 225, 227, 228, 341.
Головинъ П. Д. III, 438.
Голстунскій проф. унив. II, 492.
Голубинскій В. И. III, 417.
Голубинскій Ѳ. А. моск. проф. II, 19 и далѣе.
Гомбоевъ лама. I, 95. II, 342—343, 481—482, 486, 492.
Горизонтовъ Т. А. III, 399.
Горскій А. В. моск. проф. II, 103, 121.
Горскій Д. И. протоіерей чистопольскій. I, 346—349.

Горталовъ Г. И. дворянинъ I, 248.
Готвальдъ О. Ѳ, II, 524.
Граціановъ А. И. III, 307, 329, 355.
Грековъ И. I, 36. III, 126, 151, 308, 329, 337.
Гремяченскій С. И. баккалавръ. I, 37, 59—60. II, 9, 28, 31, 144—158, 173, 515, 521—523, 558, 572, 574. III, 47, 308, 315, 360.
Гренковъ А. И. проф. I, 216, 226—227, 268, 284, 313, 322. II, 16, 43, 274—279, 310, 312, 584, 589, 591.
Григорій архіепископъ казанскій. I, 61—63, 106, 129, 135, 280, 287, 291, 316, 345—346, 376. II, 10, 13, 106—109, 250—251, 270, 286, 297, 299, 302, 303, 348—349, 351—356, 365, 371, 372, 387, 416, 441, 481, 508, 511, 520, 525, 526, 531—537. III, 45, 49, 183, 248, 249, 250—251, 257, 293, 299, 308—309, 332.
Григорій (Митькевичъ) ректоръ. I. 31, 47—87, 338—339, 343, 349—350. II, 2, 8, 10, 29, 31, 64, 78, 145, 148—150, 201, 282, 285, 295, 331, 343, 346, 351—352, 368—370, 512. III, 24—25, 28, 33, 35, 45—47, 68, 135, 156—161, 165, 166, 167, 168, 169, 172, 173, 175, 176, 178, 181, 185, 188, 189, 191, 239, 256, 260, 291, 306—307, 331.
Григорій (Полетаевъ) проф. I, 177—178, 181, 191, 226—227, 230—236, 285, 286. II, 172, 184—189, 238, 316, 534, 583. III, 379.
Григорій уфимскій архим. I, 353.
Григоровичъ В. И. проф. I, 317. II, 34, 117, 180, 374, 378, 383—387, 512, 529. III, 279.
Григорьевъ В. В. оріенталистъ. II, 425, 484.
Грузинскій В. священникъ. II, 381.
Гуляевъ Ѳ. служитель. II, 77. III, 81—82.
Гургенидзе М. Г. III, 443.
Гурій, казанск. викарій. I. 320.
Гурьевъ Ѳ. В. III, 311, 405.
Гусевъ Д. В. баккал. I, 263. II, 302. III, 336, 434.
Гусевъ Д. Ѳ. профессоръ I, 9, 14, 15, 20, 21, 32, 39, 40—47, 50—51, 60, 147—148, 163, 168, 186, 284, 288, 311—316, 317, 321, 322, 325—326, 339, 344—349. II, 4, 66—83, 90, 178, 368, 515, 519, 533, 557, 558, 564, 568, 574, 575. III, 23, 28, 102, 105, 136, 152, 154, 168, 207, 236, 238—239, 245, 270, 271.

Д.

Давыдовъ И. И. I, 309.
Даниловъ К. Е. III, 307, 357.
Даніилъ архимандритъ. I, 276—277, 282. II, 330, 512. III, 14.
Депрейсъ дворяне. III, 30.
Дергачевъ Е. В. III, 359.
Десницкій письмоводитель. I, 373.
Дилигенскій В. М. священникъ I, 277. II, 162, 344, 513.

Димитревскій врачъ I, 241. III, 60—61, 83.
Димитріевъ И. дьяконъ. III, 12.
Димитріевъ учитель чистопольск. I, 346—348.
Димитрій (В. А. Потѣхинъ). III, 360.
Діодоръ (Ильдомскій) баккалавръ. I, 131—132, 133, 138, 177. II, 173, 272, 316. III, 201—202, 206.
Діомидовскій А. А. III, 441.
Діонисій (Д. Аретинскій). I, 35. II, 194. III, 126, 166, 270, 307, 355.
Дмитревскій И. С. III, 307, 329, 355.
Добротворскій И. М. проф. I, 167. II, 33, 61, 73, 173, 250, 251, 379, 387, 391—401, 514, 516, 527, 541, 547, 568, 583, 585. III, 190, 279, 290, 299, 300, 309, 310, 315, 332, 387.
Добротворскій С. М. III, 418.
Доброхотовъ П. И. III, 385.
Добряковъ И. И. III, 364.
Доржеевъ священникъ. II, 345.
Дубровскій А. И. I, 359—360. III, 390.
Дубровинъ И. В. книгопродавецъ. III, 70.
Дьяконовъ А. С. I, 79. III, 160, 165, 364.
Дьячковъ И. Д. III, 129, 307, 357.

Е.

Евгеній епископъ астраханскій. I, 280. II. 333. III, 328, 329.
Евгеній епископъ симбирскій I, 377.
Евреиновъ Н. III, 126.
Евсевій епископъ ковенскій II, 512.
Евсевій епископъ самарскій III, 328.
Евсевій (Е. В. Лещинскій). I, 308. III, 311, 405.
Евсхизовъ И. А. III, 308, 358.
Евтроповъ К. Н. III, 418.
Евѳимій епископъ саратовскій. I, 363.
Екатерининскій учитель. I, 349.
Елисеевъ Г. З. профессоръ. I, 52, 91, 95, 302, 322. II, 103—114, 172, 173, 313, 558, 564, 574. III, 243, 278.
Емельяновъ И. К. III, 311, 314, 335, 403.
Емельяновъ М. И. II, 328. III, 307, 329, 356.
Енгалычевъ П. А. II, 513—514.
Ефремъ ректъ. рижскій. I, 339.
Еѳимовичъ И. В. III, 363.

Ж.

Ждановъ Н. П. не конч. курса. III, 224, 340.
Желателевъ П. П. III, 386.
Животоносовъ М. А. III, 382.

З.

Заблоцкій А. Е. письмоводитель. I, 374.
Заборовскій А. И. II, 451. III, 335, 432.
Заволжскій А. Я. не конч. курса студ. III, 225, 341.
Загоскинъ М. В. II, 481. III, 237, 374.
Загоскинъ С. В. не конч. курса студ. III, 224, 340.
Закоурцевъ Е. П. не конч. курса. III, 337.
Залѣсскій П. М. I, 184. III, 199, 313, 394.
Зеленецкій А. Ө. III, 432.
Зеленогорскій Ө. А. III, 224, 340.
Зефировъ В. В. I, 264.
Зефировъ М. М. проф. I, 79, 93, 103, 110, 162—163, 294. II, 111, 269, 274, 297—300, 301, 302—310, 312, 421—423, 469, 489—491, 577. III, 55, 194, 296, 299—300, 309, 363.
Зефировъ П. чистопольскій свящ. I, 347.
Зимницкій В. Г. III, 413.
Златообрѣзовъ И. Т. III, 307, 354.
Знаменскій И. Д. III, 394.
Знаменскій К. В. бывшій студ. III, 224, 340.
Знаменскій Н. С. III, 127, 378.
Знаменскій Пав. В. III, 230, 335, 424.
Знаменскій Петръ В. проф. I, 267, 296. II. 90, 109, 132, 136, 137—142, 224, 263, 516, 517, 518, 580, 584, 585, 589, 591. III, 203, 261, 311, 312, 403.
Зубаревъ Ф. С. III, 307, 356.
Зубковъ Е. В. баккалавръ. I, 20, 43—44, 50—51, II, 66, 74, 172, 564.
Зуріевъ М. студ. III, 127, 339.

И.

Ивановскій И. бывш. студ. III, 336.
Ивановскій Н. И. проф. I, 255, 267. II, 302. 401—402, 584, 589, 591. III, 67.
Ивановъ З. И. подлекарь. III, 83—84.
Иконниковъ А. И. III, 379.
Иліодоръ епископъ. I, 277. III, 328.
Ильинъ Н. Я. I, 353—354. III, 309, 334, 372.
Ильминскій Н. И. профессоръ. I, 35, 37, 59, 109, 142, 162—163, 167, 239, 285, 286, 301—302, 304—305, 316—317, 320. II, 9, 28—31, 89, 139, 144,

146—147, 172, 309, 328, 329, 334—337, 345—360, 364, 366, 368, 369, 403—416, 425—480, 485, 495, 498, 501, 508, 512, 533, 558, 577. III, 151, 153, 256, 307, 353.

Иннокентій (Борисовъ) архіепископъ. I, 27, 31, 32, 48, 74, 105, 137, 277, 309. II, 175, 193—194, 525. III, 13, 156, 328.

Иннокентій ректоръ. I, 215—248, 279, 283, 292, 294—300, 321, 340, 369, 373. II, 15—16, 49, 64, 184—185, 238—241, 278, 287, 321—322, 438—440, 442, 444, 508, 518, 549—554, 571, 577, 580, 583. III, 53, 70, 78, 105, 124, 130, 133, 138, 222—223, 225—228, 229, 230, 232, 233, 248, 251, 257, 263, 292, 297, 301—302, 326, 327, 333, 350—351.

Инфантьевъ I. A. I, 79. II, 522. III, 126—127, 160, 309, 370.

Ировъ И. умершій студ. III, 340.

Исидоръ митрополитъ. I, 280, 309,

I.

Іакинѳъ (Бичуринъ). II, 496, 513.

Іаковъ (Вечерковъ) епископъ. II, 162, 163, 166, 523.

Іаковъ архим. I, 201, 204.

Іеремія епископъ. I, 75, 220, 346, 352—353. III, 21, 141.

Іеронимъ (Визерскій) архим. I, 56. II, 507.

Іоанникій архим. III, 21.

Іоаннъ I ректоръ. I, 9, 13, 26—71, 338, 372. II, 19, 280, 502, 512. III, 6, 28, 238.

Іоаннъ II ректоръ. I, 124, 136—215, 238, 284, 287, 291—294, 304, 317—318, 328—329, 335—337, 340, 341, 359—360, 371, 373, 377, 378. II, 14, 33, 45, 64, 80, 83—84, 99, 107, 133, 169, 173, 174, 184, 221—236, 252, 254—255, 262, 274—275, 293, 303, 305—309, 317, 355, 387—388, 390, 413—417, 433, 438, 490, 492, 512, 514, 527, 537—545, 547, 579, 583, 585, 589, III, 52—53, 58—62, 68—71, 77, 102, 104—105, 131, 136, 137—138, 140, 143—145, 163, 179, 183, 184, 185, 187, 205—208, 209, 212, 214, 220, 250, 253, 254, 257, 259, 261, 263, 281, 291, 292, 297, 301, 304, 310, 312, 318—322, 323, 324—325, 330, 346—350.

Іона митрополитъ I, 277.

Іона архимандритъ. I, 280.

Іорданскій A. H. протоіерей. I, 279, 294, 301. III, 2, 189.

Іорданскій H. П. III, 188, 189, 309, 377.

Іосифъ м. литовскій. I, 277, 309.

Іустинъ еписк. владим. III, 328.

Іустиновъ П. И. III, 374.

К.

Кавелинъ синод. чиновникъ. I, 339.

Казанскій Д. Е. I, 81. III, 376.

Каземъ-Бекъ А. К. проф. I, 63. II, 7, 328, 329, 334—335, 346—347, 352—356, 410, 429, 457.

Калатузовъ В. И. III, 199, 399.
Калашниковъ И. Г. II, 513.
Каллистовъ А. М. III, 180, 309, 310, 333, 338.
Каменецкій А. С. III, 421.
Каменскій Н. И. III, 166, 315, 361.
Канаевъ И. М. III, 435.
Кандалинскій Н. умерш. студ. III, 224, 340.
Капачинскій А. С. III, 433.
Карасевскій А. И. I, 277.
Карповъ петерб. проф. I, 339, 364.
Карповъ П. А. I, 82. III, 383.
Касимовскій В. Е. II, 376. III, 390.
Кастальскій Д. И. баккал. II, 160, 295—296, 575.
Кашменскій учит. семин. I, 282.
Кедровъ А. Г. умершій студ. I, 68. III, 158—159, 176, 290, 338.
Кенарскій Л. А. III, 442.
Керскій С. В. II, 249. III. 329, 379—381.
Кибардинъ А. П. II, 417. III. 311, 404.
Кибардинъ Ѳ. Е. III, 203. 311, 334, 404.
Кириллъ еписк. I, 146. II, 302.
Кипарисовъ П. П. III, 377.
Климентъ ректоръ семин. I, 38, 275—276, 283, 300, 301, 321, 325—326, 338, 343—346, 351. II, 506. III, 237, 329.
Князевъ И. А. III, 128, 432.
Князевскій Н. А. III, 128, 216, 328, 351, 423.
Ковалевскій О. М. проф. унив. II, 330, 339, 341, 484.
Ковалевскій моск. попечитель. II, 158.
Кожанчиковъ книгопрод. II, 549.
Кожевниковъ сарат. губернаторъ. II, 167,
Конвоксовъ А. Н. I, 36, 70. III, 362.
Корнильевъ А. Н. III, 430.
Корнухъ-Троцкій проф. унив. II, 145, 147, 156.
Коровинъ Я. не конч. курса. III, 340.
Коронинъ Я. П. не конч. курса. III, 336.
Корсаковъ А. Л. генералъ. III, 203.
Коряковъ Н. не конч. курса. III, 342.
Косаткинъ С. умершій студ. III, 229, 341.
Костомаровъ историкъ. II, 167.
Котлецовъ П. А. III, 307, 355.
Кочкинъ Е. П. не конч. курса. III, 128, 340.
Кошлаковъ Е. А. III, 307, 356.
Красинъ М. Я. проф. I, 167, 247, 296, 322. II, 83—89, 174, 263, 520—521, 578, 583, 584, 589, 590, 591. III, 251, 288.
Красносельцевъ Н. Ѳ., I, 263. II, 531. III, 336, 435.
Красовскій И. не конч. курса. III, 339.

Кремковъ В. А. священникъ. II, 428, 432.
Кремлевъ А. А. врачъ. I, 241. III, 84.
Кремлевъ М. не конч. курса. III, 341.
Кротковъ А. М. III, 307, 354.
Крупениковъ купецъ. III, 15, 115.
Крутецкій И. В. III, 367.
Крыловъ А. Л. I, 254, 264. II, 590. III, 149, 234, 266, 267, 289, 435—438.
Крыловъ В. Г. III, 182, 386.
Крыловъ В. С. III, 173, 359.
Крыловъ П. С. III, 290, 329, 330, 367.
Крыловъ Ѳ. Е. II, 491. III, 188, 370.
Ксанфъ М. Е. III, 336, 441.
Ксенофонтовъ И. II. III, 440.
Ксенофонтовъ И. печникъ. III, 86.
Кубинцевъ Н. В. III, 443.
Кувшинскій И. П. II, 517—518. III, 230, 423.
Кувшинскій Н. П. I, 288. II, 376. III, 391.
Кудѣевскій Ѳ. Д. II, 404, 412, 417. III, 334, 400.
Кузнецовъ А. С. III, 348, 395.
Кузнецовъ Д. Л. III, 398.
Курбановскій В. Н. II, 376. III, 127, 391.
Кургановъ Ѳ. А. I, 263. III, 335, 434.
Кустодіевъ М. Л. III, 130, 429.
Кутневичъ В. И. I, 277.

Л.

Лабинъ И. А. III, 433.
Лавровъ А. М. не конч. курса. I, 192. III, 128, 213, 214, 339.
Лавровъ К. В. III, 211, 311, 406.
Лаврскій В. В. II, 379. III, 167, 203, 333, 347—348, 393.
Лазаревъ И. Я. не конч. курса. III, 339.
Лапинъ Я. Д. III, 430.
Ласточкинъ А. Г. священникъ. II, 590. III, 2, 25.
Ласточкинъ В. Г. I, 36. III, 126, 362.
Ласточкинъ Г. Г. III, 126, 160, 188, 369.
Лахинъ Н. А. III, 440.
Лебедевъ А. Е. помѣщикъ. II, 147, 522.
Лебедевъ Е. А. III, 431.
Лебедевъ І. протоіерей. II, 347.
Лебединскій не конч. курса. I, 209. III, 340.
Лебединскій Я. В. III, 311, 407.
Левашовъ А. письмоводитель. I, 273.
Лелякинъ купецъ. III, 35.
Леопольдовъ А. Я. III, 183, 309, 334, 368.
Лещинскій Ѳ. В. III, 443.

Ливановъ Θ. В. III, 128, 199, 210, 211, 264, 275, 311, 409.
Лиловъ А. И. баккалавръ. I, 113, 162, 163, 285, 317. II, 33—37, 61, 169, 189, 385, 389—391, 511, 527, 541, 585. III, 190, 279, 309, 310, 315, 332, 387.
Литвинцевъ Г. не конч. курса. III, 338.
Лихачевъ А. А. III, 387.
Ложкинъ В. А. баккалавръ. I, 101, 163, 280. II, 250—251, 375, 527 577. III, 381.
Лучининъ А. П. III, 413.
Лысенко П. не конч. курса. III, 229, 341.
Любимовъ И. В. I, 79, 288. III, 311, 367, 406.
Любимовъ И. П. III, 188, 189.
Любимовъ Θ. Θ. III, 362.
Любомудровъ С. не конч. курса. III, 224, 337.
Люцерновъ Г. священникъ. II, 162.
Люцерновъ I. Г. III, 128.
Ляпустинъ Е. А. II, 328, 522. III, 26, 307, 353.

М.

Макарій алтайскій. II, 469—471.
Макарій (Булгаковъ) митрополитъ. I, 309. II, 104, 199, 242, 245, 267, 525, 531. III, 328.
Макарій (Малиновскій) инспекторъ. I, 80—82, 96, 98—99, 301, 311, 339, 341. II, 201—202. III, 332.
Макарій (Миролюбовъ) проф. семинаріи. I, 303.
Макаровъ М. служитель. III, 85.
Максимовъ К. бывшій студ. III, 224, 341.
Максимовъ П. И. III, 288, 440.
Малаховъ И. А. III, 189, 308, 315, 363.
Малиновскій М. А. помощн. попечителя. II, 50.
Малиновскій П. бывшій студ. III, 339.
Маловъ Е. А. профессоръ. I, 286, 301, 302. II, 173, 434—435, 437, 440—443, 444, 446 — 448, 452, 457, 474 — 475, 495, 497 — 498, 501, 584, 589, 590. III, 411.
Маловъ П. В. священникъ. II, 381.
Мальховъ А. умершій студ. II, 328. III, 336.
Малышевъ К. И. бывш. студ. III, 128, 224, 341.
Мармарисовъ якутскій смотритель. I, 324.
Мартирій архимандритъ. I, 276. II, 512. III, 14, 196, 316.
Марья П. кухарка. II, 568.
Масалкинъ священникъ. I, 306—307.
Масловскій М. И. I, 142, 308. III, 320, 322, 402.
Масловскій С. В. III, 335, 387.
Матвѣичъ служитель. III, 85.

Mауринъ помѣщикъ. II, 164.
Мейеръ инженеръ. III, 35.
Мейеръ академикъ. II, 158.
Мелетій (Якимовъ) епископъ. I, 194—195, 200, 205, 207—209, 210. III, 128, 323, 340, 415—416.
Мельниковъ П. И. II, 379.
Мельниковы купчихи. I, 23. III, 17, 19, 26.
Метаніевъ А. З. I, 269. III, 443.
Микшевичъ Ю. А. проф. университета. II, 321.
Милицынъ П. бывш. студ. III, 229, 341.
Миловидовъ Г. В. III, 434.
Миловидовъ Н. К. III, 439.
Миловидовъ К. И. священникъ. I, 282. II, 519.
Миловскій И. умершій студ. III, 340.
Милославскій П. А. доцентъ. I, 264. III, 288.
Минервинъ Н. В. проф. I, 20, 30. II, 100—101, 160, 173, 174, 279, 575—577. III, 152.
Миротворцевъ В. В. проф. I, 219, 224, 268, 269, 284, 306. II, 313, 452, 457, 492—495, 498, 501, 584, 589. III, 117.
Миртовъ В. Я. бывшій студ. III, 128, 224, 340.
Миславскій А. А. III, 328, 351, 423.
Мисюревъ А. А. III, 439.
Митропольскій М. И. I, 219, 284, 322, 378—379. II, 16, 39—43, 139, 174, 580, 584, 585. III, 251.
Михайловскій В. Я. баккалавръ. I, 147, 156, 284, 292. II, 170—171, 173.
Михайловскій Г. П. III, 412.
Могилатовы дворяне. III, 203.
Моисей архимандр. I, 258, 360.
Можаровскій А. Ѳ. I, 308. II, 109. III, 425—429.
Можаровскій И. умершій студентъ. III, 340.
Молоствовъ В. П. попечитель. I, 280.
Моревъ А. В. I, 102. III, 127, 171, 387.
Морозовъ Д. священникъ. II, 347.
Морошкинъ И. А. I, 178. 363. III, 207, 264, 311, 349, 405.
Морошкинъ М. Я. баккалавръ. II, 74, 101—103, 160, 168, 173. III, 243.
Музовскій Н. В. протопресвитеръ. I, 277.
Муравьевъ А. Н. I. 309.
Муратовскій Н. И. священникъ. III, 2.
Муратовскій С. бывш. студ. III, 338.
Мусинъ-Пушкинъ попечитель. II, 7.
Мысовскій К. В. I, 147, 184, 219, 237—238. II, 44—50, 136, 547, 583, 588. III, 249, 263, 275, 281, 311, 333, 402.
Мышкинъ Н. не конч. курса. III, 338.
Мышкинъ П. П. III, 127, 309, 390.

Н.

Наркиссъ томскій инспекторъ. I, 358, 360.
Небосклоновъ К. бывшій студ. III, 224, 341.
Невоструевъ. II, 107.
Ней механикъ. II, 519—520.
Некрасовъ А. А. проф. II, 171, 313, 442, 516, 584, 591.
Ненароковъ П. С. III, 305, 443—444.
Несторъ (А. С. Метаніевъ) епископъ. II, 231. III, 382.
Никандръ тульскій ректоръ. I, 339.
Никаноръ архіепископъ варшавскій. I, 277.
Никаноръ (Бровковичъ) ректоръ. I, 251—273, 309, 374, 380. II, 241—249, 402, 508, 554—555. III, 63—66, 71, 81, 109, 117, 233—235, 242, 254, 258, 295.
Никодимъ викарій казанскій. I, 144, 145, 279, 339, 377—379. II, 15, 41, 308. III, 292.
Никодимъ уфимскій рект. I, 333—334, 349—350.
Николай епископъ тамбовскій III, 328.
Николаевъ чиновникъ. II, 164.
Никольскій А. С. II, 136. III, 311, 333, 335, 403.
Никольскій В. бывшій студ. III, 338.
Никольскій К. умершій студ. III, 339.
Никольскій П. А. III, 311, 408.
Никольскій С. Л. III, 311, 334, 406.
Нилъ архіепископъ. I, 277. II, 343, 512.
Новицкій, не конч. курса студ. I, 209. III, 340.
Новосильскій П. М. синодскій чиновникъ. I, 277.
Новосильцевъ А. В. III, 434.
Новоспасскій Р. И. III, 386.
Нурминскій С. А. III, 419.

О.

Образцовъ В. Н. I, 36. III, 362.
Огневъ В. И. III, 333, 411—412.
Ѳерецкій П. С. III, 221, 351, 422.
Олферьевъ синодскій чиновн. I, 201, 204. III, 215.
Ольховскій Ѳ. не кончившій студ. III, 341.
Ольшанскій В. А. II, 404. III, 391.
Орловъ В. А. III, 182, 262, 350, 392.
Орнатовъ Ил. А. III, 411.
Орнатскій П. И. I, 51. III, 168, 308, 358.
Осининъ профессоръ. I, 292.
Осокинъ В. I. не кончившій студ. III, 338.
Осокинъ Н. I. III, 443.
Остроумовъ А. И. III, 368.

Остроумовъ Н. П. баккалавръ. I, 264. II, 501. III, 334, 434.
Охотинъ Д. Ѳ. III, 311, 405.
Охотинъ П. протоіерей. I, 287.

П.

Павлиновъ К. И. III, 392.
Павловскій В. И. не кончившій студ. III, 128, 229, 341.
Павловъ А. С. баккалавръ. I, 161, 164, 170, 212, 322. II, 135, 173, 224, 319—327, 541, 547, 578, 584, 585. III, 188, 203, 262, 332, 343, 392.
Паисій (Пылаевъ) профессоръ. I, 73, 91, 99—103, 118, 301, 311, 321, 339. II, 72, 196, 250, 297, 314—315, 368. III, 308.
Палимпсестовъ И. I. учитель. II, 167, 523.
Палимпсестовъ П. I. проф. I, 52, 322. II, 19, 93—95, 100, 103, 558, 576. III, 277.
Палладій (П. И. Раевъ) архіепископъ. III, 309, 335, 372.
Пальмовъ Ѳ. умершій студентъ. III, 159, 338.
Пановъ П. И. III, 438.
Пантеровскій С. И. III, 385.
Парадизовъ Л. С. III, 311, 333, 408.
Парадизовъ С. А. не кончившій студ. III, 221, 225, 227, 228, 341.
Парышевъ В. ученикъ семин. I, 365.
Парѳеній ректоръ. I, 59, 97—104, 340, 355, 359, 360, 362. II, 10, 150—152, 202—203, 343, 481. III, 49, 135, 139, 161, 182, 187, 247, 256, 259, 291, 292.
Пеньковскій священникъ. II, 432.
Первушинъ И. М. III, 377.
Перекопновскій П. И. III, 442.
Перлинъ Б. А. врачъ. II, 457.
Перминовъ В. И. II, 517. III, 417.
Песке архитекторъ. III, 28, 31, 36, 40, 43.
Петонди архитекторъ. I, 10. III, 15, 16.
Петровскій В. И. III, 311, 405.
Петровъ В. И. III, 309, 334, 364
Пиксановъ А. Е. II, 328. III, 307, 354.
Пинѣгинъ В. не конч. курса. III, 338.
Платоновъ Ѳ. не конч. курса. III, 224, 340.
Платонъ рект. семинаріи. I, 10.
Плотниковъ А. не конч. курса. III, 224, 340,
Плотниковъ М. Е. III, 440.
Погодинъ Д. А. I, 36. III, 166, 307, 356.
Подаринъ И. А. не конч. курса. II, 328. III, 126, 158, 166, 337.
Покровскій-Каменскій И. Я. III, 126, 308, 318, 329, 358.
Покровскій Г. Я. III, 333, 394.
Покровскій К. И. III, 421.
Полетаевъ К. П. экономъ. I, 236.

Полетаевъ С. П. III, 128, 415.
Поликарповъ П. священникъ. I, 57. III, 28, 33, 34, 39—40.
Политовъ П. Я. II, 328. III, 308, 357.
Померанцевъ С. И. дьяконъ. I, 374. III, 71, 78.
Поповицкій Г. И. III, 387.
Поповъ А. В. проф. университета. II, 7, 162, 328, 331, 332, 334—336, 492.
Поповъ А. С. III, 127, 389.
Поповъ В. А. III, 288, 336, 440.
Поповъ Г. Ф. III, 333, 389.
Поповъ М. И. III, 128, 434.
Поповъ Н. А. III, 330, 383.
Поповъ Н. И. III, 382.
Поповъ П. А. III, 424.
Поповъ Я. Ф. II. 144, 328, 368. III, 290, 359.
Поповъ Я. И. уволенный студ. I, 192—193. III, 214, 339.
Поповъ учит. семин. I, 286.
Порфирій епископъ. I, 353—359, 360—362.
Порфирьевъ Г. Я. III, 349, 399.
Порфирьевъ И. Я. профессоръ. I, 36, 94—95, 114, 143, 234, 296. II, 58—65, 108—109, 160, 169, 174, 264, 312, 386, 421, 496, 516, 527, 541. 547, 577, 582—583, 584. III, 2, 67, 251, 259, 272, 290, 359.
Порфирьевъ И. Я. студ. I, 209. III, 414.
Поспѣловъ В. О. учит. семинаріи. II, 523.
Потоцкій Н. С. III, 413.
Потѣхинъ М. священникъ. II, 381.
Предтеченскій М. Я. баккалавръ. I, 162, 163. II, 169, 317—318.
Преловскій А. И. I, 79. III, 167, 371.
Преображенскій заводчикъ. III, 35.
Преображенскій П. И. III, 330, 375.
Прилуцкій письмоводитель. I, 373.
Прозоровскій чиновникъ. I, 344.
Промптовъ В. не конч. курса. III, 127, 338.
Промптовъ С. И. III, 417.
Протасовъ М. не конч. курса. III, 340.
Протасовъ Н. А. оберъ-прокуроръ. Св. Син. I, 5, 7, 9, 13, 19, 274, 277. II, 345. III, 4, 6, 27.
Пылаевъ И. И. III, 126, 370.
Пылаевъ Ѳ. И. I, 68. III, 126, 140, 160, 178, 318, 330, 371.
Пьянковъ В. А. III, 311, 408.
Пѣвницкій В. Е. III, 389.

Р.

Раевъ А. В. III, 369.
Разумовъ И. В. III, 359, 365—366.
Разумовъ Н. В. III, 160, 190, 191, 290, 309, 335.
Рапидовъ I. священникъ. I, 344.

Репьевъ А. П. III, 335, 419.
Робустовъ Н. А. III, 390.
Родіоновъ С. П. II, 481. III, 188, 375.
Рожанскій В. Я. баккалавръ. I, 264, 322. II, 16, 91—92. III, 411.
Рождественскій В. Г. баккалавръ. II, 50—51.
Рождественскій В. П. III, 311, 407.
Рождественскій М. не конч. курса. III, 338.
Рождественскій Н. П. баккал. I, 380. II, 43, 223, 226, 227, 229, 265—268, 311.
Рождественскій Я. Г. III, 197, 262, 269, 280, 386
Розовъ В. М. III, 383.
Розовъ Е. А. вицегубернаторъ. II, 447.
Розовъ К. С. III, 362.
Романъ (Р. Орловъ) архимандритъ. I, 81—82, 102. III, 374.
Романовъ П. И. III, 429.
Роспини механикъ. II, 520.
Ростиславовъ Д. И. профессоръ. I, 41.
Ростиславовъ учит. семин. I, 346.
Рублевскій П. Г. баккал. I, 162—163. II, 33, 37—39, 169, 254—255.
Рудинскій письмоводитель. I, 373.
Рудольфовъ Я. В. баккалавръ. I, 110, 155—157, 229—236, 322. II, 33, 132, 169, 172—174, 300—301, 305, 379, 584. III, 77, 190, 309, 310, 332, 387.
Рязановъ Г. А. III, 373.

С.

Саблуковъ Г. С. профессоръ. I, 148, 160, 162, 166, 285, 301, 302, 321, 339. II, 161—169, 172, 346, 348, 352—356, 405, 406, 408—416, 418—424, 430, 444, 453, 512, 524, 560, 574, 577, 582. III, 319.
Савватій (С. Пучковскій) іеродіаконъ. I, 55, 149. III, 28, 40, 48, 53, 71, 75—78.
Самохваловъ О. П. служитель. I, 255. III, 79—81.
Семченко Д., не конч. курса. II, 248. III, 341.
Серафимъ (Аретинскій) инспекторъ. I, 9, 13, 20, 21—22, 31—37, 70—73, 301, 303, 311, 325, 338, 369. II, 19, 53, 76, 77—78, 175—178, 190—196, 295. III, 32, 155.
Серафимъ (Протопоповъ) инспекторъ. I, 76—79, 118—124, 128, 301, 311, 321, 334—335, 339. II, 53—58, 160, 173, 174, 182—183, 201, 271, 296—297, 311, 314—315, 512, 515, 524, 533. III, 68, 101, 174, 176, 178, 180, 184, 188, 189, 194, 198—199, 200, 249, 271—272.
Серафимъ учит. семин. I, 334.
Сербиновичъ синод. чиновн. I, 277.
Сергій (Дроздовъ). I, 353. III, 375.
Сергій (Т. Г. Дубровинъ). III, 290, 361.
Сергій (уфимскій инсп.). I, 353.

Серебреникковъ купецъ. III, 14.
Сильвановъ М. не конч. курса. III, 127, 161, 339.
Синайскій учит. семин. I, 286.
Синодскій В. В. III, 433.
Скандовскій Н. А. докторъ. I, 68, 69, 70, 188. II, 8, 144—145, 158—159, 331, 522, 559, 575. III, 76—77.
Смарагдъ епископъ. I, 280. III, 328.
Смирницкій учит. сем. II, 153.
Смирновъ А. пензенск. протоіерей. I, 335.
Смирновъ А. И. I, 245. III, 431.
Смирновъ Г. Т. III, 430.
Смирновъ К. Ѳ. III, 375.
Смирновъ П. священникъ. II, 343—344.
Смирновъ-Платоновъ И. А. профессоръ. I, 9, 17, 20, 32, 40, 45, 321, 338. II, 18—22, 26, 76—77, 93, 158, 167, 174, 330, 515, 577. III, 270.
Смѣльскій И. В. III, 373.
Снегиревъ В. А. I, 244. II, 43—44. III, 335, 431.
Соболевъ рѣзчикъ. III, 38.
Соковнинъ И. не конч. курса. III, 229, 341.
Соколовъ А. В. проф. унив. II, 321.
Соколовъ А. П. III, 329, 371.
Соколовъ А. Ѳ. не конч. курса. III, 224, 341.
Соколовъ В. Г. III, 336, 439.
Соколовъ В. И. II, 404. III, 262, 343, 393.
Соколовъ Г. Д. II, 328. III, 307, 357.
Соколовъ Е. И. I, 36. III, 167, 182, 307, 354.
Соколовъ И. Е. III, 128, 430.
Соколовъ М. А. III, 128, 429.
Соколовъ Н. не конч. курса. II, 328. III, 126, 337.
Соколовъ Н. А. не конч. курса. III, 339.
Соколовъ Н. П. профессоръ. I, 52, 91, 109, 143, 148, 160, 162, 167, 284, 296, 301, 311, 316, 322, 339, 340, 353. II, 22—28, 33, 65, 174, 293—294, 305—306, 533, 558, 564, 565, 566—567, 574, 575, 582. III, 28, 48, 257, 319, 347.
Соколовъ П. Е. III, 311, 408.
Соколовъ П. П. экономъ. I, 268—269.
Сокольскій Е. М. III, 128, 430.
Солнышкинъ С. М. I, 42, 45, 372. III, 126, 305, 362.
Соловьевъ М. И. III, 430.
Софотеровъ Н. И. I, 103. II, 376. III, 127, 391.
Софроновъ учен. семин. I, 344.
Спасскій Г. умершій студ. III, 127, 339.
Спасскій К. Я. III, 308, 358.
Спасскій И. Н. не конч. курса. III, 339.
Старосивильскій А. В. III, 414.
Стекловъ А. И. I 307—308. III, 278, 330, 384.

Стефанъ ректъ. семин. I, 20.
Стефанъ инспекторъ въ Перми. I, 349—350.
Стратилатовъ И. Е. III, 158, 168, 362.
Страховъ Д. И. III, 361.
Стрепетовъ Н. не конч. курса. III, 141, 341.
Строковъ К. А. III, 368.
Студенскій Е. Ѳ. бывш. студ. III, 339.
Студенскій Н. И. бывш. студ. III, 128, 224, 341.
Студенцовъ С. дьяконъ. III, 28, 33.
Стуковъ Я. И. III, 413.
Стурдза А. С. I, 277, 282. II, 513.
Субботинъ Д. протоіерей. I, 351.

Т.

Талантовъ Ф. Т. протоіерей. I, 10, 15, 277.
Теренинъ штабъ-ротмистръ. I, 6, 10—11.
Терещенко А. В. II, 164—166.
Терновскій А. не конч. курса. III, 338.
Терсинскій В. Г. I, 308. III, 402.
Тимоѳеевъ В. Т. священникъ I, 320. II, 412, 424, 429—432, 433, 435—437, 440, 444, 446, 460, 462, 463, 465, 470—471, 473, 501.
Тиховидовъ священникъ. II, 348.
Тиховъ-Александровскій И. К. II, 404. III, 335, 389.
Тиховъ И. Ѳ. III, 128, 421.
Тихомировъ смотр. училища. I, 338.
Тихомировъ Д. И. III, 420.
Тихонравовъ смотрит. учил. I, 353.
Тихонъ (Клитинъ) баккалавръ. II, 189.
Толстой А. П. оберъ-прокуроръ Св. Синода. I, 142, 146, 199, 203—204, 206, 211, 226. II, 121, 389, 501, 508. III, 58, 101.
Толстой Д. А. оберъ-прокуроръ Св. Синода II, 16, 43, 424, 460, 461—462, 466—467, 470, 588.
Тороповъ I. священникъ. II, 347.
Трескинскій В. И. III, 350, 411.
Третьяковъ Я. И. I, 103. III, 334, 388.
Троицкій Д. И. III, 441.
Троицкій Н. М. III, 128, 415.
Троянскій А. С. II, 386. III, 310, 333, 398.
Тупицынъ Н. мѣщанинъ. III, 26.
Турминскій П. А. не конч. курса. I, 118. II, 404. III, 127, 161, 339.
Тютюковъ И. П. III, 311, 407.

У.

Уваровъ С. С. министръ. I, 277.
Урусовъ С. Н. князь. I, 143, 280. II, 416, 430, 440.

Успенскій К. С. III, 376.
Ухтомскій кн. II, 430, 464.
Ушенскій М. В. II, 29, 52, 328. III, 154, 308, 358.
Ушнурскій Г. не конч. курса. III, 229, 341.

Ф.

Фадѣева сарат. губернаторша. II, 164.
Фальковъ Е. С. экономъ. I, 154—155, 189—190. II, 90. III, 77.
Феликсовъ И. И. I, 36. III, 307, 356.
Филаретъ (Гумилевскій) архіепископъ. I, 145. II, 104. III, 329.
Филаретъ м. кіевскій. I, 32, 277. III, 20.
Филаретъ м. московскій. I, 105, 124—126, 167—168. 193, 194.... 206—208, 209, 211, 213, 277, 357—358, 364. II, 121, 512, 588. III, 213.
Филаретъ арх. нижегородскій. I, 309.
Филаретъ (Филаретовъ) инспекторъ. I, 183—190, 301, 339, 341. II, 236, 272—274, 318. III, 207—210.
Филаретъ экономъ. I, 110—111, 148—154. III, 58, 69, 77, 102.
Филимоновъ А. Н. III, 309, 334, 376.
Филоѳей м. кіевскій. I, 27.
Флоринъ Ѳ. Т. не конч. курса. III, 94, 155, 157, 336.
Фортунатовъ Я. И. I, 305. II, 376, 415. III, 335, 349, 394.
Фотій (Щиревскій) инспекторъ. I, 73—76, 80, 282, 301, 311, 321, 338, 369. II, 19, 53, 76, 196—201, 311, 331. III, 173—174, 189, 260, 331.
Франкъ врачъ. I, 20. III. 8.
Френъ академикъ. II, 166.

Х.

Херувимовъ К. П. III, 442.
Хитровскій А. М. III, 411.
Хитровъ П. В. I, 75, 79. III, 364.
Холмогоровъ М. С. профессоръ. I, 9. II, 51—53, 160, 515. III, 9.
Хорошавинъ І. А. III, 329, 379.
Хрисанѳъ (Ретивцевъ) профессоръ. I, 143, 164, 285. II, 40, 189, 232, 236, 255—265, 274, 304, 516, 547, 583. III, 225—226, 243, 282—283.
Христофоръ еписк. ревельскій. III, 328, 329.
Христофоровъ И. Я. III, 414.
Хрусталевъ А. Г. I, 294. III, 334, 365.

Ц.

Царевскій В. М. III, 316, 384.
Цареградскій Н. А. III, 290, 360.
Цареградскій Н. П. III, 370.
Цвѣтаевъ Г. не конч. курса. III, 338.
Цвѣтковъ Ал. С. III, 390.

Цвѣтковъ Арк. С. I, 259. III, 439.
Цвѣтковъ письмоводитель. I, 373.
Цеймернъ чиновн. II, 164, 166.
Целерицкій письмоводитель. I, 373.
Церетелли I. О. III, 386.
Цискаровъ С. П. I, 102. III, 127, 386.

Ч.

Чаленковъ А. В. III, 384.
Чарушинъ купецъ. III, 71, 115—116.
Чемезовъ помѣщикъ. II, 524.
Чемодановъ Т. I. III, 307, 357.
Червлянскій Н. Ѳ. III, 141, 442.
Черемухинъ М. И. III, 127, 392.
Черниковъ инженеръ. III, 28.
Чернышовъ М. не конч. курса. III, 129.
Черняевъ А. М. дьяконъ. I, 230.
Чесноковъ С. О. не конч. курса. III, 128, 339.
Чудновскій П. И. III, 440.

Ш.

Шавровъ Е. А. I, 361. III, 311, 406.
Шамшуринъ А. письмоводитель. I, 373.
Шашковъ С. С. не конч. курса. I, 209. II, 64, 109, 340.
Шестаковъ П. Д. попечитель. II, 424, 467.
Шиллегодскій Н. А. III, 330, 384.
Шиловскій С. не конч. курса. III, 127, 265, 339.
Шиловскій С. протоіерей. II, 164.
Шиповъ С. П. генералъ-губернаторъ. I, 6, 277. III, 27, 29, 31.
Шишовъ И. А. III, 310, 320—322, 402.
Шмидтъ ботаникъ. II, 153.
Шумиловскій И. И. III, 442.

Щ.

Щапковъ учит. семинаріи. I, 303.
Щаповъ А. П. баккалавръ. I, 114, 195—199, 202—203, 207, 210, 317—318. II, 33, 61, 109—110, 113, 114—136, 137, 224, 379, 392, 396, 397, 480, 486, 527, 541, 542, 567. III, 197, 243, 245—246, 265, 279, 280, 287, 309, 310, 315, 332, 387.
Щаповъ С. П. I, 69. II, 131, 328. III, 158, 338.

Э.

Эдемовъ В. Е. III, 127, 392.
Эрастовъ П. Д. III, 167, 385.

Bayerische Staatsbibliothek München

Ю.

Ювенскій И. И. III, 311, 410.
Юрьевъ И. не конч. курса. III, 305, 341.
Юркевичъ М. А. III, 341.
Юшковъ А. Н. не конч. курса. III, 339.

Я.

Ядринъ В. дьяконъ. III, 28.
Ясницкій А. Д. I, 234, 280. II, 409, 410. III, 2, 368.
Ястребовъ Г. не конч. курса. III, 338.
Ястребовъ И. С. II, 436. III, 351, 420.
Ястребовъ М. И. III, 371.
Яхонтовъ I. не конч. курса. I, 194—195, 200, 205, 207—209, 340.

Ѳ.

Ѳаворскій Ѳ. А. III, 157, 307, 329, 355.
Ѳедоровъ И. булочникъ. III, 168.
Ѳедора учительница. II, 462.
Ѳеогностъ арх. вологодскій. III, 328.
Ѳеодоръ (Бухаревъ) инспекторъ. I, 124—136, 142, 176—180, 301, 321, 339, 341. II, 185, 205—221, 229—230, 271—272, 276, 388—389, 533. III, 124, 175, 182, 187, 200—201, 203, 205, 206, 207, 242, 261—262.
Ѳеодотій еписк. симбирскій. I, 287, 351—352.
Ѳеофилъ нижегор. ректоръ. I, 352—353.
Ѳома служитель. III, 85.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Стр.	Строк.	Напечатано:	Нужно:
4	13	въ 1856 г.	къ 1856 г.
41	10	прилегалѣ	прилегалъ
48	24	1851 года.	1852 года.
161	10	Н. Турминскій	П. Турминскій
283	29	состояли только въ слушаніи	состояли въ слушаніи
296	7	преподаваемо	преподаваемо студентамъ
303	34	монгольскихъ	монгольскимъ
341	5	о П. П. Гвоздевѣ слѣдуетъ дополнить, что въ настоящее время онъ директоръ гимназіи въ г. Бѣломъ.	
430	22	Еплъ Михаиловичъ	Евплъ Михаиловичъ

БИБЛІОТЕКИ
КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

14р. 50к.

1.4р. 50к.

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Znamenskij, Petr Vasilʹevič,

Istorija Kazanskoj duchovnoj Akademii za pervyj <doreformennyj> period eja suščestvovanija <1842 - 1870 gody.>

Bd.: 3

1892

H.lit.p. 638 d-1/3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11618999-6